25/10981
7. XII. 1911.

Александру Алексеевичу
Шалимову
на добрую память
от переводчика

А. Мейе

Профессоръ Collège de France.

Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ.

Переводъ проф. Д. Кудрявскаго,

просмотрѣнный и дополненный авторомъ.

Tartu Riikl'ku Ülikooli
Raamatukogu
193223

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1911.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1911 г.

Est-A
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
15406

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе автора къ русскому переводу VII
Предисловіе переводчика VIII
Предисловіе къ первому изданію (1903). 1
Предисловіе ко второму изданію (1908). 5
Сокращенія 7
Транскрипція 9

Глава первая.

Методъ (17—43).

Что такое индо-европейскіе языки 17

I. Общія положенія.
1. Единичность лингвистическихъ явленій 18
2. Лингвистическая непрерывность 20
3. Закономѣрность развитія языковъ. 26

II. Приложеніе общихъ принциповъ къ опредѣленію индо-европейскаго языка.
1. Опредѣленіе понятія „индо-европейскіе языки“ 34
2. „Возстановленіе“ индо-европейскаго языка 36

Глава вторая.

Индо-европейскіе языки (44—64).

I. Индо-иранская группа 47
II. Греческая группа 51
III. Итало-кельтская группа 53
IV. Германская группа 55
V. Балтійско-славянская группа 57
VI. Албанская группа 60
VII. Армянская группа. 60

Глава третья.

Фонетика (65—119).

I. Звуки 65
1. Взрывные и спиранты 65

Стр.
2. Собственно гласные звуки 77
3. Сонанты 83
II. Слогъ 101
III. Слово и предложеніе. Удареніе 111

Глава четвертая.

Принципы морфологіи (120—159).

I. Общія замѣчанія 120
II. Чередованіе звуковъ. 126
A. Чередованіе гласныхъ 126
B. Чередованіе согласныхъ 138
III. Форма морфологическихъ элементовъ 143
1. Форма корней 143
2. Суффиксы 150
3. Окончанія 153
IV. Части рѣчи. 154

Глава пятая.

Глаголъ (160—209).

A. Общія замѣчанія 160
B. Образованіе и значеніе глагольныхъ основъ 162
1. Временныя основы 162
2. Основы наклоненій 184
C. Спряженіе глаголовъ. 187
a. Окончанія 187
b. Вокализмъ элемента, предшествующаго окончанію 196
c. Мѣсто ударенія 199
d. Приращеніе 201
e. Значеніе глагольныхъ формъ 202

Глава шестая.

Имя (210—300).

A. Существительныя и прилагательныя 210
a. Образованіе основъ 211
b. Склоненіе. 245
B. Мѣстоименія указательныя и др. 275
a. Основы 276
b. Склоненіе. 280
C. Личныя мѣстоименія 283
D. Употребленіе формъ склоненія 288
E. Слова неизмѣняемыя 296

Глава седьмая.

Предложеніе (301—321).

Простое предложеніе 301
1. Общія замѣчанія 301
2. Именное и глагольное предложеніе 302

Стр.
3. Согласованіе 308
4. Порядокъ словъ и употребленіе ударенія 310
5. Предложенія отрицательныя и вопросительныя 315
II. Соединеніе нѣсколькихъ предложеній 316

Глава восьмая.

Словарь (322—354).
1. Корни 327
2. Отдѣльныя слова 332
A. Названія родства 332
B. Имена животныхъ и растеній 335
C. Названія, касающіяся религіи 341
D. Названія нѣкоторыхъ вещей 343
E. Части тѣла 346
F. Числительныя 350

Глава девятая.

Развитіе индо-европейскихъ діалектовъ 355

Заключеніе 372

Приложенія:

I. Очеркъ развитія сравнительной грамматики 379
II. Библіографическія указанія 409

Указатель 426

Замѣченныя опечатки.

Стр. 56,15 читай: Датскій; стр. 87,11 читай: (pr̥tanā)yáti; стр. 95, въ таблицѣ, въ графѣ скр., въ 3-ей строкѣ читай: r̥; стр. 96,21 читай: скр. vr̥kaḥ; стр. 253,31 читай *-en-i,; стр. 321,7 читай: υἱός; стр. 337,24 читай: дор. χᾱ́ν.

Предисловіе автора къ русскому переводу.

Русскій переводъ сдѣланъ съ второго французскаго изданія, при чемъ были приняты во вниманіе поправки, внесенныя въ нѣмецкій переводъ, появившійся въ 1909 году. Сверхъ того, въ особенности къ концу книги, авторомъ внесено довольно значительное число исправленій, которыя появятся въ третьемъ французскомъ изданіи, приготовляемомъ теперь къ печати. Наконецъ, нѣкоторое число поправокъ было указано русскимъ переводчикомъ, которому я приношу свою благодарность.

Парижъ 21/8 февр. 1911. **А. Мейе.**

Предисловіе переводчика.

Желая дать русскимъ читателямъ руководство, вводящее въ область сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, я остановился на превосходной книгѣ проф. А. Мейе (A. Meillet. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Deuxième édition corrigée et augmentée. Paris 1908.) Авторъ не только любезно разрѣшилъ перевести эту книгу, но даже взялъ на себя трудъ просмотрѣть въ корректурѣ переводъ и сообщить поправки и дополненія къ тексту. Пользуюсь здѣсь случаемъ, чтобы выразить автору свою глубокую благодарность за его помощь.

Юрьевъ (Дерптъ) 12. II. 1911.

Д. Кудрявскій.

Предисловіе къ первому изданію (1903).

Книга эта имѣетъ очень скромную задачу: указать вкратцѣ соотвѣтствія, наблюдаемыя между различными индо-европейскими языками, и тѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи этихъ соотвѣтствій.

Она не предназначена для лицъ, знакомыхъ съ сравнительной грамматикой индо-европейскихъ языковъ: они не найдутъ въ ней ни новой идеи, ни новыхъ фактовъ. Она представляетъ лишь обзоръ структуры индо-европейскаго языка въ томъ видѣ, въ какомъ вскрываетъ ее сравнительная грамматика.

Знакомство съ санскритомъ полезно для того, чтобы имѣть хотя поверхностный взглядъ на предметъ, и тотъ, кто захотѣлъ бы пойти нѣсколько далѣе въ изученіи сравнительной грамматики, уже не можетъ обойтись безъ санскрита, какъ не можетъ обойтись безъ греческаго языка; но для чтенія настоящаго труда знакомство съ санскритомъ не необходимо, и хотя, конечно, приходилось приводить факты изъ различныхъ языковъ индо-европейской семьи, авторъ старался сдѣлать изложеніе доступнымъ каждому читателю, знакомому съ греческимъ языкомъ.

Очеркъ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ не есть сочиненіе по общей лингвистикѣ: поэтому общіе принципы лингвистики изложены здѣсь лишь въ той мѣрѣ, въ какой это оказывалось необходимымъ, и ихъ можно было бы даже и вовсе не касаться, если бы существовало хорошее пособіе по этому предмету.

Задачу книги составляетъ единственно изложеніе спеціальныхъ характерныхъ чертъ опредѣленной семьи язы-

ковъ, при чемъ не имѣлось въ виду прослѣдить развитіе того или другого индо-европейскаго языка: изложеніе этой исторіи составляетъ задачу частныхъ сравнительныхъ грамматикъ индо-иранскаго, греческаго, латинскаго, германскаго и другихъ языковъ; здѣсь имѣются въ виду только соотвѣтствія между различными языками этой семьи.

Эта книга не представляетъ также грамматики индо-европейскаго языка: онъ неизвѣстенъ, и соотвѣтствія между отдѣльными языками представляютъ единственное реальное явленіе, которымъ занимается сравнительная грамматика. Она не задается цѣлью возсоздать индо-европейскій языкъ, а имѣетъ въ виду, опредѣляя указываемые соотвѣтствіями общіе элементы, выяснить, что́ въ каждомъ исторически засвидѣтельствованномъ языкѣ является продолженіемъ древней формы языка и что́ представляетъ результатъ собственнаго оригинальнаго развитія. Еще менѣе имѣетъ въ виду сравнительная грамматика объяснять индо-европейскій языкъ: ни одинъ изъ извѣстныхъ методовъ не даетъ для объясненія индо-европейскаго языка ничего кромѣ недоказуемыхъ предположеній.

Всѣ гипотезы, касающіяся образованія морфологической системы индо-европейскихъ языковъ, оставлены здѣсь въ сторонѣ, и не представлялось полезнымъ упоминать даже о тѣхъ изъ нихъ, которыя можно было бы считать наименѣе сомнительными: тотъ, для кого важны научная достовѣрность и точность изслѣдованія, долженъ въ подобныхъ вопросахъ прежде всего имѣть сознаніе, что онъ многаго не знаетъ.

Я старался также не примѣшивать къ точнымъ проблемамъ и достовѣрнымъ результатамъ лингвистики темные вопросы о расѣ, религіи и обычаяхъ народовъ индо-европейскаго языка: эти вопросы не могутъ быть съ успѣхомъ изслѣдуемы при помощи тѣхъ же или аналогичныхъ методовъ, какъ и вопросы сравнительной грамматики.

При такомъ ограниченіи многимъ читателямъ можетъ показаться, что предметъ нашего изложенія имѣетъ очень небольшой интересъ; и тѣмъ не менѣе онъ громаденъ. Дѣйствительно, нѣтъ ниодного соціальнаго явленія, которое было бы столь же всеобщимъ и существеннымъ, какъ языкъ; нѣтъ другого проявленія человѣческаго духа, въ которомъ бы отражалась такъ полно, такъ тонко и такъ разнообразно вся

дѣятельность человѣка. Поэтому соціологъ и психологъ должны имѣть точное представленіе о лингвистикѣ, и индо-европейская семья языковъ, лучше всѣхъ другихъ изученная и при томъ самая важная, можетъ дать имъ наиболѣе поучительныя иллюстраціи. Но извлечь изъ нихъ какую-бы то ни было пользу возможно только въ томъ случаѣ, если точно будетъ отдѣлено то, что принадлежитъ всѣмъ языкамъ этой семьи, отъ того, что является результатомъ самостоятельныхъ нововведеній каждаго отдѣльнаго языка. Грамматикъ, изучающій какой-либо индо-европейскій языкъ, если онъ не знаетъ сравнительной грамматики, долженъ ограничиться простымъ констатированіемъ фактовъ, не пытаясь дать имъ объясненіе, такъ какъ иначе онъ рискуетъ объяснять причинами, лежащими въ данномъ языкѣ, и его особенностями такіе факты, которые древнѣе этого языка и происходятъ отъ совершенно другихъ причинъ. Занимающійся греческимъ языкомъ можетъ, напримѣръ, отмѣтить существованіе формы ἐστι „есть“ рядомъ съ εἰσι „суть“, но онъ не имѣетъ средства объяснить отношеніе этихъ двухъ формъ; онъ можетъ замѣтить чередованіе εν, ον и α въ словахъ τενῶ „буду тянуть“, τόνος „натяженіе“, τατός „натянутый“, но онъ не можетъ дать этому явленію никакого толкованія. Очевидно, что грамматикъ имѣетъ право не знать сравнительной грамматики только въ томъ случаѣ, если онъ способенъ ограничиться наблюденіемъ голыхъ фактовъ, никогда не дѣлая попытки ихъ понять.

Такимъ образомъ въ элементарныхъ изложеніяхъ, вводящихъ въ изученіе сравнительной грамматики, чувствуется настоятельная потребность. V. Henry удовлетворилъ эту потребность французской публики для языковъ, пользующихся наибольшимъ распространеніемъ, своими Précis de grammaire comparée du grec et du latin — съ одной стороны и de l'anglais et de l'allemand — съ другой. Оставалось еще дать общій очеркъ, который позволилъ бы обозрѣть всю группу индо-европейскихъ языковъ, не останавливаясь спеціально на отдѣльныхъ языкахъ, ее составляющихъ: это и составляетъ задачу нашей книги.

Какъ и во всякомъ другомъ языкѣ, различныя части лингвистической системы индо-европейскаго языка составляютъ одно цѣлое, въ которомъ все связано; эту то стройную связность и слѣдуетъ понять прежде всего. Изложеніе

сравнительной грамматики не можетъ служить справочной книгой, подобно описательной грамматикѣ; оно должно быть прочитано отъ начала до конца, и невозможно извлечь какую-нибудь пользу изъ чтенія одного отдѣльнаго отрывка. Требовать отъ сравнительной грамматики объясненія какой-либо трудной подробности отдѣльнаго языка, не зная точно, въ чемъ строй этого языка отличается отъ индо-европейскаго строя, — это уже значитъ не понимать дѣла. Каждая черта индо-европейскаго языка анализирована въ нашей книгѣ какъ только возможно точно, но она имѣетъ свой смыслъ только въ томъ цѣломъ, часть котораго она составляетъ.

Кромѣ необходимости обнять большую массу фактовъ, сравнительная грамматика представляетъ еще и другое, техническое затрудненіе: въ разбираемыхъ формахъ нужно всегда имѣть въ виду только ту сторону, о которой идетъ рѣчь, не обращая вниманія на всѣ другіе многочисленные вопросы, могущіе возникнуть по поводу этихъ же формъ. Если, напримѣръ, греческое λείπω, литовское lëkù и латинское linquō „оставляю“ приводятся съ точки зрѣнія конечнаго гортаннаго звука корня, то слѣдуетъ обращать вниманіе только на соотвѣтствіе греческаго π литовскому k и латинскому qu, не обращая въ данный моментъ вниманія на различіе образованія и вокализма греческой и литовской формы настоящаго времени съ одной стороны и латинской съ другой. Лица, владѣющія сравнительной грамматикой, въ подобныхъ случаяхъ могутъ быстро представить себѣ всѣ подробности этихъ формъ и ихъ разновидностей, начиная съ индо-европейскаго періода; начинающіе и тѣ лица, которыя хотятъ ограничиться элементарными свѣдѣніями, должны сосредоточить свое вниманіе на изучаемой части слова, оставляя въ сторонѣ все остальное: это замѣчаніе особенно важно имѣть въ виду при чтеніи такого сочиненія общаго характера, какъ наше, такъ какъ мы не имѣли возможности оправдывать въ подробностяхъ приводимыя сопоставленія и объяснять тонкія особенности того или другого языка.

Задача изложенія столь сложныхъ и столь тонкихъ явленій была бы для автора невыполнима, если бы его учителя своими лекціями не облегчили ея: Michel Bréal своими книгами и своимъ блестящимъ преподаваніемъ въ Collège de France сумѣлъ возбудить во французскомъ обществѣ инте-

ресъ къ сравнительной грамматикѣ и постоянно поддерживаетъ его; покойный Abel Bergaigne и его выдающійся преемникъ Victor Henry установили преподаваніе сравнительной грамматики въ Парижскомъ Университетѣ; наконецъ, болѣе всего авторъ старался усвоить и воспроизвести точное и систематическое ученіе Ferdinand'a de Saussure'a и его строгій методъ: тѣ, кто имѣли счастіе слушать его лекціи или размышлять надъ его слишкомъ немногочисленными печатными работами, легко замѣтятъ все то, чѣмъ эта книга обязана ему. Авторъ пользовался безъ стѣсненія богатымъ, провѣреннымъ и классифицированнымъ матеріаломъ и здравыми мыслями Grundriss'a Brugmann'a и Delbrück'a. Если эта книга способна сослужить какую либо службу, то она обязана главнымъ образомъ указаннымъ ученымъ.

Въ изложеніе не вставлено ни одного библіографическаго указанія; спорныхъ вопросовъ авторъ по возможности избѣгалъ и старался держаться тѣхъ результатовъ, которые должны быть признаны всѣми. Въ приложеніи прибавленъ краткій очеркъ исторіи сравнительной грамматики, необходимый для пониманія того, какъ сложилась эта наука, и рядъ библіографическихъ указаній.

Друзья автора любезно согласились удѣлить часть своего драгоцѣннаго времени на совѣты во время обработки рукописи этого сочиненія, а также на чтеніе корректуръ: да будетъ позволено автору поблагодарить за содѣйствіе, цѣну котораго онъ одинъ только знаетъ, V. Henry, своихъ друзей и товарищей, P. Boyer и M. Grammont и, наконецъ, двухъ молодыхъ лингвистовъ, уже проявившихъ свои блестящія способности, гг. R. Gauthiot и J. Vendryes.

Предисловіе ко второму изданію.

Работа сохраняетъ тотъ же общій характеръ; но въ нее внесено много мелкихъ поправокъ, и ни одна страница не представляетъ простой перепечатки перваго изданія. Авторъ, конечно, старался согласовать текстъ съ послѣдними открытіями, исправить ошибки, которыя были ему указаны и ко-

торыя онъ самъ замѣтилъ, и улучшить редакцію текста болѣе точной формулировкой.

Морфологія для большей ясности раздѣлена на три главы. Нѣсколько примѣровъ и мелкихъ подробностей, не имѣющихъ общаго значенія, были исключены: въ настоящее время, когда появилось въ полномъ видѣ и въ переволѣ на французскій языкъ Abrégé de grammaire comparée Бругманна, легко получить свѣдѣнія обо всѣхъ важнѣйшихъ подробностяхъ индо-европейскаго языка; задача настоящаго труда — дать только общій очеркъ лингвистической системы индо-европейскаго языка.

Прибавлена новая глава: Развитіе индо-европейскихъ діалектовъ; она не обширна, но, быть можетъ, достаточна для того, чтобы показать, въ какомъ направленіи развивались языки этой семьи. Главная задача сравнительной грамматики — понять засвидѣтельствованныя формы. Поэтому, сочиненіе, говорящее объ индо-европейскомъ языкѣ должно возбудить интересъ къ работамъ, въ которыхъ изложена исторія каждаго отдѣльнаго языка и каждой группы сохранившихся языковъ. Кромѣ того, замѣчательное явленіе, на которое слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего, — это параллелизмъ развитія индо-европейскихъ языковъ.

Ноябрь 1907 года.

Сокращенія.

Въ работахъ по сравнительной грамматикѣ, гдѣ приходится ставить рядомъ слова, принадлежащія различнымъ языкамъ, принято передъ каждымъ цитируемымъ словомъ ставить сокращеніе имени языка, къ которому оно принадлежитъ; эти легко понятныя сокращенія, конечно, никогда не затруднятъ читателя; главныя изъ нихъ слѣдующія:

алб. — албанскій
англ. — англійскій
арм. — армянскій
атт. — аттическій
балт. — балтійскій
беот. — беотійскій
вед. — ведическій
вр.-нѣм. — верхне-нѣмецкій
гал. — галльскій
гат. — гатскій
герм. — германскій
гом. — гомеровскій
гот. — готскій
гр. — греческій
дор. — дорическій
зд. — зендскій (языкъ Авесты)
и.-е. — индо-европейскій
иран. — иранскій
ирл. — ирландскій
исл. — исландскій
іон. — іоническій
кельт. — кельтскій
кимр. — кимрскій
лат. — латинскій
лесб. — лесбосскій
лит. — литовскій
нѣм. — нѣмецкій
осск. — осскій
перс. — персидскій
пол. — польскій
пракр. — пракритскій
прус. — прусскій
сакс. — саксонскій.
скр. — санскритскій
сл. — славянскій
умбр. — умбрскій
фр. — французскій
чеш. — чешскій
эол. — эолійскій

Сокрашеніе др., поставленное передъ другимъ сокращеніемъ, значитъ „древне-“; такъ др.-сл. значитъ „древне-сла-

вянскій“, др.-прус. — „древне-прусскій“; сред. значитъ „средне-“.

Нѣтъ надобности объяснять подробно такія сокращенія, какъ им. п. для обозначенія „именительнаго падежа“, аор. — „аористъ“ и т. под.

Сокращеніе ср. значитъ „сравни“.

Пѣсни Гомеровскихъ поэмъ обозначаются буквами греческаго алфавита, прописными А, В, Г, Δ и т. д. — пѣсни Иліады, а строчными α, β, γ, δ и т. д. — пѣсни Одиссеи.

Звѣздочка * всегда обозначаетъ форму возстановленную для ясности изложенія, но не засвидѣтельствованную, напримѣръ, индо-европейскую, пра-греческую (или обще-греческую) и т. д.

Маленькая черточка, поставленная передъ формою или послѣ нея, показываетъ, что эта форма приведена не въ полномъ видѣ, такъ скр. syāt „онъ былъ бы“ есть полное слово, но мы напишемъ s- для обозначенія ея корня, -yā- для суффикса и -t для окончанія.

Транскрипція.

Обыкновенно въ лингвистическихъ сочиненіяхъ слова всѣхъ другихъ языковъ кромѣ греческаго приводятся не въ ихъ туземныхъ алфавитахъ, а въ транскрипціи.

Необходимо, поэтому, точно опредѣлить принятые въ нашей книгѣ способы транскрипціи.

Главное затрудненіе въ транскрибированіи заключается въ слѣдующемъ: звукъ есть настолько сложное и тонкое явленіе, что одинъ знакъ не можетъ передать точно его значенія. Такъ напр. латинское t обозначаетъ глухой взрывный зубной звукъ, а латинское d — звонкій взрывный зубной, и можно условиться употреблять знаки t и d только въ этомъ смыслѣ; но соприкосновеніе кончика языка съ небомъ, характеризующее t и d можетъ быть произведено въ весьма различныхъ мѣстахъ, начиная отъ зубовъ до свода твердаго нёба; можно условиться обозначать знаками t и d зубные звуки, для произведенія которыхъ затворъ образуется болѣе или менѣе близко къ алвеоламъ (корнямъ) верхнихъ зубовъ, и діакритическимъ знакомъ ṭ и ḍ обозначать зубные звуки, образуемые сзади, но и это опредѣляетъ мѣсто артикуляціи звука довольно грубо. Гласный звукъ слѣдующій за t, можетъ начинаться тотчасъ послѣ взрыва или можетъ быть отдѣленъ отъ взрывнаго звука болѣе или менѣе продолжительнымъ придыханіемъ: разница между тѣмъ и другимъ будетъ обозначаться, но всегда безъ болѣе точнаго указанія, знаками t и th. Буквы никогда не обозначаютъ непосредственно степень напряженія артикуляціи.

По отношенію къ древнимъ языкамъ, съ которыми сравнительная грамматика по преимуществу имѣетъ дѣло, вопросъ

транскрипціи ставится иначе. Дѣйствительно, произношеніе этихъ языковъ неизвѣстно съ тою же точностью, какъ произношеніе живого языка, и если мы хотимъ держаться фактовъ, не влагая въ нихъ своего толкованія, то транскрипція должна просто передавать туземный алфавитъ, не прибавляя и не выкидывая ничего: транскрипціи, принятыя нами, соотвѣтствуютъ этому общему принципу; онѣ заключаютъ въ себѣ минимумъ толкованія и потому позволяютъ возстановить оригинальное написаніе.

Но транскрипціи не были созданы по одной установившейся системѣ и одинаково для всѣхъ языковъ, вслѣдствіе чего произошли самыя досадныя и странныя несоотвѣтсвія: въ транскрипціи армянскаго языка знакъ c употребляется для обозначенія глухой зубной аффрикаты (русск. ц) и знакъ č для соотвѣтствующей палатальной аффрикаты (русск. ч); наоборотъ въ транскрипціи санскрита знакъ c обозначаетъ звукъ тождественный не со славянскимъ ц, а со славянскимъ ч. Буква y почти всюду обозначаетъ согласное i, но въ литовской орѳографіи она имѣетъ значеніе долгаго гласнаго ī. И такъ во многихъ случаяхъ.

Наконецъ, лингвисты еще не пришли къ окончательному соглашенію, и для одного и того же языка существуютъ различныя въ подробностяхъ транскрипціи. Здѣсь приняты тѣ транскрипціи, которыя употребляются въ лучшихъ руководствахъ даннаго языка и обычны во Франціи. Международное соглашеніе по этому вопросу настоятельно необходимо и, повидимому, легко возможно.

Санскритъ.

Санскритскій алфавитъ — силлабическій, но гласные обозначаются въ немъ настолько точно, что его безъ затрудненій можно передать латинскими буквами. Употребляемая нами система въ основѣ своей представляетъ систему, рекомендованную IX-тымъ Конгрессомъ Оріенталистовъ (въ Женевѣ) и принятую повсюду; отличіе нашего обозначенія отъ этой системы имѣютъ второстепенное значеніе (они частію указаны въ скобкахъ):

Гласные короткіе: a, i, u, r̥ (ṛ). l̥.

Гласные долгіе: ā, ī, ū, r̥̄.

Древніе дифтонги съ краткимъ первымъ элементомъ: e, o (произносимые всегда какъ долгіе ē, ō).

Дифтонги съ первымъ долгимъ элементомъ: ai, au (т. е. āi, āu).

Согласные сонанты: y, v, r, l (это — согласные, которые соотвѣтствуютъ гласнымъ i, u, r̥, l̥; но v уже не есть согласное u, но губозубной спирантъ, какъ и [русское в]); ведическій языкъ имѣетъ также l̤ (какуминальное).

Взрывные:	Глухіе	Глухіе придых.	Звонкіе	Звонкіе придых.	Носовые
Губные	p	ph	b	bh	m
Зубные	t	th	d	dh	n
Какуминальные (или церебральные)	ṭ	ṭh	ḍ	ḍh	ṇ
Гортанные	k	kh	g	gh	ṅ
Аффрикаты:					
Палатальные	c	ch	j	jh	ñ

(произносятся какъ шипящіе: č, čh, ǰ, ǰh).

Три спиранта артикулируются приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и взрывные зубные, какуминальные и палатальные: s, ṣ, ç (послѣдній звукъ обозначается знакомъ ś въ предложеніяхъ Конгресса Оріенталистовъ); ṣ и ç — звуки шипящіе, какъ š.

Санскритское h не есть глухое придыханіе, но представляетъ звонкую артикуляцію гортани. Наоборотъ, ḥ есть глухое придыханіе; спиранты передъ паузой всегда переходятъ въ ḥ: поэтому каждый конечный спирантъ въ словахъ, приводимыхъ отдѣльно будетъ обозначаться знакомъ ḥ.

Знакомъ ṃ обозначается носовой звукъ безъ опредѣленной артикуляціи полости рта, производимый, безъ сомнѣнія, по большей части при артикуляціи предшествующаго гласнаго.

Языкъ Авесты и древне-персидскій.

Письмо текстовъ Авесты — буквенное: въ основѣ его лежитъ древній пехлевійскій алфавитъ, представляющій не что иное, какъ разновидность арамейскаго алфавита, но большинство знаковъ, кромѣ своей древней формы, имѣютъ нѣсколько измѣненныя формы, служащія частію для обозначенія всякаго рода оттѣнковъ гласныхъ звуковъ, которые въ пех-

левійскомъ алфавитѣ и въ первоначальной записи Авесты обыкновенно вовсе не обозначались, частію для обозначенія подробностей артикуляціи согласныхъ звуковъ; для нѣкоторыхъ знаковъ невозможно точно опредѣлить, какую атрикуляцію они обозначали.

Особыми знаками обозначаются слѣдующіе гласные звуки: a, ā, i, ī, u, ū, e, ē, o, ō (разница между e и ē, o и ō не заключается въ количествѣ); ə, ə̄ (звуки въ родѣ франц. e muet); ą (носовое a); å (звукъ въ родѣ дифтонга āo съ первымъ долгимъ элементомъ).

Система согласныхъ:

	Взрывные глухіе	Взрывные звонкіе	Спиранты глухіе	Спиранты звонкіе	Носовые
Губные	p	b	f	w	m
Зубные	t	d	θ	ð	n
Гортанные	k	g	x	γ	ṅ

Къ этому нужно добавить: t̰, видъ звука t, употребляемый только въ концѣ слоговъ передъ согласными и въ особенности въ концѣ словъ; палатальныя аффрикаты č, ǰ, съ соотвѣтствующимъ носовымъ ń; спиранты

	глухіе	звонкіе
свистящіе	s	z
шипящіе	š (нѣсколько обозначеній)	ž

придыханіе h, изображаемое нѣсколькими знаками, точное значеніе которыхъ неизвѣстно, и сонанты y, v, r.

Древне-персидскій клинообразный алфавитъ имѣетъ почти ту же фонетическую систему, но тамъ нѣтъ обозначеній для звонкихъ спирантовъ w, ð, γ и оттѣнки гласныхъ не отмѣчаются съ такою подробностью.

Славянскій языкъ.

Древне-славянскій языкъ сохранился въ двухъ алфавитахъ: глаголическомъ, происшедшемъ изъ греческой скорописи, который еще и теперь употребляется въ католической Далмаціи; и кирилловскомъ, происшедшемъ изъ греческаго уставнаго письма, который утвердился у всѣхъ народовъ, принадлежащихъ къ восточной церкви и говорящихъ на славянскихъ языкахъ.

Гласные [кирилловскаго алфавита] (безъ точнаго обозначенія количества) — слѣдующіе:

Твердый рядъ: а, о, оу, ы, ъ, ѫ.
Мягкій рядъ: ѣ, є, и, и, ь, ѧ.

ѫ и ѧ обозначаютъ носовые гласные, произносимые приблизительно такъ же, какъ французскія on и in въ словахъ pont, vin; ъ и ь обозначаютъ сильно редуцированные звуки, качество которыхъ трудно опредѣлить, но не краткіе u и i; ы есть видъ задне-язычнаго i: положеніе языка почти то же, какъ при u, но губы имѣютъ то же положеніе, что и при i; ѣ есть очень широкое е. Оба ряда гласныхъ точно соотвѣтствуютъ другъ другу: передъ гласнымъ твердаго ряда согласные произносятся твердо, передъ гласными мягкаго ряда — мягко, т. е. со смягченіемъ: звукъ т въ сочетаніи то не тотъ, который является въ сочетаніи тє: л въ сочетаніи ло есть „веларное“ l (ł), л въ сочетаніи лє — палатальное; передъ гласными твердаго ряда мы находимъ к и г, а передъ гласными мягкаго ряда ч, ж (также передъ а) и ц, ѕ, и т. д.

Система согласныхъ слѣдующая:

		Глухіе	Звонкіе	Носовые
Взрывные	губные:	п	б	м
—	зубные:	т	д	н
—	гортанные:	к	г	
Аффрикаты	зубныя:	ц	ѕ	
—	палатальные:	ч		

Спиранты:	Глухіе	Звонкіе
свистящіе:	с	з
шипящіе:	ш	ж

Есть еще глухой гортанный спирантъ х, звонкій губозубной спирантъ в и плавные р и л. Звукъ j играетъ въ древнеславянскомъ языкѣ грамадную роль, но не имѣетъ самостоятельнаго обозначенія въ алфавитѣ, такъ какъ онъ не отдѣляется отъ предыдущаго согласнаго и слѣдующаго гласнаго; онъ обозначался различными способами въ сочетаніи съ предшествующимъ и слѣдующимъ звукомъ. [Передъ гласными онъ обозначается начертаніемъ ꙗ: ꙗ, ю, ѥ, ѭ, ѩ; а передъ и вовсе не обозначается]

Литовскій языкъ.

Литовскіе звуки изображаются латинскими знаками; какъ и въ польскомъ ż обозначаетъ звонкій шипящій спирантъ и sz (или нѣмецкое двойное ß) — глухой шипящій š; cz — палатальную аффрикату č. Гласные ė и o — долгіе и закрытые звуки; y обозначаетъ долгое ī; ů есть дифтонгъ произносимый какъ uo; ë — дифтонгъ iė; ę и ą — древніе носовые гласные, которые потеряли назализацію въ западно-литовскихъ говорахъ, тѣхъ, которые здѣсь приводятся главнымъ образомъ, какъ представители литовскаго языка.

Литовскіе гласные и дифтонги часто имѣютъ знаки ударенія: простой короткій ударяемый гласный имѣетъ знакъ ` греческаго тяжелаго ударенія, напр. à; простой долгій ударяемый гласный имѣетъ знакъ остраго ударенія, если наибольшая высота тона и сила выдыха лежитъ въ началѣ и понижается къ концу, напр. ó; тотъ же звукъ имѣетъ знакъ ˜, напр. õ, если онъ имѣетъ два подъема усиленія выдыха въ началѣ и въ концѣ звука, и одно повышеніе тона къ концу звука. То-же имѣетъ мѣсто и въ дифтонгахъ: мы имѣемъ такимъ образомъ áu и aũ, án (съ полудолгимъ a въ западно-литовскомъ) и añ, ìr (съ короткимъ i въ западно-литовскомъ) и iȓ, и т. д.

Армянскій языкъ.

Алфавитъ классическаго армянскаго языка имѣетъ всѣ буквы греческаго алфавита съ многочисленными прибавками. Система согласныхъ, отличающаяся замѣчательною точностью, слѣдующая:

		Глухіе	Глух. придых.	Звонкіе	Носовые
Взрывные	губные:	p	ph	b	m
—	зубные:	t	th	d	n
—	гортанные:	k	kh	g	
Аффрикаты	зубныя:	c	ç	j	
—	палатальныя:	č	čh	ǰ	

Нужно еще прибавить глухой зубной спирантъ s и звонкій z, глухой шипящій š и звонкій ž, глухой гортанный спирантъ x, звонкое v, повидимому, губо-зубное и w, которое, надо думать, было близко къ согласному u, y, обозначаю-

щее согласное i, l и ł (послѣднее было веларное l), r (зубное) и ṙ (съ болѣе сильнымъ рокотомъ) и придыханіе h. — Гласные: a, e, ē, i, o; кромѣ того u пишется какъ ow, по образцу греческаго ου; этотъ двойной знакъ здѣсь передается однимъ u. Армянскіе гласные не различаются по количеству: различіе между e и ē не количественное, а качественное: ē болѣе узкій звукъ; транскрипція ę была бы поэтому лучше, но она неупотребительна.

Германскіе языки.

Готскій алфавитъ заимствованъ изъ греческаго; транскрипція его почти не требуетъ никакихъ замѣчаній. Гласные e и o — долгіе и узкіе. Начертаніе þ обозначаетъ глухой зубной спирантъ (англійское глухое th); w (передаваемое иногда и знакомъ v) есть согласное u, очень близкое, слѣдовательно, къ англ. w; j есть согласное i; наконецъ, группа hw передаетъ одно начертаніе готскаго алфавита, и q обозначаетъ сложный звукъ, аналогичный латинскому qu. Сочетаніе ei обозначаетъ долгое ī; ai и au обозначаютъ дифтонги ai, au, но также въ извѣстныхъ условіяхъ краткія открытыя e и o.

Въ исландскомъ языкѣ, знакъ ударенія надъ гласными обозначаетъ долготу, а не ударение: á значитъ долгое ā. Буквы перечеркнутыя ð и đ обозначаютъ обыкновенно звонкіе спиранты — губной и зубной; но đ въ древне-англійскомъ употребляется и для обозначенія глухого спиранта.

Въ древне-верхне-нѣмецкомъ z обозначаетъ глухую аффрикату, подобную славянскому ц.

Ирландскій языкъ.

Ирландскій алфавитъ есть не что иное, какъ разновидность латинскаго, и транскрипція его не представляетъ никакихъ затрудненій; th обозначаетъ глухой зубной спирантъ, обозначаемый въ германскомъ знакомъ þ; ch — глухой гортанный спирантъ (русское х). Между гласными b, d, g обозначаютъ обыкновенно звонкіе спиранты ð, đ, γ; наоборотъ, глухой звукъ между гласнымъ, какъ t въ словѣ cretim „я вѣрю“ обозначаетъ звонкій взрывный d (произносить нужо kredim). Значеніе гласныхъ трудно опредѣлить точно; произношеніе мѣняется въ зависимости отъ ихъ положенія въ словѣ.

Италійскіе языки.

Латинскіе слова изображаются такъ, какъ они пишутся, безъ всякаго толкованія значенія знаковъ, слѣдовательно безъ различенія i и j, u и v; во многихъ сочиненіяхъ гласное i и согласное i обозначаются одинаково знакомъ i, между тѣмъ какъ гласное u обозначается знакомъ u, а согласное u — знакомъ v; эту разницу въ начертаніи нельзя оправдать: слѣдуетъ либо сохранять туземное начертаніе либо различать гласный и согласный звукъ одинаково въ обоихъ случаяхъ.

Осскія и умбрскія слова передаются курсивомъ, если они взяты изъ надписей, писанныхъ латинскимъ алфавитомъ, и печатаются въ разрядку, если взяты изъ надписей, писанныхъ мѣстными алфавитами (которые всѣ прямо или косвенно восходятъ къ греческому). Въ мѣстныхъ алфавитахъ í и ú обозначаютъ e и o.

О подробностяхъ произношенія и графики различныхъ языковъ слѣдуетъ справляться въ спеціальныхъ грамматикахъ и руководствахъ каждаго отдѣльнаго языка.

Глава первая.

Методъ.

Что такое индо-европейскіе языки.

Санскритскій, персидскій, греческій, латинскій, ирландскій, готскій, древне-славянскій и армянскій языки представляютъ въ своей грамматикѣ и словарѣ поразительныя совпаденія. Подобныя же совпаденія наблюдаются между еврейскимъ, сирійскимъ, ассирійскимъ, арабскимъ и эѳіопскимъ языками, которые однако не имѣютъ ничего сходнаго съ языками предыдущей группы. Точно также и кафры, обитатели бассейна Замбези и большей части бассейна Конго, имѣютъ въ своихъ нарѣчіяхъ много общихъ чертъ, не наблюдаемыхъ ни въ первой, ни во второй изъ упомянутыхъ группъ. Эти сходства и различія приводятъ къ установленію трехъ семействъ языковъ: индо-европейскаго, семитскаго и банту. Подобные же факты позволяютъ установлять и нѣкоторыя другія семейства. Задача сравнительной грамматики какой-либо группы языковъ заключается въ изученіи соотвѣтствій, наблюдаемыхъ между этими языками.

Такое изученіе возможно, и наблюденіе сходныхъ чертъ санскритскаго, греческаго и другихъ языковъ приводитъ къ такимъ точнымъ выводамъ, какихъ не даютъ совпаденія въ другихъ сторонахъ культуры народовъ. Напримѣръ, не смотря на сходство религій индійцевъ, иранцевъ, грековъ, германцевъ и др. народовъ, не было возможности установить основы сравнительнаго изученія религіи этихъ различныхъ народовъ. Общія условія существованія языковъ даютъ лингвисту въ руки такія средства, которыхъ не имѣетъ изучающій исторію обычаевъ и религій.

На нѣкоторыхъ изъ общихъ положеній лингвистики слѣдуетъ поэтому остановиться, хотя они приложимы не исключительно къ однимъ индо-европейскимъ языкамъ: знакомство съ этими общими положеніями облегчитъ намъ выясненіе того, что надо разумѣть подъ именемъ индо-европейскаго языка.

I. Общія положенія.

1. **Единичность лингвистическихъ явленій.** Между словами, взятыми въ какой либо моментъ, и ихъ значеніями нѣтъ никакой необходимой связи: кто не знаетъ, тому ничто не можетъ показать, что русск. лошадь, франц. cheval, нѣм. Pferd, англ. horse, греч. ἵππος обозначаютъ одно и то же животное; въ противуположеніи лошадь и лошади ничто само по себѣ не обозначаетъ единства и множества; въ противуположеніи франц. cheval и jument „кобыла“ ничто не отмѣчаетъ различія самца и самки. Даже для словъ звукоподражательныхъ невозможно a priori предусмотрѣть форму: напр. русск. свистѣть сильно отличается отъ франц. siffler или нѣм. pfeifen. Отсюда слѣдуетъ, что текстъ, написанный на неизвѣстномъ языкѣ, невозможно понять безъ перевода. Надписи Дарія можно было прочесть только благодаря тому, что древне-персидскій языкъ, на которомъ онѣ написаны, представляетъ лишь древнюю форму персидскаго языка, что онъ очень мало отличается отъ языка Авесты, переводы которой даютъ ключъ пониманія текста, и, наконецъ, что онъ близко родственеnъ санскриту. Наоборотъ, въ остаткахъ этрусскаго языка, за недостаткомъ руководящихъ надписей, находятъ только различныя внѣшнія особенности, и несмотря на многочисленность надписей и обширность текста, октрытаго на Аграмскихъ свиткахъ, этрусскій языкъ остается неизвѣстнымъ.

Поэтому звуковая система, склоненіе и спряженіе, синтаксисъ и словарь, характеризующіе данный языкъ, не могутъ быть возстановлены, если они измѣнились или исчезли. Связь между выраженіями и ихъ значеніями есть фактическая связь, которая вовсе не дана отъ природы и не отличается постоянствомъ: поэтому ничто не можетъ возобновить ее,

если она утрачена. Слѣдовательно, выраженія существуютъ только однажды; они въ высшей степени единичны, такъ какъ слово, грамматическая форма, оборотъ фразы въ сущности всегда остаются безъ измѣненія, какъ бы безконечно часто они ни повторялись. Конечно, можетъ случиться, что два языка выразятъ независимо другъ отъ друга ту же идею однимъ и тѣмъ же словомъ; такъ въ англійскомъ и въ персидскомъ языкахъ та же группа артикуляцій bad выражаетъ ту же идею „дурной“, при чемъ персидское слово не имѣетъ ничего общаго съ англійскимъ; но это чистая „игра природы“: сравненіе англійскаго словаря въ цѣломъ со словаремъ персидскимъ показываетъ, что изъ этого совпаденія нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ.

Поэтому, если два языка въ своихъ грамматическихъ формахъ, въ своемъ синтаксисѣ и словарѣ представляютъ нѣкоторое количество опредѣленныхъ соотвѣтствій, это значитъ, что эти два языка въ дѣйствительности представляютъ одинъ языкъ: сходство итальянскаго и испанскаго языковъ происходитъ оттого, что оба эти языка представляютъ позднѣйшія формы латинскаго языка; французскій языкъ, который уже менѣе походитъ на нихъ, представляетъ однако тоже новый латинскій языкъ, только болѣе измѣненный. Такимъ образомъ различія могутъ быть болѣе или менѣе значительны, но вся совокупность совпаденій въ грамматической структурѣ двухъ языковъ заставляетъ предположить, что они представляютъ формы, принятыя однимъ и тѣмъ же языкомъ, на которомъ говорили въ прежнее время.

Отсюда вытекаетъ опредѣленіе родства двухъ языковъ: два языка называются родственными, когда они оба являются результатомъ двухъ различныхъ эволюцій одного и того же языка, бывшаго въ употребленіи раньше. Совокупность родственныхъ языковъ составляетъ такъ называемую семью языковъ. Такъ, французскій и персидскій языки родственны, потому что оба являются формами индо-европейскаго языка; они составляютъ части такъ называемой индо-европейской семьи языковъ. Въ этомъ смыслѣ устанавливаемое родство языковъ абсолютно и не допускаетъ различныхъ степеней.

Но внутри одной и той же семьи языкъ, принявшій

форму, отличную отъ древней формы, можетъ въ свою очередь раздѣлиться на много языковъ: такъ, послѣ распаденія римской имперіи, латинскій языкъ Рима, представляющій форму индо-европейскаго языка, раздѣлился на итальянскій, испанскій, провансальскій, французскій, румынскій и т. д. Такимъ образомъ создалась романская семья языковъ, которая составляетъ часть семьи индо-европейской, и о которой можно сказать, что члены ея тѣснѣе родственны между собою, чѣмъ съ другими индо-европейскими языками. Это значитъ только, что языки романской семьи, представляющіе измѣненный латинскій языкъ, начали расходиться лишь въ то время, когда различныя индо-европейскія группы уже обособились другъ отъ друга. Второе опредѣленіе родства есть только слѣдствіе перваго.

Наконецъ, когда языкъ развивается на значительной территоріи, при чемъ каждая общественная самостоятельная группа вноситъ въ него измѣненія, можно замѣтить, что тѣ же самыя новшества и тѣ же самыя черты старины наблюдаются въ болѣе или менѣе обширныхъ областяхъ. Такимъ образомъ возникаютъ нарѣчія, или діалекты. Говоры областей, сосѣднихъ другъ къ другу, развившіеся въ одинаковыхъ условіяхъ, представляютъ и общія особенности. Мы будемъ имѣть случай еще возвратиться къ этимъ фактамъ, изъ которыхъ вытекаютъ важныя слѣдствія. Эти факты представляютъ явленія совершенно иного порядка сравнительно съ фактами, характеризующими родство языковъ. Напримѣръ, особенныя черты сходства, наблюдаемыя между французскимъ и провансальскимъ языкомъ, объясняются не тѣмъ, будто въ какой либо моментъ, въ Галліи стали говорить на языкѣ, существенно отличномъ отъ народной латыни, представляемой другими романскими языками; но тѣмъ, что какъ на французской территоріи, такъ и на провансальской и новшества, и черты старины были, начиная съ римскихъ временъ, отчасти сходны, если не тождественны. На практикѣ не всегда возможно различить эти діалектическія черты сходства отъ тѣхъ, которыя объясняются собственно родствомъ языковъ, т. е. единствомъ исходнаго пункта.

2. Лингвистическая непрерывность. Съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица языкъ есть сложная система безсознательныхъ ассоціацій между движеніями органовъ рѣчи и ощуще-

ніями, дающая ему возможность говорить и понимать слова другихъ. Эта система составляетъ принадлежность каждаго отдѣльнаго человѣка и не встрѣчается въ совершенно тождественномъ видѣ ни у кого другого; но она имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку другіе члены той соціальной группы, къ которой принадлежитъ данное лицо, обладаютъ подобными же системами: въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы понятъ и не могъ бы понять другого. Языкъ существуетъ, слѣдовательно, только въ нервныхъ (двигательныхъ и сензорныхъ) центрахъ отдѣльнаго лица: но тѣ же самыя ассоціаціи внѣдряются во всѣхъ лицъ той же группы съ такою силой, которой не знаетъ ни одно другое общественное явленіе. Каждое отдѣльное лицо избѣгаетъ всякаго уклоненія отъ нормальнаго типа и относится очень чувствительно къ малѣйшему уклоненію, замѣчаемому имъ у другихъ. Языкъ, будучи съ одной стороны принадлежностью отдѣльныхъ лицъ, съ другой стороны навязывается имъ; и благодаря этому онъ становится явленіемъ не только физіологическимъ и психическимъ, но и соціальнымъ.

Эта система ассоціацій не передается непосредственно отъ одного лица къ другому: языкъ, какъ говорятъ, — не вещь, ἔργον, а дѣятельность, ἐνέργεια. Каждый ребенокъ, научаясь говорить, долженъ самъ создать себѣ систему ассоціацій между движеніями органовъ рѣчи и воспріятіями, подобную той системѣ, которою обладаютъ окружающія его лица. Онъ ощупью достигаетъ способности артикулировать подобно другимъ, обучаясь этому много мѣсяцевъ. Онъ не знаетъ грамматическихъ парадигмовъ: онъ создаетъ каждую форму по образцу тѣхъ, которыя употребляютъ другіе вокругъ него; постоянно слыша, какъ говорятъ мы глядимъ — вы глядите, мы стоимъ — вы стоите, ребенокъ научается, когда нужно, говорить вы сидите, если онъ уже слышалъ выраженіе мы сидимъ. И такъ для всѣхъ формъ. Но понятно, что несмотря на напряженныя и постоянныя усилія, которыя ребенокъ употребляетъ, чтобы приспособиться къ воспроизведенію того, что онъ слышитъ, онъ, возстановляя всю систему ассоціацій, не можетъ вполнѣ точно воспроизвести языкъ членовъ той группы, къ которой самъ принадлежитъ: нѣкоторыя детали произношенія не улавливаются его слухомъ, нѣкоторыя особенности измѣненія словъ усколь-

заютъ отъ его вниманія, и вообще системы, которыя онъ установилъ себѣ, только отчасти совпадаютъ съ системами взрослыхъ: каждый разъ какъ ребенокъ выучивается говорить, онъ вводитъ въ языкъ какія-либо новшества.

Если эти новшества являются индивидуальными случайностями, они исчезаютъ вмѣстѣ со смертью того лица, у котораго они возникли; особенности говора, являющіяся результатомъ такихъ новшествъ, вызываютъ насмѣшки, а не подражаніе. Но существуютъ новшества, имѣющія глубокія причины и появляющіяся у всѣхъ дѣтей, родившихся въ той же мѣстности отъ туземныхъ родителей въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени. Начиная съ опредѣленнаго момента всѣ дѣти, рожденныя въ той же мѣстности, имѣютъ ту или другую артикуляцію, отличную отъ артикуляціи старшихъ, и не способны произвести старую артикуляцію. Такъ напримѣръ, въ сѣверной Франціи начиная съ опредѣленнаго момента, различнаго для каждой отдѣльной мѣстности, дѣти оказались неспособны произносить l mouillée и вмѣсто этого звука поставили y (іотъ), который въ настоящее время и занялъ мѣсто прежняго звука во французскихъ говорахъ: слово vaillant „отважный“ стало произноситься vayą, а не val'ą, какъ раньше. Можно наблюдать такіе говоры, гдѣ старшее поколѣніе знаетъ еще l mouillée, гдѣ, напримѣръ, лица родившіяся между 1850—1855 годами, уже стали стремиться замѣнять l mouillée посредствомъ y, и гдѣ лица, родившіяся между 1855—1860 годами уже не знаютъ l mouillée, которое произносятъ старшіе. Точно также дѣти, родившіяся послѣ опредѣленнаго момента, могутъ представлять то или другое новшество въ области склоненія и спряженія. Такъ, двойственное число сохранилось въ Аттикѣ до конца V столѣтія до Р. Х., но около 410 года въ надписяхъ замѣчается небрежное его употребленіе; и дѣйствительно, авторы, родившіеся между 440 и 425 годами, которые, какъ Платонъ и Ксенофонтъ, пишутъ на аттическомъ діалектѣ, употребляютъ еще двойственное число, но не постоянно; затѣмъ оно перестаетъ употребляться въ именительномъ и винительномъ падежѣ, между тѣмъ какъ подъ вліяніемъ δυοῖν сохраняется въ родительномъ падежѣ: Демосѳенъ (383—322) говоритъ δύ' ὀβολοί „два обола“, но δυοῖν ὀβολοῖν „двухъ оболовъ“. Наконецъ оно исчезаетъ окончательно даже и въ родительномъ падежѣ

и, начиная съ 329 года не встрѣчается болѣе въ аттическихъ надписяхъ. Измѣненія такого рода, будучи общими всѣмъ поколѣніямъ, начиная съ опредѣленнаго момента, переходятъ и къ младшимъ поколѣніямъ; они, слѣдовательно, накопляются и, смотря по быстротѣ ихъ распространенія, измѣняютъ языкъ въ болѣе или менѣе продолжительное время. Но въ этихъ измѣненіяхъ существуетъ непрерывность: они происходятъ не отъ желанія новаго; наоборотъ, они происходятъ, не смотря на усилія точто воспроизвести языкъ взрослыхъ, и при томъ никогда не бываютъ ни настолько велики, ни настолько многочисленны, чтобы поколѣнія, живущія одновременно, теряли ощущеніе того, что они говорятъ на одномъ языкѣ. Въ однихъ языкахъ въ одно время новшества быстро слѣдуютъ одно за другимъ, между тѣмъ какъ въ другихъ цѣлый рядъ поколѣній сохраняетъ почти неизмѣннымъ тотъ же говоръ.

Таковъ нормальный типъ эволюціи языка. Онъ является результатомъ естественной преемственности поколѣній и тождества стремленій и способностей, наблюдаемаго въ средѣ лицъ даннаго ряда поколѣній въ данный періодъ времени. Хотя измѣненія этого типа происходятъ независимо въ каждомъ говорѣ данной мѣстности, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они имѣютъ мѣсто въ различные, но близкіе моменты времени съ незначительными уклоненіями во всѣхъ мѣстахъ, занятыхъ въ общемъ однороднымъ населеніемъ, говорящимъ на томъ же языкѣ и живущимъ въ одинаковыхъ условіяхъ. Такъ l mouillée превратилось въ y во всей Сѣверной Франціи, двойственное число въ греческомъ языкѣ исчезло еще въ доисторическій періодъ въ эолійскомъ діалектѣ, въ іоническомъ діалектѣ Малой Азіи и въ дорическомъ діалектѣ о-ва Крита, а въ IV в. до Р. Х. въ аттическомъ, въ дорическомъ лаконскомъ, въ беотійскомъ, въ дельфійскомъ, т. е. въ городахъ континентальной Греціи. Причины такихъ измѣненій, вообще неизвѣстныя, свойственны не одному мѣсту, а дѣйствуютъ въ обширныхъ областяхъ.

Рядомъ съ этими измѣненіями, проявляющимися особымъ образомъ въ каждомъ говорѣ, даже когда они и выходятъ далеко за предѣлы отдѣльнаго говора, существуютъ другія измѣненія, весьма различныя по внѣшнему виду, но сводящіяся въ основѣ къ одному и тому же явленію, къ за-

имствованію изъ другихъ языковъ. Дѣйствительно, лишь только члены одной соціальной группы вступятъ въ торговыя, политическія, религіозныя или интеллектуальныя сношенія съ членами другихъ группъ, лишь только нѣкоторыя лица пріобрѣтутъ знаніе чужого языка, тотчасъ является возможность введенія въ свой языкъ новыхъ элементовъ. Если данный языкъ существенно отличается отъ мѣстнаго говора, то изъ него возможно заимствовать только отдѣльныя слова; такъ, греческій языкъ заимствовалъ отъ финикійцевъ торговыя термины, какъ названіе грубой оберточной матеріи — σάκκος, золота — χρῡσός, одного вида одежды — χιτών и т. д.; точно также русскій языкъ заимствовалъ французскія слова. Какъ бы велико ни было число такихъ заимствованій, они нисколько не измѣняютъ структуры языка. Иной результатъ получается, если дѣло идетъ о языкѣ настолько близкомъ къ мѣстному говору, что основное единство того и другого легко сознается. Такъ какъ только парижскій говоръ употребляется въ сношеніяхъ между различными группами населенія, говорящаго на французскомъ языкѣ, то всѣ другіе французскіе говоры заимствуютъ все болѣе и болѣе парижскихъ элементовъ не только въ области словаря, но даже въ области произношенія и склоненія и спряженія. Такъ напр., крестьянинъ, узнавши, что слова toi, moi, roi, произносимыя на его діалектѣ twé, mwé, rwé, въ нормальномъ французскомъ языкѣ (въ сущности парижскомъ) звучатъ какъ twa, mwa, rwa, даже не слышавши никогда, какъ произносится слово loi, легко можетъ вмѣсто формы своего говора lwé употребить форму lwa. Такого рода подстановки одной формы вмѣсто другой приводятъ къ результату, который можетъ быть сходенъ съ результатомъ измѣненій нормальнаго типа, и, если такія подстановки происходятъ, часто бываетъ невозможно различить, съ какого рода измѣненіями мы имѣемъ дѣло. Но отъ этого не уменьшается различіе между ними: въ случаѣ подстановки мы имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ изъ другого говора. Въ той или другой формѣ заимствованіе не есть явленіе рѣдкое и случайное: это явленіе частное или, лучше сказать, постоянное, и новѣйшія изслѣдованія все болѣе и болѣе выясняютъ его важное значеніе. Каждая изъ крупныхъ группъ языковъ (германская, славянская, эллинская и т. д.) является результатомъ распространенія общаго языка на болѣе или менѣе зна-

чительную группу лицъ, и это распространеніе не могло произойти безъ заимствованій. Но мы не имѣемъ возможности опредѣлить, какая часть фактовъ, изучаемыхъ нами и относящихся къ періоду доисторическому, выпадаетъ на долю заимствованія; несомнѣнно только, что она очень велика.

Наконецъ, третій типъ измѣненій происходитъ тогда, когда народность мѣняетъ свой языкъ. Когда политическія условія заставляютъ народъ учиться языку побѣдителей или иноземныхъ колонистовъ или, что тоже случается, языку болѣе цивилизованнаго покореннаго народа, то взрослые никогда не усваиваютъ новый языкъ точно; дѣти, учащіяся этому языку, лишь только онъ распространился въ области, дѣлаютъ бо́льшіе успѣхи, такъ какъ они обучаются ему, какъ родному и потому воспроизводятъ не ломаный языкъ своихъ взрослыхъ земляковъ, но правильный говоръ иностранцевъ, и часто усваиваютъ языкъ довольно основательно. Такъ ребенокъ, рожденный отъ француза и иностранки, вовсе не воспроизводитъ недостатковъ говора своей матери и говоритъ такъ же правильно, какъ его отецъ. Тѣмъ не менѣе по различнымъ причинамъ особенности остаются, и даже, если народъ научается языку, совершенно отличному отъ своего прежняго языка, онъ никогда не сможетъ усвоить нѣкоторыхъ существенныхъ чертъ новаго языка. Негры, которые стали говорить по-французски или по-испански, не смогли пріобрѣсти ни точнаго произношенія новаго языка, ни правильнаго употребленія грамматическихъ формъ: креольскія нарѣчія сохранили характеръ африканскихъ языковъ. Наоборотъ, въ многочисленныхъ смѣнахъ языковъ, которыя происходили въ историческія времена и происходятъ еще и теперь, европейскія народности выказали способность заимствовать языкъ другъ у друга. Ничто не заставляетъ предполагать, что особенности, характеризующія романскіе языки, ведутъ свое начало въ большей своей части отъ момента проникновенія латинскаго языка въ области распространенія романскихъ языковъ. Не слѣдуетъ поэтому преувеличивать значенія этого типа измѣненій. Кромѣ того, съ того момента, когда замѣна одного языка другимъ совершилась, мы имѣемъ дѣло уже съ нормальными измѣненіями непрерывнаго развитія: только особый характеръ народности, принявшей новый языкъ, вызываетъ измѣненія сравнительно быстро и въ боль-

шомъ числѣ, но они могутъ проявиться и много времени спустя послѣ перемѣны языка. Чтобы оцѣнить важность этого фактора, достаточно указать на то, что всѣ области, имѣющія сколько-нибудь продолжительную исторію, перемѣнили языкъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ, а часто и два и три раза.

За исключеніемъ послѣднихъ двухъ видовъ измѣненій, которыя вызываются историческими причинами, все развитіе языковъ — непрерывно и сводится къ совокупности измѣненій, происходящихъ всякій разъ, какъ дѣти одной и той же мѣстности научаются говорить. Это развитіе и составляетъ главный объектъ лингвистики; другія измѣненія не являются результатомъ правильнаго и непрерывнаго развитія, они — явленія случайныя, на которыя все же важно обратить серьезное вниманіе, такъ какъ они часто составляютъ главную часть наблюдаемыхъ измѣненій.

3. Закономѣрность развитія языковъ. Изученіе развитія языковъ возможно только потому, что сохраненіе стараго и введеніе новаго въ языкѣ совершается по опредѣленнымъ правиламъ.

Правила, по которымъ происходитъ сохраненіе старыхъ артикуляцій и введеніе новыхъ, называются фонетическими законами. Если какая-нибудь артикуляція въ данномъ языкѣ сохранилась въ одномъ словѣ, то она сохраняется также во всѣхъ другихъ словахъ при одинаковыхъ условіяхъ. Такъ славянское г сохранилось въ русскомъ и польскомъ языкахъ: гора, годъ, польск. gora, god; въ малорусскомъ и чешскомъ оно перешло въ h: млрус. hора, hод, чешск. hora, hod и т. д. Въ тотъ моментъ, когда нововведеніе появляется, иногда случается, что оно проявляется первоначально только въ нѣкоторыхъ словахъ, но, такъ какъ оно основано на процессѣ артикуляціи и не связано съ тѣмъ или другимъ словомъ, то вскорѣ оно распространяется на всѣ случаи, и для тѣхъ большихъ періодовъ, которые изучаетъ сравнительная грамматика, эти колебанія первыхъ поколѣній, вносящихъ новшество, не имѣютъ особеннаго интереса. Было время когда древніе p, t, k индо-европейскаго языка превратились въ германскомъ въ ph, th, kh, т. е. въ p, t, k, отдѣленные отъ слѣдующей гласной придыханіемъ; въ такихъ взрывныхъ звукахъ съ послѣдующимъ придыханіемъ, затворъ бы-

ваетъ слабый, и онъ былъ устраненъ, такъ что германскій языкъ создалъ звуки f, þ, x (x обозначаетъ здѣсь гортанный спирантъ, т. е. такой же звукъ, какъ русское х). Слѣдовательно, существовало нѣкоторое число германскихъ поколѣній, для которыхъ звуки p, t, k были непроизносимы, и дѣйствительно индо-европейскіе p, t, k, стоявшіе въ началѣ слова или между гласными въ готскомъ языкѣ никогда не передаются звуками p, t, k, а всегда — f, þ, h (или соотвѣтственно звуками ƀ, đ, γ при опредѣленныхъ, точно извѣстныхъ условіяхъ). Таковъ принципъ постоянства фонетическихъ законовъ.

Если бы не привходило никакихъ другихъ факторовъ, то можно было бы, зная одни фонетическіе законы, вывести изъ даннаго состоянія языка его состояніе въ слѣдующій моментъ. Но въ дѣйствительности явленія гораздо сложнѣе. Количество всѣхъ особыхъ факторовъ, которые, не нарушая правильнаго дѣйствія фонетическихъ законовъ, на первый взглядъ затемняютъ ихъ постоянство, безконечно. Здѣсь необходимо отмѣтить только нѣкоторые самые важные пункты.

Прежде всего, формулы фонетическихъ законовъ приложимы, какъ ясно изъ ихъ опредѣленія, только къ артикуляціямъ, точно сравнимымъ между собою. Слова, которыя имѣютъ особое произношеніе, поэтому отчасти не подчиняются ихъ дѣйствію. Такъ дѣтскія слова, какъ папа, мама и т. д. имѣютъ самостоятельное положеніе. Выраженія вѣжливости или обращенія подвергаются такимъ сокращеніямъ, которыя измѣняютъ ихъ до неузнаваемости: франц. msyõ не представляетъ правильнаго фонетическаго измѣненія словъ monsieur[1]). Тоже бываетъ со всѣми такими словами, на которыя достаточно намекнуть, чтобы слушатели ихъ поняли, и которыя поэтому говорящіе не произносятъ съ полной отчетливостью; такъ др.-верхн.-нѣм. hiutu (совр. нѣм. heute) не представляетъ нормальнаго измѣненія словъ hiu tagu „сегодня“. Вообще, одинъ и тотъ же фонетическій элементъ короче въ длинномъ словѣ и длиннѣе въ короткомъ (â во франц. pâtisserie „пирожное“ короче, чѣмъ въ словѣ pâté „пирожокъ“), короче во второстепенномъ словѣ предложенія и длин-

1) [Въ русскомъ можно указать на слово здрáсти, которое сократилось изъ здравствуйте; въ нѣм. moin изъ guten Morgen.]

нѣе въ главномъ; поэтому и измѣненія этихъ звуковъ могутъ быть различны. Нѣкоторыя артикуляціи, особенно артикуляція r, склонны предвосхищаться, антиципироваться (какъ во франц. trésor, представляющемъ лат. thesaurum „сокровище“) или переставляться (какъ въ ново-греч. πρικός изъ πικρός „горькій“). При этомъ не всегда возможно свести такія измѣненія къ общимъ формуламъ, такъ какъ они зависятъ какъ отъ особаго состава, такъ и отъ спеціальныхъ условій употребленія тѣхъ словъ, въ которыхъ они встрѣчаются. Другія артикуляціи, наконецъ, длятся слишкомъ долгое время; такъ небная занавѣска, опускаемая при произнесеніи звука n въ нѣмецкомъ genug, остается въ этомъ положеніи такъ долго, что это слово въ нѣкоторыхъ діалектахъ звучитъ какъ genung, и т. п. Нововведеніе фонетическаго характера по большей части является результатомъ совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ опредѣленныхъ и независимыхъ другъ отъ друга причинъ, и можетъ случиться, что причины эти окажутся слишкомъ сложными и слишкомъ спеціальными, такъ что измѣненіе даннаго слова окажется невозможнымъ свести къ опредѣленнымъ фонетическимъ законамъ.

Во-вторыхъ, измѣненія происходятъ отъ ассоціаціи формъ. Такъ въ аттическомъ нарѣчіи, гдѣ начальное s переходитъ въ густое придыханіе, санскритскому sánti, гот. sind „суть“ должно бы было соотвѣтствовать *εἰσι; въ дѣйствительности мы находимъ легкое придыханіе, εἰσι, подъ вліяніемъ εἰμι, εἶ и т. д. Такія измѣненія называются измѣненіями по аналогіи.

Наконецъ, нѣкоторыя явныя отклоненія отъ нормы бываютъ вызваны заимствованіемъ. Такъ въ Римѣ старое ou переходитъ въ ū и старое dh послѣ u переходитъ въ b между гласными; слѣдовательно литовскому raũdas, гот. rauþs, др.-ирландск. rūad „красный“ и т. д. должно было бы соотвѣтствовать римское *rūbus; но въ другихъ латинскихъ говорахъ ou переходитъ въ ō, какъ напр. въ Пренесте; поэтому rōbus — не римское слово, а заимствовано изъ одного изъ этихъ говоровъ; въ самнитскомъ говорѣ dh переходитъ въ f между гласными: rūfus есть безъ сомнѣнія самнитское слово; а римское слово *rūbus продолжаетъ свое существованіе въ производныхъ rūbīgō (рядомъ съ rōbīgō) „ржавчина“ и rūbidus „красный. Когда историческія усло-

вія вызываютъ большое количество такихъ заимствованій, то фонетика языка въ концѣ концовъ является непослѣдовательной: таковъ латинскій языкъ, а изъ современныхъ — англійскій. Въ историческій періодъ жизни языковъ другою причиною непослѣдовательности являются заимствованія изъ литературнаго языка; такъ французскій языкъ нѣкоторое количество словъ заимствовалъ изъ латинской письменности: напр. лат. fragilis „хрупкій“ правильно дало фр. frêle, но позднѣе то-же слово было заимствовано изъ латинскаго литературнаго языка въ видѣ fragile. Этой причины непослѣдовательности не существуетъ въ доисторическіе періоды, которые изслѣдуетъ сравнительная грамматика.

Ни одинъ изъ этихъ случаевъ не противорѣчитъ принципу постоянства фонетическихъ законовъ: этотъ принципъ выставляетъ только то положеніе, что, когда при усвоеніи языка молодымъ поколѣніемъ какая-либо артикуляція удерживается или измѣняется, то ея удержаніе или измѣненіе имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта артикуляція примѣняется, а не отдѣльно въ томъ или другомъ словѣ. И опытъ показываетъ, что дѣло происходитъ дѣйствительно такимъ образомъ. Надо только разсматривать не результатъ, а дѣйствіе. Результаты, къ которымъ приводитъ дѣйствіе закона, могутъ быть въ данный моментъ совершенно уничтожены измѣненіями, свойственными извѣстнымъ словамъ, дѣйствіями аналогіи, заимствованіями: законъ ничего не теряетъ отъ этого, такъ какъ его преходящая реальность состоитъ лишь въ томъ, какъ дѣти, рожденныя въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени, установили свою артикуляцію. Но законъ можетъ ускользнуть отъ вниманія лингвиста: существуютъ неизвѣтные фонетическіе законы, которые и останутся неизвѣстными, даже въ хорошо изученныхъ языкахъ, только потому, что нѣтъ у насъ непрерывнаго ряда документовъ.

Однако наблюдать дѣйствіе, результатомъ котораго является фонетическое измѣненіе, удается очень рѣдко. Устанавливается фактъ напр. соотвѣтствія французскаго e латинскому ударяемому a (páter: père, amátum: aimé и т. д.), греческаго φ санскритскому bh, германскому и армянскому b (φέρω, скр. bhárāmi, гот. baira, арм. berem) и ничего болѣе. То, что обыкновенно называютъ „фонетическимъ закономъ“, есть только формула обычнаго соотвѣтствія

либо между двумя послѣдовательными формами, либо между двумя діалектами одного и того же языка. И это соотвѣтствіе по большей части является результатомъ не одного дѣйствія, но многочисленныхъ и сложныхъ дѣйствій, которыя для своего совершенія требовали болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

То, что справедливо по отношенію къ фонетикѣ, справедливо также и по отношенію къ морфологіи. Точно такъ же какъ движенія артикуляціи должны быть снова комбинированы, всякій разъ какъ является необходимость произнести слово, точно такъ же и всѣ грамматическія формы и всѣ синтаксическія группы безсознательно создаются снова для каждой произносимой фразы соотвѣтственно привычкамъ, установившимся во время усвоенія языка. Когда эти привычки измѣняются, всѣ формы, существующія только благодаря существованію общаго типа, необходимо также измѣняются. Когда, напр., во французскомъ языкѣ подъ вліяніемъ tu aimes, il aime(t) стали говорить въ 1-мъ лицѣ j'aime вмѣсто стараго j'aim (представляющаго лат. amo), то всѣ глаголы того же спряженія получили также окончаніе -е въ 1-мъ лицѣ: распространеніе -е на первое лицо является такимъ образомъ морфологическимъ закономъ и при томъ столь же строгимъ, какъ любой фонетическій законъ. Морфологическія нововведенія сравнительно съ фонетическими измѣненіями не оказываются ни болѣе капризными, ни менѣе правильными; и формулы, по которымъ они совершаются, выражаютъ только соотвѣтствія, а не самыя дѣйствія, вызывающія эти нововведенія.

Однако между фонетическими и морфологическими законами существуетъ различіе. Когда какая-либо артикуляція измѣнилась, то новая артикуляція замѣняетъ старую во всѣхъ случаяхъ, и новыя поколѣнія уже не въ состояніи возстановить старое произношеніе; напр. въ говорахъ Иль-де-Франса (Ile-de-France) послѣ совершившагося перехода l mouillée въ у уже не существуетъ ниодного l mouillée; точно также въ русскомъ языкѣ не осталось ниодного ѫ и ниодного ѧ (первый перешелъ въ у, второй — въ я). Наоборотъ, когда измѣняется какой-либо морфологическій типъ, нѣкоторыя формы того же типа, утвердившіяся въ памяти, могутъ продолжать свое существованіе; такъ въ индо-европейскомъ

языкѣ существовалъ типъ настоящаго времени, характеризуемый присоединеніемъ окончаній непосредственно къ корню и чередованіемъ въ корнѣ вокализма e въ единственномъ числѣ съ отсутствіемъ e во множественномъ числѣ; напр. греч. εἶ-μι „я иду“ множ. ч. ἴ-μεν „мы идемъ“ скр. é-mi „я иду“ (древне *ai-mi), множ. ч. i-máḥ „мы идемъ“; этотъ типъ, прежде игравшій важную роль, исчезъ изъ употребленія во всѣхъ индо-европейскихъ языкакъ, но формы глагола „быть“ сохранились до настоящаго времени, такъ какъ частое употребленіе укрѣпило ихъ въ памяти; поэтому латинскій языкъ еще имѣетъ es-t: s-unt, откуда франц. il est: ils sont; точно также нѣмецкій языкъ имѣетъ er ist: sie sind. Типъ исчезъ, но одна изъ его формъ живетъ.

Тотъ фактъ, что фонетическіе и морфологическіе законы прилагаются ко всѣмъ словамъ, въ которыхъ наблюдаются элементы, отмѣченные формулою закона, является вполнѣ естественнымъ. Болѣе неожиданнымъ является то, что эти законы распространяются на всѣхъ дѣтей того же ряда поколѣній, хотя въ сущности въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: этотъ фактъ показываетъ только, что тѣ же самыя причины производятъ тѣ же дѣйствія на дѣтей, изучающихъ одинъ языкъ при одинаковыхъ условіяхъ. То поражающее съ перваго взгляда обстоятельство, что всѣ дѣти одной и той же мѣстности въ одно и то же время, независимо другъ отъ друга, проявляютъ тѣ же самыя особенности говора, есть только слѣдствіе другого великаго закона, въ основѣ своей еще болѣе замѣчательнаго: всѣ дѣти, находящіяся въ тѣхъ же условіяхъ, одинаково усваиваютъ тотъ же самый языкъ (за исключеніемъ индивидуальныхъ аномалій), и этотъ основной законъ вполнѣ отражается въ совокупной связи явленій.

1. Если и справедливо, что элементы рѣчи не имѣютъ необходимой связи съ выражаемыми идеями, то во всякомъ случаѣ между собою они связаны безконечнымъ количествомъ ассоціацій, и каждый языкъ представляетъ систему, всѣ части которой тѣсно связаны между собою. Славянская фонетика представляетъ прекрасную иллюстрацію этого принципа. Обще-славянскій языкъ обладаетъ двумя рядами гласныхъ: твердыми, передъ которыми стоятъ твердые

согласные: л, о, оу, ы, ъ, и мягкими, передъ которыми стоятъ мягкіе согласные: т, є, н, ь. Тѣ языки, которые, какъ русскій и польскій, сохранили различіе этихъ двухъ рядовъ звуковъ, сохранили также и различіе ы и н, а также ъ и ь, въ формѣ о и е въ русскомъ языкѣ, въ формѣ е (твердаго) и іе въ польскомъ: поэтому русскій языкъ имѣетъ слова сынъ и сила; день (изъ дьнь) и сонъ (изъ сънъ); но тѣ славянскіе языки, которые, какъ сербскій, утратили различіе этихъ двухъ рядовъ звуковъ, смѣшиваютъ ы и н, ъ и ь: сербское и въ словѣ син есть тотъ же звукъ, что и въ словѣ сила; ь слова дьнь перешло въ а, какъ и ъ слова сънъ: дан, сан. Различіе ы и н, ъ и ь являлось поэтому выводомъ изъ системы, и съ разрушеніемъ системы не могло устоять. Поэтому естественно, что это измѣненіе происходитъ во всѣхъ сербскихъ говорахъ, и что аналогичныя измѣненія произошли въ другихъ южнославянскихъ языкахъ и даже въ чешскомъ. — Поэтому совершенно ясно, что всякое серьезное измѣненіе части фонетической или грамматической системы языка влечетъ за собою извѣстныя послѣдствія также и для остальной части системы. Въ германскихъ языкахъ измѣнился не одинъ только рядъ взрывныхъ звуковъ, а всѣ ряды ихъ, и, что въ этомъ не было ничего случайнаго, видно изъ армянскаго языка, который представляетъ совершенно параллельныя измѣненія: индо-европейскіе глухіе взрывные p, t, k отражаются въ армянскомъ языкѣ какъ придыхательные *ph (откуда h), th, kh, которые представляютъ первую предполагаемую для германскаго языка ступень измѣненія, а звонкіе b, d, g отражаются, какъ глукіе p, t, k, какъ и въ германскомъ. Точно также нѣкоторые діалекты банту имѣютъ звуки p, t, k, какъ напр., діалекты хереро и суахели, другіе — въ соотвѣтствующихъ случаяхъ звуки ph, th, kh, какъ напр. діалектъ конде, третьи — уже звуки f, r (обозначеніе глухого дрожащаго звука этихъ діалектовъ), x (глухой гортанный спирантъ), какъ діалектъ пели; наконецъ, діалектъ дуала имѣетъ звонкіе на мѣстѣ глухихъ, напр. l соотвѣтствуетъ звуку t діалекта хереро и звуку r діалекта пели, точно такъ же какъ верхне-нѣмецкое d произошло изъ германскаго þ (англійское глухое th); напр. числительное „три“ въ діалектѣ хереро—tatu, конде—thathu, пели—raro, дуала—lalo. Въ такихъ случаяхъ измѣняется не отдѣльная артикуляція, а общій способъ артикуляціи.

2. Сочетанія артикуляцій, производящія звуки даннаго языка, свойственны спеціально этому языку; но элементарныя движенія, слагающія эти комбинаціи, опредѣляются и ограничиваются общими анатомическими, физіологическими и психологическими условіями. Поэтому возможно установить, какимъ образомъ въ принципѣ можетъ развиваться артикуляція въ данномъ случаѣ. Возьмемъ, напримѣръ, звукъ s, который производится приближеніемъ языка къ верхнимъ зубамъ при постоянномъ потокѣ воздуха и характеризуется особымъ свистомъ: если языкъ поднятъ недостаточно, то шумъ тренія воздуха между языкомъ и зубами исчезаетъ, и происходитъ простое дыханіе, т. е. h; если языкъ поднимается слишкомъ высоко, то звукъ s замѣняется звукомъ ŧ (англ. th) или даже звукомъ смычнымъ t; наконецъ, если къ звуку s присоединяется дрожаніе голосовыхъ связокъ и вслѣдствіе этого сила дыханія ослабляется, то получается звонкій звукъ z; если къ этому присоединить еще переходъ къ звуку š, мы получимъ всѣ возможныя измѣненія звука s, каковы бы ни были особенности его артикуляціи. Возьмемъ еще такое сочетаніе звуковъ, какъ anana или anama, гдѣ одно и то же артикуляціонное движеніе, въ данномъ случаѣ опусканіе небной занавѣски, производится два раза: если, какъ часто случается, одно изъ двухъ движеній не выполняется, то это обыкновенно относится къ первому изъ нихъ; звукъ съ такимъ не выполненнымъ артикуляціоннымъ движеніемъ подвергается измѣненіямъ, которыя дѣлаютъ его произносимымъ и позволяютъ ему занять мѣсто въ системѣ звуковъ даннаго языка: anana или anama превращаются въ такомъ случаѣ въ alana, alama или arana, arama. — Возможныя измѣненія грамматическихъ формъ не могутъ быть приведены къ такой же простой и общей формулѣ, какъ измѣненія фонетическія, но, въ каждомъ данномъ случаѣ они не менѣе ограничены.

Вообще возможныя измѣненія опредѣляются особой системой каждаго языка и общими анатомическими, физіологическими и психическими условіями. Когда одна и та же причина начинаетъ вызывать измѣненія въ говорѣ людей, говорящихъ на одномъ языкѣ, она можетъ привести либо къ тождественнымъ, либо къ сходнымъ результатамъ, и совершенно понятно, что говоръ дѣтей одной и той же соціаль-

ной группы является однороднымъ, какъ въ сохраненіи стараго, такъ и въ созданіи новаго.

II. Приложеніе общихъ принциповъ къ опредѣленію индо-европейскаго языка.

1. Опредѣленіе понятія „индо-европейскіе языки".

Нѣкоторые языки, которые начинаютъ появляться въ исторіи около 1000 г. до Р. Х., на пространствѣ отъ Индостана на востокѣ до береговъ Атлантическаго океана на западѣ и отъ Скандинавіи на сѣверѣ до Средиземнаго моря на югѣ, имѣютъ много общихъ чертъ, и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они представляютъ различныя формы одного и того же языка, на которомъ говорили въ доисторическія времена. Языки эти, представленные въ настоящее время по меньшней мѣрѣ однимъ своимъ діалектомъ, — слѣдующіе: индо-иранскіе, балтійскіе и славянскіе, албанскій, армянскій, греческій, германскіе, кельтскіе, италійскіе (латинскій и осско-умбрскіе). Тотъ неизвѣстный языкъ, исторически засвидѣтельствованными формами котораго являются только что перечисленные языки, условились называть индоевропейскимъ (нѣмцы называютъ его индо-германскимъ). Индо-европейскимъ языкомъ, слѣдовательно, называется всякій такой языкъ, который въ данный моментъ, въ данномъ мѣстѣ въ какой либо степени измѣненія представляетъ изъ себя форму этого языка.

Это опредѣленіе — чисто историческое: оно не даетъ никакой общей характеристики того или другого языка, оно только устанавливаетъ тотъ фактъ, что въ прошломъ былъ такой моментъ, когда эти языки составляли одинъ языкъ. И нѣтъ ни одной черты, по которой бы безошибочно можно было признать языкъ индо-европейскимъ. Напримѣръ, индоевропейскій языкъ отличалъ три рода; но нѣкоторые языки, какъ романскіе и латышско-литовскіе, имѣютътолько два рода, другіе, какъ армянскій и персидскій, не знаютъ вовсе различія родовъ.

Чтобы установить принадлежность языка къ индо-европейской группѣ, необходимо и достаточно указать извѣстное число особенностей, свойственныхъ индо-европейскому языку,

которыя, поэтому, были бы необъяснимы, если бы этотъ языкъ не былъ формою индо-европейскаго языка. Весьма доказательны грамматическія совпаденія; наоборотъ, словарныя совпаденія почти вовсе не имѣютъ доказательной силы: изъ того, что финскій языкъ имѣетъ много индо-европейскихъ словъ, нельзя выводить, будто онъ принадлежитъ къ индо-европейскимъ языкамъ, такъ какъ эти слова заимствованы изъ германскихъ, балтійскихъ или славянскихъ языковъ; изъ того, что персидскій языкъ имѣетъ массу семитическихъ словъ, нельзя выводить, будто онъ не индо-европейскій языкъ, такъ какъ всѣ эти слова заимствованы изъ арабскаго. Съ другой стороны, какъ бы ни былъ отличенъ отъ индо-европейскаго внѣшній обликъ языка, отсюда не слѣдуетъ, что этотъ языкъ не индо-европейскій: съ теченіемъ времени индо-европейскіе языки имѣютъ все менѣе и менѣе общихъ чертъ, но, пока они будутъ существовать, они не могутъ перестать быть индо-европейскими языками, такъ какъ это ихъ качество есть только выраженіе историческаго факта и не связано съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ характеромъ языка.

Напримѣръ, если бы мы не знали латинскаго языка и если бы италійскія нарѣчія были представлены только французскимъ языкомъ, не имѣющимъ вовсе облика индо-европейскаго языка, всетаки было бы возможно показать, что онъ принадлежитъ къ индо-европейскимъ языкамъ. Лучшее доказательство мы имѣли бы въ спряженіи настоящаго времени глагола être „быть“: противуположеніе формъ (il) est: (ils) sont (произносимыхъ il e: il [скорѣе i] sǫ) соотвѣтствуетъ еще санскритскому противуположенію asti „есть“: santi „суть“, готскому ist: sind, древне-славянскому **ѥстъ**: **сѫтъ**; личныя мѣстоименія moi, toi, soi, nous, vous, которыя точно соотвѣтствуютъ санскритскимъ mām, tvām, svayám, naḥ, vaḥ и древне-славянскимъ **мѧ**, **тѧ**, **сѧ**, **ны**, **вы** дополняютъ это доказательство, которое могло бы быть подтверждено еще и многими подробностями спряженія глаголовъ. Но французскій языкъ представляетъ уже очень мало подобныхъ чертъ индо-европейскаго характера, и небольшія измѣненія его могли бы не оставить въ немъ ни одной такой черты. Тѣмъ не менѣе онъ не пересталъ бы существовать въ качествѣ индо-европейскаго языка, только этотъ его характеръ сдѣлался бы непосредственно недоказуемъ.

Возможно, слѣдовательно, что существуютъ неузнанные индо-европейскіе языки, которые остаются неузнаваемыми. Но это однако мало вѣроятно: такъ албанскій языкъ, несмотря на то, что онъ засвидѣтельствованъ поздними памятниками, легко былъ признанъ индо-европейскимъ языкомъ.

Возможно также, что индо-европейскій языкъ представляетъ форму еще болѣе древняго языка, представляемаго существующимъ въ настоящее время тѣмъ или другимъ языкомъ или засвидѣтельствованнаго старыми текстами, и это даже вѣроятно; но пока не будетъ установлена группа такихъ совпаденій, которыя не могутъ быть случайными, эта общность происхожденія какъ бы вовсе не существуетъ, такъ какъ она недоказуема. Если когда-нибудь будетъ установленъ рядъ доказательныхъ соотвѣтствій между индо-европейской и другой группой языковъ, въ научной системѣ не произойдетъ измѣненія; только новая сравнительная грамматика присоединится къ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ, совершенно такъ же, какъ сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ стоитъ рядомъ со сравнительной грамматикой романскихъ языковъ; мы на одну ступень дальше углубимся въ прошедшее, но методъ изслѣдованія останется тотъ же.

2. „Возстановленіе“ индо-европейскаго языка.

Если родство нѣсколькихъ языковъ установлено, то задача изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы выяснить развитіе каждаго изъ нихъ съ того момента, когда всѣ языки были тождественны, до какого либо другого даннаго момента.

Если древняя форма языка засвидѣтельствована памятниками, какъ это имѣетъ мѣсто для романскихъ языковъ, то задача изслѣдователя сравнительно проста: мы пользуемся въ такомъ случаѣ всѣми историческими свѣдѣніями, чтобы прослѣдить какъ можно точнѣе всѣ измѣненія языка въ различныхъ мѣстахъ въ различные моменты. Если же древняя форма языка неизвѣстна, какъ это имѣетъ мѣсто для индо-европейскихъ языковъ, то мы имѣемъ только одинъ способъ изслѣдованія, это — установленіе всѣхъ соотвѣтствій, которыя мы наблюдаемъ. Въ томъ случаѣ, когда языки очень сильно разошлись, а соотвѣтствія рѣдки и не вполнѣ досто-

вѣрны, мы можемъ только установить родство. Для индо-европейскихъ языковъ обстоятельства къ счастью болѣе благопріятныя. Эти языки представляютъ многочисленныя и точныя соотвѣтствія. Два изъ нихъ, индо-иранскій и греческій, засвидѣтельствованы довольно древними памятниками и притомъ засвидѣтельствованы въ формѣ, настолько архаической, что по ней можно судить, каковъ долженъ былъ быть индо-европейскій языкъ. Такимъ образомъ система всѣхъ совпаденій, представляемыхъ индо-европейскими языками, допускаетъ ихъ методическое и подробное изученіе.

Примѣръ, взятый изъ романскихъ языковъ, лучше всего дастъ представленіе о примѣняемомъ способѣ изслѣдованія. Возьмемъ слѣдующій рядъ словъ:

итальянск.	pẹra	tẹla	vẹro	pẹlo
испанск.	pẹra	tẹla	vẹro	pẹlo
сицилійск.	pira	tila	viru	pilu
древне-франц.	peire	teile	veir	peil
(совр. франц.	poire	toile	voire	poil)
	„груша“	„ткань“	„дѣйствительно“	„волосъ“

Если извѣстно, что эти языки родственны между собою, то не можетъ быть сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь четыре слова общаго языка, именно, народнаго латинскаго языка. Такъ какъ ударяемый гласный во всѣхъ четырехъ словахъ одинъ и тотъ же, то мы можемъ заключить, что имѣемъ здѣсь дѣло съ гласнымъ звукомъ этого языка, опредѣляемымъ соотвѣтствіемъ:

итал. ẹ = исп. e = сиц. i = др.-фр. ei (совр. фр. oi).

Можно обозначить звукъ, опредѣляемый этимъ соотвѣтствіемъ, какъ закрытое ẹ. Но нѣкоторые діалекты въ Сардиніи имѣютъ съ одной стороны pira, pilu, съ другой veru. Такъ какъ чередованіе i и e не можетъ быть объяснено вліяніемъ сосѣднихъ артикуляцій, то оно должно быть древнимъ, и мы приходимъ къ установленію двухъ различныхъ соотвѣтствій:

сардинское i = ит. ẹ = исп. e = сиц. i = др.-фр. ei;
сардинское e = ит. ẹ = исп. e = сиц. i = др.-фр. ei;

и такимъ образомъ мы отличаемъ два рода закрытаго ẹ въ народной латыни. Если бы латинскій языкъ не былъ извѣ-

стенъ, мы не могли бы итти далѣе, и сравнительная грамматика романскихъ языковъ не даетъ права на какой либо иной выводъ. Случайность, сохранившая латинскій языкъ, оправдываетъ этотъ выводъ и дѣлаетъ его болѣе точнымъ: первое закрытое e есть латинское краткое ĭ: pĭra; pĭlum, второе есть латинское долгое ē: vērum, tēla.

Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ находится въ томъ же положеніи, въ какомъ была бы сравнительная грамматика романскихъ языковъ, если бы не былъ извѣстенъ латинскій языкъ: единственный объектъ, съ которымъ она имѣетъ дѣло, это — соотвѣтствія между извѣстными языками. Соотвѣтствія предполагаютъ общую основу, но эта общая основа остается неизвѣстною, и представить ее себѣ возможно только путемъ гипотезъ, и гипотезъ недоказуемыхъ. Поэтому только одни соотвѣтствія и составляютъ объектъ науки. Путемъ сравненія невозможно возстановить исчезнувшій языкъ: сравненіе романскихъ языковъ не можетъ дать полнаго и точнаго представленія о народной латыни, и нѣтъ основанія предполагать, что сравненіе индо-европейскихъ языковъ дастъ большіе результаты. Индо-европейскаго языка возстановить невозможно.

Однако, для краткости выраженія, позволительно обозначать однимъ знакомъ каждый опредѣленный рядъ соотвѣтствія звуковъ. Возьмемъ для примѣра:

скр. mádhu „медъ“ = греч. μέθυ „опьяняющій напитокъ“, ср. древн.-исл. miǫ̈dr (др.-верх.-нѣм. meto);
скр. ádhāt „онъ положилъ“ = арм. ed, ср. греч. ἔθηκε, гот. (ga-)de-ƀs „дѣло“;

отсюда вытекаетъ соотвѣтствіе:

(1) скр. dh = греч. θ = арм. d = герм. d̄ (гот. d, др.-верх.-нѣм. t).

Возьмемъ далѣе:

скр. bhárāmi „я несу“, арм. berem, гот. baira, греч. φέρω;
скр. nábhaḥ „облако“ = греч. νέφος, ср. др.-сакс. neƀal;

отсюда вытекаетъ соотвѣтствіе:

(2) скр. bh = греч. φ = арм. b = герм. b.

Можно обозначить первое соотвѣтствіе черезъ dh, а второе черезъ bh, такъ такъ, несомнѣнно, мы имѣемъ здѣсь дѣло со звонкимъ взрывнымъ звукомъ, зубнымъ въ

первомъ случаѣ и губнымъ во второмъ, въ соединеніи съ извѣстной артикуляціей гортани; но единственнымъ положительнымъ фактомъ все же остаются только соотвѣтствія, а „возстановленные звуки“ суть только знаки, которыми кратко обозначаются эти соотвѣтствія.

Правильность соотвѣтствій, которой требуетъ принципъ постоянства фонетическихъ законовъ, часто съ виду нарушается. Оставляя въ сторонѣ уклоненія, происходящія подъ вліяніемъ аналогіи, заимствованія и т. д., мы находимъ двѣ главныя причины этихъ видимыхъ неправильностей:

1. Два звука первоначально различные часто сливаются въ одномъ. Мы видѣли, какъ латинскія ĭ и ē приводятъ въ большинствѣ романскихъ языковъ къ одному и тому же результату. Одному и тому же звуку одного языка въ другихъ языкахъ могутъ соотвѣтствовать два различныхъ звука; такъ въ иранскомъ, въ балтійско-славянскомъ и кельтскомъ звукъ d, соотвѣтствующій системѣ:

скр. dh = греч. ϑ = арм. d = герм. đ,

соотвѣтствуетъ также другой системѣ:

скр. d = греч. δ = арм. t = герм. t;

напримѣръ: др.-слав. **даръ** соотвѣтствуетъ греч. δῶρον, и др.-слав. **медъ** — греческому μέϑυ.

2. Одинъ и тотъ же звукъ можетъ отражаться двоякимъ образомъ въ зависимости отъ занимаемаго имъ положенія; напримѣръ, латинское f въ началѣ слова соотвѣтствуетъ скр. bh = греч. φ, но между глассными мы имѣемъ b; отсюда разница лат. ferō и nebula „облако“.

Приложеніе этого принципа часто приводитъ къ очень тонкимъ комбинаціямъ. Такъ, если сопоставить гот. bindan „связывать“, скр. bandhá „связь“, bándhuḥ „родственникъ“, греч. πενϑερός „тесть“ (собственно „свойственникъ“), то можно прійти къ слѣдующему соотвѣтствію:

скр. b = герм. b = греч. π,

которое предполагало бы особый звукъ $^*b_2$, такъ какъ этотъ рядъ соотвѣтствій отличается отъ обычныхъ:

(1) скр. bh = герм. b = греч. φ
(2) — b = — p = — β
(3) — p = — f (или ƀ) = — π

Но, если мы вспомнимъ, что въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ мы встрѣчаемъ явленіе диссимиляціи придыхательныхъ, засвидѣтельствованное самыми древними текстами, то увидимъ, что скр. bandháḥ, bándhuḥ могутъ замѣнять болѣе древнія формы *bhandháḥ, *bhándhuḥ, и что греч. πενθερός можетъ замѣнять болѣе древнюю форму *φενθερός; такимъ образомъ мы получаемъ совершенно правильное соотвѣтствіе перваго ряда и, такъ какъ кромѣ случаевъ съ двумя придыхательными въ одномъ словѣ, соотвѣтствіе скр. bh = герм. b = греч. π нигдѣ не встрѣчается, то нѣтъ необходимости устанавливать для этого случая особый индоевропейскій звукъ.

Принимая во вниманіе спеціальные звуковые законы каждаго отдѣльнаго языка, можно сказать, что индо-европейскій звукъ опредѣляется правильною системою соотвѣтствій. Число этихъ системъ указываетъ минимальное число отдѣльныхъ индо-европейскихъ звуковъ. Индо-европейскій языкъ могъ различать еще и другіе звуки, но сравнительная грамматика не имѣетъ никакого средства ихъ опредѣлить, да и нѣтъ ей никакого интереса дѣлать это, такъ какъ ея объектомъ является не химерическое возстановленіе исчезнувшаго языка, но методическое изслѣдованіе соотвѣтствій между дѣйствительными языками.

Въ морфологіи мы поступаемъ точно такъ же. Такъ первичное окончаніе 3. лица единственнаго числа дѣйствительнаго залога атематическаго настоящаго времени есть скр. -ti, греч. -τι (діалект. -σι), др.-русск. -ть, др.-литовск. -ti, кельтск. *-ti, лат. -t(i); если условиться знакомъ *t обозначать звукъ, опредѣляемый соотвѣтствіемъ скр. t = греч. τ = балт.-слав. t и т. д., и знакомъ *i соотвѣтствіе скр. i = греч. ι = др.-рус. ь = лит. i и т. д., то можно сказать, что наше окончаніе есть индо-европейское *-ti: скр. ás-ti „есть“, греч. ἔσ-τι, др.-рус. ес-ть, др.-лит. es-ti, гот. is-t, лат. es-t. Приведенный примѣръ позволяетъ также опредѣлить и глагольную основу (которая въ то же время есть и корень), какъ индоевроп. *es-.

Многочисленныя совпаденія происходятъ отъ одинаковаго развитія въ нѣсколькихъ языкахъ и потому не имѣютъ доказательной силы для индо-европейскаго языка. Такъ 1 лицо единств. ч. настоящаго времени дѣйствительнаго залога отъ

глагола „нести“ въ санскритск. имѣетъ форму bhárāmi, сербское бѐрēм, арм. berem, др.-ирл. berim, и можно было бы склоняться къ тому выводу, что въ такъ называемыхъ тематическихъ глаголахъ (греческіе глаголы на -ω) 1 лицо характеризовалось окончаніемъ *-mi; но этому противорѣчатъ гатское (зендск.) barā, греч. φέρω, лат. fero, гот. baira. И дѣйствительно можно установить, что *-mi есть позднѣйшая прибавка во всѣхъ приведенныхъ формахъ; др.-слав. берѫ не имѣетъ окончанія *-mi и сербск. бѐрēм появляется въ историческое время существованія сербскаго языка; др.-ирландскій языкъ, имѣющій форму berim, имѣетъ также do-biur, которое предполагаетъ *bherō; армянское berem ничего не доказываетъ по различнымъ причинамъ, разбирать которыя было бы слишкомъ долго; наконецъ, достаточно одной гатской формы barā для доказательства того, что скр. bhárāmi не представляетъ индо-иранской формы. Изъ этого видно, что соотвѣтствіями можно пользоваться только послѣ строгой критики.

Совокупность фонетическихъ, морфологическихъ и синтаксическихъ соотвѣтствій позволяетъ составить себѣ общее представленіе объ общемъ элементѣ индо-европейскихъ языковъ; что же касается подробностей какъ самаго индо-европейскаго языка, такъ и развитія его въ промежутокъ между періодомъ единства и исторически засвидѣтельствованными формами каждаго отдѣльнаго языка, то онѣ, конечно, въ значительной мѣрѣ ускользаютъ отъ насъ. И, какъ мы только что видѣли, методъ сравнительной грамматики вовсе не позволяетъ возстановлять индо-европейскій языкъ, какъ думали раньше: онъ даетъ возможность установить лишь опредѣленную систему соотвѣтствій между исторически засвидѣтельствованными языками. Все, что излагается въ этомъ сочиненіи, въ какой бы ни было формѣ, должно быть понимаемо въ этомъ смыслѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ видѣ исключенія для краткости индо-европейскій языкъ предполагается какъ бы извѣстнымъ.

Съ этой оговоркой, сравнительная грамматика представляетъ изъ себя ту форму исторической грамматики, которую она принимаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда развитіе языка не можетъ быть прослѣжено на основаніи документовъ. Да и всякая историческая грамматика есть въ сущности тоже срав-

нительная, такъ какъ даже для языковъ наиболѣе извѣстныхъ положеніе дѣлъ далеко не такъ благопріятно, чтобы подробности развитія каждаго говора были засвидѣтельствованы текстами, и пользоваться различными современными языками, особенно мѣстными говорами, возможно только путемъ пріемовъ сравненія. Но что составляетъ особенность и трудность общей сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, это — то, что она чисто сравнительная: для нея былъ созданъ сравнительный методъ, и она остается лучшимъ примѣромъ приложенія этого метода.

Только что приведенныя разъясненія позволяютъ намъ въ короткихъ словахъ устранить два ошибочныхъ взгляда, которые противорѣчатъ самому духу сравнительнаго метода.

1. Долгое время думали, что индо-европейскій языкъ есть языкъ первобытный: думали поэтому, что сравнительная грамматика позволяетъ заглянуть въ „органическій“ періодъ языка, когда онъ складывался и когда устанавливалась его форма. Но индо-европейскій языкъ по отношенію къ санскритскому, греческому и др., есть то же самое, что латинскій по отношенію къ итальянскому, французскому и т. д.; единственное различіе заключается въ томъ, что у насъ нѣтъ никакого указанія, ни прямого, ни косвеннаго (путемъ сравненія), которое бы давало намъ хоть какія-нибудь свѣдѣнія о праиндо-европейскомъ языкѣ. Конечно, народности, говорившія на индо-европейскомъ языкѣ, должны были стоять на уровнѣ цивилизаціи близкомъ къ уровню африканскихъ негровъ или сѣверо-американскихъ индѣйцевъ; но языки негровъ и индѣйцевъ не имѣютъ ничего „первобытнаго“ или „органическаго“. Каждый изъ говоровъ этихъ языковъ имѣетъ уже сложившуюся форму, и ихъ грамматическая система часто оказывается очень тонкою и сложною. То же было и въ индо-европейскомъ языкѣ. Ни одинъ лингвистъ въ настоящее время не можетъ думать, чтобы сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ бросала хотя бы малѣйшій свѣтъ на первыя ступени языка. Индоевропейскій языкъ, повидимому, не древнѣе и во всякомъ случаѣ не „первобытнѣе“ египетскаго языка пирамидъ и древне-вавилонскаго; вѣроятно, онъ гораздо моложе ихъ.

2. Даже не увлекаясь мыслью, будто сравнительная грамматика можетъ освѣтить процессъ сложенія языка, часто

пытаются дать индо-европейскимъ формамъ историческое объясненіе. Напримѣръ, задавались вопросомъ, не представляютъ ли личныя окончанія глагола древнихъ мѣстоименій-суффиксовъ, или, не объясняются ли извѣстными фонетическими измѣненіями такія чередованія гласныхъ, какъ греч. εἶμι — ἴμεν. Но объясненія такого рода суть чистыя гипотезы, которыя не поддаются доказательству. И дѣйствительно, объяснить исторически какую-либо форму, можно только другою болѣе древнею формой; а въ нашемъ случаѣ этихъ болѣе древнихъ формъ мы не имѣемъ. Ихъ не только нѣтъ, но мы не можемъ даже ихъ и „возстановлять“ при помощи сравненія. Исторически объяснять индо-европейскій языкъ мы будемъ въ состояніи только тогда, когда будетъ доказано его родство съ другими семьями языковъ и когда такимъ образомъ окажется возможнымъ установить системы соотвѣтствій и при ихъ помощи составить представленіе о до-индоевропейскомъ періодѣ. Все, что мы знаемъ о развитіи языковъ, показываетъ, что факты слишкомъ сложны и не допускаютъ догадокъ. Никто не сомнѣвается, что было бы наивно объяснять явленія французскаго языка, не зная ни другихъ романскихъ языковъ, ни латинскаго; не менѣе наивно объяснять индо-европейскій языкъ; задача эта становится еще болѣе нелѣпой потому, что мы не имѣемъ самаго индо-европейскаго языка, а имѣемъ только системы соотвѣтствій, которыя косвенно даютъ о немъ представленіе. Поэтому въ этой книгѣ оставлены безъ разсмотрѣнія всѣ тѣ гипотезы, которыя были высказаны и продолжаютъ высказываться относительно объясненія подробностей индо-европейскаго склоненія и спряженія.

Здѣсь мы будемъ изслѣдовать только одно: соотвѣтствія между различными индо-европейскими языками, отражающія древнія общія формы; совокупность этихъ соотвѣтствій составляетъ то, что называется индо-европейскимъ языкомъ.

Глава вторая.

Индо-европейскіе языки.

Въ каждомъ изъ подраздѣленій соціальной группы, въ которой говорятъ на одномъ языкѣ, языкъ этотъ представляетъ извѣстныя особенности въ произношеніи, въ грамматикѣ и въ словарѣ. Эти особенности наслѣдуются изъ поколѣнія въ поколѣніе, и каждое новое поколѣніе увеличиваетъ ихъ количество. Это — явленіе общее, и потому слѣдуетъ считать извѣстнымъ a priori, что даже въ то время, когда индоевропейскій языкъ, собственно говоря, составлялъ одинъ языкъ, и когда говорившіе на немъ жили еще въ одномъ мѣстѣ, индо-европейскіе говоры болѣе или менѣе замѣтно различались между собою.

Когда мы слѣдимъ за развитіемъ исторически засвидѣтельствованныхъ языковъ, мы замѣчаемъ, что большинство особенностей не свойственно одной только мѣстности, но наблюдается во многихъ сосѣднихъ другъ къ другу общественныхъ группахъ. Такъ, напримѣръ, произношеніе какъ e ударяемаго латинскаго á (cantáre „пѣть“ даетъ chanter) наблюдается во всѣхъ говорахъ сѣверной Франціи; то же можно сказать о произношеніи какъ v латинскаго p между гласными или звуками полугласнаго характера (cápra „коза“ даетъ chèvre). Но каждая изъ этихъ особенностей имѣетъ свои границы. Напр., латинское ударяемое a переходитъ въ e и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ латинское p между гласными или полугласными элементами переходитъ не въ v, какъ на сѣверѣ Франціи, но въ b, какъ на югѣ: такъ одинъ и тотъ же беррійскій говоръ[1]) въ передачѣ лат. cápra имѣетъ e, какъ

1) [въ департаментахъ Cher и Indre, по одноименнымъ притокамъ Луары]

французское chèvre, и b, какъ провансальское cabra, и произноситъ это слово šyeb. На этомъ основаніи составляютъ карты Франціи, гдѣ обозначаются границы каждой изъ особенностей, происшедшихъ въ теченіе историческаго развитія латинскаго языка на французской территоріи. Различныя особенности индо-европейскихъ говоровъ имѣли точно также свои географическія границы, и слѣды ихъ можно замѣтить еще и теперь. Такъ гортанные звуки иначе произносились въ тѣхъ говорахъ, изъ которыхъ развились индо-иранскій, армянскій, албанскій, балтійскій и славянскій языки, нежели въ тѣхъ, изъ которыхъ произошли греческій, германскій, осско-умбрскій и латинскій языки; послѣ r и k согласный звукъ s въ индо-иранскомъ, балтійскомъ и славянскомъ языкахъ отражается иначе, нежели въ другихъ языкахъ; начальное s въ иранскомъ, армянскомъ и греческомъ отражается иначе, чѣмъ во всѣхъ другихъ языкахъ; типы такихъ глаголовъ, какъ греч. τείνω „тяну“, и такихъ именъ, какъ гр. τόνος „напряженіе, тонъ“ играютъ важную роль въ индо-иранскомъ, балтійскомъ, славянскомъ и греческомъ, но очень незначительную — въ другихъ языкахъ; есть много словъ, общихъ балтійско-славянскому и индо-иранскому языку и не встрѣчающихся въ другихъ языкахъ, какъ напр. скр. kr̥ṣṇáḥ, др.-сл. врънъ, др.-прус. kirsnan „черный“; другія слова существуютъ только въ германскомъ, кельтскомъ и италійскомъ, какъ напр. лат. uāstus, ирл. fās „пустой“, др. врх.-нѣм. wuosti (совр. wüst) „пустынный“.

Обыкновенно нѣкоторое количество мѣстныхъ говоровъ представляютъ общія характерныя черты, и совокупность говоровъ, которые, не будучи тождественны, представляютъ общія особенности и общій видъ сходства, ощутимаго для говорящихъ, называютъ діалектомъ. Такъ въ греческомъ іонической діалектъ противуполагаютъ діалектамъ дорическому, эолическому и др.; но дорическій діалектъ, напримѣръ, не представляетъ поэтому нѣчто единое, и дѣйствительно, лаконскій говоръ отличался отъ говоровъ Аргоса, Гортины и др. Пока не происходитъ никакихъ историческихъ случайностей, діалекты не имѣютъ опредѣленныхъ границъ, такъ какъ каждая ихъ особенность имѣетъ свою собственную область распространенія. Трудно указать, гдѣ начинаются сѣверно-французскіе діалекты и гдѣ кончаются діалекты про-

вансальскіе или юго-восточные галло-романскіе (средне-ронскіе). Нѣкоторыя группы несомнѣнно принадлежатъ сѣверу, другія — несомнѣнно югу, но есть промежуточные пояса. Только историческія случайности вызываютъ созданіе опредѣленныхъ границъ: парижскій говоръ стремится распространиться на всю Францію; онъ сталкивается такимъ образомъ съ тосканскимъ діалектомъ, лежащимъ въ основѣ литературнаго итальянскаго языка и стремящимся распространиться на всю Италію. Съ этого момента происходитъ соприкосновеніе двухъ діалектовъ, иногда очень далекихъ другъ отъ друга, и граница, совпадающая съ политической, можетъ быть проведена точно, хотя мѣстные говоры, лежащіе между парижскимъ и тосканскимъ предствляютъ рядъ почти незамѣтныхъ переходовъ.

Индо-европейскіе діалекты не были закрѣплены на письмѣ и извѣстны намъ съ такого времени, когда группы населенія, говорившаго на нихъ, уже давно отдѣлились другъ отъ друга, когда каждый діалектъ въ своемъ отдѣльномъ развитіи подвергся глубокимъ измѣненіямъ, неизвѣстнымъ въ другихъ діалектахъ, и когда, наконецъ, установившіеся такимъ образомъ языки распространились путемъ заимствованія въ болѣе или менѣе многочисленныхъ группахъ населенія. Поэтому различеніе главныхъ индо-европейскихъ діалектовъ не представляетъ никакихъ затрудненій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ романскихъ языкахъ, и число сохранившихся индо-европейскихъ діалектовъ не даетъ повода къ возраженію. Мы имѣемъ, начиная съ востока, слѣдующія семь группъ весьма различнаго значенія: индо-иранскую, армянскую, балтійско-славянскую, албанскую, греческую, германскую, италійскую (латинскую съ оско-умбрскою) и кельтскую (составляющую съ предшествующей группой одну: итало-кельтскую).

Только три группы извѣстны изъ документовъ, восходящихъ ко времени до Р. Х.: индо-иранская, греческая и италійская. Всѣ остальныя засвидѣтельствованы только съ того времени, когда проповѣдь христіанства закрѣпила языкъ письменностью, т. е. по крайней мѣрѣ нѣсколькими вѣками позже древнѣйшихъ текстовъ предшествующихъ группъ, и лишь послѣ того какъ эллинская и римская культура оказала на языки свое вліяніе.

Каждый изъ индо-европейскихъ языковъ, къ какой бы эпохѣ ни восходили его древнѣйшіе тексты, представляетъ уже съ самаго начала фонетическую и морфологическую систему, совершенно отличную отъ системы обще-индоевропейской. Такъ, если взять только одну сторону произношенія, индо-иранская группа смѣшиваетъ съ самаго начала въ одномъ звукѣ a три индо-европейскихъ гласныхъ a, e и o; германская и армянская группы произвели полное измѣненіе всѣхъ взрывныхъ звуковъ; греческій языкъ измѣнилъ s и y, два очень важныхъ звука индо-европейскаго языка. Такимъ образомъ каждая изъ группъ характеризуется широкими и систематическими измѣненіями языковаго строя.

I. Индо-иранская группа.

Индо-иранская группа обнимаетъ двѣ различныя группы: индійскую и иранскую. Эти двѣ группы представляютъ значительное число общихъ особенностей и отличаются одна отъ другой не болѣе, чѣмъ, напримѣръ, верхне-нѣмецкій языкъ отъ нижне-нѣмецкаго. Народы, говорившіе на этихъ языкахъ обозначали себя общимъ именемъ ā r y a „арійцами“, и самое имя Ирана сохраняетъ донынѣ это старинное имя: родительный множеств. числа a r y ā n ā m далъ въ средне-персидскомъ множ. число ē r ā n, которое затѣмъ стало произноситься ī r ā n. Собственнаго имени, соотвѣтствующаго этому названію, нѣтъ ни въ одномъ изъ индо-европейскихъ діалектовъ; поэтому только одни индо-иранскіе діалекты могутъ называться а р і й с к и м и, и въ Германіи словомъ a r i s c h называется та группа, которую мы назвали индо-иранской. Слово а р і й с к і й вовсе не употребляется въ этой книгѣ во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній.

1. **Индо-иранскій языкъ Индіи.** — Самые древніе точно датированные тексты восходятъ ко времени не древнѣе середины III вѣка до Р. Х.; это надписи великаго покровителя буддизма, царя Ашоки. Эти надписи, находящіяся въ весьма различныхъ мѣстностяхъ Индіи до Декана включительно, представляютъ мѣстныя редакціи, которыя сильно различаются другъ отъ друга смотря по областямъ, но имѣютъ ту общую черту, что написаны не на санскритскомъ языкѣ, а на языкѣ болѣе новой формы: самые древніе датированные индійскіе

тексты даютъ намъ не древне-индійскій языкъ, а средне-индійскій. Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ цѣлый рядъ не датированныхъ текстовъ, которые по языку и содержанію, очевидно, древнѣе надписей Ашоки. Это — ведическіе тексты и прежде всего большой сборникъ гимновъ, которые произносились при жертвоприношеніяхъ однимъ изъ жрецовъ, носившимъ имя hotar. Эти гимны, написанные стихотворными строфами, первоначально составляли нѣсколько различныхъ сборниковъ, а затѣмъ были сведены въ одинъ, который извѣстенъ подъ именемъ Ригведы — Ṛgveda (Веда гимновъ). Изъ всѣхъ индійскихъ текстовъ это самый древній по языку. Другіе сборники гимновъ, не менѣе древніе по содержанію, съ лингвистической точки зрѣнія являются менѣе архаичными; таковъ самый важный изъ нихъ — Атхарваведа (Atharvaveda). Прозаическіе тексты, брáхманы (brāhmaṇa), гдѣ излагается теорія ведической религіи, представляютъ санскритскій языкъ еще болѣе новой формы. Языкъ брáхманъ постепенно приближается къ тому языку, правила котораго изложилъ грамматикъ Пáнини (Pāṇini), и который, съ небольшими отклоненіями, является также языкомъ великихъ эпическихъ поэмъ Махабхáраты (Mahābhārata) и Рамáяны (Rāmāyaṇa) и, наконецъ, языкомъ индійской изящной литературы. Вся классическая санскритская литература относится ко времени позднѣе III вѣка до Р. Х., т. е. къ такому времени, когда ступень санскрита уже миновала въ живомъ народномъ языкѣ; слѣдовательно, языкъ, на которомъ она написана, обязанъ своимъ существованіемъ литературной и грамматической традиціи и не можетъ быть признанъ прямымъ и непосредственнымъ памятникомъ языка. Тексты ведъ и брáхманъ, хотя также далеко не свободны отъ сильныхъ вліяній литературной традиціи, однако даютъ свидѣтельства совсѣмъ иного достоинства, и лингвисты пользуются текстами классическаго санскрита только въ тѣхъ случаяхъ, когда случайно болѣе древніе тексты оказываются недостаточны. — Ригведа сложилась, повидимому, на сѣверо-западѣ Индіи, именно въ Пенджабѣ и области, прилегающей къ нему съ востока. Особенности позднѣйшихъ текстовъ въ общемъ не объясняются болѣе древними діалектическими различіями, а являются по большей части результатомъ вѣкового развитія

языка. Классическій санскритъ есть не что иное, какъ традиціонный, урегулированный грамматиками компромиссъ между ведическимъ языкомъ и языкомъ, на которомъ говорили позднѣе. Ни для одного санскритскаго текста невозможно установить никакихъ діалектическихъ различій.

Средне-индійскій языкъ засвидѣтельствованъ древнѣйшими надписями со временъ Ашóки, священнымъ языкомъ южныхъ буддистовъ пáли (pāli) и пракритскими текстами. Пракритскія нарѣчія — это литературные языки, употребляемые нѣкоторыми, особенно драматическими писателями, которые влагаютъ въ уста дѣйствующихъ лицъ сообразно съ ихъ общественнымъ положеніемъ то санскритъ, то тотъ или другой пракритъ. Языкъ древнѣйшихъ надписей имѣетъ очевидно мѣстный, но не рѣзко мѣстный характеръ; съ другой стороны пракритскія нарѣчія носятъ по большей части мѣстныя названія, какъ Māhārāṣṭrī „языкъ (области) Махараштры“, Çaurasenī „языкъ (области) Шурасены“ и т. д. Что бы мы ни думали относительно точности, съ которою тексты воспроизводятъ то или другое мѣстное нарѣчіе, несомнѣнно, что въ нихъ мы не находимъ почти ничего, что не находило бы себѣ объясненія въ ведическомъ языкѣ. Памятники средне-индійскаго языка даютъ намъ представленіе о развитіи языка, но они не позволяютъ предполагать, чтобы въ Индіи когда-нибудь въ древности существовалъ діалектъ, существенно отличный отъ ведическаго.

Всѣ индо-иранскіе діалекты, на которыхъ говорятъ въ настоящее время въ Индіи, отъ Гималайскихъ горъ до Цейлона (сингальскій языкъ принадлежитъ къ индо-иранской группѣ), произошли, повидимому, путемъ постепеннаго распространенія по всему полуострову тѣхъ діалектовъ, древнѣйшимъ памятникомъ которыхъ является текстъ Ригведы и на которыхъ говорили поселившіеся въ Пенджабѣ арійцы. Еще и теперь индо-иранскіе діалекты не распространены по всей Индіи, и въ областяхъ наиболѣе далекихъ отъ Пенджаба, т. е. на восточномъ берегу полуострова и на югѣ Декана, говорятъ на языкахъ не индо-европейскихъ.

2. Индо-иранскіе діалекты Ирана. — Здѣсь мы встрѣчаемъ съ самаго начала два различныхъ діалекта:

а. Древне-персидскія надписи Дарія (царствовалъ съ 522 до 486 года до Р. Х.) и его преемниковъ писаны

очень простою клинописью; онѣ представляютъ самые древніе датированные индо-европейскіе тексты значительнаго объема. Болѣе новая и совершенно измѣненная форма того-же діалекта сохранилась въ пехлевійскихъ надписяхъ сассанидовъ; древнѣйшая изъ нихъ принадлежитъ самому основателю сассанидской династіи Ардаширу (Artaxšatr i Pāpakān — 226—241 по Р. Х.). Существуетъ также цѣлая литература поклонниковъ Мазды на пехлевійскомъ языкѣ, которая сложилась въ эпоху сассанидовъ; и недавно въ центральной Азіи были открыты отрывки манихейскихъ текстовъ на нѣсколько иномъ пехлевійскомъ діалектѣ, котораго алфавитъ проще и яснѣе пехлевійскаго алфавита поклонниковъ Мазды. Литературный персидскій языкъ появляется тогда, когда послѣ арабскаго завоеванія, въ Персіи утверждаются національныя мусульманскія династіи, т. е. въ IX вѣкѣ по Р. Х. Съ этого времени произошли нѣкоторыя измѣненія въ частностяхъ, но не произошло никакой перемѣны въ строѣ языка.

b. Восточный діалектъ сохранился въ древнихъ религіозныхъ текстахъ поклонниковъ Мазды, въ Авестѣ. Авеста, отъ которой сохранилась только довольно небольшая часть, была окончательно составлена только въ эпоху сассанидовъ. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго точнаго указанія ни относительно времени, когда различныя части Авесты могли быть написаны, ни относительно родины ихъ авторовъ. Текстъ содержитъ двѣ различныя части: съ одной стороны — гаты (gāθā), которые почти всѣ написаны строфами, подобными ведическимъ, и древность языка которыхъ не уступаетъ самой Ригведѣ; съ другой стороны — всю остальную часть книги, написанную въ большей своей части, если не вполнѣ, на языкѣ, который не былъ разговорнымъ языкомъ авторовъ, а былъ языкомъ ученыхъ, подобно латинскому языку меровинговъ или каролинговъ.

Независимо отъ этихъ двухъ діалектовъ, засвидѣтельствованныхъ въ сравнительно древней формѣ и имѣющихъ литературу, описано еще большое число новыхъ говоровъ, на которыхъ говорятъ въ области отъ Памира до Курдистана и отъ Белуджистана и Афганистана до Каспійскаго моря. Эти діалекты даютъ возможность до нѣкоторой степени заполнить пробѣлы, которые оставляютъ древніе тексты вслѣдствіе ихъ неясности и краткости.

Въ Кавказскихъ горахъ мы встрѣчаемъ также одинъ иранскій говоръ, это языкъ осетинъ, который повидимому представляетъ остатокъ скиѳскихъ діалектовъ. Другіе остатки этихъ діалектовъ, быть можетъ, сохраняются въ иранскихъ говорахъ Памира.

Древніе индо-иранскіе діалекты менѣе всѣхъ другихъ измѣнили общій видъ индо-европейской морфологіи; они одни даютъ возможность наблюдать древнюю роль корней; они одни сохранили восемь падежей индо-европейскаго склоненія; и т. д. Вслѣдствіе этого сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ возникла только тогда, когда древніе индо-иранскіе діалекты были сопоставлены съ греческимъ, латинскимъ и германскимъ, и безъ серьезнаго знакомства съ древними индо-иранскими діалектами невозможно никакое самостоятельное изслѣдованіе этого рода вопросовъ, а возможно лишь знакомство съ общими положеніями.

II. Греческая группа.

Съ самаго начала литературной и эпиграфической традиціи, т. е. съ VII по V вѣкъ до Р. Х., каждый изъ греческихъ городовъ имѣетъ свой говоръ, но эти говоры не очень сильно отличались другъ отъ друга, такъ что основное единство языка сознавалось, и грекъ со своимъ говоромъ могъ быть понятъ въ любомъ мѣстѣ греческой области. Главныя діалектическія группы греческаго языка слѣдующія:

1. Іоническо-аттическая. — α. Іоническій діалектъ былъ распространенъ въ двѣнадцати іонійскихъ городахъ Малой Азіи (Геродотъ различалъ четыре говора: милетскій, эфесскій, самосскій и хіосскій, которые мы не можемъ характеризовать на основаніи извѣстныхъ намъ текстовъ), на части Цикладскихъ острововъ (Паросъ, Тасосъ, Наксосъ, Кеосъ), на островѣ Эвбеѣ. Немногочисленныя надписи даютъ немного особенностей, свойственныхъ каждому отдѣльному городу. Съ VII вѣка на іоническомъ діалектѣ пишутъ поэты, какъ Архилохъ изъ Пароса и Каллинъ изъ Эфеса, а съ VI вѣка и прозаики, какъ Геродотъ (около 484—425 г. до Р. Х.).

β. Аттическій діалектъ во многихъ отношеніяхъ очень близокъ къ іоническому. Онъ извѣстенъ съ VII вѣка до Р. Х. по надписямъ и по богатой литературѣ въ стихахъ и въ прозѣ.

2. Аркадско-кипрская группа. — Діалектическія надписи Кипра, хотя и не древнѣе IV и V в. до Р. Х., представляютъ однако особенный интересъ тѣмъ, что написаны особымъ силлабическимъ алфавитомъ, совершенно отличнымъ отъ обыкновеннаго греческаго алфавита.

3. Сѣверо-восточную группу составляютъ Беотія, Θессалія, Лесбосъ и эолическіе города Малой Азіи. Лесбійскіе поэты конца VII и начала VI вѣка до Р. Х., Алкей и Сапфо писали на нарѣчіи своего родного острова Лесбоса: это эолійскій литературный языкъ. Θессалійскій и Беотійскій діалекты извѣстны главнымъ образомъ изъ надписей. Беотійскія надписи особенно интересны тою заботливостью, съ которою они отмѣчаютъ мѣстное произношеніе въ различныя времена.

4. Дорическая группа. — Дорическіе говоры болѣе отличаются между собою, нежели іоническіе, или потому, что они въ дѣйствительности отличались другъ отъ друга, или потому, что отсутствіе опредѣленнаго литературнаго діалекта дало возможность каждому говору точнѣе отмѣчать мѣстныя особенности. Къ дорическому говору принадлежатъ: Лаконія со своими колоніями, Тарентъ и Гераклея, Мессенія, Аргосъ, Коринѳъ со своими колоніями, Корцира и Сиракузы, Мегара съ колоніями, Критъ, дорическіе острова: Эгина, Косъ и др. Дорическій діалектъ извѣстенъ кромѣ того изъ надписей, важнѣйшія изъ которыхъ — Гортинскіе законы (Критъ) и Гераклейскія таблицы. Литературные тексты даютъ довольно смутное представленіе о діалектѣ.

О сѣверо-западныхъ говорахъ (Эпиръ, Этолія, Локрида, Фокида и др.) мы знаемъ только изъ надписей. Лучше другихъ извѣстенъ говоръ Дельфъ. Элидскій говоръ извѣстенъ тоже только изъ надписей. Всѣ эти говоры не отличаются ничѣмъ существеннымъ отъ дорическаго.

Гомеровскія поэмы Иліада и Одиссея, главныя части которыхъ древнѣе всей остальной греческой литературы, составлены на литературномъ языкѣ, который на первый взглядъ имѣетъ общій обликъ іоническаго діалекта, но заключаетъ въ себѣ много эолическихъ элементовъ. Хотя этотъ языкъ не представляетъ никакого мѣстнаго говора опредѣленнаго времени, тѣмъ не менѣе онъ крайне интересенъ для лингвиста, такъ какъ этотъ древній литературный языкъ сохранилъ путемъ традиціи много доисторическихъ формъ.

Мѣстныя нарѣчія прекратили свое существованіе: съ IV в. до Р. Х. устанавливается общій языкъ (κοινή), который постепенно устраняетъ мѣстныя особенности, и въ основѣ всѣхъ говоровъ ново-греческаго языка лежитъ этотъ общегреческій языкъ.

Древне-греческій языкъ извѣстенъ намъ почти съ такого же древняго времени, какъ и индо-иранскій; его морфологія сохранила нѣсколько менѣе древнихъ чертъ, но вокализмъ сохранился въ формѣ гораздо болѣе ясной. Поэтому знаніе древне-греческаго языка не менѣе необходимо лингвисту, чѣмъ знаніе индо-иранскаго языка.

III. Итало-кельтская группа.

Италійскіе и кельтскіе діалекты, весьма различные съ перваго взгляда, повидимому имѣли однако нѣкоторый періодъ общаго развитія, на который указываютъ общія особенности: родительный падежъ на -ī въ основахъ на -o-, страдательный залогъ на -r и т. д.

1. Италійскіе діалекты.

Кромѣ индо-иранскаго и греческаго, одна только группа италійскихъ діалектовъ засвидѣтельствована памятниками древнѣе христіанской эры. Этрусскій языкъ, который нѣтъ основанія относить къ индо-европейскимъ языкамъ, во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ этими діалектами; изъ нихъ главные суть: латинскій, умбрскій и осскій.

1. Латинскій языкъ, представляемый говоромъ города Рима и его ближайшихъ окрестностей, нѣсколько извѣстенъ намъ только со второй половины III вѣка до Р. Х. Болѣе древніе недатированные тексты имѣютъ очень мало значенія. Очень мало извѣстно намъ о говорахъ деревенскихъ, которые, судя по древнимъ надписямъ Пренесты, значительно отличались отъ римскаго говора. Вслѣдствіе римскаго завоеванія латинскій языкъ сдѣлался языкомъ всей западной половины Римской имперіи и, когда имперія пала, онъ сталъ развиваться независимо въ каждой отдѣльной мѣстности. Вмѣстѣ съ образованіемъ новыхъ европейскихъ національностей, сложился и рядъ самостоятельныхъ языковъ, представляющихъ видоизмѣненія латинскаго: итальянскій, испан-

скій, португальскій, французскій, провансальскій, румынскій и т. д. Начиная съ XVI вѣка европейская колонизація дала новое распространеніе этимъ новымъ формамъ латинскаго языка: на португальскомъ языкѣ говорятъ въ Бразиліи, на испанскомъ — въ остальной части Южной Америки и далѣе къ сѣверу до Соединенныхъ Штатовъ, на французскомъ — въ Канадѣ, въ Алжирѣ и въ большомъ числѣ мѣстностей Америки, Африки и Азіи. Благодаря этому послѣдовательному распространенію говоръ города Рима распространился по всѣмъ частямъ свѣта.

2. Умбрскій языкъ извѣстенъ только по недатированнымъ Евгубинскимъ таблицамъ, содержащимъ жертвенный ритуалъ и восходящимъ ко времени до Р. Х.

3. Осскій языкъ тоже извѣстенъ только изъ надписей, найденныхъ въ Мессинѣ, Бруттіумѣ, Луканіи и Кампаніи (особенно въ Помпеяхъ, Абеллѣ, Капуѣ) и на сѣверѣ вплоть до Самніума включительно.

Осскій и умбрскій діалекты сильно отличаются отъ латинскаго языка; они до нѣкоторой степени похожи другъ на друга, но не настолько, чтобы умбріецъ могъ непосредственно понимать осскій языкъ или наоборотъ. Различные италійскіе діалекты всѣ уступили мѣсто латинскому языку въ началѣ христіанской эры.

Часто сближаютъ латинскій языкъ съ греческимъ, но это дѣлается единственно по историческимъ причинамъ, такъ какъ классическое воспитаніе долго основывалось на изученіи этихъ двухъ языковъ; съ лингвистической точки зрѣнія латинскій языкъ не имѣетъ спеціальной близости къ греческому, и, если возможно какую либо группу діалектовъ сближать съ италійскими, то это діалекты кельтскіе.

2. Кельтскіе діалекты.

Мы знаемъ три кельтскихъ діалекта:

1. Галльскій діалектъ, который благодаря военнымъ походамъ распространился въ Галліи, сѣверной Италіи и даже въ Малой Азіи, исчезъ повсюду начиная съ первыхъ вѣковъ по Р. Х. Отъ него не дошло ниодного пространнаго текста. Однако многочисленныя имена собственныя, сообщаемыя греческими и латинскими историками, позволяютъ составить нѣ-

которое представленіе о его фонетикѣ, которая имѣетъ очень архаическій видъ. Надписи, слишкомъ рѣдкія и слишкомъ неясныя, не даютъ представленія о морфологіи и синтаксисѣ.

2. Британскій діалектъ, языкъ Великобританіи, былъ вытѣсненъ германскимъ языкомъ и представленъ только тремя сравнительно новыми формами:

a. Кимрскій говоръ, въ Уэльсѣ, представленъ литературными текстами начиная съ XI вѣка.

b. Корнскій говоръ, въ Корнуэльсѣ, извѣстный по словарю XIII вѣка и по нѣсколькимъ текстамъ начиная съ XV вѣка, вымеръ въ началѣ XVIII вѣка.

c. Бретонскій говоръ, во Франціи на полуостровѣ Арморикѣ, извѣстный по нѣкоторымъ глоссамъ начиная съ VIII вѣка, а по литературнымъ текстамъ съ XIV, существуетъ до настоящаго времени въ деревенскихъ частяхъ Арморики. Бретонскій говоръ не представляетъ изъ себя остатокъ галльскаго языка, это языкъ переселенцевъ, пришедшихъ изъ Великобританіи главнымъ образомъ во время саксонскаго завоеванія.

3. Гельскій діалектъ представленъ многочисленными ирландскими глоссами начиная съ VII в. по Р. Х., а затѣмъ богатой ирландской литературой. На немъ говорятъ до настоящаго времени въ части Ирландіи и Шотландіи и на островѣ Мэнѣ. Изъ всѣхъ кельтскихъ діалектовъ одинъ только ирландскій языкъ въ своей древнѣйшей формѣ сохранилъ богатое старое склоненіе и спряженіе, и потому сравнительная грамматика постоянно пользуется данными ирландскаго языка.

IV. Германская группа.

Въ германскихъ діалектахъ различаются три группы:

1. Готская группа представлена остатками перевода Библіи, сдѣланнаго епископомъ Вýльфилой въ IV в. по Р. Х.; нѣсколько документовъ, написанныхъ въ VI в. въ Италіи, составлены почти на томъ же самомъ языкѣ. Въ XVI в. голландецъ Бусбекъ нашелъ въ Крыму народъ, говорившій еще несомнѣнно на готскомъ языкѣ, и записалъ нѣсколько словъ этого языка. Въ другихъ мѣстахъ готскій языкъ вымеръ очень рано.

2. Сѣверно-германская группа представлена прежде всего руническими надписями, изъ которыхъ самыя древнія относятся ко времени не раньше III вѣка по Р. Х. Эта группа состоитъ изъ нѣсколькихъ діалектовъ:

a. Исландскій діалектъ: самыя древнія рукописи восходятъ къ концу XII вѣка. Языкъ, сохранившійся въ этихъ рукописяхъ, называютъ древне-исландскимъ, и его обыкновенно цитируютъ въ сравнительной грамматикѣ, какъ представителя сѣверно-германской группы.

b. Норвежскій діалектъ, очень близокъ къ исландскому и представляетъ собственно нарѣчіе того же языка; засвидѣтельствованъ памятниками приблизительно съ того же времени.

c. Шведскій діалектъ.

d. Дацкій діалектъ.

3. Западно-германская группа гораздо менѣе однородна, чѣмъ сѣверная. Здѣсь различаютъ:

a. Верхне-нѣмецкій діалектъ, который самъ вовсе не однороденъ: каждый текстъ представляетъ особый говоръ. Отъ VIII вѣка мы не имѣемъ ничего кромѣ глоссъ. Литература начинается съ IX вѣка. Собственно верхне-нѣмецкій діалектъ состоитъ изъ баварскаго и алеманскаго. Послѣдній засвидѣтельствованъ Бенедиктинскими правилами (IX в.) и сочиненіями Ноткера, сантъ-галленскаго монаха (X в.). Франкскій діалектъ въ своихъ различныхъ формахъ есть языкъ Трира, Кёльна, Фульды, Вюрцбурга, Майнца, Франкфурта, Вормса, Шпейера. — Новѣйшій литературный нѣмецкій языкъ имѣетъ въ основѣ главнымъ образомъ франкскій діалектъ.

b. Нижне-нѣмецкій діалектъ въ древнѣйшей формѣ сохранился въ поэмѣ Heliand, составленной около 830 года и дошедшей до насъ въ рукописяхъ IX и X вѣковъ. Языкъ этой поэмы и нѣкоторыхъ другихъ болѣе позднихъ и называютъ ниже-нѣмецкимъ. Единственный литературный языкъ, который въ настоящее время представляетъ ниже-нѣмецкій діалектъ, это — голландскій или фламанскій; но во всей Германской низменности къ востоку отъ области Рейна мѣстные говоры принадлежатъ къ ниже-нѣмецкому діалекту. Древніе европейскіе колонисты въ Южной Африкѣ, буры, говорятъ также на одномъ изъ голландскихъ діалектовъ.

c. Діалекты фризскій и древне-англійскій. Языкъ

англовъ и саксовъ сдѣлался языкомъ большей части Великобританіи. На немъ сохранились памятники, съ замѣтными діалектическими различіями, начиная съ IX вѣка, и подъ именемъ древне-англійскаго или англо-саксонскаго обыкновенно разумѣютъ языкъ Альфреда Великаго и Альфрика. Въ новое время англійскій языкъ распространился въ Америкѣ, на сѣверѣ Мексики, въ Австраліи и во многихъ другихъ болѣе или менѣе обширныхъ областяхъ въ разныхъ частяхъ свѣта.

V. Балтійско-славянская группа.

Здѣсь мы различаемъ два языка: балтійскій и славянскій. Довольно многочисленныя черты сходства этихъ двухъ языковъ зависятъ отъ параллелизма ихъ развитія болѣе, нежели отъ поздняго отдѣленія этихъ двухъ группъ, такъ какъ мы находимъ въ нихъ скорѣе сходныя, чѣмъ тождественныя нововведенія.

1. Балтійская группа. — А. Древне-прусскій языкъ, въ настоящее время мертвый, извѣстенъ только по одному словарю XV вѣка, содержащему 800 словъ, и по переводу трехъ небольшихъ катехизисовъ и Лютерова энхиридіона (послѣдній датированъ 1561 годамъ).

В. Литовско-латышская группа обнимаетъ двѣ группы діалектовъ, существующихъ еще въ настоящее время:

а. Литовскіе діалекты. Самый древній текстъ относится лишь къ 1547 году. Главныя различія, наблюдаемыя въ настоящее время между говорами различныхъ мѣстностей Литвы, можно замѣтить уже въ самыхъ древнихъ текстахъ XVI и XVII вѣковъ, и современный языкъ, если не считать утраты нѣсколькихъ архаизмовъ, очень мало отличается отъ языка XVI вѣка. Литовскій языкъ замѣчателенъ своими формами, имѣющими видъ индо-европейской древности: поразительно, что въ XVI вѣкѣ и даже въ настоящее время мы находимъ въ литовскомъ формы, совершенно совпадающія съ ведическими или гомеровскими и воспроизводящія почти буквально предполагаемыя индо-европейскія формы, напр. ẽsti „есть“ = скр. ásti, греч. ἔστι, или gývas „живой“ (y обозначаетъ долгое ī) = скр. jīváḥ, лат. uīuos. Древне-прусскій языкъ имѣетъ не менѣе архаическій характеръ, но онъ извѣстенъ слишкомъ недостаточно, и потому въ сравни-

тельной грамматикѣ для характеристики балтійской группы обыкновенно приводятъ формы западно-литовскаго литературнаго языка.

b. Латышскіе діалекты, на которыхъ говорятъ въ Курляндіи и Лифляндіи, извѣстны приблизительно съ того же времени, но сравнительно съ литовскимъ въ болѣе измѣненной формѣ.

Литовскій и латышскій языки, несмотря на свою новую форму, не менѣе поучительны и полезны, нежели латинскій и готскій языки, извѣстные за много вѣковъ раньше: въ этомъ сказывается удивительный архаизмъ этихъ языковъ.

2. Славянская группа. — Начиная съ первыхъ текстовъ, древнѣйшіе изъ которыхъ восходятъ ко времени не древнѣе IX вѣка по Р. Х., славянскій языкъ представляетъ большое разнообразіе діалектовъ, которые дѣлятся на слѣдующія три главныя группы:

A. Южная группа. — a. Македонско-болгарскіе діалекты. Славянскіе апостолы, Кириллъ и Меѳодій, родомъ изъ Солуни, и ихъ ученики перевели въ IX вѣкѣ на свой родной діалектъ Евангеліе и другіе тексты, необходимые для христіанскаго богослуженія и наставленія въ вѣрѣ. Языкъ этихъ переводовъ, сохраненный въ нѣсколькихъ не датированныхъ рукописяхъ X—XI вѣковъ, называютъ древне-славянскимъ и обыкновенно приводятъ въ сравнительной грамматикѣ, какъ представителя славянской группы языковъ. Не слѣдуетъ забывать, что этотъ языкъ имѣетъ много діалектическихъ особенностей, и ошибочно было бы считать остальные діалекты происходящими отъ него; это только самый древній и самый архаичный изъ извѣстныхъ славянскихъ діалектовъ. Языкъ этихъ старинныхъ переводовъ въ средніе вѣка оставался религіознымъ и научнымъ языкомъ всѣхъ славянъ, принадлежавшихъ къ восточной церкви; но въ каждой странѣ, гдѣ его употребляли, онъ принялъ спеціальную окраску, такъ что есть древне-славянскій языкъ Болгаріи, Сербіи и Россіи; поэтому ниодинъ изъ древнихъ документовъ этихъ странъ не можетъ быть признанъ точнымъ представителемъ мѣстнаго говора: древне-славянская традиція всегда болѣе или менѣе вліяетъ на писателей и писцовъ. Еще до настоящаго времени русская орѳографія представляетъ особенности, обязанныя своимъ происхожденіемъ древне-славянскому языку.

Говоры Македоніи и Болгаріи сильно разнятся другъ отъ друга, и въ настоящее время болгарскій языкъ есть одинъ изъ наиболѣе измѣнившихся славянскихъ языковъ.

b. Сербо-хорватскіе діалекты (Сербія, Черногорія, Далмація, Боснія, Кроація).

c. Словинскіе діалекты. Если не считать нѣсколькихъ отрывковъ X—XI в. (т. н. Фрейзингенскіе отрывки), то словинскіе говоры (на югѣ Австріи) засвидѣтельствованы только съ XV вѣка; они очень разнообразны.

B. Русская группа. — Здѣсь мы различаемъ малорусскіе и великорусскіе говоры. Не считая бѣлорусскихъ говоровъ на западѣ, великорусскіе говоры остались замѣчательно близки другъ къ другу. Великорусскій языкъ лишь въ очень недавнее время сдѣлался языкомъ большинства мѣстносей, гдѣ на немъ говорятъ: Москва возникла въ XII вѣкѣ, а Нижній-Новгородъ былъ основанъ въ 1220 году среди мордовскаго населенія (слѣдовательно угрофинскаго); распространеніе русскаго языка среди финскаго населенія Волжскаго бассейна происходитъ еще и въ настоящее время. Съ другой стороны границы русскаго языка на востокѣ непрерывно отходятъ все дальше и дальше: въ Сибири онъ достигъ береговъ Тихаго Океана и въ то же время онъ быстро распространяется къ югу на Кавказѣ и въ Закаспійской области.

C. Западная группа. — a. Чешско-словацкіе діалекты.

b. Лужицкіе діалекты, на которыхъ говорятъ лишь нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ.

c. Полабскіе діалекты, въ нижнемъ теченіи Эльбы, въ Ганноверѣ, вымерли въ XVIII столѣтіи. Засвидѣтельствованы различными новыми текстами.

d. Польскіе діалекты (и различные говоры, очень отличающіеся отъ польскихъ, какъ кашубскій).

Народности, говорящія на этихъ языкахъ принадлежатъ или принадлежали къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Поэтому средневѣковые чешскіе и польскіе тексты написаны латинскимъ алфавитомъ и представляютъ по сравненію съ текстами другихъ славянскихъ діалектовъ той же эпохи то преимущество, что они избѣжали вліянія древнеславянскаго языка и точно отражаютъ языкъ ихъ составителей и писцовъ.

Какъ и балтійскіе діалекты, славянскіе языки сохранили древній обликъ, не смотря на сравнительно позднее время ихъ письменнаго засвидѣтельствованія, и, съ точки зрѣнія ударенія, которое въ древнихъ текстахъ не обозначается, постоянно приходится прибѣгать къ современнымъ формамъ русскаго и сербскаго языковъ: только балтійско-славянская группа, съ албанской и до нѣкоторой степени съ кельтской, даетъ для сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ матеріалъ изъ живыхъ говоровъ.

VI. Албанская группа.

Албанскій языкъ извѣстенъ только съ XVII вѣка и въ крайне измѣненной формѣ: большая часть его славаря заимствована изъ латинскаго, греческаго, турецкаго и славянскаго.

VII. Армянская группа.

Армянскій языкъ засвидѣтельствованъ съ V в. по Р. Х. переводомъ Священнаго Писанія и цѣлой литературой; только этотъ литературный языкъ и извѣстенъ съ древняго времени, и современные діалекты, не отличающіеся между собою настолько, чтобы мѣшать армянамъ понимать другъ друга, не предполагаютъ существованія рѣзко отдѣльныхъ діалектовъ въ эпоху возникновенія литературы. Армянскій языкъ долгое время причисляли къ индо-иранской группѣ, съ которою онъ въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго.

Только что перечисленныя семь группъ явыковъ представлены какъ болѣе или менѣе древними литературными и эпиграфическими текстами, такъ и современными живыми говорами. Другіе индо-еврпейскіе діалекты неизвѣстны. Собственныя имена и немногочисленныя надписи даютъ нѣкоторое представленіе объ иллирійскихъ діалектахъ, а именно о венетскомъ и мессапійскомъ (въ Калабріи); но это представленіе настолько расплывчато, что невозможно рѣшить, слѣдуетъ ли эти языки сближать къ албанскимъ. То немногое, что мы знаемъ о фригійскомъ языкѣ, не позволяетъ намъ ни утверждать, ни отрицать того, будто, какъ говорятъ древніе писатели, армянскій языкъ представляетъ

разновидность фригійскаго. Связь ѳракійскаго съ фригійскимъ, на которую также указываютъ древніе, не можетъ быть установлена на основаніи документовъ, которыми мы располагаемъ. Невозможно окончательно рѣшить, принадлежитъ ли македонскій діалектъ къ числу греческихъ или нѣтъ; если онъ дѣйствительно греческій діалектъ, то во всякомъ случаѣ очень измѣненный. Въ открытыхъ недавно въ Восточномъ Туркестанѣ отрывкахъ рукописей находятъ несомнѣнно индо-европейскій языкъ, на которомъ говорили индо-скиѳскія племена. Собственныя имена и глоссы лигурійскаго языка не достаточны даже для выясненія вопроса, принадлежитъ ли онъ къ индо-европейской семьѣ. Точно также не рѣшенъ окончательно и вопросъ относительно языка ликійскихъ надписей, принадлежитъ ли онъ къ числу индо-европейскихъ; но, если ликійскій языкъ и индо-европейскій, то во всякомъ случаѣ то, что удалось прочесть, показываетъ, что онъ измѣнился безконечно больше всѣхъ другихъ языковъ, дошедшихъ отъ того же времени, и отличался отъ нихъ гораздо болѣе, нежели отличаются между собою семь несомнѣнно индо-европейскихъ группъ.

Наиболѣе замѣчательнымъ фактомъ въ исторіи индо-европейскихъ языковъ является ихъ постоянное распространеніе по всей землѣ. Проникновеніе индо-иранскаго языка въ Индію есть историческій фактъ, который продолжается и въ настоящее время. Еще въ V столѣтіи до Р. Х. на Критѣ было населеніе, говорившее на языкѣ, чуждомъ греческому; это такъ называемые Етеóкриты, отъ которыхъ сохранились надписи, смыслъ коихъ неизвѣстенъ. Только латинскій языкъ вытѣснилъ иберійскій съ Пиренейскаго полуострова: языкъ басковъ остается до сихъ поръ свидѣтелемъ не индо-европейскаго характера языковъ, на которыхъ говорили въ прежнее время въ этой части Европы. Наконецъ, распространеніе романскихъ языковъ (испанскаго, португальскаго и французскаго), англійскаго и русскаго относится къ послѣднимъ вѣкамъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно началось только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Даже тамъ, гдѣ индо-европейскій языкъ былъ оттѣсненъ языками не-индоевропейскими, онъ все же не исчезъ: въ Малой Азіи турецкій языкъ не уничтожилъ ни языка курдовъ (иранское нарѣчіе), ни гре-

ческаго, ни армянскаго; а еврейскіе переселенцы принесли съ собою туда еще испанскій языкъ.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ индо-европейскій языкъ распространился почти по всей Европѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ его уже съ самаго начала исторической эпохи. Дѣйствительно, народы индоевропейскаго языка заимствовали письмо лишь отъ народовъ семитическихъ и въ такую эпоху, когда послѣдніе уже много вѣковъ пользовались письменностью. Можетъ быть, они упоминаются впервые на одной египетской надписи XV вѣка до Р. Х., которая сообщаетъ о набѣгахъ ахейскихъ пиратовъ; но это свидѣтельство еще сомнительно; индо-иранскіе боги упоминаются уже въ XIV столѣтіи до Р. Х. на открытой недавно въ Каппадокіи надписи одного изъ повелителей царства Митани. Но, хотя ни одинъ текстъ не позволяетъ установить, какимъ образомъ на дѣлѣ индоевропейскіе діалекты распространились въ Европѣ, нѣтъ однако никакой причины предполагать, что это распространеніе совершалось иначе, нежели исторически наблюдаемые случаи такого распространенія языка: путемъ завоеванія, путемъ медленнаго распространенія, путемъ колонизаціи и путемъ вытѣсненія языка побѣжденныхъ въ пользу языка побѣдителей и колонистовъ. Конечно, нельзя сказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ языкъ распространялся путемъ колонизаціи, и гдѣ путемъ поглощенія побѣжденныхъ. Кромѣ того, народъ, происходящій отъ смѣшенія колонистовъ и туземцевъ, первоначально говорившихъ на разныхъ языкахъ, но затѣмъ принявшихъ одинъ языкъ, можетъ въ свою очередь дѣлаться завоевателемъ и колонизаторомъ: такъ англійскій народъ, первоначально говорившій на кельтскомъ языкѣ, получилъ германскій языкъ отъ завоевателей англовъ, саксовъ и готовъ. Языкъ зависитъ отъ историческихъ условій и вовсе не зависитъ отъ расы, которая представляетъ явленіе чисто физическое: понятіе индо-европейскихъ языковъ совершенно точно опредѣлено, но оно имѣетъ чисто историческій характеръ; понятіе „индоевропейской расы“ возможно было бы получить въ томъ случаѣ, если бы было признано, что всѣ члены этой расы происходятъ отъ родителей, имѣющихъ одинаковыя анатомическія особенности, или если бы въ какой-либо моментъ всѣ члены расы представляли опредѣленныя особенности въ

мическомъ и физіологическомъ отношеніи. Но нѣтъ
кого основанія думать, чтобы границы индо-европейскихъ
овъ и расъ въ установленномъ смыслѣ совпадали: и
гвительно различныя народности индо-европейскаго языка
отъ весьма различный внѣшніи видъ, и до настоящаго
ени у нихъ не найдено ни одной общей физической
ы, которая бы отличала ихъ отъ народностей, говоря-
ь на другихъ языкахъ. Поэтому въ этой книгѣ, посвя-
ной языку, мы вовсе не будемъ говорить о расѣ.

Кромѣ того, мы не знаемъ, гдѣ, когда и кто говорилъ
омъ языкѣ, изъ котораго развились исторически засви-
ельствованные діалекты, и который условились называть
о-европейскимъ. Долгое время думали, безъ достаточ-
основанія, что это было въ Азіи; въ настоящее время
юдствуетъ предположеніе, что на индо-европейскомъ языкѣ
орили въ Европѣ и не въ областяхъ около Средиземнаго
я или въ западной ея части, а въ областяхъ сѣверо-
точныхъ. Этотъ вопросъ, интересный для историка, въ сущности безразличенъ для лингвиста: дѣйствительно, лингвистъ долженъ только изслѣдовать и толковать систему соотвѣтствій, устанавливаемую между различными языками; поэтому, говорили-ли на индо-европейскомъ языкѣ въ Европѣ или въ Азіи, все равно, это не произведетъ никакого измѣненія въ системахъ соотвѣтствій, которыя одни представляютъ осязаемую реальность и слѣдовательно единственный объектъ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ.

Можно условно называть индо-европейскими племенами тѣ группы людей, которыя говорили на „индо-европейскомъ“ языкѣ, предполагаемомъ на основаніи соотвѣтствій. Но для всякаго историческаго періода, древняго или новаго, можно говорить только о народахъ индо-европейскаго языка: выраженіе индо-европейскіе народы (или еще менѣе точно Арійцы) лишено всякаго смысла. Много людей, которые въ настоящее время говорятъ на индо-европейскомъ языкѣ, происходятъ отъ предковъ, говорившихъ въ эпоху индо-европейскаго языка на другомъ языкѣ, и мы не знаемъ, которые изъ нихъ имѣютъ среди своихъ предковъ индо-европейцевъ въ большей пропорціи, которые — въ меньшей пропорціи, и которые изъ нихъ совершенно иного происхожденія. Выраженія „народы семитиче-

скіе“, „угро-финскіе“ и т. д. тоже не имѣютъ смысла, какъ и выраженіе „славянскіе народы“: есть славянскіе языки, но нѣтъ славянскихъ народовъ; есть индо-европейскіе языки, но нѣтъ индо-европейскихъ народовъ.

За отсутствіемъ всякихъ письменныхъ документовъ, мы не имѣемъ никакого средства опредѣлить время раздѣленія индо-европейскихъ діалектовъ. Но нѣтъ причины относить это событіе ко времени болѣе древнему, нежели древнѣйшіе тексты Вавилоніи и Египта: индо-европейскій языкъ представляетъ д р е в н ю ю форму индо-европейскихъ языковъ, но, какъ мы видѣли, онъ не представляетъ ни въ какомъ случаѣ п е р в о б ы т н о й формы языка.

Какъ французскій языкъ есть измѣненная долгимъ историческимъ развитіемъ форма латинскаго языка, а латинскій — форма индо-европейскаго, такъ индо-европейскій языкъ есть форма другого болѣе древняго языка. Чтобы истолковать его, надо было бы открыть другіе языки, родственные ему, которые стояли бы къ нему въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоятъ, напримѣръ, греческій и санскритскій къ латинскому. Такъ, если бы удалось установить, что индо-европейскій, семитическій и угро-финскій языки происходятъ изъ одного источника, тогда можно было-бы создать новую сравнительную грамматику для болѣе древняго періода. Но до сихъ поръ ничего подобнаго не доказано, и индо-европейскій языкъ остается послѣднимъ предѣломъ, котораго достигаетъ въ настоящее время историческое языкознаніе.

Глава третья.

Фонетика.

I. Звуки.

Фонетическая система индо-европейскаго языка знаетъ три вида артикуляцій: 1) согласные въ собственномъ смыслѣ, составляющіе два рода звуковъ, различаемыхъ по способу артикуляціи: взрывные и спиранты; 2) гласные; 3) сонанты.

1. Взрывные и спиранты.

Взрывные.

Взрывные звуки, называемые также нѣмыми или моментальными, характеризуются остановкою потока воздуха въ какомъ-либо мѣстѣ полости рта: потокъ воздуха останавливается вслѣдствіе образованія затвора (имплозія); затворъ устраняется внезапнымъ возобновленіемъ потока воздуха, который называется взрывомъ (эксплозія).

Если давленіе, производимое языкомъ или губами для образованія затвора, значительно, то взрывные звуки называются сильными (fortes), таковы рус. п, т, к; но если давленіе — слабо, то звуки называются слабыми (lenes), таковы рус. б, д, г. Если въ какой-нибудь моментъ отъ затвора до взрыва включительно происходитъ дрожаніе голосовыхъ связокъ, согласный бываетъ звонкимъ; такъ рус. б, д, г сопровождаются дрожаніемъ голосовыхъ связокъ съ момента затвора, а арм. b, d, g въ нѣкоторыхъ діалектахъ — только въ моментъ взрыва. Если дрожанія голосовыхъ связокъ нѣтъ, взрывный звукъ бываетъ глухой; таковы рус.

п, т, к. Звонкіе звуки всегда бываютъ слабыми, а сильные — всегда глухими, но обратное не всегда справедливо; такъ напр. эльзасцы имѣютъ слабые звуки и притомъ не звонкіе. Если потокъ воздуха продолжается послѣ взрыва безъ дрожанія голосовыхъ связокъ до образованія слѣдующаго гласнаго звука, то взрывный звукъ называется придыхательнымъ; взрывный придыхательный обыкновенно бываетъ слабый.

Если затворъ образуется сближеніемъ губъ, мы имѣетъ губные звуки; если онъ образуется соприкоеновеніемъ кончика языка съ небомъ, мы имѣемъ зубные звуки; наконецъ, если онъ образуется соприкосновеніемъ поверхности языка съ небомъ, мы имѣемъ т. наз. гортанные звуки. Затворы могутъ образовываться въ различныхъ пунктахъ неба: зубные звуки производятся затворомъ на высотѣ алвеолъ (корней зубовъ) или выше алвеолъ или еще далѣе кзади: такъ русскій языкъ имѣетъ зубные звуки въ собственномъ смыслѣ, а англійскій — какуминальные звуки (иначе церебральные). Точно также въ зависимости отъ того, прикасается ли поверхность языка къ передней, средней или задней области неба, мы различаемъ звуки передненебные, средненебные и заднеебные (обыкновенно называемые веларными, такъ какъ соприкосновеніе происходитъ въ области небной занавѣски — velum palati). Точныхъ границъ между двумя сосѣдними рядами звуковъ не установлено. Вслѣдствіе рѣзкаго изгиба передней части неба въ этой области трудно образовать полный затворъ прикосновеніемъ поверхности языка, поэтому предненебные звуки допускаютъ полный затворъ лишь съ большимъ трудомъ; они смягчаются, что̀ обозначается значкомъ ′ послѣ буквы (такъ k′ обозначаетъ предненебное смягченное k), и стремятся наконецъ превратиться въ аффрикаты, подобныя славянскимъ ц и ч.

Взрывные звуки составляютъ наиболѣе полную и развитую часть фонетической системы индо-европейскаго языка. Съ точки зрѣнія силы, звонкости и придыхательности различаютъ три главныя разновидности: глухіе, звонкіе, звонкіе придыхательные и, сверхъ того, менѣе значительную разновидность глухихъ придыхательныхъ. И съ точки зрѣнія артикуляціи различаются тоже четыре ряда: губные, зубные, предненебные и веларные.

A. Глухіе простые.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ измѣненій въ извѣстномъ положеніи, соотвѣтствія глухихъ (непридыхательныхъ) опредѣляются слѣдующей таблицей:

и.-е.	скр.	зд.	др.-сл.	лит.	арм.	греч.	лат.	ирл.	гот.
*p	p	p	п	p	h (w)[2]	π	p	„	f (b)[4]
*t	t	t	т	t	th	τ	t	t	þ (d)[4]
*k_1	ç	s	с	sz	s	κ	c	c	h (g)[4]
*k^w	k (c)[1]	k (č)[1]	к (ѵ, ц)[1]	k	kh	π (τ)[3]	qu	c	hw (w)[4]

Примѣчанія:

1. Скр. c, зд. č, слав. ѵ передъ гласнымъ и.-е. ĕ и сонантомъ i (гласнымъ или согласнымъ).

2. Арм. h въ началѣ слова, w (v) между гласными.

3. Греч. τ передъ ε, η.

4. Германскіе звонкіе между гласными и сонантами, когда предшествующій слогъ не имѣлъ ударенія и не былъ начальнымъ въ словѣ (здѣсь разумѣется индо-европейское, а не германское удареніе). Звонкіе b, d, g были спирантами между гласными. Готское hw представляетъ одинъ согласный звукъ.

Примѣры различныхъ взрывныхъ глухихъ:

*p:

скр. pátiḥ „господинъ, супругъ“, лит. pat(i)s „самъ“, гр. πόσις „супругъ“, лат. potis (откуда possum) „могущій, возможный“, гот. -faþs въ (bruþ)-faþs „женихъ“.

скр. pra- „впередъ“, сл. про, греч. πρό, лат. pro, гот. fra- ирл. ro.

скр. ápi „также“, зд. aipi, греч. ἔπι „сверхъ того“, арм. ew „также, и“.

*t:

скр. tanúḥ „тонкій“, др.-сл. тънъкъ, греч. ταναός „вытянутый, длинный“, tenuis, др.-исл. þunnr „dünn“, ирл. tana.

*k_1:

скр. çrávaḥ „слава“, греч. κλέ(F)ος, др.-ирл. clu, лат. cluor „δόξα“ (глосса); зд. sravah- „слово“, др.-сл. слово;

скр. çrutáḥ „извѣстный“, греч. κλυτός, лат. (in-)clutus, др.-ирл. cloth „славный“; др.-вр.-нѣм. hlūt „громкій (о голосѣ)“.

*kʷ:

лит. lëkù „оставляю“, греч. λείπω, гот. leihwa „даю въ долгъ“; скр. riṇákti „оставляетъ“ (съ носовымъ инфиксомъ -na-), лат. linquō; арм. elikh „оставилъ“ = греч. ἔλιπε.

скр. cáyate „наказываетъ“, греч. τείσω „отомщу“ (кипр. πείσω); зд. kaēna „наказаніе“, греч. ποινή „выкупъ, вира, цѣна крови“, др.-сл. цѣна (ц передъ ѣ, происшедшемъ изъ oi, въ славянскомъ происходитъ изъ стараго к).

Согласіе индо-иранскаго, балтійскаго, славянскаго, греческаго, латинскаго и кельтскаго, къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще и албанскій, позволяетъ думать, что звуки этого ряда были въ индо-европейскомъ глухіе взрывные непридыхательные; армянскій языкъ превратилъ ихъ въ глухіе придыхательные, германскій въ спиранты f, þ, h (древнее x), hw (древнее xw), происшедшіе, вѣроятно, изъ глухихъ придыхательныхъ.

B. Звонкіе.

Таблица соотвѣтствій:

и.-е.	скр.	зд.	др.-сл.	лит.	арм.	гр.	лат.	ирл.	гот.
*b	b	b	б	b	p	β	b	b	p
*d	d	d	д	d	t	δ	d	d	t
*g_1	j	z	з	ż	c	γ	g	g	k
*g^w	g (j)[1]	g (ǰ)	г (ж, з)[1]	g	k	β (δ)[2]	u (gu)	b	q

Примѣчанія:

1. Скр. j, зд. ǰ, слав. ж передъ и.-е. ē и сонантомъ i, гласнымъ или согласнымъ.

2. Греч. δ передъ ε или η.

Примѣры на различные взрывные звонкіе:

*b:

Звукъ b сравнительно рѣдокъ; онъ не встрѣчается ни въ одномъ важномъ суффиксѣ и ни въ одномъ окончаніи; онъ повидимому вторичнаго происхожденія въ части тѣхъ словъ, гдѣ онъ встрѣчается; такъ скр. píbāmi „пью“, др.-ирл. ibim, лат. bibō (съ начальнымъ b подъ вліяніемъ ассимиля-

ціи) имѣютъ видъ формы, образованной удвоеніемъ, въ виду скр. pāhi „пей“, греч. πῖθι, др.-сл. пити, лат. pōculum „чаша, кубокъ“, и *b является, повидимому, результатомъ вторичнаго измѣненія. Другія слова — звукоподражательныя, какъ гр. βάρβαρος „иноземецъ“, лат. balbus „заика“ и т. д., и b, вѣроятно, и здѣсь лишь вторичнаго происхожденія. Иныя слова ограничены немногими языкаим и имѣютъ видъ новыхъ заимствованій.

*d:

скр. dámaḥ „домъ“, греч. δόμος, др.-сл. домъ, лат. domus.

скр. вин. пад. pādam „ногу“, греч. πόδα, лат. pedem, гот. fotu, арм. otn.

*g_1:

скр. jánaḥ „родъ“, арм. cin „рожденіе“, греч. γένος „родъ“, лат. genus; скр. jantúḥ „порожденіе, тварь“, зд. zantuš „племя“; гот. kuni „родъ, семья“.

*g^w:

скр. gáyaḥ „родовое имущество“, зд. gayō „жизнь“, серб. rôj „миръ“; скр. jīváḥ „живой“, зд. ǰ(ī)vō, лит. gývas, др.-слав. живъ, лат. uīuos, осск. bivus „uiui“ (nom. plur.), др.-ирл. beo, гот. qius; ср. греч. βίος „жизнь“, арм. keam „живу“.

Этотъ рядъ представляетъ древніе звонкіе звуки; армянскій языкъ превратилъ ихъ въ слабые глухіе, а германскій, который измѣнилъ ихъ на одну степень больше, превратилъ ихъ въ глухіе сильные.

C. Звонкіе придыхательные.

Таблица соотвѣтствій:

и.-е.	скр.	зд.	др.-сл.	лит.	арм.	гр.	лат.	ирл.	герм.
*bh	bh	b	б	b	b	φ	f (b)[3]	b	b[4]
*dh	dh	d	д	d	d	ϑ	f (d)[3]	d	d[4]
*g_1h	h	z	з	ž	j	χ	h	g	g[4]
*g^wh	gh (h)[1]	g (ǰ)[1]	г (ж, з)[1]	g	g (ȷ)[1]	φ (ϑ)[2]	f (u)[3]	g	(?)

Примѣчанія:

1. Скр. h, зд. ǰ, сл. ж, арм. ȷ передъ и.-е. *ĕ и передъ сонантомъ i, гласнымъ или согласнымъ.

2. Греч. ϑ передъ ε или η, какъ выше τ и δ.

3. Лат. b, d, u между гласными.

4. Въ положеніи между гласными, спиранты ð, đ, γ, w вмѣсто взрывныхъ.

Примѣры на различные звонкіе придыхательные:

*bh:

скр. bhárāmi „несу“, зд. barāmi, арм. berem, гр. φέρω, лат. fero, гот. baira, др.-ирл. berim, др.-сл. беръ.

скр. nábhaḥ „облако“, гр. νέφος, др.-сл. небо; гр. νεφέλη „облако“, лат. nebula „туманъ“, др.-сакс. neƀal „облако“.

*dh:

скр. dhūmáḥ „дымъ“, лат. fūmus, лит. dúmai (nom. plur.), др.-сл. дымъ; можетъ быть, также гр. ϑῡμός „духъ, мужество“.

*g_1h:

скр. váhati „ѣдетъ“, зд. vazaiti, др.-сл. вєзєтъ, лит. vẽža, лат. uehit; гот. (ga-)wigan „двигать“; гр. ὄχος „повозка“ = др.-сл. возъ.

*g^wh:

скр. hánti „бьетъ“, ghnánti „бьютъ“, зд. ǰainti „бьетъ“; гр. ϑείνω „убиваю“, ἔπεφνον „я убилъ“, φόνος „убійство“; арм. gan „ударъ“; лат. (of-)fen-(do) „натыкаюсь, ушибаю“; ирл. gonim „раню“.

зд. snaēžaiti „снѣгъ идетъ“ (съ ž происшедшимъ изъ ǰ между гласными), гот. snaiws „снѣгъ“, лит. snẽgas, др.-сл. снѣгъ; греч. (вин. пад.) νίφα = лат. niuem (nom. sg. nix).

Въ двухъ предыдущихъ рядахъ достаточно было одного разсмотрѣнія таблицъ соотвѣтствій для выясненія характера индо-европейскихъ звуковъ. Здѣсь не то. Въ нашемъ случаѣ дѣло идетъ о звукахъ звонкихъ, такъ какъ въ иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ и кельтскомъ (за исключеніемъ одного остатка различія для веларнаго звука), звонкіе придыхательные совпали со звонкими простыми; въ армянскомъ и германскомъ одни древніе звонкіе придыхательные дали звонкіе звуки, между тѣмъ какъ звонкіе простые сдѣлались глухими; въ санскритѣ они представлены звонкими съ послѣдующею звонкою артикуляціей гортани, обозначаемой знакомъ ḥ, которая одна отражаетъ *g_1h, а также и *h^wg передъ старымъ *ĕ и передъ *i; въ греческомъ мы находимъ глухіе придыхательные φ, ϑ, χ, а въ италійскомъ глу-

хіе спиранты *f (первоначально билабіальный звукъ), *ϕ, *x, которые въ латинскомъ говорѣ города Рима дали въ началѣ слова f, h. Придыхательные звонкіе индо-европейскаго языка, конечно, отличались отъ простыхъ звонкихъ и отличались, повидимому, артикуляціей гортани, которую опредѣлить точно мы не имѣемъ средствъ.

D. Глухіе придыхательные.

Къ тремъ предшествующимъ большимъ классамъ согласныхъ звуковъ, представляющимъ въ общемъ двѣнадцать различныхъ рядовъ соотвѣтствій, опредѣляющихъ столько же индо-европейскихъ звуковъ, присоединяется четвертая менѣе важная категорія глухихъ придыхательныхъ. Санскритскій языкъ имѣетъ ph, th, kh, которымъ соотвѣтствуютъ въ зендскомъ f, θ, x, въ армянскомъ ph, th (отчасти совпавшее съ представителемъ и.-е. *t), x и въ греческомъ φ (совпадающее съ представителемъ и.-е. *bh и *g^{w}h), τ (совпадающее съ представителемъ и.-е. *t), χ (совпадающее съ представителемъ и.-е. *g_{1}h), въ славянскомъ п, т (совпадающія съ представителями и.-е *p, *t) и повидимому х (что однако оспаривается). Въ другихъ языкахъ и.-е. *ph, *th, *kh повидимому смѣшиваются съ и.-е *p, *t, *k. Вопросъ о глухихъ придыхательныхъ трудно выяснить потому, что примѣровъ на эти звуки немного, и они не даютъ всѣхъ возможныхъ комбинацій условій.

Мы находимъ глухіе придыхательные:

1. Въ звукоподражательныхъ словахъ:

скр. kakhati (слово, указываемое въ туземныхъ словаряхъ) „смѣется“ (вслѣдствіе диссимиляціи придыханія вмѣсто древняго *khakhati), греч. καχάζω (изъ *χαχαζω), арм. xaxankh „хохотъ“, др.-сл. хохотъ, др.-вр.-нѣм. huoh „насмѣшка“, лат. cachinnus (ch эллензирующая орѳографія) „хохотъ“.

скр. phŭt-kāraḥ „выдуваніе, свистъ, выкрикиваніе“, арм. phukh „дуновеніе“, гр. φῦσα „дуновеніе“, лит. pūsti „дуть“.

2. Послѣ s:

скр. skhalāmi „спотыкаюсь“, арм. sxalim; сюда же быть можетъ относится и лат. scelus „преступленіе“.

3. Въ чередованіи со звонкимъ придыхательнымъ въ концѣ нѣкоторыхъ корней (см. главу IV).

4. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ:

скр. pr̥thukaḥ „дѣтенышъ“, арм. orth „теленокъ“ (съ th, происшедшимъ изъ и.-е. *th; послѣ r — th происшедшее изъ и.-е. *t переходитъ въ арм. въ d), гр. πόρτις „теленокъ“.

Замѣчанія относительно гортанныхъ звуковъ. — I. Каждый изъ индо-европейскихъ языковъ имѣетъ два ряда звуковъ, происшедщихъ изъ гортанныхъ: два главныхъ ряда соотвѣтствій, какъ они даны въ нашихъ таблицахъ, могутъ быть сведены къ формуламъ:

(1) лат. c = скр. ç (и.-е. *k_1)
(2) лат. qu = скр. k (c) (и.-е. *k^w)

Первый рядъ соотвѣтствій опредѣляетъ передненебные и.-е. *k_1, *g_1, g_1h, которые представлены „гортанными“ звуками въ греческомъ, италійскомъ, кельтскомъ и германскомъ, т. е. въ западной группѣ діалектовъ, такъ въ гр. κ, γ, χ, въ лат. c, g, h и т. д., и свистящими или шипящими звуками въ индо-иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ, армянскомъ и албанскомъ, т. е. въ восточной группѣ, такъ въ арм. s, c, j; въ первой группѣ языковъ „сто“ имѣетъ форму гр. (ἑ-)κατόν, лат. centum, ирл. cēt, гот. hund, а во второй скр. çatám, зд. satəm, др.-сл. сто, лит. szimtas.

Второй рядъ соотвѣтствій опредѣляетъ задненебные и.-е. *k^w, *g^w, *g^wh, сопровождаемые лабіо-веларною артикуляціей, которая составляла ихъ непремѣнную составную часть. Въ западной группѣ эти согласные звуки сохраняютъ свой древній видъ, какъ въ латинскомъ и германскомъ: лат. quis „кто“, гот. hwas; тамъ, гдѣ губная артикуляція превратилась въ затворъ, произошелъ переходъ въ губные звуки, какъ въ осско-умбрскомъ, осск. pis „qui“, и въ греческомъ, πότερος „который изъ двухъ“; въ кельтскомъ переходъ въ губную совершился въ общекельтскомъ языкѣ для звонкаго простого, но для глухого произошелъ только въ галльскомъ и британскомъ: литовскому keturì „четыре“, лат. quattuor соотвѣтствуетъ кимрское petguar, галл. petor-, сохраненное въ латинскомъ заимствованіи petor-ritum „повозка на четырехъ колесахъ“; эти діалекты такимъ образомъ возстановили звукъ p, тогда какъ индо-европейское p исчезло въ общекельтскомъ языкѣ; наоборотъ, гельскій діалектъ со-

хранилъ q (засвидѣтельствованное надписями, писанными алфавитомъ огомъ), которое перешло въ c еще до времени древнѣйшихъ литературныхъ текстовъ: др.-ирл. cethir „четыре“. Въ восточной группѣ мы встрѣчаемъ простые гортанные, перешедшіе въ аффрикаты передъ и.-е. *ĕ или *i (гласнымъ или согласнымъ) въ одной части діалектовъ: скр. kaḥ „кто“, cit (= лат. quid); зд. čiš; др.-сл. къ-то, чь-то, лит. kàs „кто“, арм. khan „что“. — Задненебные лабіо-веларные звуки не представляютъ группы согласныхъ, а цѣлые единичные звуки; *k^w совсѣмъ не то что *k_1w: *k_1w, засвидѣтельствованное скр. çv, лит. szv въ скр. áçvaḥ „лошадь“, лит. aszvà „кобыла“, отражается въ греческомъ какъ ππ въ словѣ ἵππος „лошадь“, а не передается однимъ π, какъ *k^w въ словѣ ἔλιπον, ср. арм. elikh „онъ оставилъ“.

Здѣсь не одинъ индо-европейскій діалектъ противуполагается другому, а цѣлая группа противуполагается цѣлой группѣ, и мы должны съ точки зрѣнія отраженія гортанныхъ звуковъ провести границу, которая отдѣляетъ западную группу діалектовъ (лат. centum) отъ восточной (зд. satəm). Это двойное совпаденіе не предполагаетъ, что эти діалекты совпадаютъ также и въ другихъ отношеніяхъ.

II. Кромѣ двухъ рядовъ соотвѣтствій, опредѣляющихъ съ одной стороны передненебные, съ другой — задненебные лабіо-веларные, есть еще одинъ рядъ: санскритскому ç никогда не соотвѣтствуетъ лат. qu, но встрѣчаются случаи, когда

лат. c = скр. k (c)

или въ болѣе общемъ видѣ:

лат. c = кимр. c = герм. h = греч. κ = скр. k (c) = сл. к (ч) = лит. k = арм. kh.

Многіе лингвисты заключили изъ этого, что индо-европейскій языкъ имѣлъ еще одинъ рядъ средненебныхъ звуковъ, занимавшихъ промежуточное положеніе между установленными выше двумя рядами. Но въ дѣйствительности ни одинъ индо-европейскій языкъ не отражаетъ одновременно этихъ трехъ рядовъ. Съ другой стороны типъ соотвѣтствія лат. c = скр. k встрѣчается преимущественно въ особыхъ условіяхъ, а именно:

передъ r: скр. kraviḥ „сырое мясо“, др.-сл. кръвь, лит. kraũjas „кровь“ при греч. κρέ(F)ας „мясо“, лат. cruor „кровь“, кимр. crau „кровь“, др.-исл. hrár „сырой“ (нѣм. roh);

передъ a: лат. cacumen, скр. kakup „вершина“;

послѣ s: лит. skiriù „отдѣляю“ при др.-верх.-нѣм. sceran „рѣзать, стричь“ и греч. κείρω „стригу“ (относительно чередованія sk-: k- см. главу IV);

въ концѣ корней, преимущественно послѣ u: скр. rócate „блеститъ“, зд. raočah- „свѣтъ“, лит. laũkas „имѣющій бѣлое пятно (на лбу)“ (о лошадяхъ и коровахъ), др.-сл. лоуъ, при герч. λευκός „бѣлый“, лат. lūcēre „свѣтить“, гот. liuhaþ „свѣтъ“; часто въ восточной группѣ діалектовъ мы встрѣчаемъ чередованіе и.-е. *k_1 съ и.-е. *k^w, напр. скр. rúçant- „свѣтлый“, арм. loys „свѣтъ“ рядомъ съ только что приведенными словами.

Въ большинствѣ этихъ случаевъ звуки k, g, gh восточной группы могли, повидимому, возникнуть подъ вліяніемъ особаго положенія, и возможно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со старыми *k_1, *g_1, *g_1h, измѣнившимися вслѣдствіе особаго положенія. Поэтому существованіе особаго средняго ряда гортанныхъ звуковъ въ индо-европейскомъ языкѣ не можетъ считаться доказаннымъ, и, признавая затрудненія, которыя ставитъ намъ соотвѣтствіе лат. c = скр. k (c), мы все же будемъ придерживаться четырехъ установленныхъ рядовъ взрывныхъ звуковъ:

губныхъ: скр. p = лат. p.

зубныхъ: скр. t = лат. t.

передне-небныхъ: скр. ç (и k, c) = лат. c.

задне-небныхъ лабіо-веларныхъ: скр. k (c) = лат. qu.

Спиранты.

Если система индо-европейскихъ взрывныхъ звуковъ богата и полна, то система длительныхъ согласныхъ, образуемыхъ простымъ суженіемъ на пути потока воздуха, система спирантовъ, наоборотъ, весьма бѣдна. Она содержитъ, собственно говоря, только одинъ звукъ, свистящее s, который однако употребляется часто. Отраженіе и.-е. *s въ различныхъ діалектахъ представляетъ очень сложное явленіе индоевропейской фонетики, потому что на этотъ звукъ оказывали большое вліяніе артикуляціи сосѣднихъ звуковъ.

Для начала слова соотвѣтствія слѣдующія: s въ санскритскомъ, славянскомъ, балтійскомъ, германскомъ, галльскомъ и гельскомъ, италійскомъ; h въ иранскомъ, армянскомъ, греческомъ (быть можетъ, по отношенію къ этимъ тремъ языкамъ явленіе діалектическое, восходящее къ индоевропейской древности), въ британскомъ (явленіе новое и независимое); отраженіе въ албанскомъ языкѣ — неясно:

скр. sánaḥ „старый“, лит. sẽnas, гот. sinista „самый старый“, др.-ирл. sen, галл. seno-, лат. senex „старикъ“, но зенд. hanō, арм. hin, греч. ἔνη (въ выраженіи ἔνη καὶ νέα „старый и новый (день), т. е. день, въ который происходило соединеніе солнца и луны“), брет. hen.

Артикуляція свистящаго s сохранилась въ нѣкоторыхъ положеніяхъ во всѣхъ языкахъ, особенно между e и t:

скр. váste „одѣвается“, зд. vaste, греч. Ϝέσται; лат. uestis „одежда“, арм. (z-)gest „одежда“.

Одна изъ особенностей отраженія s является въ формѣ почти тождественной въ двухъ смежныхъ діалектахъ и обращаетъ на себя вниманіе, какъ фактъ, указывающій на діалектическое родство. Послѣ k, r, i, u въ индо-иранскомъ звукъ s превращается въ шипящій: скр. ṣ, зд. š; напримѣръ, будущее на -sya- отъ индо-иранскаго корня vak- „говорить“ въ скр. имѣетъ форму vakṣyā́mi „я буду говорить“, гат. vaxšyā (съ спирантомъ x, замѣняющимъ правильно k передъ š); мѣстный падежъ мн. ч. на -su отъ основъ pitṛ̊- „отецъ“, ávi- „овца“, sūnú- „сынъ“ въ санскр. имѣетъ формы pitṛ̊ṣu, áviṣu, sūnúṣu. Въ нѣкоторыхъ балтійскихъ словахъ мы находимъ при тѣхъ же условіяхъ шипящій звукъ на мѣстѣ звука s другихъ языковъ; такъ, при греч. τέρσομαι „сохну“, др.-англ. þurst „жажда“, др.-вр.-н. durst „жажда“, мы имѣемъ скр. tṛ̊ṣyati „жаждетъ“, лит. tiřsztas „густой, наполовину высохшій“; въ славянскомъ мѣсто стараго шипящаго звука заняло х: аористъ на -s- отъ рєкѫ „говорю“ имѣетъ форму рѣхъ (изъ *рѣк-хъ); мѣстные падежи основъ на -ь- и -ъ- имѣютъ формы -ь-хъ = скр. -i-ṣu, -ъ-хъ = скр. -u-ṣu; и т. д. Но если славянскій языкъ имѣетъ х передъ гласной во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ санскритъ имѣетъ ṣ, а иранскій š, балтійскій языкъ часто имѣетъ s послѣ i, u (неизвѣстно, при какихъ условіяхъ), напр. въ литовскомъ blusà при слав. блъха „блоха“, и въ армянскомъ, гдѣ мы замѣчаемъ слѣды

произношенія š послѣ k, s между гласными переходитъ въ *h, откуда — нуль, отсутствіе звука, а не š послѣ i и u, такъ латинскому nurus „сноха“ (изъ *nuzus, *nusus), др.-англ. snoru (изъ *snusā) и скр. snuṣā, др.-сл. снъха соотвѣтствуетъ арм. nu (изъ *nuhos), род. п. nuoy (изъ *nuhohyo), совсѣмъ какъ въ греч. νυός. Въ общемъ, шипящій звукъ появляется въ индо-иранскомъ, въ славянскомъ, въ балтійскомъ и отчасти въ армянскомъ, т. е. въ языкахъ восточной группы, которые сходятся также и въ способѣ отраженія гортанныхъ звуковъ.

Между гласными s подвергается значительнымъ измѣненіямъ: въ трехъ языкахъ, въ которыхъ начальное s дало h, оно переходитъ въ h, которое остается въ иранскомъ и исчезаетъ въ армянскомъ и греческомъ; въ италійскомъ оно дѣлается звонкимъ, и происшедшее такимъ образомъ z переходитъ въ r въ латинскомъ, напр. скр. родительному-аблативу mánasaḥ „ума“ соотвѣтствуетъ зд. manaŋhō, греч. μένεος, μένους; др.-славянскому родит.-аблативу небесе „неба“ соотвѣтствуетъ греч. νέφεος; скр. jánasaḥ „рода“ соотвѣтствуетъ греч. γένεος, лат. generis и т. д. — Мы не будемъ останавливаться на безконечныхъ подробностяхъ отраженія звука s въ различныхъ языкахъ.

Звонкая параллель къ звуку s, z не имѣетъ въ индоевропейскомъ самостоятельнаго существованія; это не что иное, какъ звонкая разновидность происшедшая изъ s при извѣстныхъ условіяхъ. Возьмемъ для примѣра корень латинскаго sedēre „сидѣть“, греч. ἕδος „сѣдалище“, гот. sitan „сидѣть“, и т. д.; съ нулевою ступенью вокализма этотъ корень принимаетъ форму *sd-, откуда путемъ уподобленія глухого s слѣдующему звонкому d получается *zd-; индо-иранскій языкъ очень часто употребляетъ этотъ корень съ предлогомъ *ni- который не существовалъ въ другихъ языкахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, армянскаго: скр. niṣīdati „садится“, персидск. nišastan „садиться“, арм. n-stim „сажусь“; греческій языкъ замѣняетъ его предлогомъ κατα- (напр. καθ-ίζω „сажаю, сажусь“), но онъ былъ въ индо-европейскомъ языкѣ и тамъ существовало существительное и.-е. *ni-zdo- „мѣсто, гдѣ сидятъ, — гдѣ поселились“: *nizdos даетъ индоиранское *nižḍas (съ шипящимъ звукомъ подъ вліяніемъ предшествующаго i), откуда въ Индіи *nižḍaḥ, nīḍáḥ, и

ведич. nīḷáḥ; въ арм. nist, съ свистящимъ сохраненнымъ послѣ i, такъ какъ d перешло по общему правилу въ t, и потому z превратилось въ s; въ другихъ языкахъ слово приняло значеніе „гнѣздо“: лат. nīdus (изъ *nizdos), др.-ирл. nett (tt обозначаетъ взрывное d между гласными), др.-вр.-н. nest; лит. lìzdas „гнѣздо“ измѣнило начальный звукъ, но сохранило внутри слова zd, которое не сохранилось ясно въ другихъ языкахъ. — Звонкая разновидность звука s—z встрѣчается также передъ звонкими придыхательными: др.-сл. мъзда (мьзда) „жалованье“, гот. mizdo, зд. mīždəm, вед. mīḷhám „выигрышъ, сраженіе“ (изъ *miždhám); такъ какъ въ грѣческомъ звонкій придыхательный отражается въ видѣ глухого, то z перешло въ σ: μισθός.

Такимъ образомъ свистящій звукъ s есть единственный спирантъ, который мы въ правѣ считать индо-европейскимъ. Но тогда какъ греческому δεξιός „правый“ и др.-ирл. dess соотвѣтствуютъ скр. dákṣiṇaḥ „правый“, зд. dašina-, др.-сл. десьнь, лат. dexter, гот. taihswa, въ нѣкоторыхъ словахъ мы наблюдаемъ совсѣмъ иное соотвѣтствіе, напр. въ греч. ἄρκτος „медвѣдь“, др.ирл. art сравнительно съ скр. ṛ̥kṣaḥ, зд. arəšō, лат. ursus (изъ болѣе древняго *orcsos); повидимому, трудно объяснить эту непослѣдовательность безъ предположенія различныхъ спирантовъ въ обоихъ случаяхъ. Эта подробность, сама по себѣ незначительная, показываетъ, что мы не можемъ точно опредѣлить число звуковъ индо-европейскаго языка.

2. Собственно гласные звуки.

Два существенно важныхъ гласныхъ звука индо-европейскаго языка, это — краткія *e и *o; ихъ значеніе въ морфологіи выяснится изъ чередованій, изложенныхъ въ четвертой главѣ; уже одно частое ихъ употребленіе показываетъ важность роли, которую они играютъ. Они опредѣляются слѣдующими соотвѣтствіями:

и.-е *e: греч. ε, лат. e, кельт. e, герм. e (представленное др.-вр.-н. e = др.-исл. e = гот. i), балт. e, слав. ѥ, арм. e, алб. e, индо-иран. a.

и.-е. *o: гр. o, лат. o, кельт. o, арм. o, герм. a, балт. a, слав. o, алб. a, индо-ир. a.

Примѣры:

*e: скр. sácate „слѣдуетъ“ = гр. ἕπεται (съ π по аналогіи съ ἕπομαι), лит. sekù „слѣдую“, лат. sequitur, др.-ирл. -sechetar „слѣдуютъ“.

*o: лат. rota „колесо“, др.-ирл. roth, др.-вр.-н. rad (изъ герм. *raþan), лит. rãtas, скр. ráthaḥ „повозка“, зд. raθō.

греч. ὄζος „вѣтвь“ (изъ и.-е. *ózdos), арм. ost, гот. asts.

Единственный языкъ, въ которомъ e и o не отличаются, это — индо-иранскій, но первоначальное существованіе и тамъ этого различія доказывается тѣмъ, что и.-е. *kʷo дало скр. ka, зд. ka, а и.-е. *kʷe — скр. ca, зд. ča:

скр. katáraḥ „который изъ двухъ“, зд. katārō соотвѣтствуетъ гр. πότερος, гот. hwaþar, лит. katràs, др.-сл. **которъıи** и **котеръıи**;

скр. ca, зд. ča „и“ соотвѣтствуетъ гр. τε, лат. que.

Въ перфектѣ, гдѣ гласный удвоенія — e, а гласный корня въ единств. ч. — o (типъ греч. γέγονα, δέδορκα и т. д.) въ индо-иранскомъ мы встрѣчаемся съ противуположеніемъ простого гортаннаго звука передъ кореннымъ a, отражающимъ o, и смягченной гортанной передъ a удвоенія, отражающимъ e: ведич. cakára „я сдѣлалъ“, jagára „я проглотилъ“, jaghána „я ударилъ“.

Кромѣ *e и *o индо-европейскій языкъ имѣлъ еще третій краткій гласный, гораздо болѣе рѣдкій и не играющій роли въ морфологическихъ чередованіяхъ; это — *a, опредѣляемое слѣдующими соотвѣтствіями:

гр. α, итал. a, кельт. a, герм. a, лит. a, слав. o, арм. a, алб. a, индо-ир. a,

т. е. различіе отъ *o мы имѣемъ только въ греческомъ, латинскомъ, кельтскомъ и армянскомъ; смѣшеніе *a и *o въ большей части языковъ показываетъ, что индо-европейское *o было очень открытое.

Примѣры:

скр. ájāmi „веду“, зд. azāmi, арм. acem, греч. ἄγω, лат. agō; др.-ирл. agat (сослагательное накл.) „agant“, др.-исл. aka „вести“.

скр. tatáḥ „папа“, гр. τάτα, лат. tata, сред.-брет. tat „отецъ“; то же слово дѣтскаго языка имѣетъ другую форму въ гр. ἄττα, лат. atta, др.-ирл. aite „молочный отецъ, мужъ

кормилицы", гот. atta „отецъ", др.-сл. отьць (съ производственнымъ суффиксомъ); ср. скр. attā „мама".

Такимъ образомъ по отношенію къ короткимъ гласнымъ индо-европейскій вокализмъ можетъ быть сведенъ въ слѣдующей таблицѣ соотвѣтствій:

и.-е.	гр.	итал.	кельт.	арм.	герм.	лит.	слав.	индо-ир.
*e	ε	e	e	e	e	e	ѣ	a
*o	o	o	o	o	a	a	o	a
*a	α	a	a	a	a	a	o	a

Гласный *a, какъ онъ только что описанъ, не всегда легко отличить отъ двухъ другихъ индо-европейскихъ звуковъ: *ə и *°.

1. Во многихъ словахъ скр. i, зд. i соотвѣтствуютъ греч. α, лат. a, кельт. a, герм. a (въ начальномъ слогѣ), арм. a, лит. a, др.-сл. o; мы обозначаемъ знакомъ *ə (и называемъ шва) тотъ индо-европейскій звукъ, который предполагаетъ этотъ рядъ соотвѣтствія; примѣръ:

скр. pitā́ „отецъ", зд. pita при греч. πατήρ, лат. pater, др.-ирл. athir, гот. fadar, арм. hayr.

Въ греческомъ этотъ звукъ можетъ также отражаться въ видѣ ε или o подъ вліяніемъ η или ω, съ которыми онъ правильно чередуется; отсюда три ряда:

στατός = скр. sthitáḥ, ср. дор. ἵστᾱμι
θετός = скр. hitaḥ (изъ *dhitáḥ), ср. дор. τίθημι
δοτός = лат. dătus, ср. δίδωμι.

Эта особенность оттѣняетъ характерную черту и.-е. *ə, которая позволяетъ отличать этотъ звукъ отъ гласнаго *a, хотя онъ отличается отъ a только въ одномъ индо-иранскомъ: *ə находится въ правильномъ чередованіи съ *ā, *ē, *ō, между тѣмъ какъ a стоитъ изолированно, какъ мы это увидимъ ниже въ теоріи чередованія гласныхъ; даже въ томъ случаѣ, когда вопросъ касается слова, не засвидѣтельствованнаго въ индо-иранской группѣ, чередованіе съ долгимъ гласнымъ показываетъ въ принципѣ, что мы имѣемъ дѣло съ *ə; такъ въ лат. sătus „посѣянный", средн.-брет. hat „посѣвъ", при лат. sēmen „сѣмя" sēuī „я посѣялъ", лит.

sēti „сѣять“. Когда мы не имѣемъ ни индо-иранской формы, ни чередованія гласныхъ, мы не можемъ опредѣлить, имѣемъ ли мы дѣло съ *a или съ *ə, какъ напр. названіе „соли“: арм. ał, гр. ἅλς, лат. sălēs (мн. ч.) др.-ирл. salann, гот. salt, др.-сл. **соль**.

Во второмъ неконечномъ слогѣ слова и.-е. *ə выпадаетъ въ иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ, армянскомъ и германскомъ; такъ санскритскому duhitā́ „дочь“, гр. θυγάτηρ (съ необъясненнымъ соотвѣтствіемъ скр. h и греч. γ) соотвѣтствуютъ: гат. dugədā (двусложное), персид. duxt, др.-сл. **дъштн**, лит. duktẽ, арм. dustr, гот. dauhtar. Въ конечномъ слогѣ слова *ə остается: др.-вр.-н. anut (изъ *anud̥) „утка“, гдѣ u отражается *ə, ср. лат. anăs. Послѣ сонантовъ y, w, r, l, m, n исчезновеніе *ə въ балтійскомъ, славянскомъ и, можетъ быть, также въ германскомъ повело къ особой интонаціи двугласнаго, образованнаго послѣ исчезновенія *ə изъ сонанта съ предшествующимъ гласнымъ: санскритскому двугласному an соотвѣтствуетъ литовскій двугласный съ восходящей двухвершинной интонаціей (мягкій двугласный) eñ: скр. mántraḥ „молитвенная формула“, лит. (pa-)meñklas „памятникъ“; наоборотъ, такой группѣ звуковъ, какъ скр. ani, происходящее изъ *enə соотвѣтствуетъ литовскій двугласный съ нисходящей одновершинной интонаціей (твердый двугласный) én; такъ со звукомъ m: скр. vámiti „блюетъ“, vamitvā „выблевавъ“ соотвѣтствуетъ лит. vémti „блевать“ или, со звукомъ n, лит. ántis „утка“ при латинскомъ anăs. Славянскій языкъ даетъ факты совершенно сходные съ литовскимъ. Санскритскій языкъ послѣ y не допускаетъ звука i, отражающаго *ə; онъ имѣетъ a въ первомъ и послѣднемъ слогѣ слова, и *ə послѣ y не имѣетъ другого отраженія. Греческій языкъ не допускаетъ отраженія *ə послѣ слога съ вокализмомъ o, поэтому τόρμος „дыра“ при τέρετρον „буравъ“, πόρνη „блудница“ при πέρα-σσα „я продалъ“ и т. д. Такимъ образомъ элементъ *ə очень подверженъ измѣненіямъ.

Передъ гласнымъ *ə не сохранилось ни въ одномъ языкѣ: 3 л. мн. ч. отъ скр. vámiti будетъ vam-ánti „блюютъ“; при скр. jani-tā́ „родитель“, гр. γενε-τήρ, лат. geni-tor (изъ *genatōr) мы находимъ только скр. ján-aḥ „родъ“, гр. γέν-ος, лат. gen-us.

2. Нѣкоторыя соотвѣтствія, которыя иначе были бы необъяснимы, заставляютъ рядомъ съ *ə предполагать другой редуцированный гласный, обозначаемый здѣсь *°, который чередуется не съ ē, ō, ā, но съ ĕ, ŏ.

арм. tasn „десять“, сл. *-дьсат- (предполагаемое на основаніи русск. два-дцать, чеш. dva-dcet и т. д.), др.-вр.-н. zwein-zug „двадцать“, при греч. δεκα, лат. decem, и т. д.

лат. quattuor, слав. *ѫтъір- (предполагаемое на основаніи чеш. čtyři „четыре“ и т. д.), гом. πίσυρες при гр. τέτταρες, скр. catvā́raḥ, лит. keturì, др.-сл. четыре, и. т. д.

Гласные тембра e, o, a существуютъ также и въ видѣ долгихъ и устанавливаются на основаніи слѣдующихъ соотвѣтствій:

и.-е.	гр.	лат.	кельт.	арм.	герм.	лит.	др.-сл.	индо-ир.
*ē	η	ē	ī	i	ē	ė	ѣ	ā
*ō	ω	ō	ā (ū)[2]	u	ō	ů, o	а	ā
*ā	ᾱ[1]	ā	ā	a	ō	o	а	ā

Примѣчанія. — 1) гр. ᾱ во всѣхъ діалектахъ кромѣ іонически-аттическаго, гдѣ этотъ эвукъ отражается въ видѣ η (первоначально отличающейся отъ старой η).

2) ā въ ударяемыхъ слогахъ, ū — въ неударяемыхъ.

Примѣры:

*ē:

скр. mā́ (отрицаніе запрещенія), гр. (общегреческое) μή, арм. mi;

лат. sēmen „сѣмя“, др.-сл. сѣмя, лит. sė̃menys, др.-вр.-н. sāmo (съ ā, правильно соотвѣтствующимъ герм. ē); гот. [mana-]seþs „человѣчество“, буквально „сѣмя людей“; др.-ирл. sīl „сѣмя“.

*ō:

скр. dā́nam „даръ“, лат. dōnum, кимр. dawn (aw отражаетъ кельтское ā, которое въ свою очередь произошло изъ *ō въ ударяемомъ слогѣ) — др.-сл. даръ, гр. δῶρον, арм. tur — лит. dū̃ti „давать“.

*ā:

скр. mātā́ „мать“, дор. μᾱ́τηρ, арм. mayr, лат. māter, др.-ирл. māthir, др.-исл. móðer, др.-сл. мати, лит. mótė „жена“.

Въ періоды сравнительно новые, когда количественный ритмъ сталъ исчезать и когда развилось удареніе самостоятельной силы, долгіе гласные выказываютъ склонность дѣлаться узкими: въ италійскихъ діалектахъ ē и ō болѣе узки нежели ĕ и ŏ; въ кельтскомъ долгое *ē переходитъ въ ī; въ готскомъ e и o, т. е. ē и ō — звуки очень узкіе; въ литовскомъ ė и o (ē и ō) тоже узкіе; въ армянскомъ и.-е. *ē и *ō отражаются въ видѣ i и u: древне-греческая η въ византійскую эпоху стала произноситься какъ i. Наоборотъ, тамъ, гдѣ языкъ сохранилъ свой старый количественный ритмъ, долгіе гласные въ общемъ соотвѣтствуютъ краткимъ и могутъ даже сдѣлаться болѣе широкими: *ē, *ō, *ā въ индо-иранскомъ одинаково дали ā.

Что гласный ē былъ извѣстенъ индо-иранскому языку, доказываетъ измѣненіе гортанныхъ звуковъ; чистые гортанные встрѣчаются передъ *ā: скр. kā́sate „кашляетъ“, ср. лит. kósiu „кашляю“, др.-англ. hwōta „кашель“, и передъ *ō: скр. (acc. sg.) gā́m „корову“ = дор. βῶν; но измѣненныя гортанныя стоятъ передъ старымъ *ē: скр. jānī́ḥ „жена“, ср. гот. qens „женщина“. Языки, склонные смѣшивать ō и ā,— тѣ же, которые смѣшиваютъ ŏ и ă; во всякомъ случаѣ албанскій языкъ различаетъ ā и ō; въ индо-иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ, германскомъ и *ā, и *ō отражаются одинаково, но одна изъ двухъ группъ балтійскихъ діалектовъ, латышско-литовская, часто отражаетъ старое *ō въ видѣ ů, между тѣмъ какъ *ā всегда отражается какъ лит. o, латыш. ā, какъ иногда отражается и *ō. Отраженіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ō въ видѣ ů привело къ предположенію въ индоевропейскомъ двухъ видовъ *ō; но эта гипотеза внѣ фактовъ латышско-литовскихъ діалектовъ не находитъ никакой опоры, и мы можемъ найти въ самомъ діалектѣ средство объяснить различіе латышско-литовскаго ů и лит. o, латыш. ā: лит. o правильно является въ корняхъ словъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно чередуется съ ė: stėgiu „покрываю“, stógas „крыша“; ů есть форма изолированная, такъ въ dů̃ti „давать“, въ первыхъ лицахъ на -ů такихъ глаголовъ какъ *lėků „оставляю“ (засвидѣтельствовано формою lėkù) при греч. λείπω, и въ другихъ грамматическихъ формахъ. Мы не имѣемъ, слѣдовательно, никакого права предполагать два вида индо-европейскаго *ō.

Въ литовскомъ древніе долгіе гласные отражаются въ серединѣ слова какъ долгіе твердые съ нисходящею одновершинной интонаціею é, ó, ú̃; въ концѣ слова, кромѣ тѣхъ же долгихъ твердыхъ (вторично измѣненныхъ въ è, à, ù) есть еще долгіе мягкіе (съ восходящею двухвершинной интонаціей) ẽ, õ, ũ̃. При этомъ мы замѣчаемъ, что въ конечномъ слогѣ слова литовскимъ долгимъ твердымъ въ греческомъ соотвѣтствуютъ долгіе съ острымъ удареніемъ, если ударѐніе стоитъ на нихъ, а долгимъ мягкимъ — долгіе съ облеченнымъ удареніемъ (поскольку они имѣютъ ударѐніе). Этотъ контрастъ особенно ясенъ въ основахъ женскаго рода на *-ā:

имен. п. ед. ч. *-ā: лит. *(merg)-ó, откуда (merg)-à „дѣвочка“, гр. (πενθερ)-ᾱ́ „теща“

род. п. ед. ч. *-ās: лит. (merg)-ōs, гр. (πενθερ)-ᾱ̃ς

Различныя явленія нѣкоторыхъ другихъ языковъ (въ подробности мы здѣсь входить не можемъ) въ особенности явленія германскихъ діалектовъ показываютъ, что различіе интонаціи лит. *-ó (-à) и -ō, греч. -ᾱ́ и -ᾱ̃ восходитъ къ индоевропейскому языку. Особенно замѣчательно то обстоятельство, что индо-иранскіе долгіе гласные, соотвѣтствующіе въ конечномъ слогѣ литовскимъ мягкимъ долгимъ и греческимъ долгимъ съ облеченнымъ удареніемъ, считаются иногда въ ведическихъ и авестскихъ стихахъ за два слога: мы узнаемъ въ этомъ литовскую двухвершинную интонацію и греческое облеченное ударѐніе. Эти долгіе звуки, повидимому, произошли по большей части изъ индо-европейскихъ сліяній; такъ окончаніе родит. п. лит. -ōs, гр. -ās основывается на и.-е. *-ās, которое, повидимому, состоитъ изъ основного *-ā и окончанія родит. падежа *-es.

3. Сонанты.

Подъ именемъ сонантовъ мы будемъ понимать совокупность различныхъ формъ, которыя принимаютъ, смотря по положенію, звуки y, w, r, l, m, n.

Сонанты занимаютъ положеніе среднее между гласными и согласными.

Какъ гласные, сонанты, при нормальномъ произношеніи громкимъ голосомъ, представляютъ изъ себя въ сущности звукъ голоса, модифицированный резонаторомъ, который

образуютъ органы полости рта и носа, не допуская полнаго затвора: n и m произносятся при (зубномъ и губномъ) затворѣ полости рта, но при опущенной небной занавѣскѣ, которая такимъ образомъ позволяетъ потоку воздуха непрерывно проходить черезъ носъ; затворъ въ полости рта при этомъ бываетъ самый слабый, слабѣе даже, чѣмъ при звукахъ d или b; для образованія звука l кончикъ языка прикасается къ небу, но края его (или по крайней мѣрѣ одинъ край) опускаются настолько, что получается непрерывный потокъ воздуха; r характеризуется дрожаніемъ кончика языка, при чемъ потокъ воздуха не прерывается; наконецъ y и w представляютъ согласныя формы звуковъ i и u, которые въ большинствѣ языковъ являются наиболѣе узкими изъ всѣхъ гласныхъ, но все же гласными.

Какъ согласные, сонанты y, w, r, l, m, n предшествуютъ гласнымъ въ собственномъ смыслѣ ĕ, ŏ, ă или гласнымъ сонантамъ i, u̯, и т. д., и могутъ служить для обозначенія границы слоговъ: это — звуки, характеризуемые бо́льшимъ суженіемъ пути, проходимаго воздухомъ, чѣмъ при образованіи собственно гласныхъ, и потому дающіе болѣе опредѣленную артикуляцію.

Отсюда слѣдуетъ, что сонанты могутъ играть двоякую роль гласныхъ и согласныхъ, смотря по тому, выступаетъ ли на первый планъ ихъ звучность и непрерывность или движеніе артикуляціи затвора. Польза, которую индо-европейскій языкъ извлекъ изъ этой особенности, составляетъ одну изъ самыхъ оригинальныхъ чертъ его фонетики.

Существуетъ четыре различныхъ способа примѣненія сонантовъ смотря по положенію, и эти четыре способа указываютъ на столько же различныхъ функцій индо-европейскихъ сонантовъ: 1. Какъ согласный звукъ: въ началѣ слова передъ гласнымъ или передъ сонантомъ; между двумя гласными; также между согласнымъ въ собственномъ смыслѣ и гласнымъ. — 2. Какъ второй элементъ дифтонга: между гласнымъ и согласнымъ (въ собственномъ смыслѣ или согласнымъ сонантомъ). — 3. Какъ гласный передъ другимъ гласнымъ. — 4. Какъ гласный: въ началѣ слова передъ согласнымъ, или между двумя согласными. — Корень *p l e u — „плавать, плыть“ даетъ примѣры всѣхъ четырехъ способовъ употребленія w:

1. w согласный: скр. plávate „плаваетъ“, др.-сл. **плоутъ**, гр. πλέ(F)ει.

2. w второй элементъ дифтонга: скр. plo̱yati (изъ индо-иранскаго *plaušyati) „будетъ плавать“, гр. πλεύσομαι, др.-сл. **плоухъ** „я плылъ“ (изъ *plouchъ ср. гр. ἔπλευσα).

3. w гласный передъ гласнымъ, обозначаемый здѣсь ^{u}w: скр. perfectum pupluve „плавалъ“ (изъ *pupl^{u}wai); ср. пожалуй лат. pluit „дождь идетъ“.

4. w гласный, т. е. u: скр. plutáḥ „плавающій, облитый“.

Всѣ эти четыре способа употребленія сонантовъ мы разсмотримъ послѣдовательно одинъ за другимъ, и присоединимъ къ нимъ весьма важный случай сочетанія сонанта со слѣдующимъ *ə.

a. — Согласные сонанты.

Таблица соотвѣтствій.

и.-е.	скр.	зд.	арм.	сл.	лит.	гр.	лат.	ирл.	гот.
*y	y	y	?	ѣ	j	ʿ, „	i	„	j
*w	v	v	g, v	в	v	F	u	f	w
*r	r	r	r	р	r	ρ	r	r	r
*l	r, l	r	l	л	l	λ	l	l	l
*n	n	n	n	н	n	ν	n	n	n
*m	m	m	m	м	m	μ	m	m	m

Носовые m, n сохранились во всѣхъ языкахъ. — Точно также и r и l; только индо-иранскій языкъ склоненъ смѣшивать r и l, и санскритъ еще сохраняетъ l въ нѣкоторомъ количествѣ примѣровъ; не удалось еще установить, въ какой мѣрѣ сохраненіе l и переходъ его въ r въ санскритѣ зависитъ отъ различія положенія звука въ словѣ и въ какой мѣрѣ обязано заимствованію изъ діалектовъ, сохраняющихъ или измѣняющихъ l.

Два сонанта наиболѣе близкіе къ гласнымъ, y и w, подверглись въ своей согласной формѣ наибольшимъ измѣненіямъ.

Въ началѣ слова *y осталось въ индо-иранскомъ, славянскомъ, литовскомъ, германскомъ, италійскомъ, британ-

скомъ; склонность усиливать артикуляціонное движеніе суженія является лишь въ болѣе поздніе періоды языка, напр. при переходѣ отъ древне-персидскаго къ ново-персидскому, или отъ латинскаго къ романскимъ языкамъ: лат. iacet перешло во франц. gît. Въ греческомъ y сдѣлалось глухимъ и суженіе пути воздуха уменьшилось; y отражается какъ h (обозначаемое въ древнѣйшихъ надписяхъ знакомъ H, въ александрійскій періодъ знакомъ ʿ), которое въ нѣкоторыхъ діалектахъ исчезло очень рано и которое въ κοινή не сохранилось ни въ одномъ случаѣ. Начальное y исчезло такимъ же образомъ въ ирландскомъ. Въ серединѣ слова, между гласными y сохраняется въ индо-иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ, германскомъ, но исчезаетъ въ армянскомъ, греческомъ, латинскомъ, ирландскомъ. Греческій языкъ совершенно не знаетъ звука y: изъ іота семитическаго алфавита греки заимствовали знакъ для гласнаго ι.

Звукъ *w имѣетъ еще болѣе сложную исторію, чѣмъ *y, вслѣдствіе его двойной артикуляціи; спинка языка приближается къ задней части неба и обѣ губы сближаются и округляются. Склонность замѣнять сонантъ w губо-зубнымъ спирантомъ v очень древняго происхожденія: уже индійскіе грамматики описываютъ звукъ v какъ губо-зубной звукъ, а не какъ w. Латинское u перешло въ v въ романскихъ языкахъ. Въ балтійскомъ и славянскомъ произносятъ также v. Тамъ, гдѣ увеличилось сближеніе языка съ небомъ w перешло въ *g^w, g, какъ это мы наблюдаемъ въ началѣ слова въ армянскомъ и британскомъ; тамъ же, гдѣ увеличилось сближеніе губъ, w превратилось въ b въ началѣ слова, какъ это произошло при извѣстныхъ условіяхъ въ персидскомъ языкѣ. Въ греческомъ языкѣ F (дигамма), отражающая и.-е. *w, имѣетъ очень слабую артикуляцію: между гласными она исчезла почти во всѣхъ діалектахъ до времени древнѣйшихъ надписей; въ началѣ слова она начала исчезать только около V и IV вѣка до Р. Х., за исключеніемъ іоническо-аттическаго, гдѣ она не существуетъ со времени древнѣйшихъ текстовъ; въ нѣкоторыхъ діалектахъ, какъ напр. въ лаконскомъ, она никогда не исчезала. — Почти всюду мы видимъ слѣды того періода, когда y и w были чистыми сонантами: такъ въ иранской области персидскій языкъ отражаетъ начальное *w то какъ g, то какъ b, а это свидѣтельствуетъ о су-

ществованіи въ древне-персидскомъ сонанта w, а не губозубного спиранта v; въ кельтской области начальное *w отражается въ ирландскомъ какъ f, а въ британскомъ какъ g, слѣдовательно обще-кельтскій языкъ имѣлъ еще w.

Примѣры:

*y:

скр. yákṛt „печень“ (род. п. yáknaḥ), лат. iecur (iecinoris), лит. jeknos; зд. yākarə, гр. ἧπαρ (ἥπατος).

скр. yuvaçáḥ „молодой“, гот. juggs, кимр. ieuanc, ирл. ōak, лат. iuuencus, умбр. iuenga.

*-ye- въ отыменныхъ глаголахъ: скр. (p˚tanā)yáti „сражается“, др.-сл. (лжка)нѣтъ „лукавитъ“, лит. (lankó)ju „дѣлать гибкимъ“, гр. (τιμά)ω „почитаю“.

скр. mádhyaḥ „средній“, галл. Medio-(lānum) „(городъ, лежащій) среди (равнины)“, лат. medius (съ *y, представленнымъ гласнымъ i послѣ согласнаго) и оск. meĭiaí (dat. fem. sing.), гот. midja (женск. р.); предшествующій согласный измѣнился подъ вліяніемъ *y въ греч. μέσσος, μέσος (изъ *μέθυος); арм. mēǰ, „середина“, др.-сл. межда „граница“, русск. межа, польск. meza, сербск. мѐђа.

*w:

скр. viç-, зд. vīs- „деревня“, др.-сл. вьсь, алб. vise „мѣста“; гр. Fοῖκος „домъ“, лат. uīcus „деревня“, гот. weihs „деревня“.

скр. vīráḥ „мужъ“, зд. vīrō, лит. výras; лат. uir, ирл. fer, кимр. gwr, гот. wair.

скр. návaḥ „новый“, гр. νέ(F)ος, лат. nouos, др.-сл. новъ.

*r:

скр. rudhiráḥ „красный“, гр. ἐρυθρός (съ гласной протезой передъ начальнымъ *r по общему правилу греческаго языка), др.-сл. рьдръ (изъ *ръдръ), лат. ruber (съ b, отражающимъ ƀ, происшедшее изъ ƀ послѣ u); лит. raũdas, гот. rauƀs, др.-ирл. rūad.

*l: гр. λείχω „лижу“, лат. lingō, др.-ирл. ligim, гот. (bi-)laigon „облизывать“, лит. lėžiù „лижу“, др.-сл. лижѫ, арм. lizem, скр. rehmi и lehmi (зд. riz-).

*n и *m:

скр. nā́ma „имя“, зд. nāma, лат. nōmen, гот. namo, гр. ὄνομα.

Примѣчаніе. — Въ нѣкоторыхъ случаяхъ звуку y дру-

гихъ языковъ въ греческомъ соотвѣтствуетъ ζ, а не h (обозначаемое знакомъ ʿ); такъ:

гр. ζυγόν „ярмо“ при скр. yugám, лат. iugum, гот. juk, чеш. jho (изъ *jĭgo);

гр. ζωστός „опоясанный“, при зд. yāstō, лит. jŭstas, др.-сл. (по-)ꙗсъ. Отсюда нерѣдко заключаютъ, что въ индоевропейскомъ языкѣ былъ особаго рода спирантъ, отличный отъ *y, который можно обозначить знакомъ *j. Но это отраженіе въ видѣ ζ встрѣчается только въ началѣ слова, и ни одинъ изъ остальныхъ языковъ не подтверждаетъ различія *y и *j, предполагаемаго на основаніи греческаго языка; поэтому возможно, что мы имѣемъ здѣсь греческое нововведеніе, условія возникновенія котораго не могутъ быть опредѣлены съ точностью.

b. — Сонанты въ дифтонгахъ.

Дифтонгъ образуется непрерывнымъ звучаніемъ голоса, при чемъ сопровождающая голосъ начальная и конечная артикуляціи надставной трубы совершенно различны, а въ промежуткѣ между ними лежитъ переходъ отъ одной артикуляціи къ другой. Индо-европейскій языкъ образуетъ дифтонги изъ гласныхъ *e, *o а также *a съ какимъ-нибудь изъ сонантовъ; во всѣхъ этихъ дифтонгахъ гласный, т. е. наиболѣе широкая часть артикуляціи, находится въ началѣ, а сонантъ, т. е. наиболѣе узкая часть артикуляціи, въ концѣ.

Часто дифтонгами называютъ только группы, образованныя звуками *e, *o, *a, съ сонантами *y и *w; но между этими группами и тѣми, которыя образуются изъ тѣхъ же гласныхъ съ другими сонантами *r, *l, *m, *n, нѣтъ никакой разницы по существу. Эта однородность дифтонговъ, образуемыхъ при помощи всѣхъ шести сонантовъ, особенно ясна въ литовскомъ языкѣ, гдѣ такіе дифтонги какъ ar, al, an, am способны имѣть двоякую интонацію, восходящую и нисходящую, подобно дифтонгамъ ai и au, т. е.:

aĩ aũ ar̃ al̃ añ am̃
ái áu ár ál án ám

Въ лит. an непрерывный переходъ отъ гласнаго a къ носовому n сказывается въ томъ, что конецъ звука a становится носовымъ, и въ восточныхъ говорахъ литовскаго языка, гдѣ

старое ą (носовое a) переходитъ въ u, дифтонгъ an даетъ сочетаніе un; слѣдовательно a въ сочетаніи an было по крайней мѣрѣ отчасти носовымъ. Въ греческомъ дифтонгъ εν могъ имѣть облеченное удареніе подобно напр. дифтонгу ει; на это указываетъ то обстоятельство, что оба эти дифтонга играютъ одинаковую роль въ случаѣ присоединенія къ слову энклитики: вторичное удареніе развивается и въ сочетаніи ἔνθά τε, какъ и въ сочетаніи εἶτά τε.

Сонанты, какъ вторые элементы дифтонговъ, имѣютъ особыя отраженія и должны были бы обозначаться особыми знаками. Сообразно съ обычной практикой греческаго и латинскаго алфавита они будутъ обозначаться здѣсь знаками i, u, r, l, n, m; этотъ способъ обозначенія имѣетъ тотъ недостатокъ, что представляетъ грубую непослѣдовательность: сонанты y и w обозначены здѣсь своею гласною формою, а остальные — согласною; чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдовало бы писать: ey, ew, er, el, en, em, или ei, eu, e$_{\circ}$r, e$_{\circ}$l, e$_{\circ}$n, e$_{\circ}$m.

Индо-европейскіе дифтонги опредѣляются слѣдующими соотвѣтствіями (слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что начальный гласный элементъ имѣетъ въ большинствѣ случаевъ свое нормальное отраженіе, т. е. и.-е. *e, *o, *a одинаково всѣ три отражаются въ индо-иранскомъ, какъ a, и.-е. *o и *a въ лит. даютъ a, и т. д.):

и.-е.	скр.	зд.	др.-перс.	др.-сл.	лит.	арм.	гр.	лат.	ирл.	др.-вр.-н.
*ei	e[1]	aē	ai	и	ẽ[2], eĩ	?	ει	ī[3]	ē, īa	ī
*eu	o[1]	ao	au	ю	iaũ	oy	ευ	ū[3]	ō, ūa	eo, iu
*er	ar	ar	ar	ръ	er̃	er	ερ	er	er	er
*el	ar[1]	ar	ar	лъ	el̃	eł	ελ	ul	el	el
*en	an	an	a(n)	ѧ	eñ	in	εν	en	(en)	in
*em	am	ǝm	am	ѧ	em̃	im	εμ	em	(em)	im
*oi	e[1]	aē	ai	ъ (и)[4]	ẽ[2], aĩ	ē	οι	ū[3]	oe	ai, ei, ē
*ou	o[1]	ao	au	оу	aũ	oy	ου	ū[3]	ō, ūa	au, ou, ō
*or	ar	ar	ar	ра	ar̃	or	ορ	or	or	ar
*ol	ar	ar	ar	ла	al̃	oł	ολ	ul	ol	al
*on	an	an	a(n)	ѫ	añ	un	ον	on	(on)	an
*om	am	am	am	ѫ	am̃	um	ομ	um	(om)	am

и.-е.	скр.	зд.	др.-перс.	др.-сл.	лит.	арм.	гр.	лат.	ир.	др.-вр.-н.
*ai	e[1]	aē	ai	ѣ (н)[4]	ë[2], ai	ay	αι	ae	ae	ai, ei, ē
*au	o[1]	ao	au	оу	au	aw	αυ	au	ō, ūa	au, ou, ō
*ar	ar	ar	ar	ра	ar	ar	αρ	ar	ar	ar
*al	ar	ar	ar	ла	al	ał	αλ	al	al	al
*an	an	an	a(n)	ѫ	an	an	αν	an	an	an
*am	am	əm	am	ѫ	am	am	αμ	am	am	am

Примѣчанія:

1. Скр. e и o суть долгіе гласные, происшедшіе изъ первоначальныхъ индо-иранскихъ дифтонговъ ai, au, сохранившихся въ древнеперсидскомъ; тотъ фактъ, что они представляютъ первоначальные дифтонги, оставилъ слѣды въ санскритскомъ языкѣ и былъ подмѣченъ туземными грамматиками. — Индо-европейскіе дифтонги съ *l даютъ въ санскритѣ постоянно дифтонги съ r.

2. Условія различнаго отраженія — въ видѣ ë съ одной стороны и ei, ai съ другой — въ литовско-латышскомъ — неизвѣстны.

3. Дифтонги ei, oi, ou встрѣчаются еще въ древнѣйшихъ латинскихъ надписяхъ и еще не вполнѣ перешли въ ī, ū, ū къ концу III вѣка до Р. Х.

4. Сл. н представляетъ и.-е. *oi, *ai въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ концѣ слова.

Примѣры нѣкоторыхъ дифтонговъ:

*ei:

гр. εἶσι „идетъ“, скр. ḗti, др.-перс. aitiy, зд. aēiti, лат. it (изъ *īt, *eiti; ср. īs), др.-лит. eĩti.

др.-прусск. deiws „богъ“, лит. dẽvas (и deivė „привидѣніе“), лат. deus (изъ *deios *deiuos) мн. ч. dīvī, оск, deívaí „diuae“, др.-вр.-н. Zīo и др.-исл. Týr (изъ герм. *tīwaz), ирл. dīa, скр. deváḥ, зд. daēvō „демонъ“.

*au:

лат. augmen „увеличеніе“, лит. augmů̃ род. п. augmeñs „наростъ“, скр. ojmá̄ род. п. ojmánaḥ „сила“; лат. augēre „увеличивать“, гот. aukan „расти“; гр. αὐξάνω „увеличиваю“.

*on:

др.-сл. пѫть, арм. hun „проходъ“, скр. pánthāḥ, зд.

pantå (съ t, происходящимъ изъ th послѣ n) „дорога“; лат. pons „мостъ“, и вѣроятно гр. πόντος „море“.

*om:

гр. γόμφος „колъ“, др.-сл. **зѫбъ** „зубъ“, лит. žam̃bas „уголъ, образуемый сторонами балки“, др.-исл. kambr „гребень“ (нѣм. Kamm), скр. jámbhaḥ „зубъ“.

*er и *or:

лат. uertō „поворачиваю“, скр. várte „поворачиваюсь“, гот. wairþan „становиться“, лит. veřsti „поворачивать“; др.-сл. **крътено**, ирл. fertas, кимр. gwerthyd „веретено“.

лит. vartýti „вращать“, др.-сл. **кратити** (русск. воротить, польск. wrócić), гот. fra-wardjan „портить“ (для значенія ср. нѣм. ver-derben), скр. vartáyati „вертитъ“.

*al:

гр. ἀλφή „доходъ“, лит. algà „плата“, скр. arghåḥ „цѣна, достоинство“, осетинское (иранскій діалектъ на Кавказѣ) arγ „цѣна“; этотъ примѣръ не вполнѣ достовѣренъ, такъ какъ гр. αλ можетъ отражать и.-е. *l̥; а лит. al, индо-ир. ar — и.-е. *ol.

Послѣ гласнаго и передъ согласнымъ сонантъ въ принципѣ не можетъ имѣть другой формы кромѣ формы второго элемента дифтонга: такъ при Fρήγνῡμι „ломаю“ эолическ. діал. имѣетъ аористъ εὐράγη „былъ сломанъ“, а не *ἐFραγη, прилагательное αὔρηκτος „неразломанный“, а не *ἀ-Fρηκτος (гом. ἀῤῥηκτος подновлено подъ вліяніемъ ῥήγνῡμι); perfectum medii отъ скр. yájati „приноситъ жертву“ не имѣетъ формы *ya-yj-e, но yeje, т. е. *ya-ij-ai.

Кромѣ предшествующихъ соотвѣтствій есть еще другой рядъ, который особенно ясенъ въ индо-иранскомъ и нѣсколько менѣе — въ греческомъ:

скр.	ai	au	ān	ām	ār
зд.	āi	āu	ą̄n	ą̄m	ār
гр.	ηι		ην		ηρ
	ηι		ην		ᾱρ
	ωι		ων		ωρ

Это — дифтонги съ долгимъ первымъ элементомъ, т. е. и.-е. *ēi *ēu *ēn *ēm *ēr *ēl и т. д.; мы не можемъ точно опредѣлить, чѣмъ отличался дифтонгъ *ēi отъ *ei, и не слѣдуетъ думать, что эти дифтонги имѣли длительность дол-

гаго гласнаго плюсъ сонанта, т. е. три темпа, между тѣмъ какъ дифтонги съ краткимъ первымъ элементовъ — только два: въ ведическихъ и древне-греческихъ стихахъ дифтонгъ съ долгимъ первымъ элементомъ принимается за два темпа, какъ и дифтонгъ съ краткимъ первымъ элементомъ. Съ другой стороны, чтобы первый элементъ дифтонга казался долгимъ, достаточно, чтобы онъ былъ длиннѣе половины всей группы, составляющей дифтонгъ, и чтобы сонантъ былъ относительно короче; различіе между *ēi и *ei могло слѣдовательно заключаться только въ томъ, что въ *ēi — e было длиннѣе, а i короче, чѣмъ тѣ же звуки въ дифтонгѣ *ei. Вѣроятнымъ дѣлаетъ это предположеніе то обстоятельство, что сонантъ дифтонговъ съ долгимъ первымъ элементомъ часто исчезаетъ либо въ историческій періодъ различныхъ языковъ, либо уже въ самомъ индо-европейскомъ языкѣ. Такъ дифтонгъ *-ōi въ дательномъ падежѣ основъ на *-o- зд. vəhrkāi „волку“, гр. λύκωι (пишется λύκῳ), лит. vilkui (съ ui, отражающимъ *ōi, между тѣмъ какъ *-oi даетъ ë изъ -ai) превратился въ -ō въ греческомъ языкѣ, гдѣ произношеніе стараго -ῳ, какъ -ō сдѣлалось всеобщимъ по крайней мѣрѣ со II вѣка до Р. Х.

Во всѣхъ діалектахъ, кромѣ индо-иранскаго, дифтонги съ долгимъ первымъ элементомъ превратились въ дифтонги съ краткимъ первымъ элементомъ передъ слѣдующимъ согласнымъ того же слова; такъ конечное *-ōis творительнаго пад. мн. ч. основъ на *-o-, засвидѣтельствованное скр. vr̥kaiḥ „волками“, зд. vəhrkāiš, отражается въ греческомъ, какъ -οις, въ лит. какъ -aĩs, въ лат. какъ -īs (изъ -eis, первоначально *-ois): гр. λύκοις, лит. vilkaĩs, лат. lupīs. Санскритскимъ dyáuḥ „небо“, gáuḥ „корова“, náuḥ „корабль“ въ греч. соотвѣтствуютъ Ζεύς, βοῦς, ναῦς, съ дифтонгами ευ, ου, αυ, а не *ηυ *ωυ *ᾱυ; если въ іоническомъ и есть форма νηῦς, то она возникла вслѣдствіе внесенія по аналогіи долгаго гласнаго въ именительный пад. изъ другихъ падежей, вин. ед. ч. *νᾱϜα, род. *νᾱϜός и т. д.; и дѣйствительно Ζεύς и βοῦς, склоненіе которыхъ имѣетъ долгій гласный звукъ, только въ им. (и вин.) п. ед. ч. сохранили ευ, ου во всѣхъ діалектахъ. Поэтому дифтонги съ долгимъ первымъ элементомъ могутъ стоять только въ концѣ слова: πατήρ „отецъ“, ἄκμων „наковальня“, ἡμέρᾱν „день“ (вин. п.). Даже въ Индіи диф-

тонги съ долгимъ первымъ элементомъ, сохраненные еще въ санскритѣ, смѣшиваются съ краткими въ пракритскихъ діалектахъ.

Уже въ индо-европейскомъ языкѣ сравнительно краткій сонантическій элементъ дифтонговъ съ долгимъ первымъ элементомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчезъ; напримѣръ, винит. пад. мн. ч. основъ на *-ā- имѣлъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ положеніяхъ *-ās, происшедшее изъ стараго *-ā-ns: скр. -āḥ, лит. -às (изъ стараго балтійскаго *-ós); греческій языкъ снова ввелъ носовой звукъ (по аналогіи другихъ склоненій) и сократилъ вслѣдствіе этого гласный ᾱ, откуда *-ᾰνς, сохраненное, напр., въ критскомъ діалектѣ; такимъ образомъ вин. п. мн. ч. отъ τῑμᾱ́ „честь“ іон.-атт. τῑμή́ будетъ *τῑμᾰ́νς откуда іонич.-атт. τῑμᾰ́ς, лесб. τῑ́μαις. Точно также i и u выпали въ формахъ винит. падежа ед. ч. основъ *dyēu- „небо, день“, *gʷōu- „корова“, *rēi- „богатство“: скр. dyā́m, gā́m, гом. Ζῆν, дор. βῶν, лат. rem, т. е. *dyēm *gʷōm *rēm изъ *dyēum, *gʷōum, *rēim.

Въ индо-европейскомъ артикуляція носового сонанта была независима отъ слѣдующаго согласнаго звука: литовскій языкъ имѣетъ m передъ t напримѣръ въ szim̃tas „сто“, rem̃ti „подпирать“, готскій — передъ þ, какъ напр. въ словѣ ga-qumþs „приходъ“, и передъ s, какъ въ словѣ ams „плечо“. Поэтому, если мы находимъ на мѣстѣ стараго m, звукъ n передъ зубнымъ, то это есть результатъ позднѣйшаго измѣненія: такъ передъ t въ лат. centum „сто“ и передъ d въ гот. hund „сто“. Точно также возможно, что гортанный носовой есть звукъ вторичнаго происхожденія на почвѣ каждаго отдѣльнаго діалекта, хотя онъ и распространенъ довольно широко: скр. aṅkaḥ „крюкъ“, гр. ὄγκος; лат. quīnque „пять“ (съ i, происшедшимъ изъ e передъ гортаннымъ носовымъ, между тѣмъ какъ e остается передъ зубнымъ n, напр. въ centum). Санскритскій языкъ имѣетъ палатальный носовой передъ палатальнымъ звукомъ и гортанный передъ гортаннымъ: скр. páñca „пять“ и paṅktíḥ „пятерка“.

c. — Гласные сонанты передъ гласными.

Часто случается, что группа звуковъ, состоящая изъ сонанта со слѣдующимъ гласнымъ звукомъ, составляетъ два слога; тогда сонантъ во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ

отражается въ видѣ краткаго гласнаго звука со слѣдующимъ согласнымъ сонантомъ, который по общему правилу встрѣчается между гласными. Поэтому мы можемъ обозначить эти группы, напр. передъ гласнымъ e, слѣдующимъ образомъ:

*°ye, *°we, *°re, *°le, *°ne, *°me.

Но, такъ какъ въ дѣйствительности *°y и *°w обозначаютъ всегда то же что гласные *i и *u со слѣдующимъ *y и *w, то мы пишемъ въ этихъ двухъ случаяхъ

*iye, *uwe.

Примѣры:

*iy:

гр. βιός „лукъ“ (y между гласными въ греческомъ выпадаетъ), вед. j(i)yā́ „тетива лука“ (пишется jyā, но во многихъ случаяхъ въ Ригведѣ составляетъ два слога), лит. gijà „нитка (для тканья)“.

*uw:

вед. d(u)váu, d(u)vā́ „два“ (пишется dváu, dvā́, но въ стихахъ два слога), гом. δύω, атт. δύο, лат. duo, др.-сл. **дъва**.

скр. род. п. ед. ч. bhruvā́ḥ „брови“, гр. ὀφρύος изъ *ὀφρύFος, др.-сл. вин. п. **бръвь**, лит. вин. п. brùvį.

Отраженіе другихъ гласныхъ сонантовъ передъ гласными сведено въ слѣдующей таблицѣ:

и.-е.	скр.	зд.	арм.	гр.	лат.	ирл.	гот.	лит.	др.-сл.
*°r	ir, ur[1]	ar	ar	αρ	ar	ar	aur[4]	ir, ur[2]	**ьр, ър**[2]
*°l	ir, ur, (il, ul)	ar	al	αλ	al	al	ul	il, ul	**ьл, ъл**
*°n	?	?	an	αν	an, in[3]	an	un	in, un	**ьн, ън**
*°m	?	?	am	αμ	am, im[3]	am	um	im, um	**ьм, ъм**

Примѣчанія:

1. Звуки i и u въ санскритскомъ языкѣ по большей части зависятъ отъ предшествующихъ согласныхъ.

2. Звуки i и u въ балтійскомъ и славянскомъ появляются въ условіяхъ еще не выясненныхъ въ большинствѣ случаевъ.

3. Лат. in, im передъ звукомъ i слѣдующаго слога, напр. въ sine изъ *s°ni ср. др.-ирл. sain (кельт. *sani) „отдѣльно“.

4. Гот. aur, такъ какъ герм. u передъ r въ готскомъ

всегда переходитъ въ au (т. е. широкое o); ur остается въ другихъ германскихъ діалектахъ (при чемъ u переходитъ въ o при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ вообще въ этихъ діалектахъ u переходитъ въ o).

Примѣры:

*°r:

скр. puráḥ „впереди“, зд. parō, гр. πάρος „раньше“, др.-вр.-н. furisto „князь“; ирл. ar „впереди“, галл. Aremorica (область около моря).

*°l:

гр. βαλεῖν „бросить“, лит. guléti „лежать“ (относительно значенія ср. отношеніе лат. iacĕre „бросать“ и iacēre „лежать“).

*°n:

др.-сл. мьнѣти „думать“, лит. minėti, гот. munan, гр. μανῆναι „сойти съ ума“.

*°m:

гр. *-άμο- въ словѣ οὐδ-αμοί „ниодни“, гот. sums „нѣкій“; др.-вр.-н. sumar „лѣто“, арм. amaṙn; др.-ирл. sam.

d. — Гласные сонанты.

Находясь между двумя согласными или въ началѣ слова передъ согласнымъ, сонанты играютъ роль гласныхъ. Гласные сонанты опредѣляются слѣдующими соотвѣтствіями:

и.-е.	скр.	зд.	гр.	др.-сл.	лит.	гот.	арм.	лат.	ирл.
*i	i	i	ι	ь	i	i	i	i	i
*u	u	u	υ	ъ	u	u	u	u	u
*r̥	r	ərə	ρα, αρ[1]	ръ	iř, uř[2]	aur[4]	ar	or	ri
*l̥	r̥	ərə	λα, αλ[1]	ль, лъ[2]	il̃, ul̃[2]	ul	ał	ul	li
*n̥	a	a	α	ѧ (ъ)[2]	iñ, uñ[2]	un	an	en	(см. пр. [3])
*m̥	a	a	α	ѧ (ъ)[2]	im̃, um̃[2]	um	am	em	(см. пр. [3])

Примѣчанія:

1. Условія, при которыхъ въ греческомъ является ρα или αρ, λα или αλ, точно не выяснены.

2. Условія, при которыхъ въ древне-славянскомъ является ль или лъ (т. е. гласное l или гласное ł), а въ литовскомъ il̃ или ul̃ и т. д., не выяснены.

3. Отраженіе *̥ и *m̥ въ ирландскомъ настолько сложно, что не можетъ быть сведено въ таблицѣ.

4. Готскій aur представляетъ герм. *ur.

Примѣры:

*i:

скр. diç- „направленіе, сторона“, лат. dic- въ выраженіи dicis cauca „для вида“, гр. δίκη „право, справедливость“; лат. dictus „сказанный“ (итал. detto), скр. diṣṭáḥ „показанный“; др.-англ. tigen „показанный“.

*u:

скр. род. п. ед. ч. çúnaḥ „собаки“, гр. κυνός, др.-ир. con (изъ кельт. *kunos), лит. szun(e)s.

*r̥:

скр. pr̥cchắti „спрашиваетъ“, зд. pərəsaiti, арм. harçanem „спрашиваю“, лат. poscō (изъ *porcscō); др.-вр.-н. forsca „разспрашиваю“ (съ or изъ герм. *ur); лит. pir̃szti „свататься“.

гом. κραδίη (и καρδίη) „сердце“, лат. cor, cordis, др.-сл. **сръдьце**, др.-ирл. cride.

*l̥:

скр. vl̥kaḥ „волкъ“, зд. vəhrkō (съ обозначеніемъ посредствомъ h особенности произношенія, происшедшей повидимому подъ вліяніемъ ударенія), лит. vil̃kas, др.-сл. **влькъ**, гот. wulfs (со звукомъ f, возникшимъ подъ какимъ-то особеннымъ вліяніемъ).

*n̥:

скр. á(-jñātaḥ) „неизвѣстный“, гр. ἄ(-γνωτος), лат. ignōtus, т. е. iṅ̇ṅ̇ōtus, изъ *in(-gnōtos), др.-ирл. in(-gnad), гот. un(-kunþs), арм. an(-canawth).

*m̥:

скр. çatám „сто“, зд. satəm, гр. (ἑ-)κατόν, лит. szim̃tas, др.-сл. **сто** (съ ъ, которое напрасно считаютъ неправильнымъ отраженіемъ), гот. hund (изъ *hundan), лат. centum (изъ *centom), кимр. cant, др.-ирл. cēt.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что *i и *u съ точки зрѣнія индо-европейскаго языка — не гласные, а только гласныя формы сонантовъ *y и *w, совершенно такъ же какъ *r̥, *l̥, *m̥, *n̥ суть гласныя формы сонантовъ *r, *l, *m, *n: скр. suptáḥ „заснувшій“, гр. ὕπνος „сонъ“, др.-сл. **сънъ** (изъ ***съпнъ**) стоятъ въ такомъ же отношеніи къ скр. svápnaḥ

„сонъ“, др.-исл. svefn, какъ скр. p̥rcchátі „спрашиваетъ“ и т. д. къ скр. práçnaḥ „вопросъ“, лат. precēs (мн. ч.) „просьба“, гот. fraihna „спрашиваю“; скр. diṣṭáḥ „показанный“ и т. д. стоитъ въ такомъ же отношеніи къ греч. ἔδειξα „я показалъ“, лат. dīcō (изъ deicō) „говорю“, какъ скр. baddháḥ „связанный“, гот. bundans „связанный“ къ скр. bándhuḥ „родственникъ“, гот. binda „связываю“, лит. beñdras „товарищъ“.

Гласные сонанты *i, *u, *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ съ точки зрѣнія индо-европейскаго языка — краткіе: санскритъ отражаетъ ихъ всѣхъ какъ краткіе i, u, r̥, r̥, a, a; точно такъ же и греческій, кромѣ *r̥ и *l̥, изъ которыхъ получаются ρα (или αρ), λα (или αλ): гр. πατράσι „отцамъ“ у Гомера представляетъ дактиль, между тѣмъ какъ ведич. pitr̥ṣu „среди отцовъ“ — три краткихъ слога; отраженіе *n̥, *m̥ въ слав. ъ представляетъ также краткій звукъ; почти во всѣхъ другихъ языкахъ, за исключеніемъ индо-иранскаго, и.-е. *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ сдѣлались долгими, такъ какъ отразились въ видѣ гласнаго звука со слѣдующими r, l, n, m и слѣдовательно превратились въ дифтонги; но отраженія *n̥ и *m̥ въ индо-иранскомъ, греческомъ и славянскомъ показываютъ, что эта долгота развилась позднѣе эпохи индо-европейскаго единства.

Много спорили о томъ, были ли эти краткіе и.-е. *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ чистыми вокализованными сонантами, какъ i и u, или артикуляція ихъ слагалась изъ очень краткаго гласнаго съ предшествующими или слѣдующими r, l, n, m въ качествѣ согласныхъ или вторыхъ элементовъ дифтонговъ. Этотъ вопросъ имѣетъ второстепенное значеніе, такъ какъ важно опредѣлить не то, произносились ли *r̥, *l̥, *m̥, *n̥ тѣмъ или другимъ способомъ, но то, въ какихъ звукахъ отразились они въ различныхъ языкахъ, и каково ихъ мѣсто въ строѣ индо-европейскаго языка. — Существованіе очень краткаго гласнаго элемента, независимо отъ сонанта можетъ быть серьезно установлено только на основаніи совпаденія представителей этого гласнаго въ различныхъ языкахъ. Въ этомъ отношеніи самое замѣчательное явленіе представляетъ двоякое отраженіе *r̥ въ балтійскомъ въ видѣ iř и uř, которому соотвѣтствуетъ и обще-славянская пара *ĭr и *ŭr, слившаяся въ др.-славянскомъ въ одномъ отраженіи ръ, но сохраненная русскимъ языкомъ въ сочетаніяхъ ер и ор и оставившая слѣдъ въ из-

мѣненіи гортанныхъ звуковъ; такъ съ одной стороны мы имѣемъ др.-сл. чрънъ (изъ *чьрнъ), рус. черный, др.-прусск. kirsnan, ср. скр. kr̥ṣṇáh „черный“, а съ другой стороны др.-сл. кръма (изъ *кърма), русск. корма; послѣднему слову вѣроятно соотвѣтствуетъ гр. πρύμνα, πρύμνη „корма“, съ отраженіе *r̥ въ видѣ ρυ, которое напоминаетъ славянское *ър и отличается отъ обычнаго ρα. Факты такого рода стоятъ такъ одиноко, что изъ нихъ нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ.

Существенный выводъ, который слѣдуетъ запомнить, таковъ: *i, *u, *r̥, *l̥, *m̥, *n̥ представляютъ гласные элементы, параллельные другъ другу, и играютъ одинаковую роль въ языкѣ.

е. — Сонанты передъ *ə.

Въ группахъ типа: гласный + сонантъ + *ə + согласный, напр. *-enət-, согласный сонантъ и *ə имѣютъ обычное отраженіе; это типъ:

скр. janitā́, гр. γενετήρ, лат. genitor „родитель“ или въ языкѣ съ исчезающимъ *ə въ среднемъ слогѣ (иранскомъ, армянскомъ, славянскомъ, балтійскомъ, германскомъ), др.-сакс. kind „дитя“ изъ *$g_1$enətó-.

Въ группахъ типа: согласный (или начальный звукъ слова) + сонантъ + *ə + согласный, очень трудно опредѣлить отраженіе. Сонантъ мы будемъ обозначать здѣсь знаками *y, *w, *r, *l, *m, *n, не обозначая этими начертаніями никакой гипотезы о гласномъ или согласномъ характерѣ звуковъ.

Для *y и *w + *ə мы имѣемъ отраженіе, точно установленное: *ī и *ū; здѣсь всѣ языки согласуются:

скр. krītáḥ „купленный“, ирл. crīthid „любящій покупать“.

скр. tū́yaḥ „сильный“, лит. túlas „нѣсколько“, др.-пр. tūlan „много“; гр. τῡ́λη „опухоль“.

Но греческій языкъ, рядомъ со звуками ῑ, ῡ, отражающими и.-е. *ī, *ū, знаетъ еще формы ια, υα, которыя, повидимому, отражаютъ и.-е. *iyə, uwə, напр. въ словѣ πρίασθαι „купить“, при скр. krītáḥ „купленный“.

Для *r, *l + *ə въ скр. мы имѣемъ īr, ūr (r отражаетъ и *r и *l), а для скр. *n + *ə — ā; отраженіе *m + *ə въ санскритѣ плохо извѣстно. Этимъ путемъ пришли къ установленію и.-е. *r̄, *l̥̄, *m̥̄, *n̥̄ параллельно *ī и *ū.

Въ нѣкоторомъ количествѣ примѣровъ въ греческомъ мы находимъ сочетаніе αρα, αλα, αμα, ανα, т. е. дѣло обстоитъ такъ, какъ будто лежащее въ основѣ индо-европейское сочетаніе было *°rə, *°lə, *°mə, *°nə. Но рядомъ съ этими отраженіями мы находимъ и другія: ρᾱ, λᾱ (и, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ρω, λω), μᾱ, νᾱ, часто имѣющія двоякое значеніе (такъ какъ мы не можемъ отрицать возможности того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ и.-е. *rā, *lā, *mā, *nā) и потому сомнительныя; во всякомъ случаѣ, однако, эти отраженія a priori вѣроятны, такъ какъ рядомъ съ *°re индо-европейскій языкъ долженъ былъ знать *rə, а греческій языкъ даетъ сочетаніе ρᾰ только въ такихъ случаяхъ, когда мы можемъ предполагать возникновеніе новой формы уже на греческой почвѣ по аналогіи.

Кельтскій языкъ имѣетъ формы типа ara, ala и т. д., которыя соотвѣтствуютъ греческому типу αρα, αλα и т. д; латинскій имѣетъ тоже ari, ali и т. д., но по большей части съ свойственнымъ ему пропускомъ гласнаго внутри слова. Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ кельт. rā, лат. rā, кельт. lā, лат. lā и т. д., соотвѣтствующія гр. ρᾱ, λᾱ и т. д. Повидимому, слѣдовательно, двоякое греческое отраженіе имѣетъ мѣсто и въ кельтскомъ и въ италійскомъ.

Что касается языковъ, гдѣ *ə внутри слова выпадаетъ (см. стр. 80), то два ряда отраженій, отличаемые въ греческомъ, италійскомъ и кельтскомъ, здѣсь смѣшиваются между собою и даже смѣшиваются съ обычнымъ отраженіемъ *r̥, *l̥, *n̥, *m̥; во всякомъ случаѣ балтійскій и славянскій языки различаютъ *r̥ и *r̥̄ по интонаціи:

*r̥: лит. ir̃ или ur̃ сербское r̂ (подъ ударе́ніемъ),
*r̥̄: лит. ìr или ùr сербское r̀ (подъ ударе́ніемъ);

и то же самое для всѣхъ рядовъ. Индо-иранскій языкъ также отличаетъ *n̥ и *n̥̄, откуда:

*n̥: лит. in̄, un̄, сербск. ê индо-ир. ă,
*n̥̄: — ìn, ùn, — ȇ, ȳ — ā.

Подъ *r̥̄, *l̥̄, *n̥̄, *m̥̄ разумѣются всѣ эти запутанныя отраженія *r, *l, *m, *n + *ə.

Слѣдующіе примѣры даютъ представленіе объ этомъ явленіи:

*r̥:

скр. gīrṇáḥ „проглоченный“, лит. gìrtas „пьяный“ и gùrklį (вин. п. ед. ч.) „зобъ“, др.-сл. **грълo** (серб. **грло**) „горло“; гр. βάραθρον „ущелье, пропасть“ (ω въ βιβρώσκω „ѣсть“ можетъ отражать и.-е. *ō).

др.-сл. (**съ-**)**тръть** „стертый, сношенный“, серб. **трти** „тереть, носить“, гр. τρᾱνής „проникающій, точный“ (примѣръ, повидимому, достовѣрный); др.-ирл. tarathar „буравъ“.

скр. sphū́rjati „гремитъ, появляется“, гр. σφαραγέομαι „лопаюсь съ шумомъ“, лит. spùrgas „почка (на деревѣ)“, лат. spargō (изъ sparagō?) „разбрасываю“.

*l̥:

скр. dīrgháḥ „длинный“, зд. darəgō (двусложное), др.-сл. **длъгъ** (серб. **дуг**).

гр. παλάμη „ладонь“, лат. palma (изъ *palama?), др.-ирл. lām „рука“, др.-англ. folm (изъ герм. *fulmā) „ладонь“

скр. pūrṇáḥ „полный“, др.-сл. **пълнъ** (серб. **пун**), лит. pìlnas, гот. fulls (изъ герм. *fulnaz), др.-ирл. lān.

*n̥:

скр. jātáḥ „рожденный“, зд. zātō, лат. (g)nātus, галл. (Cintu-)gnātus.

скр. yā́tā „невѣстка“, лат. ianitrices „жены двухъ братьевъ“.

лит. (pa-)žìntas „извѣстный“, гот. kunþs.

гр. θάνατος „смерть“, рядомъ съ θνητός (дор. θνᾱτός) „смертный“.

*m̥:

гр. (ἀ-)δάματος „незамужняя, свободная“ и δμητός (дор. δμᾱτός) „укращенный“.

лит. tìmsras „рыжечалый (лошадь)“.

Такая форма, какъ греч. να въ τέθναμεν, рядомъ съ τέθνηκα, объясняется аналогіей, ср. ἔσταμεν при ἕστηκα. Точно также лат. grauis, съ сочетаніемъ ra изъ *rə, основывается на формѣ женскаго рода *grəwī-, аналогичной съ формою *pl̥thəwī (скр. pr̥thivī „широкая (земля)“, гр. Πλαταιαί). Случаи такого рода довольно рѣдки.

Соотвѣтствія, обозначенныя какъ *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ существуютъ только въ комбинаціяхъ *r + ə, *l + ə и т. д.

Нельзя того же сказать объ *ī и *ū. Дѣйствительно эти долгіе сонанты иногда чередуются съ краткими *i и *u:

скр. vīráḥ „мужчина“, зд. vīrō, лит. výras, но лат. vir, др.-ирл. fer (изъ *wĭros), гот. wair (изъ *wiraz).

скр. nū́ „нынѣ“, гр. νῦν, др.-сл. нынѣ, но скр. nú, гр. νύ, лат. (nu-)dius, др.-ирл. nu, др.-сл. нъ.

Въ этихъ словахъ употребленіе *ī или *i, *ū или *u опредѣлялось повидимому соображеніями ритма; напр. въ аористахъ съ удвоеніемъ звукъ i удвоенія дологъ передъ краткимъ слогомъ въ скр. rīriṣat „повредилъ“ и кратокъ передъ долгимъ слогомъ въ скр. didīpat „засвѣтилъ“. Эти долгіе звуки въ другихъ случаяхъ по большей части являются результатомъ самостоятельнаго развитія въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ; доказательствомъ этому служитъ то, что въ санскритѣ i, происходящее изъ *ə часто бываетъ долгое; а это i чисто индо-иранское.

Во всѣхъ случаяхъ эти *ī и *ū — гласные сонанты; такъ *ū въ *nū́ есть тотъ же звукъ, который мы находимъ въ видѣ w въ родственныхъ словахъ: скр. návaḥ „новый“, гр. νέ(F)ος, лат. nouos и т. д.

Примѣчаніе относительно сонантовъ.

Условія, въ которыхъ появляются различныя формы сонантовъ, могутъ быть изучены въ связи съ изученіемъ слога и, въ главѣ IV, въ связи съ чередованіемъ гласныхъ звуковъ; но уже и теперь видно, что это чередованіе различныхъ формъ сонантовъ есть одна изъ характерныхъ чертъ индо-европейскаго языка. Ни одинъ языкъ не сохранилъ его вполнѣ; даже санскритъ, лучше его сохранившій, все же кое-что уже утратилъ; архаическій видъ литовскаго языка по большей части основывается на сохраненіи системы сонантовъ, о которой онъ одинъ изъ всѣхъ живыхъ индо-европейскихъ языковъ еще и теперь даетъ нѣкоторое представленіе.

II. Слогъ.

Непрерывный рядъ звуковъ заключаетъ въ себѣ рядъ естественныхъ подраздѣленій, которыя называются слогами. Гласные звуки (собственно гласные и гласные сонанты) представляютъ въ этомъ рядѣ звуки голоса, а согласные

(собственно согласные и согласные сонанты) — переходныя движенія; въ основѣ гласныхъ звуковъ, при нормальной громкой рѣчи, лежитъ дрожаніе голосовыхъ связокъ, модифицированное резонансомъ полости рта и носа, а въ основѣ согласныхъ — артикуляціонное движеніе открыванія или закрыванія воздушнаго пути. Мы имѣемъ, слѣдовательно, элементы голоса, гласные звуки, раздѣленные артикуляціонными движеніями открыванія и закрыванія воздушнаго пути, согласные звуки. Возьмемъ для примѣра схематическій рядъ звуковъ:

a t e s o y o n u g i w n̥ p e.

Звуки голоса здѣсь a, e, o, u, i, n̥, e; согласные, отдѣляющіе ихъ t, s, y, n, g, w, p: въ однихъ изъ нихъ закрытіе полное, какъ въ звукахъ t, g, p, въ другихъ частичное, какъ въ звукахъ s, y, n, w; одни изъ нихъ сопровождаются дрожаніемъ голосовыхъ связокъ, какъ y, n, g, w, другіе — нѣтъ, какъ t, s, p. Но общее всѣмъ гласнымъ звукамъ есть то, что они суть звуки голоса, а общее всѣмъ согласнымъ —, что они содержатъ движеніе закрыванія со слѣдующимъ движеніемъ открыванія воздушнаго пути; и одинъ и тотъ же элементъ является гласнымъ или согласнымъ i или y, u или w, n̥ или n смотря по тому, служитъ ли онъ, сообразно съ своимъ положеніемъ въ группѣ, голосовымъ звукомъ или артикуляціей закрыванія или открыванія; способъ артикуляціи и сонорное качество звука остаются тѣ же, но въ одномъ случаѣ выдвигается на первый планъ звучность, въ другихъ артикуляціонное движеніе.

Гласный принадлежитъ цѣликомъ къ тому слогу, котораго центръ онъ составляетъ; наоборотъ, согласный звукъ дѣлится между двумя слогами, границу которыхъ онъ составляетъ: часть его, образуемая движеніемъ закрыванія, или, иначе, его имплозія оканчиваетъ слогъ, а моментъ открытія, или эксплозіи, взрыва, начинаетъ другой слогъ: въ группѣ e p e, напримѣръ, смыканіе губъ оканчиваетъ первый слогъ, который включаетъ также и продолжительность затвора, а открытіе губъ начинаетъ второй слогъ. То же опредѣленіе примѣнимо и къ звонкимъ согласнымъ: въ группѣ e b e нѣтъ момента молчанія, полной остановки голоса, такъ какъ дрожаніе голосовыхъ связокъ длится все время, но во

время затвора губъ происходитъ остановка потока воздуха, которая и составляетъ границу между двумя слогами. Когда мы имѣемъ дѣло со спирантами, какъ s, или сонантами, какъ y, w, r, l, m, n, однимъ словомъ со звуками длительными, не происходитъ остановки потока воздуха, но происходитъ движеніе, стремящееся сузить путь воздуха, моментъ относительнаго суженія и движеніе новаго расширенія: опредѣленіе границы слога приложимо, слѣдовательно, и къ этому случаю, и въ болѣе широкомъ смыслѣ мы и здѣсь можемъ говорить объ имплозіи и эксплозіи. Въ случаѣ звука h, который представляетъ простое дыханіе и не соединяется ни съ закрытіемъ, ни съ суженіемъ пути воздуха, собственно говоря не происходитъ ни открытія, ни закрытія, но только остановка дрожанія голосовыхъ связокъ, сопровождающаго гласный звукъ: это обстоятельство, повидимому, дѣлаетъ этотъ звукъ непродолжительнымъ, и вслѣдствіе этого онъ между гласными вообще склоненъ къ исчезновенію: ehe стремится превратиться въ ē. Нѣтъ, впрочемъ, никакихъ указаній на существованіе h въ индо-европейскомъ языкѣ.

Нѣкоторые языки не допускаютъ другихъ формъ слоговъ, кромѣ простѣйшаго типа, гдѣ каждый гласный звукъ отдѣленъ отъ другого только однимъ согласнымъ. Въ индоевропейскомъ не то. Здѣсь согласный элементъ можетъ быть сложный: кромѣ описанной выше простѣйшей формы онъ можетъ слагаться изъ двухъ взрывныхъ звуковъ, напр. kt, pt; изъ спиранта и взрывнаго звука, какъ st, zd, изъ взрывнаго со спирантомъ, какъ ts; изъ взрывнаго (или спиранта) и согласнаго сонанта, такъ ty, sn. Написаніе, конечно, не должно скрывать отъ насъ истинную природу звуковъ, составляющихъ эти группы: k и t въ группѣ ekte не могутъ быть тождественны съ k въ группѣ eke и съ t въ группѣ ete: k въ группѣ ekte имѣетъ имплозію такую же, какъ и въ группѣ eke, но эксплозія (взрывъ) въ большинствѣ языковъ происходитъ во время имплозіи звука t и не сопровождается потокомъ воздуха; и имплозія звука t, происходя во время затвора звука k, не сопровождается остановкой потока воздуха; слѣдовательно, въ группѣ ekte мы имѣемъ двѣ различныя согласныя артикуляціи, но обѣ онѣ отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ артикуляцій k и t между гласными.

Будетъ ли согласный элементъ простой или сложный,

въ данномъ рядѣ звуковъ слогъ есть отрѣзокъ, заключенный между двумя крайними границами движеній открыванія и закрыванія.

На основаніи этихъ соображеній возможно опредѣлить понятія долгаго и краткаго слога, насколько позволяетъ это сдѣлать сравненіе санскритской и греческой просодіи, а также, въ меньшей мѣрѣ, и просодіи другихъ языковъ.

Кратокъ всякій такой слогъ, гласный элементъ котораго есть краткій звукъ (гласный или сонантъ) со слѣдующимъ простымъ согласнымъ; такъ кратокъ первый слогъ въ скр. sácate „слѣдуетъ“, гр. ἕπεται, лат. sequitur (гдѣ qu обозначаетъ одну артикуляцію), лит. sekù „слѣдую“, гот. saihwa „вижу“ (hw обозначаетъ одну артикуляцію); въ скр. imáḥ „идемъ“, гр. ἴμεν; въ скр. pr̥thúḥ „широкій“ (th есть простой согласный), и т. д.

Дологъ слогъ бываетъ въ двухъ случаяхъ:

1. Независимо отъ слѣдующаго согласнаго элемента, когда его гласный элементъ есть долгій гласный, долгій сонантъ или дифтонгъ; такъ дологъ первый слогъ въ скр. bhrā́tā „братъ“, гр. φρᾰ́τωρ „членъ фратріи“, лат. frāter, др.-ирл. brāthir, гот. broþar, лит. broter(-ẽlis); въ скр. pū́tiḥ „гнилой“, лат. pūtidus, др.-вр.-н. fūl, гр. πῡ́ϑω „гною“, лит. pū́ti „гнить“; въ греч. Fοῖδα „знаю“, скр. véda, гот. wait; въ скр. páñca „пять“, гр. πέντε, лит. penkì (жен. р. peñkios).

2. Независимо отъ количества гласнаго элемента, когда согласный элементъ, слѣдующій за нимъ, составляетъ группу согласныхъ; такъ дологъ первый слогъ въ скр. saptá „семь“, гр. ἑπτά, лат. septem; въ скр. pitré „отцу“, гом. πατρῶν „отцовъ“; въ скр. vā́ste „одѣвается“, гр. Fέσται, лат. uestis „одежда“; и т. д.

Согласный элементъ, предшествующій гласному, не имѣетъ никакого вліянія на количество слога: первый слогъ словъ στέφω „окружаю“, τρέφω „питаю“, στρέφω „поворачиваю“ также кратокъ, какъ и первый слогъ словъ ἔφῡ „онъ сталъ“ или νέφος „облако“; счетъ количества слога всегда начинается съ начала гласнаго звука.

Долгота перваго слога въ группахъ epte, este объясняется легко: въ este вся продолжительность спиранта составляетъ часть перваго слога, который оканчивается только

взрывомъ звука t; въ группѣ двухъ взрывныхъ, напр. въ epte, первый слогъ кромѣ продолжительности гласнаго звука включаетъ еще время необходимое для артикуляціи губного, а также вѣроятно и время для образованія зубного затвора.

Болѣе затрудненій представляетъ случай такихъ сочетаній какъ etre, etye: первый слогъ здѣсь оканчиваетъ затворомъ звука t, какъ въ сочетаніи ete, и дѣйствительно въ сочетаніяхъ подобнаго рода первый слогъ кратокъ въ аттическомъ и въ латинскомъ языкахъ; но въ ведической просодіи, какъ и въ просодіи гомеровской, онъ дологъ, и объясненіе этому явленію даетъ санскритская фонетика: дѣйствительно, описанія индійскихъ грамматиковъ показываютъ, что слово putráḥ „сынъ“ произносилось на самомъ дѣлѣ, какъ puttráḥ, или по крайней мѣрѣ такъ, что бы слышалось двойное t; поэтому въ пракритѣ, гдѣ группы согласныхъ упрощаются, скр. putrá- переходитъ въ putta-, а не въ puta-; точно также въ греческомъ группа *-k_1w-, отражающаяся въ скр. áçvaḥ „лошадь“, лит. aszvà „кобыла“ даетъ не -π-, какъ *-k^w- въ ἕπομαι „слѣдую“, а -ππ-: ἵππος, *-dhy- черезъ *-ϑy- даетъ въ обще-греческомъ -σσ-, а не -σ-, и это -σσ- сохранилось еще въ нѣкоторыхъ діалектахъ и отчасти у Гомера: гом. μέσσος, изъ *μεϑyος „средній“; ср. скр. mádhyas. Если группа: согласный + согласный сонантъ производитъ долготу слога, оканчивающагося этой группой въ индо-европейскомъ, это значитъ, что ея первый элементъ болѣе дологъ, чѣмъ согласный звукъ въ положеніи между гласными; отсюда не слѣдуетъ, что бы этотъ двойной согласный былъ такъ же дологъ, какъ двойной согласный между гласными, и одинаково съ нимъ артикулировался: звукъ t въ сочетаніи etre иной нежели tt въ сочетаніи ette.

Отсюда вытекаетъ одно слѣдствіе: если корень оканчивается согласнымъ и къ нему присоединяется суффиксъ, начинающійся тѣмъ же согласнымъ со слѣдующимъ сонантомъ, то дѣло происходитъ такъ, какъ будто суффиксъ начинается сонантомъ: съ точки зрѣнія индо-европейской фонетики *pet-tro- (съ суфиксомъ -*tro) не отличается отъ *pet-ro- (съ суффиксомъ *-ro): въ обоихъ случаяхъ произношеніе одно *pettro-. Если корень оканчивается звонкимъ звукомъ, а суффиксъ начинается глухимъ, то различіе уже оказывается: *med-ro остается въ видѣ *medro (произносится *meddro),

но *med-tro переходитъ въ *met-tro, которое смѣшивается съ *metro; такъ при лат. modus „мѣра“ и гот. mitan „измѣрять“, др.-англ. metan, греческій языкъ имѣетъ μέτρον „мѣра“, произносимое μέ͡τρον; первый слогъ этого слова еще дологъ въ древнѣйшихъ текстахъ.

Относительно группы: долгій гласный + согласный + согласный сонантъ, т. е. типа ētre, просодія не даетъ ничего, такъ какъ скр. atra и ātra, гом. ετρε и ητρε имѣютъ одинаковое метрическое значеніе; но почти очевидно a priori, что согласный въ этомъ сочетаніи былъ простой, а не двойной. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ нѣкоторые сонанты вѣроятно имѣли въ этомъ случаѣ не согласную форму, но форму гласнаго сонанта передъ гласнымъ: ведическій языкъ обыкновенно имѣетъ согласный + согласный y послѣ краткаго гласнаго, т. е. типъ ătya; но согласный + iy послѣ долгаго гласнаго, дифтонга или гласнаго съ согласнымъ: ātiya, artiya, astiya; такъ изъ 120 случаевъ, когда скр. окончаніе dat.-abl. pl. -bhyaḥ имѣетъ въ Ригведѣ двусложное произношеніе -bhiyaḥ, только въ двухъ случаяхъ передъ bh мы находимъ простой краткій гласный; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ iy стоитъ послѣ долгаго слога, напр. tébh(i)yaḥ „этимъ“; y всегда представляетъ согласный звукъ въ скр. satyáḥ „истинный“, зд. haiθyō, а гласный — въ вед. mártyaḥ „смертный“, др.-перс. martiya. Таково, повидимому, было положеніе въ индо-европейскомъ языкѣ, судя по контрасту скр. mádhyaḥ „средній“, гом. μέσσος или скр. pádyaḥ „пѣшій“, гр. πεζός съ согласнымъ *y, и скр. veç(í)yam „домъ“, гр. Fοικίον съ *iy. Что касается другихъ сонантовъ кромѣ y, то факты недостаточно ясны.

Внѣ употребленія въ группахъ типа: согласный + сонантъ, какъ *ty или *tr, индо-европейскій языкъ повидимому стремился устранять двойные согласные. Группа *-ss- упрощается въ тѣхъ случаяхъ, когда она получается по морфологическимъ причинамъ: такъ 2 л. ед. ч. наст. вр. отъ корня *es- имѣетъ форму *ési (скр. ási, зд. ahi, гр. εἶ), и *essi, которое мы также находимъ (гом. ἔσσι, арм. es, лат. ess въ стихосложеніи древнихъ авторовъ), объясняется, или по крайней мѣрѣ можетъ объясняться вліяніемъ аналогіи. Группа tt не сохранилась неизмѣнно въ изолированномъ положеніи

между гласными: въ иранскомъ, балтійскомъ, славянскомъ и греческомъ она даетъ st; въ латинскомъ, кельтскомъ и германскомъ — ss; санскритъ имѣетъ tt, но такъ какъ *tst даетъ тамъ тоже tt, то этотъ двойной согласный не сохраняетъ состоянія индо-европейскаго языка, въ которомъ, судя по всѣмъ остальнымъ языкамъ, произошло измѣненіе звука t. Такъ отъ корня *sed- съ суффиксомъ *-to-, слѣдовательно изъ формы *setto- мы имѣемъ скр. sattáḥ „сѣвшій“, зд. hastō, лат. sessus; отъ *wid- съ суф. *-to- мы имѣемъ зд. -vistō- „извѣстный“, гр. -Fιστος, др.-ирл. -fess, др.-вр.-н. (gi)wisso; ср. также гр. Fίδμεν „знаемъ“, Fίστε „знаете“ и др.-сл. вѣсте „знаете“. То же касается и звонкихъ звуковъ: зд. dazdi „дай“ основывается на *ded-dhi и гр. Fίσθι „знай“ — на *wid-dhi; скр. dehí „дай“ предполагаетъ тоже *dazdhi форму, засвидѣтельствованную зд. dazdi; эта форма показываетъ, что и санскритскій языкъ не избѣжалъ измѣненія.

Измѣненіе группъ *tt и *ddh тѣмъ болѣе замѣчательно, что такого измѣненія не бываетъ въ выраженіяхъ, свойственныхъ дѣтскому языку, въ словахъ ласкательныхъ и звукоподражательныхъ т. е. въ такихъ, которыя въ извѣстномъ смыслѣ стоятъ внѣ нормальнаго языка; таковы гр. ἄττα „папа“, лат. atta (гот. atta); гр. τίτθη „няня“, гр. Νικοττώ, ласкательное отъ Νικοτέλεια. Въ словахъ этого рода согласные часто удваиваются; такъ еще въ скр. akkā „мама“, гр. Ἀκκώ, лат. Acca (Lārentia); гр. ἄππα „папа“, др.-вр.-н. Sicco ласкательное отъ Sigbert; гр. κακχάζω „хохочу“; гр. γύννις „нѣженка“ (ср. γυνή); и т. д. Уже одинъ гласный ă, который встрѣчается во многихъ дѣтскихъ словахъ, показываетъ, что они занимаютъ особое положеніе, такъ какъ ă не часто встрѣчается въ индо-европейскихъ словахъ.

Въ группахъ согласныхъ дѣйствуютъ слѣдующія правила:

1. Каждый звукъ сохраняетъ свойственную ему артикуляцію, такъ k остается гортаннымъ передъ t: лат. dictus „сказанный“.

2. Согласный въ собственномъ смыслѣ (взрывный или спирантъ) бываетъ глухимъ или звонкимъ передъ согласнымъ въ собственномъ смыслѣ соотвѣтственно глухимъ или звонкимъ. Отъ корня *yeug- лат. iungō „соединяю“, iugum „ярмо“, прилагательное съ суфф. *-to- имѣетъ слѣдующую

форму: скр. yuktáḥ „соединенный“, зд. yuxtō, гр. ζευκτός, лат. iunctus, лит. jùnktas; аористъ на *-s-: áyukṣi „я привязалъ“, греч. ἔζευξα „я запрягъ“, лат. iunxī „я соединилъ“. Повелительное на *-dhi отъ корня *es-: зд. zdī „будь“, гр. ἴσθι.

3. Передъ согласными сонантами глухіе взрывные и *s, наоборотъ, остаются глухими точно такъ же, какъ передъ гласными. Примѣры:

скр. tasya „этого“, гат. tahyā, гом. τοῖο (изъ *τοhyo), арм. -oy (изъ *-ohyo).

скр. catvā́raḥ „четыре“, лат. quattuor; лит. ketviř-tas „четвертый“, др.-сл. четвръ.

скр. áçmā „камень“, гр. ἄκμων „наковальня“; ср. лит. akmů̃ „камень“.

скр. svápnaḥ „сонъ“, зд. xvafnō, лит. sāpnas, др.-исл. suefn, гр. ὕπνος.

скр. çvaçrū́ḥ „свекровь“ (съ начальнымъ ç подъ вліяніемъ ассимиляціи слѣдующему ç изъ *s), лат. socrus.

скр. pā́tram „сосудъ“, лат. pōculum (изъ *pōtlom).

Но сложная группа *-ptm- перешла въ *-bdm- въ словѣ *sebdmo „седьмой“, какъ о томъ свидѣтельствуютъ др.-сл. сєдмъ, гр. ἕβδομος при скр. saptá, гр. ἑπτά, лат. septem.

4. Группы типа: звонкій придыхательный + глухой согласный (взрывный или s) представляютъ особую трудность. Въ индо-иранскомъ они даютъ не группу: глухой + глухой, какъ слѣдовало бы по общему правилу, а группу: звонкій + звонкій придыхательный; такъ отъ корня *dr̥bh- съ индоиранскимъ суфф. *-ta- (и.-е. *-to-) образуется скр. dr̥bdháḥ „связанный“, зд. dərəwδō; отъ корня *bhudh-, съ тѣмъ же суфф. *-ta-: скр. buddháḥ „проснувшійся“; и т. д. Существованіе въ древнее время группы съ звонкимъ придыхательнымъ подтверждается греческимъ χθών „земля“, скр. kṣā́ḥ, мѣстн. п. kṣámi (съ скр. kṣ изъ *gžh), при параллельной формѣ съ начальнымъ *g_1h: зд. zå „земля“ (мѣст. п. zəmi), гр. χαμαί, лат. humus. Но обыкновенно индо-иранская форма не находитъ соотвѣтствія въ другихъ діалектахъ; даже въ иранскомъ, въ позднѣйшей Авестѣ, наши формы вытѣсняются подъ вліяніемъ аналогіи; такъ изъ индо-иранск. корня *augh- „говорить“ 3 л. средн. зал. аориста въ гатахъ имѣетъ форму aogəδā „сказалъ“ (т. е. aogda), но въ

позднѣйшей Авестѣ aoxta, по образцу всѣхъ другихъ третьихъ лицъ средняго залога вторичнаго окончанія на -ta. Другіе языки не даютъ ни одного достовѣрнаго примѣра такого отраженія этой группы, какое является въ индо-иранскомъ; греческій языкъ напр. имѣетъ постоянно формы εὐκτός, πιστός и т. д. при εὔχομαι „молюсь“, πείθομαι „повинуюсь“ и т. д.

Когда соприкасаются два сонанта, то является вопросъ, какую форму принимаетъ каждый изъ нихъ. Здѣсь можно различать пять случаевъ:

1. Между двумя согласными послѣ краткаго слога или въ начальномъ слогѣ слова первый сонантъ имѣетъ согласную форму, второй — гласную; такъ скр. srutáḥ „потекшій“, ῥυτός; скр. çvábhiḥ „собаками“ (изъ *$k_1$wn̥bhis), а не *çumbhiḥ; гр. φρασί „уму“ (изъ *bhr̥nsi) у Пиндара и въ древнемъ аттическомъ, и т. д.; лит. ketviřtas „четвертый“, др.-сл. четвръ, гр. τέτρατος представляютъ *kʷetr̥tos. Группа *-wr- между согласными въ другихъ языкахъ претерпѣваетъ перестановку и переходитъ въ *-ru-, что засвидѣтельствовано зд. čaθru- (въ čaθru-ratuš „имѣющій четырехъ учителей“), гр. τρυ- (изъ *πτρυ-, τρυ-φάλεια „шлемъ, соб. четырех-защитный“), лат. quadru- (такъ quadrupes „четвероногій“ съ загадочнымъ d), галл. petru- (Petru-corii рядомъ съ Tri-corii); и санскритская форма caturtháḥ „четвертый“ (образованная по аналогіи съ вин. пад. catúraḥ „четыре“) замѣняетъ скорѣе *catruthâḥ, чѣмъ *catvr̥thaḥ. Эта перестановка соблюдаетъ общее правило въ томъ отношеніи, что гласный сонантъ слѣдуетъ за согласнымъ. — Для случая такого же сочетанія сонантовъ послѣ долгаго слога, повидимому, трудно найти ясные примѣры, которые позволили бы установить правило.

Изъ общаго правила вытекаетъ, что въ индо-европейскомъ не существовало дифтонга, состоящаго изъ гласнаго сонанта + сонанта, второго элемента дифтонга, поэтому когда въ словѣ индо-европейскаго языка литовскій языкъ имѣетъ ir, ur передъ согласнымъ, мы никогда не имѣемъ дѣла со старымъ *i+r *u+r, но всегда со старымъ *r̥. Уклоненія отъ этого принципа объясняются всегда морфологическими условіями; такъ глаголы съ носовымъ инфиксомъ даютъ такіе дифтонги какъ in: скр. ri-ñ-cánti „оставляютъ“, рядомъ съ riṇákti „оставляетъ“, лат. li-n-quō „оставляю“,

др.-пр. (p o-)lī-n-ka „оставляетъ“, или скр. kr̥-n-tán „прядущій“ (причаст. наст. вр. отъ kr̥ṇátti „прядетъ“).

2. Между согласнымъ съ предшествующимъ краткимъ слогомъ и гласнымъ первый сонантъ бываетъ гласнымъ, а второй согласнымъ: скр. çúnaḥ „собаки“ (род. п. ед. ч.), гр. κυνός; скр. (вин. п.) catúraḥ „четыре“, лит. (имен. п.) keturì (гр. τέτταρες, τέτταρας образовано по аналогіи; ср. дор. τέτορες и іон. τέσσερες); скр. diváḥ „неба“, гр. Δι̯Fός; зд. zimō „зимы“, гр. -χι̯μος, скр. himáḥ „зима“. Но скр. pítriyaḥ „отцовскій“, гр. πάτριος доставляютъ затрудненія: мы ожидаемъ и.-е. *pətr̥yos; несомнѣнно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ измѣненіями подъ вліяніемъ аналогіи. Съ другой стороны примѣненіе этого правила вообще ограничено многочисленными вліяніями аналогіи, такъ санскритъ имѣетъ çuçruve „онъ былъ услышанъ“, а не *çuçr̥ve подъ вліяніемъ çuçráva „я услышалъ“, çuçrūyā́t „пусть услышитъ“, и т. д.; но литовскій противуполагаетъ правильно tvìrtas „твердый“, изъ *twr̥tos, глаголу turė́ti „имѣть“ (соб. „держать“), изъ *turē-; точно также скр. cakr̥vā́n „сдѣлавшій“ имѣетъ въ род. п. правильно cakrúṣaḥ.

3. Послѣ гласнаго, передъ согласнымъ или въ концѣ слова первый сонантъ бываетъ согласнымъ, а второй гласнымъ; такъ скр. náva „девять“, лат. nouem, гр. ἐννέ(F)α, изъ *néwn̥; или скр. navatíḥ „девяносто“, изъ *newn̥tis, др.-прус. newīnts „девятый“, гот. niunda (изъ *newunda-) „девятый“.

4. Между двумя гласными первый сонантъ становится вторымъ элементомъ дифтонга, а второй согласнымъ; такъ др.-перс. aiva „одинъ“, кипр. οι̯Fος „единственный“ и др.-лат. oinos (откуда ūnus) „одинъ“, гот. ains, др.-пр. ainan (вин. п.), гр. οἰνή „одно очко на игральныхъ костяхъ“; лит. dervà (вин. п. dervą) „смолистое дерево“, др.-сл. дрѣво (русск. дерево), кимр. derwen „дубъ“, гом. (род. п.) δουρός (читалось несомнѣнно δορFός) „древка“. — По физіологическимъ причинамъ *y стоитъ особо, и нѣкоторыя группы, въ которыхъ оно является, не согласуются съ общимъ правиломъ; такъ группы типа ewye имѣютъ u какъ второй элементъ дифтонга и y согласный въ иранскомъ, славянскомъ, литовскомъ, готскомъ, но и w и y оба согласные въ санскритѣ, греческомъ, италійскомъ, кельтскомъ; напр. литовскому naũjas „новый“ (съ au вм. iau подъ вліяніемъ диссимиляціи),

гот. niujis (изъ *neujos) въ скр. соотвѣтствуетъ návyaḥ „новый“, въ греч. νεῖος (изъ *νεϜυος), въ галл. Novio-(dūnum) „новая крѣпость“ и т. д.

5. Для двухъ сонантовъ въ началѣ слова — общаго правила нѣтъ. Такъ y не бываетъ согласнымъ передъ другими сонантами, но w, r, l, m, n могутъ быть согласными передъ y; w можетъ быть согласнымъ передъ y, r, l, какъ напр. въ гр. Ϝρήγνῡμι „ломаю“, но всегда является гласнымъ передъ n и w; и т. д. Примѣры вообще рѣдки, а для большинства сочетаній ихъ и вовсе нѣтъ.

III. Слово и предложеніе.

Удареніе.

Слово не допускаетъ точнаго фонетическаго опредѣленія такого, какое возможно для слога; и дѣйствительно, понятіе слова собственно уже не фонетическое, но главнымъ образомъ морфологическое и синтаксическое, и если можно точно опредѣлить, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается индо-европейское морфологическое слово, то не всегда легко указать опредѣленныя границы фонетическаго слова. Возьмемъ стихъ Гомера:

Λ 82: εἰσορόων Τρώων τε πόλιν καὶ νῆας Ἀχαιῶν

„взирая на городъ Троянцевъ и на корабли Ахеянъ“. Здѣсь Τρώων τε — два независимыхъ слова, первое измѣняемое, второе неизмѣняемое, играющія въ предложеніи независимую роль, и каждое изъ нихъ имѣетъ свое особенное значеніе; но съ точки зрѣнія фонетической Τρώων τε составляетъ только одно слово. Съ другой стороны, даже слова, имѣющія фонетическую самостоятельность, не всѣ одинаково изолированы: слова νῆας Ἀχαιῶν составляютъ группу, два члена которой тѣснѣе соединены между собою, нежели слова εἰσορόων Τρώων τε.

Тѣмъ не менѣе, благодаря морфологическому строенію индо-европейскаго языка, количество словъ въ каждомъ предложеніи можетъ быть довольно точно установлено. Во французскомъ языкѣ въ предложеніи il est venu à Rome „онъ пришелъ въ Римъ“ трудно установить число словъ, такъ какъ il est venu въ извѣстномъ смыслѣ есть единая форма, выражающая одну идею, и все же можно сказать il n'est pas

venu или il y est venu или il n'y est pas encore venu, причемъ три элемента выраженія il est venu отдѣляются въ самомъ предложеніи, какъ они отдѣляются на письмѣ; наоборотъ въ латинскомъ uenit Romam, передающемъ здѣсь точно индо-европейскій типъ, грамматическая форма не допускаетъ никакого сомнѣнія относительно числа словъ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что индо-европейское слово имѣетъ точныя границы даже съ точки зрѣнія фонетики: слово опредѣляется звуками, имѣющими особое произношеніе въ этомъ положеніи и, кромѣ того, оно заключаетъ въ себѣ слогъ, носящій удареніе или способный его носить.

Особый характеръ конца слова засвидѣтельствованъ съ древнѣйшихъ временъ метрикою: во всѣхъ стихахъ съ числомъ слоговъ болѣе восьми ведическій, зендскій и греческій языкъ имѣютъ цезуру, которая состоитъ только въ томъ, что въ опредѣленномъ мѣстѣ стиха обязателенъ конецъ слова. То же самое мы наблюдаемъ и въ латинскомъ сатурновомъ стихѣ. Древняя цезура существенно отличается отъ цезуры александрійскаго стиха французскихъ классиковъ, которая соединяется съ извѣстной остановкой по смыслу.

Конечные взрывные звуки отражаются иначе, нежели взрывные въ серединѣ слова. Для санскритскаго языка описанія грамматиковъ показываютъ, что конечные взрывные въ произношеніи сводились къ имплозивному элементу звука и что они казались „сдавленными“ (pīḍita-); они бываютъ глухими или звонкими смотря по тому, слѣдуетъ ли за ними глухой или звонкій (согласный, сонантъ или гласный), между тѣмъ какъ въ серединѣ слова, за исключеніемъ положенія передъ звонкими взрывными, взрывные звуки сохраняютъ свое особое качество: санскритъ, слѣдовательно, противуполагаетъ конечныя сочетанія -at ta-, -ad da-, -ad ra-, -ad a-, сочетаніямъ -atna-, -ata- и т. д., допускаемымъ въ серединѣ слова. Въ греческомъ, славянскомъ, балтійскомъ, германскомъ, кельтскомъ, армянскомъ конечные взрывные, сведенные также къ простой имплозіи, исчезли совершенно: санскритскому ábharat „онъ носилъ“ въ греческомъ соотвѣтствуетъ ἔφερε (въ арм. eber); скр. tát „это“ гр. τό, ср. др.-сл. то; въ такого рода случаяхъ латинскій языкъ всегда имѣетъ -d, какъ istud, др.-лат. fēced „fecit — сдѣлалъ“; -t третьяго лица, какъ uehit „везетъ“ (откуда fēcit по аналогіи) проис-

ходитъ отъ того, что первоначальная форма окончанія была *-eti (ср. скр. váhati „ѣдетъ“, др.-р. везеть), гдѣ конечное *-i въ латинскомъ отпало.

Конечный спирантъ *-s имѣетъ судьбу, подобную судьбѣ взрывныхъ звуковъ. Въ санскритѣ въ концѣ слова, не соединеннаго въ произношеніи со слѣдующимъ, нѣтъ собственно говоря звука -s, а есть одно дыханіе, которое обозначается знакомъ -ḥ; и между тѣмъ какъ въ серединѣ слова s остается глухимъ передъ гласными и сонантами (индо-ир. *-asa, *-asya, *-asna-, *-asra- и т. д.), конечное -s дѣлается въ индо-иранскомъ звонкимъ передъ звонкимъ гласнымъ, сонантомъ или согласнымъ; это конечное *-z совершенно отличается отъ *-z- въ серединѣ слова, какъ конечное *-s отличается отъ *-s- въ серединѣ слова, подвергается различнымъ измѣненіямъ и даетъ особыя отраженія: *-az передъ согласнымъ даетъ скр. o: áçvo „лошадь“; палійскій языкъ сдѣлалъ соотвѣтствующее -ō всеобщимъ, и обычный им. п. этого типа оканчивается на -ō: пал. assō; конечный шипящій звукъ, который отражаетъ и.-е. *-s послѣ *i и *u превращается въ индо-иран. въ *-ž передъ звонкимъ, такъ греческому δυσ- въ первой части сложнаго слова (съ фонетическимъ характеромъ конца, а не середины слова) передъ звонкимъ звукомъ соотвѣтствуетъ зд. duž- скр. dur- (съ r, отражающимъ конечное ž): зд. duž-ita- „труднопроходимый“, скр. dur-itá- „трудный, плохой“; зд. duž-vačah- „имѣющій дурное слово“, скр. dur-vacas- и т. д. Въ славянскомъ конечное *-s по правилу исчезаетъ, но сохранилось послѣ согласныхъ въ нѣкоторыхъ односложныхъ предлогахъ и приставкахъ, примыкающихъ въ произношеніи къ слѣдующему слову, какъ **къс-**, **къz-** (изъ *ups- *ubz-), и распредѣленіе -c- и -z- соотвѣтствуетъ вполнѣ индо-иранскому распредѣленію: **къс-ходити**, но **къz-ити**. Латинскій языкъ употребляетъ постоянно глухой -s, но со столь слабой артикуляціей, что въ древнѣйшихъ текстахъ этотъ звукъ вовсе не пишется, и поэты республиканскаго времени могли не обращать вниманія на звукъ -s въ стихосложеніи: Энній часто писалъ стихи въ родѣ слѣдующаго:

postquam lumina sis oculis bonus Ancu(s) reliquit.

Въ германскомъ конечный звонкій, обычный передъ звонкими, распространился на всѣ случаи по крайней мѣрѣ

въ нѣкоторыхъ діалектахъ: онъ сохранился въ исландскомъ въ формѣ -r, а также въ западныхъ діалектахъ въ односложныхъ словахъ, напр. др.-вр.-н. hwer „который“, ср. скр. káḥ, и въ готскомъ передъ энклитиками съ начальныхъ звонкимъ звукомъ: hwaz-ei. Судьба конечнаго *-s во всѣхъ діалектахъ настолько сложна, что мы не можемъ здѣсь входить въ подробности этого вопроса; мы видимъ только, что конечное *-s въ своемъ отраженіи очень отличается отъ *-s- въ серединѣ слова.

Носовые звуки въ концѣ слова имѣютъ также особую судьбу: греческій языкъ знаетъ только конечное -ν, какъ ἵππον (вин. п. ед. ч.) при лат. equom, скр. áçvam „лошадь“; др.-прус. и ирландскій имѣютъ тоже только -n, и въ такихъ языкахъ, какъ армянскій, славянскій, германскій, гдѣ конечное -n отпадаетъ, мы находимъ въ извѣстныхъ положеніяхъ слѣды -n, а не m. Въ латинскомъ языкѣ -m есть скорѣе знакъ назализаціи, чѣмъ губной носовой, такъ какъ конечное -m не препятствуетъ элизіи: anim-aduertere изъ animum aduertere „замѣчать“. Точно такъ же и въ санскритѣ конечное -m въ серединѣ предложенія есть не что иное, какъ носовое продолженіе предшествующаго гласнаго, anusvāra, а не звукъ имѣющій собственную особую артикуляцію.

Послѣ долгихъ гласныхъ конечные сонанты въ индоевропейскомъ были склонны даже исчезать: санскритскій языкъ имѣетъ mātā̆ „мать“, лит. mótė при дорич. μᾱ́τηρ, лат. māter; точно также скр. áçmā „камень“, лит. akmů̃, но гр. ἄκμων, ср. лат. homō, hominis „человѣкъ“; въ вед. vṛ́kāv „оба волка“ (съ -āv изъ и.-е. *-ōw) чередуется съ vṛ́kā (изъ *wl̥kʷō, ср. гр. λύκω, лит. vilkù изъ *vilkŭ) и конечное *-w въ скр. d(u)vā̆v „два“ мы находимъ въ др.-ирл. dāu, при вед. d(u)vā̆, гом. δύω, др.-сл. дъва.

Наконецъ, конечный гласный слова способенъ подвергаться удлиненію; напримѣръ, ведическій языкъ имѣетъ hatá и hatā̆ „бейте“; предлогъ (и приставка) и.-е. *pro имѣетъ также форму *prō, напр. вед. pra- и prā-, сл. про и прѣ-, лат. prō- и prō, гр. προ и πρω-(πέρυσι) „позапрошлый годъ“. Греческій имѣетъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно постоянное количество; но въ ведическомъ языкѣ количество конечнаго гласнаго въ большинствѣ формъ колеблется между

долготой и краткостью, и таково, повидимому, было индоевропейское состояніе. Литовскій зват. п. vilkè „волкъ!“, гдѣ -e предполагаетъ старый долгій звукъ, противуполагается краткому *-e въ скр. vṛ́ka, гр. λύκε, лат. lupe, др.-сл. вльче.

Такимъ образомъ всѣ эти факты согласно показываютъ, что конецъ слова въ индо-европейскомъ былъ отмѣченъ характерными особенностями произношенія: слово въ предложеніи имѣло свою фонетическую индивидуальность.

Въ этой группѣ артикуляцій, оканчивающейся произносимыми особымъ способомъ звуками, которую мы называемъ словомъ, одинъ слогъ можетъ произноситься выше и сильнѣе, чѣмъ другіе. Особенную высоту слога мы будемъ называть повышеніемъ, а наиболѣе высокій слогъ слова повышеннымъ; имя же ударенія мы будемъ примѣнять только къ усиленію звука и потому будемъ называть ударяемымъ слогомъ слогъ наибольшаго непряженія звука. Неударяемымъ слогомъ или словомъ мы будемъ обозначать слогъ или слово безъ повышенія голоса или безъ ударенія.

Каждый слогъ слова въ ведическихъ текстахъ снабженъ знакомъ, обозначающимъ, по показаніямъ грамматиковъ, высоту тона, съ которою долженъ произноситься гласный элементъ этого слова. За исключеніемъ нѣкотораго числа маленькихъ словъ, частицъ или мѣстоименій, никогда неимѣющихъ повышенія голоса, каждое ведическое слово имѣетъ, или по крайней мѣрѣ можетъ имѣть въ извѣстныхъ условіяхъ повышеніе голоса на одномъ изъ своихъ слоговъ, который называется udātta- „повышенный“; такъ bharati „несетъ“ можетъ, смотря по обстоятельствамъ, не имѣть повышенія голоса или имѣть его, и, въ послѣднемъ случаѣ, повышеніе лежитъ на слогѣ bha: bhárati. Точно также каждое греческое слово (за исключеніемъ небольшого числа неударяемыхъ словъ) имѣетъ одинъ слогъ съ „острымъ удареніемъ“, произносимый выше, чѣмъ другіе, именно, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, на квинту выше. Не трудно замѣтить, что слогъ, носящій въ греческомъ „острое удареніе“, соотвѣтствуетъ ведическому udātta-; напр. для основъ ср. р. на *-es- коренной слогъ имѣетъ повышеніе тона въ скр. nábhaḥ „облако“, гр. νέφος; скр. sádaḥ „сидѣніе“, гр.

ἕδος; и т. д.; наоборотъ суффиксъ имѣетъ повышеніе въ женскомъ родѣ: скр. uṣáḥ „заря“, гом. ἠώς; между основами на *-o- абстрактныя имена имѣютъ повышеніе тона на корнѣ, но прилагательныя и nomina agentis на *-o-; такъ гр. τόμος „отрѣзокъ, кусокъ“ и τομός „рѣжущій, острый“, скр. váraḥ „выборъ“ и varáḥ „женихъ“; гр. πλό(F)ος „плаваніе“ и скр. plaváḥ „лодка“. Индо-европейская интонація, опредѣляемая этимъ соотвѣтствіемъ ведическаго и древне-греческаго языковъ, составляетъ необходимую составную часть слова, и несоотвѣтствія, которыя представляютъ въ этомъ отношеніі оба языка, требуютъ особаго объясненія, какъ и всякая другая аномалія.

Какъ удареніе ново-греческаго языка занимаетъ обыкновенно мѣсто древне-греческаго повышенія тона, такъ удареніе литовскаго, русскаго, сербскаго и др. языковъ занимаетъ мѣсто того повышенія тона, которое еще сохранялось въ обще-балтійскомъ и обще-славянскомъ языкахъ. Такъ русск. нéбо, серб. нѐбо имѣютъ удареніе на томъ же слогѣ, гдѣ гр. νέφος и скр. nábhaḥ имѣютъ повышеніе тона. Не смотря на многочисленныя отклоненія, которыя однако отчасти удалось объяснить, удареніе нѣкоторыхъ балтійскихъ и славянскихъ діалектовъ отражаетъ индо-европейское повышеніе тона. И дѣйствительно это удареніе сопровождается замѣтнымъ повышеніемъ голоса.

Если индо-европейское тоническое удареніе не сохранилось въ германскихъ діалектахъ, все же его существованіе въ обще-германскомъ языкѣ засвидѣтельствовано однимъ изъ очень рѣдкихъ его фонетическихъ вліяній: между тѣмъ какъ глухой спирантъ по общему правилу дѣлается въ германскихъ языкахъ звонкимъ между двумя сонантическими элементами (собственно гласными и сонантами), онъ остается глухимъ послѣ повышенія, по крайней мѣрѣ послѣ повышенія, падающаго на начальный слогъ слова. Отсюда два различныя отраженія, напр. и.-е. *k:

др.-вр.-н. swehur „свекоръ“ при:
скр. çváçuraḥ, русск. свéкоръ;
др.-вр.-н. swigar „свекровь“ при:
скр. çvaçrúḥ, русск. свекрóвь;
для *t:
др.-англ. weorþe „становлюсь“, wearþ „я сталъ“, но

wurdon „мы стали“, worden „ставшій“ при скр. vártate, vavárta „я повернулся“, но vavr̥tmá „мы повернулись“, vr̥ttáḥ „повернутый“;

для *s:

гот. amsa- „плечо“, ср. скр. áṃsa-
гот. mimza- „мясо“, ср. скр. māṃsá-

Изъ сравненія ведическаго и греческаго языковъ, славянскихъ и балтійскихъ діалектовъ и обще-германскаго мы можемъ заключить, что индо-европейское тоническое удареніе имѣетъ важныя характерныя черты:

1. Каждое слово имѣетъ одно повышеніе тона. Существовало ли вторичное повышеніе въ многосложныхъ словахъ, мы сказать не можемъ: ниодинъ достовѣрный фактъ на это не указываетъ.

2. Повышеніе тона въ словѣ можетъ занимать какое угодно мѣсто: приведенные выше примѣры достаточно иллюстрируютъ этотъ принципъ. Ограниченіе мѣста тоническаго ударенія послѣдними слогами слова, какъ это имѣетъ мѣсто въ греческомъ языкѣ, есть чисто греческое нововведеніе; ни ведическій, ни балтійскій, ни славянскій, ни германскій не имѣютъ ничего подобнаго: ведическій языкъ имѣетъ причастіе средняго залога bhāramāṇaḥ „несущій“, между тѣмъ какъ въ греч. φερόμενος, и въ женскомъ родѣ скр. bhāramāṇā при греч. φερομένη; различія интонаціи типа ἀγορᾶ: ἀγορᾶς (см. стр. 83) проявляются благодаря повышенію тона, но независимы отъ него; они существуютъ даже тамъ, гдѣ повышеніе тона не заставляетъ ихъ проявляться.

3. Тоническое удареніе древнихъ индо-европейскихъ языковъ и въ особенности ведическаго, древне-греческаго, обще-славянскаго, обще-балтійскаго и обще-германскаго не оказывало такого вліянія на гласные звуки, какое оказало на нихъ экспираторное удареніе романскихъ, кельтскихъ, новославянскихъ, ново-греческихъ и др. діалектовъ. Это объясняется тѣмъ, что удареніе этихъ діалектовъ въ значительной мѣрѣ заключается въ усиленіи голоса, тогда какъ индо-европейское тоническое удареніе представляло главнымъ образомъ повышеніе тона голоса.

Тоническое удареніе не оказываетъ никакого вліянія на ритмъ индо-европейскаго предложенія; ни въ индо-иранскомъ,

ни въ обще-греческомъ, ни въ обще-славянскомъ, ни въ обще-балтійскомъ, ни въ германскомъ, слѣдовательно ни въ одномъ изъ языковъ, гдѣ мы находимъ его существованіе, оно не вызываетъ измѣненій тембра и количества гласныхъ, что обыкновенно является результатомъ экспираторнаго ударенія; оно никогда не составляетъ арзиса въ стихѣ, какъ ударение во французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и другихъ языкахъ; оно совершенно не принимается въ расчетъ ни въ ведической, ни въ древне-греческой метрикѣ. Что касается многочисленныхъ вліяній тоническаго ударенія на гласные звуки, предполагаемыхъ часто изслѣдователями, то, прежде всего, неизвѣсто, не предполагаютъ ли эти вліянія нѣкотораго элемента экспираторнаго напряженія, и, сверхъ того, они проявляются въ доиндоевропейскихъ звукахъ, изслѣдованіе которыхъ по принципу не входитъ въ задачу этой книги.

Съ другой стороны, такъ какъ всякій индо-европейскій слогъ имѣетъ опредѣленное (за исключеніемъ въ извѣстной мѣрѣ конечнаго слога) количество, устанавливаемое по вышеизложеннымъ принципамъ, и бываетъ либо кратокъ, либо дологъ, то количественное различіе слоговъ было и постояннымъ и ощутительнымъ на слухъ; поэтому ведическая и древне-греческая метрика основывается исключительно на правильномъ чередованіи краткихъ и долгихъ слоговъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, при чемъ соблюдаются еще нѣкоторыя условія, касающіяся конца слова; другими словами индо-европейскій ритмъ былъ ритмъ количественный и не основывался на силѣ выдыха.

Нѣтъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы въ индо-европейской фонетикѣ, какъ она представляется намъ въ древнѣйшій періодъ всѣхъ діалектовъ безъ исключенія, играло какую-бы то ни было опредѣленную роль экспираторное ударение; мы, конечно, не говоримъ здѣсь о различіяхъ въ силѣ звука, обусловленныхъ желаніемъ подчеркнуть то или другое слово въ предложеніи въ данный моментъ: они не имѣютъ ничего общаго съ системой языка, о которой здѣсь только и идетъ рѣчь. Усиленіе начальнаго слога слова, которое мы наблюдаемъ въ германскомъ, ирландскомъ (но не британскомъ), доисторическомъ латинскомъ, составляетъ нововведеніе этихъ языковъ, вызвавшее множество всякаго рода измѣненій.

Слоги индо-европейскаго слова не группировались слѣдовательно около слога наибольшаго напряженія голоса, какъ въ нѣмецкомъ, англійскомъ, современномъ русскомъ, или какъ группируются ноты музыкальнаго мотива, исполняемаго на рояли: они мѣнялись по высотѣ тона и по продолжительности, какъ ноты мотива, исполняемаго на гармоніумѣ или органѣ.

Только что описанная фонетическая система имѣетъ оригинальныя черты: богатство системы взрывныхъ звуковъ; недостатокъ спирантовъ; монотонность вокализма, покоющагося въ принципѣ на звукахъ e и o, иногда a; сложная система измѣненія сонантовъ и ə; разнообразіе формъ слоговъ съ постоянно опредѣленнымъ количествомъ; точное разграниченіе словъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу; большое значеніе высоты тона; количественный характеръ ритма. Фонетическая физіономія индо-европейскаго языка сильно отличалось отъ физіономіи любого историческаго представителя этой семьи.

Глава четвертая.

Принципы морфологіи.

I. Общія замѣчанія.

То, что по-русски выражается словами „ораторъ пришелъ“ по-гречески будетъ: ὁ ῥήτωρ ἦλθε; по-русски „ораторы пришли“ — по-гречески οἱ ῥήτορες ἦλθον; „домъ оратора“ — ὁ τοῦ ῥήτορος οἶκος; „домъ ораторовъ“ — ὁ τῶν ῥητόρων οἶκος; „я видѣлъ оратора“ — τὸν ῥήτορα εἶδον; „я видѣлъ ораторовъ“ — τοὺς ῥήτορας εἶδον; „я даю оратору“ — τῷ ῥήτορι δίδωμι; „я даю ораторамъ“ — τοῖς ῥήτορσι δίδωμι. Во всѣхъ этихъ случаяхъ единственное или множественное число и роль въ предложеніи слова „ораторъ“ въ греческомъ, какъ и въ русскомъ, выражается самою формою имени ῥήτωρ: греческій въ этомъ отношеніи съ точностью отражаетъ индо-европейское состояніе.

Когда мы разсматриваемъ формы слова ῥήτωρ, мы находимъ въ нихъ безъ труда общій имъ всѣмъ элементъ ῥητορ- или ῥητωρ- и элементъ измѣняющійся: нуль, -α, -ος -ι; -ες, -ας, -ων, -σι. Этотъ измѣняющійся элементъ, который служитъ для обозначенія числа, роли слова въ предложеніи (а также, въ именахъ рода — мужескаго, женскаго или средняго —, а въ глаголахъ — залога и т. д.), встрѣчается въ неограниченномъ числѣ другихъ именъ, какъ напр. θήρ „звѣрь“, θῆρα, θηρός, θηρί; θῆρες, θῆρας, θηρῶν, θηρσί. Его называютъ о к о н ч а н і е м ъ, а ту часть слова, которая предшествуетъ окончанію, и съ которой связано значеніе слова, называютъ о с н о в о ю. Основа можетъ быть неразложима, какъ въ

словѣ θήρ; въ другихъ случаяхъ она поддается анализу, какъ въ словѣ ῥήτωρ: дѣйствительно, элементъ ῥη- встрѣчается со значеніемъ „говорить“ въ формахъ ῥηθήσεται „будетъ сказано“ и въ словахъ ῥῆμα „слово“, ῥητός „сказанный, опредѣленный“, ῥήτρα „договоръ“, а элементъ -τορ- (-τωρ-) въ цѣломъ рядѣ именъ дѣйствующихъ лицъ (nomia agentis), какъ ἄκτωρ „проводникъ“ при ἄγω „веду“, θηρᾰτωρ „охотникъ“ при θηράω охочусь“ и т. д. Такимъ образомъ основа ῥήτορ- состоитъ изъ двухъ элементовъ; ῥη-, который обозначаетъ общее значеніе „говорить“ и другого элемента -τορ-, съ которымъ связано значеніе слова, какъ имени дѣйствующаго лица; первый элементъ называется корнемъ, второй — суффиксомъ.

Индо-европейское слово содержитъ, слѣдовательно, три части: корень, суффиксъ и окончаніе, изъ которыхъ каждая играетъ особую роль: корень указываетъ общее значеніе слова, суффиксъ его опредѣляетъ точнѣе, а окончаніе (вмѣстѣ съ измѣненіями гласныхъ и съ повышеніемъ тона на опредѣленномъ слогѣ) указываетъ роль слова въ предложеніи.

Изъ этихъ трехъ частей ни одна не существуетъ отдѣльно, внѣ цѣлаго слова: окончаніе -ος въ сховѣ ῥήτορος не представляетъ отдѣльнаго словечка, которое бы присоединялось къ основѣ ῥητορ- и могло отъ нея быть отдѣлено подобно французскому предлогу de, обозначающему родительный падежъ въ фразѣ la maison de ce riche orateur „домъ этого богатаго оратора“. Основа ῥήτορ- тоже не существуетъ отдѣльно; правда въ единственномъ числѣ именительный падежъ ῥήτωρ и звательный ῥῆτορ не имѣютъ окончанія, но именно отсутствіе окончанія и характеризуетъ эти два падежа, противуполагая ихъ другимъ падежамъ, имѣющимъ то или иное окончаніе; здѣсь слѣдовательно окончаніе равно нулю, и, если формы ῥήτωρ и ῥῆτορ разсматривать въ системѣ склоненія, они не представляютъ изъ себя чистыя основы, а формы съ нулевымъ окончаніемъ. Наконецъ, нѣтъ и чистыхъ корней: есть только основы, характеризуемыя отсутствіемъ суффикса или, иначе говоря, основы съ нулевымъ суффиксомъ; такова основа θηρ-. Именительный падежъ θήρ есть форма съ нулевымъ суффиксомъ и нулевымъ окончаніемъ. — Корень, суффиксъ и окончаніе лин-

гвистъ можетъ отдѣлять другъ отъ друга только такъ, какъ анатомъ отдѣляетъ члены животнаго: изолируя ихъ для анализа, лингвистъ лишаетъ ихъ жизни.

Изъ того однако, что три части индо-европейскаго слова составляютъ одно цѣлое и отдѣлимы другъ отъ друга только путемъ научнаго анализа, вовсе не слѣдуетъ, что эти части и не были въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошедшемъ независимыми другъ отъ друга словами. Сходство окончанія перваго лица единственнаго числа -*mi, гр. εἰμι, скр. asmi, др.-сл. **юсмь** съ личнымъ мѣстоименіемъ перваго лица ед. ч. гр. με, скр. mām, др.-сл. **мѧ** „меня“ (вин. пад.) естественно натолкнуло на предположеніе, что окончаніе *-mi есть древнее мѣстоименіе. Но такъ какъ это окончаніе едва-ли не единственное, поражающее своимъ сходствомъ съ мѣстоименіемъ, то совпаденіе можетъ быть и случайнымъ; а такъ какъ эта гипотеза не можетъ быть доказана, то обыкновенно ея вовсе не принимаютъ во вниманіе. — Можно представить себѣ также, что подобный морфологическій элементъ былъ оторванъ отъ корней такого типа, съ которыми онъ первоначально составлялъ одно цѣлое; напр. элементъ *-ē- въ основахъ греческихъ страдательныхъ аористовъ, какъ στραφῆναι при στρέφω „поворачиваю“, или въ латинскихъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ, какъ manēre „оставаться“ при гр. μένω „остаюсь“ (μεμένηκα), могъ быть заимствованъ изъ цѣлаго ряда словъ, гдѣ онъ принадлежалъ къ корню; но эта гипотеза, вѣроятная сама по себѣ, тоже не можетъ быть доказана, и потому мы ее также оставимъ въ сторонѣ, хотя нѣкоторые лингвисты въ послѣднее время придаютъ ей большое значеніе.

Во всякомъ случаѣ, хотя мы и не знаемъ, какъ сложилось индо-европейское слово, разложеніе его на корень, суффиксъ и окончаніе не является дѣйствіемъ произвольнымъ, которымъ пользуются въ цѣляхъ освѣщенія и облегченія изслѣдованія. Это разложеніе не даетъ намъ свѣдѣній о происхожденіи и развитіи индо-европейскаго склоненія и спряженія, но оно представляетъ изъ себя единственно правильное и соотвѣтствующее дѣйствительности средство, при помощи котораго мы можемъ изложить склоненіе и спряженіе такъ, какъ его выясняетъ сравненіе. Разсмотримъ русск. **нести, несу, несемъ, несете, несли** и т. д. и **везти,**

везу, веземъ, везете, везли и т. д.: въ русскомъ не существуетъ отдѣльно ни корней нес- или вез-, ни окончаній -ти, -у, -емъ, -ете, -ли; но элементы нес-, вез- съ одной стороны и -ти, -у и т. д. съ другой — подставляются одинъ вмѣсто другого, смотря по смыслу, при чемъ элементъ нес- ассоціированъ съ представленіемъ „нести“, -емъ съ представленіемъ „я и другіе“ и т. д.; такимъ образомъ и корни нес-, вез- и т. д. съ одной стороны и окончанія -емъ, -ете и т. д. съ другой являются реальными постольку, поскольку они представляютъ элементы подстановки. Точно также и индо-европейскіе корни, суффиксы и окончанія, роль которыхъ не вполнѣ совпадаетъ съ ролью этихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ, должны быть представляемы, какъ элементы подстановки: напр. окончанія -ς и -τε замѣняютъ другъ друга въ греч. ἔφερε-ς и ἐφέρε-τε, смотря по тому, хотятъ ли сказать „ты несъ“ или „вы несли“; но въ такомъ смыслѣ эти элементы имѣютъ реальное существованіе. Дѣло психолога опредѣлить, какимъ образомъ совершаются эти подстановки въ мозгу говорящихъ; грамматикъ имѣетъ свою особую задачу, опредѣлить эти элементы, классифицировать ихъ и прослѣдить ихъ измѣненія; онъ имѣетъ дѣло съ языкомъ, какъ объектомъ, но онъ, конечно, не долженъ забывать, что элементы подстановки, которые онъ выдѣляетъ, представляютъ результатъ сложныхъ психическихъ процессовъ.

Такимъ образомъ морфологическіе элементы, на которые мы разлагаемъ индо-европейскіе слова, не являются чистыми абстракціями грамматиковъ: это символы, при помощи которыхъ лингвистъ выражаетъ системы ассоціацій, общихъ всѣмъ лицамъ одной и той же лингвистической группы. Грамматическій парадигмъ есть грамматическое изображеніе совокупности психическихъ фактовъ, которые оказываются одинаковыми въ цѣлой группѣ людей.

Корень мы всегда будемъ понимать, какъ элементъ противуполагаемый суффиксу и окончанію, и никогда не будемъ представлять его, какъ „первоначальный“ элементъ, изъ котораго слова образовывались бы путемъ сложенія и деривації: смотрѣть на корень исторически въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ о первоначальной исторіи индо-европейскаго языка мы ничего не знаемъ. Поэтому слово можетъ относиться, принадлежать къ

корню, т. е. составлять часть группы словъ, имѣющей общій комплексъ звуковъ, съ которыми ассоціируется извѣстное общее значеніе; но слово не можетъ происходить отъ корня.

Корень, суффиксъ и окончаніе суть главные элементы индо-европейской морфологіи. При помощи этихъ трехъ элементовъ и нѣкоторыхъ другихъ средствъ индо-европейскій языкъ обозначаетъ въ самомъ словѣ всѣ тѣ оттѣнки значенія, которые выражаются въ новыхъ языкахъ, напр. во французскомъ, кромѣ окончаній еще и различными словечками, болѣе или менѣе самостоятельными, но всегда отдѣлимыми, окружающими обыкновенно слово французскаго языка. Такимъ образомъ значеніе индо-европейскаго слова крайне сложно. Возьмемъ, напр. гомеровское δέξατο „получилъ“; здѣсь корень δεχ- выражаетъ понятіе „получать“, суффиксъ -σα- означаетъ аористъ, окончаніе -το указываетъ на третье лицо единственнаго числа прошедшаго времени и т. д.; отсутствіе суффикса послѣ -σα- показываетъ, что мы не имѣемъ дѣла ни съ сослагательнымъ, ни съ желательнымъ наклоненіемъ, а съ изъявительнымъ: вотъ все то, что показываетъ слово δέξατο само по себѣ, и греческій языкъ въ этомъ отношеніи точно отражаетъ индо-европейское состояніе.

Порядокъ трехъ элементовъ: корень-суффиксъ-окончаніе — неизмѣненъ: корень стоитъ въ началѣ слова, окончаніе — въ концѣ, а одинъ или нѣсколько суффиксовъ — въ серединѣ.

Индо-европейскій языкъ не знаетъ префиксовъ; единственный префиксъ, который можно было бы признать, есть приращеніе: скр. á-bharat „онъ несъ“, гр. ἔ-φερε, арм. e-ber; но приращеніе не составляло необходимой составной части глагольной формы. Въ этомъ отношеніи индо-европейскіе языки существенно отличаются отъ другихъ языковъ съ богатымъ склоненіемъ и спряженіемъ, какъ семитическіе языки и грузинскій, употребляющіе префиксы въ широкихъ размѣрахъ.

Что касается инфиксовъ, то этотъ способъ образованія мы встрѣчаемъ только въ носовыхъ образованіяхъ глаголовъ; напр. корень *leikʷ-, *likʷ- „оставлять“ имѣетъ основу настоящаго времени *li-ne-kʷ-, *li-n-kʷ-, засвидѣтельствованную скр. riṇákti „оставляетъ“, riñcánti „оставляютъ“, лат. linquō, др.-пр. (po-)līnka „остается“.

Такимъ образомъ индо-европейское слово съ морфоло-

гическвй точки зрѣнія опредѣленно ограничено съ одной стороны корнемъ, съ другой стороны — окончаніемъ.

За исключеніемъ сложныхъ словъ, каждое слово имѣетъ только одинъ корень и только одно окончаніе; если такая форма, какъ русское пойдемте, исключительная даже и въ русскомъ языкѣ, содержитъ или, кажется, что содержитъ два окончанія -м- перваго лица мн. ч. и -те второго лица, то это есть нововведеніе неожиданнаго и страннаго характера.

Но слово можетъ имѣть неограниченное число суффиксовъ. Отъ основъ *swep-no- *swop-no- *sup-no-, засвидѣтельствованныхъ скр. svápnaḥ „сонъ“, лат. somnus, гр. ὕπνος, др.-сл. сънъ, произведены вторичнымъ суффиксомъ *-iyo- другія основы, засвидѣтельствованныя скр. svápn(i)yam „сновидѣніе“, лат. somnium, гр. (ἐν-)ὄπνιον, др.-сл. сънье. Къ и.-е. корню *tewə- „быть сильнымъ“ принадлежитъ скр. távi-ṣ-ī „сила“ съ двумя суффиксами, откуда съ третьимъ távi-ṣ-ī-vān „сильный“ и, съ четвертымъ суффиксомъ, távi-ṣ-ī-vat-tara-ḥ „болѣе сильный“; точно также въ греческомъ χάρ-ι-ς „миловидность“ — съ однимъ суффиксомъ, χαρ-ί-Fεντ- „миловидный“ — съ двумя, откуда, съ третьимъ суффиксомъ, χαρ-ι-Fέσ-τερο-ς „миловиднѣе“. Каждый суффиксъ присоединяется къ основѣ, какъ первый суффиксъ къ корню или какъ окончаніе къ основѣ.

Кромѣ прибавленія морфологическихъ элементовъ, индоевропейскій языкъ располагалъ еще двумя способами грамматической характеристики формъ: повышеніемъ голоса и чередованіемъ звуковъ.

Каждое слово могло имѣть одинъ повышенный слогъ, а, такъ какъ мѣсто повышенія не было ограничено никакимъ фонетическимъ закономъ, то оно мѣнялось, смотря по словамъ и по грамматическимъ формамъ, и потому являлось средствомъ для характеристики каждаго слова и каждой формы. Прежде всего повышенія тона могло вовсе не быть, и многія слова характеризуются нулевымъ повышеніемъ тона, его отсутствіемъ: таковы частицы, какъ скр. ca „и“, гр. τε, лат. que, въ извѣстныхъ случаяхъ, глагольныя формы, какъ скр. asti, гр. ἐστι, и т. д. Слѣдующій стихъ Ригведы (V, 57, 7), который содержитъ одиннадцать слоговъ, распредѣленныхъ въ четырехъ словахъ, имѣетъ одно только повышеніе тона:

práçastiṃ naḥ kṛṇuta rudriyāsaḥ

„дайте намъ славу, Рудріи“. Въ другихъ случаяхъ мѣсто повышенія тона мѣняется вмѣстѣ со смысломъ, какъ гр. τόμος „отрѣзокъ, кусокъ“, τομός „рѣжущій, острый“ (ср. стр. 116), или въ связи съ грамматической формой, какъ въ именительномъ падежѣ мн. ч. гр. πόδες „ноги“, скр. pādaḥ, при родит. п. ед. ч. гр. ποδός, скр. padáḥ „ноги“; въ русскомъ люди (им. п. мн. ч.) при родит. п. людей. Слѣдовательно индо-европейское слово вполнѣ опредѣленнымъ является тогда, когда мы знаемъ мѣсто, занимаемое повышеніемъ тона въ каждой изъ его формъ.

Чередованіе звуковъ требуетъ особаго разсмотрѣнія.

II. Чередованіе звуковъ.

А. Чередованіе гласныхъ. Единственное чередованіе звуковъ, имѣющее примѣненіе въ индо-европейской морфологіи есть чередованіе гласныхъ.

На примѣрѣ семитическихъ языковъ лучше всего можно видѣть, какую роль могутъ играть въ грамматикѣ такого рода чередованія. Арабскій корень характеризуется только согласными звуками; что же касается гласныхъ, то за каждой согласной корня могутъ слѣдовать ă, ā, ĭ, ī, ŭ, ū или нуль, и каждая изъ этихъ семи формъ корня служитъ для характеристики грамматической функціи. Возьмемъ арабскій корень qt l „убивать“; perfectum activi отъ него qatala, imperf. act. — ya-qtulu, perf. pass. — qutila, imperf. pass. — yu-qtalu, perf. act. третьей формы — qātala, соотвѣтствующее imperf. yu-qātilu, perf. pass. qūtila, imperf. — yu-qātalu, infinit. перваго типа — qatlun, причастіе — qātilun и т. д. Въ именахъ въ единственномъ числѣ именительный падежъ характеризуется звуками -un, винительный — -an, родительный — -in, а во множ. числѣ — имен. п. — -ūna, винит.-родит. — -īna. Гласные звуки служатъ только для образованія словъ и ихъ склоненія и спряженія, а значеніе корня связано только съ согласными звуками.

Индо-европейскій языкъ употребляетъ свои гласные совершенно такимъ же образомъ. Корень или суффиксъ никогда не характеризуется гласными звуками, но только согласными и сонантами; вокализмъ показываетъ только типъ образованія. Напримѣръ, вокализмъ e въ корнѣ обозначаетъ

настоящее время въ греч. πέτομαι „лечу“, нулевой вокализмъ— аористъ въ ἐπτόμην, и вокализмъ o — повторяющееся дѣйствіе въ ποτάομαι; вокализмъ ē въ конечномъ слогѣ характеризуетъ именит. п. ед. ч. въ πατήρ, вокализмъ ĕ — имен. мн. ч. въ πατέρες, нулевой вокализъ — род. пад. мн. ч. въ πατρῶν; и т. д.

Неизмѣняемую часть морфологическихъ элементовъ, носительницу ихъ значеній, составляютъ согласные звуки, сонанты (и отчасти *ə); гласные, принимающіе участіе въ чередованіи звуковъ (съ чисто грамматическимъ значеніемъ) суть *e и *o долгіе гласные *ā, *ē, *ō (съ *ə). Гласный a въ обычныхъ чередованіяхъ не принимаетъ участія, и потому мы его оставимъ въ сторонѣ.

Нормальный типъ чередованія можетъ быть сведенъ къ слѣдующей простой формулѣ:

Каждый морфологическій элементъ содержитъ гласный звукъ, являющійся въ одной изъ слѣдующихъ формъ:

e (или ē) o (или ō) нуль.

Ступени ē и ō ограничиваются немногими опредѣленными случаями (почти всегда въ концѣ слова), и существенная часть формулы можетъ быть выражена такъ:

e o нуль.

Такъ напр. въ греческомъ:

πέτ-ομαι	πόταομαι	ἐ-πτ-όμην
ἔχω „имѣю (изъ *ἔχ-ω и.-е. *seg_1h)	ὄχ-ος „поддерживающій“	ἔ-σχ-ον

Редуцированный гласный *ᵒ (опредѣленный выше на стр. 81) представляетъ разновидность нулевой ступени, какъ напр. въ лат. patēre „быть открытымъ“, при греч. πέτανν̄υμι „распространяю“.

Сонанты усложняютъ вокализмъ, ничего по существу не измѣняя. Въ случаѣ дифтонговъ соотвѣтствія принимаютъ слѣдующій видъ (сонантъ въ нулевой ступени вокализма представленъ въ гласной формѣ):

ei	oi	i
eu	ou	u
er	or	r̥
el	ol	l̥
en	on	n̥
em	om	m̥

Примѣры:

гр.	πείθ-ω „убѣждаю“	πέ-ποιθ-α	гом. ἐπέ-πιθ-μεν
лат.	fīd-ō „довѣряю“	foed-us	fid-ēs
гот.	kius-an „пробовать“	kaus	kus-um
гр.	δέρκ-ομαι „смотрю“	δέ-δορκ-α	ἔ-δρακ-ον
лит.	telp-ù „помѣщаюсь“	talp-à	tilp̃-ti
гр.	πένθ-ος „печаль“	πέ-πονθ-α	ἔ-παθ-ον
лит.	kemszù „опираюсь“	kamszaũ	kim̃sz-ti

или слѣдующія сближенія между нѣсколькими языками:

лит. erž̃-ilas „жеребецъ“ гр. ὄρχ-ις „яичко“ зд. ərəz-i „яичко“
арм. (mi)orj-i „(μόν)ορχις“

Въ случаѣ согласнаго сонанта + гласнаго, мы имѣемъ:

we wo u
re ro r̥ и т. д.;

напримѣръ:

др.-исл. suefn „сонъ“, арм. khun (изъ *swopnos), гр. ὕπ-νος;

лат. precēs „просьба“, procus „женихъ“, poscō (изъ *porcscō);

др.-исл. fregna „спрашивать“, др.-сл. **просити**, скр. pr̥c-chắti „спрашиваетъ“.

Когда морфологическій элементъ оканчивается сонантомъ, послѣдній способенъ появляться въ различныхъ своихъ формахъ:

гр. χέ(F)-ω „лью“	χο(F)-ή „возліяніе“	κέ-χυ-ται
ἔ-χε(F)-α „я вылилъ“		скр. ju-hv-e „онъ принесенъ въ жертву“

или:

гр. τέν-ων „сухожиліе“	τόνος	τα-τός
скр. tán-tram „нить“	ta-tán-tha „ты тянулъ“	ta-tn-e „онъ былъ тянутъ“
		ταν-αός „тонкій“.

Одинъ и тотъ же морфологическій элементъ не можетъ имѣть послѣ е двухъ сонантовъ рядомъ; нѣтъ слѣдовательно индо-европейскихъ корней типа *teul- или *teirp и т. д., но возможенъ типъ

*tleu- *tlou- *tlu-.

Въ формахъ *tlu- два сонанта соприкасаются случайно, такъ какъ форма имѣетъ нулевой вокализмъ. Не существуетъ корня *dheurgh-, но есть корень *dhreugh-:

др.-сакс. driogan „обманывать“ др.-исл. draugr „привидѣніе“
скр. dróghaḥ „оскорбленіе“

др.-сакс. drugun „они обманули“
скр. drúhyati „вредитъ“.

Поэтому если мы встрѣчаемъ др.-лат. (com-)moinis (лат. commūnis), гот. (ga-)mains „общій“, лит. maīnas „мѣна“, др.-сл. мѣна, то мы можемъ утверждать a priori, что корень здѣсь *moi-, а не *moin-, и что суффиксъ начинается звукомъ n: и дѣйствительно, скр. máyе „мѣняю“, латыш. mīju уже не оставляютъ сомнѣнія относительно формы корня.

Долгія ступени ē и ō, вообще встрѣчающіяся не часто (за исключеніемъ конца слова), встрѣчаются въ корняхъ, гдѣ онѣ чередуются съ краткими ĕ и ŏ; такъ:

*sed-	*sēd-
гр. ἕδος „сидѣніе“	лит. sėd-mi
гот. sita „сижу	гот. set-un „они сѣли“
*sod-	*sōd-
гот. sat „онъ сѣлъ“	др.-сл. сѣдѣти

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе всѣ ступени вокализма и различныя формы сонантовъ, мы можемъ встрѣтить у одного и того же морфологическаго элемента слѣдующія формы:

Отъ корня *$k_1$leu- „слышать“

*$k_1$leu-: гот. hliuma „слухъ“, зд. sraoman- „слухъ“.

*$k_1$lew-: гр. κλέ(F)ος „слава“, скр. çrávaḥ „слава“.

*k_1lēu-: скр. (á)çrauṣīt „онъ услышалъ“.

*k_1lēw-: нѣтъ примѣра для этого корня.

*$k_1$lou-: скр. çuçrotha „ты слышалъ“.

*$k_1$low-: скр. çraváḥ „звучащій; слухъ“.

*k_1lōu-: нѣтъ примѣра для этого корня.

*k_1lōw-: др.-сл. слава, лит. szlovė̃.

*$k_1$lu-: скр. çrutáḥ „услышанный“, гр. κλυτός „славный“, лат. (in-)clutus.

*$k_1$luw-: скр. çuçruve „я былъ услышанъ“.

Отъ корня *sem- „одинъ, самъ“.

*sem- (*em дифтонгъ): гр. ἕνς (εἷς), ἕν „одинъ“, гот. simle „однажды“.

*sem-: лат. semel „однажды“ (?).

*som-: гр. ὁμός „тотъ же самый“, гот. sama „тотъ же“, ирл. som „онъ же“, арм. omn „нѣкій“, скр. samáḥ „тотъ же.

*som- (*om дифтонгъ): др.-сл. сѫ-(сѣдъ), скр. saṃ-(sád-) „собраніе“.

*sōm-: др.-сл. самъ, зд. hāma „тотъ же“.

*sm-: гр. μία „одна“, арм. mi „одинъ“.

*sm̥-: гр. ἅ-(παξ) „одинъ разъ“, скр. sa-(kṛt) „одинъ разъ“.

*s°m-: гр. ἅμα „вмѣстѣ“ и -αμο- (въ οὐδ-αμο- „ни одинъ), гот. sums „нѣкій“, др.-ирл. samail „сходство“ (и, повидимому, лат. similis „похожій“), арм. ham-.

Отъ суффикса именъ родства *-ter-:

*-ter-: гр. πατέρες, скр. pitáraḥ „отцы“.

*-ter- (er дифтонгъ): гр. πάτερ, скр. pítar (зват. п.).

*-tēr- (ēr дифтонгъ): гр. πατήρ.

*-tor-: гр. ἀπάτορες „лишенные отцовъ“, скр. (tvát-)-pitāraḥ „имѣющіе тебя отцомъ“ (скр. ā косвенно указываетъ на оттѣнокъ o).

*-tor- (or дифтонгъ): гр. ἀπάτορ.

*-tōr-(ōr дифтонгъ): гр. ἀπάτωρ.

*-tr̥-: гр. πατράσι, скр. pitr̥ṣu (мѣстн. п. мн. ч.).

*-tr-: гр. πατρῶν (род. п. мн. ч.), скр. pitré (дат. п. ед. ч.).

Общая формула:

ĕ (ē) ŏ (ō) нуль.

недостаточна для выясненія всѣхъ типовъ чередованія гласныхъ въ индо-европейскомъ языкѣ. Если мы имѣемъ, напримѣръ, чередованіе скр.

bí-bhar-mi „ношу“ bhr̥-táḥ „ношенный“,

то трудно не сопоставить съ нимъ совершенно параллельныя чередованія такихъ санскритскихъ формъ, какъ

dá-dhā-mi (ср. гр. τί-θη-μι) „кладу“, (d)hi-táḥ (ср. гр. θε-τός) „положенный“;

tí-ṣṭhā-mi (ср. дор. ἵ-στᾱ-μι) „стою“, sthi-táḥ (ср. гр. στα-τός) „поставленный“;

çí-çā-mi (ср. лат. cōs „оселокъ“) „точу“, çi-táḥ „наточенный“.

Санскритскому i въ латинскомъ соотвѣтствуетъ ă въ формахъ făc-tus „сдѣланный“, stătio „стоянка“, că-tus „искусный“. Имѣя, далѣе, въ греческомъ такое чередованіе, какъ

φέρ-μα „бремя“ φορ-μός „плетенка“,

невозможно его не сопоставить съ параллельнымъ чередованіемъ:

(ἀνά)θη-μα „приношеніе“ θω-μός „куча“.

Слѣдовательно рядомъ съ основнымъ типомъ чередованія гласныхъ:

I. e (ē) o (ō) нуль

есть еще три типа:

II. ē ō ə
III. ā „ ə
IV. ō „ ə

которые можно иллюстрировать слѣдующими примѣрами:

II. гр. ῥῆγμα „разрывъ“ ῥωχμός „ущелье“ ῥαγῆναι „быть сломаннымъ“
ἵ-η-μι „посылаю“ (ἀφ)έ-ω-κα ἑ-τός
лат. sēmen „сѣмя“ гот. sai-so „онъ сѣялъ“ лат. sătus „посѣянный“

III. дор. φᾱ́-μι „говорю“ φα-μες “говоримъ“

IV. лат. dō-num „даръ“ dă-tus „данный“

Фактъ принадлежности къ основному типу чередованія (ĕ, ŏ, нуль) или къ типу съ долгимъ гласнымъ, чередующимся съ ə (ē, ō, ə; ā, ə; ō, ə), характеризуетъ значеніе морфологическаго элемента точно такъ же, какъ фактъ обладанія тѣмъ или другимъ согласнымъ звукомъ или сонантомъ; корень *wrēg- *wrəg- (какъ въ греч. ῥήγνυμι „ломаю“) отличается отъ корня *wreg- *wr̥g-; одно только чередованіе гласныхъ звуковъ внутри каждаго изъ четырехъ типовъ имѣетъ грамматическое значеніе.

Когда долгому гласному предшествуетъ сонантъ, то ə нулевой ступени вокализма по правилу сочетается съ этимъ сонантомъ указаннымъ выше способомъ (см. стр. 98 сл.): такъ нулевая ступень суффикса желательнаго наклоненія скр. -yā-, гр. -ιη-, лат. -iē- будетъ скр. -ī-, лат. -ī-, др.-сл. -и- и т. д. Такимъ же образомъ объясняются чередованія:

вед. drāgh-mā́ „длина“ dīrgh-áḥ „длинный“
зд. drāǰ-ō darəγ-ō
др.-сл. длъг-ъ (серб. дȕг)

Поэтому приведенная выше греч. форма (F)ραγῆναι не можетъ быть признана фонетически правильной.

Передъ гласнымъ *ə выпадаетъ по общему правилу; отсюда 3 л. мн. ч. скр. dá-d-ati „даютъ“ др.-сл. да-д-ать и, повидимому, по аналогіи съ этою формою скр. da-d-máḥ „даемъ“ при греч. δί-δο-μεν.

Чередованіе

ē ō ə

гдѣ долгіе *ē и *ō имѣютъ иное значеніе, нежели въ типѣ ĕ (ē), ŏ (ō), нуль, параллельно такому чередованію, какъ

ei oi i

и, тогда какъ нѣтъ ни одного корня формы *tĕ̄-, *tŏ̄-, *t-; *sĕ̄-, *sŏ̄-, *s-; и т. п., цѣлый рядъ корней оканчивается на ē (или ā, ō); таковы гр. θη- (θω-), ἡ- (ὠ-), φᾱ-, στᾱ-, δω-, и т. д.

Значительная часть индо-европейскихъ корней имѣетъ еще одинъ элементъ: за конечнымъ согласнымъ или сонантомъ корня слѣдуетъ долгое *ā, *ē или *ō, чередующееся съ *ə. Въ этомъ случаѣ въ силу общаго правила, по которому тотъ же самый морфологическій элементъ не можетъ одновременно содержать два e, если первая часть имѣетъ ступень e или o, вторая часть необходимо должна имѣть нулевую ступень, т. е. въ данномъ случаѣ *ə (которое выпадаетъ передъ гласнымъ), а, если вторая часть имѣетъ ступень e (или o), т. е. если въ данномъ случаѣ она имѣетъ звуки *ē, *ā или *ō, то первая часть имѣетъ нулевую ступень. Корни этой формы называются двусложными. Корень, имѣющій согласные *p и *t и допускающій во второмъ слогѣ гласный *ē, естественно чередующееся съ *ō и *ə, можетъ являться въ слѣдующихъ видахъ:

передъ согласнымъ	передъ гласнымъ
*pĕtə- (*pētə- [?])	*pĕt- (pēt-)
*pŏte- (*pōte- [?])	*pŏt- (pōt-)
*ptē-	
*ptō-	
*ptə-	*pt-
*pᵒte-	*pᵒt-

Этотъ корень дѣйствительно существуетъ со значеніемъ „падать“:

*petə-: *πετέομαι, откуда πεσέομαι, πεσοῦμαι „упаду“.

*pet-: лат. peto „достаю“.

*ptē-: въ гом. πεπτηώς.

*ptō-: гр. πέ-πτω-κα, πτῶ-σις.

*pºtə-: повидимому въ скр. patitáḥ „упавшій“, если и.-е. *º отражается въ скр. какъ a.

*pt-: гр. πί-πτ-ω „падаю“.

Вставной носовый авукъ глагольнаго типа скр. riṇákti „оставляетъ“, лат. linquō помѣщается непосредственно передъ конечнымъ гласнымъ корня, откуда греческая основа *πίτνᾱ- сохранившаяся въ глаголѣ на -ω πίτνω „падаю“.

Долгій гласный случайно не засвидѣтельствованъ въ корнѣ:

*plethə-: скр. prathi-mán- „ширина“.

*pleth-: скр. práth-aḥ „ширина“, зд. fraθ-ō.

*plothə-: др.-сл. плоскъ (изъ *plothəskos).

*ploth-: лит. plat-ùs „широкій“.

*pl̥thə-: скр. pṛthi-vī „земля“ (соб. „широкая“, гр. Πλαταιαί (изъ *πλαταFyαι), др.-кимр. lita-n „широкій“.

*pl̥th-: скр. pṛt-úḥ „широкій“, гр. πλατύς.

*plºth-: арм. layn „широкій“, лит. splìs-ti „распространяться“.

Чаще всего встрѣчаются такіе двусложные корни, которые имѣютъ сонантъ передъ конечнымъ долгимъ гласнымъ; они представляютъ очень сложную систему формъ, вслѣдствіе различныхъ видовъ сонанта, которые онъ можетъ принять, и различныхъ его комбинацій съ *ə. Нѣсколько примѣровъ иллюстрируютъ эту особенность.

Корень *pelə- *plē- „наполнять, быть полнымъ“.

*pelə-: скр. párī-man- „обиліе“ (съ ī вм. i).

*pel-: гот. fil-u „много“, ирл. il.

*pol-: гр. πολ-ύς, др.-англ. feal-a.

*plē-: гр. ἔ-πλη-το „онъ былъ полонъ“, скр. á-prā- „онъ наполнилъ“, лат. plē-nus, арм. li „полный“.

*plō-: вед. pa-prā „онъ наполнилъ“.

*pl̥̄-: скр. pūr-ṇáḥ „полный“, др.-сл. пълънъ (серб. пу̑н), лит. pìl-nas, др.-ирл. lā-n, гот. ful-ls.

*pl-: скр. pí-pr-ati „наполняютъ“ (откуда pí-par-ti „наполняетъ“ по аналогіи съ односложными корнями).

*pºl-: скр. pur-úḥ „обильный“.

p̥l̥-: въ глаголѣ съ носовымъ инфиксомъ скр. pr̥ṇáti „наполняетъ“, pr̥ṇīmáḥ „наполняемъ“; сонантъ имѣетъ краткую форму, такъ какъ онъ отдѣленъ отъ *ə носовымъ звукомъ. Корень теряетъ свое *ə только повидимому, такъ какъ *ə заключается въ долгомъ гласномъ, слѣдующемъ за носовымъ инфиксомъ; то-же касается и другихъ ниже приводимыхъ формъ.

Корень *g$_1$enə-, *g$_1$nē- „рождать“.

*g$_1$enə-: скр. jani-tā́ „родитель“, гр. γενέ-τωρ, γενε-τήρ, лат. geni-tor.

*g$_1$en-: гр. γέν-ος „родъ“, лат. genus, арм. cin „рожденіе“, скр. ján-aḥ „родъ“.

*g$_1$on-: гр. γέ-γον-α (мн. ч. γέ-γα-μεν, по типу μέμονα μέμαμεν), γόν-ος „рожденіе“.

*g$_1$nē-: гр. γνή-σιος „родной“ и, можетъ быть, скр. jñā-tíḥ „родственникъ“.

*g$_1$nō: гр. γνω-τός „братъ“, латыш. zno-ts „зять“, гот. kno-þs „родъ“.

*g$_1$n̥-: скр. jā́-táḥ „рожденный“, зд. zā-tō, лат. (g)nā-tus, и, повидимому, гот. -kunds.

*g$_1$n-: гр. γί-γν-ομαι „рождаюсь“, лат. gi-gn-ō „рождаю“.

*g$_1$^{o}n-: гот. sama-kuns (изъ *kunaz) „ὁμόγνιος“.

Корень *g$_1$enə-, *g$_1$nē- „знать“ отличается отъ предшествующаго только значеніемъ:

*g$_1$enə: лит. žén-klas „знакъ“.

*g$_1$onə-: гот. kan-n „знаетъ“.

*g$_1$nē: др.-вр.-н. knā-ēn „знать“ (съ др.-вр.-н. ā, отражающимъ герм. *ē); и, повидимому, скр. jñā́-tum „знать“.

*g$_1$nō-: гр. γι-γνώ-σκω „знаю“, лат. (g)nōscō, др.-сл. зна-ти.

*g$_1$n̥-: лат. (g)nārus „знающій“ и, повидимому, лит. (pa)žìn-tas „извѣстный“, гот. kunþs „извѣстный“.

*g$_1$^{o}n-: лит. žin-óti „знать“, арм. can-awth „извѣстный“.

Корень *g^{w}erə (g^{w}rō- ?) „глотать“:

*g^{w}erə-: аркад. ζέρε-θρο-ν (изъ *δέρε-θρον) „пропасть“, лит. gér-ti „пить“.

*g^{w}er-: арм. ker, род. п. ker-oy „пища“.

*g^{w}ēr-: лит. gėr-ė „онъ выпилъ“.

*g^{w}or-: гр. βορ-ός „обжора“, скр. gar-áḥ „питье“, лат. uor-āre „пожирать“, (carni-)uorus „плотоядный“.

*g^{w}ī̯-: скр. gīr-ṇáḥ „проглоченный“, лит. gìr-tas „пья-

ный“ (греч. βρω- въ βι-βρώ-σκω можетъ восходить и къ *g^{w}r̥- и къ *g^{w}rō-).

*g^{w}^{o}rə-: гр. βάρα-θρον „пропасть“.

*g^{w}^{o}r-: скр. gir-áti „глотаетъ“, др.-сл. жьр-ѣть.

*g^{w}r̥-: скр. gr̥ṇáti „глотаетъ“ (глаголъ съ носовымъ инфиксомъ.)

Корень *terə-, *trē- „тереть“.

*terə-: гр. τέρε-τρον „буравъ“, лат. tere-bra „буравъ“.

*ter-: лат. ter-ō „тру“.

*torə-: гр. τόρμος „дыра“, др.-исл. þarmr, др.-вр.-н. darm „кишка“.

*tor-: гр. τορ-ός „пронзительный“.

*trē-: гр. τρη-τός „пробуравленный“, др.-вр.-н. drā-jan „вытачивать“.

*trō-: гр. τι-τρώ-σκω „раню“.

*tr̥̄-: гр. τρᾱ-νής „проникающій“, др.-сл. тръти (сербс. тр̂ти) „тереть“.

*t^{o}rə-: др.-ирл. tara-thar „буравъ“.

*t^{o}r-: др.-сл. тьр-ѫ „тру“.

*tr-: гр. τρ-ίβω „тру“, лат. tr-ītus „тертый“.

Корень *pewə- „очищать“.

*pewə-: скр. paví-tram „орудіе очищенія, сито“.

*pew-: скр. páv-ate „очищаетъ“.

*pēw: скр. á-pāv-iṣuḥ „они очистили“.

*pow-: скр. pav-áyati „чиститъ“, ср.-вр.-н. vaewen (изъ *faw-jan).

*pū-: скр. pū-táḥ „очищенный“, лат. pū-rus „чистый“.

*puw-: скр. pu-puv-uḥ „они очистили“.

*pu-: въ глаголѣ съ носовымъ инфиксомъ скр. punáti „очищаетъ“, punīmáḥ „очищаемъ“.

Корень *g^{w}eyə- *g^{w}yē „жить“:

*g^{w}ey-: гом. βέ-ομαι „буду жить“.

*g^{w}oy-: скр. gáy-aḥ „домъ“, зд. gay-ō „жизнь“, серб. rôj „миръ“.

*g^{w}yē-: гр ζή-σω „буду жить“, зд. ǰyā-tuš „жизнь“

*g^{w}iyō-: гр. βιῶ-ναι „прожить“.

*g^{w}yō-: гр. ζῷον „животное“.

*g^{w}ī-: скр. jī-váḥ „живой“, др.-сл. живъ, лит. gývas, лат. uī-uos.

*g^{w}iy-: гр. βί-ος „жизнь“.

Двусложные корни оканчиваются долгимъ гласнымъ: есть корни типа *petə-: ptē-, но нѣтъ корней типа *petək-: *ptēk или *petəs-: *ptēs-. Примѣры, которые можно было бы привести противъ этого положенія, въ общемъ ограничиваются однимъ языкомъ и въ большей своей части неясны.

Такъ какъ *ā, *ē, *ō имѣютъ то же значеніе, что гласный звукъ + сонантъ, мы можемъ предполагать существованіе корней, оканчивающихся на гласный + сонантъ; и дѣйствительно мы находимъ нѣсколько корней типа *petu-: *pteu- ;напр. гр. Fέλυ-τρον „покрышка, футляръ“, лат. uolu-ō „качу“, арм. gelu-m „поворачиваю“ и соотвѣтствующій глаголъ съ носовымъ инфиксомъ скр. vṛṇóti „покрываетъ“ т. е. индо-иран. *vṛ-na-u-ti.

Кромѣ сложности своей формы, выясненной въ предшествующемъ краткомъ изложеніи, двусложные корни представляютъ то затрудненіе, что употребленіе ихъ ступеней съ конечнымъ долгимъ гласнымъ типа *g_1nē- или *g_1nō- въ индо-европейской морфологіи еще не установлено съ достаточной точностью. Эта ступень даетъ, какъ извѣстно, такіе аористы, какъ гр. ἔγνω, ἐβίω, ἔτλη и т. д., такія perfecta, какъ скр. paprā, paprau „онъ наполнилъ“, гом. τέτληκα „я вытерпѣлъ“, τέτλαμεν и т. д., и такіе случай съ вокализмомъ *e или *o коренныхъ именъ во второй части сложнаго слова, какъ гр. ἀγνώς „неизвѣстный“.

Только что описанныя чередованія не объясняютъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, но только онѣ однѣ играютъ опредѣленную роль въ индо-европейской морфологіи. Невозможно, напримѣръ, объяснить такимъ же образомъ гр. ἐνεγκ-εῖν „принести“, скр. ān-áṃça „онъ достигъ“, др.-сл. несѫ, лит. neszù „несу“ и т. д. Но здѣсь мы не можемъ входить въ безконечныя подробности этихъ фактовъ. Нѣкоторыя такія чередованія, какъ гр. ἔτερσεν· ἐφοβησεν, лат. terreō „пугаю“ и скр. trásati „дрожитъ“, гр. τρέω найдутъ свое объясненіе въ теоріи корней: какъ, по правилу, мы имѣемъ *$g_1$enə- и *g_1nē-, такъ и здѣсь мы встрѣчаемъ формы *ters- и *tres- всегда съ однимъ только e.

Корень съ двумя гласными, чередующимися параллельно, какъ гр. κελευθ-, κολουθ- въ κέλευθος „путь“, ἀκόλουθος „спутникъ“, есть явленіе исключительное, ограниченное однимъ языкомъ и противное обычному индо-европейскому употребленію.

Принимая во вниманіе, что *ā, *ē, *ō имѣютъ то же морфологическое значеніе какъ и *e + сонантъ (см. выше стр. 132), мы можемъ установить какъ правило, что всякій корень и всякій суффиксъ содержитъ по крайней мѣрѣ одинъ гласный ряда: e (ē), o (ō), нуль.

Гласный *a встрѣчается только въ опредѣленныхъ особыхъ случаяхъ:

1. Въ дѣтскомъ языкѣ, какъ напр.:

гр. ἄττα „папа“, лат. atta, гот. atta, др.-сл. **отьць**, ирл. aite „молочный отецъ“, скр. tata „папа“, гр. τάτα, лат. tata, брет. tâd.

Этотъ языкъ обладаетъ, какъ мы видѣли на стр. 107, двойными согласными, которые не обычны въ индо-европейскомъ языкѣ.

2. Въ единичныхъ словахъ, относительно которыхъ по этому возможно предположить заимствованія (отчасти въ индо-европейское время), какъ напр.:

лат. faba „бобъ“, др.-сл. **бобъ**, др.-пр. babo.

лат. barba „борода“ (первое b вм. f путемъ ассимиляціи), др.-вр.-н. bart, лит. barzdà, др.-сл. **брада**.

лат. far „хлѣбъ“, farīna „мука“; гот. barizeins „ячменный“, др.-сл. **брашьно** „пища“.

Ниодно изъ этихъ трехъ словъ не имѣетъ соотвѣтствій ни въ индо-иранскомъ, ни въ армянскомъ, ни въ греческомъ; однако мы встрѣчаемъ *a въ нѣкоторыхъ словахъ, сохранившихся въ индо-иранскомъ; напр.

скр. haṃsáḥ „водяная птица“, лит. žąsis „гусь“, др.-вр.-н. gans, лат. anser (форма деревенская вм. *hanser), гр. род. п. χηνός (изъ *χανσός).

3. Въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ, именно въ первичномъ окончаніи 3 л. ед. ч. средняго залога *-tai: гр. -ται, скр. -tē, гот. -da.

4. Въ началѣ нѣкоторыхъ словъ рядомъ съ формами, неимѣющими a; напр.:

гр. ἀστήρ, ἄστρον „звѣзда“ и арм. astł: зд. star-, скр. stṛ́-bhiḥ „звѣздами“, др.-вр.-н. sterno „звѣзда“, лат. stella.

гр. αἶθος „огонь“, скр. édhaḥ „дрова“, лат. aestās „лѣто“: ἰθαρός „ясный“, скр. idhmáḥ „дрова“.

лат. armus „плечо“, гот. arms „рука“ ,др.-сл. **рамо** (всѣ

три слова основываются на *arəmo-): скр. īrmáḥ „рука“, др.-прус. irmo „рука“.

гр. ἄγχω „душу“, лат. angō „душу“, angustus „тѣсный“, гот. aggwus „узкій“, др.-сл. ѫзькъ, арм. anjuk, скр. aṃhúḥ: др.-сл. (к)ѫжѫ (предполагаетъ *n̥g$_1$h-).

Этотъ особый типъ чередованія: *a, нуль, свойственный началу слова, встрѣчается и рядомъ съ нормальнымъ типомъ: *e, *o, нуль; напр.:

лат. augeō „увеличиваю“, гот. aukan „расти“, лит. áugu „росту“, скр. ójaḥ „сила“: скр. ugráḥ „сильный“; гр. ἀ(F)έξω „росту“: скр. vákṣati „растетъ“, гот. wahsjan „расти“; гр. αὔξω „увеличиваю“, лит. áuksztas „большой“: скр. úkṣant- „ростущій“; т. е. *weg- (*weks-), *wog- (*woks-), *ug (*uks): *aweg-, *awog-, *aug- (*aweks-, и т. д.).

Чередованіе *a: нуль въ началѣ слова не имѣетъ никакого морфологическаго значенія. — Оно не встрѣчается внутри слова: сближеніе скр. yájati „приноситъ жертву“, iṣṭaḥ „принесенный въ жертву“ съ греч. ἄζομαι „свято чту“, предполагающее *a въ серединѣ слова, чередующееся съ нулевымъ вокализмомъ, основано только на двухъ языкахъ, что уже a priori дѣлаетъ его мало вѣроятнымъ, и кромѣ того оно не вполнѣ удовлетворительно съ точки зрѣнія значенія.

B. Чередованія согласныхъ. — Чередованія согласныхъ не имѣютъ морфологическаго значенія, но извѣстныя измѣненія формы сонантовъ и согласныхъ встрѣчаются въ корняхъ, суффиксахъ и окончаніяхъ.

1. Чередованія сонантовъ.

Въ ведическомъ санскритѣ окончаніе им.-вин. пад. двойств. ч. муж. рода имѣетъ три формы, которыя въ древнѣйшихъ частяхъ Ригведы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: -au въ концѣ фразы или стиха, -āv передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова, -ā передъ начальнымъ согласнымъ или сонантомъ слѣдующаго слова; такимъ образомъ: ubhā́v áçvau „оба коня“, ubhā́ devā́u „оба бога“, ubhā́ çyenáu „оба сокола“, ubhā́ yamáu „оба близнеца“. Это чередованіе древнее: если съ одной стороны санскритскому -ā соотвѣтствуютъ зд. -ā, др.-сл. -а, лит. u (изъ *ů), гр. -ω, лат. -ō (въ ambō „оба“), то и другая форма имѣетъ свои соотвѣтствія по крайней мѣрѣ въ др.-ирл. dāu, др.-исл.

tuau „два“; точно также, если греч. ὀκτώ „восемь“ и лат. octō соотвѣтствуютъ вед. aṣṭā, то вед. aṣṭáu, aṣṭāv соотвѣтствуютъ гот. ahtau, и латинскій сохранилъ слѣды *w въ производномъ octāuos „восьмой“.

Другіе дифтонги съ первымъ долгимъ элементомъ въ концѣ слова представляютъ то же чередованіе: долгій + сонантъ — простой долгій. Индо-иранская основа на -i- *sakhai- „товарищъ“ имѣетъ въ имен. пад. ед. ч. скр. sakhā, зд. haxa; въ греч. отъ основы Λητοι- (зв. п. Λητοῖ) въ им. п. ед. ч. чередуются формы Λητώι (пишется Λητῷ) и Λητώ. — При гр. μήτηρ, лат. māter, арм. mayr „мать“, санскритъ имѣетъ mātā, лит. mótė; при гр. κύων „собака“, скр. имѣетъ çvá, лит. szů̃; латинскій имѣетъ homō „человѣкъ“ р. п. hominis и т. д. Слѣдовательно, сонантическій элементъ, которымъ оканчиваются дифтонги съ долгимъ первымъ элементомъ, могъ исчезать въ концѣ слова.

Сонантическій элементъ дифтонга съ первымъ долгимъ элементомъ исчезаетъ точно также передъ конечнымъ сонантомъ или согласнымъ слова: именительные падежи скр. dyáuḥ „небо, день“, гр. Ζεύς (изъ *Ζηυς) и скр. gáuḥ „корова“, гр. βοῦς (изъ *βωυς) имѣютъ въ винительномъ падежѣ соотвѣтственно скр. dyām, гом. Ζῆν, лат. diem и скр. gām, дор. βῶν. Основа *rēi-, засвидѣтельствованная въ им. п. мн. ч. скр. rā́y-aḥ „богатства“ въ вин. п. ед. ч. имѣетъ форму скр. rām, лат. rem. — Окончаніе вин. пад. мн. ч. послѣ краткихъ гласныхъ имѣетъ форму *-ns (такъ въ указательномъ мѣстоименіи крит. το-νς, гот. ƀa-ns, др.-пр. sta-ns „этихъ“), а въ основахъ на -ā- — *-s: скр. -āḥ, лит. -as (изъ *-os); точно также въ скр. māḥ „луна, мѣсяцъ“ и др.-сл. мѣс-аць при лат. mensis, гр. μήν (род. п. лесб. μῆννος изъ *μηνσος); въ скр. māḥ „мясо“ при скр. māṃsám „мясо“, др.-сл. мясо, гот. mims.

Нѣкоторые корни имѣютъ чередованіе əy, ēi, ōi: ē, ō, ī, такъ:

скр. dhā́y-ati „сосетъ“, др.-сл. доить, гот. daddjan „сосать“ съ нулевой ступенью *-əy-, такъ какъ передъ или послѣ y въ начальномъ слогѣ и.-е. *ə въ индо-иранскомъ отражается какъ a.

скр. dhé-nā „корова“.

скр. dhā́y-ase „чтобы сосать“, др.-вр.-н. tā-an.

скр. dhā-rúḥ „сосущій“, гр. θῆ-λυς „женскій“, лат. fē-lāre „сосать“, лит. (pirm-)dėlė „(въ первый разъ) родившая (корова)“.

скр. dhī-taḥ „высосанный“, лат. fī-lius „сынъ“.

Или еще:

др.-сл. **поіж** „напаиваю“.

скр. pāy-ayati „поитъ“.

скр. pā-ti „пьетъ“, pā́-tram „кубокъ“, лат. pō-culum „кубокъ“, лит. pů-ta „попойка“, эол. πώ-νω „пью“.

скр. pī-táḥ „выпитый“, др.-сл. **пи-тн**, гр. πῖ-θι „выпей“.

Достаточно только отмѣтить этотъ типъ чередованій. Отсутствіе сонанта объясняется сравнительной краткостью сонантическаго элемента въ дифтонгѣ съ первымъ долгимъ элементомъ (ср. стр. 91 и сл.).

Въ началѣ слова согласный + сонантъ чередуется съ простымъ согласнымъ безъ сонанта:

скр. мѣстн. п. tvé „въ тебѣ“, гр. дат.-мѣстн. σοί (изъ *τϜοι): скр. род.-дат. энклитическое te, др.-сл. **тн**; вин. п. скр. tvā́m, tvā „тебя“, гр. σε (изъ *τϜε): др.-сл. **та** (ср. **ткон**), др.-вр.-н. dih.

гр. ἑΓέξ „шесть“, кимр. chwech (изъ *sweks), зд. xšvaš (изъ *švaš): лат. sex, гот. saihs (изъ *seks), скр. ṣaṭ (изъ *sakš).

скр. syūtáḥ „сшитый“, лит. siútas, др.-сл. **шнтн** (изъ *сjытн): скр. sūtrám „нить“, лат. sūtus.

скр. práti „противъ“, гр. προτι, προς, др.-сл. **протн-къ**, др.-перс. patiy, дор. ποτι, πος, лит. pas (изъ *pats).

гот. brikan „разбивать“, brukans „разбитый“, лат. frangō „ломаю“, fragilis „ломкій“ (изъ *bhr^{o}g-), frēgī „я сломалъ“: скр. bhájati „раздѣляетъ“, bhanákti „ломаетъ“, арм. bekanem „ломаю“ (и гр. φαγεῖν „съѣсть“?).

скр. prathimán- „ширина“, лит. platùs „широкій“, греч. πλαταμών „широкій и плоскій камень, равнина“, πλατύς широкій“, (ὠμο)πλάτη „лопатка“, др.-сл. **плєште** „плечо“: зд. paθana- „распростертый“, гр. πετάννῡμι „распростираю“, лат. patēre „простираться“, лит. petỹs „плечо“.

Наконецъ, въ корняхъ имѣющихъ усилительное (интенсивное) удвоеніе (влекущее за собою повтореніе коренного

сонанта) мы встрѣчаемъ чередованіе трехъ сонантовъ r, l. n: такъ рядомъ съ r въ греч. βιβρώσκω „ѣмъ“, лат. uorāre „жрать“, лит. gérti „пить“ (ср. выше стр. 134), встрѣчается и l въ лат. gurguliō „горло“, др.-вр.-н. querechela „горло“, лит. gargaliúju „хриплю“, и n въ гр. γάγγραινα „гангрена“; изъ словъ съ удвоеніемъ l перешло въ простыя: арм. klanem „глотаю“, ekul „онъ проглотилъ“, др.-вр.-н. chela „горло“, др.-ирл. gelim „жру“, лат. gula „глотка“, гр. κα-βλέει· κατα-πίνει (Hesychius). Эти чередованія объясняются диссимиляціей; напримѣръ, типъ *g^{w}er-g^{w}er-e- превратился въ *g^{w}er-g^{w}el-e- и *g^{w}er-g^{w}r-e превратился въ *g^{w}en-gr-e: мы видимъ, что r какъ второй элементъ дифтонга измѣняется иначе, чѣмъ r согласный, и переходъ его въ n, повидимому, указываетъ на очень недостаточное поднятіе небной занавѣски при артикуляціи этого звука. Отраженіе начальнаго согласнаго въ ирл. gelim, др.-вр.-н. chela, гр. γάγγραινα показываетъ, что и гортанный звукъ тоже измѣнился, и что здѣзь произошла диссимиляція, сходная съ наблюдаемой въ переходѣ лат. quīn-que въ народно-латинское *cīnque (фр. cinq), т. е. *ger-g^{w}el-e- *gen-g^{w}r-e-, откуда это *g перешло на мѣсто *g^{w} и въ другія формы. Чередованія r и l очень многочисленны, и мы встрѣчаемъ ихъ даже тамъ, гдѣ усилительное удвоеніе не сохранилось; такъ при скр. çi-çir-áḥ „холодный“, др.-исл. hela (изъ *he-hl-an) „замораживать“; лит. szarnà „иней“, арм. sarn „холодъ“, др.-исл. hjarn „затвердѣвшій снѣгъ“, мы имѣемъ съ другой стороны лит. szalnà, др.-сл. слана „иней“. Но отсюда не слѣдуетъ, что сананты r, l и (n) произвольно замѣняютъ одинъ другого.

2. Чередованія согласныхъ въ собственномъ смыслѣ. — Начальное *s + согласный (или сонантъ) часто чередуется съ простымъ согласнымъ (или сонантомъ); такъ:

*sp-, *p-: скр. spáç- „шпіонъ“, зд. spasyeiti „видитъ“, лат. speciō „смотрю“, др.-вр.-н. spehōn „наблюдать“: скр. páçyati „смотритъ, видитъ“.

*st-, *t-: гот. stauta „толкаю“: скр. tudáti „толкаетъ“, лат. tundō „толкаю“.

*sk-, *k-: др.-вр.-н. skeran „стричь“, др.-сл. скора „шкура“, лат. scortum „шкура“: гр. κείρω „стригу“, др.-сл. кора, лат. corium „кожа, шкура“.

*sm-, *m-: др.-вр.-н. smelzan „плавить“: др.-англ. meltan „плавить“, др.-вр.-н. malz „солодъ“, гр. μέλδω „плавлю“.

*sw-, *w-: гр. Ϝέξ „шесть“, кимр. chwech: арм. veç, и, съ нулевой ступенью вокализма, др.-прус. uschts „шестой“.

Такъ какъ на стр. 140 сл. мы уже установили чередованіе *sw-: *s-, то полный рядъ чередованія въ данномъ случаѣ приметъ видъ: *sweks (гр. Ϝέξ), *seks (лат. sex), *weks (арм. veç); въ случаяхъ подобнаго рода одна изъ полныхъ формъ случайно можетъ не быть засвидѣтельствована; въ виду этого мы можемъ сближать гр. ἕλκω „влеку“ (съ густымъ придыханіемъ, но безъ начальнаго F), лат. sulkus „борозда“ (изъ *solkos) съ лит. velkù, др.-сл. **влѣкѫ**, предполагая начальное *sw-.

Въ концѣ корней взрывные звонкіе придыхательные иногда чередуются съ глухими придыхательными.

*gʷh: *kh: гр. ὄνυξ, ὄνυχος „ноготь“, лат. unguis, др.-ирл. ingen, лит. nãgas, др.-сл. **ногъ-ть**: скр. nakhá̀, перс. nāxun.

*dh: *th: скр. ádha: átha „и, затѣмъ“.

*bh: *ph: скр. nā́bhi̯ḥ „пупъ, ступица колеса“, др.-пр. nabis „пупъ“, лат. umbilīcus, ирл. imbliu: зд. nāfō, перс. nāf „пупъ“; гр. φ въ ὀμφαλός и b въ др.-вр.-н. nabolo могутъ отражать и *bh и *ph.

Есть также нѣсколько случаевъ чередованія звонкихъ придыхательныхъ и звонкихъ простыхъ; такъ *dh и *d чередуются въ скр. budhnáḥ „низъ, основаніе“, гр. πυθμήν „основаніе“ — съ *dh, и др.-анг. botom „основаніе“ съ *d. Особо стоитъ рядъ неясныхъ случаевъ, гдѣ скр. h соотвѣтствуетъ *g другихъ языковъ:

скр. ahám, зд. azəm „я“: гр. ἐγώ, лат. ego, гот. ik.

скр. mahā́n „большой“: арм. mec, гр. μέγας, гот. mikils, лат. magnus.

скр. hánuḥ „челюсть, подбородокъ“: арм. cnawt, гр. γένυς, лат. genu-īnus (dens) „коренной (зубъ“), гот. kinnus „челюсть“.

скр. duhitā́ „дочь“, гат. dugədā (съ gd изъ *ght, что̀ показываетъ, что звонкій придыхательный восходитъ къ индо-иранскому языку): гр. θυγάτηρ.

Въ названіи „сердца“ индо-иранскій языкъ имѣетъ звон-

кій придыхательный: скр. hr̥d- зд. zərəd-, скр. hr̥dayam и зд. zərəδaēm, перс. dil, при глухомъ простомъ въ другихъ языкахъ: арм. sirt, др.-сл. сръдьце, лит. szirdis, гр. καρδίᾱ и гом. κῆρ, лат. cor, др.-ирл. cride, гот. hairto.

Звонкій простой иногда чередуется съ глухимъ, особенно *d съ *t:

гр. δεκάδ- „десятокъ“: скр. daçát-, др.-сл. десат-.

др.-сл. тврьдъ „твердый“: лит. tvìrtas.

скр. píbati „пьетъ“, др.-ирл. ibid, лат. bibit (относительно b см. стр. 64 и сл.).

III. Форма морфологическихъ элементовъ.

Уже общія правила вокализма опредѣляютъ довольно рѣзко форму индо-европейскихъ корней и суффиксовъ. Но сверхъ того каждый изъ этихъ элементовъ представляетъ особенности, которыя должны быть отмѣчены.

1. Форма корней.

Консонантизмъ корней регулируется двумя правилами:

α. Корень не можетъ начинаться и оканчиваться взрывнымъ звонкимъ непридыхательнымъ: *bheudh-, *gʷendh- и *bheid- — возможны; напр. гр. πεύθομαι „разузнаю“ (изъ *φεύθομαι, ср. скр bódhati „замѣчаетъ“ изъ *bhaudhati, гот. -biudan), βαθύς „глубокій“ (изъ *gʷn̥dhús), φείδομαι „щажу“; но „gʷed- — невозможно, и, дѣйствительно, скр. gadati „говоритъ“ не имѣетъ внѣ санскрита надежныхъ соотвѣтствій.

β. Корень, начинающійся взрывнымъ звонкимъ придыхательнымъ, не можетъ оканчиваться глухимъ, и наоборотъ: возможны, какъ мы только что видѣли, формы *bheudh- и *bheid-, но не существуютъ формы *bheut- или *teubh-. Но корень, начинающійся сочетаніемъ *s + глухой согласный, можетъ оканчиваться звонкимъ придыхательнымъ; напр. скр. stighnute „подымается“, др.-сл. стигнѫ, гр. στείχω, др.-ирл. tīagu „иду“.

Ниодинъ односложный корень не оканчивается гласнымъ ряда *e, *o, *нуль: корень можетъ имѣть форму *ei-, *ten-, *pekʷ- и т. д., но невозможна форма *ĕ-, *tĕ-, *pĕ-

и т. д. Если иногда относятъ къ корню звукъ e такъ называемыхъ тематическихъ формъ, какъ скр. vah-a-ti „везетъ“ мн. ч. váh-a-nti, др.-сл. **вєз-є-тъ**, мн. ч. **вєз-ѫтъ** (т. е. *__вєз-о-нтъ__), лат. veh-i-t, ueh-u-nt (ср. гр. φέρ-ε-τε „несете“, φέρ-ο-μεν „несемъ“), то правило все же сохраняетъ силу, такъ какъ ниодинъ глагольный корень дѣйствительно не имѣетъ формы *ĕ-, *tĕ, *kʷĕ- и т. д.: нужно только прибавить, что существуютъ двусложные корни, оканчивающіеся на *e, *o, нуль. Наконецъ, какова бы ни была природа тематическаго гласнаго въ пра-индоевропейскомъ языкѣ, этотъ гласный въ индо-европейской морфологіи играетъ роль образовательнаго элемента и является въ такихъ корняхъ, гдѣ онъ навѣрно не принадлежитъ къ корню, какъ напр. въ корнѣ *$g_1$enə-, g_1nē-: jánate „рождаетъ“, гр. ἐγένετο „онъ родился“, гр. γίγνεται „рождается“, лат. gignit „рождаетъ“, гр. γόνος „рожденіе“, скр. jánaḥ „человѣкъ“; и т. д. Случай корней на *ē: *ə, *ā: *ə, *ō: *ə, какъ τίθημι: τίθεμεν; ἵστημ (дор. ἵστᾱμι): ἵσταμεν, δίδωμι: δίδομεν, совершенно другого рода, какъ мы видѣли это выше (стр. 132).

Такимъ образомъ количество возможныхъ типовъ односложныхъ корней довольно ограниченно:

1. Согласный (или сонантъ) + e (e здѣсь есть символъ ряда чередованій: e, o, нуль) + согласный (или сонантъ): *tep-: лат. tep-or „теплота“, скр. táp-aḥ „жаръ“; *ten-: гр. τέν-ων „сухожиліе“, лат. ten-ēre „держать“; *legh-: др.-сл. **лєж-ати**, гот. lig-an „лежать“, гр. λέχ-ος „ложе“.

2. Согласный (или сонантъ) + e + сонантъ + согласный: гр. τερπ-ω „услаждаю, утоляю“, скр. tarp-áyati „насыщаетъ, удовлетворяетъ“.

3. Согласный (или сонантъ) + сонантъ + e + согласный (или сонантъ): гр. τρέπ-ω „поворачиваю“, лат. trep-it „uertit“; скр. tráy-aḥ „три“, гр. τρεῖς (изъ *τρεy-ες).

4. Согласный (или сонантъ) + сонантъ + e + сонантъ + согласный: скр. tveṣ-áḥ „порывистый, сильный“ (изъ *twois-ós), гр. σείω „потрясаю“.

Въ этихъ формулахъ каждый изъ согласныхъ можетъ быть замѣненъ сочетаніемъ s + взрывный или взрывный + *s (или спирантъ, упомянутый на стр. 70 и сл.).

скр. tákṣ-ā „плотникъ“, гр. τέκτ-ων.

гот. -skiub-an „сдвигать“, др.-сл. скоубѫ „срываю“, лит. skub-rùs „быстрый“.

Въ каждомъ изъ этихъ типовъ начальнаго согласнаго можетъ не быть; такъ:

*es-: скр. ás-ti „есть“, гр. ἔσ-τι, лат. es-t (ср. типъ 1).

*eus-: скр. óṣ-ati „жжетъ“, гр. εὖ-ω, лат. ūr-ō (ср. типъ 2).

Во всѣхъ случаяхъ долгіе *ā, *ē, *ō, чередующіеся съ *ə, могутъ замѣнять группу *e + сонантъ по общему правилу, установленному на стр. 132 сл.).

Противуполагаясь суффиксу и окончанію, корень образуетъ цѣлое, но самъ по себѣ онъ часто можетъ быть разложенъ.

Такъ гр. Fέλπ-ω „обнадеживаю“, Fέ-Fολπ-α, Fελπ-ίς „надежда“ предполагаютъ корень *welp-; но сопоставленіе съ лит. vil-iù „надѣюсь“, vil-tis „надежда“ позволяетъ отдѣлить элементъ *wel- „надѣяться“ или въ болѣе общемъ смыслѣ „желать“: лат. uelle „хотѣть“, гот. wiljan, др.-сл. велѣти и т. д.; въ корнѣ *wel-p мы можемъ, слѣдовательно, различить болѣе простой корень *wel- и его распространеніе *-p-, называемое опредѣлителемъ; тотъ же самый простой корень является съ другимъ опредѣлителемъ *-d- въ гр. Fέλδομαι „желаю“, гом. ἐ(F)έλδ-ωρ „желаніе“.

Нѣкоторые опредѣлители встрѣчаются въ рядѣ глаголовъ близкаго значенія; таковъ опредѣлитель *-t- въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1) лат. plec-t-ō „плету“, (am-)plec-t-or „обнимаю“, др.-вр.-н. fleh-t-an „плести“, др.-сл. плєтѫ; ср. гр. πλέκ-ω „плету“, лат. (du-)plex „двойной“;

2) гот. fal-þ-an „складывать“, гр. (δί-)παλ-τ-ος „двойной“, (δι-)πλάσιος; ср. *pel- въ лат. (du-)pl-us „двойной“, гр. (δι-)πλ-ός;

3) лат. pec-t-ō „чешу“, pec-t-en „гребень“; гр. πεκ-τ-έω; ср. гр. πόκος „обстриженная овечья шерсть“, арм. asr „шерсть“ (изъ *p^{o}k$_{1}$ur?).

4) лат. nec-t-ō „плету, обвиваю“.

5) гот. (ga-)wi-d-a „связываю“ (прош. вр. (ga-)wa-þ), др.-вр.-н. wi-t-u „связываю“.

Въ примѣрахъ 1, 3, 4 уже одна конечная группа kt

указываетъ на присутствіе коренного опредѣлителя, такъ какъ корень не можетъ оканчиваться двумя взрывными согласными, какъ и двумя сонантами.

Такъ какъ опредѣлитель есть морфологическій элементъ, то онъ долженъ подлежать дѣйствію общихъ законовъ вокализма и представлять чередованіе гласныхъ e, o, нуль. И дѣйствительно, если мы сравнимъ корни *plek- и *pelt- и выдѣлимъ ихъ общую часть *pel-, *pl-, то увидимъ, что *plek- содержитъ опредѣлителя *-ek- съ его чередованіями: гр. πλέκω, πλοκή „плетеніе, ткань“, умбр. (tu-)plak „двойной“ (изъ *plᵒk-). Поэтому *-t- въ приведенныхъ примѣрахъ представляетъ нулевую ступень вокализма.

Опредѣлитель можетъ имѣть звукъ e, какъ и корень; но въ той формѣ, въ какой мы его находимъ въ дѣйствительности, корень имѣетъ только одно e. Это ясно видно изъ ряда опредѣлителей, которые наблюдаются при корнѣ *ter- „дрожать“ (засвидѣтельствованномъ санскритскимъ taraláḥ „дрожащій“):

*trep-: скр. tr̥práḥ „неспокойный, торопливый“, лат. trepidus „боязливый“, др.-сл. трепетъ.

*ters-: гр. ἔτερσεν· ἐφόβησεν у Гезихія, лат. terreō „пугаю“.

*tres-: скр. trásati „боится“, гр. τρέω „боюсь“, гом. τρήρων эпитетъ голубя „боязливый“ (изъ *τρασρων).

*trek$_1$-: гр. (ἀ-)τρεκής „неложный“, зд. tərəsaiti „дрожитъ“, лит. triszù „дрожу“.

*trem-: гр. τρέμω „дрожу“, τρόμος „дрожь“, лат. tremō, лит. trimù „дрожу“.

*trems- (или *trens-?): др.-сл. трасѫ „трясу“.

Точно также рядомъ съ *prek$_1$-, засвидѣтельствованнымъ лат. precēs „просьбы“, procus „женихъ“, гот. fraihnan „спрашивать“, др.-вр.-н. frāgēn, др.-сл. просити, мы находимъ лит. preszù „спрашиваю“, др.-вр.-н. fergōn „просить“, умбр. persclu „precatione“, формы, повидимому предполагающія *perk$_1$-; но нигдѣ мы не встрѣчаемъ *perek$_1$-.

Корни, обозначающіе звукъ и имѣющіе характеръ звукоподражательный, даютъ примѣры наиболѣе разнообразныхъ опредѣлителей; такъ *kr- лат. coruos „воронъ“, cornīx „ворона“, гр. κόραξ „воронъ“, κορώνη „ворона“, скр. kāravaḥ „ворона“ (слово, приводимое въ словаряхъ) и т. д. варьируется слѣдующимъ образомъ:

др.-сл. **кракати**, лат. crōciō „каркаю“, др.-исл. hrokr „ворона“ и гр. κράζω, κέκρᾱγα, κρώζω;

др.-сл. **крнѹати**, гом. κρίκε „онъ завизжалъ“ и гр. κρίζω, κεκρῑγότες; др.-исл. hrika „трещать.

скр. króçati „кричитъ“, лит. kraukiù „каркаю“, др.-сл. **крѹкъ** „воронъ“ и гр. κραυγή „крикъ“, гот. hrukjan „каркать“;

лит. krankiù „каркаю“;

лат. crepō „скриплю“;

точно также синонимическій корень *kl- въ гр. κλώζω „клохтать, свистѣть“, др.-сл. **клікнѫти**, и т. д.

Такимъ образомъ индо-европейскій корень не есть неразложимый и постоянный элементъ; но нѣтъ возможности дать полную теорію всѣхъ его измѣненій. Мы встрѣчаемъ всѣ промежуточные случаи между слѣдующими двумя крайними типами:

α. Распространеніе извѣстнаго и хорошо установленнаго корня при помощи особаго суффикса; таково распространеніе при помощи *-s- корня $*k_1leu$- „слышать“ въ скр. çru-ṣ-tíḥ „послушаніе“, зд. srao-š-o „послушаніе“, др.-сл. **слоу-х-ъ, слы-ш-ати**, др.-вр.-н. hlo-s-en „слушать“, др.-сакс. hlu-s-t „слухъ“, кимр. clu-s-t „ухо“. Такіе коренные опредѣлители напоминаютъ суффиксы; спеціально въ нашемъ случаѣ можно сопоставить съ приведенными формами скр. çrav-as-, гр. κλέF-εσ- „слово“ и зд. srav-ah-, др.-сл. **слов-ес-**.

β. Общее начало въ словахъ сходнаго значенія; такъ *st- *t- встрѣчается въ рядѣ словъ обозначающихъ „опираться на, толкать“:

лат. tundō „толкаю“, studeō „стараюсь, занимаюсь“, гот. stautan „толкать“, скр. tudáti „толкаетъ“, др.-сл. **стоудъ** „стыдъ“, **стыдѣти сѧ**.

гр. τύπτω „бью“, στυπάζει глосса, объясняемая словами βροντᾷ, ψοφεῖ, ὤθει; лат. stupēre „столбенѣть“, stuprum „блудъ“.

скр. tuñjáti „толкаетъ“, др.-вр.-н. stoe „палка“, лит. túzgiu „хлопаю“, гр. ἀτύζω „пугаю“;

гр. στείβω, арм. stipem „давлю“;

гр. στέμβω „трясу“, др.-вр.-н. stampfōn „бить (землю ногою)“;

гот. stiggan „толкать“, лит. stẽngtis „сопротивляться“;

и другія.

Эти коренные опредѣлители представляютъ одну изъ главныхъ причинъ неточности въ области этимологіи словъ, такъ какъ невозможно ни оставить ихъ безъ вниманія, ни создать точную и полную ихъ теорію.

Удвоеніе. — Единственное измѣненіе корней, имѣющее правильное употребленіе, есть удвоеніе.

Удвоеніе не заключается въ простомъ повтореніи слова или корня; оно имѣетъ опредѣленныя формы, числомъ двѣ: интенсивное удвоеніе и нормальное удвоеніе.

α. Интенсивное удвоеніе. — Наиболѣе полное удвоеніе имѣетъ и наиболѣе сильное значеніе; оно характеризуетъ такъ называемые интенсивные глаголы и встрѣчается въ нѣкоторыхъ именахъ. Оно заключаетъ: 1) начальный согласный или сонантъ корня; 2) гласный; 3) сонантъ, слѣдующій за гласнымъ корня, если онъ имѣется въ корнѣ. Конечный согласный не повторяется: корень *ter- и корень *terp- удваиваются одинаково *tor-tor-, *tor-torp-. Этотъ типъ широко представленъ только въ индо-иранскомъ, но слѣды его сохранились и въ другихъ языкахъ.

скр. jó-huv-ānaḥ „призывающій“, зд. zao-zao-mi „зову“;

скр. var-var(t)-ti „вертитъ“, 3 л. мн. ч. vár-vṛt-ati;

скр. dé-diṣ-te „показываетъ“, зд. daē-dōiš-t „онъ показалъ“.

Ступень вокализма этого удвоенія трудно опредѣлить; греческій языкъ имѣетъ ο въ формахъ προφῠ́ρω „волнуюсь“, μορμῠ́ρω „быстро течь“ и α въ формахъ παμφαίνω „сіяю“, γαργαίρω „кишѣть“ и т. д.; славянское **о** въ др.-сл. **глоголѫ** (общеслав. ***голголѫ**) или рус. торо-тор-ить = чеш. trá-toř-iti (обще-сл. *tor-torī-tī) можетъ отражать *o или *a; арм. cicałim „смѣюсь“ предполагаетъ *$g_1$oig_1°l- съ гласнымъ о въ удвоеніи, которое и въ другихъ языкахъ имѣетъ дифтонгъ съ -i-; гласный удвоенія часто стремится воспроизводить гласный корня.

β. Нормальное удвоеніе. — Обыкновенное удвоеніе слагается изъ начальнаго согласнаго (или сонанта) корня со слѣдующимъ гласнымъ элементомъ (гласнымъ въ собственномъ смыслѣ или гласнымъ сонантомъ).

Гласный элементъ бываетъ обыкновенно *i или *e:

*i главнымъ образомъ въ настоящемъ времени: скр. pí-par-mi „наполняю“, гр. πί-πλη-μι; гр. γί-γνομαι „рождаюсь“, лат. gi-gnō „рождаю“;

*e въ перфектѣ: гр. μέ-μονα „стремлюсь“, лат. meminī „помню“, скр. ma-mnāte (3 л. дв. ч. ср. зал.) „они оба подумали“; лат. ce-cinī „я пропѣлъ“, др.-ирл. ce-chan; скр. ja-ghána „я ударилъ“, ср. зал. ja-ghné, гр. πέ-φαται „онъ убитъ“, др.-ирл. (ro)ge-gon „я убилъ“; и въ настоящемъ времени (служащемъ также и прошедшимъ): скр. dá-dhāmi „кладу“, лит. de-dù, др.-сл. дѣ-ждѫ и, со значеніемъ прошедшаго, др.-сакс. de-da „я сдѣлалъ“; одинъ только греческій языкъ даетъ въ этомъ глаголѣ въ удвоеніи i: τί-θημι. Въ другихъ случаяхъ часто наблюдается колебаніе между e и i: ведическій языкъ имѣетъ sí-ṣakti „слѣдуетъ“ въ единственномъ числѣ и sá-çcati „слѣдуютъ“ во множественномъ, и послѣдняя форма напоминаетъ греческій аористъ ἑ-σπέσθαι „послѣдовать“.

Корни, содержащіе сонанты *i и *u, склонны имѣть i и u въ удвоеніи перфекта въ индо-иранскомъ и латинскомъ: греческій имѣетъ ε въ перфектахъ λέλοιπα „я оставилъ“, πέπυσται „узнано“, но скр. имѣетъ i въ ri-réca „я оставилъ“ и u въ bu-bodha „онъ замѣтилъ“; латинскій имѣетъ tu-tudī „я толкнулъ“ при скр. tu-tudé „я толкнулъ“, но онъ имѣетъ также pe-pugerō рядомъ съ pu-pugerō „я уколю“; даже въ самомъ индо-иранскомъ языкѣ, гдѣ удвоеніе корней съ сонантами i и u по правилу имѣетъ звуки i и u, мы находимъ форму скр. babhūva, зд. ba-vāva „онъ сдѣлался“.

Наконецъ, въ санскритскомъ языкѣ корни, начинающіеся звуками v и y со слѣдующимъ ă, часто имѣютъ въ видѣ нормальнаго удвоенія одну только гласную форму сонанта: u, i; таковы скр. u-vāca „онъ сказалъ“, мн. ч. ūcúḥ (изъ *u-ucuḥ) рядомъ съ вед. va-vāca „онъ сказалъ“. Эта особенность едва-ли можетъ считаться индійскимъ нововведеніемъ.

Во всѣхъ типахъ удвоенія, когда корень имѣетъ въ началѣ сложное сочетаніе согласныхъ, это послѣднее обыкновенно упрощается.

Если корень начинается согласнымъ + сонантомъ, то въ удвоеніи является только одинъ согласный:

скр. çu-çrāva „онъ услышалъ“, гр. κέ-κλυθι „услышь“.

Если корень начинается спирантомъ со слѣдующимъ

взрывнымъ, то въ готскомъ и въ латинскомъ въ удвоеніи перфекта повторяется вся группа:

гот. skai-skaiþ „онъ отдѣлилъ“, лат. sci-cidī „я разсѣкъ“ (съ исчезновеніемъ s въ серединѣ слова, какъ въ stetī „я всталъ“).

Санскритъ имѣетъ въ удвоеніи только взрывный звукъ, а другіе языки только спирантъ:

скр. tí-ṣṭhāmi „я стою“, но гр. ἵστημι „ставлю“ въ согласіи съ зенд. hi-štāmi, лат. si-stō, др.-вр.-н. se-stōm, др.-ирл. se-ssam „стояніе“;

скр. ta-sthimá „мы встали“, но гр. ἔ-σταμεν; латинскій имѣетъ ste-tī, о которомъ только что было упомянуто.

Въ корняхъ, начинающихся гласнымъ звукомъ, интенсивное удвоеніе сохраняетъ свою ясность, какъ, напр., въ греч. ἀρ-αρεῖν „приладить“, арм. ar-ari „я сдѣлалъ“, или гом. ἄλ-αλκε „онъ устранилъ“. Нормальное удвоеніе съ гласными i или e ограничивается гласнымъ элементомъ; такъ, напр., мы имѣемъ i въ скр. íy-arti „приводить въ движеніе“ при интенсивномъ настоящемъ ál-arti „движется“; и e сливается съ начальнымъ гласнымъ слова, напр., въ перфектѣ скр. ā́sa „онъ былъ“, гом. ἦε. Типъ ὀδ-ωδα „я пропахъ“, ὀπ-ωπα „я увидѣлъ“, съ повтореніемъ конечнаго взрывнаго звука корня, наблюдается только въ греческомъ.

Такимъ образомъ индо-европейское удвоеніе только случайно бываетъ полнымъ повтореніемъ корня. По существу же оно есть грамматическое явленіе, смыслъ котораго заключается либо въ усиленіи значенія корня, либо въ обозначеніи повторенія или продолжительности дѣйствія, либо, наконецъ, въ обозначеніи полнаго окончанія дѣйствія.

2. Суффиксы.

Каждый суффиксъ прибавляется къ корню или къ основѣ, вокализмъ которыхъ опредѣляется правиломъ образованія даннаго типа; такъ суффиксъ именъ дѣйствующихъ лицъ *-ter- присоединяется къ корню въ ступени e: скр. mantā́ „думающій человѣкъ“, гр. Μέντωρ, или, въ двусложныхъ корняхъ, къ корню съ вокализмомъ e въ первомъ слогѣ: скр. jani-tā́ „родитель“, гр. γενέ-τωρ, γενε-τήρ, лат. geni-tor; на-

оборотъ, суффиксъ *-to- въ скр. matáḥ „признанный“, гот. munds „подуманный“ и въ скр. jā-táḥ „рожденный“, лат. nā-tus присоединяется къ корню нулевой ступени вокализма (двойной нулевой ступени при двусложныхъ корняхъ). Но, если основа дана, то единственнымъ элементомъ, измѣненія котораго имѣютъ значеніе въ склоненіи и спряженіи, является элементъ, непосредственно предшествующій окончанію, все равно, будетъ ли онъ суффиксомъ, какъ въ словѣ γενέτωρ, или корнемъ, какъ въ словѣ πούς „нога“; тамъ, гдѣ есть суффиксъ, элементъ предшествующій суффиксу, не измѣняется во всемъ склоненіи или спряженіи. Такъ въ санскритскомъ им. п. ед. ч. jani-tā, вин. п. jani-tár-am, мѣстн. п. jani-tár-i, дат. п. jani-tr-é; въ греческомъ: им. γενέ-τωρ, вин. γενέ-τορα, съ измѣненіемъ суффикса, предшествующаго окончанію, при неизмѣнности части, предшествующей суффиксу; точно также мы находимъ чередованіе ступеней: ē, ĕ, нуль, передъ окончаніями: нуль, -α, -ος въ греч. πατήρ, πατέρ-α, πατρ-ός, но πα- остается неизмѣннымъ. — Имена неправильнаго склоненія, которые, какъ скр. dā́r-u „дерево“, род. dr-ú-ṇ-aḥ, имѣютъ чередованіе гласныхъ въ элементѣ предшествующемъ суффиксу, представляютъ также измѣненіе суффиксовъ, въ данномъ случаѣ прибавку суффикса *-en- (въ нулевой ступени), и потому не нарушаютъ общаго правила.

Именныя и глагольныя основы называются тематическими или атематическими, смотря по тому, оканчиваются ли онѣ на гласный *e, чередующійся съ *o или на какой-нибудь согласный или сонантъ; основы, оканчивающіяся на долгіе гласные *ā, *ē, *ō, занимаютъ особое положеніе. Такимъ образомъ основы φερε-, φερο- въ греч. φέρε-τε, φέρο-μεν мы назовемъ тематическими, наоборотъ основу φερ- въ гомеровскомъ φέρ-τε — атематическою; φόρο-ς „подать“ имѣетъ тематическую основу, а φωρ „воръ“ атематическую. Замѣтимъ, что встрѣчается множество чередованій типовъ тематическихъ и атематическихъ основъ, и общая тенденція индоевропейскихъ языковъ — замѣнить тематическими формами болѣе древнія атематическія формы; такъ, несмотря на широкое распространеніе, тематическая форма скр. bhára-ti „несетъ“, гр. φέρει, др.-сл. беретъ, гот. bairi-þ, др.-ирл. beri-d, арм. berē (изъ *bere-y), повидимому, представляетъ измѣ-

неніе атематической формы, засвидѣтельствованной ведическимъ bhar-ti „несетъ“, лат. fer-t и гом. φέρ-τε.

Различеніе тематическихъ и атематическихъ типовъ важно во многихъ отношеніяхъ.

α. Въ атематическихъ формахъ при измѣненіи слова въ склоненіи или спряженіи тоническое удареніе занимаетъ различныя мѣста; такъ оно стоитъ въ началѣ слова въ скр. é-mi „иду“ и на окончаніи въ скр. i-máḥ „идемъ“. Въ тематическихъ же формахъ тоническое удареніе не мѣняетъ своего мѣста и никогда не стоитъ на окончаніи; удареніе на окончаніи возможно только тогда, когда самое окончаніе слилось съ тематическимъ гласнымъ: скр. bhárāmi „несу“, bhárāmaḥ „мы несемъ“, или tudámi „толкаю“, tudámaḥ „толкаемъ“.

β. Въ атематическихъ формахъ окончаніе почти всегда остается отдѣленнымъ отъ основы, а въ тематическихъ формахъ мы часто встрѣчаемъ сліянія; такъ дат. п. ед. ч. отъ атематической скр. основы pitár- „отецъ“ будетъ pitr-é, но отъ тематической индо-иранской основы *wr̥ka- „волкъ“ тотъ же падежъ въ зенд. будетъ vəhrkāi, ср. лит. vil̃kui, гр. λύκῳ, гдѣ нѣтъ возможности провести границу между основой и окончаніемъ.

γ. Формы атематическія имѣютъ окончанія отчасти отличныя отъ окончаній тематическихъ формъ. Такъ при окончаніи *-mi 1 л. ед. ч. дѣйствит. зал. атематическаго *es-: скр. ásmi, др.-сл. есмь, гр. εἰμι, тематическій глаголъ имѣетъ конечное *-ō: гат. barā „несу“, гр. φέρω, лат. ferō, гот. baira и т. д.

Суффиксы называются первичными или вторичными, смотря по тому, присоединяются ли они къ корню или къ основѣ, употребляемой въ языкѣ: суффиксъ *-es- въ скр. основѣ çrávas- „слава“ = гр. κλέ(F)ες- — первичный, такъ какъ онъ присоединяется къ корню *$k_1$leu-; наоборотъ и.-е. суффиксъ *-yo- въ скр. çravas-(i)ya- „достойный славы“ — вторичный, такъ какъ онъ присоединяется къ основѣ *$k_1$lewes-. Состоитъ ли основа изъ корня и одного или нѣсколькихъ суффиксовъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, или она совпадаетъ съ корнемъ, это не имѣетъ существеннаго значенія: скр. pád-ya- „пѣшій“ и гр. πεζό- (*πεδ-γό-) имѣетъ вторичный суффиксъ *-yo-, присоединенный къ основѣ *ped- *pod-

(скр. pāt „нога“, гр. πούς, лат. pēs). Поэтому часто невозможно различить первичную основу, сводимую непосредственно къ корню, отъ вторичныхъ основъ, произведенныхъ отъ другихъ основъ, существующихъ въ языкѣ: чтобы вторичная основа, произведенная отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ, какъ скр. pádyaḥ, гр. πεζός, могла быть принята за первичную, достаточно, чтобы имя, отъ котораго она произведена, вышло изъ употребленія.

3. Окончанія.

Чередованія гласныхъ мы наблюдаемъ только въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ, какъ въ окончаніи родит. п. един. ч.: *-es (лат. -is, др.-лит. -es, др.-сл. -є) *-os (гр. -ος, лат. діал. -us), *-s (лит. -s, скр. -ḥ, гот. -s въ формахъ типа лит. sūnaūs; скр. sūnóḥ, гот. sunaus „сына“ и т. д.). — Такія чередованія, какія мы наблюдаемъ, напримѣръ, въ окончаніяхъ 3 л. ед. ч.:

дѣйствит. зал. первичное оконч. *-ti: скр. -ti, гр. -τι, др.-рус. -ть, др.-лит. -ti,

дѣйств. зал. вторичное оконч. *-t: скр. -t, гр. нуль, др.-сл. нуль,

средн. зал. первичное оконч. *-tai: скр. -te, гр. ται, гот. -da,

средн. зал. вторичное окенч. *-to: скр. -ta, гр. -το, лат. -tu(r),

не подходятъ подъ общія формулы индо-европейскаго вокализма.

Вообще, окончанія допускаютъ наиболѣе разнообразныя формы: они могутъ заключать въ себѣ гласный звукъ, какъ окончаніе именит. падежа мн. ч. *-es (скр. -aḥ, гр. -ες, др.-лит. -es), или состоять изъ одного гласнаго звука, какъ окончаніе 3 л. ед. ч. перфекта: гр. -ε = скр. -a; но окончаніе можетъ и не имѣть гласнаго въ собственномъ смыслѣ, какъ въ окончаніи именит. п. ед. ч. скр. -ḥ, гр. -ς, лат. -s, лит. -s, или въ окончаніи мѣстнаго падежа ед. ч. скр. -i, гр. -ι. Окончаніе можетъ даже распространяться на два слога, какъ, напр., окончаніе 3 л. мн. ч. дѣйств. зал. *-enti (скр. s-ánti „суть“, дор. ἔντι [изъ *ˊ-εντι], гот. s-ind).

Свобода формъ окончанія представляетъ рѣзкій контрастъ со строгою правильностью формъ корней.

Общія замѣчанія относительно морфологическихъ элементовъ.

1. Три элемента: корень, суффиксъ и окончаніе, строго отличаются одинъ отъ другого; два изъ нихъ въ каждой грамматической формѣ имѣютъ опредѣленный вокализмъ, а третій получаетъ — или можетъ при случаѣ получить — тоническое удареніе, мѣсто котораго связано всегда со значеніемъ формы: эти особенности понятны въ языкѣ, который не имѣлъ экспираторнаго ударенія, или въ которомъ экспираторное удареніе имѣло лишь второстепенное значеніе, ритмъ котораго основывался на количествѣ и произношеніе котораго было однообразно; онѣ были бы непонятны въ языкѣ, гдѣ каждое слово имѣетъ сильное экспираторное удареніе, рѣзко выдѣляющее одинъ слогъ и подчиняющее ему остальные. Такимъ образомъ мы находимъ полное соотвѣтствіе между описаніемъ фонетики, даннымъ на стр. 117 и слѣд., и морфологическимъ строеніемъ индо-европейскаго языка.

2. Между тѣмъ какъ семитическій корень по правилу имѣетъ три измѣняющихся гласныхъ звука, индо-европейскій корень имѣетъ только одинъ гласный, такъ какъ въ двусложныхъ корняхъ одинъ изъ двухъ гласныхъ непременно имѣетъ нулевую ступень. Поэтому корень и чередованіе въ немъ гласныхъ звуковъ въ индо-европейскомъ словѣ играютъ значительно меньшую роль, чѣмъ въ словѣ семитскомъ; употребленіе префиксовъ затемняло бы поэтому индо-европейскій корень, между тѣмъ какъ оно не препятствуетъ говорящему ясно чувствовать семитскій корень; отсюда употребленіе префиксовъ въ семитическомъ языкѣ и отсутствіе этого способа образованія формъ въ индо-европейскомъ. Съ другой стороны индо-европейскій языкъ, имѣя въ своемъ корнѣ менѣе богатый источникъ выраженія, прибѣгаетъ въ гораздо большей мѣрѣ къ помощи суффиксовъ и окончаній.

Недостаточно ясно, въ чемъ коренятся всѣ эти особенности структуры языка.

VI. Части рѣчи.

Индо-европейскій языкъ имѣетъ два совершенно различныхъ способа измѣненія словъ: склоненіе именъ и спряженіе глаголовъ. Нигдѣ, даже въ семитскихъ язы-

кахъ, это различіе не проведено такъ строго, какъ въ индоевропейскомъ. Подробности различія склоненія и спряженія выяснятся при изложеніи того и другого. Главные факты заключаются въ слѣдующемъ:

И склоненіе и спряженіе выражаютъ категорію числа, различая при этомъ три числа: единственное, множественное и двойственное. Употребленіе единственнаго и множественнаго числа не требуетъ поясненій. Что же касается двойственнаго числа, то, судя по индо-иранскому, по древнѣйшимъ текстамъ различныхъ славянскихъ діалектовъ и по древне-аттическому, оно употреблялось непремѣнно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла объ извѣстныхъ двухъ лицахъ или вещахъ: вед. vr̥̊kā, др.-сл. **вълка**, др.-атт. λύκω, повидимому, не обозначало само по себѣ „два волка“, такъ какъ двойственное число не выражаетъ числа само по себѣ, и эти формы можно употреблять безъ предшествующаго числительнаго „два“ только тогда, когда бесѣдующіе уже знаютъ, что рѣчь идетъ о „двухъ волкахъ“; но въ этомъ случаѣ и, конечно, также тогда, когда числительное „два“ употреблено, мы постоянно встрѣчаемъ только формы двойственнаго числа. Поэтому названія парныхъ органовъ имѣютъ формы двойственнаго числа; такъ напр. „глаза“ скр. ákṣī, др.-сл. **очи**, гом. ὄσσε.

Спряженіе указываетъ лица: говорящее, то, съ которымъ говорятъ, и то, о которомъ говорятъ: лат. dīcō „говорю“, dīcis „говоришь“, dīcit „говоритъ“.

Склоненіе обозначаетъ падежи, т. е. имена имѣютъ различныя формы, смотря по той роли, какую они играютъ въ предложеніи: есть особая форма для подлежащаго — именительный падежъ, для прямого дополненія — винительный падежъ, для именного дополненія — родительный падежъ, для обозначенія мѣста или времени совершенія дѣйствія — мѣстный падежъ, для обозначенія исходной точки дѣйствія — аблативъ; для обозначенія того, для кого или чего совершается дѣйствіе — дательный падежъ, для обозначенія того, кѣмъ и чѣмъ сопровождается дѣйствіе — творительный падежъ, для обозначенія лица, къ кому обращена рѣчь — звательный падежъ. Всего, слѣдовательно, восемь падежей.

Такимъ образомъ глаголами въ индо-европейскомъ

языкѣ называются слова, измѣняющіяся по лицамъ, а именами — слова, измѣняющіяся по падежамъ. Употребленіе и значеніе этихъ двухъ частей рѣчи не могутъ быть выражены въ опредѣленіи, а будутъ разобраны въ главѣ о предложеніи.

Нѣкоторыя именныя формы относятся къ глагольнымъ основамъ: это причастія; они сохраняютъ значенія, присущія глагольнымъ основамъ, но подходятъ подъ общее опредѣленіе именъ. Причастія въ предложеніи не могутъ замѣнять глагола въ личной формѣ; поэтому отдѣленіе ихъ отъ глагольныхъ формъ оправдывается и съ точки зрѣнія общаго строя предложенія.

Кромѣ падежей имена имѣютъ еще отличіе по родамъ. Средній родъ характеризуется склоненіемъ, т. е. извѣстными окончаніями, извѣстнымъ вокализмомъ слога, предшествующаго окончанію (и, повидимому, иногда извѣстнымъ мѣстомъ тоническаго ударенія); такъ лат. aliu-d „другое“ отличается отъ aliu-s „другой“, особымъ окончаніемъ, гр. ἥδιον (ср. р.) „пріятнѣе“ отличается отъ ἡδίων (муж. и жен. р.) вокализмомъ слога, предшествующаго окончанію, и т. д. Собственное значеніе средняго рода можно видѣть на примѣрѣ указательныхъ мѣстоименій, какъ лат. id „то“, или прилагательныхъ, употребленныхъ въ смыслѣ существительнаго, какъ лат. aliud „другое“: средній родъ обозначаетъ вещи, а лица обозначаетъ только тогда, когда они не представляются лицами, какъ лат. mancipium „рабъ“; онъ употребляется также въ уменьшительныхъ именахъ, какъ гр. ἀνδρίον „человѣчекъ“, уменьш. отъ ἀνήρ „мужъ“, гот. gaitein „козленокъ“ уменьшительное отъ gaits „коза“, др.-прусск. wosistian „козленокъ“ рядомъ съ wosee „коза“. Средній родъ имѣетъ особыя примѣты только въ трехъ падежахъ: именительномъ, звательномъ и винительномъ, и для каждаго изъ трехъ чиселъ эти три падежа имѣютъ только одну форму. Средній родъ, слѣдовательно, характеризуется этими особыми формами и отсутствіемъ различенія именительнаго, звательнаго и винительнаго падежа.

Различіе мужескаго и женскаго рода не находитъ выраженія въ склоненіи и потому не однородно съ различеніемъ средняго рода: всѣ типы существительныхъ именъ допускаютъ безъ различія и мужескій, и женскій родъ; такъ

слова πατήρ „отецъ“ и μήτηρ „мать“ не имѣютъ въ своей формѣ ничего такого, что бы заставляло найти въ первомъ мужескій родъ, а во второмъ — женскій: πατήρ признается мужескимъ родомъ по тому, что ему предшествуетъ ὁ, а μήτηρ — женскимъ, по тому, что ему предшествуетъ ἡ. Въ прилагательныхъ женскій родъ характеризуется суффиксомъ; такъ основѣ муж. рода скр. sána- „старый“, лит. seno-, гр. ἕνο- соотвѣтствуетъ въ женскомъ родѣ основа скр. sánā-, лит. seno-, гр. ἕνᾱ-: существительное мужескаго рода будетъ то, которое требуетъ въ прилагательномъ основы мужескаго рода, и существительное женскаго рода — то, которое требуетъ въ прилагательномъ основы женскаго рода. Слѣдовательно, различіе мужескаго и женскаго рода относится съ одной стороны къ теоріи образованія основъ прилагательныхъ именъ, съ другой — къ синтаксису, между тѣмъ какъ средній родъ стоитъ въ связи съ склоненіемъ.

Характерною чертою индо-европейскаго языка является то, что различныя грамматическія категоріи не имѣютъ каждая своего особаго признака; напримѣръ, нѣтъ особаго знака множественнаго числа, къ которому бы присоединялся еще знакъ падежа (и рода) для образованія именной формы, нѣтъ особаго знака лица и другихъ категорій для образованія глагольной формы: такъ -ος въ греч. ποδ-ός „ноги“ показываетъ сразу и родительный падежъ и единственное число, -ων въ гр. ποδ-ῶν „ногъ“ — сразу и родит. пад. и мн. ч.; -i въ скр. padí „на ногѣ“ есть признакъ мѣстнаго падежа и единств. числа, -su въ скр. pat-sú „на ногахъ“ — признакъ мѣстн. пад. и мн. ч., и т. д. Тоже въ глаголахъ: -τι въ дорич. τίθη-τι „кладетъ“ (іон.-атт. -σι въ τίθη-σι) показываетъ одновременно, что дѣло идетъ объ единств. числѣ, о 3-мъ лицѣ, о дѣйствительномъ (а не среднемъ) залогѣ и о настоящемъ (а не прошедшемъ) времени. Такимъ образомъ значеніе индо-европейской измѣняемой формы оказывается сложнымъ, и мы можемъ его анализировать только путемъ абстрагированія; нѣтъ общаго признака ни имени, ни глагола, ни единственнаго, ни множественнаго, ни двойственнаго числа, ни именительнаго, ни винительнаго, ни другого какого-нибудь падежа, но есть только признаки именительнаго падежа единственнаго числа мужескаго и женскаго рода; именительнаго, винительнаго и звательнаго падежа единств. числа средняго

рода; родительнаго падежа множ. числа и т. д., и въ добавокъ, эти признаки мѣняются, смотря по тому, имѣемъ ли мы дѣло съ тематической или атематической основой и т. д.

Кромѣ глаголовъ и именъ, составляющихъ два крупныхъ класса измѣняемыхъ словъ, индо-европейскій языкъ имѣетъ довольно большое число словъ неизмѣняемыхъ, изъ которыхъ многія оказываются застывшими и изолированными формами первоначально измѣнявшихся словъ.

1. Нарѣчія, обозначающія различныя обстоятельства мѣста, времени и т. д.

дор. πέρυτι „лѣтось, прошлый годъ“, іон.атт. πέρυσι, арм. heru, ср.-вр.-н. vert, др.-ирл. (onn-)uroid „ab anno priore“; скр. parut „прошлый годъ“ (мѣстный падежъ съ окончаніемъ *-i въ первомъ рядѣ формъ и съ нулевымъ окончаніемъ въ санскритскомъ отъ сложной основы *per-ut- „другой годъ“, ср. скр. párah „отдаленный“ и гр. Ϝέτος „годъ“).

скр. ánti „передъ, лицомъ“, гр. ἀντί, лат. ante — мѣстный падежъ отъ основы *ant-, отъ которой винительный падежъ мы находимъ въ гр. ἄντα „передъ“.

скр. kúha (изъ болѣе древняго *kudha) „гдѣ?“, гат. kudā, др.-сл. **къдѣ** — лит. kuĩ, арм. ur „гдѣ?“.

Такого рода нарѣчій очень много въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ, но очень мало одинаковыхъ формъ въ различныхъ языкахъ, которыя бы можно было возвести къ индо-европейскому языку.

2. Предлоги и предложныя приставки, какъ скр. prá, др.-сл. **про**, лит. pra, гот. fra, др.-ирл. ro, лат. prŏ-, гр. προ.

Въ теченіе развитія индо-европейскихъ языковъ эти элементы стремились примкнуть либо къ имени, какъ гр. πρὸ δόμων „передъ домомъ“ или Ἰλιόθι πρό „передъ Иліономъ“, и тогда мы ихъ называемъ предлогами (praepositiones), либо къ глаголу, какъ въ гр. προφέρω „выношу впередъ“, и тогда мы ихъ называемъ предложными приставками (praeverbia). Но въ индо-европейскомъ языкѣ это были отдѣльныя слова, не примыкавшія ни къ имени, ни къ глаголу; древніе индо-иранскіе діалекты, гомеровскій языкъ, балтійскій, кельтскій, германскій, а также и латинскій сохранили многочисленные остатки самостоятельности предлоговъ; такъ у Гомера A 208: πρὸ δέ μ' ἦκε θεά „впередъ меня по-

слала богиня“ или въ латинскомъ sub uos placo рядомъ съ supplico uos „умоляю васъ“. Три возможныя положенія предлога πρός: отдѣльно, передъ именемъ и передъ глаголомъ, могутъ быть иллюстрированы слѣдующими стихами Гомера:

Е 632: τὸν καὶ Τληπόλεμος πρότερος πρὸς μῦθον ἔ(F)ειπεν
„ему Тлеполемъ первый вымолвилъ слово“
Е 274: ὣς οἱ μὲν τοιαῦτα πρὸς ἀλλήλους ἀγόρευον
„такъ они говорили другъ другу“
Е 276: τὸν πρότερος προσέ(F)ειπε Λυκάονος ἀγλαὸς υἱός
„къ нему первый обратился славный сынъ Ликаона“

Путемъ параллельнаго но самостоятельнаго развитія эти слова, первоначально самостоятельныя, примкнули во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ либо къ имени, либо къ глаголу; такимъ образомъ исчезъ типъ конструкціи стиха Е 632, между тѣмъ какъ оба другіе типа остались.

Предлоги, какъ и нарѣчія, повидимому, представляютъ застывшія формы именъ, первоначально склонявшихся; но не всѣ они намъ ясны по составу.

3. Частицы, служащія для построенія предложенія; таковы скр. ca „и“, гр. τε, лат. que или скр. ná „не“, др.-сл. не, лат. ne(que) „(и) не“.

Хотя частицы въ настоящее время и невозможно свести къ измѣняемымъ формамъ, но мы не можемъ отдѣлить ихъ отъ склоненія, и неизмѣняемыя слова мы будемъ изучать вслѣдъ за именами.

Въ общемъ индо-европейскій языкъ различаетъ только два большіе класса словъ: имена и глаголы.

Глава пятая.

Глаголъ.

А. Общія замѣчанія.

Чтобы составить себѣ точное представленіе объ индо-европейской системѣ глагола, нужно прежде всего забыть то спряженіе, какое является въ латинскомъ, германскомъ, балтійскомъ, славянскомъ, армянскомъ, ново-греческомъ и т. д.; одни только сложныя образованія гомеровскаго, ведическаго и зендскаго языковъ сохранили существенныя черты этой системы.

Въ латинскомъ, напримѣръ, одна и та же основа даетъ и основу настоящаго времени amō, amās и основу perfecti — amāuī отъ amāre: спряженіе глагола amāre таково, что всѣ формы связаны между собою, и, если дана форма amat, всѣ остальныя формы, кромѣ неправильныхъ, могутъ быть опредѣлены.

Въ индо-европейскомъ, наоборотъ, каждая глагольная основа была независима отъ всѣхъ остальныхъ. Къ корню *leikʷ- „оставлять, оставаться“ принадлежатъ слѣдующія основы:

1. Двусложная основа съ удареніемъ на первомъ слогѣ и съ вокализмомъ e въ корнѣ, обозначающая длящееся дѣйствіе, *lḗikʷe-: гр. λείπειν, λείπω, лит. lėkù „оставляю“ (съ перемѣщеніемъ ударенія), гот. leihwa „даю въ долгъ, ссужаю“.

2. Двусложная основа съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ и съ нулевымъ вокализмомъ корня, обозначающая дѣйствіе однократное, *likʷé-: гр. λιπεῖν, ἔλιπε = арм. elikh „оставилъ“, др.-вр.-нѣм. liwi „ты ссудилъ“.

3. Основа съ носовою вставкою, еще атематическая въ индо-иранскомъ: скр. riṇákti „оставляетъ“, riñcánti „оставляютъ“, и перешедшая въ тематическую въ лат. linquō и др.-прусск. (po)līnka „остается“; эта основа, повидимому, обозначаетъ начало дѣйствія.

4. Основа винословная (каузативъ) съ вокализмомъ *o въ корнѣ и съ суффиксомъ *-éye, *loikʷ-éye-: скр. recáyati „заставляетъ оставить“, др.-исл. leigia „нанимать“; ср. лит. laikýti „держать“, т. е. „заставить остаться“.

5. Перфектъ: гр. λέλοιπα, скр. riréca „я оставилъ“.

6. Основа на *-ye- съ нулевымъ вокализмомъ корня, обозначающая длительное состояніе: скр. ricyáte „оставляется“.

7. Основа сигматическаго аориста *lēikʷs-: скр. áraik „онъ оставилъ“, средній залогъ árikṣi „я оставилъ“.

8. Сигамическое будущее (индо-евр. дезидеративъ?): скр. rekṣyate „оставитъ“ гр. λείψω; лит. liksiu (съ другимъ вокализмомъ); но, быть можетъ, каждая изъ этихъ трехъ формъ возникла въ этихъ языкахъ самостоятельно.

Ниодна изъ этихъ формъ не предполагаетъ существованія другихъ, и рядомъ съ ними могли существовать всякаго рода другія формы.

Вторичныя глагольныя формы, произведенныя отъ словъ существующихъ въ языкѣ, и не связанныя непосредственно съ корнями, имѣютъ только одну основу; напр. санскритскій деноминативъ namas-yá-ti „поклоняется“ имѣетъ только основу настоящаго времени, и полное спряженіе, которое даютъ греческіе деноминативные глаголы, какъ τῑμάω, аор. ἐτῑμησα, перф. τετῑμηκα и т. д. — есть греческое новшество. Поэтому образованіе другихъ основъ, кромѣ основы настоящаго времени, въ деноминативныхъ глаголахъ является результатомъ самостоятельнаго развитія различныхъ языковъ, и дѣйствительно, форма этихъ основъ различна въ различныхъ языкахъ: лат. amō, amāuī; гот. salbo „мажу“, salboda „я помазалъ“; лит. pāsakoju „разсказываю“, pāsakojau „я разсказалъ“; др.-сл. дѣлаѭ, дѣлахъ „я сдѣлалъ“; арм. yusam „надѣюсь“, yusaçay „я надѣялся“.

Индо-европейскія временныя основы, первичныя или вторичныя, не обозначаютъ времени: греческая основа настоящаго времени обозначаетъ длительное дѣйствіе, основа ао-

риста — дѣйствіе однократное, основа perfecti — дѣйствіе совершенное, и въ этомъ отношеніи греческій языкъ сохраняетъ индо-европейское состояніе. Поскольку время выражается, оно выражается при помощи спряженія и приращенія: основа формъ λείπω и ἔλειπον — одна и та же; но λείπω обозначаетъ настоящее время, а ἔλειπον — прошедшее. Значеніе индо-европейскихъ „временныхъ основъ“ сходно, слѣдовательно, со славянскими видами, а не съ латинскими временами.

B. Образованіе и значеніе глагольныхъ основъ.

1. Временныя основы.

Временныя основы составляютъ двѣ группы весьма различнаго значенія: группу настоящаго времени и аориста и группу перфекта.

a. Настоящее время и аористъ.

Типы настоящаго времени и аориста различны; всѣ они принимаютъ одинаковыя окончанія (отчасти различныя, смотря по тому, имѣется ли тематическій или атематичаскій типъ основы) и имѣютъ тѣ же образованія причастій; и вокализмъ корня одинаковъ во всѣхъ. Различіе между настоящимъ временемъ и аористомъ заключается не въ природѣ ихъ основъ; мы называемъ основою настоящаго времени такую основу, которая принимаетъ и первичныя и вторичныя окончанія, и основою аориста ту, которая допускаетъ только вторичныя окончанія (см. ниже объ окончаніяхъ).

Основы аористовъ примыкаютъ непосредственно къ корнямъ; основы настоящаго времени, однѣ примыкаютъ къ корнямъ, другія происходятъ отъ именъ или другихъ глагольныхъ основъ. Но если извѣстныя типы образованія не даютъ аористовъ, то, наоборотъ, всѣ образованія аористовъ, за исключеніемъ одного, даютъ также и настоящее время.

Каждый отдѣльный корень не имѣетъ всѣхъ типовъ образованія, но почти всегда онъ имѣетъ ихъ нѣсколько.

Индо-европейскій корень самъ по себѣ не имѣетъ ни переходнаго, ни непереходнаго значенія, и глагольныя основы, примыкающія къ нему, допускаютъ, слѣдовательно, два значенія: гр. ἔχω обозначаетъ „держу, имѣю“, но также „дер-

жусь, чувствую себя“ напр. въ выраженіи κακῶς ἔχω „чувствую себя плохо“; φέρω значитъ „несу“, но διαφέρω „отличаюсь“ (дословно „я несу себя различно“), точно также въ латинскомъ ferō „несу“, а differo „отличаюсь“; лат. uorte id означаетъ „поверни это“, но uorte hāc „отвернись отсюда“; лит. lëkù обозначаетъ „оставляю“, но isz-lëkù „остаюсь“ („я оставленъ внѣ“ ср. гр. ἐκ-λείπειν „переставать“); скр. vahati можетъ быть переведено одинаково и черезъ лат. uehit (aliquid) „везетъ“ и uehitur „ѣдетъ“; гот. wasjan „одѣвать“ и „одѣваться“.

Тематическія и атематическія формы того же типа были сближены потому, что присутствіе или отсутствіе тематическаго гласнаго ничего не мѣняетъ въ значеніи глагола.

1. Основы настоящаго времени и аориста съ нулевымъ суффиксомъ. — Какъ и слѣдовало ожидать, эти основы выражаютъ дѣйствіе, обозначаемое корнемъ, безъ всякаго особаго оттѣнка.

Если корень обозначаетъ длительное дѣйствіе, то мы получаемъ основу настоящаго времени, которая допускаетъ въ изъявительномъ наклоненіи и первичныя окончанія (греческіе типы глаголовъ на -μι и на -ω) и вторичныя окончанія (греческія -ν или -α и -ον): таковы скр. ádmi „ѣмъ“, imperfectum ádam „я ѣлъ“, лат. ēst „ѣстъ“, лит. ėst(i), др.-сл. ѣсть; или гр. ἔδω „ѣмъ“ (imperf. гом. ἔδον), лат. edō, гот. ita, арм. utem. Если корень обозначаетъ просто дѣйствіе, безъ оттѣнка длительности, то основа въ изъявительномъ наклоненіи обыкновенно допускаетъ только вторичныя окончанія; это — аористъ; таково скр. ásthāt = гр. ἔστη „онъ всталъ, онъ остановился“. Нѣкоторые корни имѣютъ два значенія и даютъ въ одномъ языкѣ настоящее время, въ другомъ аористъ: *$g_1$enə- даетъ въ скр. настоящее jánāmi „рождаю“ (также и imperf. ájanam „я рождалъ“), а въ греческомъ аористъ ἐγενόμην „я сдѣлался“. Когда основа съ нулевымъ суффиксомъ имѣетъ значеніе аориста, то основа настоящаго времени образуется инымъ способомъ, особенно часто она состоитъ изъ корня съ удвоеніемъ; такъ мы имѣемъ скр. tiṣṭhāmi „стою“, гр. ἵστημι „ставлю“, лат. sistō „ставлю“ и т. д. при скр. ásthām „я всталъ“, гр. ἔστην, или гр. γίγνομαι „рождаюсь, дѣлаюсь“ при ἐγενόμην.

Случается также, что настоящее время и аористъ, имѣющіе одинаковое значеніе, принадлежатъ различнымъ корнямъ, одному — длительнаго значенія, и другому, выражающему дѣйствіе безъ всякаго оттѣнка: такъ корень скр. ádmi „ѣмъ“, гр. ἔδω, арм. utem имѣетъ длительное значеніе и образуетъ только настоящее время; аористъ къ нему выражается различными корнями: въ санскритѣ ághaḥ „онъ поѣлъ“, въ греч. ἔφαγε, въ арм. eker. Корень *es- „существовать“ образовывалъ настоящее время (и perfectum), но не образовывалъ аориста, и потому во многихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ корню *bhewə-: скр. ábhūt „онъ былъ“, др.-сл. **бꙑ** и **бꙑстъ**, лат. fuit и т. д. Корень *ei- „итти“ не образовывалъ ни аориста, ни перфекта; поэтому въ греч. ἦλθον и ἐλήλυθα стоятъ рядомъ съ εἶμι, въ слав. **шьдъ** — рядомъ съ **ндж**.

α. Атематическій типъ. — Этотъ типъ въ большинствѣ языковъ представленъ небольшимъ количествомъ, но весьма употребительныхъ глаголовъ, и, съ другой стороны, примѣровъ такихъ образованій въ языкѣ тѣмъ больше, чѣмъ древнѣе выглядитъ языкъ; такъ ведическій языкъ даетъ болѣе примѣровъ, нежели греческій, и литовскій языкъ, столь архаичный во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ сравнительно много такихъ формъ, въ особенности въ старыхъ текстахъ (XVI и XVII вѣковъ). Главнѣйшіе примѣры этого типа — слѣдующіе:

*ei-, *i-: скр. émi „иду“, imáḥ „идемъ“, yánti „идутъ“, áyam „я шелъ“; гр. εἶμι, ἴμεν; лит. eimì „иду“; лат. īs, it, īmus, ītis.

*es-, *s-: скр. ásmi „есмъ“, smáḥ „есмы“, sánti „суть“, ásam „я былъ“; гр. εἰμι, (лесб. ἔμμι), ἔστι, εἰσι (изъ ἐντι, засвидѣтельствованнаго дорическимъ діалектомъ, древнѣе *ἑντι), лат. est, sunt, гот. ist, sind.

*wel-, *wl̥-: лит. (pa-)velmi „приказываю“, лат. uolt „хочетъ“ (изъ *welti, ср. сослагат. накл. uelim), скр. a-vr̥-ta „онъ выбралъ“.

*ed-, *ēd-: скр. ádmi „ѣмъ“, лат. ēst „ѣстъ“ (ē не вполнѣ достовѣрно), лит. ėdmi „ѣмъ“, ėst(i) „ѣстъ“; др.-сл. **имь**, **истъ**.

*bher-, *bhr̥-: скр. bharti „несетъ“, лат. fert, гом. φέρτε; обычнѣе тематическій типъ: гр. φέρω и т. д.

*reudə-, *rudə-: скр. ródi-ti „рыдаетъ“, rudi-máḥ „рыдаемъ“, rud-ánti „рыдаютъ“, лит. ráudmi „плачу“.

*weid-, *wid-: скр. védmi „знаю“, повелит. viddhí „знай“; гр. Fίσθι; лит. veizdi „смотри“ и veizdmi „вижу“, др.-сл. **вижды** „смотри“.

*sthā-, sthə- (корень не имѣетъ длительнаго значенія и образуетъ только аористъ; настоящее время образуется отъ основы съ удвоеніемъ): скр. ásthāt „онъ всталъ“, средн. зал. asthita; гр. ἔστη.

*dhē-, *dhə- (корень не имѣетъ длительнаго значенія; настоящее время образуется отъ основы съ удвоеніемъ): скр. ádhāt „онъ положилъ“, средн. зал. ádhita; арм. ed „онъ положилъ“; гр. ἔθετο (средн. зал.).

*dō-, *də- (корень, какъ и предыдущій, не имѣетъ длительнаго значенія): скр. ádāt „онъ далъ“, средн. зал. ádita; арм. et „онъ далъ ; гр. ἔδοτο (средн. зал.); ср. также лат. dămus „даемъ“.

*gʷem-, *gʷen-: скр. ágan, арм. ekn — и *gʷā-: скр. ágāt, гр. ἔβη (дор. ἔβᾱ).

*k$_1$ei-: скр. çéte „лежитъ“, зд. saēte = гр. κεῖται.

*wes-: скр. váste „одѣвается“, зд. vaste = гр. Fέσται.

Приведенныя формы засвидѣтельствованы по крайней мѣрѣ двумя языками; другія, хотя и засвидѣтельствованы только однимъ языкомъ, тѣмъ не менѣе тоже восходятъ къ индо-европейскому языку, и иногда мы имѣемъ тому доказательства; такъ атематическая ведическая форма váçmi „хочу“, uçmási „хотимъ“, гат. vasəmi, usmahī, не имѣетъ соотвѣтствій внѣ индо-иранской группы; но греческое прилагательное Fεκών „охотный“, имѣющее удареніе на томъ же мѣстѣ, какъ и ἰών „идущій“, является причастіемъ не сохранившагося настоящаго времени, которое должно было соотвѣтствовать скр. váçmi.

β. Тематическій типъ. Въ противуположность предыдущему, этотъ типъ широко распространенъ, и мы видѣли на стр. 151, что основы, принадлежавшія къ атематическому типу въ своемъ развитіи вошли въ этотъ типъ, какъ, вѣроятно, гр. φέρω и т. д.; лат. rūdō и др.-вр.-нѣм. riuzzu „плачу“ произошли изъ атематическихъ формъ настоящаго времени съ вокализмомъ e, соотвѣтствующихъ скр. ródimi „рыдаю“, а лат. rūdō изъ формъ съ нулевымъ вокализмомъ:

лат. rŭdunt почти вполнѣ соотвѣтствуетъ скр. rudánti „рыдаютъ“.

Тематическій типъ имѣетъ двѣ главныя формы: ударяемый корень съ вокализмомъ e и ударяемый тематическій гласный съ нулевой вокализаціей корня, и эти двѣ формы имѣютъ и различное значеніе: если одинъ и тотъ же корень имѣетъ обѣ формы, то основа съ удареніемъ на корнѣ имѣетъ длительное значеніе, а основа съ удареніемъ на тематическомъ гласномъ обозначаетъ просто дѣйствіе и служитъ часто для образованія аориста; такъ:

скр. bódhati „разсматриваетъ“, гом. πεύθεσθαι (наст. вр.) „понимать, развѣдывать“, др.-сл. блюдѫ, гот. -biuda „приказываю“: вед. budhánta „они проснулись“, гр. πυθέσθαι (аористъ).

гр. λείπειν (наст. вр.) „оставлять“, лит. lëkù „оставляю“, гот. leihwa „ссужаю“, др.-вр.-нѣм. līhu: гр. λιπεῖν (аористъ), арм. elikh „онъ оставилъ“, др.-вр.-нѣм. liwi „ты ссудилъ“.

Удареніе на тематическомъ гласномъ сохранилось въ нѣкоторыхъ греческихъ повелительныхъ, какъ (F)ιδέ, λαβέ и др.

Греческій языкъ противуполагаетъ также наст. вр. δέρκεσθαι „смотрѣть“ аористу δρακεῖν; но соотвѣтствующій санскритскій корень не имѣетъ длительнаго значенія, и скр. ádarçam „я увидѣлъ“ служитъ аористомъ къ настоящему времени páçyati „вижу“, принадлежащему къ другому корню.

Настоящее время (формы какъ съ первичными, такъ и со вторичными окончаніями), образуемое отъ основы съ ударяемымъ тематическимъ гласнымъ, имѣетъ значеніе, повидимому, не настолько чисто длительное, какъ настоящее время типа съ ударяемымъ корнемъ; такъ рядомъ съ скр. tárati „собирается пройти, переправляется“ есть форма tiráti, которая въ сложеніи съ предлогомъ pra только и можетъ быть употреблена: prátirati „переправляется“; скр. giráti „глотаетъ“ и др.-сл. жьрѣтъ обозначаютъ дѣйствіе, не имѣющее оттѣнка длительности; скр. diçáti значитъ „показываетъ“ (ср. съ тѣмъ же мѣстомъ удаленія др.-норвежское tega „показывать“) при лат. dīcō (изъ deicō) „говорю“, гот. teihan „показывать“; скр. juṣáte „находитъ удовольствіе“ имѣетъ imperfectum со значеніемъ аориста въ Ригведѣ II, 37, 4, между тѣмъ какъ гр. γεύεσθαι есть настоящее время со значеніемъ

„отвѣдывать“ и гот. kiusan есть тоже наст. вр. со значеніемъ „пробовать, выбирать“.

Нѣкоторыя основы имѣютъ въ корнѣ вокализмъ o, такъ: гот. mala „мелю“, лит. malù при формахъ съ вокализмомъ e: ирл. melim „мелю“, и съ нулевымъ вокализмомъ: кимр. malaf, арм. malem „мелю“; o въ лат. molo можетъ восходить и къ *e и къ *o.

2. Основы настоящаго времени и аориста съ удвоеніемъ и нулевымъ суффиксомъ. — Эти основы отличаются отъ предыдущихъ только присутствіемъ нормальной формы удвоенія (см. стр. 148); онѣ также даютъ и настоящее время и аористъ.

Какъ настоящее время, онѣ обозначаютъ длительное дѣйствіе въ противуположность коренному аористу: типъ гр. ἵστημι — ἔστην; γίγνομαι — ἐγενόμην; τίκτω „рождаю“ (изъ *τιτκω) — ἔτεκον и т. д. (ср. стр. 163). Какъ аористъ, эти основы имѣютъ либо каузативное (винословное) значеніе, либо значеніе повторяющагося дѣйствія: λαχεῖν значитъ „получить по жребію“; а λελαχεῖν „заставить получить по жребію“; скр. ásiṣvapat значитъ „онъ усыпилъ“. Значеніе удвоенія иногда чувствуется слабо, какъ въ скр. ávocat „онъ сказалъ“, основа *we-ukʷe-, ср. гом. ἔ(F)ειπε (изъ *é-we-ukʷe-t).

Внѣ индо-иранской группы атематическій типъ сохранился только въ корняхъ, оканчивающихся на долгій гласный, какъ въ скр. dádhāmi „кладу“, гр. τίθημι. Но въ индо-иранскомъ сохранились основы этого рода и въ другихъ типахъ корней, какъ напр. скр. siṣakti „слѣдуетъ“ = зд. hišhaxti (индо-евр. корень *sekʷ-).

Въ тематическихъ формахъ корень имѣетъ нулевой вокализмъ, напр.:

скр. sá-ç-ati (наст. вр.) „слѣдуетъ“ при sácate „слѣдуетъ“, гр. ἑ-σπ-έσθαι (аористъ) при ἕπεσθαι „слѣдовать“.

скр. ja-ghn-at „убивающій“ (причастіе наст. вр.), гр. πε-φν-εῖν (аористъ) „убить“.

гр. γί-γν-ομαι „рождаюсь“, лат. gi-gn-o „рождаю“.

Исключеніе составляютъ нѣкоторые индо-иранскіе аористы, какъ скр. jíjanat „онъ родилъ“ = зд. zīzanaṭ.

3. Интенсивъ. — Интенсивъ слагается изъ корня съ интенсивнымъ удвоеніемъ и нулевымъ суффиксомъ; онъ со-

хранился только въ индо-иранскомъ обыкновенно въ атематической формѣ:

скр. dediṣ-ṭe „показываетъ“, 3 л. мн. ч. dédiç-ate „показываютъ“, зд. daēdōiš-t „онъ показалъ“,

а изрѣдка и въ тематической формѣ:

зд. naēnižaiti „очищаетъ“ (?) при скр. nenikte „моется“.

Если бы мы не имѣли внѣ индо-иранской области нѣсколькихъ примѣровъ этого типа, распространенныхъ вторичнымъ суффиксомъ *-ye-, какъ др.-сл. глаголѭ, гр. πορφύρω „волнуюсь (о морѣ)“, παμφαίνω „сіяю“ и т. д., то можно было бы сомнѣваться въ индо-европейскомъ характерѣ этоготипа. Даже и въ санскритѣ интенсивы, частые въ ведическомъ языкѣ, встрѣчаются въ позднѣйшихъ текстахъ гораздо рѣже.

Значеніе интенсива вытекаетъ изъ его образованія; онъ обозначаетъ повтореніе или усиленіе дѣйствія: санскритскія интенсивныя причастія дѣйств. зал. rérih-at и средняго зал. rerih-āṇa- означаютъ „лижущій въ нѣсколько пріемовъ“; между тѣмъ какъ réhmi значитъ „лижу“; скр. kánikran(t)-ti подчеркиваетъ силу звука, обозначаемаго простымъ глаголомъ krándati „кричитъ, мычитъ“. Собственно интенсивное значеніе чувствовалось только тогда, когда рядомъ существовала и простая, не интенсивная форма; скр. carkar-mi „призываю, прославляю“, стоящее отдѣльно, не имѣетъ вовсе интенсивнаго значенія, точно такъ же какъ аористы гр. ἤραρε „онъ приладилъ“, арм. arar „онъ сдѣлалъ“.

4. Основы съ конечнымъ долгимъ гласнымъ. — Въ концѣ глагольной основы гласные *ā, *ē, *ō имѣютъ двоякое значеніе. Часто они представляютъ долгій конечный звукъ двусложнаго корня, какъ напр. въ дор. ἔτλᾱν „я вынесъ“ при τελα-μών „ремень“, τάλᾱς „претерпѣвшій, несчастный“; гом. πλῆτο „наполнился“, скр. áprāt „наполнилъ“ при скр. pūr-ṇáḥ = лит. pìlnas „полный“; гр. ἔγνων „я узналъ“, скр. jñā-yāt „да знаетъ онъ“ при лит. žénklas „зналъ“ (см. стр. 100 и 134). Въ другихъ случаяхъ *ē и *ā являются суффиксами, что мы узнаемъ по одному изъ слѣдующихъ признаковъ: 1) Элементы *ē или *ā имѣютъ опредѣленное значеніе. — 2) Корень, къ которому они присоединяются, не двусложный. — 3) Одинъ и тотъ же корень имѣетъ формы и на *-ā- и на *-ē-: такъ какъ *ā не чередуется съ *ē, то по

крайней мѣрѣ одна изъ формъ заключаетъ суффиксъ. Такъ отъ односложнаго корня *men- „имѣть на умѣ“ существуетъ и основа *mºnē-, обозначающая состояніе, засвидѣтельствованная др.-сл. мьнѣти „думать“, лит. minėti, гот. munaiþ „думаетъ“ (и, можетъ быть, гр. μανῆναι), и основа *mnā- „вспоминать“ въ скр. желательномъ наклоненіи mnā-yāt „commemoret“ и въ производныхъ дор. μνᾱ-ομαι „вспоминаю“ μέμνᾱμαι „помню“. Отъ односложнаго корня *men- „оставаться“ существуетъ также основа *mºnē- въ лат. manēre „оставаться“ (ср. гр. μεμένηκα, образованное путемъ контаминаціи изъ *men-, сохраненнаго въ μένω „остаюсь“ и *mºnē-) и основа на *-ā- въ арм. mnam „остаюсь“ (изъ *mōnā- или *mēnā-). Отъ двусложнаго корня *bhewə- „дѣлаться“ съ одной стороны есть гр. φυῆναι, др.-сл. бꙑ (основа, выражающая состояніе), а съ другой стороны лат. -bā- въ типѣ amā-bās „ты любилъ“. Поэтому мы имѣемъ достаточно основаній для установленія суффиксовъ *-ē- и *-ā-.

α. Основы на *-ē-. — Этотъ типъ основъ хорошо представленъ въ славянскомъ, балтійскомъ и германскомъ, латинскомъ и греческомъ, но его вовсе нѣтъ въ индо-иранскомъ. Въ греческомъ онъ даетъ страдательные аористы съ нулевымъ вокализмомъ корня и съ удареніемъ на η: ἐκλάπην „я былъ похищенъ“, κλαπῆναι, κλαπείς: κλέπτειν „красть“; въ славянскомъ основа на -ѣ- въ аористѣ и неопредѣленномъ наклоненіи стоитъ рядомъ съ основой наст. вр. на -и-: мьн-ѣ-ти „думать“, мьн-ѣ-хъ: мьн-и-тъ; бѣд-ѣ-ти: бѣд-и-тъ (изъ *бѣд-ѣ-ти, *бѣд-и-тъ); смрѣд-ѣ-ти: смрѣд-и-тъ; и т. д.; въ литовскомъ то же самое: основы неопр. накл. на -ė- стоятъ рядомъ съ основами наст. вр. на -i-, означающими состояніе, какъ, напр., smird-ė-ti „вонять“: smìrd-i „воняетъ“; но бываютъ при нихъ и другія основы настоящаго времени, какъ лит. tek-ė-ti „бѣжать: tẽka „бѣжитъ“. Въ германскомъ и латинскомъ, гдѣ противуположеніе настоящаго времени и аориста не сохранилось, суффиксъ *-ē- далъ настоящее время: лат. tacēre „молчать“, др.-вр.-нѣм. dagē-n (изъ герм. *ƀaγē-). Эти основы обозначаютъ состояніе, и ихъ значеніе прекрасно опредѣляется противуположеніемъ лат. iacĕre „бросать“ и iacēre „лежать“, лит. gulìtis „ложиться“ и gulėti „лежать“. Поэтому большинство изъ нихъ имѣютъ непереходное значеніе, но это не существенно, и, напримѣръ, основа *widē- имѣетъ пере-

ходное значеніе въ лат. uidēre „видѣть“, гот. witaiþ „наблюдаетъ“, гр. Fιδη- (въ дорическомъ будущемъ времени ἰδή-σω) и въ др.-сл. **видѣ-ти** (съ кореннымъ *ei, явившимся путемъ контаминаціи съ основою *weid- съ нулевымъ суффиксомъ, ср. стр. 164); точно такъ же др.-вр.-нѣм. habē-m „держу, имѣю“ противуполагается гот. haf-ja „хватаю, подымаю“ (ср. лат. cap-io „беру“), лит. turė-ti „имѣть“ противуполагается tvér-ti „брать“, лат. habē-re „имѣть“— др.-ирландскому gaibim „беру“, и греческій языкъ имѣетъ σχή-σω „буду имѣть“ рядомъ съ ἔχω „имѣю“, аор. ἔ-σχον.

β. Основы на *-ā-. — Основы на *-ā- менѣе ясны, чѣмъ предыдущія и не сохранились почти нигдѣ въ своей старой формѣ. Лучшіе примѣры этихъ основъ даетъ славянскій языкъ: др.-сл. **имамь**, польск. mam „имѣю“ предполагаетъ *°m-ā при глаголѣ **имѫ** (основа *°me-) „беру“, выражающемъ просто дѣйствіе, и при глаголѣ длительнаго значенія **емлѫ** (основа *emye-), ср. лат. emō „покупаю“ (ex-imo „вынимаю“). Можетъ быть, эта основа на *-ā- послужила основою неопредѣленнаго наклоненія и аориста въ славянскихъ глаголахъ длительнаго вида: **пѣса-ти** (основа *pik$_1$-ā-?) при настоящемъ времени **пишѫ** (основа *peik$_1$-ye-): въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ корень имѣетъ нулевой вокализмъ. Тотъ же суффиксъ *-ā- образуетъ въ славянскомъ его обычный многократный видъ съ долгимъ кореннымъ гласнымъ: **-гнѣтати** при **гнетѫ**, **мѣтати**: латышскій языкъ имѣетъ то же mētā-t „бросать“ и лат. cēlā-re „скрывать“ при (oc-)culō (изъ *kelō) при др.-вр.-нѣм. helan „скрывать“ и др.-ирл. celim „скрываю“. Длительное значеніе мы находимъ еще въ лат. (oc-)cupāre „занимать“, ср. capere „брать“; (ac)-cubāre „прилежать“, ср. (ac-)cumbere „прилежать“ и т. д.; въ арм. kea-m „живу“ (и.-е. основа *g^{w}iyā-), гдѣ корень имѣетъ нулевой вокализмъ, какъ и въ др.-слав. **пѣсати**. Вокализмъ *o въ др.-вр.-нѣм. manō-n „предупреждать“ и въ лит. (į-)manaū „понимаю“, (į-)mānо „понимаетъ“, повидимому, заимствованъ изъ типа на *-eye- лат. moneō „увѣщеваю“, ср. лит. (į-)manýti „понимать“; арм. (i-)manam „понимаю“ имѣетъ нулевой вокализмъ и предполагаетъ, быть можетъ, *m°nā- со значеніемъ, подобнымъ значенію окончаній средняго залога, какъ напр. въ лат. lauāre „мыться“ при lauere „мыть“.

5. Суффиксъ *-ye-: *-i- (*-ī-). — Балтійскій и славянскій языки имѣютъ рядъ атематическихъ образованій настоящаго времени, обозначающихъ состояніе, которыя характеризуются въ литовскомъ -i- (короткимъ), а въ славянскомъ -н- (долгимъ, но съ восходящей интонаціей, а не съ нисходящей, какъ старое *ī)

лит. min-i	др.-сл. мьн-н-тъ „думаетъ“
smird-i	смрѣд-н-тъ „воняетъ“
„	бѣд-н-тъ „бодрствуетъ“

Въ латинскомъ и германскомъ почти всѣ эти образованія замѣнены формами на *-ē-, соотвѣтствующими такимъ основамъ, какъ лит. budėti „бодрствовать“, др.-сл. бѣдѣти; только латинскій сохранилъ слѣдъ этихъ основъ въ производныхъ на *-ske-, какъ (re-)minī-scor, (com-)minī-scor „вспоминаю“. Греческій и индо-иранскій языки имѣютъ только тематическія формы: значеніе и нулевой вокализмъ корня въ гр. χαίρω „радуюсь“, φαίνομαι „являюсь“ (аор. χαρῆ-ναι, φανῆ-ναι), совершенно отличаются отъ значенія и вокализма типа δείρω „деру“, τείνω „тяну“ и т. д. и этимъ указываютъ на образованіе, родственное балтійско-славянскому типу; въ санскритѣ родственнымъ этому типу оказывается страдательный залогъ на -ya-: budh-yá-te „пробуждается“ ясно напоминаетъ др.-сл. бѣдн-тъ (изъ *бъдн-тъ); точно также скр. pū-ya-ti „воняетъ“ образовано такъ же, какъ и лит. smirdi, др.-сл. смрѣдѣтъ: нулевой вокализмъ и значеніе соотвѣтствуютъ вполнѣ. Не вполнѣ ясно мѣсто ударенія: санскритъ обыкновенно имѣетъ удареніе на суффиксѣ, но иногда и на корнѣ, какъ напр. múcyate рядомъ съ mucyáte „отпускается“, и въ литовскомъ мы находимъ tùrįs „имѣющій“ рядомъ съ regį̃s „видящій“. Наконецъ, надо указать на такія армянскія страдательныя формы, какъ berim „меня несутъ“ съ -ĭ- какъ въ балтійскомъ и славянскомъ, при berem „несу“.

6. Каузативы и итеративы на *-eye-: *-ĭ- (*-ī-). — Первичные индо-иранскіе глаголы на -aya-, имѣющіе въ санскритѣ удареніе на первомъ a суффикса -áya-, имѣютъ всегда въ корнѣ передъ сонантомъ со слѣдующимъ согласнымъ индо-иранскій вокализмъ a, какъ напр. скр. vartáyat „вращаетъ“; передъ конечнымъ согласнымъ или сонантомъ

корня они имѣютъ индо-иранскій вокализмъ ā, если форма имѣетъ каузативное значеніе: скр. svāp-áya-ti „усыпляетъ“, и вокализмъ ă, если форма имѣетъ итеративное значеніе: скр. pat-áya-ti „летаетъ“ (дѣйствіе длительное и повторяющееся).

Въ греческомъ этому образованію соотвѣтствуетъ типъ φορέω „ношу“ при φέρω „несу“, φοβέω „пугаю“ при φέβομαι „боюсь“; въ лат. moneo „заставляю думать, увѣщеваю“, noceo „врежу“ (ср. nex „убійство“), spondeo „обѣщаю“ (ср. гр. σπένδω). Въ этихъ греческихъ и латинскихъ формахъ мы имѣемъ суффиксъ *-eye-, тематическій, какъ и въ санскритѣ, и вокализмъ корня -ŏ.

Въ славянскомъ вокализмъ корня тоже ŏ, но суффиксъ—атематическій, -н- (ī съ восходящей интонаціей) кромѣ перваго лица ед. ч.: др.-сл. **кратн-тъ** при скр. vartáya-ti; **бѫдн-тъ** при скр. bodháya-ti „будитъ“ и т. д.; но 1 л. ед. ч. будетъ **крашѫ**, **бѫждѫ** (изъ ***корт-иѫ**, ***бѫд-иѫ**). Латинскій имѣетъ также sōpī-s „усыпляешь“ при скр. svāpáya-si, но 1 л. ед. ч. sōpiō; то же самое въ гот. (fra-)wardeiþ „губитъ“ (при (fra-)wairþiþ „гибнетъ“), но 1 л. ед. ч. (fra-)wardja; этотъ суффиксъ, какъ и въ санскритѣ, имѣетъ на себѣ удареніе, и вокализмъ корня здѣсь тоже *ŏ. Ирландскія формы guidim „прошу“ (ср. гр. ποθέω „хочу“), guirim „грѣю“ и т. д. могутъ быть объяснены и изъ *-eye- и изъ *-ī-.

Вокализмъ корня *ō въ такихъ каузативахъ, какъ скр. svāpáyati „усыпляетъ“ и лат. sōpit „усыпляетъ“, встрѣчается также и въ славянскомъ, напр., въ (**нѫ-**)**бѫкнтъ** при скр. bhāvayati „заставляетъ становиться“, и въ германскомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда настоящее вр. не каузативнаго значенія имѣетъ вокализмъ *o (герм. a): др.-вр.-нѣм. fuoren (герм. *fōrjan) „вести“ при faran „итти“.

За исключеніемъ различій въ подробностяхъ, касающихся тематической или атематической формы суффикса и вокализма корня *ŏ или *ō, этотъ типъ глаголовъ ясенъ; примѣровъ его довольно много, такъ:

гр. (F)οχέω „вожу“, гот. (ga-)wagja „привожу въ движеніе“, др.-сл. **вознтъ**.

скр. lobháyati „возбуждаетъ желаніе“, гот. (us-)laubjan „позволять“.

7. Сигматическій аористъ. — Сигматическій аористъ представляетъ нѣсколько своеобразныхъ особенностей:

α. Суффиксъ его *-s- не имѣетъ никакого гласнаго звука. Звукъ *e такихъ аористовъ, какъ гом. ἐκόρεσσα „я насытилъ“ не относится къ суффиксу: это второй элементъ двусложнаго корня, засвидѣтельствованный удареніемъ коренного слога въ лит. szérti „питать“ (см. выше стр. 80).

β. Корень имѣетъ ступень *ē въ дѣйствительномъ залогѣ: скр. ávāk̠sam „я везъ“ (3 л. ед. ч. avāṭ), др.-сл. **вѣсъ**, лат. uēxī; въ среднемъ залогѣ корень имѣетъ вокализмъ *e, какъ въ скр. maṃsi „я думалъ“, или нулевой вокализмъ, какъ въ скр. ádik̠si „я показалъ“. Такимъ образомъ корень является здѣсь не какъ элементъ, предшествующій суффиксу, и потому неизмѣнный, но какъ элементъ, предшествующій окончанію, и потому подверженный измѣненіямъ. — Нѣтъ возможности опредѣлить, представляетъ ли ει въ гр. ἔδειξα „я показалъ“, ερ въ гр. ἔτερψα „я удовлетворилъ“ и т. д. отраженіе *ēi, *ēr или *ei, *er и т. д., такъ какъ въ подобномъ положеніи *ēi, *ēr и т. д. и *ei, *er и т. д. даютъ въ греч. одинаково ει, ερ и т. д. Либо по аналогіи съ этими формами, либо вслѣдствіе распространенія вокализма средняго залога и сослагательнаго накл. дѣйств. залога, греческій языкъ не сохранилъ нигдѣ никакого слѣда вокализма *ē въ сигматическомъ аористѣ.

γ. Даже при атематическомъ спряженіи удареніе остается неизмѣнно на элементѣ, предшествующемъ суффиксу, т. е. на корнѣ, въ формѣ безъ приращенія: такъ окончаніе средняго залога не имѣетъ ударенія въ вед. vámsi „я выигралъ“, точно также не имѣетъ ударенія суффиксъ причастія въ вед. dákṣat „сжегшій“; ср. мѣсто ударенія въ гр. δείξᾱς „показавшій“, δεῖξαι „показать“.

Аористы деноминативныхъ глаголовъ, какъ греч. ἐτῑ́μησα „я почтилъ“, др.-сл. **дѣлахъ** и др.-ирл. ro charus „я любилъ“ представляютъ результатъ самостоятельнаго развитія въ греческомъ, славянскомъ и кельтскомъ: на это указываетъ уже фонетика, такъ какъ ни σ между двумя гласными въ греч. ἐτῑ́μησα и въ др.-ир. ro charus, ни х послѣ л въ слав. **дѣлахъ** не соотвѣтствуютъ фонетическимъ законамъ отраженія и.-е. *s въ этихъ языкахъ.

Форма суффикса аориста *-is- засвидѣтельствована до-

вольно многочисленными примѣрами такихъ санскритскихъ аористовъ, какъ ápāviṣam „я очистилъ“, ábhāriṣam „я несъ“, гатскимъ xšnəvīšā „я удовлетворилъ бы“ (сослагательное наклоненіе) и суффиксомъ -is- латинскаго типа ēg-is-ti, ēg-is-tis, ēg-ĕr-unt.

8. Формы на *-sye-, *-se-. — Индо-иранское будущее на -sya-, засвидѣтельствованное скр. vak-syá-mi „буду говорить“, гат. vax-šyā, слѣдуетъ сближать съ литовскимъ будущимъ: lìk-siu „оставлю“, а также съ суффиксомъ *-se- гр. λείψω „оставлю“, лат. dīxō „скажу“ и т. д.; чередованіе *-sye- и *-se- не болѣе странно, чѣмъ чередованіе *-syo- и *-so- въ родит. п. ед. ч.: гат. ča-hyā „кого“ и др.-сл. **чєсо**, др.-вр.-нѣм. hwe-s „кого“. Это чередованіе формъ будущаго представляетъ нѣкоторыя особенности. Съ одной стороны будущее время встрѣчается очень рѣдко въ древнѣйшихъ индо-иранскихъ текстахъ: вся Ригведа имѣетъ только 15 примѣровъ личныхъ формъ будущаго времени (причастіе нѣсколько менѣе рѣдко); точно также и славянскій языкъ имѣетъ только одинъ примѣръ: причастіе **бꙑшаштєіє** „будущее“. Съ другой стороны литовское будущее не соотвѣтствуетъ точно индо-иранскому будущему: спряженіе его въ различныхъ діалектахъ имѣетъ то суффикъ -si-, то -s-; напр. 1 л. мн. ч. будетъ lìksime или lìksme „оставимъ“, иначе чѣмъ въ скр. vak-syá-maḥ „будемъ говорить“. Мѣсто ударенія въ греч. λείψειν, λείψων не соотвѣтствуетъ мѣсту ударенія въ скр. vakṣyáti „будетъ говорить“, но соотвѣтствуетъ положенію ударенія въ лит. lìkseˇs „который оставитъ“.

Въ латинскомъ и ирландскомъ образованіе на *-se- служитъ сослагательнымъ наклоненіемъ: лат. faxit „сдѣлалъ бы“, др.-ирл. -tess (изъ *steik-se-t) „онъ шелъ бы“. Въ ирландскомъ такія основы на *-se- съ удвоеніемъ обозначаютъ будущее время, напр. gessu „я помолился бы“ (сослаг. накл. къ guidim), gigse „я буду молиться“.

Рядомъ съ *-se- существуетъ еще форма на *-əse-: скр. kar-iṣyá-ti „сдѣлаетъ“, гр. μενέω „останусь“.

Какъ греческое будущее отъ глаголовъ съ корнемъ, оканчивающимся на -ν, -ρ, -μ, -λ образуется на -εω (древнее *-əso-), точно такъ же санскритскій дезидеративъ образуется

суффиксомъ *-se- послѣ согласнаго и суффиксомъ *-əse- послѣ сонанта; при rírikṣati „хочетъ оставить“, мы имѣемъ cíkīrṣati „хочетъ дѣлать“, гдѣ -īrṣ- отражаетъ *r + *əs- (корень — односложный, какъ на это указываетъ kṛtáḥ „сдѣланный“); литовскій имѣетъ также kláusiu „спрашиваю“ (соб. „хочу слышать“) изъ *klow-əs-, при klaũso „слышитъ“ изъ *klou-s-.

Всѣмъ этимъ образованіямъ на *-s- въ индо-европейскомъ, повидимому, было присуще дезидеративное значеніе (ср. выше стр. 161).

9. Основы съ носовымъ инфиксомъ. — Основы съ носовымъ инфиксомъ хорошо сохранились только въ индоиранскомъ: дѣло происходитъ такъ, какъ будто элементъ *-ne- вставляется передъ послѣднимъ звукомъ корня; корень имѣетъ нулевой вокализмъ, и, такъ какъ эти формы — атематическія, элементъ *-ne- со слѣдующимъ конечнымъ звукомъ корня составляетъ элементъ, предшествующій окончанію, и даетъ чередованіе *e: нуль при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ другихъ атематическихъ формахъ. Такъ напр.:

корень *yeug-: скр. yu-ná-k-ti „соединяетъ“, 3 л. мн. ч. yu-ñ-j-ánti;

корень *bheid-: скр. bhi-ná-t-ti „разсѣкаетъ“, 3 л. мн. ч. bhi-n-d-ánti;

корень *leikʷ-: скр. ri-ṇá-k-ti „оставляетъ“, 3 л. мн. ч. ri-ñ-c-ánti, зд. iri-na-x-ti „оставляетъ“.

Какъ и всѣ подобныя формы, эти основы нигдѣ болѣе не сохранились въ своемъ атематическомъ видѣ; даже въ дальнѣйшемъ развитіи языковъ Индіи онѣ сдѣлались тематическими, и пали, напр., имѣетъ bhindati „разсѣкаетъ“; то же самое случилось и въ латинскомъ, гдѣ мы находимъ: iungō „соединяю“ (ср. лит. jùngiu, съ суффиксомъ *-ye-), findō „раскалываю“, linquō „оставляю“, и въ балтійскомъ, гдѣ мы имѣемъ напр. др.-прусск. (po-)linka- „остается“.

Особаго разсмотрѣнія требуютъ корни, оканчивающіеся на *-u, какъ *welu (лат. uoluo „качу“ и т. д. ср. стр. 136), этотъ корень образуетъ основу съ носовымъ инфиксомъ *wl̥-ne-u-: скр. vṛṇómi „покрываю, заворачиваю“; отъ корня *steru-, *streu- (гот. strauja „распростираю“) — *str̥-ne-u-, *str̥-n-u-: скр. str̥ṇómi „распространяю“, str̥ṇumáḥ

„распространяемъ“, гр. στόρνῡμι (съ ῡ вмѣсто ευ подъ вліяніемъ аналогіи) „стелю“, στόρνυμεν „стелемъ“; отъ корня *(o)reu- (гр. ὀρούω „подымаюсь“) — *r̥-ne-u- (*or-ne-u): скр. r̥-ṇó-mi „привожу въ движеніе“, гр. ὄρνῡμι „подымаю“. Вслѣдствіе различныхъ вліяній аналогіи *-neu-, *-nu- стали сознаваться, какъ суффиксы, и греческій языкъ, какъ извѣстно, замѣняетъ ими старые атематическія формы съ носовымъ инфиксомъ: ζεύγνῡμι „соединяю“ при скр. yunákti, лат. iungō.

Возьмемъ еще двусложный корень, оканчивающійся долгимъ гласнымъ, чередующимся съ *ə, наприм. *menthə-, *mn̥thā-, засвидѣтельствованный скр. mánthi-tā „взбалтыватель“, mathā-yáti „взбалтываетъ“, mathi-táḥ „взболтанный“, др.-сл. матѫ; мы ожидаемъ *mn̥th-ne-ə-, *mn̥th-n-ə, и дѣйствительно мы имѣемъ 1 л. мн. ч. скр. math-nī-máḥ „взбалтываемъ“ (съ ī вм. i отражающаго *ə); что касается *mn̥th-ne-ə-, то здѣсь мы имѣемъ такую форму, какъ будто *eə сливается въ *ā, скр. mathnāmi; по этому поводу слѣдуетъ напомнить, что *yə, *wə отражаются въ видѣ *ī, *ū (ср. выше стр. 98) и что съ морфологической точки зрѣнія *ā играетъ ту же роль, какъ гласный + сонантъ (ср. выше стр. 132 сл.). Точно такъ же отъ *pelə- (см. стр. 133) мы имѣемъ *pl̥nā-, *pl̥nə-: скр. pr̥ṇáti „наполняетъ“, pr̥ṇīmáḥ „наполняемъ“; отъ *pewə- (см. стр. 135), *punā-, *punə-: скр. punā́mi „очищаю“, punīmáḥ „очищаемъ“; точно также въ греческомъ, дор. δάμνᾱμι „укрощаю“, δάμναμες при гомер. ἐδάμασσα, дор. ἐδμᾱ́θην; πέρνημι „просверливаю“ (περνᾱμι), πέρναμεν при ἐπέρασσα, πιπρᾱ́σκω „продаю“; то же и въ древневерхне-нѣмецкомъ ginōm „зѣваю“ при лат. hiā-re зѣвать“, лит. žiọ́-ti „зіять“. — Какъ и *-neu-, *-nā- распространился на корни не двусложные и, напр., отъ *bhendh- санскритъ имѣетъ badhnāti „связываетъ“.

10. Суффиксъ *-ye-. — Изъ всѣхъ индо-европейскихъ суффиксовъ суффиксъ *-ye- имѣлъ самое широкое распространеніе: онъ далъ большинство глагольныхъ образованій, употребляющихся въ исторически засвидѣтельствованныхъ языкахъ.

Онъ образуетъ большинство глаголовъ отъ именныхъ основъ, деноминативные глаголы; такъ

отъ основъ на *-s-: отъ скр. ápas- „дѣло“ — apas-yáti „дѣйствуетъ“; отъ гр. τελεσ- „конецъ“ — τελείω „оканчиваю“ (изъ *τελεσ-γω); отъ гот. riqis „тьма“ — riqiz-ja „затмеваюсь“;

отъ основъ на *-n-: отъ скр. vr̥ṣan- „самецъ“, vr̥ṣan-yá-ti „находится въ періодѣ течки“; отъ гр. *τεκτον- (τέκτων „плотникъ“) — τεκταίνω „плотничаю“, отъ *ονομν- (ὄνομα „имя) — ὀνομαίνω „именую“; отъ гот. namin- (namo „имя“)— namnja „называю“;

отъ основъ на *-i-: отъ скр. jani- „женщина“ — janī-yá-ti „ищетъ женщину“, ср. др.-сл. **женитъ сѧ**; отъ гр. μῆνις „гнѣвъ“ — μηνί-ω „гнѣваюсь“.

отъ основъ на *-e-/*-o-: отъ скр. vasná- „цѣна“ скр. vasna-yá-ti „торгуетъ“, ср. гр. ὦνος „купля“ и ὠνέομαι „покупаю“; отъ *sene- „старый“ (скр. sánaḥ, лит. sẽnas), лит. senė-ju „старѣю“, лат. sene-ō; гр. δηλόω „объясняю“ отъ δῆλος „ясный“, лит. dagŭju „жну“ отъ dāgas „жатва“;

отъ основъ на *-ā-: отъ скр. pr̥tanā- „сраженіе“ — pr̥tanā-yá-ti; отъ гр. τῑμᾱ- „честь“ — τῑμά-ω „почитаю; отъ лит. (pā-)sako- „разсказъ“ — (pā-)sako-ju „разсказываю“; отъ др.-сл. **которꙗ-** „сраженіе“ — **которꙗ-ѭ** „сражаюсь“.

Сочетаніе конечнаго гласнаго основы съ суффиксомъ *-ye- часто было принимаемо за новый суффиксъ и давало новыя образованія; такъ въ лат. мы имѣемъ operārī „работать“ отъ opera „работа“, и по аналогіи отношенія opus „дѣло“ — operārī было образовано uolnerāre „ранить“ къ uolnus „рана“ и т. п.

Суффиксъ *-ye- образуетъ также производные глаголы отъ глаголовъ, verba deverbativa; такъ образуются производные:

отъ интенсивовъ, какъ скр. dediç-yá-te „показываетъ“ отъ dédiṣ-te „показываетъ“; очень часто первичная форма вовсе не сохранилась, какъ въ вед. coṣkū-yá-te „покровительствуетъ“; въ греческомъ и славянскомъ сохранились только формы съ вторичнымъ суффиксомъ: др.-сл. **глаголѭ**, гр. ποιφύσσω (изъ *ποιφυκ-γω) „дую“, παμφαίνω (изъ *παμφαν-γω) „сіяю“;

отъ основъ съ носовымъ инфиксомъ, какъ лит. jùng-iu „привязываю“ при скр. yunákti, лат. iungō; атт. κλῑ́νω, лесб. κλίννω (т. е. *κλιν-γω) „склоняю“ отъ *klinā-, *klinə-, ср. др.-сакс. hlinōn „опираться“;

отъ основъ на долгій гласный, какъ гр. μνᾶ-ομαι „вспоминаю“ отъ *mnā- (ср. выше стр. 168) и славянскіе итеративы типа -гнѣта-ѭ.

Когда *-ye- слѣдуетъ непосредственно за корнемъ, нѣтъ основанія разсматривать вслѣдствіе этого основу, какъ первичную: такое настоящее вр., какъ скр. páç-ya-ti „смотритъ“, лат. spec-iō „смотрю“ можно разсматривать какъ деноминативъ отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ *spek$_1$- „смотрящій“, напр. въ лат. au-spex „птицегадатель“; такое настоящее время, какъ др.-сл. вѣ-ѭ, гот. wai-a „вѣю“ можетъ быть производнымъ отъ основы *wē- съ нулевымъ суффиксомъ, засвидѣтельствованной скр. vā́-ti „вѣетъ“, гр. ἄ(F)ημι; гр. θείνω „бью“ форма производная отъ атематической формы, сохраненной въ скр. hánti = зд. jainti „бьетъ“. Точно также можно толковать и всѣ глаголы, подобные гр. τείνω „тяну“, σχίζω „сѣку, колю“, др.-сл. лижѫ, лит lëžiù „лижу“ (отъ атематической формы, сохраненной въ скр. réhmi, léhmi), и т. д.; это образованіе особенно часто встрѣчается въ греческомъ, балтійскомъ и славянскомъ.

Такимъ образомъ, какъ показываютъ приведенные примѣры, суффиксъ *-ye- не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія: онъ служитъ просто для образованія производныхъ формъ.

Въ индо-иранскомъ, греческомъ, армянскомъ, славянскомъ и балтійскомъ суффиксъ имѣетъ постоянно тематическую форму; только въ латинскомъ, кельтскомъ и германскомъ онъ имѣетъ рядомъ съ тематическими формами также и атематическія: лат. capiō „беру“, capiunt „берутъ“, гот. hafja „беру“, hafjand „берутъ“; но лат. capĭ-s, capĭ-t, capĭ-mus, capĭ-tis; sāgī-s „чуешь“, sāgi-t (изъ *sāgī-t), sāgī-mus, sāgī-tis; гот. hafji-s „берешь“ (вм. hafi-s; старая форма сохранилась въ западно-германскомъ: др.-вр.-н. hevis, др.-сакс. hefis) и т. д., sokeis „ищешь“. Древне-ирландскій яз. имѣетъ форму -gaib „беретъ“ (изъ *-gabĭt), gaib „бери“ (изъ *gabĭ; ср., для конечнаго звука, лат. cape изъ *capĭ) и -lēici „оставляетъ“ (изъ *-lēcīt), lēic „оставь“ (изъ *lēcī, ср. латинскій типъ sāgī); и онъ, слѣдовательно, представляетъ формы, сходныя съ германскими и италійскими.

Санскритскіе деноминативы имѣютъ обыкновенно уда-

реніе на суффиксѣ, какъ напр. въ приведенныхъ примѣрахъ pr̥tanāyáti „сражается“ и т. д., но иногда и на предшествующемъ суфиксу элементѣ или на другомъ слогѣ именной основы: mantráyate „произноситъ молитву“ (mántra-); то же мы находимъ и въ другихъ языкахъ: русск. играю отъ игра; лит. pāsako-ju „разсказываю“ отъ pāsaka; гр. τῑμά-ων, τῑμῶν „почитающій“ отъ τῑμή; гдѣ суффиксъ *-ye- непосредственно слѣдуетъ за корнемъ, удареніе лежитъ на предшествующемъ суффиксу элементѣ: скр. páç-ya-ti „смотритъ“, русск. лижетъ (основа *лиз-je), лит. szaũk-iąs „кричащій“ (причастіе), гр. τείνειν „тянуть“, τείνων „тянущій“.

11. Суффиксъ *-ske-. — Форма этого суффикса устанавливается слѣдующимъ соотвѣтствіемъ: 1 л. ед. ч. дѣйств. зал. гр. -σκω = лат. -scō = др.-вр.-н. -sku; санскритъ имѣетъ -ccha- и зендъ -sa-, напр. скр. gácchati, зд. ǰasaiti „идетъ“ при греч. βάσκω; скр. pr̥cchắti, зд. pərəsaiti „спрашиваетъ“ при лат. poscō (изъ *porc-scō) „требую“, др.-вр.-нѣм. forscōn „разыскивать“, скр. icchắti, зд. isaiti „желаетъ“ при др.-вр.-нѣм. eiscōn „спрашивать“, умбр. eiscurent „poposcerint“; скр. -cch- = зд. -s- представляютъ правильное отраженіе въ индо-иранскомъ индо-евр. *-sk- передъ *e; звукъ *k этой группы есть восточное *k (см. стр. 73 сл.), а не *k_1, такъ какъ въ славянскомъ санскритскому icchắmi „желаю“ соотвѣтствуетъ **искѫ**; а скр. icchắti точно такъ же измѣняетъ свой гортанный звукъ, какъ др.-сл. **ищетъ** (изъ ***ищѫетъ**), и въ icchánti „желаютъ“, гдѣ -anti восходитъ къ *-onti, измѣненіе гортаннаго звука произошло по аналогіи съ icchắti.

Суффиксъ *-ske- вторичный: такъ въ греч. γηρά-σκω „старѣю“ отъ γῆρας „старость“, μεθύ-σκω „пьянѣю“ отъ μέθυ „вино“; производныя формы настоящаго времени отъ основъ на *-i- (ср. выше стр. 171), какъ гр. εὑρί-σκω „нахожу“ рядомъ съ основами на *-ē-, какъ εὑρή-(σω), ἁλί-σκομαι „меня берутъ“ рядомъ съ основами на -ω-, какъ ἁλῶ-ναι и т. д.; въ лат. hiā-sce-re „раскрываться“ отъ hiāre „зіять“, rubē-sce-re „краснѣть“ отъ rubēre „быть краснымъ“, (ob-)dormī-sce-re „засыпать“ отъ dormīre „спать“ и т. д.; въ иранскомъ зд. основа γri-sa- „просыпаться“ отъ основы на *-i-, какъ гр. εὑρίσκω и т. д.; зд. taf-saiti „нагрѣвается“ — производное

отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ, засвидѣтельствованной скр. причастіемъ средн. залога tap-ānáḥ „грѣющійся“, между тѣмъ какъ лат. tepē-scere „нагрѣваться“ происходитъ отъ tepēre „быть теплымъ“. Такая основа, какъ скр. gácchati „идетъ“, зд. ǰasaiti, гр. βάσκω происходитъ отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ, засвидѣтельствованной скр. ágan, арм. ekn „онъ пришелъ“; и, если мы нигдѣ не встрѣчаемъ основы съ нулевымъ суффиксомъ, отъ которой произошли скр. pr̥cchắti „спрашиваетъ“, зд. pərəsaiti, лат. poscō, арм. harçi „я спросилъ“ (съ ç отражающимъ *sk), то это, несомнѣнно, случайность.

Что касается значенія, то суффиксъ *-ske- во вторичныхъ образованіяхъ играетъ почти ту же самую роль, что носовый инфиксъ въ первичныхъ образованіяхъ: онъ обозначаетъ начало дѣйствія и образуетъ инхоативы; онъ встрѣчается въ такихъ корняхъ, которые представляютъ то форму на *-ske-, то форму съ носовымъ инфиксомъ; такъ при формѣ съ носовымъ инфиксомъ скр. jānắti „знаетъ“, гот. kunnan „знать“, въ латинскомъ мы встрѣчаетъ (g)nō-scō „узнаю“ и въ гр. γνώ-σκω (и γιγνώσκω) отъ основы *g_1nō-, засвидѣтельствованной гр. γνῶναι; при греческой формѣ съ носовымъ инфиксомъ κί-ν-υ-ται „бросается, устремляется“, мы встрѣчаетъ въ зендѣ šusaiti (изъ иран. *čyu-sa-) отъ основы съ нулевымъ инфиксомъ *kyeu-, засвидѣтельствованной вед. cyáv-ānaḥ „устремляющійся“ и гом. ἔσσυτο (изъ *e-kyu-to) „бросился“, ср. скр. cyávate „бросается“ и гр. σεύω „устремляюсь“.

12. Суффиксъ *-ne-. — Этотъ суффиксъ служитъ для производства начинательнаго настоящаго времени отъ коренныхъ основъ, особенно отъ основъ аориста. Въ формѣ *-ne- онъ является главнымъ образомъ въ армянскомъ, славянскомъ и германскомъ, а спорадически и въ другихъ языкахъ: арм. dnem „кладу“ (изъ *dinem), произведено отъ основы аориста di- = скр. dhā-; др.-сл. **стлнѫ**, отъ **ста-** = скр. sthā-, дор. στᾱ-; гот. fraihna „спрашиваю“, гр. πίνω „пью“, лит. aunù „одѣваюсь“ и т. д. Форма *-°ne- имѣетъ ту же функцію въ балтійскомъ, армянскомъ и греческомъ: лит. bùdinu „бужу“, арм. lkhanem „оставляю“ отъ основы аориста *likhe- = гр. λιπε- (форма съ носовымъ суффиксомъ здѣсь

занимаетъ мѣсто старой формы съ носовымъ инфиксомъ: скр. riṇákti „оставляетъ“, лат. linquō); гр. ἀλφάνω „приношу“ къ ἀλφεῖν. Греческій языкъ присоединяетъ этотъ суффиксъ къ формѣ съ носовымъ инфиксомъ, откуда πυνθάνομαι „узнаю“ при лит. bundù „просыпаюсь“. Нѣсколько формъ настоящаго вр. на *-ne- произошли путемъ перехода формъ на *-nā- въ тематическій типъ, напр. гр. κάμνω „устаю“, рядомъ съ κάματος „усталость“, κμητός (κμᾱτός) „обработанный“ и съ вед. çamnīṣe „стараешься“. Образованія на *-ne- или *-ºne-, которыя мы встрѣчаемъ въ различныхъ языкахъ, являются результатомъ сложныхъ нововведеній и не отражаютъ непосредственно индо-европейскаго состоянія.

Нѣкоторыя неясныя образованія. — Кромѣ трехъ указанныхъ вторичныхъ суффиксовъ, повидимому, существовало еще много другихъ, распространеніе и значеніе которыхъ уже не можетъ быть выяснено. Такъ въ греческомъ сохранились слѣды суффикса *-dhe- въ видѣ -θε-: дор. ἔσ-θω „ѣмъ“, ср. ἔδω и скр. ádmi „ѣмъ“; πλή-θω „я полонъ“, ср. ἔ-πλη-το скр. áprāt „онъ наполнилъ“; σχέ-θω (conj. aor.) „удержу“, ср. ἔσχον: πελάθω „приближаюсь“ отъ πέλας „вблизи“, и т. д.; то же самое *-dhe- мы встрѣчаемъ въ гот. walda „владѣю“, др.-сл. владѫ, лит. véldu, при др.-ирл. flaith „господство“ и лат. uolō, uolt, и т. д. — Суффиксъ *-k- въ греч. ἔθηκα „я положилъ“ (мн. ч. ἔθεμεν), лат. fē-c-ī „я сдѣлалъ“ (при скр. ádhāt „онъ положилъ“) и въ гр. ἦ-κ-α „я бросилъ“, лат. iē-c-ī есть тоже суффиксъ вторичный, но атематическій. — Примѣровъ подобнаго рода можно было бы привести довольно много.

b. Perfectum.

При большомъ разнообразіи образованій настоящаго времени и аориста, перфектъ представляетъ всего только одинъ типъ формъ. Перфектъ всегда примыкаетъ непосредственно къ корню, и его имѣютъ всѣ корни за рѣдкими исключеніями (напр. корень *ei- „итти“).

Перфектъ представляетъ атематическое образованіе, которое характеризуется: 1) удвоеніемъ (см. выше стр. 148); 2) вокализмомъ корня *o въ тѣхъ лицахъ, которыя обыкновенно въ атематическомъ типѣ настоящаго времени имѣютъ

въ предшествующемъ окончанію элементѣ вокализмъ *e; 3) нѣкоторыми особыми окончаніями (*-a въ 1 л. ед. ч. дѣйств. зал. и др.) и суффиксомъ причастія дѣйствит. залога. Индоиранскій языкъ даетъ больше всего хорошихъ примѣровъ этихъ основъ, но вокализмъ ихъ яснѣе въ греческомъ:

πείθω		πέποιθα	гом.	πέπιθμεν
ἐλεύσομαι	гом.	εἰλήλουθα	атт.	ἐλήλυθμεν
μένος		μέμονα		μέμαμεν
πένθος		πέπονθα	гом.	πεπαθυῖη (причастіе)
φθείρω		ἔφθορα		ἔφθαρμαι
τρέφω		τέτροφα		τέθραμμαι
(F)ρήγνυμι		ἔρρωγα		
χέζω		κέχοδα		

Вокализмъ корня *o подтверждается чередованіемъ палатальныхъ и гортанныхъ въ индо-иранскихъ формахъ: скр. cakára „я сдѣлалъ“, jagáma „я пришелъ“, jaghána „я ударилъ“; подтверждается также и ирландскимъ языкомъ, гдѣ (ro)gegon „я ударилъ“ соотвѣтствуетъ скр. jaghána и гдѣ (ro)reraig „онъ тянулъ“ предполагаетъ *reroge; наконецъ, германскій тоже указываетъ на *o: нѣкоторыя формы съ удвоеніемъ корней съ долгимъ гласнымъ имѣютъ въ перфектѣ вокализмъ ō:

гот. leta „оставляю“:	lailot „я оставилъ“
saia „сѣю“:	saiso „я посѣялъ“;

кромѣ того praeterito-praesentia и обычныя praeterita старыхъ первичныхъ индо-европейскихъ глаголовъ, не имѣя удвоенія, сохранили вокализмъ *o: таковы въ готскомъ:

1 л. ед. ч. man „думаю“ мн. munum „думаемъ“.

beida „жду“: baiþ „я ждалъ“, bidum „ждали“ (ср. для формы корня гр. πέποιθα, πέπιθμεν).

biuda „приказываю“: -bauþ „я приказалъ“, -budum.

binda „вяжу“: band „я связалъ“, bundum.

Со времени индо-европейскаго періода существовало нѣсколько перфектовъ безъ удвоенія, изъ которыхъ самымъ важнымъ является:

гр. Foῖδα „знаю“, Fίδμεν, скр. véda, 1 л. мн. ч. vidmá, гат. vaēdā, гот. wait, witum, др.-сл. вѣдѣ (древняя форма

съ окончаніемъ средняго залога), др.-прусск. waissei „знаешь“, waidimai „знаемъ“.

Латинскій и германскій языки образовали свое прошедшее время изъ смѣшенія старыхъ индо-европейскихъ формъ перфекта и аориста: др.-вр.-н. liwi „ты ссудилъ“ соотвѣтствуетъ гом. λίπες, гот. bitun „они укусили“ можетъ быть 3 л. мн. ч. дѣйств. зал. атематическаго аориста, засвидѣтельствованнаго ведическимъ bhét „онъ разсѣкъ“, причастіе bhidánt- и т. д.; вліяніе этихъ формъ могло содѣйствовать утратѣ удвоенія въ формахъ перфекта съ вокализмомъ *o, какъ др.-вр.-нѣм. lēh „я ссудилъ“, гот. bait „я укусилъ“; точно также вокализмъ *ē въ лат. frēgī „я сломалъ“, др.-вр.-нѣм. brāhhun „они сломали“, повидимому, соотвѣтствуетъ вокализму старыхъ атематическихъ аористовъ, которые по формѣ можно сравнить съ лат. ēst „ѣстъ“, ēstis „ѣдите“ (если въ этихъ формахъ дѣйствительно — ē), лит. ėst(i) „ѣстъ“ и т. д. Тѣмъ не менѣе ā (изъ *ō) такихъ ирландскихъ прошедшихъ, какъ tāich (которое переводится confugit) изъ *tōke напоминаетъ, не смотря на отсутствіе удвоенія, третьи лица индо-иранскаго перфекта съ ā (и.-е. *ō) въ предшествующемъ окончанію элементѣ, какъ скр. cakā́ra „онъ сдѣлалъ“. Есть основаніе думать, что формы безъ удвоенія, наблюдаемыя въ другихъ діалектахъ, кромѣ греческаго и индо-иранскаго, представляютъ индо-европейскую діалектическую особенность.

Перфектъ обозначаетъ наличный результатъ совершившагося дѣйствія: гр. εἴωθα значитъ „я привыкъ и теперь имѣю обыкновеніе“, скр. çiçráya „я оперся и остаюсь въ этомъ положеніи“ и т. д. Слѣдующій примѣръ, взятый у Гомера указываетъ точное значеніе этихъ основъ.

В 272: ὦ πόποι, ἦ δὴ μυρί' Ὀδυσσεὺς ἐσθλὰ (F)έ(F)οργε
βουλάς τ'ἐξάρχων ἀγαθὰς πόλεμόν τε κορύσσων.
νῦν δὲ τόδε μέγ' ἄριστον ἐν Ἀργείοισιν ἔρεξεν,
ὃς τὸν λωβητῆρα (F)επεσβόλον ἔσχ' ἀγοράων.

„О! Уже много славныхъ поступковъ совершилъ Одиссей, первый подавая добрый совѣтъ или руководя битвой; но теперь еще болѣе прекрасное дѣло совершилъ онъ, удаливши изъ совѣщанія болтливаго нахала“. Поэтъ противуполагаетъ совокупность славныхъ поступковъ, которые совершилъ ((F)é-

(F)οργε) Одиссей и которыми его слава была установлена, одному данному поступку, который онъ только что совершилъ (ἔρεξεν): перфектъ обозначаетъ здѣсь разъ на всегда пріобрѣтенное. Рядомъ съ греческимъ перфектомъ стоитъ прошедшее время того же образованія (plusquamperfectum): τέθνηκε „онъ мертвъ“ ἐτεθνήκει „онъ былъ мертвъ“, и санскритъ имѣетъ нѣсколько аналогичныхъ plusquamperfecta.

Когда обозначеніе времени пріобрѣло въ индо-европейскихъ языкахъ большее значеніе, перфектъ далъ и настоящее время и прошедшее: tutudī „я ударилъ“ — прошедшее время, но meminī „помню“ — настоящее; гот. band „онъ соединилъ“ — прошедшее вр., но man „думаю“ — настоящее; и приведенная выше фарма перфекта безъ удвоенія гр. Foῖδα, скр. véda, гот. wait и т. д. значитъ только „знаю“, т. е. „я пріобрѣлъ и имѣю знаніе“; изъ этого перфекта произошло армянское настоящее время gitem „знаю“.

2. Основы наклоненій.

Существуютъ спеціальныя формы для слѣдующихъ трехъ наклоненій:

1. Изъявительнаго, характеризуемаго отсутствіемъ какихъ бы то ни было прибавокъ къ временнымъ основамъ, только что описаннымъ нами;

2. Сослагательнаго, характеризуемаго прибавкою къ временной основѣ тематическаго гласнаго *-e- (*-o-);

3. Желательнаго, характеризуемаго прибавкою вторичнаго суффикса *-yē-: *-ī- къ атематическимъ формамъ, а въ тематическомъ типѣ — суффикса *-i-, образующаго дифтонгъ съ предшествующимъ гласнымъ (типъ гр. φερο-ι-).

Повелительное наклоненіе и инъюнктивъ, не характеризуемыя особыми формами основы, не могутъ быть поставлены рядомъ съ этими тремя наклоненіями.

1. Изъявительное наклоненіе. — Изъявительное наклоненіе служитъ для того, чтобы обозначить, что данное дѣйствіе имѣетъ или не имѣетъ мѣсто, напр. у Гомера:

A 178: εἰ μάλα καρτερός ἐσσι, θεός που σοὶ τό γ' ἔδωκεν
„если ты очень силенъ, то это, конечно, тебѣ богъ далъ“.

2. Сослагательное наклоненіе. — Образованіе сослагательнаго наклоненія ясно въ атематическомъ типѣ формъ:

изъявит. наст. вр. скр. ás-ti „есть“, лат. es-t: сослагательное скр. ás-a-ti, ás-a-t = зд. aŋhaiti, aŋhaṭ, лат. er-i-t „будетъ“ (старое сослагательное служитъ здѣсь будущимъ временемъ);

сигматическій аористъ: сослагат. накл. скр. néṣ-a-ti néṣ-a-t „онъ велъ бы“ (со ступенью вокализма *e, какъ въ среднемъ залогѣ, а не *ē, какъ въ изъявительномъ дѣйств. залога скр. ánaiṣam „я свелъ“), гом. τείσο-μεν, τείσ-ε-τε „мы (вы) отомстили бы“;

перфектъ: сослагат. накл. скр. tatán-ati, tatán-at „онъ потянулъ бы“, гом. πεποίθ-ο-μεν „мы повѣрили бы“. Вокализмъ предшествующаго окончанію слога есть *e, какъ напр. скр. véd-a-t „онъ зналъ бы“, гом. (F)εἰδ-ο-μεν, (F)εἰδ-ε-τε „мы (вы) знали бы“ при (F)οἶδα; вокализмъ *o гомеровскаго πεποίθομεν заимствованъ изъ формы πέποιθα. Удареніе стоитъ на элементѣ предшествующемъ суффиксу.

Въ тематическомъ типѣ дѣло обстоитъ такъ, какъ будто характеристика наклоненія *-e-, *-o- сливается съ конечнымъ гласнымъ основы, что должно дать *-ē-, *-ō-: гр. φέρω-μεν, φέρη-τε, скр. bhárāti, bhárā-t „онъ несъ бы“, лат. ferē-s „будешь нести“ (старое сослагательное въ роли будущаго); вокализмъ элемента, предшествующаго суффиксу и мѣсто удареніе тѣ же, что и въ изъявительномъ наклоненіи.

Сослагательное наклоненіе обозначаетъ дѣйствіе, на исполненіе котораго разсчитываютъ, либо потому, что его желаютъ, какъ напр., вед. agníṃ stavāni „я хочу прославлять Агни (огонь)“, çṛṇávad vácāṃsi me „да услышитъ онъ мои слова“ и у Гомера:

υ 296: ἀλλ᾽ ἄγε (F)οι καὶ ἐγὼ δῶ ξείνιον
„но и я хочу ему дать гостинецъ“;

либо потому, что его просто ожидаютъ, какъ напр. вед. víç-vāḥ pr̥̊tanā jayāsi „ты будешь побѣждать во всѣхъ сраженіяхъ“, гом. Z 459: καί ποτέ τις (F)είπῃσι „и кто-нибудь могъ бы сказать“, или ε 465: ὤ μοι ἐγώ, τί πάθω; „увы, что мнѣ предстоитъ?“

3. Желательное наклоненіе. — Въ атематическихъ формахъ желательное наклоненіе характеризуется суффиксомъ *-yē-: *-yə- (т. е. *-y- передъ гласнымъ и *-ī- передъ согласнымъ); элементъ предшествующій суффиксу имѣетъ ну-

левой вокализмъ; удареніе, смотря по обстоятельствамъ, стоитъ то на суффиксѣ *-yē-, то на окончаніи:

основа *es-: скр. s-yā́-t, s-(i)yā́t „да будетъ“, s-y-úḥ, s-(i)y-úḥ „да будутъ“; лат. s-iē-s, s-ī-mus (откуда, по аналогіи sim). Греч. εἴην приняло вокализмъ корня формы ἔστι;

основа *dedō-, *didō-: скр. dad-yā́-t „да дастъ“, средній залогъ dad-ī-tá; др.-сл. **дад-н-мъ** (отъ основы *dōd(ə)-), гр. διδο-ίη-ν, διδο-ῖ-μεν;

основа перфекта *wewort-, *wewr̥t-: скр. vavr̥t-yā́-t „да повернетъ“, средн. зал. vavr̥t-ītá; др.-вр.-нѣм. 1 л. мн. ч. wurt-ī-mēs „станемъ“ (отъ герм. *wurđ-i-, гдѣ đ показываетъ, что ударенія не было на корнѣ).

Въ тематическихъ формахъ желательное наклоненіе характеризуется суффиксомъ *-i-, сочетающимся въ дифтонгъ съ предшествующимъ гласнымъ, имѣющимъ окраску *-o-; по общему правилу тематическаго типа вокализмъ и удареніе основы не мѣняются:

основа *bhero-: скр. bhára-t „пусть несетъ“, гр. φέροι, гот. bairai, др.-сл. **бери** (2 л. мн. ч. **берѣ-те**), ср. лит. te neszẽ „пусть несетъ“;

основа *dr̥k$_1$ó-: скр. dr̥çé-t „пусть видитъ“, гр. δράκοι.

Желательное имѣетъ два различныя значенія:

1. Оно обозначаетъ **возможное** въ противуположность изъявительному наклоненію, обозначающему реальность. Такъ скр. kāmáyeta значитъ „можетъ желать“ въ слѣдующей ведической фразѣ: kāmáyeta rā́jā saṃrā́ḍ bhávitum „царь можетъ желать стать высшимъ царемъ“ или гр. φέροιεν „могли бы снести“ въ слѣдующей фразѣ у Гомера:

Е 303: ὁ δὲ χερμάδιον λάβε χειρί
Τυδείδης, μέγα (F)έργον ὃ οὐ δύο κ' ἄνδρε φέροιεν

„а Тидидъ (Діомедъ) взялъ въ руку камень, большую тяжесть, какую не могли бы снести и два человѣка“.

Въ этомъ смыслѣ желательное наклоненіе служитъ для выраженія условія, какъ напр. у Гомера:

К 556: ῥεῖα θεός γ' ἐθέλων καὶ ἀμείνονας ἠέπερ οἵδε
ἵππους δωρήσαιτο

„богъ, если бы захотѣлъ, легко могъ бы подарить лошадей лучшихъ, чѣмъ эти“ и въ слѣдующей ведической фразѣ:

yát páceyuḥ kravyādaṃ kuryuḥ „если бы они пекли (мясо), они дѣлали бы (его, т. е. огонь) плотояднымъ“.

2. Желательное наклоненіе обозначаетъ желаемое дѣйствіе, какъ напр. у Гомера: Σ 98: αὐτίκα τεθναίην „пусть умру я сейчасъ!“ и вед. viçé ca kṣatrāya ca samādaṃ kuryām „создать бы мнѣ вражду между народомъ (вайшьями) и знатью (кшатріями)!“ Отсюда употребленіе желательнаго наклоненія въ предписаніяхъ: вед. dámpatī açnīyātām „пусть хозяева оба ѣдятъ“.

Такимъ образомъ оттѣнки значенія, выражаемыя изъявительнымъ наклоненіемъ, сослагательнымъ и желательнымъ будутъ соотвѣтственно слѣдующіе: дѣйствіе положительно утверждаемое — ожидаемое и — только возможное.

C. Спряженіе глаголовъ.

Спряженіе глаголовъ выполняется при помощи трехъ факторовъ: окончаній, чередованія гласныхъ и мѣста ударенія.

a. Окончанія.

Система индо-европейскихъ глагольныхъ окончаній имѣетъ слѣдующій составъ.

1. Два полныхъ ряда окончаній дѣйствительнаго залога и средняго залога: дѣйствительнаго — дор. τίθε-τι (іон.-атт. τιθη-σι) и средняго — τίθε-ται.

Эти два ряда ясно сохранились только въ древне-греческомъ, готскомъ и индо-иранскомъ. Кромѣ того италійскіе языки и древне-персидскій сохранили слѣды ихъ въ различеніи глаголовъ дѣйствительныхъ и отложительныхъ (а также и въ латинскомъ страдательномъ залогѣ).

2. Въ предѣлахъ этихъ двухъ рядовъ окончаній дѣйствительнаго и средняго залога различаются еще два ряда окончаній — первичныхъ и вторичныхъ (напр. первичное — τίθε-ται, вторичное ἐτίθε-το); кромѣ того особыя окончанія есть въ повелительномъ наклоненіи и въ перфектѣ.

3. Въ каждомъ изъ этихъ восьми рядовъ особую форму имѣетъ каждое лицо въ каждомъ числѣ.

Окончаніе опредѣляется указаніемъ на то, есть ли оно 1) окончаніе дѣйствительнаго или средняго залога; 2) первич-

ное или вторичное (или повелительнаго наклоненія или перфекта); 3) 1-го, 2-го или 3-го лица; 4) единственнаго, множественнаго или двойственнаго числа. Такъ окончаніе -ται въ гр. τίθε-ται есть окончаніе 3 л. — ед. ч. — средняго залога, — первичное. Сверхъ того окончанія отличаются отчасти въ зависимости отъ тематическаго или атематическаго типа образованія.

1. Окончанія дѣйствительнаго залога.

α. Первичныя окончанія.

Единств. число. — 1 лицо. Въ атематическихъ образованіяхъ *-mi: скр. ás-mi „есмъ“, др.-сл. ѥсмь, гр. εἰμι, арм. em, алб. jam, гот. im (и лат. sum, др.-ир. am). — По этому окончанію атематическія настоящія называются глаголами на *-mi: типъ εἰμι, δίδωμι, τίθημι, ἵστημι, δείκνῡμι, δάμνημι, и т. д.

Въ тематическихъ образованіяхъ 1 лицо ед. ч. оканчивается на *-ō: гр. φέρω, лат. ferō, гот. baira, др.-ирл. (do-)biur (изъ *-berū); лат. vehō „везу“, лит. vežù (изъ *vežŭ̄); гат. pərəsā „спрашиваю“, лат. poscō „требую“; въ санскритскомъ и въ части иранскаго сверхъ того было прибавлено еще окончаніе *-mi, откуда скр. bhárāmi „несу“, váhāmi „везу, ѣду“, pr̥cchā́mi „спрашиваю“.

2 лицо: *-si: скр. é-ṣi „идешь“, гр. εἶ (изъ *ει-σι); гом. ἐσ-σι „еси“, др.-лат. es-s (пишется es, но въ стихосложеніи — долго), арм. es (изъ *essi).

скр. bhára-si „несешь“, гот. bairis, лат. legis повидимому не представляютъ индо-европейское состояніе для тематическаго типа; окончаніе было скорѣе *-ĕi, на что указываютъ лит. neszì (изъ *neszḗ) „несешь“, гр. φέρει-ς, др.-ирл. (do-)bir и beri (изъ *berei-s или *berei-si?). Какъ и въ 1 лицѣ, гр. φέρω, и т. д., такъ и здѣсь въ этой тематической формѣ мы не можемъ поставить черточки, отдѣляющей основы отъ окончанія.

3 лицо: *-ti: скр. ás-ti „есть“, гр. ἔσ-τι, др.-рус. ѥсть, др.-лит. es-ti, др.-ирл. is (изъ *es-ti), гот. is-t, лат. es-t.

скр. váha-ti „везетъ, ѣдетъ“, др.-русск. везеть, гот. -wigi-þ, лат. uehi-t, др.-ирл. beri-d (изъ *bereti) согласно указываютъ, что въ 3 л. ед. ч. первичное окончаніе было одно какъ въ тематическомъ, такъ и въ атематическомъ

типѣ; но греч. φέρει и лит. vẽža „везетъ“ предполагаютъ окончаніе нуль или *-t, точно также какъ и др.-ирл. (do-)beir; возможно, что такова и была старая тематическая форма, т. е. *-et или *-e; въ такомъ случаѣ въ трехъ лицахъ единственнаго числа дѣйствительнаго залога первичныя окончанія тематическаго типа отличались бы отъ окончаній атематическаго типа.

Множественное число. — 3 лицо: *-enti (и *-onti?) въ атематическихъ формахъ безъ удвоенія: скр. s-ánti „суть“, дор. ἐντι (вм. *ἔντι), іон.-атт. εἰσι, умбр. s-ent, гот. s-ind, лат. s-unt, др.-сл. **сѫтъ** (др.-рус. суть).

*-nti въ атематическихъ формахъ съ удвоеніемъ: скр. dád-ati „даютъ“ (и.-е. *dé̯d-n̥ti), др.-сл. **дадѧтъ** (др.-рус. дад-ять), дор. δίδο-ντι (и.-е. *didə-nti), и въ формахъ тематическихъ: скр. bhára-nti „несутъ“, дор. φέρο-ντι (атт. φέρουσι), гот. baira-nd, лат. uehu-nt, др.-сл. **вєзѫтъ** (др.-рус. везуть).

β. Вторичныя окончанія.

Вторичныя окончанія, какъ тематическаго такъ и атематическаго типа трехъ лицъ ед. ч. и 3 лица мн. ч. отличаются отъ соотвѣтствующихъ первичныхъ атематическаго типа только отсутствіемъ *-i.

Единственное число. — 1 лицо: *-m или *-n, смотря по фонетикѣ даннаго языка: скр. ábhara-m „я несъ“, гр. ἔφερο-ν; др.-сл. **падъ** (изъ *pōdo-n); скр. ásthā-m „я всталъ“, гр. ἔστη-ν; скр. sy̯ām „да буду я“, лат. siē-m, гр. εἴη-ν; ἔτεισ-α, др.-сл. **нєс-ъ** (съ **-ъ** соотвѣтствующимъ *-n̥).

2 лицо: *-s: скр. ábhara-ḥ „ты несъ“, гр. ἔφερε-ς; др.-сл. **паде** „ты палъ“ (изъ *pōde-s); скр. ásthā-ḥ „ты всталъ“, гр. ἔστη-ς; скр. sy̯ā-ḥ „да будешь ты“, лат. siē-s, гр. εἴη-ς, гот. witei-s „да знаешь ты“.

3 лицо: *-t: скр. ábhara-t „онъ несъ“, гр. ἔφερε (взрывные въ греческомъ отпадаютъ въ концѣ слова); др.-сл. **паде** „онъ палъ“ (изъ *pōde-t); скр. ásthā-t „онъ всталъ“, гр. ἔστη, скр. sy̯ā-t „да будетъ онъ“, др.-лат. siē-d, гр. εἴη.

Множественное число. — 3 лицо: *-ent и *-nt (въ тѣхъ же условіяхъ какъ и первичныя *-enti и *-nti): скр. ā́s-an (изъ *āsant) „они были“ — скр. ábharan (изъ *ábhara-nt), гр. ἔφερον; др.-сл. **падѫ** „они пали“ (изъ *pōdo-nt); конечное *-t ясно не сохранилось нигдѣ, но на его присутствіе указы-

ваютъ различныя фонетическія явленія сочетанія словъ въ ведическомъ языкѣ, а также и славянскія формы.

Различіе первичныхъ и вторичныхъ окончаній въ другихъ формахъ не отличается той же опредѣленностью.

Для 1 лица мн. ч. индо-иранская группа различаетъ первичное вед. -masi = зд. -mahi, скр. -maḥ и вторичное вед. -mă = зд. -ma; во всѣхъ другихъ языкахъ полное смѣшеніе: въ греч. -μες въ дорическомъ, -μεν въ другихъ діалектахъ; въ латинскомъ -mus; въ славянскомъ по діалектамъ различныя формы болѣе или менѣе загадочнаго происхожденія: -мъ (форма др.-слав.) -мо, -ме, -мы; въ лит. -me; и т. д.

Для 1 лица двойств. ч. есть нѣкоторое соотвѣтствіе между индо-иранскимъ и готскимъ: первичное скр. -vaḥ, зд. -vahi, гот. bidjos „мы (оба) просимъ“, и вторичное: скр. -vă, зд. -va, гот. magu „мы (оба) можемъ“, sitaiwa „сядемъ мы (оба)“; др.-сл. всюду имѣетъ -вѣ, лит. -va.

Для 2 лица мн. ч. индо-иранскій языкъ дѣлаетъ различіе между первичнымъ и вторичнымъ окончаніемъ, и это различіе заключается въ противуположеніи звуковъ th и t: первичное окончаніе скр. -tha = гат. θā, вторичное — скр. -ta = гат. -tā. Такъ какъ *th и *t во всѣхъ остальныхъ языкахъ не различаются, то мы не можемъ ничего различить: гр. -τε, др.-сл. -те и т. д. являются одновременно и первичными и вторичными окончаніями, и мы не можемъ сказать, соотвѣтствуетъ ли гр. φέρετε, др.-сл. бєрєтє санскритскому bháratha (первичное) или bhárata (вторичное). Латинскій языкъ имѣетъ -tis.

Во второмъ и третьемъ лицѣ двойств. ч. мы находимъ весьма различныя окончанія: скр. различаетъ 2 л. -thaḥ и 3 л. -taḥ, какъ первичныя, и 2 л. -tam, 3 л. -tām, какъ вторичныя; греч. имѣетъ во 2 л. -τον для обоихъ видовъ, но въ 3 л. первичное -τον, а вторичное — дор. -τᾱν (атт. -την); готскій и литовскій имѣютъ только 2 лицо: гот. -ts и лит. -ta безъ различенія первичнаго и вторичнаго окончанія; др.-сл. имѣетъ во 2 л. -та, какъ первичное и вторичное, а въ 3 л. -те и -тъ безъ различія въ значеніи (-те было устранено во 2-омъ лицѣ, такъ какъ оно совпадало со 2 л. мн. ч.); слѣдовательно, мы находимъ только одну форму спеціально вторичнаго окончанія 3 л. дв. ч. *-tā съ носовымъ или безъ

носового въ концѣ; эта форма по аналогіи была распространена и на 2 л. въ греческомъ отчасти, въ литовскомъ и славянскомъ вполнѣ.

2. Окончанія средняго залога.

α. Первичныя окончанія.

Окончанія трехъ лицъ единственнаго числа и 3 лица мн. ч. въ среднемъ залогѣ отличаются отъ соотвѣтствующихъ окончаній дѣйствительнаго залога дифтонгомъ *-ai, стоящимъ на мѣстѣ звука *-i окончаній дѣйствительнаго залога.

Единственное число. — 1 лицо: гр. -μαι (тематическое и атематическое) и атематическое окончаніе балтійскаго языка, др.-прус. -mai, лит. -mi (изъ *-mĕ): гр. ἵστα-μαι, φερο-μαι, др.-прус. as-mai „есмъ“, лит. es-mi (изъ *es-mĕ); балтійскія формы — малодоказательны, такъ какъ форма дѣйствительнаго залога атематическаго типа не сохранилась; въ индо-иранскомъ окончаніе имѣетъ форму *-ai: скр. bruv-é „говорю“; тематическое окончаніе есть тоже *-ai, какъ напр. въ скр. bhára „несу“.

2 лицо: *-sai: скр. -se, гр. -σαι, лит. -si (изъ *-sĕ), гот. -za; скр. dhat-sé „кладешь“, гр. τίθε-σαι, лит. de-si (изъ *det-sĕ); скр. bhára-se „несешь“, гр. φέρε-αι, гот. baira-za „тебя несутъ“.

3 лицо: *-tai: скр. çé-te „лежитъ“, зд. saēte, гр. κεῖ-ται; скр. bhára-te „несетъ“, гр. φέρε-ται, гот. baira-da; въ индо-иран. встрѣчается также -ai, напр. вед. çay-e „онъ лежитъ“.

Множественное число. — 3 лицо: *-ntai: скр. çáy-ate „лежатъ“, гом. κέ-αται; скр. bhára-nte „несутъ“, гр. φέρο-νται, гот. baira-nda (замѣняетъ также 1 и 2 л. мн. ч.).

1 лицо: греческое -μεθα формъ κεί-μεθα, φερό-μεθα есть одновременно и первичное и вторичное окончаніе: индо-иранскій противополагаетъ первичное окончаніе *-madhai (скр. -mahe, напр. вед. dad-mahe „даемъ“, зд. -maide) вторичному *-madhi (скр. -mahi, гат. -maidī) изъ и.-е. *-medhə, что можетъ быть нововведеніемъ этого діалекта. Латинскія формы отложительныхъ глаголовъ loquimur „говоримъ“ и др.-ирл. labrimmir, -labrammar „говоримъ“ — новообразованія, созданныя по образцу соотвѣтствующихъ формъ дѣйствительнаго залога.

2 лицо: первичное окончаніе въ индо-иранскомъ *-dhwai: скр. -dhve, гат. -duyē; вторичное окончаніе — *-dhwam: скр. -dhvam, гат. -dūm, зд. -δwəm; греческій имѣетъ (-σθε) -σθε; первичное и вторичное. Латинское loquiminī — именная форма: др.-ирл. labhrithe, -labraid „говорите“ совпадаютъ съ формами дѣйствительнаго залога. Западные діалекты, германскій, кельтскій, италійскій не даютъ ниодной спеціальной формы 1-го или 2-го лица мн. ч. средняго залога.

Двойственное число. — Индо-иранскій и греческій имѣютъ различныя формы, на которыхъ видно вліяніе и окончаній двойств. числа дѣйств. залога и множ. числа средняго залога.

β. Вторичныя окончанія.

Многія вторичныя окончанія имѣютъ *-o (и *-e?) тамъ, гдѣ первичныя окончанія сред. залога имѣютъ *-ai.

Единственное число. — 1 лицо. Греческій и индо-иранскій не совпадаютъ, какъ и для соотвѣтствующаго первичнаго окончанія. Греческій имѣетъ дор. -μᾶν, іон-атт. -μην: дор. ἐθέ-μᾶν, ἐφερό-μᾶν, іон.-атт. ἐθέ-μην, ἐφερό-μην. Индо-иранскій имѣетъ -i: скр. á-kṛi „я сдѣлалъ“, гат. aoǰī „я сказалъ“; это -i образуетъ дифтонгъ съ предшествующимъ тематическимъ гласнымъ: *(a)bhara-i: скр. ábhare „я несъ“, зд. baire, что̀, повидимому, указываетъ на и.-е. *-i; но въ желательномъ наклоненіи — окончаніе -a, что представляетъ въ индо-иранскомъ правильное отраженіе и.-е. *ə послѣ *y: скр. bhárey-a, зд. baray-a „да ношу я“. Поэтому индоевропейское состояніе не можетъ быть выяснено.

2 лицо: гр. -σο въ ἐτίθε-σο, ἔθε-ο, ἐφέρε-ο и т. д.; индоиранск. *-sa въ сослагат. накл. гат. dåṅhā „далъ бы ты“ (изъ *dā-sa), зд. baraē-ša „да несешь ты“; лат. -re (изъ *-se?) въ seque-re „слѣдуй“, ср. гом. ἔπε-ο. — Санскритъ во всѣхъ случаяхъ употребляетъ окончаніе -thāḥ, которое напоминаетъ скр. окончаніе 2 л. ед. ч. дѣйств. зал. перфекта -tha, и др.-ирл. отложительный no labrither „говоришь“. Такимъ образомъ латинскій здѣсь согласуется съ иранскимъ,а ирландскій съ санскритомъ; одно окончаніе, повидимому,было окончаніемъ тематическа, а другое — атематическаго типа.

3 лицо: *-to (и вѣроятно *-te): скр. ádi-ta „онъ

далъ", гр. ἔδο-το; скр. ábhara-ta „онъ носилъ", гр. ἐφέρε-το; лат. sequi-tu-r, осск. uincte-r „conuincitur".

Множественное число. — 3 лицо: *-nto (и *-nte): скр. çáy-ata „они лежали", гом. κέ-ατο; скр. ábhara-nta „они несли", гр. ἐφέρο-ντο; лат. sequo-ntu-r, ср. гом. ἕποντο; осск. karante-r „uescuntur".

Спеціальныя окончанія перфекта.

Дѣйствительный залогъ.

Единственное число. — 1 лицо: *-a: скр. véd-a „знаю", гр. Foῖδ-α, гот. wait; др.-ирл. cechan въ forroichan „я научилъ" предполагаетъ первоначальную форму съ окончаніемъ *-a или *-o и исключаетъ возможность *-e и *-n̥.

2 лицо: скр. -tha: vét-tha „знаешь"; гот. -t (правильное отраженіе только въ извѣстныхъ спеціальныхъ случахъ): wais-t; гр. -θα: Foῖσ-θα; ср. также -t- въ лат. vīdis-t-ī. Греч. θ предполагаетъ индо-евр. *dh, между тѣмъ какъ остальные языки указываютъ на *th.

3 лицо: *-e: скр. véd-a „знаетъ", гр. Foῖδε, гот. wait; др.-ирл. cechain предполагаетъ въ концѣ передненебный звукъ, подобный *-e.

Множественное число. — Индо-иранскій языкъ имѣетъ окончанія, отличныя отъ окончаній настоящаго времени: во 2 лицѣ *-a: скр. vid-á „знаете" (при греч. Fίσ-τε) и въ 3 лицѣ: скр. -uḥ (-ur), скр. vid-úḥ „знаютъ", ср. гат. -ərəš, зд. -arə.

Средній залогъ.

Первое лицо имѣло окончаніе *-ai, судя по скр. tutud-é „я толкнулъ", лат. tutud-ī и др.-сл. вѣд-ѣ „знаю". — Индоиранскій имѣетъ то же *-ai и въ 3 лицѣ: скр. tutud-é „онъ толкнулъ".

Повелительное наклоненіе (дѣйствительнаго и средняго залога).

Окончанія повелительнаго наклоненія присоединяются къ основѣ изъявительнаго; поэтому съ морфологической точки зрѣнія повелительное наклоненіе не можетъ быть сравниваемо съ желательнымъ или сослагательнымъ, имѣющими свои особыя основы; что касается значенія, то повелительное наклоненіе выражаетъ рѣшительное приказаніе и такимъ

образомъ по значенію примыкаетъ къ утвердительному значенію изъявительнаго наклоненія, къ которому оно принадлежитъ и по формѣ.

2 лицо единств. ч. дѣйствит. зал. характеризуется нулевымъ окончаніемъ:

атематическій типъ: основа *ei-: гр. ἔξ-ει „выходи“, лат. ī „иди“ (ex-ī „выходи“), лит. eĩ-k „иди“ (съ частицею -ki, -k); основа *str̥neu-: скр. str̥ṇu „распростирай“, гр. στόρνῡ.

тематическій типъ: скр. bhára „неси“, гр. φέρε, арм. ber, гот. bair, др.-ирл. ber; скр. ája „веди“, гр. ἄγε, лат. age, арм. ac.

Атематическія образованія могутъ также принимать окончаніе *-dhi: основа *ei-: скр. i-hí (изъ *i-dhi) „иди“, зд. i-ðí, гр. ἴθ-ι; основа *es-: зд. z-dī „будь“, гр. ἴσ-θι; основа *weid-: скр. vid-dhí „знай“, гр. (F)ίσ-θι. Другое окончаніе повелительнаго есть: скр. -tāt, др.-лат. -tōd, лат. класс. -tō, гр. -τω; въ санскритѣ и въ латинскомъ оно служитъ окончаніемъ и для 2-го и для 3-го лица, а въ греческомъ только для третьяго, но въ нѣкоторыхъ діалектахъ получаетъ еще въ концѣ -ς для обозначенія 2-го лица, какъ напр. по свидѣтельству Гезихія, на Саламинѣ говорили ἐλθετῶς вм. ἐλθέ; скр. bháratāt „неси, пусть несетъ“, гр. φερέτω; скр. váhatāt „поѣзжай, пусть ѣдетъ“, лат. vehi-tō; скр. vit-tāt „знай, пусть знаетъ“; лат. es-tō „будь, пусть будетъ“. Можно думать, что это и.-е. окончаніе *-tōt, которое присоединяется къ формѣ съ нулевымъ окончаніемъ, было отдѣльное слово, быть можетъ аблативъ указательнаго и.-е. мѣстоименія *to-; *-dhi, быть можетъ, представляетъ старую частицу; поэтому единственное дѣйствительное окончаніе повелительнаго наклоненія есть нулевое окончаніе 2-го лица ед. ч. дѣйств. залога. Это и понятно, такъ какъ 2 лицо ед. ч. повелит. накл. въ большинствѣ языковъ склонно къ образованію особенно короткихъ формъ глагольной основы.

Окончаніе 2 лица мн. ч. дѣйств. зал. повелительнаго наклоненія не отличается отъ вторичнаго окончанія 2 лица: скр. bhára-ta „несите“, φέρε-τε, лат. fer-te.

Различные индо-европейскіе языки имѣютъ въ ед. ч. средняго залога и во мн. и дв. ч. дѣйств. и средн. залога особыя окончанія повелительнаго наклоненія, но между собою не имѣющія соотвѣтствій.

Окончанія на *-r-.

Индо-иранскіе и итало-кельтскіе діалекты имѣютъ окончанія на *-r-.

Санскритъ имѣетъ въ 3 лицѣ множ. числа въ дѣйствительномъ залогѣ окончаніе -uḥ (-ur передъ гласной) и въ среднемъ залогѣ -re, -ire; въ зендѣ имъ соотвѣтствуютъ -are и -ərəš въ дѣйств. залогѣ и -re въ среднемъ: скр. ās-úḥ „они были“, зд. åṅh-arə; скр. cikit-úḥ „они замѣтили“, зд. čikōit-ərəš; скр. çé-re, зд. sōi-re „они лежали“; скр. -uḥ можетъ отражать либо *-r̥, либо *-r̥š въ концѣ слова; оно употребляется также въ повелительномъ, въ аористѣ и въ желательномъ, какъ напр. sy-úḥ „да будутъ“; въ среднемъ залогѣ скр. -ran является вторичнымъ окончаніемъ въ нѣкоторыхъ формахъ, какъ напр. ádr̥ç-ran „они видѣли“.

Въ британскомъ языкѣ формы на -ir, -ār, -er имѣютъ значеніе безличное, а лицо обозначается дополненіемъ, выраженнымъ мѣстоимѣніемъ: коренное en tas a nef ym gylwyr „меня называютъ отцомъ небеснымъ“, бретонское nem gueler „меня не увидятъ“, или ez consacrer „тебя посвящаютъ“. — Въ древне-ирландскомъ соотвѣтствующія формы имѣютъ значеніе 3 лица страдат. залога: berir „его несутъ“; къ нимъ были образованы формы 3 лица мн. ч., какъ напр. bertir „ихъ несутъ“ и даже въ единств. числѣ -r присоединяется иногда къ формѣ, имѣющей окончаніе, какъ напр. gaibthi-r „его поютъ“ (ср. gaibim „пою“); одинъ отложительный глаголъ создалъ отсюда полное спряженіе съ -r въ большинствѣ личныхъ формъ. — Въ италійскомъ умбрское сослагательное ferar „понесутъ“ и умбрское изъявительное настоящаго времеои ier „идутъ“ свидѣтельствуютъ о существованіи безличной формы, соотвѣтствующей кельтской; въ латинскомъ -r является только въ формахъ, уже имѣющихъ окончанія въ 3 л. ед. ч. uehi-tu-r, при 3 лицѣ ед. ч. вторичнаго окончанія средняго залога въ вед. váha-ta; точно также въ 3 л. мн. ч. uehu-ntu-r, а также и въ другихъ лицахъ: uehor и uehimur; это спряженіе на -r заступаетъ мѣсто старыхъ окончаній средняго залога; отложительные глаголы лат. sequitur и др.-ирл. sechither соотвѣтствуютъ основамъ имѣющимъ всегда окончанія средняго залога гр. ἕπεται, скр. sácate „слѣдуетъ“.

Возможно, что *-r являлось признакомъ индо-европей-

ской безличной формы: въ лат. 3 лицо ед. ч. на -r часто имѣетъ безличное значеніе: ītur „идутъ“. — Исчезновеніе формъ на *-r въ большинствѣ діалектовъ можно было бы объяснить неправильнымъ характеромъ формы, которая стояла особнякомъ въ идно-европейской системѣ спряженія и которая не сохранила почти нигдѣ своего стараго значенія.

b. Вокализмъ элемента, предшествующаго окончанію.

Въ тематическомъ типѣ конечный гласный основы имѣетъ чередованіе *e: *o; это чередованіе сохраняется передъ первичными окончаніями дѣйствительнаго залога въ слѣдующихъ парадигмахъ (пропущены формы уже измѣнившіяся въ этомъ отношеніи):

	греч.	гот.	лат.	др.-слав.
	ἔχω	-wiga	uehō	вєзѫ
	ἔχεις	-wigis	uehis	вєзєшн
	ἔχει	-wigiþ	uehit	вєзєтъ
	ἔχομεν	-wigam		
	ἔχετε	-wigiþ		вєзєтє
дор.	ἔχοντι	-wigand	uehuut	вєзѫтъ
	ἔχετον			вєзєта
	ἔχετον			вєзєта

и передъ вторичными окончаніями дѣйствительнаго залога:

греч.	др.-слав.
ἔφερον	падъ „я упалъ“ (-ъ изъ *-on)
ἔφερες	паде (-є изъ *-es)
ἔφερε	паде (-є изъ *-et)
ἐφέρομεν	падомъ
ἐφέρετε	падєтє
ἔφερον	падѫ (-ѫ изъ *-ont)
ἐφέρετον	падєта
ἐφερέτην (дор. -τᾱν)	падєта

Древнѣйшій ирландскій текстъ, Камбрейская (Cambrai) проповѣдь, имѣетъ еще o въ 3 лицѣ мн. ч. tuthegot „(которые) приходятъ“.

Точно также и въ среднемъ залогѣ: гр. φέρομαι, φέρεαι, φέρεται, φερόμεθα, φέρεσθε, φέρονται и ἐφερόμην, ἐφέρεο, ἐφέρετο, ἐφερόμεθα, ἐφέρεσθε, ἐφέροντο. Такимъ образомъ тематическій гласный имѣетъ тембръ *o въ 1 лицѣ единств. числа, въ 1

и 3 мн. ч., а тембръ *e во 2 и 3 лицѣ единств. ч., во 2 мн. ч. и во 2 и 3 л. двойств. числа.

Въ атематическомъ типѣ элементъ, предшествующій окончанію имѣетъ вокализмъ *e (или, въ перфектѣ, *o) въ трехъ лицахъ единств. числа дѣйств. залога при первичныхъ и вторичныхъ окончаніяхъ и въ нѣкоторыхъ формахъ повелительнаго съ нулевымъ окончаніемъ, въ остальныхъ формахъ вокализмъ — нуль. Такъ напр. при первичныхъ окончаніяхъ дѣйств. залога:

	скр.	греч.
ед. ч.	é-mi	εἶ-μι
	é-ṣi	εἶ (изъ *ei-si)
	é-ti	εἶ-σι (изъ *εἶ-τι)
мн. ч.	i-máḥ	ἴ-μεν
	i-thá	ἴ-τε
	y-ánti	ἴ-ᾱσι
дв. ч.	i-tháḥ	ἴ-τον
	i-táḥ	ἴ-τον
повел. н.		εἶ
	i-hí	ἴ-θι

Или, точно также, въ образованіи на *-nā- скр. pr̥ṇā́mi „наполняю“, дор. δάμνᾱμι, атт. δάμνημι „укрощаю“:

	скр.	дор.	атт.
ед. ч.	-nā́-mi	-νᾱ-μι	-νη-μι
	-nā́-si	-νᾱ-ς	-νη-ς
	-nā́-ti	-νᾱ-τι	-νη-σι
мн. ч.	-nī-máḥ	-να-μες	-να-μεν
	-nī-thá	-να-τε	-να-τε
	-n-ánti	-να-ντι	-νᾱσι
дв. ч.	-nī-tháḥ		-να-τον
	-nī-táḥ		-να-τον

Или въ перфектѣ

	скр.	гр.	гот.
ед. ч.	véd-a „знаю“	Fοῖδ-α	wait
	vét-tha	Fοῖσ-θα	wais-t
	véd-a	Fοῖδ-ε	wait
мн. ч.	vid-má	Fῖδ-μεν	wit-um
	vid-á	Fῖσ-θε	wit-uþ
	vid-úḥ	(Fῖσ-ᾱσι)	wit-un

или въ перфектахъ съ удвоеніемъ: скр. jagrábh-a „я схватилъ“, jagṛbh-má „мы схватили“; гр. μέμονα „я устремился“, μέμα-μεν.

Въ 1 и 2 лицѣ мн. ч. при вторичныхъ окончаніяхъ, въ индо-иранскомъ и греческомъ мы встрѣчаемъ часто вокализмъ *e тамъ, гдѣ по общему правилу мы ожидали бы вокализмъ нулевой, который и является дѣйствительно въ 3 лицѣ: такъ напр. скр. ágāt „онъ пришелъ“, дор. ἔβᾱ, атт. ἔβη, 3 л. мн. ч. скр. ág-uḥ „они пришли“ (съ нулевымъ вокализмомъ), но скр. ágāma „мы пришли“, гр. ἔβημεν; скр. ákar „онъ сдѣлалъ“ и ákr-an „они сдѣлали“, но 1 л. мн. ч. ákar-ma, 2 мн. ч. ákar-ta; скр. syā́-t „да будетъ“ и sy-úḥ „да будутъ“, но 1 л. мн. ч. syā́-ma, 2 л. мн. ч. syā́-ta. И даже въ настоящемъ времени при скр. s-thá „есте“ мы находимъ: гр. ἐσ-τε, др.-сл. **ѥс-тѣ**, лат. es-tis съ вокализмомъ *e, при дор. ἐντι, др.-сл. **с-ѫтъ**, лат. s-unt.

Нѣкоторыя основы съ нулевымъ суффиксомъ имѣютъ сверхъ того слѣды чередованія *ē: *ĕ; такъ напр. вед. tāṣṭi „строитъ“ 3 л. мн. ч. tákṣati „строятъ“ (встрѣчается всего одинъ разъ); лат. ēst „ѣстъ“: edunt „ѣдятъ“ (однако ē въ лат. ēst не вполнѣ достовѣрно); одна изъ формъ основы стремится сдѣлаться общей: скр. имѣетъ átti „ѣстъ“ по образцу adánti „ѣдятъ“, а русск. **ѣдятъ** (др.-сл. **ѧдѧтъ**) по образцу **ѣстъ**.

При первичныхъ и вторичныхъ окончаніяхъ средняго залога элементъ, предшествующій окончанію, имѣетъ нулевой вокализмъ, именно въ коренныхъ настоящихъ съ удвоеніемъ, въ настоящемъ съ носовымъ инфиксомъ, и въ перфектахъ; такъ въ типѣ на *-nā- скр. pṛṇā́mi, гр. δάμνημι:

		скр.	гр.
Первичн. оконч.	ед. ч.	-n-é	-να-μαι
		-nī-ṣé	-να-σαι
		-nī-té	-να-ται
	мн. ч.	-nī-máhe	-να-μεθα
		-n-até	-να-νται
Вторичн.	3 л. ед. ч.	-nī-ta	-να-το

Различіе вокализма элемента, предшествующаго окончанію, въ дѣйствительномъ и среднемъ залогѣ ясно выражена въ санскритѣ:

	дѣйств. зал.	средн. зал.
первичн. оконч.	bravī-ti „говоритъ“	brū-té
	juhó-ti „совершаетъ возліяніе“	juhu-té
	yuṅák-ti „соединяетъ“	yuṅk-té
	açnó-ti „достигаетъ“	açnu-té
вторичн. оконч.	áçno-t „онъ достигъ“	áçnu-ta
	ákar-(t) „онъ дѣлалъ“	ákṛ-ta
	brūyá-t „да говоритъ онъ“	brūvī-tá
перфектъ	cikét-a „онъ замѣтилъ“	cikit-é

Та же самая противуположность видна и въ греческомъ въ слѣдующихъ формахъ:

первичн. оконч.	τίθη-μι	τίθε-μεν
вторичн. оконч.	ἐτίθη-ν	ἐτιθέ-μην
перфектъ	τέτροφ-α	τέθραμ-μαι

Однако нѣкоторыя простыя коренныя основы, допускающія только окончанія средняго залога, имѣли вокализмъ *e въ предшествующемъ окончанію элементѣ:

скр. çé-te „лежитъ“	гр. κεῖται
vás-te „одѣвается“	(F)ές-ται
ás-te „сидитъ“	ἧσ-ται

и точно также гр. κρέμαμαι „вишу“, στεῦται „хвалится“ и т. д., зд. staota „онъ прославилъ“.

c. Мѣсто ударенія.

Каждая глагольная форма, смотря по ея положенію и роли въ предложеніи, могла быть ударяемой или неударяемой; это состояніе сохранилось еще въ ведическомъ языкѣ, и постоянное перенесеніе ударенія, какъ можно дальше отъ конца въ глагольной формѣ въ греческомъ объясняется этимъ же явленіемъ. Такъ какъ удареніе всегда могло отсутствовать, то оно должно быть признано вспомогательнымъ элементомъ спряженія.

Въ тематическомъ типѣ удареніе всегда стоитъ на одномъ изъ слоговъ основы, во всемъ спряженіи на томъ же слогѣ въ данной основѣ, какъ напр. скр. bhára-ti „несетъ“, bhára-nti „несутъ“: sr̥já-ti выпускаетъ“, sr̥já-nti „выпускаютъ“, sr̥já-tha „выпускаете“.

Наоборотъ, въ атематическомъ типѣ удареніе можетъ стоять или на основѣ, или на окончаніи, и мѣсто его мѣняется съ измѣненіемъ формы. Въ большинствѣ санскритскихъ и германскихъ формъ, которыя даютъ намъ свѣдѣнія о мѣстѣ стараго ударенія, элементъ, предшествующій окончанію, имѣетъ удареніе въ трехъ лицахъ единств. числа дѣйств. залога:

скр. é-mi „иду“	i-máḥ „идемъ“
véd-a „знаю“	vid-má „знаемъ“
yunák-ti „соединяетъ“	yuñj-ánti „соединяютъ“
jagrábh-a „я схватилъ“	jagr̥bh-má „мы схватимъ“

Точно также др.-вр.-нѣм. zēh (изъ герм. *taih) „я показалъ“ при скр. didé-ça, и др.-вр.-нѣм. zig-un „они показали“ при скр. didiç-úḥ, предполагаютъ *doík$_1$-a: *dik$_1$-n̥t.

Въ настоящемъ времени съ удвоеніемъ удареніе лежитъ то на удвоеніи, то на окончаніи: скр. bíbhar-mi „ношу“, bibhr̥-máḥ „носимъ“; dádhā-mi „кладу“, dadh-máḥ „кладемъ“, dádh-ati „кладутъ“.

Въ греческомъ спряженіи мѣсто ударенія регулируется общимъ правиломъ и потому ничего не указываетъ относительно стараго ударенія; только именныя формы, причастія и неопредѣленныя наклоненія, сохраняютъ слѣды стараго ударенія: ἰ-ών „идущій“ соотвѣтствуетъ по мѣсту ударенія скр. i-máḥ „идемъ“, τιθείς „кладущій“ — скр. dadh-máḥ и т. д. Если, поэтому, въ санскритскомъ сигматическомъ аористѣ удареніе постоянно остается на основѣ, какъ напр. въ средн. залогѣ vám̥-s-i „я выигралъ“, и если въ греческомъ соотвѣтствующія причастія и неопредѣленныя нклоненія имѣютъ всегда удареніе на корнѣ (τεῖσαι, τείσᾱς, а не *τει-σαί, *τει-σᾱ́ς), то отсюда мы можемъ заключить, что и въ индоевропейскомъ удареніе сигматическаго аориста не переходило на окончанія (см. стр. 173).

Что касается окончаній средняго залога, то въ санскритѣ они обыкновенно имѣютъ на себѣ удареніе, какъ напр. yuñkté „соединяетъ“, jagr̥bhé „онъ схватилъ“; однако типъ céte имѣетъ удареніе на начальномъ слогѣ, какъ и греч. причастіе κείμενος, между тѣмъ, какъ мѣсто ударенія причастія λελειμμένος указываетъ на древность скр. ударенія въ пер-

фектѣ jagr̥bhé на послѣднемъ слогѣ; въ типѣ настоящаго съ удвоеніемъ гр. δίδοσθαι, διδόμενος соотвѣтствуютъ скр. dádе „даю“ и показываютъ, что передвиженіе ударенія происходило не между предшествующимъ окончанію элементомъ и окончаніемъ, а между началомъ слова и окончаніемъ.

d. Приращеніе.

Приращеніе состоитъ изъ элемента *e-, который можетъ быть помѣщенъ передъ формами изъявительнаго наклоненія, имѣющими вторичныя окончанія.

Оно встрѣчается только въ индо-иранскомъ, армянскомъ и греческомъ; другія языки его не знаютъ; въ ведическомъ оно носитъ удареніе въ ударяемыхъ формахъ:

вед. á-bharat „онъ несъ“ арм. e-ber „онъ несъ“ гр. ἔ-φερε
á-dhāt „онъ положилъ“ e-d „онъ положилъ“ ἔ-θηκε
скр. a-ricat „онъ оставилъ“ e-likh „онъ оставилъ“ ἔ-λιπε

Иногда, особенно передъ *w приращеніе имѣетъ форму *ē, какъ напр. вед. ā́-vr̥ṇak „онъ повернулъ“, гом. ἠ(F)είδεις „ты зналъ“.

Когда основа начинается гласнымъ въ собственномъ смыслѣ, приращеніе сливается съ нимъ уже въ индо-европейскую эпоху:

основа *es-: скр. ā́ḥ „онъ былъ“, дор. ἦς;

основа *ág$_1$e-: скр. ā́jat „онъ велъ“, дор. ἄγε, атт. ἦγε, арм. ac „онъ провелъ“ (арм. a можетъ отражать и старое *ā и старое *ă).

Приращеніе не составляетъ части глагола; въ гомеровскомъ и ведическомъ языкѣ употребленіе приращенія факультативно, и мы находимъ въ одинаковомъ смыслѣ формы какъ гом. ἔφερε и φέρε, др.-кипр. κα-θιν и κατ-εθιjαν „они положили“, вед. ábharat и bhárat „онъ несъ“; въ армянскомъ приращеніе употребляется только въ тѣхъ формахъ аориста, которыя безъ этой прибавки были бы односложны: e-ber „онъ несъ“ противуполагается ber-i „я несъ“; даже у Гомера, въ ведическомъ языкѣ и въ иранскихъ нарѣчіяхъ присутствіе или отсутствіе приращенія стоитъ въ связи съ длиною слова: мы всегда читаемъ у Гомера ἔσχε, никогда не *σχε.

Индо-европейское приращеніе, по всей вѣроятности, было особою частицей, обозначающей прошедшее время; дѣйстви-

тельно, въ греческомъ правило, по которому удареніе не можетъ отступать назадъ далѣе первой приставки (παρ-έν-θες, а не *πάρ-εν-θες), примѣняется также и къ приращенію, и мы находимъ форму παρ-έ-σχον, а не *πάρ-ε-σχον, ἐν-ῆσαν, а не *ἔν-ησαν. Съ этой точки зрѣнія приращеніе въ греческомъ разсматривается, какъ предложная приставка, т. е. какъ превоначально самостоятельное слово.

е. Значеніе глагольныхъ формъ.

Каждая изъ категорій, различаемыхъ въ морфологіи, имѣетъ свое особое значеніе.

1. Число. — Индо-иранскій, древне-славянскій, а также литовскій и нѣкоторые греческіе діалекты (главнымъ образомъ древне-аттическій) сохранили различіе трехъ индо-европейскихъ чиселъ: единственнаго, множественнаго и двойственнаго.

Для выраженія числа достаточно одной глагольной формы: φέρεις относится только къ одному лицу, φέρετε — къ неограниченному числу лицъ, φέρετον — къ двумъ; никакого мѣстоименія къ формѣ нѣтъ надобности прибавлять.

2. Лицо. — Какъ и число, индо-европейская глагольная форма выражаетъ и лицо безъ прибавки мѣстоименія. Тамъ, гдѣ мѣстоименіе является въ предложеніи, оно имѣетъ значеніе отдѣльнаго самостоятельнаго слова: лат. amas at esurio значитъ „ты любишь, а я голодаю“, a tu amas at ego esurio „ты — любишь, а я — голодаю“.

Съ точки зрѣнія современнаго человѣка такой безличный глаголъ, какъ гр. ὕει „дождь идетъ“ означаетъ, что „дождь падаетъ“, но древнее значеніе было другое: такъ какъ каждое явленіе природы считалось результатомъ дѣятельности какого-нибудь божества, то ὕει означало „божество дождитъ“; и дѣйствительно, у Гомера нѣтъ формы ὕει, но только дважды (M 25 = ξ 457) слѣдующее выраженіе:

ὑε δ' ἄρα Ζεύς „а Зевсъ дождилъ“.

Латинскій языкъ имѣетъ выраженіе Ioue tonante „когда Юпитеръ гремѣлъ“ и т. д. Еще характернѣе ведическое выраженіе vā́to vāti „вѣтеръ вѣетъ“. Явленія природы обозначаются, слѣдовательно, не безличными глаголами, а тре-

тьими лицами, подлежащія къ которымъ — болѣе или менѣе смутно представляемыя божества — точно необозначены. — Единственные дѣйствительно безличные индо-европейскіе глаголы были безъ сомнѣнія тѣ, на существованіе которыхъ указываютъ изученныя нами формы на *-r- (ср. стр. 195 сл.).

3. Дѣйствительный и средній залогъ. — Окончанія дѣйствительнаго залога представляютъ подлежащее просто производящимъ дѣйствіе: скр. sárpati, гр. ἕρπει значатъ „ползетъ“; окончанія средняго залога показываютъ, что подлежащее лично заинтересовано въ дѣйствіи: скр. váste, гр. (F)ἕσται „одѣвается“; гр. θύω значитъ „я приношу жертву“, θύομαι „я приношу жертву, чтобы получить что-либо“; жрецъ, который совершаетъ жертвоприношеніе для другого говоритъ скр. yájāmi „я приношу жертву“; человѣкъ, который вмѣстѣ съ жрецомъ принимаетъ участіе въ жертвоприношеніи въ своихъ интересахъ, говоритъ скр. yáje „я приношу жертву (для себя)“; гр. ἄγει, скр. ájati значитъ „ведетъ“, ἄγεται, ájate „ведетъ для себя, съ собою“, такъ напр. у Гомера

Δ 19: αὐτὶς δ' Ἀργείην Ἑλένην Μενέλαος ἄγοιτο

„тогда пусть Менелай беретъ съ собою Аргивскую Елену“.

Въ греческомъ формѣ λούω „мою“ противуполагается λούεται τὰς χεῖρας „моетъ себѣ руки“ и точно также вед. pāṇī áva nenikte „моетъ себѣ руки“. Дѣйствительный зал. скр. gácchati „идетъ“ противуполагается среднему sám gacchate „сходится, встрѣчается съ...“. Средній залогъ, слѣдовательно, не совпадаетъ съ возвратнымъ, но выражаетъ часто значенія близкія къ возвратному. Оттѣнокъ значенія, отличающій средній залогъ отъ дѣйствительнаго, ясно выступающій въ приведенныхъ примѣрахъ, иногда становится очень неуловимымъ, и мы не можемъ сказать, почему, напр., гр. ἔσομαι служитъ будущимъ къ εἰμι, ἔδομαι къ ἐσθίω и т. д.

Окончанія средняго залога служатъ и для обозначенія страдательнаго залога; φέρω и φέρομαι оба означали и „несу“ и „несусь“, какъ мы видѣли это на стр. 162 сл.; форма φέρομαι, благодаря своему особому значенію, являлась удобною для выраженія страдательнаго залога; формы съ окончаніями средняго залога дали страдательный залогъ въ готскомъ: nasjada „онъ спасенъ“; рѣже встрѣчается такое значеніе въ индо-иранскомъ.

Вслѣдствіе своего значенія нѣкоторыя глагольныя основы получили исключительно или почти исключительно окончанія средняго залога, какъ напр. скр. sácate „слѣдуетъ“, зд. hačaite, гр. ἕπεται, лат. sequitur, др.-ирл. -sechethar (типъ латинск. и др.-ирл. отложительнаго глагола въ сочетаніи съ окончаніями на *-r).

4. Значеніе первичныхъ и вторичныхъ окончаній и приращенія. — Противуположность первичныхъ и вторичныхъ окончаній не можетъ быть сведена къ простой формулѣ, подобно окончаніямъ дѣйствит. и средняго залоговъ.

Здѣсь мы будемъ имѣть дѣло только съ изъявительнымъ наклоненіемъ; желательное наклоненіе имѣетъ только вторичныя окончанія: скр. syā́t „да будетъ онъ“, гр. εἴη: въ сослагательномъ наклоненіи греческій языкъ имѣетъ только первичныя окончанія, какъ напр. φέρω, φέρωσι, а индо-иранскій даетъ формы и съ первичными и съ вторичными окончаніями: вед. á́sati и á́sat, зд. aŋhati и aŋhaṭ „онъ былъ бы“, безъ замѣтнаго различія въ значеніи.

Въ изъявительномъ наклоненіи первичныя окончанія обозначаютъ что-либо, дѣйствительно существующее въ тотъ моментъ, когда говорятъ, будетъ ли это имѣть мѣсто только въ данную минуту, какъ гр. φέρω „несу“, или вообще всегда, какъ напр. лат. homo mortalis est „человѣкъ смертенъ“. Форма съ первичнымъ окончаніемъ можетъ быть употреблена въ скр. съ purā́ „раньше“, а у Гомера съ πάρος „раньше“ для обозначенія чего-либо, дѣйствительно существующаго съ опредѣленнаго времени и не прекратившаго ея еще и въ моментъ рѣчи; напр.

Δ 264: ἀλλ᾽ ὄρσευ πόλεμόνδ᾽ οἷος πάρος εὔχεαι εἶναι
„но ступай въ бой (такимъ), какимъ ты себя считаешь давно“.

Вторичныя окончанія часто показываютъ прошедшее время: вед. bhárati, гом. φέρει значатъ „несетъ“, вед. bhárat, гом. φέρε значатъ „онъ несъ“; гом. λίπε „онъ оставилъ“; и т. д. Но такъ какъ вторичныя окончанія употребляются не только въ этомъ значеніи, то это выраженіе прошедшаго времени было двусмысленно; поэтому оно могло быть точнѣе обозначено приращеніемъ, но только въ группѣ сосѣднихъ діалектовъ: индо-иранскомъ, армянскомъ и греческомъ; тамъ, гдѣ вторичное окончаніе сопровождается приращеніемъ,

форма обозначаетъ только прошедшее время: такъ скр. á b h a r a t значитъ „онъ несъ“, гр. ἔφερε, арм. e b e r „онъ снесъ“; гр. ἔλιπε, арм. e l i k h „онъ оставилъ“. Когда одна и та же основа допускаетъ и первичныя и вторичныя окончанія, формы съ первичными окончаніями представляютъ настоящее время въ собственномъ смыслѣ: скр. b h á r a t i „несетъ“, гр. φέρει, и формы съ вторичными окончаніями и съ приращеніемъ образуютъ преходящее (imperfectum): скр. (á) b h a r a t „онъ несъ“, гр. (ἔ)φερε. Въ славянскомъ языкѣ, гдѣ приращенія нѣтъ, существуютъ формы изъявительнаго наклоненія съ вторичными окончаніями, выражающія обыкновенно прошедшее время: таковъ напр. др.-сл. аористъ **падѣ** (съ -ѣ изъ *-e-t) при **падетъ**. Слѣдовательно, индо-европейскій языкъ противуполагалъ настоящему прошедшее время главнымъ образомъ при помощи вторичныхъ окончаній и — только въ одной группѣ діалектовъ — также при помощи приращенія.

Въ ведическомъ языкѣ формы изъявительнаго наклоненія съ вторичными окончаніями, но безъ приращенія допускаютъ также значеніе почти тождественное со значеніемъ сослагательнаго наклоненія: b h á r a t „несъ бы онъ“, въ особенности съ запретительнымъ отрицаніемъ m ā: m á́ b h a r a ḥ „не носи“, m á́ b h a r a t „пусть онъ не несетъ“; то же самое мы встрѣчаемъ и въ иранскомъ, въ гатахъ Авесты; такое употребленіе этихъ формъ называютъ и н ъ ю н к т и в о м ъ. Быть можетъ и греческій языкъ сохранилъ слѣдъ этихъ формъ, въ такихъ повелительныхъ, какъ (ἐπί-)σχε-ς „останови“ (ἐνί-)σπε-ς „скажи“ и т. д. Употребленіе вторичныхъ окончаній въ формахъ изъявительнаго наклоненія, служащихъ для выраженія желанія или запрещенія соотвѣтствуетъ употребленію тѣхъ же окончаній въ желательномъ наклоненіи и, отчасти, въ сослагательномъ.

З а м ѣ ч а н і е о т н о с и т е л ь н о з н а ч е н і я о с н о в ъ н а с т о я щ а г о и а о р и с т а. — Обыкновенно каждый корень въ индо-иранскомъ, греческомъ, армянскомъ и славянскомъ даетъ одно или нѣсколько настоящихъ и одинъ аористъ, при чемъ каждое время имѣетъ особую основу: напр. греч. φεύγειν, φυγεῖν; μένειν и μίμνειν, μεῖναι; γίγνεσθαι, γενέσθαι; ἄγειν, ἀγαγεῖν; γράφειν, γράψαι; δεικνύναι, δεῖξαι; τιθέναι, θεῖναι; и т. д.; въ ведическомъ: r i ṅ á k t i „оставляетъ“, á r a i k „онъ оставилъ“

(съ приращеніемъ ā-); dádhāti „кладетъ“, ádhāt „онъ положилъ“; и т. д.; въ армянскомъ arnem „дѣлаю“, arari „я сдѣлалъ“; luanam „мою“ (ср. гр. λούω, лат. lauō), luaçi „я вымылъ“; въ славянскомъ: **стаѭ**, **стахъ** и т. д. Но съ морфологической точки зрѣнія аористъ характеризуется не формою основы, такъ какъ, за исключеніемъ сигматическихъ образованій, всѣ типы основы, употребляемые въ аористѣ, встрѣчаются и въ настоящемъ времени; основою аориста въ каждомъ языкѣ, какъ мы видѣли выше на стр. 163, является такая основа, которая въ изъявительномъ наклоненіи имѣетъ только вторичныя окончанія; въ такихъ языкахъ, какъ славянскій и армянскій, которые имѣютъ преходящее время, характеризуемое особымъ суффиксомъ, та же основа можетъ образовывать съ первичными окончаніями настоящее время, а со вторичными — аористъ: арм. berē (изъ *bhere-ti) значитъ „несетъ“, а старое преходящее e-ber (изъ *e-bhere-t) „онъ понесъ“; др.-сл. наст. вр. **падетъ** (наст. вр. совершеннаго вида имѣетъ значеніе будущаго) и аористъ **паде** (старое преходящее). — Такимъ образомъ и индо-европейскую основу настоящаго времени мы опредѣлимъ въ противуположность основѣ аориста, какъ основу, которая въ изъявительномъ наклоненіи допускаетъ и первичныя и вторичныя окончанія; перфектъ, имѣющій особыя окончанія не есть настоящее время; наоборотъ, основа съ носовымъ инфиксомъ, какъ скр. çr̥ṇóti „слышитъ“ и такой каузативъ, какъ скр. çrāváyati „заставляетъ слышать“ суть формы настоящаго времени, потому что можно образовать отъ тѣхъ же основъ и формы со вторичными окончаніями: áçr̥ṇot „онъ слышалъ“, áçrāvayat „онъ заставлялъ слышать“.

Хотя аористъ опредѣляется только исключительнымъ употребленіемъ вторичныхъ окончаній, однако не всѣ типы основъ способны образовывать аористы; аористы образуются только отъ коренныхъ типовъ основъ, какъ гр. θεῖναι, λιπεῖν, πεπιθεῖν, отъ основъ на *-s- и на *-ā- и *-ē-, какъ μανῆ-ναι. Но основы съ носовымъ инфиксомъ, производныя основы на *-ye-, *-ske-, *-ne-, каузативы на *-eye- образуютъ только настоящее время. По отношенію къ настоящему, аористъ обыкновенно является формою болѣе короткою, и болѣе

легкою, какъ напр. греч. настоящимъ πεύθεσθαι и πυνθάνεσθαι соотвѣтствуетъ аор. πυθέσθαι.

Основы настоящаго времени образуютъ: 1) изъявительное наклоненіе, состоящее изъ настоящаго въ собственномъ смыслѣ, преходящаго и повелительнаго — 2) сослагательное наклоненіе — 3) желательное наклоненіе, напр. греческое λείπω (λείπεις), ἔλειπον, λεῖπε — λείπω (λείπῃς) — λείποιμι, слѣдовательно пять рядовъ формъ. Основы аориста образуютъ также: 1) изъявительное наклоненіе, состоящее изъ аориста въ собственномъ смыслѣ и повелительнаго — 2) сослагательное наклоненіе — 3) желательное наклоненіе: греч. ἔλιπον, λίπε — λίπω — λίποιμι, слѣдовательно четыре ряда формъ. Тоже самое въ ведическомъ языкѣ: настоящее время, изъявительное: настоящее въ собственномъ смыслѣ çr̥nóti „слышитъ“, преходящее áçr̥not „онъ слышалъ“, повелительное çr̥nudhí „слушай“; сослагательное çr̥náva t „слышалъ бы онъ“; желательное çr̥nuyā t „да слышитъ онъ“; — аористъ áçrot „онъ услышалъ“, повелительное çrudhí „услышь“; сослагательное çravat „услышалъ бы онъ“; желательное çrūyā t (пишется черезъ ū) „да услышитъ онъ“.

Основы настящаго и аориста не обозначаютъ различныхъ временъ: преходящее ἔλειπον, относящееся къ основѣ настящаго, и аористъ ἔλιπον оба обозначаютъ прошедшее время; а сослагательное наклоненіе аориста λίπω, какъ сослагательное настоящаго λείπω, уже вовсе не обозначаетъ прошедшаго времени. Традиціонное названіе настоящаго времени не должно вводить насъ въ заблужденіе: мы должны различать всегда систему настоящаго времени, содержащую различныя формы, въ томъ числѣ одно прошедшее, какъ ἔλειπον, сослагательное, какъ λείπω (λείπῃς), прилагаемое главнымъ образомъ къ будущему времени, и настоящее въ собственномъ смыслѣ λείπω (λείπεις), которое только одно обозначаетъ наличный фактъ, и отъ котораго вся система получила свое названіе.

Основа настоящаго времени обозначаетъ дѣйствіе, разсматриваемое въ его развитіи, въ его теченіи; основа аориста — одно только чистое дѣйствіе: первое можетъ быть символически обозначено линіею, второе — точкой. Эта противуположность настоящаго и аориста ясно проявляется въ греческомъ; возьмемъ слѣдующую фразу Ксенофонта

(Hell. I, 1, 3): ἐμάχοντο μέχρι οἱ Ἀθηναῖοι ἀπέπλευσαν смыслъ ея таковъ: „они сражались (дѣйствіе представляемое въ его развитіи, теченіи, поэтому преходящее), пока Аѳиняне не отплыли“ (обращается вниманіе только на одинъ фактъ отплытія, потому употребленъ аористъ). Всѣ особенности употребленія настоящаго времени и аориста сводятся къ этимъ общимъ ихъ значеніямъ; такъ ἄρχειν значитъ „быть начальникомъ“ (длительное значеніе), ἄρξαι между прочимъ обозначаетъ „принять начальство“ (просто чистый фактъ). Аористомъ часто обозначается дѣйствіе, которое длилось, но которое обозначается въ своей совокупности какъ цѣлое безъ выраженія оттѣнка длительности, такъ напр. у Геродота II, 157: ἡ Ἄζωτος ἀπασέων πολίων ἐπὶ πλεῖστον χρόνον πολιορκεομένη ἀνέσχε „Азотъ сопротивлялся осадѣ (фактъ, представляемый, какъ цѣлое) дольше всѣхъ другихъ городовъ“. Аористъ можетъ обозначать даже общій фактъ, если только мы не представляемъ его въ его развитіи, но только какъ фактъ, могущій повторяться безконечное число разъ: Ѳеогнидъ 329:

καὶ βραδὺς εὔβουλος εἶλεν ταχὺν ἄνδρα διώκων

„и медленный, да хитрый человѣкъ догонитъ быстраго“. Такое же противуположеніе настоящаго и аориста можно наблюдать, хотя и менѣе ясно, въ армянскомъ, еще менѣе ясно — въ индо-иранскомъ и въ слабой мѣрѣ — въ славянскомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта особенность индо-европейскаго глагола оказала наиболѣе сильное вліяніе на послѣдующее развитіе системы глагольнаго спряженія.

Въ предшествующемъ общемъ обзорѣ мы могли обращать вниманіе только на формы, установленныя согласнымъ свидѣтельствомъ по крайней мѣрѣ двухъ языковъ, и большое количество глагольныхъ образованій не было даже упомянуто. Тѣмъ не менѣе и эти указанія даютъ представленіе о томъ, насколько сложна была система индо-европейскаго глагола съ ея разнообразіемъ основъ и богатствомъ спряженія: сотнями считаются формы, которыя можно образовать отъ одного корня въ ведическомъ или гомеровскомъ языкѣ, если проспрягать глаголъ по всѣмъ основамъ во всѣхъ числахъ, лицахъ, залогахъ и по всѣмъ видамъ окончаній: первичныхъ, вторичныхъ и повелительнаго наклоненія. Такъ напр. скр. корень bhar- „нести“ даетъ въ Ригведѣ: настоящее bhárati

„несетъ“ (и атематическую форму bhárti), настоящее съ удвоеніемъ bíbharti, интенсивное настоящее bháribharti, будущее bhariṣyati, перфектъ jabhára (измѣненное изъ babhára, которое тоже встрѣчается), сигматическій аористъ ábhār (1 лицо ábhārṣam) и настоящее на -ya- bhriyate, и каждый изъ этихъ типовъ допускаетъ болѣе или менѣе многочисленныя формы различныхъ наклоненій, различныхъ лицъ и т. д. всего приблизительно 40 формъ (или 80, если считать дѣйствительный и средній залогъ, гдѣ они существуютъ одновременно), т. е. всего отъ пяти до шести сотъ формъ, къ которымъ нужно еще прибавить причастія, принадлежащія къ каждой основѣ. Эта огромная сложность, слѣды которой въ большей или меньшей степени сохранили всѣ языки, съ теченіемъ времени въ каждомъ отдѣльномъ діалектѣ упростилась и съ наибольшей ясностью сохранилась только въ санскритѣ, древне-иранскомъ и греческомъ.

Глава шестая.

Имя.

Индо-европейскій языкъ имѣлъ три разряда именъ различныхъ и по значенію и по формѣ:

A. Существительныя и прилагательныя.

B. Мѣстоименія указательныя, вопросительныя и другія сходныя съ ними.

C. Мѣстоименія личныя.

Кромѣ числа, которое свойственно всѣмъ измѣняемымъ словамъ, эти три разряда словъ имѣютъ общее имъ всѣмъ склоненіе, т. е. падежное измѣненіе формъ, и представляютъ, насколько это допускаетъ ихъ значеніе, слѣдующіе восемь падежей: именительный, звательный, винительный, родительный, аблативъ, дательный, творительный и мѣстный.

A. Существительныя и прилагательныя.

Прилагательныя не имѣютъ особаго склоненія, отличнаго отъ склоненія существительныхъ; единственная черта, характеризующая прилагательныя, это присутствіе трехъ родовъ: они имѣютъ рядомъ съ основою мужескаго и средняго рода основу женскаго рода, и основа мужескаго и средняго рода допускаетъ формы какъ мужескаго такъ и средняго рода въ тѣхъ трехъ падежахъ, гдѣ эти склоненія расходятся, между тѣмъ какъ существительныя имена имѣютъ только одну изъ этихъ двухъ основъ, по крайней мѣрѣ въ единств. числѣ; употребленіе формы одного изъ трехъ родовъ прилагательнаго обусловливается существительнымъ, къ которому оно относится. Но такъ какъ образованіе женскаго рода и скло-

неніе мужескаго и средняго въ прилагательныхъ не имѣетъ никакихъ особенностей, то нѣтъ причины прилагательныя отдѣлять отъ существительныхъ въ особый отдѣлъ, и мы будемъ изучать ихъ вмѣстѣ съ существительными.

а. Образованіе основъ.

Первичныя именныя основы стоятъ въ такой же связи съ корнями, какъ и первичныя глагольныя основы; и роль ихъ очень похожа на роль отглагольныхъ именъ новѣйшихъ языковъ. Такъ напр. въ санскритѣ имя дѣйствующаго лица (nomen agentis) на -tar- можетъ соединяться съ винительнымъ падежомъ, какъ и соотвѣтствующій глаголъ dātā vásu „податель блага“; лат. dator тоже первичное образованіе, хотя и измѣненное подъ вліяніемъ вокализма глагола dare; по образцу этихъ первичныхъ именъ были образованы такія отглагольныя имена, какъ pugnātor отъ pugnāre „сражаться“ и т. д.: образованіе такого рода отглагольныхъ именъ есть характерная черта почти всѣхъ исторически извѣстныхъ индо-европейскихъ языковъ; такъ вмѣсто первичнаго имени на *-tei-, засвидѣтельствованнаго скр. júṣṭiḥ „благосклонность, удовлетвореніе“, гот. (ga-)kusts „проба“, которое въ греч. имѣло бы форму *γυστις, греческій языкъ имѣетъ γεῦσις, произведенное отъ γεύω „пробую“; эти отглагольныя имена въ нѣкоторыхъ случаяхъ унаслѣдовали отъ первичныхъ именъ нѣкоторыя ихъ свойства, и въ латинскомъ, напр., мы находимъ ихъ въ сочетаніи съ винительнымъ падежомъ, какъ напр. у Плавта: quid tibi hanc curatiost rem? „что тебѣ до этого за дѣло?“ — Этимъ объясняется то обстоятельство, что неопредѣленныя наклоненія, развившіяся въ различныхъ языкахъ, производятся отъ первичныхъ основъ, какъ напр. скр. áje „чтобы вести“ есть дательный падежъ отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ *ag_1- „вести“; скр. vidmáne „чтобы знать“ — дательн. пад. отъ основы *widmen- „знаніе“; и т. д.

Число типовъ именныхъ образованій очень велико. Одинъ только корень *men- „думать“ представляетъ слѣдующія основы, засвидѣтельствованныя по крайней мѣрѣ двумя языками:

*ménes-: скр. mánaḥ (род. п. mánasaḥ) „мысль“, зд. manō, гр. μένος (род. п. μένεος).

*mén-men-: скр. mánma (mánmanaḥ) „мысль, молитва“, др.-ирл. menme „духъ“; ср. латышск. mīma „загадка“.

*mᵒn-ei: скр. múniḥ „вдохновенное лицо“, гот. muns (вин. п. мн. ч. munins) „мысль“.

*men-ter-: скр. mantā́ „думающій“, гр. Μέντωρ, лат. mentor, commentor „изобрѣтатель“.

*mén-tro-, *mén-tlo-: скр. mántraḥ „религіозная формула“, зд. mąθrō (то же значеніе), лит. (pa-)meñklas „памятникъ“.

*mn̥-tó-: скр. matáḥ „подуманный“, зд. matō, лит. miñtas, гот. munds, лат. (com-)mentus, можетъ быть гр. (αὐτό-)ματος.

*mén-tho- (или *men-to-?): лат. (com-)mentum „выдумка“; гот. (ga-)minþi „память“ (съ вторичнымъ суффиксомъ *-iyo-).

*mn̥-tei-: скр. matíḥ, mátiḥ „мысль“, лат. mens, др.-сл. (па-)мать, лит. (at-)mintis „память“, гот. (ga-)munds „память“.

И, вѣроятно, только случайно не засвидѣтельствованы двумя языками основы *mén-teu- скр. mántuḥ „мышленіе“ и основа *mon-o- лит. -manas.

Достаточно будетъ въ видѣ примѣра дать обзоръ нѣкоторыхъ главныхъ типовъ образованія именныхъ основъ.

1. Основы съ нулевымъ суффиксомъ; атематическій типъ. — Предшествующій окончанію элементъ, въ которомъ происходитъ чередованіе гласныхъ при склоненіи, представляетъ корень, и потому эти слова иногда являются въ различныхъ видахъ въ различныхъ языкахъ:

*ped- „нога“: скр. pā́t, имен. п. мн. ч. pā́daḥ, род. п. ед. ч. padáḥ; гр. дор. πῶς, πόδες, ποδός (звукъ ε въ корнѣ въ лесбосск. нарѣчіи πέδα „послѣ“); арм. otn (имен. и вин. п., происшедшій изъ винительнаго), им. п. мн. ч. otkh; лат. pēs, pedēs, pedis; гот. fotus, образованное по вин. пад. ед. ч. fotu. Индо-европейское склоненіе: им. п. ед. ч. *pṓts, им. п. мн. ч. *pód-es, род. п. и аблат. ед. ч. *ped-és, *ped-ós.

*wekʷ- „слово“: скр. vā́k, зд. vāxš (твор. п. vača); лат. uōx; гом. род. п. ὀπός, вин. п. ὄπα.

*weik₁- „кланъ, деревня“: скр. вин. п. ед. ч. víçam, др.-перс. viθ-, др.-сл. вьсь; гр. Foίκα-δε значитъ „домой“;

лит. vẽsz(-pats) „господинъ“ (дословно „родоначальникъ“); др.-прусск. wais(-pattin) „госпожа“.

*rēg$_1$- „царь“: скр. rāj- (им. п. ед. ч. rā́ṭ); лат. rēx, rēgis; др.-ирл. rī, rīg; галлск. -rīg- напр. въ Dumno-rīx т. е. „начальникъ долины“.

*sneigʷh- „снѣгъ“: гр. вин. п. ед. ч. νίφα, лат. nix, niuem.

*leuk- „свѣтъ“: скр. ruk-, дат. п. ед. ч. ruc-é; лат. lūx, lūcis.

гр. κῆρ, арм. sirt, др.-прусск. sīran „сердце“; лат. cor, cordis; лит. род. п. мн. ч. szirdų.

скр. kṣā́ḥ „земля“, вин. п. ед. ч. kṣā́mam, мѣстн. п. ед. ч. kṣā́mi, род. п. ед. ч. jmáḥ (изъ индо-иран. *gžhmas); гр. χθών, χθόνα; зд. zå, род. п. ед. ч. zəmō (*zmō — односложное), мѣстн. п. ед. ч. zəmi (*zami — двусложное), ср. гр. χαμαί. Чередованіе гр. χθ (= скр. kṣ): χ (= зд. z) въ словѣ χθών: χαμαί вполнѣ соотвѣтствуетъ чередованію гр. κτ (= скр. kṣ, иран. š): k (= иран. s) въ словѣ ἄρκτος (= скр. ŕkṣaḥ, зд. arəšō, см. выше стр. 77): ἄρκος (= перс. xirs).

скр. gáuḥ „быкъ, корова“, вин. п. ед. ч. gā́m, мѣстн. п. ед. ч. gávi; гр. βοῦς, вин. п. ед. ч. дор. βῶν; дат. (мѣстн.) ед. ч. βο(F)ί; лат. (заимствованное изъ провинціальнаго не латинскаго діалекта) bōs, bouis; др.-ирл. bō; др.-сакс. kō; арм. kov „корова“.

скр. mū́ḥ „мышь“, им. п. мн. ч. mū́ṣaḥ; гр. μῦς, μυός; лат. mūs, mūris; др.-вр.-нѣм. mūs; др.-сл. мышь (старый вин. п.). Никакого чередованія гласныхъ въ этомъ словѣ не засвидѣтельствовано; тоже самое и въ слѣдующемъ словѣ; такое употребленіе одной только нулевой ступени вокализма часто встрѣчается въ случаѣ долгихъ сонантовъ.

скр. bhrū́ḥ „бровь“, род. п. ед. ч. bhruváḥ; гр. ὀφρῦς, ὀφρύος; др.-сл. бръвь (старый вин. п. ед. ч.).

гр. θήρ (эол. φήρ), θηρός „звѣрь“; лит. вин. п. ед. ч. žvėrį; ср. тематическую форму лат. fĕrus „дикій“.

Основы съ нулевымъ суффиксомъ часто встрѣчаются въ индо-иранскомъ; греческій языкъ еще даетъ нѣкоторое количество примѣровъ этихъ основъ, какъ напр. πτώξ, πτωκός „трусливый“, и πτάξ, πτακός (происшедшее изъ стараго склоненія πτώξ, πτακός) при глаголѣ πτήσσω „пригибаюсь, прячусь“; κλώψ, κλωπός „воръ“, при κλέπτω „краду“; λίψ, λιβός „капаю-

щій, источникъ", при λείβω „лью" или внѣ связи съ глаголами γύψ, γῡπός „коршунъ"; κῖς, κιός „мучной червь"; и т. д. Мы находимъ такія основы особенно часто во второй части сложныхъ словъ, какъ напр. въ гр. χέρ-νιψ, χέρ-νιβος „вода для умовенія рукъ" при νίζω „мою", будущее νίψω, ср. скр. nir-ṇíj- „украшеніе"; ἐπί-τεξ „роженица" (съ вин. пад. ἐπί-τοκα у Геродота и др.) при τεκεῖν „родить"; лат. tubi-cen „трубачъ" при canō „пою"; au-spex „птицегадатель" при speciō „смотрю", ср. скр. spaç- „смотрящій"; и т. д. Часто индо-европейская основа съ нулевымъ суффиксомъ бываетъ засвидѣтельствована только косвенно — существованіемъ основъ со вторичными суффиксами; такъ и.-е. основа *meus- „муха" предполагается на основаніи производныхъ: лат. mus-ca, лит. mus-ė, гр. μυῖα (изъ *μυh-ya), др.-сл. **мъш-ица** (изъ *mus-ī-kā); арм. mun (изъ *mus-no-); др.-сл. **моуха** (изъ *mous-ā); др.-слав. **моуха**, напр., точно такъ же произведено изъ *mous-, какъ др.-сл. **юха** „уха" отъ формы съ вокализмомъ *o и съ нулевымъ суффиксомъ, засвидѣтельствованной лат. iūs скр. yū́ḥ „похлебка, супъ" и имѣющей свои производныя въ лит. júsz-ė „супъ", др.-прусск. juse.

Основы съ нулевымъ суффиксомъ атематическаго типа оказываются представленными въ языкѣ тѣмъ лучше, чѣмъ древнѣе историческая форма даннаго языка, и въ историческое время онѣ быстро исчезаютъ. Среди именныхъ образованій онѣ занимали въ индо-европейскомъ самое важное мѣсто.

2. Основы, характеризуемыя тематическимъ гласнымъ.— Этотъ типъ отличается отъ предыдущаго только присутствіемъ тематическаго гласнаго вслѣдъ за корнемъ: этотъ гласный совершенно мѣняетъ весь обликъ образованія, такъ какъ влечетъ за собою неподвижность вокализма корня и неподвижность ударенія въ склоненіи.

Самый важный случай такого образованія представляютъ основы съ кореннымъ вокализмомъ *o и съ удареніемъ на корнѣ, обозначающія дѣйствіе; онѣ часты въ индо-иранскомъ, въ славянскомъ, балтійскомъ и греческомъ; въ западныхъ діалектахъ: германскомъ, италійскомъ, кельтскомъ — онѣ встрѣчаются рѣдко. Примѣры:

гр. στόνος „стонъ", русск. стонъ, род. стóна; ср. гр. στένω, др.-сл. **стенѭ**.

скр. jánaḥ „народъ“ (основа jána-), гр. γόνος „рожденіе“, ср. скр. jánate „родитъ“, гр. γενέσθαι.

зд. takō „потокъ“, др.-сл. **токъ** (род. п. ед. ч. русск. тóка), ср. др.-сл. **текѫ**.

Это типъ гр. φόρος „подать“, φέρω; λόγος „слово“, λέγω; πλό(F)ος „плаваніе“, πλέω „плыву“; στοῖχος „рядъ“ στείχω „подымаюсь“; и т. д. Часто онъ служитъ названіемъ предметовъ, какъ напр. скр. jámbhaḥ „зубъ“, др.-сл. **зѫбъ** (род. п. ед. ч. русск. зýба), лит. žambas, гр. γόμφος, др.-вр.-нѣм. kamb „гребень“ при скр. jámbhate, др.-сл. **зѧбѣть** „разрываетъ“, или др.-сл. **козъ** (род. п. русск. вóза), гр. (F)όχος при др.-слав. **вєзѫ**.

Тѣ же основы съ удареніемъ на тематическомъ гласномъ обозначаютъ производителя дѣйствія или результатъ дѣйствія и часто имѣютъ характеръ прилагательныхъ: гр. τομός „рѣжущій“ рядомъ съ τόμος „рѣзаніе, сѣченіе“, ср. τέμνω „рѣжу“; τροχός „колесо“ рядомъ съ τρόχος „бѣгъ“, ср. τρέχω „бѣгу“; λοιπός „остальной“, ср. λείπω „оставляю“; σκοπός „сторожъ“, ср. σκέπτομαι; ὁλκός „ремень, воротъ“, ср. ἕλκω „тащу“; скр. varáḥ „женихъ“, рядомъ съ váraḥ „выборъ“; ç okáḥ „блестящій“ рядомъ съ ç ókaḥ „блескъ“; скр. ghanáḥ „палица“ рядомъ съ гр. φόνος „убійство“, русск. **гонъ** (род. п. гóна) и т. д. (ср. выше стр. 116). Лат. procus „женихъ“ (ср. precēs) имѣетъ индо-европейскую основу этой формы. Ударѐніе на концѣ слова повидимому характеризуетъ вообще значеніе прилагательнаго, конкретное значеніе, въ противуположность словамъ абстрактнаго значенія, которыя имѣютъ ударѐніе на корнѣ, т. е. въ началѣ слова.

Основы, имѣющія ударѐніе на тематическомъ гласномъ, допускаютъ и другой вокализмъ корня, кромѣ вокализма *ŏ, напр. нулевой вокализмъ, какъ въ скр. yugám „ярмо“, гр. ζυγόν, лат. iugum, гот. juk — скр. dīrgháḥ „длинный“ др.-сл. **дльгъ** — и т. д.; вокализмъ *e въ гр. λευκός „бѣлый“ (рядомъ съ λοῦσσον „бѣлая сердцевина ели“ и ἀμφι-λύκη „сумерки“) или вокализмъ *ō, какъ напр.: гр. σωρός „куча“ рядомъ съ σορός (относительно *ō ср. лит. жен. р. tvorá „изгородь“; корень *twerə- значитъ „хватать, обнимать“); ὠμός, скр. āmáḥ, арм. (h)um „сырой“ (рядомъ съ ирл. om, съ *ŏ); др.-сл. **нагъ** (русс. им. п. ж. р. нагá), лит. nūgas; гот. froþs (дат. п. ед. ч. frodamma) „умный“ рядомъ съ fraþjan „по-

нимать"; скр. nāyáḥ „проводникъ" рядомъ náyaḥ „поведеніе"; bhāráḥ „грузъ" рядомъ съ bháraḥ „ношеніе", гр. φόρος „налогъ". Основы съ нулевымъ вокализмомъ корня встрѣчаются во второй части сложнаго слова, какъ въ гр. νεο-γνό-ς „новорожденный"; и.-е. *ni-zdó- (скр. nīḍáḥ „гнѣздо", арм. nist, лат. nīdus, др.-вр.-нѣм. nest) отъ корня *sed- „сидѣть".

Часто тематическія основы имѣютъ видъ производныхъ отъ атематическихъ, какъ напр. скр. padám „шагъ, слѣдъ", зд. padəm „слѣдъ", гр. πέδον „почва", др.-исл. fet „шагъ", арм. het „слѣдъ шага" отъ *ped- „нога"; скр. himáḥ „зима", лат. bīmus (изъ *bi-himos) „двухъ лѣтъ", отъ *gʰyem-, засвидѣтельствованнаго лат. hiems „зима", зд. zyå (род. п. ед. ч. zimō) „зима"; гр. πῑερός, πῑαρός, скр. pīvaráḥ „жирный", рядомъ съ гр. πῖαρ „жиръ"; скр. udráḥ, зд. udrō „водяное животное", ὕδρος, др.-исл. otr „выдра" рядомъ съ гр. ὕδωρ, др.-вр.-нѣм. wazzar „вода"; и т. д. Нужно отмѣтить въ восточныхъ діалектахъ производныя отъ числительныхъ, употребляемыя съ именами, не имѣющими единств. числа: скр. trayáḥ, др.-сл. **трои**, лит. trejì, а также собирательныя средняго рода: др.-сл. **троє**, русск. трóе; др.-сл. **четкорн**, русск. чéтверо, скр. catvarám „четыреугольное пространство". Въ этихъ производныхъ ни вокализмъ предшествующаго окончанію элемента, ни мѣсто ударенія не являются опредѣленными: часто встрѣчаются несоотвѣтствія между отдѣльными языками. — Индо-иранскій діалектъ широко развилъ производныя этого рода съ долгимъ вокализмомъ (который по-санскритски называется vr̥ddhi) начальнаго элемента слова: скр. mānasáḥ „относящійся къ духу" отъ mánaḥ „духъ", saindhaváḥ „относящійся къ Инду", отъ síndhuḥ „рѣка, Индъ". Внѣ индо-иранскаго удлиненіе начальнаго элемента слова встрѣчается рѣдко; однако есть нѣсколько примѣровъ главнымъ образомъ въ балтійскомъ и славянскомъ.

Много тематическихъ словъ не подходятъ ни подъ какую опредѣленную категорію, какъ напр. скр. vŕkaḥ „волкъ", зд. vəhrkō, др.-сл. **влькъ** (род. п. русск. вóлка), лит. vil̃kas; скр. sánaḥ „старый", лит. sẽnas, др.-ирл. sen, арм. hin, гр. ἔνος; или, съ различіемъ въ вокализмѣ: *e въ гр. Fέργον, др.-вр.-нѣм. werc „дѣло", *o въ арм. gorc „дѣло" (ср. δη-

μιουργός изъ *δᾱμιο-Fοργος „ремесленникъ“), нулевой вокализмъ въ гот. waurk; — короткій звукъ въ скр. çapháḥ „копыто (лошади)“ и зд. safō, долгій въ др.-исл. hófr и др.-вр.-нѣм. huof.

3. Суффиксъ *-es-. — Суффиксъ *-es- образуетъ первичныя отвлеченныя имена средняго рода, съ вокализмомъ *e въ корнѣ и съ удареніемъ на элементѣ, предшествующемъ суффиксу:

*$k_1$leu-: скр. çrávaḥ „слава“ (род. п. ед. ч. çrávasaḥ), гр. κλέ(F)ος; зд. sravah- „слово“, др.-сл. **слоко** (съ **о**, происшедшемъ изъ **є** передъ **ко**), русск. сло́во.

*g_1ənə-: скр. jánaḥ „родъ“, гр. γένος, лат. genus.

Точно также въ словахъ съ менѣе яснымъ корнемъ:

скр. nábhaḥ „туча“, гр. νεφός, др.-сл. **нєкο**, русск. не́бо.

скр. rájaḥ „темнота“, гр. ἔρεβος, гот. riqis „темнота“, арм. erek „вечеръ“ (перешедшее въ основы на *-o-).

Нулевой вокализмъ греч. θάρσος, θράσος „смѣлость“ возникъ подъ вліяніемъ прилагательнаго θαρσύς, θρασύς, и эолическое собственное имя Ἵππο-θέρσης сохранило старый вокализмъ *e; вокализмъ *o гомеровскаго ὄχεα „коленица“ ὄχεσφιν возникъ подъ вліяніемъ (F)όχος, и Гесихій приводитъ ожидаемую форму ἔχεσφιν въ одной глоссѣ; о латинскаго pondus „вѣсъ“ (ср. глаголъ pendō) происходитъ отъ основы *pondo-, сохраненной въ аблативѣ pondō; и т. д.

Рядомъ съ отвлеченными существительными средняго рода съ удареніемъ на корнѣ, были и прилагательныя съ удареніемъ на суффиксѣ, — явленіе, вполнѣ напоминающее противуположеніе τόμος „отрѣзокъ, кусокъ“ и τομός „рѣжущій“ (стр. 215); такъ скр. apāḥ „дѣятельный“ рядомъ съ ápaḥ „дѣло“, гр. ψευδής „лживый“ рядомъ ψεῦδος „ложь“. Типъ этотъ встрѣчается чаще всего въ сложеніи, гдѣ прилагательное на *-és- противуполагается прилагательному не сложному другого образованія, какъ напр.:

скр.	cétaḥ „блескъ“	citráḥ „блестящій“	acetāḥ „лишонный блеска“
	práthaḥ „ширина“	pr̥thúḥ „широкій“	sapráthāḥ „имѣющій ширину“
гр.	πλάτος (по образцу πλατύς)	πλατύς	ἀπλατής „неимѣющій ширины“
зд.	drāǰō „длина“	darəγō „длинный“	zānu-drāǰå „имѣющій длину колѣна“

Есть также нѣсколько отвлеченныхъ именъ мужескаго и женскаго рода съ ударяемымъ суффиксомъ, имѣющимъ въ имен. п. ед. ч. и въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ тембръ *o:

скр. uṣā́ḥ „заря“, гом. ἠώς, атт. ἕως (изъ *āusṓs); ср. лат. производное aurōra.

гр. вин. п. ед. ч. αἰῶ изъ *αἰFόha; мѣст. п. αἰ(F)ές и αἰ(F)εί (изъ *αἰFεhι) „всегда“.

гр. αἰδώς „стыдъ“, ср. прилагат. ἀν-αιδής „безстыдный“ и производный глаголъ αἰδέομαι „стыжусь“, гомер. будущее αἰδέσσομαι.

лат. angor „удушье“ (и angus-tus „тѣсный“) при скр. áṃhaḥ (ср. р.), зд. ązō „стѣсненное положеніе, нужда“ и лит. añk-sz-tas „узкій“.

Формы мужскаго (и женскаго) рода могли существовать рядомъ съ формами средняго рода, какъ о томъ свидѣтельствуютъ лат. decus и decor „приличіе“, tenus „растянутый шнурокъ“ и tenor „непрерывность, связь“.

4. Суффиксъ *-eu-. — Суффиксомъ *-eu- образуются многочисленныя прилагательныя, имѣющія удареніе на суффиксѣ, вокализмъ корня обыкновенно — нулевой ступени, такъ:

скр. gur-ú-ḥ „тяжелый“, гр. βαρ-ύ-ς, гот. kaur-u-s (ирл. bair); ср. лат. grauis (изъ *grə-w-is; см. стр. 100).

скр. tr̥ṣ-ú-ḥ „томимый жаждой“, гот. ƀaursus „сухой“ (съ s по аналогіи глагольной формы -ƀairsan; древнее z, отразившееся въ видѣ r, сохранилось въ др.-исл. ƀurr, др.-вр.-нѣм. durri.)

гр. βαθ-ύ-ς „глубокій“ при βένθος „глубина“.

Въ другихъ случаяхъ корень имѣетъ вокализмъ *o:

гр. πολ-ύ-ς „многій“, др.-англ. feal-a, при скр. pur-ú-ḥ „обильный“, и при неожиданномъ вокализмѣ *e въ гот. fil-u „много“, др. ирл. il.

Существительныя на *-eu- не образуютъ единой категоріи ни по смыслу, ни по формѣ (многія принадлежатъ даже къ не извѣстнымъ въ другихъ языкахъ корнямъ):

скр. paçúḥ (муж. р.) и páçu (ср. р.) „стадо“, гот. faihu „имущество, деньги“, лат. pecus и pecu „скотъ“, др.-лит. pekus.

скр. hánuḥ „челюсть“ (относительно начальнаго h см. стр. 142), гр. γένυς, гот. kinnus, др.-ирл. gin (род. п. geno), лат. genu-(īnus) „челюстной“.

скр. ketúḥ „явленіе, знакъ“ съ вокализмомъ *o въ корнѣ и съ ударяемымъ суффиксомъ, какъ и гот. haidus „способъ“.

др.-сл. **домъ**, род. п. **домоу**, лат. domus, род. п. domūs могли заимствовать свой вокализмъ изъ основы *dómo- (скр. dámaḥ „домъ“, гр. δόμος), съ которой они и чередуются въ склоненіи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ суффиксъ *-eu- имѣетъ видъ вторичнаго суффикса; напр. скр. manyúḥ „гнѣвъ“ = зд. mainyuš „духъ“ имѣетъ видъ производнаго слова отъ основы *mᵒnei-, засвидѣтельствованной гот. muns „мысль“; греческія слова на -ηυ- типа φορεύς, φορῆ(F)ος (атт. φορέως) „носитель“ по правилу суть производныя отъ тематическихъ основъ, ср. гр. φόρος.

5. Суффиксъ *-yo- (*-iyo-). — Вторичный суффиксъ *-yo- (*-iyo-) образуетъ прилагательныя и производныя отвлеченныя имена сушествительныя отъ именъ.

*gʷow- „корова“: скр. gáv-ya-ḥ „коровій“, зд. gao-ya-, арм. kog-i „масло“, гр. (ἐννεά-)βοιος (изъ *-βοF-yo-ς).

Конечный гласный основы тематическаго типа не сохраняется передъ этимъ суффиксомъ:

скр. svápn-(i)ya-m „сновидѣніе“ отъ svápna-ḥ „сонъ“, лат. somn-iu-m „сновидѣніе“ отъ somnus „сонъ“, др.-сл. **съни-ье** отъ **сънъ**, гр. (ἐν-)ὑπνιον отъ ὕπνος.

скр. áçv-iya-ḥ „лошадиный“ отъ áçva-ḥ „лошадь“, гр. ἵππ-ιος отъ ἵππος.

Суффиксъ *-yo- (*-iyo-) продолжалъ образовывать слова въ индо-иранскомъ, греческомъ, славянскомъ, латинскомъ и т. д.; какъ напр. гр. τέλειος (*τελεσ-yo-ς) отъ τέλος „конецъ“, θελκτήρ-ιο-ν „волшебство“ отъ θελκτήρ „волшебникъ“ и т. д.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ суффиксъ образуетъ какъ будто первичныя основы, какъ греч. στύγ-ιο-ς „ненавистный“, др.-сл. **лъжь** „лгунъ“ (*лъж-ье-), на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ производныя отъ основъ съ нулевымъ суффиксомъ *stug-, *lugh-, которыя случайно не засвидѣтельствованы.

Суффиксъ *-yo- (*-iyo-) означаетъ противуположеніе между многими лицами или вещами, тогда какъ *-ero-, *-tero- обозначаетъ противуположеніе двухъ; такъ напр.:

al-yo- „другой“ въ гр. ἄλλος, лат. alius, гот. aljis,

др.-ирл. aile и *an-yo- въ скр. anyáḥ „другой“, зд. anyō, при лат. alter и гот. anþar, лит. añ-tra-s „другой (изъ двухъ), одинъ (изъ двухъ)“.

Поэтому гр. δεξι-ό-ς и лат. dex-ter „правый“ оба имѣютъ суффиксы, означающіе противуположеніе, но съ первоначально различными оттѣнками значенія. — Въ скр. náv-ya-ḥ „новый“, лит. naŭ-ja-s, гот. niu-ji-s, галлск. nov-io- суффиксъ *-yo- служитъ для обозначенія „новаго“ въ противуположность всему, что уже не ново.

Въ именительномъ падежѣ ед. ч. тематическій гласный можетъ отсутствовать; им. п. ед. ч. иранской основы āhurya- „ахуровъ“ въ зендскомъ имѣетъ форму āhur-i-š; им. п. ед. ч. литов. основы žirn-ja- „горохъ“ (производное отъ *$g_1\bar{r}_0$no-: лат. grānum, др.-сл. зрѣно и т. д.) будетъ žìrn-i-s и им. п. ед. ч. отъ лит. основы ož-ja- „козелъ“ (производное отъ *āg_1-, *ag_1-) — ož-ỹ-s; им. п. ед. ч. отъ гот. har-ja- „войско“ и haird-ja- „пастухъ“ — harjis (вм. *har-i-s съ j изъ другихъ падежей) и haird-ei-s; кимр. ail „второй“ происходитъ отъ *ali-, а не отъ *alyo- и т. д. Въ латинскомъ, им. п. ед. ч. -is обыкновенно влечетъ за собою переходъ слова во всѣхъ формахъ въ атематическое склоненіе основъ на *-ei-, откуда imberb-i-s „безбородый“, exsomn-i-s „бодрствующій“ и т. д. Чередованіе *-yo- и *-ĭ- въ этихъ вторичныхъ образованіяхъ совершенно сходно съ чередованіемъ *-yo- и *-ĭ- въ такихъ образованіяхъ, какъ лат. sōpiō, sōpīs; гот. satja „ставлю“, satjis (измѣнено изъ *satis); и т. д. (ср. стр. 178 и 172).

6. Суффиксъ *-en-. — Какъ и предшествующій, суффиксъ *-en- — вторичный; такъ гот. guma, род. ед. gumins „человѣкъ“, лат. homō, hominis — производныя отъ основы *$g_1$hem- зд. zəm- „земля“, гр. χαμ-αί лит. žẽm-ė „земля“, лат. hum-u-s: человѣкъ есть существо „земное“ въ противуположность „небеснымъ“ богамъ; скр. rā́j-an- „царь“ (им. п. ед. ч. rā́jā, род. п. rā́jñaḥ) — производное отъ rāj-, ср. лат. rēx. Все германское слабое склоненіе содержитъ этотъ вторичный суффиксъ, такъ напр. (heri-)zogo „воевода“ род. п. (heri-)zogen, при лат. duc- (им. п. dux). Сливаясь съ конечнымъ гласнымъ тематической основы, суффиксъ даетъ долгій гласный въ гр. στράβων род. п. στρά-

βωνος, отъ στραβός „кривой“, въ зд. mąθrān- „произносящій молитву, — святыя слова“ отъ mąθra- „молитва“ и т. д. (Типъ этотъ распространился далеко за свои старые предѣлы).

Нѣсколько отдѣльныхъ словъ, повидимому, производныхъ отъ основъ съ нулевымъ суффиксомъ, имѣютъ этотъ суффиксъ; таковы:

скр. tákṣ-an- „плотникъ“, зд. taš-an-, гр. τέκτ-ον-;
скр. ukṣ-án- „быкъ“, гот. auhs-in-;
зд. arš-an- „самецъ“, гом. ἄρσ-εν-, іон. ἔρσ-εν-;
скр. yúv-an- „молодой“, зд. y(u)v-an-, лат. juu-en-(is).

7. Суффиксъ *-no-. — Яснѣе всего употребленіе суффикса, какъ вторичнаго, засвидѣтельствованное такими образованіями, какъ лат. aēnus „мѣдный“ (изъ *ayes-no-s) отъ aes „мѣдь“, ebur-nu-s „слоновой кости“ отъ ebur-; гр. ἀλγεινός „тяжкій“ (*αλγεσ-νο-ς) отъ ἄλγος „боль“; σελήνη, дор. σελᾱ́νᾱ, лесб. σελάννᾱ (*σελασ-νᾱ) „луна“ (собств. „блестящая“) отъ σέλας „блескъ“ и т. д.; индо-европейскій примѣръ:

зд. raoxš-na- „блестящій“, др.-прусск. laux-nos „звѣзды“, лат. lūna (losna въ діалектѣ Пренесте), др.-ирл. lūan, др.-сл. **луна**, т. е. основа *louks-no-; гр. λύχ-νος „свѣтильникъ“ отражаетъ *luks-no-s; въ обѣихъ формахъ мы имѣемъ дѣло съ производными отъ основы *leuk-es-, засвидѣтельствованной др.-перс. raučah- „день“, зд. raočah- „свѣтъ“.

Часто также ударяемый суффиксъ *-no- присоединяется къ нулевой ступени корня и образуетъ прилагательныя одного значенія съ прилагательными на *-tó- типа скр. çrutá-ḥ „слышанный“, гр. κλυ-τό-ς „славный“, лат. (in-)clutus, которыя мы разсмотримъ ниже на стр. 225; напр.

скр. pūr-ṇá-ḥ „полный“, др.-сл. **пълнъ**, лит. pil-na-s, гот. fulls (изъ *ful-na-z), др.-ирл. lān; ср. лат. plē-nu-s, съ другимъ вокализмомъ (см. стр. 133).

Этотъ типъ часто встрѣчается въ санскритѣ: tīr-ṇá-ḥ „переправившійся“, bhin-ná-ḥ „разсѣченный“ и т. д.; точно также гр. στυγ-νό-ς „ненавистный“.

Тотъ же суффиксъ, присоединенный къ ударяемому корню (или вѣрнѣе къ основѣ съ нулевымъ суффиксомъ) съ различными ступенями вокализма, но чаще — съ вокализмомъ *o, образуетъ имена, означающія дѣйствія (nomina actionis):

*swóp-no- въ лит. sāp-na-s „сонъ“, арм. khun, скр.

svá-p-n-aḥ, лат. som-nu-s (два послѣднія слова могутъ также отражать *swép-no-, какъ др.-исл. suef-n „сонъ); *súp-no- въ гр. ὕπ-νο-ς, др.-сл. съ-нъ, др.-ирл. sū-an, кимр. hūn „сонъ“.

скр. dá-na-m „даръ“, лат. dō-nu-m.

скр. sthá-na-m „мѣсто отдыха“, лит. stó-na-s „положеніе“.

Или съ суфф. *-nā-:

*kʷoi-ná-: зд. kaē-na „месть“, др.-сл. цѣ-на, гр. ποι-νή.

Вокализмъ *o въ корнѣ обыченъ въ греческихъ словахъ типа: χό(F)-ανο-ς „плавильный тигель“, ср. χέ(F)-ω; (F)όργ-ανο-ν „орудіе“, ср. (F)έργον „дѣло“; и т. д.

Суффиксъ прилагательнаго допускаетъ также форму *-eno- въ гот. fulg-in-s „скрытый“ при filha „скрываю“ и въ славянскихъ причастіяхъ типа др.-сл. клѣк-енъ при глаголѣ клѣкж, лит. velkù, и форму *-ono- въ германскихъ причастіяхъ типа гот. bit-an-s „разсѣченный“ при beita „разсѣкаю“ (ср. выше приведенное скр. bhin-ná-ḥ) др.-вр.-нѣм. (gi-)wort-an „ставшій“. — Форма *-ono- образовывала также и существительныя, давшія германскія неопредѣленныя наклоненія: гот. itan „ѣсть“, ср. скр. ádanam; греческій языкъ имѣетъ суффиксъ *-onā-, напр. въ словѣ ἡδονή „удовольствіе“; при ἡδύς „сладкій, пріятный“. Форма *-eno- находится также, напр., въ гот. aigin „собственность“, арм. lusin „мѣсяцъ“.

8. Суффиксъ *-mo-. — Суффиксомъ *-mo- образуются вторичныя прилагательныя, какъ гр. βάσι-μος „проходимый“, ἔτυ-μο-ς „дѣйствительный“ (ср. ἐτε(F)ός „истинный“), лит. árty-ma-s „близкій“, скр. ruk-má-ḥ „блестящій“ (отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ *leuk-: лат. lūx, скр. ruc-); въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ въ гр. θερ-μό-ς „горячій“, арм. jer-m (и зд. garə-ma- „горячій“, лат. for-mu-s, ирл. gor-m „блестящій“ съ вокализмомъ *o въ корнѣ) первичная основа, отъ которой произведено прилагательное на *-mo-, случайно не засвидѣтельствована. — Какъ и суффиксъ *-yo-, этотъ суффиксъ означаетъ противуположеніе между болѣе чѣмъ двумя предметами, напр. лит. pìr-ma-s „первый“, гот. fruma, лат. prīmus, гр. πρόμος „предводитель, глава“.

Кромѣ того, тотъ же суффиксъ образуетъ существительныя, одни — явно вторичныя, какъ напр.:

скр. dru-má-ḥ „дерево“, гр. δρυ-μά „лѣсъ“; ср. скр. dā́ru, род. п. drúṇaḥ „дерево“ и гр. δόρυ „копье“, δρῦς „дубъ“; другія — не поддающіяся точному анализу, какъ:

скр. dhū-má-ḥ „дымъ“, лит. dú-mai (мн. ч.), др.-сл. **дымъ**, лат. fū-mu-s.

скр. īr-má-ḥ „рука“, зд. arə-ma-, гот. ar-m-s, лат. ar-mu-s, др.-сл. **рамо** „плечо“, др.-прусск. ir-mo „рука“.

др.-исл. halmr „солома“, лат. culmus, латыш. salms, др.-сл. **слама**, русск. соло́ма, серб. сла̀ма (славянскій суффиксъ здѣсь *-mā-) съ вокализмомъ *o въ первомъ элементѣ двухсложнаго корня, примѣрно *$k_1$olәmo-, и гр. κάλαμος, καλάμη — съ нулевымъ вокализмомъ корня.

Наконецъ, типъ отвлеченныхъ существительныхъ на *-smo-, съ вокализмомъ *o въ элементѣ, предшествующемъ суффиксу, и съ удареніемъ на суфф. *-smo-, засвидѣтельствованъ такими литовскими словами, какъ laĩk-sma-s „складываніе“, ср. lenkiù „складываю“, vaĩk-sma-s „волоченіе“, ср. velkù „волочу“, и греческими πλοχμός „коса (волосъ)“ (изъ *πλοκ-σμο-ς), ср. πλέκω; σχισμός „отдѣленіе“ (изъ *σχιδ-σμο-ς), ср. σχίζω; и т. д.

9. Суффиксъ *-er-. — Этотъ суффиксъ повидимому уже въ древнее время пересталъ образовывать новыя основы. Онъ образуетъ:

α. Имена родства, не поддающіяся анализу:

скр. svásā „сестра“ (основа svásar-), зд. hvaŋhar-, арм. khoyr (изъ *swesōr, дающаго *khehur, *kheur, откуда khoyr), лит. sesū̃ (род. п. seserš), лат. soror, др.-ирл. siur, гот. swistar.

скр. devā́ „деверь“ (основа devár-), гр. δᾱήρ, арм. taygr, лит. dẽveris, др.-сл. **дѣверь**.

β. Именительный и винительный падежи средняго рода единственнаго числа именъ, остальныя формы которыхъ имѣютъ суффиксъ *-en-:

скр. ū́dhar „вымя“, род. п. ū́dhnaḥ, гр. οὖθαρ, οὔθατος; лат. ūber, др.-вр.-нѣм. ūtar.

Производныя этихъ именъ имѣютъ также *-r-:

гр. πῑ́(F)αρ (рядомъ съ πῑ́ων, скр. pī́vā „жирный“):

(πῑF)ερός, скр. pīvaráḥ „жирный“ и женскій родъ: гр. πῑ́(F)ειρα, скр. pī́varī.

γ. Нарѣчія, обозначающія противуположеніе двухъ вещей:

скр. up-ár-i „выше“, гр. ὕπ-ερ, лат. sup-er, при скр. upamáḥ „высшій“, лат. summus.

зд. aδ-air-i „внизу“ при скр, adhamáḥ, лат. (діалектическаго происхожденія) infimus.

Отсюда произошли прилагательныя на *-ero-, обозначающія сравненіе двухъ вещей:

скр. úp-ara-ḥ „высшій“, греч. ὕπ-ερος „пестъ“, лат. sup-eru-s.

скр. ádh-araḥ „нижній“, лат. (діалектическое) inf-eru-s.

10. Суффиксъ *-ro-. — Суффиксъ *-ro- (или *-ero-) служитъ для образованія прилагательныхъ того же значенія какъ и суфф. *-eu-, какъ напр. гр. κρατ-ύ-ς и κρατ-ερό-ς „сильный“; онъ часто бываетъ вторичнымъ, какъ въ гр. λιγυ-ρό-ς „звонкій, звучный“, φοβε-ρό-ς „страшный, трусливый“ и т. д.: но онъ присоединяется къ корнямъ и непосредственно, и тогда вокализмъ корня бываетъ *o или нуль: гот. bait-r-s „горькій“ (дословно „кусающій“) изъ *bhoid-ró-s и др.-вр.-нѣм. bittar „горькій“ изъ *bhid-ró-s; др.-вр.-нѣм. heitar „блестящіи“, изъ *kʷoit-ró-, и скр. cit-ráh „блестящій“; нулевой вокализмъ встрѣчается чаще всего: скр. çū-ráḥ „сильный“, зд. sū-rō, гр. (ἀ-)κῡ-ρο-ς „недѣйствительный“; ср. скр. çáv-aḥ „сила“.

11. Суффиксъ *-lo-. — Суффиксъ *-lo- служитъ только распространеніемъ того слова, отъ котораго онъ образуетъ производное, въ скр. bahu-lá-ḥ „обильный“, гр. παχυ-λό-ς „толстоватый“ отъ скр. bahúḥ, гр. παχύς; скр. nābhī-la-m „пупъ“, гр. ὀμφα-λό-ς, лат. umbi-l-(īcus), др.-вр.-нѣм. nabolo и т. д. Гот. sit-l-s „сидѣніе“ (ср. лат. sella „кресло“, лаконск. ἕλλα) можетъ считаться производнымъ отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ *sed-, ср. скр. вин. п. ед. ч. sád-am, дат. sád-e „чтобы сидѣть“ и лат. сложное слово (prae-)ses „предсѣдатель“, какъ гр. ὁμαλός „ровный“ происходитъ отъ ὁμός, и лат. similis „похожій“, ирл. samail „сходство“ отъ *sem- „одинъ, одинаковый“ (гр. εἷς, ἕν).

Суффиксъ *-lo- образовывалъ имена дѣйствующихъ

лицъ (nomina agentis), какъ лат. bib-ulus „пьющій, пьяница“, crēd-ulus „довѣрчивый“, trem-ulus „дрожащій“, откуда произошли такія славянскія и армянскія причастія на *-lo-, какъ др.-сл. **несль** (**несмь**) и арм. gereal (em) „я взялъ“, и армянское неопредѣленное наклоненіе gerel „брать“.

Наконецъ, тотъ же суффиксъ образовывалъ уменьшительныя имена: agel-lu-s отъ ager „поле“; porcu-lu-s „поросеночекъ“, лит. parszē-l-(is), др.-вр.-нѣм. farhe-l-ī.

12. Суффиксъ *-et- (*-ed-). — Суффиксъ *-et- главнымъ образомъ играетъ роль распространителя основъ, чаще всего основъ съ нулевымъ суффиксомъ, въ скр. stú-t- „прославленіе“, зд. stū-t- „прославляющій“; скр. srav-át- „рѣка“; гр. ϑη-τ- „наемникъ“; скр. (bhāra-)bhr̥-t- „носящій (тяжести)“; гр. (ἀ-)γνώ-τ- „незнающій“; или другія основы: скр. daçá-t- „десятокъ“, др.-сл. **десм-т-**, лит. deszim-t- или съ суфф. *-d- гр. δεκά-δ-; гр. βαρυ-τᾱ-τ- (βαρύτης „тяжесть“) при скр. gurutā „тяжесть“; скр. sarvá-tā-t-, зд. haurva-tā-t- „нетронутость“, гр. ὁλ(F)ο-τᾱτ- (ὁλότης) происшедшее отъ основы *solwo-tā-, и т. д., и т. д.

Трудно поддаются анализу основы:

лат. noc-t- (nox, noctis) „ночь“; гр. νύξ, νυκτός; гот. nahts, др.-лит. род. п. мн. ч. nakt-ų;

скр. náp-āt „внукъ“; лат. nepōs, nepōtis; др.-лит. nepotis; др.-ирл. niae, род. п. ед. ч. niath „племянникъ“.

13. Суффиксъ *-to- (*-do-). — Ударяемый суффиксъ *-tó- присоединяется къ корню съ нулевой ступенью вокализма для образованія прилагательныхъ:

скр. çru-tá-ḥ „слышанный“, зд. srutō, гр. κλυτός „славный“, лат. (in-)clutus, др.-врх.-нѣм. Hlot-(hari) „Лотарь“ („имѣющій славное войско“).

скр. syū-tá-ḥ „сшитый“, лит. siú-ta-s, др.-сл. **шн-тъ** (изъ ***сjы-тъ**), лат. sū-tu-s, гр. καττῡ-τό-ς (изъ *κατ-σῡ-το-ς).

Этотъ типъ образованій представленъ многочисленными примѣрами.

Тотъ же суффиксъ образуетъ производныя имена, обозначающія обладаніе: лат. sceles-tu-s „преступный“ отъ scelus „преступленіе“; barbā-tu-s „бородатый“ отъ barba „борода“, ср. др.-слав. **брада-тъ** отъ **брада** и лит. barzdó-ta-s

„бородатый“ отъ barzdà; гр. κοντω-τό-ς „снабженный багромъ“ отъ κοντός „багоръ“; лит. kalnŭ-ta-s „холмистый“, отъ kálnas „холмъ“ (слѣдуетъ обратить вниманіе на *o въ κοντωτός, kalnŭtas); гот. (un-)qeni-þ-s „неженатый“, и т. д.

Эти два типа употребленія нашего суффикса вполнѣ совпадаютъ съ такими же типами употребленія суффикса *-no- (см. стр. 221 сл.); напр. лат. fissus (изъ и.-е. *bhit-to-s) „разсѣченный“ соотвѣтствуетъ скр. bhinnáḥ, и лат. scelestus греческому ἀλγεινός.

Есть также существительныя на *-to- съ кореннымъ вокализмомъ *o и съ удареніемъ на корнѣ: гр. φόρ-το-ς „тяжесть“ рядомъ съ φέρω; νόσ-το-ς „возвращеніе“ рядомъ съ νέομαι (основа *nese-); κοῖ-το-ς „кровать, ложе“ рядомъ съ κεῖ-μαι; др.-прусск. dalp-ta-n, др.-сл. **дъл-то** „долото“; др.-прусск. pan-to (жен. р.) „путы“, др.-сл. **пѫ-то** (серб. пу̑то) рядомъ съ др.-сл. **пѧти** и т. д. Нѣкоторыя слова имѣютъ иной вокализмъ, какъ гр. κάμα-το-ς „усталость“ и др.-сакс. morth „убійство“; эти имена могутъ также соотвѣтствовать индо-иранскимъ именамъ на *-tha-, какъ скр. uk-thá-m, зд. ux-δə-m „слово“. Существительныя на *-to- (или *-tho-) по значенію и по формѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ типу *swop-no-, sup-no-, упомянутому на стр. 221 и сл. — Какъ вторичный, суффиксъ этотъ образуетъ также и существительныя: др.-сл. **жѝво-тъ**, гр. βίο-το-ς; особенно въ женскомъ родѣ: лит. gyva-tà „жизнь“, лат. uī-ta (изъ *uīuo-tā), гр. βιο-τή.

Форма *-eto- засвидѣтельствована такими словами, какъ гр. ἑρπ-ετό-ν „пресмыкающееся“; галл. nem-eto-n, др.-ирл. nem-ed „святилище“; а форма *-oto- — готскимъ naq-aþ-s „голый“.

Параллельно чередованію *-t-: *-d- въ скр. daçát-: гр. δεκάδ-, мы наблюдаемъ и чередованіе *-to-: *-do-; таковы лит. tvìr-ta-s „твердый“ и др.-сл. **тврьдъ**; гот. naq-aþ-s „голый“ и лат. nūdus (изъ *nogʷ-edos); суффиксъ *-do- латинскаго for-da „стельная (корова)“ мы находимъ и въ др.-сл. производномъ **брѣжда** (изъ *bherə-d-yā) „беременная“. Латинскій языкъ имѣетъ цѣлый рядъ образованій этимъ суффиксомъ: calidus „теплый“, horridus „шероховатый“ и т. д.

14. Суффиксъ *-ko-. — Суффиксъ *-ko- представляетъ тематическую форму суффикса *-ek-: скр. marya-ká-ḥ

„человѣкъ“ слѣдуетъ сближать съ гр. μεῖραξ „юноша“, др.-сл. **новакъ** съ гр. νέ(F)ᾱξ „юноша“; скр. ánta-ka-ḥ „конечный“ есть производное отъ ántaḥ „конецъ“; др.-сл. **нно-къ**, гот. aina-h-s, лат. ūni-cu-s, отъ и.-е. *oino- „одинъ“; др.-сл. **кратъ-къ**, отъ основы *kortu-, ср. лит. kartùs „горькій“; гр. θηλυ-κό-ς „женскій“, φυσι-κό-ς „природный“ и т. д. ясны по своему составу; особо слѣдуетъ отмѣтить *-sko- въ гр. παιδί-σκο-ς „мальчишка“, гот. þiudi-sk-s „языческій“ и т. д.

15. Суффиксы *-yes- (*-īyes) и *-istho-. — Это первичные суффиксы, служащіе для образованія сравнительной и превосходной степени; ударяемый корень имѣетъ вокализмъ *e: скр. vás-yas-, зд. vaṅh-yah- „лучшій“, атт. вин. п. ед. ч. ὀλείζω (-ω изъ -οα, древняго *-osn̥) „меньше“; др.-сл. **горьшь** „хуже“; скр. svā́d-īyas- „слаще“, атт. вин. п. ед. ч. ἡδ-ί̄ω; лат. -iōr- въ словахъ suāu-ior „слаще“, sen-ior „старше“ и т. д. можетъ отражать и *-yōs- и *-īyōs-. Германскій языкъ имѣетъ суффиксъ *-yes- только въ формѣ безъ *e, *-is- со слѣдующимъ вторичнымъ суффиксомъ *-en-: гот. sūt-iz-an- „слаще“, точно соотвѣтствующее іонической основѣ ἡδ-ι-ον-; аттическое противуположеніе основы на *-īyos- *-is-on- въ другихъ падежахъ (род. ед. ἡδί̄ονος и т. д. съ ῑ̆ въ вин. п. ед. ч. ἡδί̄ω и въ им. п. мн. ч. ἡδί̄ους, основѣ на по образцу ἡδί̄ω, ἡδί̄ους) отражаетъ, какъ мы увидимъ ниже, индо-европейское состояніе.

Вокализмъ и мѣсто ударенія могутъ быть пояснены слѣдующими примѣрами:

скр.	ur-ú „широкій“	vár-īyas- „шире“
	dū-rá- „далекій“	dáv-īyas- „дальше“
	tig-má- „острый“	téj-īyas- „острѣе“
	náv-a- „новый“	náv-yas- „новѣе“
зд.	asnāṭ „близко“ (изъ *n̥zd-na-)	nazd-yah- „ближе“
гр.	ὀλίγος „немногій“	ὀλείζων „меньше (числомъ)“
	κρατύς, κρατερός „сильный“	іон. κρέσσων (изъ *κρετ-γων) „сильнѣе“

Эти слова не происходятъ отъ соотвѣтствующихъ прилагательныхъ, но восходятъ непосредственно къ корнямъ; это не сравнительныя степени, но своего рода усилительныя

формы: вед. yáj-īyas- означаетъ „особенно хорошо приносящій жертву“.

Превосходная степень на *-istho- произошла изъ предыдущихъ основъ прибавленіемъ суффикса *-tho-; таковы скр. svād-iṣṭha-ḥ „самыи сладкій“, гр. ἥδ-ιστο-ς, др.-врх.-нѣм. suoz-isto.

16. Суффиксъ *-tero-, *-toro-, *-tro-. — Вторичный суффиксъ *-tero- обозначаетъ противуположеніе двухъ предметовъ, такъ напр.

основа *kʷo-: скр. ka-tará-ḥ „который (изъ двухъ)“, гр. πό-τερο-ς, гот. hwa-ƀar, др.-сл. **ко-тєрънъ, ко-торънъ**, лит. ka-trà-s, лат. u-ter.

лат. al-ter, ср. alius; гр. ἕτερος, ἄτερος; ср. совершенно другое значеніе слова ἄλλος и т. д. (см. стр. 219 сл.).

скр. án-tara-ḥ „внутренній“, гр. ἔν-τερο-ν „внутренность“, лат. interior (съ прибавленіемъ суффикса -ior, сдѣлавшагося въ лат. языкѣ знакомъ всякой сравнительной степени).

Старое значеніе суффикса сохранилось, напр., въ слѣдующихъ словахъ элейской надписи: ματε ἐρσεναιτεραν ματε θηλυτεραν „ни самца ни самки“; скр. açva-tará-ḥ „мулъ“ обозначаетъ животное, похожее на лошадь, но противуполагаемое лошади; лат. māter-tera „сестра матери“ — лицо близкое къ матери, но противуполагаемое ей, и т. д. Благодаря этому значенію суффиксъ *-tero- сталъ вторичнымъ суффиксомъ сравнительной степени въ греческомъ и индоиранскомъ: гр. ὠμό-τερο-ς отъ ὠμός „сырой“, скр. āmá-taraḥ отъ āmáḥ „сырой“; въ ирландскомъ этотъ суффиксъ принялъ особое значеніе сравнительной степени равенства, напр. soir-bithir „столь же легкій“ къ soirb „легкій“; старинное значеніе сравнительной степени здѣсь было не „болѣе сырой“, а „сырой“ въ сравненіи съ тѣмъ, что не сыро: гр. ὀρέσ-τερο-ς не значитъ „болѣе гористый“, но просто „гористый“ въ противуположность „низменный“.

Суффиксъ *-tero- состоитъ изъ двухъ суффиксовъ: *-t(o)- и *-ero-; соотвѣтствующій суффиксъ, обозначающій противуположеніе многимъ предметамъ имѣетъ въ первой части тотъ же суффиксъ *-to-, а во второй элементъ *-mo-:

скр. ka-tamá-ḥ „который (изъ многихъ)“, лат. quo-tumu-s.

скр. án-tama-ḥ „внутренній“, лат. in-timu-s.

Лат. ul-timu-s означаетъ такимъ образомъ „послѣдній (изъ всѣхъ)“ и fīni-timu-s „самый крайній“.

17. Суффиксъ *-ter- (и *-tel-). — Этотъ суффиксъ, образующій имена дѣйствующихъ лицъ, является въ греческомъ въ двухъ формахъ -τορ- (им. п. ед. ч. -τωρ, род. -τορος) и -τήρ- (им. п. -τήρ, род. -τῆρος), въ женскомъ родѣ -τειρα (изъ *τερ-yă); въ латинскомъ въ формѣ -tōr-, женск. родъ -tr-ī-x; въ славянскомъ, наоборотъ, въ формѣ **-тел-** (распространенной суффиксомъ **-ѥ-** въ единственномъ числѣ); r въ индо-иранскомъ -tar- (скр. им. п. ед. ч. -tā, вин. п. -tāram, дат. п. -tr-e) можетъ отражать или и.-е. *r или *l. Корень имѣлъ вокализмъ *e; въ двусложныхъ корняхъ ступень *e имѣетъ первая часть корня; мѣсто ударенія — неопредѣленно и, повидимому, измѣнялось въ различныхъ формахъ:

скр. jani-tā́ „родитель“, гр. γενε-τήρ (γενετῆρος), γενέ-τωρ (γενέτορος), лат. geni-tor.

скр. boddhā „наблюдатель“, гр. *πευστηρ (въ πευστήριος „испытательный“), др.-сл. **блюстель**.

Противуположность вокализма *e и нулевого вокализма въ корнѣ въ греч. δώτωρ, βώτωρ „пастухъ“, ἐπι-βήτωρ „всходящій“ и δοτήρ, βοτήρ и βατήρ не случайна, такъ какъ подобную же противуположность мы находимъ и въ λειμών „лугъ“ и λιμήν „гавань“, ἄετμα и ἀυτμήν „дыханіе“.

18. Суффиксы *-tro- (*-tlo-) и *-dhro- (*-dhlo-). — Обѣ формы суффикса *-tro- и *-tlo- обозначаютъ орудіе и являются тематическими формами предшествующихъ суффиксовъ: скр. mán-tra-ḥ, зд. mą-θrō „религіозная формула, молитва“ и лит. (pa-)meñ-klas „памятникъ“ нельзя отдѣлять отъ скр. mantā́ „мыслитель“ (основа man-tar-): тотъ же вокализмъ корня *e, удареніе также на корнѣ; точно также рядомъ съ çró-tra-m „ухо“ стоитъ çró-tā „слушатель“ (основа çró-tar-); греческій языкъ имѣетъ только -τρο-: λέκ-τρο-ν „ложе“, νίπ-τρο-ν „вода для умыванія“ и т. д.; славянскій языкъ сохранилъ слѣдъ суффикса *-tro- въ словѣ **кѣ-тръ**; литовскій имѣетъ *-tlo-, отражающееся въ видѣ -kla-: žén-kla-s „знакъ“ (двусложный корень, см. выше стр. 134; въ др.-прус. группа -tl- остается безъ измѣ-

ненія, напр. въ производномъ -sentlīuns „обозначенный“); латинскій языкъ имѣетъ двѣ формы: rōstru-m „клювъ, носъ корабля“ и fer-culu-m „носилки“; то же въ ирландскомъ: crīa-thar „грохотъ“ и cē-tal „пѣніе, пѣсня“ (изъ *kan-tlo-), и въ германскомъ: гот. smair-þr „жиръ“ и др.-врх.-нѣм. sta-dal „сарай“. Отсюда понятно, что у одного и того же слова мы можемъ встрѣтить обѣ формы суффикса:

гр. ἄρο-τρο-ν „плугъ“, арм. arawr (изъ *arā-tro-), лат. arā-tru-m, но лит. ár-kla-s.

Другой суффиксъ того же значенія *-dhro-, *-dhlo- представленъ такими словами какъ лат. crī-bru-m „сито, цѣдилка“ и sta-bulu-m „стойло“ (при ирл. crīathar „грохотъ“ и др.-вр.-нѣм. stadal) и т. д.; гр. γένε-θλο-ν „отродье, родъ“, χύ-τλο-ν „жидкость“ (изъ *χύθλον, путемъ диссимиляціи) и т. д.; чешск. rá-dlo (др.-сл. рало) „плугъ“; и т. д.

19. Суффиксъ *-tei-. — Суффиксъ *-tei- образуетъ имена дѣйствій (nomina actionis), съ нулевымъ вокализмомъ корня; мѣсто ударенія, повидимому, мѣнялось въ различныхъ падежахъ:

скр. gá-ti-ḥ и ga-tí-ḥ „приходъ“, гот. (ga-)qum-þ-s, гр. βά-σι-ς; можетъ быть и лит. (pri-)gimtìs „врожденное качество“ (ср. лит. gim̃ti „рождаться“, дословно „приходить“?).

скр. bhṛ̥-tí-ḥ „несеніе“, гот. (ga-)baur-þ-s „рожденіе“ (изъ *bhṛ̥́-tei-), др.-вр.-нѣм. (gi-)bur-t „рожденіе“ (изъ *bhṛ̥-teí-), др.-ирл. bri-th (неопредѣл. накл.) „нести“.

Въ латинскомъ этотъ суффиксъ представленъ только отдѣльными словами, имѣющими измѣненный видъ, какъ напр. mens „умъ“ при скр. mátiḥ, matíḥ „мысль“: въ обычномъ употребленіи мы встрѣчаемъ форму, распространенную еще элементомъ -ōn-, какъ mentiō, mentiōnis „упоминаніе“; (con-)ventiō „договоръ“ при скр. gátiḥ, gatíḥ, и т. д.; то же мы встрѣчаемъ въ ирландскомъ и армянскомъ.

Тотъ же суффиксъ *-tei- часто бываетъ вторичнымъ, какъ въ скр. paṅk-tí-ḥ „пятерка“, др.-сл. пять; лат. sēmen-ti-s „посѣвъ“; др.-сл. жꙋость, др.-вр.-нѣм. angus-t „тревога“ при основахъ на *-s-, скр. aṃhaḥ и лат. angor „удушье“, angus-(tus) „узкій“.

20. Суффиксъ *-teu-. — Суффиксъ *-teu- образуетъ также nomia actionis, но такія, въ которыхъ идея дѣйствія подчеркивается съ бо́льшею силою; скр. gán-tu-ḥ обозначаетъ „дѣйствіе хожденія“ болѣе нежели „приходъ“; этимъ объясняется, что основы на *-teu- дали въ латинскомъ супинъ: it cubitum „идетъ спать“, въ литовскомъ: eĩksz válgytų „иди ѣсть“, въ славянскомъ: **ѣсѫ нѣдѣтѣ кѣдѣтъ**, и въ санскритскомъ неопредѣленныя наклоненія на -tum (тождественныя по формѣ съ предшествующими супинами), -toḥ (родит. п. и аблативъ), -tave (дат. п.), -tavaí. Судя по индоиранскимъ формамъ, вокализмъ корня въ этихъ образованіяхъ *e (или *o), и удареніе лежитъ на корнѣ. Нѣкоторыя отдѣльныя слова имѣютъ однако нулевой вокализмъ:

зд. pəšu-š (изъ *pŕ̥-tu-š) „бродъ“, pərə-tu-š „мостъ“ (изъ *pr̥túš), лат. por-tu-s „гавань“, др.-вр.-нѣм. fur-t (герм. *fur-đu изъ *pr̥-tú-), галл. Ritu-(magus), названіе мѣстности (современное Radepont), означающее „(поле) брода“, др.-бретон. rit, толкующее латинское uadum.

лат. gus-tu-s „вкусъ“, гот. kus-tu-s „проба“.

21. Суффиксъ *-men-. — Суффиксъ *-men- образуетъ nomina actionis средняго и мужескаго рода; имена средняго рода очень часты; они имѣютъ въ корнѣ вокализмъ *e (и ступень *e въ первой части двусложныхъ корней) и удареніе на элементѣ, предшествующемъ окончанію. Напримѣръ:

скр. bhár-ma „содержаніе, тяжестъ“, гр. φέρ-μα „бремя“; или съ двусложной формой корня, скр. bhárī-man- „несеніе“. др.-сл. **брѣмя** (русск. бре́мя, сербск. брѐме).

Форма мужескаго рода часто имѣетъ тотъ же вокализмъ и то же мѣсто ударенія; такъ рядомъ съ скр. tárma „конецъ жертвеннаго столба“, гр. τέρ-μα, лат. termen, мы имѣемъ гр. τέρ-μων, лат. ter-mō „конецъ“; рядомъ съ лат. lūmen „свѣтъ“ (изъ *leuksmn̥) стоитъ др.-сакс. lio-mo (изъ *lioh-mo) „лучъ свѣта“ и т. д. Но встрѣчается также и нулевой вокализмъ корня съ удареніемъ на суффиксѣ: гр. ἀυτμήν „дыханіе“ рядомъ съ ἄετμα; πυθ-μήν „основаніе, порогъ“; ὑ-μήν „кожица, плева“. Тотъ же суффиксъ образуетъ также и nomina agentis, какъ напр. гр. ἴδ-μων „знатокъ“, скр. dhar-mā́ „держатель“; скр. bráhma (ср. р.) значитъ „молитва“, а brahmā́ (м. р.) „священникъ, брахманъ“.

Имена этого типа, повидимому, часто распространялись еще вторичнымъ суффиксомъ *-to-, какъ напр. скр. çró-ma-ta-m „извѣстность“, др.-врх.-нѣм. (h)liu-mun-t „слава“, при зд. sraoman- „слухъ“, гот. hliu-ma; въ латинскомъ такое распространеніе встрѣчается очень часто: augmen и augmentum „увеличеніе“ и т. д.; отсюда типъ словъ на -mentum, какъ monumentum „памятникъ“ и т. д.

Какъ рядомъ съ *-mo- мы находимъ *-smo-, такъ рядомъ съ *-men- стоитъ *-smen-: гр. γράσμα „писаніе“ (въ Аргосѣ) изъ *γραφ-σμα; др.-сл. **чисмя** „число“ при **чьтѫ**, лат. lūmen изъ *leuk-smn̥, и т. д.

22. Суффиксъ *-went-. — Вторичный суффиксъ *-went- засвидѣтельствованъ соотвѣтствіемъ индо-иранскаго *-want- и гр. -(F)εντ-: скр. putrá-vant-, зд. puθra-vant- „имѣющій сына“, гр. χαρί-(F)εντ- „прелестный“.

Общія замѣчанія. — I. Предыдущій перечень содержитъ только простые суффиксы или тѣ, которые функціонируютъ, какъ простые: суффикса *-wen- тамъ нѣтъ, такъ какъ онъ можетъ разсматриваться какъ суффиксъ *-u- (форма съ нулевымъ вокализмомъ), распространенный другимъ суффиксомъ *-en-; такъ можно толковать гр. αἰFέν „всегда“ при лат. ae-uo-m „вѣкъ“, гот. ai-w-s „время, вѣчность“ и скр. áyu-ṣ- „время“. Но нѣкоторые изъ перечисленныхъ суффиксовъ, являющіеся простыми, образовались несомнѣнно, изъ сочетанія вторичныхъ суффиксовъ; такимъ путемъ образовался, повидимому, и послѣдній изъ перечисленныхъ суффиксовъ — *-went- (*-w-en-t-?).

II. Во вторичныхъ образованіяхъ элементъ, непосредственно предшествующій вторичному суффиксу, имѣетъ по общему правилу нулевой вокализмъ; такъ напр.

и.-е. *-is-, а не *-yes- въ суф. *-is-tho-, скр. -iṣ-ṭha-, гр. -ισ-το-, гот. -is-ta-, см. выше стр. 228.

и.-е. *-u-, а не *-eu- въ скр. guru-tā „тяжесть“, гр. βαρύ-της.

и.-е. *-i-, а не *-ei- въ скр. avi-kā „овца“, др.-сл. **овь-ца**.

и.-е. *-r-, а не *-er- въ скр. pítr-iyaḥ „отцовскій“, гр. πάτρ-ιος, лат. patr-ius.

Во вторичныхъ основахъ, произведенныхъ отъ словъ, уже заключающихъ одинъ суффиксъ, не только новый элементъ, предшествующій суффиксу, но и другой элементъ, т. е. корень стремится имѣть нулевой вокализмъ: примѣровъ такого положенія мало, но это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что аналогія вытѣснила большинство такихъ словъ, и остались изъ нихъ только тѣ, которыя сохранились благодаря только особымъ обстоятельствамъ:

отъ *k^{w}etwer- (скр. catvā́r-aḥ „четыре“, дор. τέτορες, и т. д.): *k^{w}tur-yo-, зд. (ā-)xtūirīm „въ четвертый разъ“, tūiryō „четвертый“, скр. turíyaḥ „четвертый“.

отъ *dei-wo- „богъ“ (скр. deváḥ, лат. deus и т. д.) скр. div-yá-ḥ „божественный“, гр. δῖος (δἰF-yo-ς), лат. dīus (изъ *diu-io-s), и.-е. *diw-yo-.

Verba denominativa должны были имѣть ту же особенность, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ атт. βλίττω „вырѣзаю медъ“ (изъ *mlit-yō) производное отъ μέλιτ-.

III. Удвоеніе въ именныхъ образованіяхъ играетъ меньшую роль, нежели въ глагольныхъ, и не имѣетъ точно опредѣленнаго значенія:

Интенсивное удвоеніе мы встрѣчаемъ, напр., въ скр. kar-kar-í-ḥ (родъ музыкальнаго инструмента), др.-сл. **клл-колъ**, русск. ко́ло-колъ (изъ *kol-kolo-), лит. им. п. мн. ч. kañ-kl-ės (родъ струннаго инструмента), kañkalas „колокольчикъ“; или скр. kar-ka-ṭáḥ (пракритская форма стараго *kar-kṛ-ta-ḥ „ракъ“, лат. cancer (основа *kan-kro-).

Обыкновенно удвоеніе съ *e или *i мы имѣемъ, напр., въ скр. ca-krám, зд. ča-xrəm „колесо“, др.-англ. hweohhol, hweowol, hwéol „колесо“ (изъ *hwe-hla-, *hwe-wla-, старое *k^{w}é-k^{w}lo- и *k^{w}e-k^{w}ló-), гр. κύκλος (изъ *k^{w}é-k^{w}lo-s), лит. kā-klas „шея“, рядомъ съ формою безъ удвоенія др.-сл. **коло**; или лат. fe-ber „бобръ“, лит. bē-brus, корнское be-fer, скр. ba-bhrúḥ „коричневый“, рядомъ съ удвоеніемъ съ *i въ лат. fi-ber „бобръ“, галл. Bi-br-(ax), др.-сл. **бь-бръ**, др.-врх.-нѣм. bi-bar.

Причастія. — Кромѣ выше приведенныхъ именныхъ основъ, первичныхъ и вторичныхъ, индо-европейскій языкъ имѣлъ именныя основы, произведенныя отъ ос-

новъ глагольныхъ, или причастія. Такія прилагательныя, какъ κλυ-τό-ς или στυγ-νό-ς — не индо-европейскія причастія, такъ какъ они не происходятъ отъ глагольныхъ основъ; только въ періодъ развитія отдѣльныхъ языковъ основы съ этими суффиксами были внесены въ систему спряженія, какъ лат. amātus.

Но каузативы имѣютъ прилагательныя на *-to- съ предшествующимъ *-ĭ-, принадлежащимъ къ глагольной основѣ:

скр. darçáyati „показываетъ“	darçi-tá-ḥ „показанный“
гот. (ga-)tarhjan „различать“	(ga-)tarhi-þ-s „имѣющій дурную славу“
лат. moneō	moni-tu-s
лит. laikaũ „держу“	laikýta-s „держанный“,

и къ этимъ формамъ примыкаютъ такія неопредѣленныя наклоненія, какъ лит. laikýti „держать“, др.-сл. **боудити** или гр. κομί-ζω „приношу“ рядомъ съ κομέω „заботиться“.

Индо-европейскія причастія въ собственномъ смыслѣ суть слѣдующія:

1. Причастія дѣйствительнаго залога настоящаго времени и аориста на *-ent-. — Присоединяясь къ атематическимъ основамъ безъ удвоенія, суффиксъ имѣетъ форму *-ent-, *-ont-, *-n̥t-, какъ напр. скр. s-án „сущій“ им. п. мн. ч. s-ánt-aḥ, род. п. ед. ч. s-at-áḥ, при скр. as-ti „есть“, s-ánti „суть“; др.-сл. **сы** (изъ *s-ont-s) при **вѣсть**, **сѫть**; гр. ὤν (вм. *ὤν); лат. (prae-)s-ens и т. д.; присоединяясь къ атематическимъ основамъ съ удвоеніемъ (и къ основѣ аориста на *-s-), суффиксъ имѣетъ форму *-nt- во всѣхъ падежахъ: скр. им. п. ед. ч. dád-at (изъ *ded-n̥t-s) „дающій“, греч. τιθείς (изъ *θιθε-ντς) „кладущій“; и въ томъ и другомъ случаѣ элементъ, предшествующій суффиксу причастія, имѣетъ нулевой вокализмъ. — Что касается тематическихъ основъ, то типъ скр. bhára-n „несущій“, им. п. мн. ч. bhárant-aḥ, род. п. ед. ч. bhárat-aḥ; гр. φέρων, φέροντ-ες, φέροντ-ος; лат. uehens, uehentis; лит. vežą̃s, др.-сл. **вєзы** — допускаетъ двоякое толкованіе: *bhére/o-nt-, *wégʰe/o-nt- или *bhér-e/ont-, *wégʰ-e/ont-, смотря по тому, разсматривать ли элементъ *e/o какъ тематическій гласный въ основахъ

*bhére-, *wég$_1$he-, или какъ гласный суффикса. — Какъ бы то ни было, этотъ суффиксъ присоединяется ко всѣмъ основамъ настоящаго времени, будущаго и аориста; такъ въ греч. τείνω, τείνων, τείνοντος,; δάμνημι, δαμνᾱ́ς, δαμνάντος; ἔλιπον, λιπών, λιπόντος; λείφω, λείφων, λείφοντος; ἔτεισα, τείσᾱς, τείσαντος; и т. д.

2. Причастіе дѣйствительнаго залога перфекта на *-wes- (*-wet-). — Суффиксъ имѣетъ двѣ формы, которыя, повидимому, чередовались въ различныхъ падежахъ; одна *-wes- засвидѣтельствована скр. им. п. ед. ч. -vā́n, им. п. мн. ч. -vā́ṃs-aḥ (со вставкою носового звука, которую здѣсь не мѣсто объяснять), род. п. ед. ч. -úṣ-aḥ, жен. р. им. п. ед. ч. -úṣ-ī; гр. ср. р. -(F)ός, жен. -υῖα (изъ *-υσ-ya); др.-сл. жен. р. **-ъш-и**, лит. жен. р. -usi: другая форма *-wet- засвидѣтельствована скр. творит. п. мн. ч. -vád-bhiḥ, мѣстн. п. мн. ч. -vat-su; гр. род. п. ед. ч. -Fοτ-ος. Предшествующій суффиксу элементъ имѣетъ обыкновенно нулевой вокализмъ; напр.:

скр. ririk-vā́n „оставившій“, лит. жен. р. lìk-us-i;

скр. mamr̥-vā́n „умершій“, жен. р. mamr-úṣī, лит. жен. р. mìr-us-i, др.-сл. жен. р, **-мьр-ъш-и**;

гр. μεμα-(F)ώς, δεδ(F)ι-(F)ως, и т. д.

Противуположность Feιδώς — Fιδ-υῖα (при скр. vid-vā́n „знающій“ жен. р. vid-úṣī) наводитъ на мысль, что, быть можетъ, мужескій родъ въ индо-европейскомъ имѣлъ вокализмъ *e въ элементѣ передъ суффиксомъ, а женскій родъ — нулевой вокализмъ: эта разница объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что женскій родъ имѣетъ вторичный суффиксъ, присоединенный къ основѣ мужескаго рода, и мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ случаемъ, который былъ отмѣченъ на стр. 232 и сл.; вокализмъ *e въ элементѣ, предшествующемъ суффиксу, мы находимъ и въ гот. weitwoþs „свидѣтель“, которое, повидимому, представляетъ старое причастіе перфекта, соотвѣтствующее гр. Feιδώς.

3. Причастія средняго залога настоящаго времени, аориста и перфекта. — Суффиксъ причастія средняго залога въ различныхъ языкахъ имѣетъ различную форму. Въ тематическихъ основахъ греческій языкъ имѣетъ (φερό-)μενο-ς, скр. (bhára)-māṇa-ḥ „несущій“, зендск. (yazə)-mna- „при-

носящій жертву", лат. (Vertu)-mnu-s (только отдѣльныя остатки), слав. (вєzо)-мъ, лит. (vẽža)-ma-s „везомый" и др.-прусск. (po-klausī)-mana-s „слышимый". — Въ атематическомъ типѣ санскритъ имѣетъ -āna- въ настоящемъ времени: duh-āná-ḥ „доящій", и въ перфектѣ bu-budh-āná-ḥ „пробужденный"; греческій имѣетъ -μενο-, какъ и въ тематическомъ типѣ: τιθέ-μενο-ς, κεί-μενο-ς, πεφυγ-μένο-ς и т. е.

Причастія сохраняютъ все значеніе глагольныхъ основъ, отъ которыхъ они производятся и даже, болѣе того, они сохраняютъ различіе настоящаго времени съ аористомъ и перфекта, а также двухъ залоговъ дѣйствительнаго и средняго; удареніе удерживается на томъ мѣстѣ, гдѣ оно лежитъ въ глагольной основѣ.

Неопредѣленныя наклоненія (инфинитивы). — Корни рядомъ съ глагольными основами даютъ и основы именныя, которыя не производятся отъ глагольныхъ основъ, но, составляя часть одной группы словъ, имѣютъ родственное значеніе; эти именныя основы имѣютъ поэтому то же значеніе, какое приняли впослѣдствіи имена, произведенныя отъ глагольныхъ основъ, и могутъ играть ту же роль, какую играютъ въ другихъ случаяхъ отглагольныя существительныя или неопредѣленныя наклоненія; такъ ведическій дат. пад. ед. ч. áj-e „для веденія" отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ скр. aj- имѣетъ то же значеніе какъ и выраженіе „(чтобы) вести"; дат. пад. санскритской основы vid-man- „знаніе" — vid-mán-e значитъ „(чтобы) знать"; гомеровское неопр. наклоненіе δό-μεν „дать" представляетъ мѣстный падежъ съ нулевымъ окончаніемъ отъ основъ на *-men-, какъ и ведическое dhár-man „въ держаніи, держа" и т. д.

Съ другой стороны нѣтъ указаній на то, что бы индоевропейскій языкъ имѣлъ дѣйствительныя неопредѣленныя наклоненія, т. е. склоняемыя или несклоняемыя именныя формы, произведенныя отъ глагольныхъ основъ, какъ мы имѣемъ въ греческомъ языкѣ λείπειν, λιπεῖν, λείψειν, λελοιπέναι, въ лат. linquere и līquisse, esse и fuisse. Единственныя формы подобнаго рода, восходящія, быть можетъ, къ индо-европейскому времени, — это индо-иранскія инфинитивы на *-dhyāi, напр. скр. váha-dhyai „везти" отъ основы váha-, váha-ti

„везетъ“, напоминающіе типъ греческихъ инфинитивовъ средняго залога — φέρεσθαι. — Слѣдуетъ еще упомянуть здѣсь формы, являющія въ сложеніяхъ, образующихъ нѣкоторыя временныя основы въ различныхъ діалектахъ: лат. ferē-bam, monē-bam, monē-bō; гот. salbo-da „я мазалъ“, salbo-dedum „мы мазали“; др.-сл. кедѣ-ахъ и т. д.; первая часть этихъ сложныхъ формъ представляетъ своего рода инфинитивъ, а вторая часть — личную глагольную форму вспомогательнаго глагола „быть“ или „дѣлать“.

Вообще, индо-европейскій языкъ повидимому не имѣетъ инфинитивовъ, или, по крайней мѣрѣ, инфинитивы играли тогда очень незначительную роль. Инфинитивы въ различныхъ индо-европейскихъ языкахъ имѣютъ и различную форму.

Образованіе женскаго рода и суффиксы *-ā-, *-yā-, *-yē-. — Даже обозначая существа, имѣющія полъ, индо-европейскія имена существительныя не имѣютъ признака мужескаго или женскаго рода: такія имена родства, какъ лат. pater и frāter, māter и soror ни въ своей основѣ, ни въ склоненіи не имѣютъ ничего такого, что бы характеризовало ихъ какъ имена мужескаго или женскаго рода. Правда, основы на *-o- чаще всего бываютъ мужескаго и средняго рода; но греческій и латинскій языкъ имѣютъ и имена женскаго рода на *-o-, какъ напр. названія деревьевъ: гр. φηγός (дор. φᾱγός), лат. fāgus „букъ“; и въ армянскомъ языкѣ были подобныя образованія, какъ на это указываетъ nu, род. п. nuoy „сноха“ при греч. νυός (жен. р.); слѣдовательно въ индо-европейскомъ были основы на *-o- женскаго рода; но онѣ исчезли въ большинствѣ языковъ; такъ напр. и.-евр. *snuso- „сноха“ превратилось въ снову на *-ā- въ скр. snuṣā́, др.-сл. снъха, др.-англ. snoru, и въ основу на *-u- въ лат. nurus подъ вліяніемъ socrus „свекровъ“; *bhāgo- превратилось въ германскомъ въ основу на *-ā-, откуда др.-вр.-нѣм. buohha. Такое слово какъ греч. ἄρκτος обозначаетъ и „медвѣдя“ и „медвѣдицу“, и таково было индо-европейское состояніе: латинская форма женскаго рода ursa образована совершенно иначе, нежели скр. ṛkṣī „медвѣдица“ къ ṛkṣaḥ „медвѣдь“. Греч. ἵππος обозначаетъ и „коня“ и „кобылу“, и всѣ обозначенія „кобылы“, какъ скр. áçvā, лит. aszvà (изъ *eszva), лат. equa хотя

и совпадаютъ по формѣ, должны считаться независимыми образованіями санскритскаго, литовскаго и латинскаго языковъ. Съ другой стороны основы на *-ā- и *-yā- по большей части женскаго рода, но есть и основы на *-ā- и *-yā-, которыя обозначаютъ лицъ мужескаго пола и потому мужескаго рода, какъ напр. лат. scrība „писецъ“, др.-сл. **слоуга, (воѥ-)вода**, гр. δεσ-ποτ-ᾱ (им. п. δεσπότης) „господинъ“, или др.-сл. **бал-ьн** (вин. п. **бальѭ**) „врачъ“, скр. rathī́- (им. п. rathī́ḥ) „возница“, и т. д.

Такимъ образомъ даже существительныя основы на *-o- или *-ā- не имѣютъ сами по себѣ опредѣленнаго рода; только въ названіяхъ дѣйствующихъ лицъ мужескій или женскій родъ индо-европейскаго существительнаго имени узнается исключительно только по формѣ прилагательнаго, которое относится или можетъ относиться къ нему (ср. выше стр. 210 сл.).

Одни только прилагательныя имена характеризуютъ женскій родъ прибавкою суффиксовъ, главнымъ образомъ вторичныхъ *-ā- и *-yā-, и это является единственною чертою, отличающею прилагательное отъ существительнаго:

1. *-ā- (нулевой вокализмъ *-ə-). — Помощью суффикса *-ā- образуется женскій родъ прилагательныхъ тематическаго типа: санскритскому sána-, гр. ἕνο-, лит. sena- „старый“ въ женскомъ родѣ соотвѣтствуетъ основа скр. sánā-, гр. ἕνᾱ-, лит. seno-; рядомъ съ скр. çrutá-, гр. κλυτό-, лат. -cluto- стоитъ женскій родъ скр. çrutā́-, гр. κλυτᾱ́-, лат. -clutā- и т. д.

2. *-yā- (*-iyā-): съ нулевымъ вокализмомъ *-ī- (*-iyə-). — Суффиксъ *-yā- употребляется въ прилагательныхъ атематическаго типа. Различіе формы *-yā- и *-iyā- было связано въ индо-европейскомъ исключительно съ количествомъ предшествующаго элемента: гр. πῑειρᾱ-, изъ *πῑ-Fερ-yᾱ, и ποτνιᾱ-, изъ ποτν-ιyᾱ- представляютъ, вѣроятно, первоначальное состояніе: им. пад. ед. ч. первой основы былъ бы *πῑερῑ (съ -ῑ изъ *-yə-), а второй πότνια (съ -ια изъ -iyə-), но греческій языкъ сдѣлалъ общимъ -α типа πότνια и имѣетъ им. п. πῑ́ειρα при скр. pī́varī; наоборотъ, индоиранскій языкъ сдѣлалъ общимъ -ī и соотвѣтствующая греческому πότνια форма въ скр. pátn-ī „госпожа“; то же мы наблюдаемъ и въ другихъ языкахъ.

Передъ *-yā- конечный элементъ основы мужескаго

рода обыкновенно имѣетъ нулевой вокализмъ, но иногда также и иной:

такія основы причастій какъ *bhéront- имѣютъ въ жен. р. *bheront-yā-: скр. bhárant-yā-, гр. *φεροντ-γᾱ- (им. п. атт. φέρουσα, дор. φέρωσα, лесб. φέροισα), др.-сл. **бєрѫшта-** (изъ ***бєрѫт-ıа-**), точно также лит. *veżant-jō- (им. п. veżantì) и гот. frijond-jo- (им. п. frijond-ì) „подруга“.

скр. основа муж. р. yúvan- „молодой“, ж. р. им. п. yūn-ī, ср. лат. iūn-ī-(x) „телка“.

скр. основа муж. р. svādáv-: им. п. ж. р. svādv-í; гр. ἡδύς. ἡδεῖα (изъ *ϝᾱδεϝ-γα).

Суффиксы *-ā- и *-yā-, служащіе для образованія женскаго рода прилагательныхъ, образуютъ также и производныя отъ существительныхъ.

Такъ мы имѣемъ много именъ существительныхъ женскаго рода на *-ā-, рядомъ съ именами муж. рода тематическаго типа, какъ напр. гр. πλοκή „плетеніе“ рядомъ съ πλόκος, съ различнымъ мѣстомъ ударенія въ основѣ мужескаго рода сравнительно съ основою женскаго рода; точно также φῦλον „родъ“: φυλή „племя, фила“; νεῦρον „жила“: νευρ-; скр. svā-danam „вкусъ“: гр. ἡδονή „удовольствіе“; типъ гр. βροντή „громъ“ при κοῖτος „лежаніе, сонъ“; и т. д. Склоненіе основъ на *-ā- сопровождалось сверхъ того, по крайней мѣрѣ въ части словъ, перемѣщеніемъ ударенія въ различныхъ падежахъ, какъ мы это увидимъ ниже въ обзорѣ склоненія. Типъ гр. πλοκή отражается въ лат. toga „тога“, лит. rankà „рука“ и др.-сл. **рѫка**, гот. staiga „дорога“ и т. д. — Тотъ же суффиксъ даетъ множество производныхъ отъ основъ существительныхъ атематическаго типа, какъ, напр., гр. ἡμέρ-ᾱ „день“ при гомеровскомъ ἦμαρ „день“, κρῑθ-ή „ячмень“ при гомер. κρῑ (древн. *κρῑθ); лит. vasar-à „весна“, ср. гр. Fέαρ, др.-сл. **вєсн-а**, ср. скр. vasan(-táḥ) „весна“; лат. ōr-a „край, берегъ“, ср. ōs „ротъ“; и т. д. — Этотъ же суффиксъ образуетъ собирательныя имена, замѣняющія собою именит. и винит. п. множ. ч. средн. рода: вед. yugā „ярма“, гр. ζυγά и т. д.

Суффиксъ *-yā- въ образованіи существительныхъ, особенно въ своей главной формѣ, служитъ только для производства женскаго рода къ именамъ дѣйствующихъ лицъ (nomina agentis) (здѣсь образованіе женскаго рода требуется

смысломъ существительнаго имени, а самое образованіе производится по образцу прилагательныхъ именъ).

скр. основа муж. р. janitár-, jánitar-: им. п. ж. р. jánitr-ī; ср. лат. genitor, genetrī(-x); гр. γενετήρ, γενέτωρ: γενέτειρα.

скр. основа муж. р. tákṣan- „плотникъ“: жен. р. им. п. takṣṇ-í; гр. τέκτων — τέκταινα; скр. основа муж. р. rā́jan- „царь“: жен. р. им. п. rā́jñ-ī „царица“; ср. ирл. rīgain (изъ *rēgn-ī).

Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить одно собирательное имя: гр. φρᾱτρία „фратрія (братство)“, др.-сл. **братрьıа**.

Уже въ индо-европейскую эпоху суффиксъ *-yā-, повидимому склонялся двумя способами, либо съ чередованіемъ *-yā-, *-yə- (*-ī-), какъ скр. bhárant-ī, род. п. bhárant-yā-ḥ, либо безъ чередованія, постоянно съ нулевымъ вокализмомъ, т. е. въ формѣ *-ī-, какъ напр. жен. родъ къ скр. nápāt „внукъ“ — naptí-ḥ, род. п. napt(í)y-aḥ, ср. лат. nept-i-s, др.-лит. nept-i-s; этотъ второй типъ, съ *-s въ именит. падежѣ сдѣлался господствующимъ въ латинскомъ языкѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда не прибавлялся вторичный суффиксъ *-k-, какъ въ словахъ genetrī-x, iūnī-x, и потому синскритскому svādví соотвѣтствуетъ латинское suāvis, скр. bhárantī — лат. ferens изъ *ferentis (какъ mens изъ *mentis) и т. д.; вслѣдствіе этого процесса нѣкоторыя латинскія прилагательныя и всѣ причастія утратили различіе мужескаго и женскаго рода.

Рядомъ съ нормальнымъ образованіемъ женскаго рода на *-yā- типа скр. tan-ú-ḥ „тонкій“ (буквально „вытянутый“), жен. р. tanvī, ср. лат. tenuis, возможно было другое образованіе, характеризуемое суффиксомъ *-ā- (нулевой вокализмъ *-ə-), т. е. *- wə-, откуда *-ū-; нулевой вокализмъ распространился и здѣсь во всемъ спряженіи, какъ и въ типѣ скр. naptī́ḥ, и такимъ образомъ мы получаемъ скр. tanū́-ḥ „тѣло“, род. п. tan(ú)v-aḥ. Точно такимъ же способомъ образуется замѣчательная форма женскаго рода къ скр. çváçuraḥ (изъ *svaçuraḥ) „свекоръ“, зд. xvasurō, гом. ἑ(F)εκυρός, лит. szẽszuras, лат. socer: скр. çvaçrúḥ „свекровъ“, др.-сл. **свекры**, лат. socrus, др.-вр.-нѣм. swigar, т. е. и.-е. *swekrū- изъ *swekrwə- съ *w послѣ *r, между тѣмъ какъ въ муж. р. *-ur-; точно

такъ же *gʷr̥̄nū- (изъ *gʷrə-nw-ə-), засвидѣтельствованное др.-сл. жрънꙑ „жерновъ“, гот. -qairnus, есть производное на *-ā-: *-ə- отъ основы, засвидѣтельствованной скр. grā́van-, др.-ирл. brō, кимр. breuan (то же значеніе); перестановка *w аналогична фактамъ, отмѣченнымъ на стр. 109. Здѣсь мы встрѣчаемся съ рядомъ очень сложныхъ явленій.

Наконецъ, существуетъ еще одинъ суффиксъ, близкій къ суффиксу *-yā-, и даже совпадающій съ нимъ въ нулевой ступени: *-yē-, нулевая ступень котораго есть *-ī- (т. е. *-yə-), и который отличается отъ суффикса *-yā- только въ латинскомъ и балтійскомъ языкахъ: лит. żẽm-ė „земля“ (изъ *żem-jė), др.-сл. ꙁемлꙗ, производное отъ основы, засвидѣтельствованной скр. kṣam-, гр. χθών и зд. zəm- (ср. выше стр. 220); или лат. temper-iēs „умѣренная температура“, производное отъ основы tempes- къ tempus; къ этому же ряду нужно относить и такія образованія, какъ скр. aviṣ-ī́ „сила“, или гр. ἀλήθεια „правда“ (-εια изъ *-εh-ya). На лат. spec-iē-s „видъ“, лит. żìn-ė „знаніе“, гр. φύζα (изъ *φυγ-yα) и т. д. слѣдуетъ смотрѣть не какъ на первичныя основы на *-yē-, а какъ на производныя отъ основъ съ нулевымъ суффиксомъ *spek$_1$-, *g$_1$ᵒnə-, *bhug- и т. д. — Основы на *-yē-, съ другой стороны, образуютъ не одни только отвлеченныя имена: лит. deiv-ė̃ „привидѣніе“ и скр. dev-ī́ „богиня“ (род. п. dev(i)yā́ḥ) представляетъ женск. родъ къ существительнымъ лит. dė̃vas, скр. deváḥ „богъ“; лит. vilkė, скр. vr̥kī́ḥ „волчица“ (съ распространеніемъ формы съ нулевымъ вокализмомъ -ī- на все склоненіе, род. п. vr̥k(í)yaḥ) представляютъ жен. р. къ существительнымъ лит. vil̃kas, скр. vŕ̥kaḥ „волкъ“; эти формы женскаго рода развились въ каждомъ языкѣ самостоятельно: лат. языкъ имѣетъ dea „богиня“, образованное иначе.

Прилагательное имя имѣетъ либо основу мужескаго (и средняго) рода, либо основу женскаго рода, смотря по тому, будетъ ли существительное, къ которому оно относится, того или другого рода. — Существительное бываетъ мужескаго рода, когда рѣчь идетъ о существѣ мужскаго пола, — женскаго, когда рѣчь идетъ о существѣ женскаго пола (или деревѣ), какова бы ни была форма существительнаго; въ остальныхъ случаяхъ трудно указать какое-

нибудь общее правило, и только употребленіе рѣшаетъ вопросъ; слѣдовательно, категорія грамматическаго рода не имѣла никакой связи со значеніемъ слова.

Сложеніе основъ. — Двѣ именныя основы могутъ соединяться и образовывать одну сложную основу. По общему правилу, за исключеніемъ указанныхъ ниже случаевъ, глагольныя основы не входятъ въ сложеніе.

Въ сложной основѣ склоняется только вторая часть, которая непремѣнно должна быть существительнымъ или прилагательнымъ именемъ (и никогда не можетъ быть глаголомъ, указательнымъ или личнымъ мѣстоименіемъ).

Первая часть сложнаго слова остается неизмѣнною, и это обстоятельство характеризуетъ его; индо-европейское сложное слово есть группа двухъ словъ, изъ которыхъ склоняется только послѣднее; элементъ, оканчивающій первую часть, по общему правилу имѣетъ нулевой вокализмъ въ основахъ атематическаго типа, имѣющихъ сонантъ, т. е. элементъ способный вокализоваться:

скр. tri-pád-, гр. τρί-ποδ-, лат. tri-ped-, др.-англ. ðri-fete „треногій“; точно такъ же лит. tri-kójis „треногій“ и т. д.

гр. ἡδυ-επής (*Fᾱδυ-Fεπεσ-) „сладкорѣчивый“; скр. svādu-rātiḥ „имѣющій пріятные дары“.

*sm̥- въ скр. sa-kr̥t „одинъ разъ“, гр. ἁ-πλοῦς „простой“, лат. sim-plex „простой“.

*n̥- (при *ne, засвидѣтельствованномъ скр. nа „не“, др.-сл. не, лат. ne[que] и т. д.) въ скр. á-jñāta-ḥ, гр. ἄ-γνωτο-ς, лат. ignōtus (т. е. inn̥ōtus изъ *en-gnōtos), гот. un-kunþs, арм. an-canawth „неизвѣстный“.

скр. nr̥-hán- „убивающій людей“, др.-атт. ἀνδρα-φόνος.

*dus- въ гр. δυσ-μενής „враждебный“, скр. dur-manāḥ „(имѣющій дурной духъ, не въ духѣ), печальный, смущенный“.

Если нѣтъ сонанта, то въ основахъ на *-es- остается *e, какъ напр. гр. (F)επεσ-βόλος „болтливый“, зд. vačas-taštiš „текстъ“ (дословно „сочетаніе словъ“).

Тематическая основа имѣетъ въ первой части сложнаго слова вокализмъ *-o-: гр. ἱππό-δαμος „укротитель лошадей“; др.-сл. добро-дѣн; лит. gera-dėjis „благодѣтель“; гот. guda-faurhts „бого-боязненный“; галл. Vindo-magus, собственное

имя, обозначающее „имѣющій бѣлое поле“. Трудности представляетъ тотъ случай, когда второе слово начинается гласнымъ.

Когда первая часть сложнаго слова — прилагательное, то, какой бы ни былъ суффиксъ прилагательнаго, онъ можетъ быть замѣненъ звукомъ *-i-, какъ напр. гр. κῡδι-άνειρα „прославляющая мужей“, при κῡδρός „славный“, зд. bərəzi-čaxra- „высококолесный“ рядомъ съ bərəzant- „высокій“, ср. скр. bṛhánt-, др.-ирл. Brigit (собств. имя, буквально „высокая“).

Сомнительно, чтобы въ первой части въ индо-европейскомъ могла стоять падежная форма, именно мѣстный падежъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ гр. Πυλοι-γενής „рожденный въ Пилосѣ“ или въ скр. agré-gaḥ „идущій во главѣ“.

Значенія сложныхъ словъ различны:

1. Грамматическое значеніе второй части сохраняется, при чемъ отношеніе обѣихъ частей можетъ быть какое угодно: приложеніе въ гр. ἰατρό-μαντις „врачъ-прорицатель“, скр. rājarṣiḥ „жрецъ-царь“; прилагательное и существительное: гр. ἀκρό-πολις „вышгородъ“, скр. adhara-hanúḥ „нижняя челюсть“; дополненіе и существительное: гр. πατρ-άδελφος „братъ отца“, скр. mātṛ-svásā „сестра матери“; къ этому послѣднему случаю примыкаетъ распространенный типъ сложныхъ словъ, во второй части которыхъ находится ударяемая основа съ нулевымъ суффиксомъ, атематическая какъ гр. βου-πλήξ „палка для битья воловъ“, лат. jū-dex (*yūs-dik$_1$-) „судья“, сл. *медк-ѣд- (им. п. др.-сл. медвѣдь), дословно „поѣдатель меда“, скр. madh(u)v-ád-; или тематическая, какъ гр. ὁπλο-φόρος „носящій оружіе“, лат. armi-ger „носящій оружіе“, русск. водо-во́зъ, скр. kumbha-kāraḥ „горшечникъ“; основы, являющіяся во второй части этихъ сложныхъ словъ, внѣ сложныхъ словъ часто не встрѣчаются вовсе, и многія изъ нихъ, повидимому, отдѣльно и не существовали. Имена дѣйствующихъ лицъ на *-ter- не бываютъ второю частью сложнаго слова, а замѣняются основами на *-(e)t-: скр. kartā́ „дѣлатель“ (основа kartár-), но pathi-kṛt- „дѣлающій дорогу“. Въ греческомъ *-t- было распространено посредствомъ *-ā-, откуда противуположность гом. βοτήρ, βώτωρ „пастухъ“ и συβώτης, συβότης „свинопасъ“.

2. Сложное слово имѣетъ значеніе прилагательнаго, показывающаго, что вторая часть сложнаго слова есть тотъ или другой признакъ лица или вещи: гр. βαθύ-κολπος „имѣю-

щій глубокую пазуху", лат. magn-animus „имѣющій великую душу", скр. híraṇya-keçaḥ „имѣющій золотые волосы", др.-сл. **чрънo-власъ** „черноволосый"; гр. δυσ-μενής, скр. dur-manāḥ „смущенный" и т. д. Это — притяжательныя сложныя слова (composita possessiva; санскритскій терминъ — bahuvrīhi). Удареніе чаще всего стоитъ на первой части сложнаго слова, и это позволяетъ иногда различать притяжательныя сложныя слова отъ сложныхъ словъ другого рода: гр. πολύ-τροπος — притяжательное сложное слово „много опытный", но παν-τρόπος значитъ „все вращающій", скр. rāja-putráḥ значитъ „сынъ царя", но rāja-putraḥ „имѣющій сына-царя" — притяжательное сложное слово. Вторая часть притяжательнаго сложнаго слова въ сущности сохраняетъ свое значеніе существительнаго и потому не принимаетъ признака женскаго рода: скр. su-mánāḥ „благосклонный", гр. εὐ-μενής служатъ формами какъ мужескаго, такъ и женскаго рода; точно также и гр. ῥοδο-δάκτυλος „розоперстый", ср. фр. Artaxerxès longuemain.

3. Къ третьему типу, менѣе ясному, относятся сложныя слова, первая часть которыхъ имѣетъ характеръ глагольной основы; таково напр. гр. ἀρχέ-κακος „начинающій зло, зачинщикъ злого дѣла", ср. ἄρχειν, — съ гласнымъ *e въ концѣ первой части; φυγο-πτόλεμος „избѣгающій войны", ср. φυγεῖν, — съ гласнымъ *o въ концѣ первой части; др.-сл. **вѣ-власъ** „знающій" (собств. „знающій голосъ") изъ **вѣд-** (основа глагола **вѣдѣ** „я знаю" и **власъ**; въ индо-иранскомъ первая часть обыкновенно замѣняется основою причастія: скр. vidád-vasuḥ „находящій благо", зд. frādaṭ-gaēθō „дающій преуспѣяніе міру". Слѣдовательно, опредѣляющее слѣдуетъ за опредѣляемымъ, когда это послѣднее имѣетъ глагольный характеръ, а обратный порядокъ имѣетъ мѣсто тогда, когда опредѣляемое выражено именемъ. Этотъ порядокъ встрѣчается въ различныхъ языкахъ, гдѣ грамматическія отношенія выражаются порядкомъ словъ.

Къ сложнымъ основамъ, какъ и ко всѣмъ другимъ, могутъ прибавляться вторичные суффиксы, какъ напр. *-yo- въ греч. ἐννεά-βοιος (*ἐννεϝα-βοϝ-yo-) „стоющій девять быковъ".

Важное значеніе сложенія основъ въ индо-европейскомъ языкѣ видно изъ того, что собственныя имена лицъ обыкновенно были сложными словами, какъ напр. гр. Ἱππο-μέδων,

скр. Açva-medhaḥ („совершившій жертвоприношеніе лошади“), галл. Epo-pennus („голова лошади“), др.-англ. Eomēr („славный лошадьми“), др.-перс. Aspa-čanah- („желающій лощадей“). Въ фамиліарномъ обращеніи рядомъ съ этими сложными именами стояли краткія (или ласкательныя) формы, какъ напр. гр. Ἱππίας, Ἵππυς, Ἵππυλλος и т. д.

b. Склоненіе.

Склоненіе существительныхъ и прилагательныхъ имѣетъ три вида въ зависимости отъ того, оканчивается ли основа: 1) на согласный или сонантъ; 2) на *-ā- (*-ē); 3) на *-e/o-.

Средній родъ характеризуется склоненіемъ, но во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго, звательнаго и винительнаго, форма его совпадаетъ съ формою мужескаго и женскаго рода, для трехъ же указанныхъ падежей въ каждомъ числѣ имѣется только одна форма; такъ напр. въ греч. им.-зват.-вин. пад. ед. ζυγόν, мн. ч. ζυγά; въ лат. iugum и iuga и т. д. Форма им.-зват.-винит. падежа представляетъ старинную собирательную форму ср. рода ед. ч. основы на *-ā- (*-ə-); склоненіе мн. ч. средняго рода состоитъ, слѣдовательно, изъ собирательной формы на *-ā- въ им.-вин.-зват. п. ед. ч. и изъ формъ, сходныхъ съ формами мужескаго и женскаго рода множеств. ч. въ остальныхъ падежахъ; поэтому въ индо-европейскомъ языкѣ глаголъ при подлежащемъ во множ. числѣ средняго рода стоялъ въ единственномъ числѣ; это правило сохранилось въ греческомъ языкѣ (τὰ ζῷα τρέχει „животныя бѣгутъ“), въ гатахъ Авесты и въ нѣкоторыхъ ведическихъ примѣрахъ; въ балтійскомъ языкѣ слѣдствіемъ такого употребленія явилось исчезновеніе формы 3 лица множ. числа въ глаголахъ: форма 3 лица ед. ч. въ употребленіи съ собирательною формою распространилась и на случай употребленія множ. числа.

1. Основы на сонантъ или согласный звукъ.

Къ этому же типу относятся и основы на *-yā- или *-yē- и на *-wā-, гдѣ нулевой вокализмъ суффикса господствуетъ во всемъ склоненіи (см. стр. 240), какъ напр. скр. naptī́ḥ „внучка“ и çvaçrū́ḥ „свекровь“, др.-сл. **свекры**, лат. socrus и т. д.

Аблативъ здѣсь по формѣ совпадаетъ въ единственномъ числѣ съ родительнымъ, а во множественномъ — съ дательнымъ.

α. Окончанія.

Единственное число.

Именительный падежъ (мужескаго и женскаго рода). — Для основъ на согласный и на сонанты *-i-, *-u- и *-m- окончаніемъ является *-s:

зд. vāxš „слово“ (и скр. vā́k изъ *vāks), лат. uox (uōc-s).

гат. θwāvą-s „тебѣ подобный“ (-ą-s изъ *-ant-s), гр. ἱστᾱ́ς (-ᾱ́ς изъ *-αντ-ς), лат. ferens (-ens изъ *-ent-s), лит. vežą̃-s- (-ą̃-s изъ *-ant-s), др.-прусск. smūnent-s „человѣкъ“.

скр. áhi-ḥ, зд. aži-š „змѣя“, гр. ὄφι-ς; лит. avì-s „овца“, лат. ovi-s; норвежское руническое -γasti-R, гот. gast-s „гость“, лат. hosti-s „врагъ“.

скр. bāhú-ḥ, зд. bāzu-š „рука“, гр. πῆχυ-ς „локоть“; гот. sunu-s „сынъ“, лит. sūnù-s; лат. frūctu-s „плодъ“.

скр. naptī́-ḥ „внучка“, лат. nepti-s (съ ĭ вм. *ī), др.-лит. nepti-s.

скр. çvaçrū́-ḥ „свекровь“, лат. socru-s (съ ŭ вм. *ū); гр. ὀφρῦ-ς „бровь“.

скр. dyáu-ḥ „небо“, гр. Ζεύς.

зд. zyå (изъ *zyā-s, основа *zyam-) „зима“, лат. hiem-s.

Нулевое окончаніе наблюдается въ основахъ на *r и на *n, при чемъ въ рядѣ языковъ исчезаетъ и сонантъ:

скр. ç(u)vā́ (основа ç(u)van-) „собака“, зд. spā, лит. szů̃ (род. п. szuñs), гр. κύων (съ конечнымъ -ν); точно такъ же и лат. homō (безъ конечнаго -n) „человѣкъ“, гот. auhsa „быкъ“, род. п. auhsins.

скр. mātā́ (основа mātár-) „мать“, лит. móte „жена“ и гр. μήτηρ, лат. māter, др.-ирл. māthir, арм. mayr и т. д.

Звательный падежъ (муж. и женск. р.). — Нулевое окончаніе: áhe, зд. aže „змѣя!“, гр. ὄφι; лит. avẽ „овца“.

Винительный падежъ (муж. и женск. р.). — Окончаніе *-m въ индо-иранскомъ и италійскомъ, *-n въ остальныхъ

языкахъ; съ гласными сонантами *i и *u носовой образуетъ дифтонгъ; въ другихъ случаяхъ онъ бываетъ гласнымъ:

скр. bāhú-m „руку“, гр. πῆχυ-ν; лат. frūctu-m, др.-прусск. sunu-n „сына“.

скр. áhi-m „змѣю“, зд. aži-m, гр. ὄφι-ν; др.-прусск. nakti-n „ночь“; лат. angue-m.

гр. φέροντ-α „несущаго“, лат. ferent-em; др.-прусск. smūnent-in „человѣка“.

Именительный-винительный-звательный средняго рода.— Нулевое окончаніе:

скр. mádhu „медъ“, гр. μέθυ, др.-прусск. meddo; лат. genu „колѣно“, скр. jā́nu, гр. γόνυ.

скр. nā́ma „имя“, лат. nōmen (и гр. ὄνομα?).

Родительный и аблативъ. — Окончанія *-es, *-os, *-s: форма окончанія, имѣющая гласный (*e или *o, смотря по языку), является обыкновенно послѣ элемента съ нулевымъ вокализмомъ, и форма, безъ гласнаго, послѣ элемента, имѣющаго гласный звукъ:

скр. çú-n-aḥ „собаки“, зд. sū-n-ō, др.-лит. szu-n-es (новое szuñs), гр. κυ-ν-ός, др.-ирл. con (изъ *ku-n-os); лат. pat-r-is (изъ *pat-r-es), лат. діалектическое также -us (изъ *-os).

скр. sūn-ú-ḥ „сына“, зд. hun-ao-š, лит. sūn-aũ-s, гот. sun-au-s; лат. frūctūs (-ū-s изъ *-ou-s), осск. castrous.

Дательный падежъ. — Окончаніе *-ei: индо-иранск. *-ai (скр. -e, зд. -e, и aē передъ энклитиками), др.-сл. -и, лат. -ī (древнее -ei), осск. -ei.

скр. sūnáv-e „сыну“, др.-сл. сынов-и; скр. pitr-é „отцу“, лат. patr-ī, др.-лат. rēgei „царю“, осск. paterei „отцу“.

Греческій языкъ имѣетъ -ι, πατρ-ί, т. е. форму съ нулевою ступенью вокализма, имѣющую, повидимому, свои отраженія въ германскомъ.

Творительный падежъ. — Окончанія различны въ разныхъ языкахъ; быть можетъ *-ĕ: скр. pitr-ā́, лат. patr-e.

Мѣстный падежъ. — Окончаніе *-i, чередующееся съ нулевымъ окончаніемъ: вед. mūrdhán-i и mūrdhán „на

головѣ“, гр. ἀι(F)εί (ει изъ *-es-i) и αἰ(F)ές „всегда“; греческій сохранилъ нулевое окончаніе также и въ нарѣчіи αἰ(F)έν „всегда“, но въ обычномъ склоненіи употребляетъ только ι, совпадающее съ окончаніемъ дательнаго падежа (форма замѣняетъ также и индо-европейскій творительный падежъ): ποιμέν-ι „пастуху, пастухомъ, пастухѣ“; то же касается и лат. homin-e (служитъ мѣстнымъ падежомъ, творительнымъ и аблативомъ) и гот, gumin „(въ) человѣкѣ“, которое можетъ также отражать древній дат. пад. на *-i и древній творительный на *-e и которое употребляется и въ значаніи аблатива, др.-слав. **камен-є** „въ камнѣ“ имѣетъ нулевое окончаніе съ слѣдующимъ предлогомъ **є**.

Множественное число.

Именительный и звательный (муж. и жен. рода). — Окончаніе *-es, отличающееся отъ окончанія род. пад. ед. ч. тѣмъ, что оно не имѣетъ слѣдовъ чередованія гласныхъ звуковъ:

скр. sūnáv-aḥ „сыновья“, др.-сл. **сынов-є** (всѣ конечные согласные въ славянскомъ отпадаютъ), гот. sunjus (изъ *sunew-es); зд. bāzav-ō „руки“, дор. πᾶχε(F)-ες; др.-лит. moter-es „жены“, скр. mātár-aḥ „матери“.

Винительный падежъ (муж. и жен. рода). — Окончаніе *-ns, при чемъ *-n- составляетъ второй элементъ дифтонга послѣ *-i- и *-u-, въ другихъ случаяхъ является въ формѣ *-n̥-:

критское υἱυ-νς „сыновей“, гот. sunu-ns.

гот. gasti-ns „гостей“, др.-прус. ausi-ns „уши“.

скр. çún-aḥ „собакъ“, гр. κύν-ας, др.-ирл. con-a, лат. homin-ēs (-ēs изъ *-ens отражающаго *-n̥s), др.-прусск. smūnent-ins „людей“.

Именительный, звательный и винительный средняго рода. — Именит., зват. и винит. пад. мн. ч. средн. р. замѣняется именит., зват. и винит. пад. ед. ч. ср. р. производной основы на *-ā-, съ собирательнымъ значеніемъ (см. стр. 244 и сл.). Конечный звукъ имѣетъ нулевой вокализмъ при нулевомъ окончаніи въ слѣдующихъ случаяхъ:

скр. sánt-i, гр. ὄντ-α „сущія“, лат. silent-ă.

Какъ всегда, *ə сливается съ предшествующимъ сонантомъ; отсюда:

*trī: вед. trí „три“, др.-сл. три, лит. trý (въ trý-lika „тринадцать“), лат. trī- въ trī-gintā „три десятка“, др.-ирл. trī, при параллельной формѣ *triy-ə: гр. τρία, лат. tria.

вед. nā́mā „имена“ (съ конечнымъ -ā, происшедшимъ изъ инд.-евр. *-n̥, т. е. *-nə).

Форма съ нулевымъ окончаніемъ, какъ зд. manâ „духи“ (-â изъ изъ индо-иран. *-ās) объясняются явленіями сочетанія словъ: такъ какъ и.-е. *-ə выпадаетъ передъ гласнымъ, то *-ōs-ə превращается въ *-ōs передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова.

Конечное *-ā-, засвидѣтельствованное др.-сл. имена и гот. namn-a „имена“, hairton-a „сердца“ представляетъ ступень вокализма *e того же именит. падежа; *-ā мы находимъ и въ лат. trī-gintā „три десятка“.

Родительный падежъ. — Окончаніе *-ōm или *ōn, соотвѣтственно отраженію конечнаго носового въ данномъ языкѣ:

скр. çún-ām „собакъ“, зд. sūn-ąm, гр. κυν-ῶν, лит. szun-ų̃, др.-ирл. con n (передъ гласнымъ), лат. can-um.

Нужно замѣтить, что греч. -ῶν имѣетъ облеченное удареніе (нисходящую интонацію), а лит. -ų̃ — восходящую интонацію, и что вед. -ām, гат. ą̄m часто считаются въ стихахъ за два слога.

Мѣстный падежъ. — Окончаніе *-su засвидѣтельствовано индо-иранскимъ, славянскимъ и балтійскимъ; греческій имѣетъ окончаніе -σι, которому въ другихъ языкахъ нѣтъ параллелей.

скр. tri-ṣú, др.-сл. трьхъ, др.-лит. tri-su „трехъ“; ср. гр. τρι-σι.

Дательный съ аблативомъ и творительный. — Окончанія на *-bh- и на *-m-; они будутъ разобраны ниже въ особомъ примѣчаніи.

Двойственное число.

Именительный, звательный и винительный (муж. и жен. рода). — Въ греч. -ε, какъ напр. πατέρ-ε „оба отца“, въ вед.

-ā (чередующееся съ -au), какъ напр. pitár-ā „оба отца“; древне-ирландское athir прекрасно объясняется изъ первоначальнаго *pətere или *pətərē: поэтому и.-е. окончаніе было, повидимому, *-ĕ̄; количественное чередованіе *-e/-ē можно сравнить съ такимъ же чередованіемъ, напр., во вторичномъ окончаніи 1-го лица множ. числа дѣйствит. залога: вед. -ma и -mā.

Основы на *-i- и *-u- имѣютъ особыя окончанія *-ī и *-ū, которыхъ нельзя возводить къ окончанію *-ĕ̄, но которыя могутъ представлять формы, образованныя по аналогіи съ тематическими формами, какъ скр. vr̥̊kā „оба волка“, др.-сл. **клькы**, гр. λύκω:

скр. áhī „обѣ „змѣи“, др.-сл. **нощти**, лит. naktì „обѣ ночи“ (изъ *naktý, др.-ирл. fāith „оба поэта“ изъ *wātī.

скр. sūnū́ „оба сына“, др.-сл. **сыны**, лит. sū́nu (изъ *sū́nū).

Именительный, звательный и винительный средняго рода. — Окончаніе *-ī: скр. jánas-ī „оба рода“, nā́man-ī „оба имени“, др.-сл. **словєс-н**, **имєн-н**; зд. (vī-)sait-i „два десятка“, лат. (uī-)gint-ī; только греческій языкъ, беотійское (Fι-)κατ-ι, атт. (εἰ-)κοσ-ι, предполагаетъ *-i краткое.

Родительный и мѣстный падежъ. — Скр. -oḥ соотвѣтствуетъ др.-сл. **-оу**: скр. jánas-oḥ „обоихъ родовъ“, др.-сл. **словєс-оу**.

Дательный, аблативъ (?) и творительный падежъ. — Окончанія на *-bh- и на *-m.

Общія замѣчанія объ окончаніяхъ на *-bh- и на *-m-. Окончанія на *-bh- и на *-m- сравнительно съ только что перечисленными не имѣютъ ни опредѣленной формы, ни опредѣленнаго значенія. Въ текстѣ Гомера, единственномъ греческомъ памятникѣ (не считая нѣсколькихъ эолійскихъ и беотійскихъ глоссъ), гдѣ мы можемъ наблюдать эти окончанія, они имѣютъ одну только форму -φι(ν), которая имѣетъ значеніе и единственнаго, и множественнаго числа и употребляется въ смыслѣ четырехъ падежей дательнаго, аблатива, творительнаго и мѣстнаго. Съ другой стороны мы очень рѣдко встрѣчаемъ въ различныхъ языкахъ та-

кія формы съ этими окончаніями, которыя бы точно соотвѣтствовали одна другой: германскій, балтійскій и славянскій языки имѣютъ *m тамъ, гдѣ индо-иранскій, армянскій, греческій, италійскій и кельтскій имѣютъ *bh; да и помимо этого различія формы далеко не тождественны. Дѣйствительно, мы находимъ:

Въ творительномъ ед. ч.: арм. -b (-w передъ гласнымъ), какъ напр. hars-am-b „невѣстою“, srti-w „сердцемъ“ (это -b/-w можетъ соотвѣтствовать греч. -φι); лит. -mi, др.-сл. -мь: лит. sūnu-mì, сл. сынъ-мь „сыномъ“.

Въ творительномъ мн. ч.: скр. -bhiḥ, др.-перс. -biš, зд. -bīš: скр. sūnú-bhiḥ „сыновьями“, зд. bāzu-bīš „руками“; арм. -bkh (-wkh послѣ гласнаго): harsam-bkh „невѣстами“, stri-wkh „сердцами“, т. е. та же форма, что и въ ед. ч. съ прибавкою -kh, обозначающею множественное число; др.-ирл. -ib (изъ *-bhis): fāthib „поэтами“ (форма служитъ также дательнымъ и аблативомъ); лит. -mis, др.-сл. -мн: лит. sūnu-mìs, др.-сл. сынъ-мн; обѣ эти формы предполагаютъ первоначальное *-mīs, которое напоминаетъ зд. -bīš; наконецъ, окончаніе др.-исл. дательнаго и творительнаго -mr (гот. -m) въ др.-исл. þri-mr (гот. þri-m) „тремя“ указываетъ на существованіе конечнаго *-s.

Въ дательномъ и аблативѣ множ. ч.: скр. -bhyaḥ, зд. -byō: скр. sūnú-bhyaḥ „сыновьямъ“, зд. bāzu-byō „рукамъ“; лат. -bus; oui-bus „овцамъ“; сл. -мъ (изъ *-mos?): сынъ-мъ; др.-лит. -mus: sūnu-mus „сыновьямъ“.

Въ дательномъ и творительномъ двойств. числа: скр. -bhyām, зд. -bya (съ конечнымъ -ə, которое отражаетъ индо-иранское *-ā), др.-сл. -ма: скр. sūnú-bhyām, др.-сл. сынъ-ма „обоимъ сыновьямъ“, зд. ažì-bya „обоимъ змѣямъ“; литовскій языкъ имѣетъ только -m: дат. п. naktì-m „обѣимъ ночамъ“, твор. п. naktì-m̃ „обѣими ночами“.

Устанавливать въ данномъ случаѣ индо-европейскія формы невозможно, такъ какъ отдѣльные діалекты существенно расходятся въ своихъ формахъ: здѣсь методы сравнительной грамматики не даютъ намъ возможности ни различить болѣе древнія формы, ни прослѣдить послѣдовательности ихъ измѣненій въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ.

Въ греческомъ -φι(ν) имѣетъ значеніе формы аблатива мѣстнаго, дательнаго и творительнаго и единственнаго и мно-

жественнаго числа; окончанія на *-bl- и на *-m- въ италійскомъ, ирландскомъ и германскомъ образуютъ формы только множественнаго числа, но имѣютъ значеніе этихъ же четырехъ падежей, и это обстоятельство содѣйствовало смѣшенію падежей въ единственномъ числѣ. Такимъ образомъ формы на *-bh- и на *-m-, по крайней мѣрѣ въ западныхъ діалектахъ, имѣютъ въ извѣстной мѣрѣ скорѣе характеръ нарѣчій, нежели такихъ падежныхъ формъ, какія мы имѣемъ въ другихъ случаяхъ.

β. Вокализмъ элемента, предшествующаго окончанію.

Вокализмъ элемента, предшествующаго окончанію, характеризовалъ падежныя формы наравнѣ съ окончаніями, и греческій языкъ сохраняетъ это состояніе въ склоненіи напр. слова πατήρ; πάτερ, πατέρ-α; πατρ-ός, πατρά-σι — ἀπάτωρ; ἀπάτορα. Но нѣтъ возможности выяснить вполнѣ, каково было древнѣйшее отношеніе, такъ какъ всѣ свидѣтельства оказываются уже затемненными. Греческій языкъ сохранилъ оттѣнки индо-европейскихъ гласныхъ, но онъ упростилъ систему именного склоненія, и такъ какъ число падежныхъ формъ сократилось съ восьми до пяти, то и въ чередованіи гласныхъ разнообразіе формъ свелось къ двумъ, самое большее къ тремъ разновидностямъ въ каждомъ склоненіи. Въ индо-иранскомъ оттѣнки гласныхъ *e и *o совпали въ одномъ звукѣ a; правда, есть слѣды первоначальнаго различія: въ склоненіи, повидимому, и.-е. *ŏ въ открытомъ слогѣ соотвѣтствуетъ въ индо-иранскомъ *ā, а и.-е. *e — индо-иранское *ă; но если это отраженіе звука *o позволяетъ отмѣтить роль измѣненія качества звука, оно въ той же мѣрѣ затемняетъ роль количественнаго измѣненія. Остальные языки извѣстны изъ слишкомъ поздняго времени и въ слишкомъ измѣненныхъ формахъ, такъ что въ нихъ мы можемъ найти только слѣды индо-европейскаго состоянія. Поэтому чередованіе гласныхъ звуковъ въ элементѣ, предшествующемъ окончанію, въ именномъ склоненіи извѣстно довольно плохо. Приводимые ниже факты все же позволяютъ составить себѣ представленіе о важности этого явленія.

Въ элементѣ, предшествующемъ окончанію, не бываетъ

чередованія гласныхъ только въ опредѣленныхъ спеціальныхъ случаяхъ. Именно:

1. Въ причастіяхъ глаголовъ съ удвоеніемъ: скр. им. п. ед. ч. муж. р. dádat „дающій“ (изъ *de-d-n̥t-s), род. п. dádat-aḥ; гр. διδούς (изъ *διδο-ντ-ς), διδό-ντ-ος.

2. Въ основахъ, сливающихъ *ə съ предшествующимъ сонантомъ въ „долгій сонантъ“ (ср. выше стр. 240).

скр.	çvaçrū́-ḥ „свекровь“	вин. п. ед. ч. çvaçrúv-am
	род. п. ед. ч. çvaçrúv-aḥ	
др.-сл	**свекры**	вин. п. ед. ч. **свекрък-ь**
	род. п. ед. ч. **свекрък-е**	
гр.	ὀφρῦ-ς „бровь“	—
	род. ед. ὀφρύF-ος	
гр.	κῖς	—
	род. ед. κι(ϝ)-ός	
скр.	nadī́-ḥ „рѣка“	вин. ед. nad(ī)y-am
	род. ед. nad(ī)yaḥ	
скр.	gī́ḥ „пѣсня“	вин. ед. gír-am
	род. ед. gir-áḥ	

3. Въ производныхъ именахъ на *-ōn- (ср. стр. 220 и слѣд.), какъ гр. στράβων, στράβωνος „косоглазый“, лат. Catō, Catōnis, ср. др.-сл. **граждан-е**.

Какъ правило, въ элементѣ, предшествующемъ окончанію, въ основахъ, оканчивающихся на согласный или сонантъ, происходитъ въ склоненіи чередованіе гласныхъ, и мы встрѣчаемъ всѣ возможные ступени вокализаціи, т. е.:

*ĕ *ŏ
*ē *ō нуль

Чередованіе типа *e: *o не было присуще всѣмъ словамъ; напр., въ числѣ основъ на *-n- есть такія, которыя имѣютъ въ им. мн. *-en-es, въ мѣстн. ед. *-en-i въ твор. мн. *-n̥-bhi(s), но есть и другія, которыя въ им. мн. имѣютъ *-on-es, при мѣстн. ед. на *-en-i и твор. мн. на *-n̥-bhi(s):

	им. ед.	им. мн.	мѣстн. ед.	твор. мн.
скр.	vr̥ṣā „самецъ“	vr̥ṣ-aṇ-aḥ	vr̥ṣ-aṇ-i	vr̥ṣ-a-bhiḥ
	áçmā „камень“	áçm-ān-aḥ	áçm-an-i	áçm-a-bhiḥ;

этому различію въ греческомъ соотвѣтствуютъ:

ἄρσην ἄρσ-εν-ες ἄρσ-εν-ι
ἄκμων ἄκμ-ον-ες ἄκμ-ον-ι (вм. и.-е. *akmeni)

Греческій языкъ распространилъ звукъ *o нѣкоторыхъ падежей на все склоненіе въ типѣ ἄκμων. Другіе языки сохранили *o только въ именит. п. ед. ч. и распространили въ остальныхъ формахъ *e:

лит. akmū̃ „камень“ им.мн. ākm-en-(e)s мѣст.ед. akmen-(yjè)
др.-сл. **камы** **камєн-є** **камєн-є**

Языки, въ которыхъ первоначальное состояніе просвѣчиваетъ отчетливѣе всего, это германскій:

гот. auhsa „быкъ“, им. мн. auhs-an-s, дат. и мѣст. ед. auhs-in (род. мн. auhs-n-e);

и особенно армянскій:

им. ед.	им. мн.	дат.-мѣст. ед.	твор. ед.
anjn „лицо“	anj-in(-kh)	anj-in	anj-am-b
harsn „невѣста“	hars-un(-kh)	hars-in	hars-am-b

(въ армянскомъ i и u передъ n отражаютъ и.-е. *e и *o).

Чередованіе *e и *o было широко распространено; мы находимъ его, напр., и въ основахъ на *-r-:

им. ед.	им. мн.	мѣст. ед.	твор. мн.
скр. svásā „сестра“	svás-ār-aḥ	svás-ar-i	svás-ṛ-bhiḥ
лит. sesū̃ „сестра“	(sēs-er-s)	ses-er-(yjè)	—

и рядомъ основа безъ чередованія *e/o:

скр. mātā̃ „мать“	māt-ár-aḥ	māt-ár-i	māt-ṛ̊-bhiḥ
лит. mótė „жена“	mót-er-(e)s	mot-er-(yjè)	—

Латинскій языкъ отражаетъ это различіе въ формахъ soror „сестра“ и māter „мать“, но распространяетъ *o именительнаго падежа на все склоненіе слова soror.

Противуположеніе *e и *o въ греческомъ именномъ склоненіи сохранилось только въ именахъ средняго рода на *-es-:

гр. νέφ-ος „облако“ род. ед. νέφ-ε(h)-ος
др.-сл. **нєб-о** **нєб-єс-є**

Если простое слово въ элементѣ, предшествующемъ окончанію, имѣетъ вокализмъ *e въ вин. ед. и въ им. мн. муж. жен. р., то сложное слово часто имѣетъ ступень *o; напр. гр. πατήρ, πατέρες: ἀπάτωρ, ἀπάτορες (при чемъ o распространилось во всемъ склоненіи); φρήν, φρένα: ἄφρων, ἄφρονα (съ тѣмъ же обычнымъ въ греч. распространеніемъ o во

всемъ склоненіи); при скр. pit-ár-aḥ „отцы“ мы находимъ tvát-pit-ār-aḥ „имѣющіе въ тебѣ отца“, съ ā, указывающимъ на первоначальное *o; и армянскій языкъ еще съ большею отчетливостью сохранилъ на ряду съ другими и слѣдующую противуположность въ склоненіи простого anjn „лицо“ и сложнаго mi-anjn „монахъ“ (соб. одинокое лицо):

мѣстн. ед. anj-in им. мн. anj-in-(kh) твор. anj-am-b
mi-anj-in mi-anj-un-(kh) mi-anj-am-b

Падежи, въ которыхъ элементъ, предшествующій окончанію, имѣлъ ступень вокализма *o были въ единств. числѣ именительный, винительный (и, можетъ быть, звательный?) мужескаго и женскаго рода, во множественномъ — именительный муж. и жен. р. и именит. средн. р. и въ двойственномъ числѣ — именит., зват. и винит. падежъ муж. и жен. р.

Чтобы объяснить соотвѣтствія формъ одного языка съ формами другого, необходимо принимать въ расчетъ чередованія гласныхъ; такъ склоненіе и.-е. основы *ped- „нога“ таково: им. ед. скр. pā́t, дор. πώς, слѣдовательно и.-е. *pōt-s; им. мн. скр. pā́d-aḥ, гр. πόδ-ες, арм. ot-(kh) слѣдовательно и.-е. *pód-es; род. ед. скр. pad-áḥ, лат. ped-is, слѣдоват. и.-е. *ped-é/ós; звукъ *e былъ распространенъ во всемъ склоненіи въ латинскомъ: pēs, pedem, pedēs и т. д.; звукъ *o — въ греческомъ: πούς, πόδα, ποδός и т. д., а также въ армянскомъ; германскій языкъ распространилъ на всѣ падежи *ō именительнаго ед. ч.: гот. винит. ед. fotu (изъ *pōdn̥) и такъ во всемъ склоненіи этого слова. На этомъ примѣрѣ, который можно считать однимъ изъ прекрасно сохранившихся, мы видимъ, насколько измѣнился въ различныхъ языкахъ вокализмъ элемента, предшествующаго окончанію.

Передъ всякимъ окончаніемъ, начинающимся согласнымъ (или согласнымъ сонантомъ), элементъ, предшествующій окончанію, имѣетъ нулевую ступень вокализма, если суффиксъ имѣетъ сонантъ способный вокализоваться:

др.-атт. φρα-σί (также у Пиндара), съ α отражающимъ *n̥, при φρήν, φρεν-ός.

гр. πατρά-σι при πατήρ, πατέρα.

мѣст. мн. скр. sūnú-ṣu „у сыновей“, др.-сл. **сынъ-хъ**.

твор. мн. скр. sūnú-bhiḥ „сыновьями“, др.-сл. **сынъ-мн**; ср. гот. sunu-m.

твор. ед. арм. hars-am-b „невѣстою“ (-am-b изъ *n̥-bhi).

Нулевой вокализмъ предшествующаго окончанію элемента въ им. падежѣ ед. ч. при окончаніи *-s вполнѣ отвѣчаетъ этому правилу:

скр. sūnú-ḥ „сынъ“, лит. sūnù-s, гот. sunu-s при им. п. мн. ч. скр. sūnáv-aḥ и т. д.

скр. svādú-ḥ „сладкій“, гр. ἡδύ-ς при им. мн. скр. svādáv-aḥ, гр. ἡδεῖς (изъ *ϝαδεϝ-ες).

скр. áhi-ḥ „змѣя“, гр. ὄφι-ς при им. мн. скр. áhay-aḥ, гр. ὄφεις (изъ *ὀφεγ-ες); др.-сл. **пѫть**, им. мн. **пѫтьѥ** (съ **-ьѥ**, отражающимъ, повидимому, *-ey-es).

Исключеніе составляютъ: во-первыхъ, односложные именительные падежи, имѣющіе долгій гласный, какъ скр. dyáu-ḥ „небо“, гр. Ζεύς: скр. gáu-ḥ „быкъ“, гр. βοῦς; зд. zå „земля“ изъ *zā-s (им. п. восточно-иранской основы *zam-); и во-вторыхъ, основы на *-nt-, которыя имѣютъ въ именит. падежѣ гласный звукъ въ элементѣ, предшествующемъ окончанію, какъ напр. скр. br̥hán (изъ *br̥h-ant-s) „высокій“, гр. ὀδούς (изъ *ὀδοντ-ς) „зубъ“, лит. vežą̃s (изъ *weg$_1$hont-s) „везущій“ и т. д.

Тѣ именительные падежи муж. и жен. рода, которые имѣютъ нулевое окончаніе, характеризуются долгимъ гласнымъ въ элементѣ, предшествующемъ окончанію; въ такомъ случаѣ, какъ мы видѣли на стр. 138 и сл., конечный сонантъ можетъ отпадать:

скр. mātā́ „мать“ (им. мн. mātár-aḥ), лит. mótė (им. мн. др.-лит. moter-es), гр. μήτηρ, μητέρ-ες.

гр. δώτωρ, δώτορ-ες.

скр. vr̥̀ṣā „самецъ“ (им. мн. vr̥̀ṣaṇ-aḥ), гр. ἄρσην, ἄρσεν-ες.

гр. ἄκμων, ἄκμον-ες; лит. akmů̃.

скр. durmanāḥ „печальный“ (им. мн. durmanas-aḥ); гр. δυσμενής „враждебный“, δυσμενεῖς (-εῖς изъ *-εh-ες).

гом. ἠώς „заря“, вин. ед. ἠόα (изъ *aus-os-n̥).

дор. πώς, πόδ-ες; лат. pēs, pedem.

Винительный и звательный ед. ч., имен. и зват. мн. ч. и имен., зват. и вин. двойств. ч. мужеск. и женск. рода имѣютъ одинаковый вокализмъ: *e краткое или *o краткое, смотря по основѣ:

	вин. ед.	зв. ед.	им. мн.	им.-вин. дв.
гр.	μητέρ-α	μῆτερ	μητέρ-ες	μητέρε
вед.	mātár-am	mā́tar	mātár-aḥ	mātár-ā
лит.	móter-į	—	móter-(e)s	móter-[i]
др.-сл.	**матер-ь**	—	**матер-[и]**	**матер-[и]**
гр.	ἀπάτορ-α	ἀπάτορ	ἀπάτορ-ες	ἀπάτορ-ε

точно такъ же:

вед.	—	sū́no „сынъ!“	sūnáv-aḥ	—
лит.	—	sūnaũ	—	—
др.-сл.	—	**сыноу**	**сынок-є**	—
дор.	—	—	πάχεF-ες	πάχεF-ε

или въ основахъ на *-i-:

скр.	—	áhe „змѣя!“	áhay-aḥ	—
лит.	—	naktẽ „ночь!“	—	—
др.-сл.	—	**нощи**	**нощьє**	—
гр.	—	—	ὄφε(y)-ες	ὄφε(y)-ε

Но здѣсь въ вин. п. ед. ч. вмѣсто формъ съ вокализмомъ *e въ элементѣ передъ окончаніемъ мы находимъ формы съ нулевымъ вокализмомъ по образцу им. п. на *-us и *-is; такъ въ вин. падежѣ къ индо-европейской эпохѣ восходятъ формы: скр. sūnúm, лит. súnų (др.-прусск. sunu-n), др.-сл. **сынъ**, дор. πᾶχυ-ν; скр. áhi-m, лит. nāktį (др.-прусск. nakti-n), др.-сл. **нощь**, гр. ὄφι-ν; въ зват. ед. дор. πᾶχυ, ὄφι; въ им., зват. и вин. двойств. къ индо-европейской эпохѣ восходятъ формы скр. sūnū́, др.-сл. **сыны**, лит. súnu (изъ *súnū); скр. áhī, лит. naktì (изъ *naktý), др.-сл. **нощи**.

Такимъ же вліяніемъ им. ед. объясняется неправильное появленіе долгаго гласнаго въ слѣдующихъ вин. п. уже въ индо-европейскую эпоху: скр. gā́m „быка“, дор. βῶν, и.-е. *gʷōm, первоначально *gʷōum, по образцу им. п. *gʷōu-s (скр. gáuḥ); скр. dyā́m „небо“, гом. Ζῆν(α), лат. diem, и.-е. *dyēm, первоначально *dyēu-m по образцу им. ед. *dyēu-s (скр. dyáuḥ); если бы долгій гласный былъ старый, то формы имѣли бы другой видъ, какъ это видно изъ формъ основы *nāu- „корабль“, гдѣ долгое *ā остается во всемъ склоненіи основы; здѣсь вин. п.: скр. nā́v-am, гр. *νᾶFα (гом. νῆα, іон. νέᾱ).

Именит., зват. и вин. пад. ед. ч. ср. р. имѣетъ обыкновенно въ элементѣ передъ окончаніемъ нулевой вокализмъ (окончаніе тоже нулевое); такъ напр.:

скр. mádhu „медъ“, гр. μέθυ, др.-прусск. meddo (съ o, отражающимъ *ŭ); скр. svādú „сладкое“, гр. ἡδύ.

скр. nā́ma „имя“ (-a отражаетъ *n̥), гр. ὄνομα, лат. nōmen.

скр. yákṛt „печень“, гр. ἧπαρ, лат. iecur.

Мы находимъ однако также и долгую ступень вокализма, но при какихъ условіяхъ, опредѣлить невозможно: гр. ὕδωρ „вода“, др.-сл. нмл (-а изъ *-ēn). — Вокализмъ *o и *e является только тамъ, гдѣ суффиксъ не имѣетъ сонанта, способнаго вокализоваться:

скр. mán-aḥ „духъ“	гр. μέν-ος
скр. durmanaḥ „печальный“	гр. δυσμεν-ές

и даже въ этомъ случаѣ нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ иногда является послѣ двусложнаго корня, въ которомъ *ə представляетъ необходимый для произнесенія гласный звукъ:

скр. kraví̯ḥ „сырое мясо“ гр. κρέ(F)ας

или послѣ *u: скр. ā́yu-ḥ „вѣкъ“ (ср. гр. мѣстн. αἰ-F-ές).

Имен., зват. и винит. мн. ч. средн. рода имѣетъ долгую ступень вокализма въ одной части случаевъ передъ конечнымъ *-ə или нулемъ, какъ напр.:

скр. ghṛtávānt-i „жирный, масляный“, зд. mīždavą̄n „снабженный жалованіемъ“ (-ą̄n отражаетъ индо-иранское *-ānt); въ гр. (τρια-)κοντ-α и арм. (ere-)sun „три десятка“ второй элементъ представляетъ мн. ч. средняго рода; быть можетъ, онъ имѣлъ вокализмъ *ō, но въ подобныхъ положеніяхъ греческій и армянскій не отличаютъ *ō отъ *ŏ.

скр. catvā́r-i „четыре“, гот. fidwor.

скр. nā́mān-i, зд. nāmą̄n (-ą̄n изъ иран. *-ān) „имена“, гот. hairton-a „сердца“.

зд. manå (-å изъ иран. *-ās) „мысли“, др.-англ. (нортумберландск.) calfur „телята“ (-ur изъ *-ōr, первонач. *-ōsā).

Въ другихъ случаяхъ элементъ передъ окончаніемъ имѣетъ нулевой вокализмъ:

вед. trí, др.-сл. **три**, лат. trī-(gintā), и т. д. (съ и.-е. *-ī, т. е. *-yə) и гр. τρία, лат. tria (съ *-iy-ə).

вед. mádhū (съ и.-е. *-ū, т. е. *-w-ə); лат. genu-a (съ *-uw-ə).

вед. nā́mā „имена“ (съ и.-е. *-n̥, т. е. *-n-ə).

Мѣстный ед. ч. имѣетъ характерный вокализмъ элемента передъ окончаніемъ — краткій гласный *e, какъ напр. скр. netár-i „у проводника“ съ a отражающимъ *e, при винит. п. netár-am, гдѣ ā предполагаетъ старое *o, и при дат. netr-é съ нулевымъ вокализмомъ элемента передъ окончаніемъ; точно также вед. мѣстн. п. dyáv-i „на небѣ“, тождественный съ лат. Iou-e (изъ *dyew-i), противуполагается родительному съ нулевымъ вокализмомъ элемента передъ окончаніемъ вед. div-áḥ, ср. гр. Διϝ-ός. Этотъ вокализмъ сохранился въ двухъ греческихъ формахъ мѣстн. падежа съ нулевымъ окончаніемъ, превратившихся въ нарѣчія: αἰ(F)έν „всегда“, которое напоминаетъ скр. типъ áhan „днемъ“, и αἰ(F)ές „всегда“ (при αἰῶ, т. е. *αἰϝο[h]-α), или съ окончаніемъ *-i, αἰ(F)εί (-ει изъ *-ε[h]-ι). — Другія формы мѣстнаго ед. ч. съ нулевымъ окончаніемъ имѣютъ долгую ступень вокализма, какъ напр.: скр. vasáu, зд. vaŋhāu „въ добрѣ“ съ древнимъ *-ōu (или *-ēu?), которое чередуется, по правилу, изложенному на стр. 138 и слл., съ *-ō, засвидѣтельствованнымъ др.-сл. нарѣчіемъ **домꙋ** (отъ основы на *-u- *dom-eu-); вед. girā́, зд. gara „на горѣ“ (отъ индо-иранской основы *gᵒrai-), гдѣ конечное индо-иранское *-ā отражаетъ старое *-ē или *-ō, чередующееся съ *-ēi или *-ōi; зд. ayąn „днемъ“ (-ąn изъ *-ān, первонач. *-ēn или *-ōn); можетъ быть, гр. нарѣчіе νύκτωρ „ночью“ и т. д. На этой долгой ступени вокализма, повидимому, основывается долгій гласный греческаго типа основъ на *-i-: гом. πόλῃι, атт. πόλῃ, гдѣ прибавленнымъ оказывается обычное въ греческомъ окончаніе дательнаго и мѣстнаго *-i.

Во всѣхъ остальныхъ падежахъ окончанія начинаются либо гласнымъ, либо гласнымъ сонантомъ, и никогда не бываетъ нулевого окончанія: родит. и аблат. ед. ч. — *-es, *-os, *-s; дат. ед. *-ei; род. мн. *-ōm, *ōn; вин. мн. муж. и жен. р. *-ns род. дв. *-ous (или *eus, или *-aus?); им.,

зват. и вин. дв. ч. ср. р. *-ĭ̯. Мы находимъ въ этихъ падежахъ два типа вокализма элемента передъ окончаніемъ, которые различаются, смотря по словамъ:

1. Вокализмъ *e и, по крайней мѣрѣ въ родит. и аблат. основъ на *-i- и *-u-, вокализмъ *o въ элементѣ передъ окончаніемъ.

Этотъ вокализмъ мы встрѣчаемъ въ основахъ на *-men-, такъ напр. вед. bráh-man- (ср. р.) „молитва“ и brah-mán- (муж. р.) „жрецъ“ имѣютъ въ род. ед. bráh-maṇ-aḥ, brah-máṇ-aḥ; въ дат. ед. bráh-maṇ-e, brah-mán-e; въ вин. мн. муж. р. brah-máṇ-aḥ; въ род. мн. bráh-maṇ-ām, brah-máṇ-ām; въ род. дв. bráh-maṇ-oḥ, brah-máṇ-oḥ; въ им. дв. ср. р. bráh-maṇ-ī. Точно такъ же и въ славянскомъ существительное ср. р. **врѣмя** имѣетъ въ род. ед. **врѣ-мен-е**, въ дат. ед. **врѣ-мен-и**, въ род. мн. **врѣ-мен-ъ**, въ род. дв. **врѣ-мен-оу**, въ им. дв. **врѣ-мен-и**. И въ греческомъ мы имѣемъ ποι-μέν-ος, ποι-μέν-ας, ποι-μέν-ων, ποι-μέν-οιν или съ распространеніемъ во всемъ склоненіи ступени *o, являющейся въ винит. ед. и въ им. мн.: στή-μον-ος „основы (на ткацкомъ станкѣ)“, στή-μον-ας, στη-μόν-ων, στη-μόν-οιν.

Тотъ же вокализмъ имѣетъ большинство основъ на *-u- и на *-i-; такъ напр.:

родит. и аблат. ед. ч.: скр. sūnó-ḥ „сына“, лит. sūnaũ-s, др.-сл. **сыноу**, гот. sunau-s (съ гласнымъ *o въ элементѣ передъ окончаніемъ); ср. гр. γλυκέF-ος „сладкаго“ съ господствующей въ греч. языкѣ формою окончанія *-os.

дат. ед.: скр. sūnáv-e, др.-сл. **сынов-и** (съ **о** изъ первоначальнаго *e передъ **и**).

род. мн.: др.-сл. **сынов-ъ**, гот. suniw-e, ср. гр. γλυκέ(F)ων „сладкихъ“.

род. дв.: др.-сл. **сынов-оу**, ср. гр. γλυκέ(F)οιν.

или въ основахъ на *-i-:

родит. и аблативъ ед.: скр. máte-ḥ „мысли“, гот. austai-s „милости“ (вокализмъ элемента передъ окончаніемъ — *o).

род. мн.: зд. θray-ąm „трехъ“, др.-сл. **трьи** (изъ *trey-ōn) и т. д.

Единственное исключеніе представляетъ вин. мн. основъ на *-i- и на *-u- своими формами *-u-ns, *-i-ns: крит. υἱύ-νς, гот. sunu-ns „сыновей“; гот. gasti-ns „гостей“, др.-прусск. ausi-ns „уши“.

2. Нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ. Это нормальный вокализмъ въ основахъ на *-n-, кромѣ основъ на *-men-; такъ напр.

род. и аблат. ед. скр. çú-n-aḥ „собаки“, гр. κυ-ν-ός, лит. szu-ñ-(e)s, др.-ирл. con (изъ *ku-n-os).

дат. ед. скр. çú-n-e, др.-ирл. coin.

вин. мн. скр. çú-n-aḥ, гр. κύ-ν-ας, лит. szù-n-is, др.-ирл. co-n-a.

род. мн. скр. çú-n-ām, гр. κυ-ν-ῶν, лит. szu-n-ų̃, др.-ирл. co-n n.

род. дв. скр. çú-n-oḥ, гр. κυ-ν-οῖν.

Этотъ вокализмъ, довольно хорошо сохранившійся въ ведическомъ языкѣ, въ остальныхъ языкахъ встрѣчается довольно рѣдко; тѣмъ не менѣе слѣды его сохранилъ греческій языкъ, напр., въ род. ед. Fαρ-ν-ός „ягненка“ (им. ед. атт. ἀρήν), готскій языкъ — въ такихъ формахъ какъ род. мн. auhs-n-e „быковъ“ (дат. ед. auhsin) и т. д.

Для основъ на *-u-, кромѣ родит. и аблат. скр. di-v-áḥ „неба“, гр. Δι-F-ός, индо-иранскій языкъ даетъ много хорошихъ примѣровъ, а именно: род. и аблат. ед. скр. paç-v-áḥ, зд. pas-v-ō „скота“, дат. ед. скр. paç-v-é, вин. мн. скр. paç-v-áḥ, зд. pas-v-ō; род. мн. зд. pas-v-ąm. Для основъ на *-i- можно привести скр. род. и абл. áv-y-aḥ „овцы“, гр. οἰός (изъ *ὀF-y-ός).

То же касается основъ на *-nt-; такъ въ скр. при вин. ед. bṛ̥hánt-am „высокаго“ мы имѣемъ въ род. и абл. ед. bṛ̥hat-áḥ (гдѣ -at- изъ *-n̥t-), дат. ед. bṛ̥hat-é, вин. мн. bṛ̥at-áḥ, род. мн. bṛ̥hat-ā́m, им. дв. ср. р. bṛ̥hat-í. При скр. вин. ед. dánt-am „зубъ“ род. и аблат. имѣетъ форму dat-áḥ и т. д.; вокализмъ скр. вин. ед. dánt-am, сохраненный въ гр. ὀδόντ-α и въ лит. dañt-į, былъ распространенъ въ греческомъ и литовскомъ и на всѣ остальные падежи, откуда род. мн. гр. ὀδόντ-ων, лит. dant-ų̃; съ другой стороны гот. вин. ед. tunþu получилъ вокализмъ родительнаго, между тѣмъ какъ др.-сакс. tand сохранилъ вокализмъ винительнаго падежа ед. ч.; -en- латинскаго dens (основа dent-: род. мн. dentum) и -ē- др.-ирландскаго dēt могутъ отражать *-en-, но скорѣе всего восходятъ къ распространенному во всемъ склоненіи *-n̥-. Нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ въ им. дв. ср. р. сохранился въ

зд. (vī-)sait-i, беот. (Fῑ-)κατ-ι, арм. (kh-)san „два десятка“ и т. д., гдѣ вокализмъ *k_1m̥t- противуполагается вокализму мн. ч. гр. (τρια-)κοντ-α, арм. (ere-)sun „три десятка“.

Имена родства на *-r- въ указанныхъ падежахъ имѣютъ также нулевой вокализмъ; такъ въ род. ед. гр. πατρ-ός, лат. patr-is, арм. hawr (гдѣ -wr- отражаетъ *-tr- со слѣдующимъ гласнымъ). Имена дѣйствующихъ лицъ (nomina agentium), повидимому, имѣли въ тѣхъ же падежахъ гласный звукъ; напр. гр. δώτορ-ος и т. д. (гдѣ *o замѣнило старое *e.

По общему правилу, установленному на стр. 150 и сл., одинъ только гласный элемента, предшествующаго окончанію, подвергается измѣненіямъ въ нормальныхъ формахъ. Тѣ основы, склоненіе которыхъ сопровождается измѣненіемъ вокализма элемента, предшествующаго суффиксу, измѣняютъ также и суффиксъ и потому оказываются во всѣхъ отношеніяхъ неправильными.

Это измѣненіе суффикса является почти исключительно въ именахъ ср. рода въ им. и вин. п. съ одной стороны, и въ остальныхъ падежахъ — съ другой; и это объясняется легко: дѣйствительно, только им. и вин. падежъ имѣетъ особую форму ср. рода и потому эти падежи выдѣляются изъ остального склоненія; и, кромѣ того, им. и вин. мн. ср. рода обыкновенно имѣетъ особую основу на *-ā-, произведенную отъ основы остальныхъ падежей и непримѣняемую въ остальномъ склоненіи.

α. Имена средняго рода.

1. Основы на *-eu- и на *-es- съ прибавленіемъ суффикса *-en-:

скр. dā́ru „дерево“, род. и аблат. ед. drú-ṇ-aḥ; гр. δόρυ „копье“, род. ед. δόρF-α-τος (старыя основы ср. р. на *-n- въ греческомъ переходятъ въ основы на -ατ- = *-n̥t-). Мы имѣемъ слѣдовательно, *dōr-, *dor-, *der- (лит. derva̋ „еловое дерево“), *dr-; прибавленіе суффикса *-en- влечетъ за собою нулевую ступень вокализма элемента, предшествующаго суффиксу, по правилу, изложенному на стр. 232 сл.: нулевой вокализмъ корня въ скр. drú-ṇ-aḥ „дерева“ совпадаетъ съ гом. ὀρυ-μά „лѣсъ“ и скр. dru-má-ḥ „дерево“, при гр. δόρυ и скр. dā́ru, или съ вокализмомъ собирательнаго имени съ

суффиксомъ *-ā-: *-ə-: гр. δρῦς (изъ *drw-ə-) „дубъ“, ср. мн. ч. ср. р. др.-сл. **дрѣк-а** при **дрѣк-о** (изъ *dervo, ср. лит. dervà).

вед. jā́nu „колѣно“, им. и вин. дв. jā́nu-n-ī, род. дв. jā́nu-n-oḥ; jñu- въ сложномъ словѣ jñu-bā́dh- „преклоняющій колѣна“; гр. γόνυ, γόν(F)-α-(τος); γνυ- въ сложномъ γνύ-πετος „падающій на колѣна“ и въ словѣ γνύξ „на колѣни“; лат. genu, съ e.

скр. ā́yu „вѣкъ“, мѣстн. ед. ā́yu-n-i; гр. αἰF-έν (мѣстн. падежъ, превратившійся въ нарѣчіе); зд. дат. ед. yav-e „для вѣчности“, твор. ед. yav-a.

скр. çír-aḥ „голова“, род. ед. çīr-ṣ-ṇ-áḥ, мѣстн. çīr-ṣ-áṇ-i.

гр. οὖς „ухо“, др.-сл. **оухо** (изъ *ausos), — род. гот. aus-in-s, гом. οὔ-α-(τος). Двойств. число средняго рода отъ этой основы съ нулевымъ суффиксомъ засвидѣтельствовано зд. uš-i, др.-сл. **оуш-и**, лит. aus-i, и, вѣроятно, по аналогіи этого двойственнаго числа было создано лит. ед. ч. aus-ì-s „ухо“ и лат. мн. ч. aur-ēs. Вокализмъ имѣетъ, слѣдовательно, формы: *ous-, *us-, *aus- (послѣднее съ протетическимъ *a, ср. стр. 137).

2. Основы съ чередующимися *-er- и *-en-; типъ довольно частый:

гр. ἦπ-αρ „печень“, род. ἦπ-α-(τος), зд. yākarə, съ *ē; скр. yák-ṛ̥-t, род. yak-n-áḥ, пехлевійское jakar, лит. jek-n-(os), лат. iecur, iecinoris (вм. *iec-in-is), съ *ĕ въ элементѣ передъ суффиксомъ.

гом. εἶαρ (т. е. ἦαρ) „кровь“ съ *ē; скр. ás-ṛ̥-k, род. as-n-áḥ, лат. (діалектическое) asir, арм. ariwn, съ начальнымъ *a.

гр. ὕδ-ωρ „вода“, род. ед. ὕδ-α-(τος), скр. (ud-aka-m) род. ud-n-áḥ съ нулевымъ вокализмомъ элемента передъ суффиксомъ; др.-англ. wœter и др.-вр.-нѣм. wazz-ar, гот. род. ед. wat-in-s съ вокализмомъ *o въ корнѣ, являющимся и въ др.-слав. **вода**; славянскій языкъ имѣетъ также и *ē въ производномъ **кѣдро** (собств. „(сосудъ) для воды“); то же и въ др.-исл. vátr (á отражаетъ *ē) „мокрый“; арм. get (изъ *wedos?) значитъ „рѣка“.

гр. Fέαρ „весна“, лит. vas-ar-(à); скр. vas-an-(táḥ), др.-сл. **кєс-н-(а)**, всѣ съ вокализмомъ *e; вокализмъ *ē является

въ лат. uēr, др.-исл. vár (съ выпаденіемъ *s между долгимъ гласнымъ и *r).

Въ этихъ именахъ *-er- и *-en- суть, повидимому, вторичные суффиксы, присоединенные къ основѣ съ нулевымъ суффиксомъ, часто не засвидѣтельствованной; такъ напр. отъ основы *alk- засвидѣтельствованной гр. дат. ἀλκί „защитѣ“ мы встрѣчаемъ форму ἄλκαρ „защита“ съ суффиксомъ *-er- (и ἀλκή „защита“ съ суфф. *-ā-).

Чередованіе *-r- и *-n- можетъ сочетаться съ предшествующими суффиксами; такъ армянскій языкъ имѣетъ им. и вин. cunr „колѣно“ изъ *g_1ōn-u-r, гдѣ r чередуется съ носовымъ греческаго γόν-F-α-(τος) и ведическаго дв. jā́nu-n-ī „колѣна“. Армянскій языкъ имѣетъ даже такія прилагательныя, какъ canr „тяжелый“ съ r (происшедшимъ изъ ср. р. на *-ur) въ им. п., въ род. canu (нормальный родительный основъ на *-u-), безъ *-r- и безъ *-n-, и въ им. мн. canu-n-(kh), съ *-n-.

Суффиксы *-el- и *-en- чередуются въ вед. s̥(ú)v-ar „солнце“ (и производное sū́r-ya-ḥ) — гр. ἥλιος (изъ *ᾱ̔F-έλ-ιος), гот. sau-il, лит. sáu-l-(ė), лат. sōl, др.-ирл. sūil (значитъ „глазъ“), др.-сл. слъ-н-ьцє — гат. xvəng (читай: huvəng изъ *suv-an-s), гот. su-n-(no).

β. Имена мужескаго и женскаго рода.

Примѣры рѣдки: *-er- и *-en- чередуются повидимому въ:

гр. ἄκμ-ων, ἄκμ-ον-ος „наковальня“, лит. akmů̃ „камень“, род. akm-eñ-s, скр. áçmā „камень“, род. ед. áçm-an-aḥ — др.-сл. камы, род. кам-єн-є, — др.-исл. ham-ar-r „молотъ“. Чередованія сложны: *kōm- (др.-сл. камы), *kom (др.-исл. hamarr), *akm- (съ протезой *a-: скр. áçmā, гр. ἄκμων, лит. akmů̃); слѣдуетъ отмѣтить кромѣ того несовпаденіе гортанныхъ: скр. ç, но лит. и слав. k.

Первичная сравнительная степень на *-yes- получала вторичный суффиксъ въ косвенныхъ падежахъ: атт. вин. ед. ἡδῑ́ω (изъ *ʿFᾱδῑοα, *ʿFᾱδῑοha), род. ед. ἡδῑ́ονος (изъ *ʿFᾱδῑhονος, съ ῑ по аналогіи съ ἡδῑ́ω); индо-иранскій, латинскій и кельтскій провели всюду форму безъ вторичнаго суффикса, откуда род. ед. svā́dīyasaḥ, лат. suāuiōris; германскій и большинство греческихъ діалектовъ провели вездѣ форму съ вторичнымъ суффиксомъ, откуда вин. п. ед. ч. гот.

sūtizan „болѣе сладкій“, іон. ἡδίονα (съ краткимъ ι). Слогъ, предшествующій суффиксу, не представляетъ чередованія гласныхъ.

Нулевой суффиксъ чередовался съ суффиксомъ *-ei- въ скр. pánthā-ḥ, зд. pantå „путь“ (*-ās изъ и.-е. *-ēs или *-ōs, происшедшаго изъ *-ēi-s или *-ōi-s?), твор. мн. скр. pathí-bhiḥ; род. ед. (отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ) скр. path-áḥ, зд. paθō; вокализму скр. pánthāḥ соотвѣтствуютъ: др.-слав. **пѫть**, лат. pons „мостъ“ (род. мн. pontium) и арм. hun „перевалъ“; вокализму скр. pathí-bhiḥ и path-áḥ соотвѣтствуетъ др.-прусск. pintis „путь“; ср. также греч. тематическое производное πάτος „шагъ, тропинка“.

γ. Мѣсто ударенія.

Единственные языки, дающіе намъ свѣдѣнія объ измѣненіи мѣста ударенія при склоненіи одной и той же именной основы, — это ведическій, греческій, литовскій и тѣ славянскіе діалекты, которые не имѣютъ опредѣленнаго мѣста ударенія, т. е. главнымъ образомъ русскій и сербскій. Данныя греческаго затемняются вліяніемъ того закона, который ограничиваетъ мѣсто ударенія концомъ слова, а данныя литовскаго языка и славянскихъ нарѣчій затемняются многочисленными новшествами, свойственными только этимъ языкамъ. Въ греческомъ старая подвижность ударенія очень упростилась вмѣстѣ съ упрощеніемъ всего именного склоненія. Даже ведическій языкъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, далеко не представляетъ первоначальнаго состоянія. Такимъ образомъ о передвиженіяхъ ударенія въ индоевропейскомъ склоненіи мы имѣемъ еще менѣе свѣдѣній, нежели о чередованіи гласныхъ въ элементѣ, предшествующемъ окончанію.

Яснѣе всего передвиженіе ударенія наблюдается въ односложныхъ основахъ; возьмемъ основу *ped- „нога“.

Ед. ч.	вед.	греч.
Им.	pā́t	πούς (дор. πώς)
Вин.	pā́d-am	πόδ-α
Род. Абл.	pad-áḥ	ποδ-ός
Мѣстн.	pad-í	ποδ-ί

Мн. ч.			
	Им.	pắd-aḥ	πό-ες
	Вин.	pad-áḥ	πόδ-ας
	Род.	pad-ắm	ποδ-ῶν
	Мѣстн.	pat-sú	гом. ποσ-σί
Дв. ч.			
	Им. вин.	pắdā	πόδ-ε
	Род.	pad-óh	ποδ-οῖν

Согласіе ведическаго и греческаго языковъ относительно мѣста ударенія — полное, съ единственнымъ исключеніемъ винит. мн., гдѣ несоотвѣтствіе мѣста ударенія легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что оно измѣнено либо въ греческомъ, либо въ ведическомъ; нужно отмѣтить только, что совпаденіе скр. pad-í съ гр. ποδ-ί не доказываетъ того, будто мѣстн. падежъ первоначально имѣлъ удареніе на концѣ, такъ какъ другія формы мѣстнаго падежа имѣютъ удареніе на элементѣ, предшествующемъ окончанію, какъ напр. въ скр. kṣám-i „на землѣ“. Литовскій языкъ даетъ нѣкоторое подтвержденіе фактовъ ведическаго и греческаго языковъ, противуполагая вин. ед. żą̃ṣ-į „гуся“ родительному мн. żąṣ-ų̃ параллельно гр. χῆνα (изъ *χάνσ-α) и χηνῶν (изъ *χανσ-ῶν).

Подвижность ударенія, наблюдаемая на примѣрахъ односложныхъ основъ допускаетъ двоякое объясненіе: мы можемъ толковать это явленіе, какъ предвиженіе ударенія либо между окончаніемъ и элементомъ, передшествующемъ ему, либо между окончаніемъ и корнемъ, какъ въ настоящемъ времени глаголовъ (см. стр. 199 сл.). Наблюденіе надъ основами, состоящими изъ корня и суффикса, должно было бы разрѣшить этотъ вопросъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ затрудненіями.

Передвиженіе ударенія между извѣстными окончаніями и элементомъ, имъ предшествующимъ, засвидѣтельствовано ведическимъ языкомъ; напримѣръ:

	ед. ч.	мн. ч.	дв. ч.
Им. муж. р.	bṛ̥h-án „высокій“	bṛ̥h-ánt-aḥ	bṛ̥h-ánt-ā
Вин. муж. р.	bṛ̥h-ánt-am	bṛ̥h-at-áh	—
Род.	bṛ̥h-at-áḥ	bṛ̥h-at-ắm	bṛ̥h-at-óḥ
Дат.	bṛ̥h-at-é	bṛ̥h-ád-bhyaḥ	bṛ̥h-ád-bhyām
Им. ср. р.	bṛ̥h-át	bṛ̥h-ánt-i	bṛ̥h-at-í

Но въ этомъ отношеніи ведическій языкъ стоитъ одиноко, и другіе языки не даютъ ничего подобнаго, кромѣ греческаго слова γυνή „жена“, вин. ед. γυναῖκ-α, род. ед. γυναικ-ός. Греческое чередованіе ударенія въ формахъ πατέρ-α, πατρ-ῶν не можетъ быть въ данномъ случаѣ поставлено въ параллель, такъ какъ здѣсь вокализмъ исключаетъ возможность сохраненія ударенія на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Балтійскія и славянскія нарѣчія, наоборотъ, даютъ примѣры передвиженія ударенія (отражающаго индо-европейское тоническое удареніе) между началомъ и концомъ слова; такъ въ литовскомъ мы наблюдаемъ слѣдующіе примѣры основъ на *-i-, *-u-, *-r- и *-n-:

	Ед. ч.			
Им.	szirdìs „сердце“	sūnùs „сынъ“	mótė „жена“	akmů̃ „камень“
Вин.	szìrdį	súnų	móter-į	ākmen-į
Род.	szirdẽs	sūnaũs	moterš̃	akmeñs
	Множ. ч.			
Им.	szìrdys	súnūs	móters	ākmens
Вин.	szìrdis	súnus	móteris	ākmenis
Род.	szirdžių̃	sūnų̃	moterių̃	akmenių̃
	Дв. ч.			
Им.	szìrdi	súnu	móteri	ākmeniu

То же самое въ русскомъ языкѣ: им. мн. ко́сти, род. мн. косте́й, дат. мн. костя́мъ, въ чакавскомъ сербскомъ: им. мн. kòsti, твор. мн. košcàmi; и т. д.; въ русскомъ им. мн. но́вости, род. мн. новосте́й. Въ единственномъ числѣ можно отмѣтить соотвѣтствіе русскаго де́сять, род. десяти́ и лит. dẽszimtis, род. deszimtẽs.

Слѣдовательно, между состояніемъ ведическимъ и балтійско-славянскимъ нѣтъ соотвѣтствія. Греческій въ этомъ отношеніи не даетъ почти ничего, такъ какъ въ многосложныхъ основахъ удареніе стало неподвижнымъ. Во всякомъ случаѣ противуположность формъ μήτηρ, μητρός и θυγάτηρ (вѣроятно изъ *θύγατηρ), θυγατρός подтверждаетъ древній характеръ балтійско-славянскаго типа. Даже и въ санскритѣ женскій родъ числительнаго „четыре“ въ им. и вин. имѣетъ форму cátasraḥ, а въ твор. catasṛ́bhiḥ; ср. литовскія формы муж. р. вин. п. kẽturis „четыре“, твор. keturiaĩs. Съ другой стороны предположеніе первоначальнаго предвиженія

ударенія между началомъ и концомъ слова объясняетъ много сомнѣній въ вопросѣ о мѣстѣ ударенія. Такъ основы на *-tei-, имѣющія въ греческомъ удареніе на корнѣ (типъ βάσις), въ ведическомъ и германскомъ имѣютъ удареніе на двухъ различныхъ мѣстахъ: ведич. языкъ имѣетъ рядомъ и mátiḥ и matíḥ „мысль“, герм. *burʇi- (изъ *bhr̥ti-) и *burđi (изъ *bhr̥tí-) въ гот. (ga-)baurʇs и др.-вр.-нѣм. (gi-)burt „рожденіе“ (др.-вр.-нѣм. t отражаетъ германск. *đ); эти явленія могутъ быть объяснены первоначальною подвижностью ударенія, напр. санскритскимъ склоненіемъ вин. ед. mátim, род. ед. matéḥ, соотвѣтственно литовскому вин. ед. nãktį „ночь“, род. ед. naktẽs. Точно также несоотвѣтствіе гр. πῆχυς и скр. bāhúḥ „рука“, гр. πέλεκυς „топоръ“ и скр. paraçúḥ можно было бы объяснить перемѣщеніемъ ударенія въ склоненіи подобно лит. вин. ед. súnų „сына“, род. ед. sūnaũs.

Значительное число именъ въ ведическомъ, греческомъ, славянскомъ и балтійскомъ не представляютъ никакого перемѣщенія ударенія въ склоненіи: въ такомъ случаѣ удареніе лежитъ на слогѣ, предшествующемъ суффиксу; такъ напр. скр. вин. ед. rúç-ant-am „блестящій“, род. ед. rúç-at-aḥ рядомъ съ br̥h-ánt-am „высокій“, род. ед. br̥h-at-áḥ.

Съ точки зрѣнія мѣста ударенія особое положеніе занимаетъ звательный падежъ. Въ саксритѣ онъ вообще не имѣетъ ударенія; если же онъ находится въ началѣ предложенія, то онъ имѣетъ удареніе, но всегда на первомъ слогѣ; такъ напр. pítar „отецъ!“, dúhitar „дочь!“ при им. пад. pitā́, duhitā́. Греческій языкъ сохранилъ еще много остатковъ этого положенія ударенія въ началѣ слова: πάτερ: πατήρ; θύγατερ: θυγάτηρ; Ἄπολλον: Ἀπόλλων; и т. д. Правило это примѣняется ко всякаго рода основамъ; такъ гр. δέσποτα: δεσπότης „господинъ“; ἄδελφε: ἀδελφός „братъ“; и т. д. Малорусскій языкъ также противуполагаетъ зват. п. сестро именительному сестрá.

2. Основы на *-ā- (или *-ē-).

Большинство этихъ основъ — женскаго рода, и мы видѣли на стр. 238, что *-ā- является признакомъ женскаго рода прилагательныхъ. Именит., зват. и винит. п. ср. р. на

-ā (-ə) съ собирательнымъ значеніемъ служитъ им., зват. и вин. п. мн. ч. для именъ ср. рода.

α. Окончанія.

Окончанія тѣ же, что и въ предшествующемъ типѣ, но окончанія, начинающіяся гласнымъ звукомъ, сливаются съ конечнымъ гласнымъ основы.

Имен. ед. ч. имѣетъ нулевое окончаніе, такъ что въ концѣ оказывается въ скр. -ā, въ др.-сл. ѧ, въ лит. -a (изъ -ȏ съ нисходящей интонаціей; такъ mergà „дѣвушка“ изъ *mergó), въ дор. -ᾱ (съ острымъ удареніемъ, если удареніе находится на концѣ слова; такъ дор. ποινᾱ́), гот. -a. — Конечное -ς въ греческихъ именахъ муж. р., какъ πολίτης „гражданинъ“ является греческимъ нововведеніемъ: ср. лат. scrība „писецъ“.

Винит. ед. ч.: скр. -ā-m, др.-сл. -ѫ, дор. -ᾱ-ν (подъ удареніемъ -ᾱ́-ν).

Родит. и аблат. ед. ч.: скр. -āḥ (напр. въ bṛ̥hatyā́ḥ „высокой“), лит. -os (съ восходящей интонаціей: -ōs), дор. -ᾱς (подъ удареніемъ -ᾱ́ς), гот. -os, лат. -ās (напр. pater familiās); восходящая интонація объясняется, вѣроятно, индоевропейскимъ сліяніемъ изъ *-ā-es.

Дат. ед. ч.: скр. -ai (напр. въ bṛ̥hatyái), лит. -ai (съ восходящей интонаціей: -aĩ), дор. -ᾳ, пишется -ᾳ (подъ удареніемъ -ᾴ), гот. -ai; и здѣсь, повидимому, произошло сліяніе изъ *-ā-ei въ *-āi.

Им. п. мн. ч.: скр. -āḥ, лит. -os (съ восходящей интонаціей), гот. -os, осск. -as; вѣроятно, сліяніе изъ *-ā-es.

Вин. мн. ч.: скр. -āḥ, зд. -å (изъ *-ās), лит. -as (изъ *-os съ нисходящей интонаціей); отсутствіе *n окончанія *-ns было объяснено на стр. 93.

Въ род. мн. ч. должно было произойти сліяніе изъ *-ā-ōm (или *-ā-ōn), засвидѣтельствованное литовскимъ -ų̃, гот. -o; но большинство языковъ имѣетъ новыя формы: скр. -ānām, гр. -ᾱων (изъ *-ᾱhων), откуда -ῶν, лат. -ārum (изъ *-āsōm) и т. д.

Единственный падежъ, который имѣетъ особое окончаніе, это им., зват. и вин. дв. ч.: скр. -e, зд. -e (т. е. индоиранское *-ai), лит. -i (изъ -ẽ съ нисходящей интонаціей,

отражающее *-ai съ нисходящей интонаціей), др.-сл. -ѣ. Окончаніе *-i, которое мы здѣсь находимъ повидимому совпадаетъ съ окончаніемъ им., зват. и вин. дв. ч. ср. р.

β. Вокализмъ.

Основы, оканчивающіяся на суффиксъ *-ā-, не представляютъ почти никакихъ измѣненій въ вокализмѣ элемента передъ окончаніемъ. Въ им., зват. и вин. ед. ч. ср. р. форма съ нулевымъ вокализмомъ *-ə была приспособлена къ выраженію им. п. мн. ч. ср. р., наравнѣ съ *-ā, какъ мы видѣли это выше на стр. 248, и ея уже нѣтъ въ склоненіи основъ на *-ā-. Конечный краткій звукъ зват. падежа гом. νύμφᾰ „невѣстка“ и др.-сл. сєстро можетъ отражать *-ə; въ этомъ звукѣ хотятъ видѣть и.-е. *-ă, только въ виду скр. amba „мама!“; но этотъ скр. звательный представляетъ изъ себя слово дѣтскаго языка, и его конечное -a слѣдуетъ сопоставлять съ гр. τάτα и т. д. Суффиксъ имѣетъ форму *-ā-, т. е. ступень *e даже передъ окончаніями, начинающимися согласнымъ звукомъ, какъ напр. въ дат. мн. скр. áçvā-bhyaḥ „кобыламъ“, лат. equā-bus; др.-сл. рѫка-мъ, лит. rañko-ms „рукамъ“. — Съ другой стороны форма им. дв. ч. имѣетъ нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ и, повидимому, должна быть установлена въ видѣ и.-е. *-ə-i, такъ какъ и.-е. *ə даетъ индо-иранское *a передъ i.

Основы на *-yā- и на *-yē- имѣютъ въ им. п. ед. ч. нулевую ступень вокализма въ элементѣ передъ окончаніемъ:

скр. bṛhat-ī „высокая“; лит. vežant-ì (-ì изъ *-ý) „везущая“, гот. frijond-i „подруга“; гр. πότνια, φέρουσα.

гр. μυῖα (изъ *μυϝ-ύᾰ) „муха“ при лит. musẽ (изъ *musjẽ).

Нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ является также въ индо-иранскомъ въ этихъ основахъ передъ окончаніями, начинающимися согласнымъ: скр. мѣстн. мн. ч. bṛhat-ī-ṣu, дат. мн. bṛhat-ī-bhyaḥ.

Чередованіе гласныхъ въ элементѣ передъ суффиксомъ мы наблюдаемъ только въ одномъ словѣ со значеніемъ „жена: др.-прусск. genna, др.-сл. жєн-а, др.-ирл. ben, арм. kin изъ и.-е. *gʷen-ā; род. ед. вед. gnās(pátiḥ), др.-ирл. mnā, изъ и.-е. *gʷn-ās; кромѣ того это слово допускало измѣненіе

суффикса: греческое склоненіе его таково: атт. γυνή, γυναῖκα, γυναικός, беот. βανά, вин. мн. βανᾶκας (изъ *βαναῖκας): γυνή и βανᾶ восходятъ къ *gʷonā; армянское склоненіе: kin (изъ *gʷenā), им. мн. kanay(kh) изъ *gʷonai- (ср. гр. γυναῖ-κες). Германскій языкъ имѣетъ основу на *-i-, гот. qens „жена“, при скр. -jāni-, и основу на *-ā- съ распространеніемъ ея элементомъ *-n-: гот. qino „женщина“, род. ед. qinons (вокализмъ корня *gʷen-) рядомъ съ др.-исл. kona (вокализмъ корня *gʷon-). Санскритъ имѣетъ основу на *-i- jániḥ „женщина“. При такихъ условіяхъ невозможно возстановить индо-европейскій прототипъ слова, но измѣненіе суффикса очевидно; оно и объясняетъ разнообразіе вокализма *gʷen-, *gʷēn-, *gʷn- или *gʷon-.

γ. Мѣсто ударенія.

Ударенiе перемѣщалось въ спряженіи по крайней мѣрѣ части именъ этого типа. На это указываетъ балтійскій и славянскій языки; такъ лит. galvà „голова“, русск. голова́ и сербское чакавское глāвà (различіе коренной интонаціи — славянское новшество) имѣютъ слѣдующее склоненіе:

	лит.	русск.	сербс. чак.
Им. ед.	galvà	голова́	глāвà
Вин. ед.	gálvą	го́лову	глâву
Род. ед.	galvõs	головы́	глāвȋ
Им. мн.	gálvos	го́ловы	глâви
Тв. мн.	galvomìs	головáми	глāвàми

Основы на *-ā- въ греческомъ не имѣютъ ничего подобнаго; въ основахъ на *-yā- или *-yē- мы имѣемъ: μία „одна“, μίαν, но μιᾶς, μιᾷ; іон. ἄγυια „улица“, ἄγυιαν, но ἀγυιᾶς, ἀγυιᾷ; πλάταια, πλάταιαν, но πλαταιᾶς, πλαταιᾷ, рядомъ съ лит. áiszki „ясная“, вин. ед. áiszkią, но род. ед. aiszkiõs.

3. Тематическій типъ на *-e-/-o-.

Ударенiе въ склоненіи не мѣняетъ мѣста (ср. стр. 152). Одинъ только зват. падежъ стоитъ въ сторонѣ: гр. ἄδελφε при ἀδελφός. — Тематическій гласный то имѣетъ оттѣнокъ *o, то оттѣнокъ *e, смотря по падежу. — Окончанія, от-

личающіяся отъ окончаній предшествующихъ двухъ типовъ, не всегда могутъ быть отдѣлены отъ тематическаго гласнаго.

Въ прилагательныхъ основы на *-e-/-o- характеризуютъ мужескій и средній родъ, но мы видѣли на стр. 237, что есть и существительныя женскаго рода этой же формы.

Склоненіе этихъ основъ слѣдующее:

Единственное число.

Им. п. муж. и жен. рода: *-os: скр. vr̥k-a-ḥ „волкъ“, зд. vəhrkō (передъ ča „и“: vəhrkas-ča „и волкъ“), лит. vil̃k-a-s, гр. λύκ-ο-ς, лат. lup-u-s, гот. wulfs (изъ *wulfaz).— Отсутствіе тематическаго гласнаго въ им. п. основъ на *-yo- въ нѣкоторыхъ формахъ, какъ напр. въ зд. āhuiri-š, отъ основы āhurya- „ахуровъ“, было отмѣчено на стр. 220.

Зват. муж. и жен. р.: *-e: скр. vr̥k-a, зд. vəhrk-a, др.-сл. вльч-є, гр. λύκ-ε, лат. lup-e. Лит. vilkè имѣетъ древнее *-ē.

Винит. муж. и женск. р.: *-om, *-on: скр. vr̥k-a-m, зд. vəhrk-ə-m, лит. vil̃kạ̃ (ą изъ -a-n; ср. др.-прусск. deiw-an „бога“ при лит. dẽvą̃), гр. λύκ-ο-ν, лат. lup-u-m; точно такъ же др.-ирл. fer n- „человѣка“ при лат. vir-u-m.

Им., зват. и вин. п. ср. р.: *-o-m, *-on: скр. yug-á-m „ярмо“, гр. ζυγ-ό-ν, лат. iug-u-m, гот. juk; точно также зд. xšaθr-ə-m „царство“, др.-прусск. labb-a-n „благо“, др.-ирл. dliged n- „долгъ“. — Это окончаніе отличается отъ нулевого окончанія атематическаго типа.

Родительный (отличный отъ аблатива). — Индо-иранская форма: скр. -a-sya, гат. -a-hyā, соотвѣтствуетъ греческой формѣ: гом. -οιο, атт. -ου (сліяніе изъ -οο), дор. -ω (то же сліяніе) и армянскій -oy; напр. скр. vr̥k-a-sya, гом. λύκοιο, іон.-атт. λύκου, дор. λύκω, арм. gailoy. Германскія формы: гот. -i-s, др.-вр.-нѣм. -e-s, напр. гот. wulf-i-s, др.-вр.-нѣм. wolf-e-s восходятъ къ *-e-so. — Латинскій и кельтскій имѣютъ одну форму на -ī безъ тематическаго гласнаго: лат. uir-ī, др.-ирл. огамическое maqi „сына“, галл. Segomar-i (род. ед. отъ Segomaros), др.-ирл. fir (предполагающее *wirī̆) „человѣка“; ср. падежъ на -ī санскритскихъ основъ на -a- въ соединеніи съ глаголами, напр. вед. mithuní karoti „спаривается“ къ вед. mithunáḥ „пара“; этотъ падежъ на -ī имѣетъ точную параллель въ лат. multī faciō и т. д. — Славянскій и балтій-

скій языки утратили старую форму родительнаго падежа и, по аналогіи съ атематическимъ типомъ, употребляютъ форму аблатива также и въ значеніи родительнаго падежа.

Аблативъ: *-ōt: скр. -āt, зд. -āṭ (въ обоихъ случахъ долгое ā часто считается за два слога), др.-лат. -ōd (класс. лат. -ō), лит. -o (съ восходящей интонаціей), др.-сл. -ā: скр. vr̥kāt, зд. vəhrkāṭ, др.-лат. lupōd, лит. viĩko, др.-сл. **клъка**. — Особая форма аблатива ед. числа, отличная отъ формы род. ед., является однимъ изъ характерныхъ признаковъ тематическаго типа.

Творительный: *-ē и, можетъ быть, также *-ō: скр. vr̥kā (только въ нѣкоторыхъ архаическихъ словахъ), зд. vəhrka, лит. vilkù (гдѣ -ù изъ *-ŭ); на оттѣнокъ *-ē указываютъ латинскія нарѣчія типа certē „конечно“, которыя, повидимому, происходятъ изъ старыхъ творительныхъ падежей, и санскритское нарѣчіе (старый твор. п.) paçcā́, др.-перс. pasā, зд. pasča „послѣ“, стоящее рядомъ съ зд. нарѣчіемъ paskāṭ „послѣ“ (старый аблативъ): противуположеніе зд. č и k предполагаетъ *-ē въ первомъ случаѣ и *-ōt во второмъ (см. стр. 78 и 82). Точно также въ склоненіи указательнаго мѣстоименія мы встрѣчаемъ гот. hwe „какъ“, дор. πήⁱ(ποκα). — Существовала также форма съ окончаніемъ на *-bh- или *-m-: на нее указываетъ арм. get-o-v „рѣкою“ и др.-сл. **клък-о-мь**; и въ этомъ случаѣ тематическій гласный могъ быть *e, какъ напр. арм. -het-e-w „послѣ“ рядомъ съ het-o-v „слѣдомъ“.

Мѣстный: *-ei и *-oi: скр. vr̥k-e, зд. vəhrk-e, др.-сл. **клъц-ѣ**, лит. нарѣчіе nam-ẽ „дома“; гр. нарѣчія οἴκ-οι и οἴκ-ει; лат. domī. — Окончаніе мѣстн. ед. *-i составляетъ дифтонгъ съ тематическимъ гласнымъ; интонація этого дифтонга восходящая, какъ на это указываютъ лит. namẽ, гр. ἰσθμοῖ (а также и удареніе гр. οἶκοι, при им. мн. ч. οἶκοι, ср. θεοί „боги“).

Дательный *-ōi: зд. vəhrk-āi, гр. λύκ-ωι (пишется λύκ-ῳ), θεῷ, лит. viĩkui (-ui имѣетъ восходящую интонацію), др.-лат. діал. Numasioi, лат. lupō (ō изъ *-ōi). — Окончаніе дательнаго падежа слилось съ тематическимъ гласнымъ.

Множественное число.

Им. и зв. муж. и жен. р. *-ōs: скр. vr̥k-āḥ, зд. vəhrk-å (-å изъ *-ās; старая и мало-употребительная форма), гот. wulf-os; умбр. Ikuvinus „Игувинцы“, осск. Núvlanús „Ноланцы„; др.-ирл. fir-u (-u изъ *-ōs), служащее только

звательнымъ падежомъ. Окончаніе им. мн. ч. *-es слилось съ тематическимъ гласнымъ. — Во многихъ языкахъ эта форма была замѣнена формою съ окончаніемъ им. мн. указательнаго мѣстоименія *-oi: гр. λύκ-οι, др.-сл. вълц-и, лат. lupī (-ī изъ древнелатинскаго -oe, отражающаго *-oi), др.-ирл. fir (изъ *wir-oi), служащее только им. пад.; германскій языкъ имѣетъ этотъ типъ только въ прилагательныхъ: гот. blind-ai „слѣпые“; слѣдовательно, мѣстоименное склоненіе проникло въ склоненіе существительныхъ и прилагательныхъ черезъ посредство прилагательныхъ; сравнительно новый характеръ этой замѣны виденъ изъ того, что ирландскій языкъ сохранилъ форму *wirōs, отразившуюся въ формѣ firu, въ качествѣ звательнаго падежа и создалъ въ значеніи именит. форму *wiroi (fir); въ осско-умбрскомъ конечное *-ōs было сохранено и даже распространено на указательное мѣстоимѣніе, такъ что только германскій и индо-иранскій языки даютъ возможность установить индоевропейское различеніе формъ существительныхъ именъ отъ формъ указательнаго мѣстоименія.

Винительный муж. и жен. рода *-o-ns: критск. λύκ-ο-νς (атт. λύκους, лесб. λύκοις), гот. wulf-a-ns; др.-прусск. deiw-a-ns „боговъ“, арм. get-s „рѣки“ (-s изъ *-o-ns).

Именит., зват. и винит. ср. р. — Конечное *-ā: *-ə есть не что иное, какъ им. ед. собирательнаго на *-ā (ср. стр. 245): вед. yug-á „ярма“, гот. juk-a, др.-сл. иг-а; точно также зд. xšaθr-a „царства“; и гр. ζυγά, лат. iug-ă. Индоиранскій языкъ противуполагаетъ тематическій типъ на *-ā, вед. yugá, атематическому типу на *-ə: nā́māni „имена“; но нѣтъ никакихъ указаній на то, что бы это противуположеніе было обще-индоевропейскимъ. Два обстоятельства указываютъ на особый характеръ конечнаго *-ā (*-ə): 1. Перемѣщеніе ударенія, засвидѣтельствованное славянскимъ языкомъ, которое противорѣчитъ общему правилу ударенія тематическаго типа: русск. ед. ч. стáдо, мн. ч. стадá; пúсьмо, мн. ч. пúсьма; эти два противуположенія вполнѣ соотвѣтствуютъ греческому φῦλον „родъ“: φυλή; νεῦρον „жила“: νευρά, и скр. bhrātrám „братство“: гр. φράτρα; скр. varṣám „дождь“: гом. ἔερση. — 2. Множественное число на *-ā (*-ə) встрѣчается также и при ед. муж. р.: гр. μηρός „бедро“ — μῆρα (съ характернымъ перемѣщеніемъ ударенія); лат. locus

„мѣсто“ — loca; русск. рогъ (род. ед. рóга), мн. ч. рогá (съ перемѣщеніемъ ударенія). Собирательное значеніе иногда ощущается и въ историческое время, такъ напр. мн. ч. гр. κύκλα „колеса“ отъ муж. рода κύκλος „кругъ“, которое имѣетъ обыкновенно мн. ч. κύκλοι; греческому κύκλα соотвѣтствуетъ вед. cakrā̆ „колеса“, къ которому была создана форма ср. р. ед. ч. cakrám „колесо“. Сербскій языкъ тоже противуполагаетъ ед. ч. ср. р. кȏло „колесо“ множественному ср. р. (собирательному) кȏла „повозка“ (безъ перемѣщенія ударенія).

Родительный: *-ōm, *-ōn: гр. κύκων (и θεῶν); лит. vilkų̃, др.-сл. **влькъ**; др.-ирл. fer n-; др.-лат. deum.

Творительный: *-ōis: скр. vŕ̥kaiḥ, зд. vəhrkāiš, лит. vilkaĩs, др.-сл. **влькы**, лат. lupīs; вѣроятно, также и гр. κύκοις (θεοῖς).

Мѣстный: *-oisu на основаніи индо-иранскаго и славянскаго: скр. vŕ̥keṣu, зд. vəhrkaēšu, др.-сл. **вльцѣхъ**; ср. гом., лесб., іон. κύκοισι.

Дательный и аблативъ; падежъ на *-bh- или на *-m-: скр. vŕ̥kebhyaḥ, др.-сл. **влькомъ**, и т. д. Невозможно возстановить одну общую форму.

Двойственное число.

Именит., зват. и винит. муж. и жен. р. Индо-иранскій языкъ даетъ чередованіе вед. vŕ̥kau, vŕ̥kā (зд. vəhrka), что̀ предполагаетъ *-ōu: *-ō (можетъ быть, по аналогіи съ несомнѣнно индо-европейскимъ чередованіемъ формъ числительнаго „два“, вед. duváu: duvā̆); другіе языки имѣютъ только *-ō: гр. κύκω, др.-сл. **влька**, лит. vilkù (-ù изъ *-ŭ).

Им., зват. и винит. ср. р.: скр. yugé, др.-сл. **игѣ**; зд. xšaθre „два царства“; окончаніе то же, что и въ атематическомъ типѣ.

Родительный. Др.-слав. **вльковъ** представляетъ древнюю форму; скр. vŕ̥kayoḥ — форма мѣстоименія указательнаго.

Дательный и аблативъ. Падежъ на *-bh- или *-m-, для котораго трудно возстановить прототипъ: скр. vŕ̥kābhyam, зд. vəhrkaēibya, др.-сл. **вльковмъ**.

В. Мѣстоименія указательныя, неопредѣленныя, вопросительныя и др.

Мѣстоименія указательныя, неопредѣленныя, вопросительныя и нѣкоторыя сходныя съ ними слова имѣли въ

индо-европейскомъ особое склоненіе, которое часто называютъ мѣстоименнымъ; это названіе неудачно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому что самыя важныя изъ мѣстоименій, личныя, имѣютъ совершенно иное склоненіе, и во-вторыхъ, потому, что указательныя, неопредѣленныя и др. мѣстоименія бываютъ то прилагательными, то мѣстоименіями.

Для женскаго рода это склоненіе имѣетъ основу на *-ā-, для мужескаго и средняго — основу на *-o-; это, слѣдовательно, тематическое склоненіе, но окончанія отчасти отличаются отъ окончаній склоненія существительныхъ и прилагательныхъ. Даже болѣе того — и въ этомъ самая оригинальная черта этого склоненія — оно имѣетъ двѣ различныя основы, по крайней мѣрѣ для наиболѣе употребительныхъ словъ, одну для им. ед. муж. и жен. рода, другую — для остальныхъ формъ, въ томъ числѣ и для именит. и вин. ед. ср. р.

а. Основы.

По этому склоненію склоняются слѣдующія слова:

1. Указательное мѣстоименіе, указывающее на лицо или вещь, названныя выше или уже извѣстныя:

	Им. ед. ч.		Основы остальныхъ формъ	
	муж. р.	женск. р.	муж. и ср. р.	женск. р.
скр.	sa	sā	ta-	tā-
дор.	ὁ	ᾱ̓ (атт. ἡ)	το-	τᾱ-
гот.	sa	so	þa-	þo-

Балтійскій и славянскій языки распространили основы другихъ формъ и на им. пад. ед. ч.: лит. муж. р. ta-, жен. р. to-; др.-сл. муж. и ср. р. то-, жен. р. та-.

Неопредѣленное и слабоуказательное значеніе этого мѣстоименія можно видѣть въ слѣдующемъ гомеровскомъ стихѣ:

Α 43: ὣς ἔφατ᾽ εὐχόμενος· τοῦ δ᾽ ἔκλυε Φοῖβος Ἀπόλλων

„такъ онъ сказалъ, молясь, и услышалъ его Фебъ Аполлонъ“; понятно поэтому, что оно сдѣлалось простымъ членомъ въ греческомъ (послѣ того періода языка, который представленъ Гомеромъ) и въ германскомъ (послѣ Вульфилы).

2. Указательное мѣстоименіе, указывающее на близкій предметъ. — Во всѣхъ языкахъ, кромѣ индо-иранскаго, на

близкій говорящему лицу предметъ указываетъ звукъ *k_1-, при чемъ не легко установить индо-европейскую основу этого мѣстоименія и неизвѣстна древняя форма его им. п. муж. и жен. р.; склоняемыя формы въ лит. szìs, род. szìõ; др.-сл. сь, род. сего; арм. ays со значеніемъ лат. „hic“ и sa со значеніемъ лат. „is“ (для самаго близкаго предмета); гот. вин. муж. р. hin-(a), ср. р. hit-(a), дат. himma; только нарѣчія въ: лат. ci-trā „по сю сторону“; др.-ирл. cē (то же значеніе). Точное значеніе *k_1- опредѣляется тѣмъ, что это указательное мѣстоименіе въ соединеніи со словомъ „день“ даетъ значеніе „сегодня“: др.-сл. дьнь-сь, лит. szeñ-dẽn, гот. himma daga, др.-сакс. hin-dag, др.-вр.-нѣм. hiutu (форма искаженная изъ hiu-tagu), арм. ays-awr, атт. τήμερον, гр. σήμερον (изъ *k_1yāmeron).

Въ индо-иранскомъ указательное мѣстоименіе, указывающее на близкій предметъ, имѣетъ сложную форму: скр. им. муж. р. ay-ám, жен. р. iy-ám и отъ той же основы, по исключенію, и ср. р. id-ám; вин. муж. р. въ скр. im-ám, и ср. р. въ зд. im-aṭ; родит. и большинство остальныхъ падежей образуется отъ основы a-: скр. a-syá, зд. aiṅhe (изъ *a-sya); и та же основа a- входитъ въ скр. сложное слово a-dyá „сегодня“. Въ лат. ему соотвѣтствуетъ анафорическое is, id и eum, ea, eam и т. д.; то же въ германскомъ: гот. is, it-a, род. ед. is и т. д.; основа e- ясна въ дат. п.: умбр. esmei „huic“. — Наконецъ, латинскій языкъ имѣетъ одно указательное мѣстоименіе, коренной элементъ котораго не можетъ быть сближенъ ни съ какимъ корнемъ другихъ языковъ, но склоненіе его аналогично склоненію предшествующаго мѣстоименія, со звукомъ i въ им. п. и со звукомъ o въ другихъ падежахъ: им. муж. р. hi-c, вин. hun-c, ср. р. hocc, hoc (изъ *hod-ce), основа ho- въ сложномъ ho-die „сегодня“.

3. Указательныя мѣстоименія, указывающія на отдаленный предметъ.

Мы встрѣчаемъ три главныя характеристики: *w, *n, *l.

Характеристика *w принадлежитъ востоку: им. ед. муж. и жен. скр. asáu, зд. hāu, др.-перс. hāuv; вин. ед. скр. am-úm, род. am-úṣya; иранскій имѣетъ основу ava-, которой соотвѣтствуетъ др.-сл. окъ... окъ... „одинъ... другой...“ (въ нѣкоторыхъ новыхъ славянскихъ языкахъ формы, восхо-

дящія къ **окъ**, гдѣ онѣ встрѣчаются, обозначаютъ близкій предметъ).

Характеристика *n является въ др.-сл. **онъ**, лит. añ(a)s, арм. ayn „ille“, na „is“ (для отдаленнаго предмета), повидимому также и въ др.-вр.-нѣм. jenēr „тотъ“ и гр. ἔνη „послѣ завтра“. — Отъ этого же указательнаго мѣстоимѣнія произведены слѣдующія слова со значеніемъ „другой“: скр. ántara-ḥ „отличный отъ“, лит. añ-tras „второй“, гот. anþar „другой (изъ двухъ), второй“, гр. ἄ-τερο-ς (измѣненное въ атт. въ ἕ-τερο-ς).

Характеристика *l является прежде всего въ др.-лат. ollus, лат. ille и ul-trā „по ту сторону“ (противуположно ci-trā); въ ирл. t-all „ultra“, an-all и т. д.; въ сл. *ol-nī „прошлый годъ“ (др.-сл. **лани**, польск. łoni и т. д.). Отсюда произведены слѣдующія слова со значеніемъ „другой“: гр. ἄλλος, лат. alius, ирл. aile, гот. aljis, арм. ayl.

4. Анафорическое и относительное мѣстоименіе.

Основа скр. ya-, зд. ya-, др.-сл. **ѥ-** (со слѣдующей частицей **же**: им. ед. м. р. **ѥжє**, род. **ѥгоже** и т. д.), гр. ὁ- служитъ относительнымъ мѣстоименіемъ; отступая отъ общаго правила, оно допускаетъ образованіе им. падежа на равнѣ съ прочими падежами. — Кромѣ того въ славянскомъ оно имѣетъ анафорическое значеніе, т. е. оно служитъ указаніемъ на лицо или вещь, уже извѣстную или раньше упомянутую; въ литовскомъ оно имѣетъ только анафорическое значеніе; возможно, что это употребленіе возникло изъ контаминаціи основъ *e/o- (ж. р. *ī-) съ *ye/o-; какъ анафорическое мѣстоименіе, оно является энклитикою и можетъ присоединяться къ прилагательнымъ для указанія того, что имя, къ которому оно относится, опредѣлено: др.-сл. **добрыи** (изъ **добръ-н**), **добра-ꙗ**, **добро-ѥ**; точно также и въ литовскомъ муж. р. geràs-is „хорошій“, жен. р. gerǫ́-ji; въ зендскомъ основа ya-, поставленная въ томъ же падежѣ, какъ и имя, къ которому она относится, слѣдовательно, съ указательнымъ, а не относительнымъ значеніемъ, служитъ для соединенія имени существительнаго съ другимъ существительнымъ или прилагательнымъ; такъ напр. въ вин. падежѣ stārəm yim tištrīm „звѣзду Tištriya“.

5. Неопредѣленное и вопросительное мѣстоименіе.

Двѣ основы, обѣ характеризуемыя звукомъ *k^{w}-, играютъ

двоякую роль неопредѣленнаго и вопросительнаго мѣстоименія:

*k^{w}e-, *k^{w}o- (жен. р. *k^{w}ā-): скр. ka- (им. муж. р. káḥ), зд. ča- (род. гат. ča-hyā), ka- (ср. р. ka-t), др.-сл. **чє-** (род. ед. **чє-со**), **ко-** (дат. **ко-моу**), лит. ka-, гр. τε- (род. τέο, τοῦ), πο- (въ нарѣчіяхъ, какъ ποῦ), лат. quo- (ср. р. quo-d), гот. hwa- (им. ед. hwas „кто?“).

*k^{w}ei: скр. cit (первоначально ср. р., превратившійся въ нарѣчіе), зд. ci-š „кто?“, др.-сл. **чь-то**, лат. qui-s, гр. τί-ς.

Трудно опредѣлить распредѣленіе этихъ основъ въ склоненіи: *k^{w}ei- (муж. и ср. и жен. р.) образовывало им. ед. ч. муж. и жен. р. и им. и вин. ед. ср. р.: зд. čiš, ciṭ, гр. τίς, τί, лат. quis, quid, др.-сл. **чь-(то)** (только ср. р), но káḥ „кто?“, др.-сл. **къ-(то)**, лит. kàs, гот. hwas, и соотвѣтствующая форма жен. р. скр. kā́, лит. kà, гот. hwo, лат. (quae изъ *qua-i), повидимому, не менѣе древнія формы; *k^{w}e- *k^{w}o- мы находимъ прежде всего въ род. п. гат. ča-hyā „кого?“, гр. τέο (τοῦ), др.-сл. **чє-со**.

Ударяемыя формы въ началѣ предложенія имѣютъ вопросительное значеніе, какъ напр. гр. τίς; неударяемыя формы, внутри предложенія, — неопредѣленное значеніе, какъ напр. гр. τις.

Какъ мы видѣли уже на приведенныхъ примѣрахъ скр. an-yá-ḥ, лат. al-iu-s и т. д., эти основы допускаютъ вторичные суффиксы; такимъ образомъ санскритъ имѣетъ форму t-yá- рядомъ съ tá-, i-tara „другой“ рядомъ съ ay-ám, i-d-ám, ср. лат. i-terum; и т. д. Одни изъ этихъ словъ усвоили вполнѣ склоненіе указательныхъ мѣстоименій: это слова со значеніемъ „другой“ (по отношенію ко многимъ): скр. an-yá-ḥ „другой“, an-yá-t, лат. al-iu-s, al-iu-d, гр. ἄλλος, ἄλλο и т. д.; другія имѣютъ лишь нѣкоторыя формы такого склоненія: это слова со значеніемъ „другой“ (изъ двухъ): лат. alter, alterum (по именному склоненію), род. ед. alter-ius и дат. alterī (по склоненію указательныхъ мѣстоименій), и вообще всѣ слова, образованныя суффиксомъ *-tero-.

Другія слова, въ особенности имѣющія значенія „одинъ“ и „весь“, заимствуютъ нѣкоторыя формы изъ склоненія мѣстоименій указательныхъ: таково скр. ékaḥ „одинъ“, зд. aēvō, др.-сл. **ѥдинъ**, арм. mi, лат. ūnus; скр. víçvaḥ и sárvaḥ „весь“, зд. vīspō, др.-сл. **кьсь**, лат. tōtus.

b. Склоненіе.

Формы склоненія отчасти совпадаютъ съ формами существительныхъ и прилагательныхъ на *-e/o- для мужескаго и средняго рода и на *-ā- для женскаго, отчасти отличаются отъ нихъ.

Мужескій и средній родъ.

Единственное число.

Именит. муж. р. — Характерная особенность существованія отдѣльной основы въ этомъ падежѣ, типа скр. sá = гр. ὁ, была отмѣчена на стр. 276. Нужно отмѣтить, что эта основа не имѣетъ окончанія *-s, особенность, являющаяся и въ др.-лат. quo-i (лат. quī) и въ лат. hi-c, ille, iste. — Когда основа имѣетъ окончаніе, то оно есть *-s: скр. yá-ḥ „который“, гр. ὅς; соотвѣтствующій им. п. этой основы въ лит. есть -i-s въ geràs-is „хорошій“, jìs „онъ“, какъ и въ другихъ основахъ на *-yo-.

Вин. п. муж. р. — Окончаніе то же, что и въ существительныхъ: скр. tá-m, гр. τό-ν, гот. ƀan-(a), и т. д.

Имен. и вин. п. ср. р. *-t: скр. tá-t, зд. ta-ṭ, гр. τό (съ утратой конечнаго зубного, обычной въ концѣ слова, какъ и въ балтійскомъ и славянскомъ); др.-прусск. sta, др.-сл. то, гот. ƀat-a (гдѣ t отражаетъ *d, являющее въ концѣ слова передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова, въ данномъ случаѣ передъ частицею -a), лат. (is-)tu-d. — Это окончаніе мы встрѣчаемъ и въ словѣ „другой“ (изъ многихъ), принадлежащемъ къ группѣ указательныхъ мѣстоименій съ элементами *l или *n (см. стр. 278): скр. anyá-t, зд. anya-ṭ; лат. aliu-d, гр. ἄλλο; но его нѣтъ въ словахъ со значеніемъ „одинъ“ и „весь“: лат. ūnu-m, tōtu-m, скр. éka-m „одно“, víçva-m „все“, sárva-m „все“, гр. ὅλ(F)ο-ν.

Родительный. — Формы различны въ разныхъ языкахъ: скр. tá-sya, гом. τοῖο (атт. τοῦ, дор. τῶ), гот. ƀi-s, др.-вр.-нѣм. de-s, какъ въ тематическомъ типѣ; оттѣнокъ *e тематическаго гласнаго засвидѣтельствованъ соотвѣтствіемъ: гат. ča-ƀyā „кого?“, др.-сл. ѥ-со, гом. τέ-ο (атт. τοῦ), др.-вр.-нѣм. ƀwe-s.

Аблативъ (отличающійся отъ родит. п., какъ въ тематическомъ типѣ существительныхъ): скр. tā́t (стало нарѣчіемъ), зд. āṭ (стало нарѣчіемъ), лит. tō, др.-лат. istōd, лат. istō.

Дательный *-smōi (?): скр. tá-smai, зд. aēta-hmāi; ср. др.-прусск. ste-smu и гот. ƀa-mma (гдѣ -mm- изъ *-sm-); арм. or-um „кому?“ (гдѣ -um изъ *-o-smōi?); умбр. esmei „huic“, др.-сл. **то-моу** (безъ слѣда звука *s).

Мѣстный *-smi(?): скр. tá-smin, зд. aēta-hmi, арм. or-um „въ которомъ“ (-um изъ *-o-smi?); умбр. esme; др.-сл. **то-мь** (безъ всякаго слѣда звука *s).

Творительный: зд. tā; нарѣчія въ гр. πω и дор. πή-(ποκα), гот. ƀe (нарѣчіе), др.-прусск. ste „тѣмъ“.

Множественное число.

Им. п. муж. рода *-i: скр. té (изъ индо-иран. *ta-i), гом. τοί, др.-сл. **ти**, лит. tẽ (-ẽ изъ балт. *-aī: др.-прусск. stai), лат. istī. — Индо-иранскій и германскій сохраняютъ противуположность им. мн. существительныхъ на *-ōs (скр. áçvāḥ „лошади“, гот. dagos „дни“) и указательнаго мѣстоименія на *-oi (скр. té, гот. ƀai); остальные языки сдѣлали всеобщимъ одинъ изъ этихъ двухъ типовъ; такъ лат. имѣетъ equī, по образцу istī, но осскій имѣетъ pús „qui“, по образцу Núvlanús „Ноланцы“. — Такъ какъ соотвѣтствующій жен. р. не имѣетъ въ мѣстоименіяхъ указательныхъ особой формы (скр. tāḥ, лит. tõs, гот. ƀos и т. д.), то им. мн. на *-oi указательныхъ мѣстоименій былъ распространенъ на прилагательныя въ литовскомъ и въ германскомъ, и на всѣ имена на *-o- въ большинствѣ языковъ.

Винит. муж. р., какъ и въ существительныхъ: крит. τό-νς (атт. τούς), гот. ƀa-ns, др.-прусск. sta-ns).

Имен. и вин. ср. р., какъ и въ существительныхъ: вед. tā́, др.-сл. **та**, и съ другой стороны гр. τά (съ короткимъ ᾰ), лат. istă.

Родительный *-isōm, *-isōn: скр. téṣām, зд. aētaēšąm, др.-прусск. stē-ison, др.-сл. **тѣхъ** (изъ *to-isōn); ср. гот. ƀize и лат. istōrum.

Мѣстный *-isu въ индо-иранскомъ и славянскомъ: скр. téṣu, зд. aētaēšu, др.-сл. **тѣхъ**; ср. гом., іон. τοῖσι, съ окончаніемъ -σι.

Дательный и аблативъ: скр. tébhyaḥ, зд. taēibyō, др.-лат. hībus; др.-сл. **тѣмъ**, др.-лит. tëmus, др.-прусск. steimans, гот. ƀaim(?).

Творительный: скр. tébhiḥ, зд. taēibīš, др.-сл. **тѣми**, гот. ƀaim (?).

Какъ показываютъ приведенныя формы, за основнымъ *-o- въ родит., мѣстн., дат. и аблат. и въ творит. мн. ч. слѣдуетъ *-i-.

Двойственное число не представляетъ формъ отличныхъ отъ формъ склоненія существительныхъ.

Колебаніе мѣста ударенія, которое мы видимъ въ род. ед. скр. asyá рядомъ съ ásya и tásya, въ дат. asmái рядомъ съ ásmai и tásmai и т. д. представляетъ нарушеніе правила о неподвижности ударенія въ тематическомъ типѣ. Формѣ asmái, съ удареніемъ на концѣ, соотвѣтствуютъ славянскія (русск. тому́) и германскія формы: гот. þamma изъ *þazmē, предполагающаго *to-smē; наоборотъ, атт. τοῦ предполагаетъ *tó-syo, такъ какъ *to-syó дало бы гр. *τού; гот. þis предполагаетъ *teso; др.-прусск. stēison имѣетъ удареніе на коренномъ элементѣ.

Женскій родъ.

Спеціальныя формы женскаго рода въ мѣстоименіяхъ указательныхъ и менѣе многочисленны и менѣе ясны. Мы находимъ слѣдующія формы:

Единств. число.

Родит. и аблативъ *-e-syās, *-e-sās: скр. tá-syāḥ, зд. aētan'hå, др.-прусск. ste-ssias; гот. þi-zos.

Дательный: *-e-syāi, *-e-sāi: скр. tá-syai, зд. ain'hāi (изъ *a-syāi), др.-прус. ste-ssiei; гот. þi-zai.

Въ этихъ двухъ формахъ мы замѣчаемъ: основу *te-; элементъ *-sy- чередующійся съ *-s- какъ и въ окончаніи род. муж. и ср. р. *-syo: *-so (ср. стр. 280); окончанія *-ās и *-āi, тождественныя съ окончаніями существительныхъ на *-ā-, какъ и въ муж. родѣ *-ōi въ формѣ *-smōi тождественно съ конечнымъ *-ōi дательнаго тематическихъ основъ. Мѣсто ударенія, предполагаемое на основаніи гот. þizos, þizai, не согласуется съ удареніемъ скр. tásyāḥ, tásyai, но соотвѣтствуетъ скр. asyā́ḥ, asyái.

Творительный скр. táyā, зд. aētaya напоминаетъ др.-сл. творит. **тоѭ**.

Множественное число.

Родительный: *-ā-sōm, *-ā-sōn: скр. tā́sām (и āsā́m), зд. åṅhąm (изъ *ā-sām), гом., θессал, беот. τᾱ́-ων (атт. τῶν, дор. τᾶν), лат. istā-rum, осск. eiza-zun(-c) „earum“. Это окончаніе было распространено на существительныя въ греческомъ и латинскомъ языкахъ.

C. Личныя мѣстоименія.

Формы личныхъ мѣстоименій настолько различны въ различныхъ языкахъ, что мы не можемъ возстановить индоевропейское состояніе. Но мы можемъ отмѣтить характерныя особенности этихъ формъ:

1. Единственное число съ одной стороны и множественное (и двойственное) съ другой для одного и того же лица обозначаются различными словами: лат. ego „я“ и nōs „мы“, tū „ты“ и uōs „вы“. И дѣйствительно множественное число имѣетъ здѣсь особый смыслъ: nōs значитъ „я и другіе“.

2. Именит. пад. по правилу имѣетъ основу отличную отъ основъ другихъ падежей: лат. ego и mē, гот. weis „мы“ и uns „насъ“ и т. д. Въ этомъ отношеніи личныя мѣстоименія похожи на указательныя.

3. Различіе грамматическаго рода ничѣмъ не выражается, что̀ вполнѣ согласуется съ отсутствіемъ прямого различія муж. и женскаго рода въ существительныхъ: лат. tū относится одинаково и къ мужчинѣ и къ женщинѣ.

4. Склоненіе личныхъ мѣстоименій отличается и отъ склоненія существительныхъ и отъ склоненія указательныхъ мѣстоименій.

5. Многіе падежи имѣютъ и ударяемыя формы и формы безъ ударенія.

Группа личныхъ мѣстоименій содержитъ мѣстоименія 1-го и 2-го лица въ трехъ числахъ и одно возвратное, служащее для всѣхъ чиселъ и для всѣхъ лицъ. Мѣстоименія личнаго 3-го лица нѣтъ.

Слѣдующія формы, индо-европейскій характеръ которыхъ засвидѣтельствованъ приблизительнымъ соотвѣтствіемъ по крайней мѣрѣ двухъ языковъ, дадутъ представленіе о склоненіи личныхъ мѣстоименій.

Единственное число.

Именит. падежъ. — 1-ое лицо: гр. ἐγώ, лат. ego (-ŏ изъ *-ō), гот. ik, арм. es (изъ *ec), лит. àsz (ès z); Гомеръ имѣетъ ἐγών передъ гласнымъ и ἐγώ передъ согласнымъ; начальное *ō- (или *ā-?), предполагаемое др.-слав. азъ, др.-рус. азъ

стоитъ одиноко, точно также какъ и придыхательный санскритскаго ahám, ср. зд. azəm, др.-перс. adam (см. стр. 142).

2-ое лицо: гр. τύ (и σύ), лат. tū, гот. þu, др.-исл. и др.-англ. þú, др.-вр.-нѣм. dū, лит. tù, др.-прусск. tou, др.-сл. ты; и скр. t(u)v-ám, зд. tvəm, tūm (съ индо-иранской частицей *am).

Въ санскритѣ, греч. и лат. нѣтъ неударяемыхъ формъ имен. падежа, такъ какъ им. пад. личнаго мѣстоименія въ этихъ языкахъ всегда былъ самостоятельнымъ словомъ, съ полнымъ значеніемъ: лат. ego uenio „я прихожу“. Но нѣкоторыя формы, которыя во многихъ языкахъ ставятся главнымъ образомъ послѣ глагола (или другого слова), указываютъ на существованіе энклитическихъ именительныхъ падежей: гат. tū (написаніе ū не указываетъ на то, чтобы здѣсь мы имѣли дѣло съ первоначальныхъ долгимъ звукомъ), др.-прусск. tu, др.-исл. þu, др.-англ. þu, др.-вр.-нѣм. -du (-t послѣ s въ такихъ формахъ, какъ bis-t), арм. du для 2-го лица; германскій и армянскій имѣютъ также неударяемое мѣстоименіе 1-го лица.

Остальные падежи имѣютъ основы *em- *m- въ первомъ лицѣ и *tew- *tw- и *t- (ср. стр. 140) во второмъ.

Винительный. — Индо-иранское ударяемое скр. mā́m „меня“, tvā́m „тебя“, зд. mąm, θwąm, неударяемое скр. mā, tvā, зд. mā, θwā; др.-сл. мѧ, тѧ; др.-прусск. mien, tien; лат. mē, tē; гр. ударяемое ἐμέ, σέ (изъ *τFέ), неударяемое με, σε; начальное *em- греческаго ἐμέ мы встрѣчаемъ и въ арм. is (изъ *im-s) и *twe, къ которому восходитъ σε, въ арм. khe-z; др.-вр.-нѣм. mih (обще-герм. *mi-k изъ *me-g_1e, ср. гр. ἐμέ-γε), dih (обще-герм. *þi-k, изъ *te-g_1e, ср. гр. σέ-γε); литовскія формы manę, tavę стоятъ особнякомъ.

Родительный ударяемый (отличный отъ аблатива): *méne „меня“ въ зд. mana (и скр. máma съ -m- вмѣсто *-n-), др.-сл. мене, лит. manè; *tewe „тебя“ въ скр. táva, зд. tava, др.-сл. тебе (измененное изъ *тєвє подъ вліяніемъ дат. тебѣ), лит. tavè; форму *eme предполагаютъ арм. im и гр. ἐμεῖο, ἐμοῦ (*ἐμε + окончаніе род. пад. *-yo по типу τοῖο); *twe, *two „тебя“ предполагаются арм. kho, гр. σεῖο, σοῦ.

Дательный ударяемый: скр. máhy-a(m) „мнѣ“, лат. mihī, умбр. mehe, изъ *meg$_1$hi, и арм. inj изъ *emg$_1$hi; скр. túbhy-a(m) „тебѣ“ (гдѣ -u- по аналогіи съ другими

падежами вмѣсто *-a-), гат. taibyā, др.-сл. **тебѣ**, др.-прусск. tebbei, лат. tibī, умбр. tefe.

Родит. и дат. неударяемый: *moi, *toi: скр. me, te; зд. mē, tē; др.-сл. **мн**, **тн**; гр. μοι, гом. τοι (и атт. σοι).

Аблативъ, всегда съ удареніемъ: скр. mát, tvát; зд. maṭ, θwaṭ; лат. mē(d), tē(d).

Мѣстный, всегда съ удареніемъ: скр. mé, tvé, гр. μοί (ἐμοί), σοί (изъ *τFοι).

Творительный. — Вполнѣ точныхъ соотвѣтствій нѣтъ: скр. máyā имѣетъ отдаленное сходство съ др.-сл. **мъною**, и скр. tváyā съ др.-сл. **тобою**.

Множественное число.

Именит. падежъ. — 1-ое лицо. Есть два соотвѣтствія: скр. vay-ám, зд. vaēm (двусложное, первоначально *vayəm), гот. weis, др.-вр.-нѣм. wir, и съ другой стороны лит. mẽs, др.-прусск. mes, др.-сл. **мы** (гдѣ **-ы** по образцу **вы**), арм. mekh, ср. лесб. (ἄμ-)μες (изъ *[n̥s-]mes по образцу вин. п.).

2 лицо *yūs: зд. yūš (энклитика), yūž-əm, скр. yūy-ám (гдѣ -y- вмѣсто ожидаемаго -r- по аналогіи съ vay-ám „мы“), лит. jũs, др.-прусск. ious, гот. jus; лесб. ὔμμες, изъ *υσ-(μες) по аналогіи съ ἄμμες „мы“ и съ вин. ὔμμε „васъ“.

Остальные падежи имѣютъ основы *nŏ(s)-, *n̥(s)- для перваго лица и *wŏ(s)-, *u(s)- — для второго. Неударяемый род., дат. и вин. скр. naḥ, vaḥ, зд. nō, vō, др.-сл. **ны**, **вы**; ударяемый вин. лат. nōs, uōs; готскій имѣетъ для перваго лица uns, uns-is (изъ *n̥s). Частица *-sme прибавляется въ греч. и въ индо-иранскомъ къ ударяемой формѣ въ нулевой ступени вокализма, откуда *n̥sme, *usme, засвидѣтельствованныя лесб. ἄμμε, ὔμμε; характеристики вин. п. мн. числа были прибавлены въ атт. ἡμας, ὑμας и въ скр. asmā́n, yuṣmān (съ начальнымъ y- по образцу им. п.), и по образцу винит. п. были измѣнены всѣ остальныя ударяемыя формы падежей въ греч. и скр.; такъ напр. гр. ἡμῶν, ὑμῶν. Славянскій языкъ представляетъ старое склоненіе: род. **насъ**, **васъ**; дат. **намъ**, **вамъ**; твор. **нами**, **вами**, ср. лат. nōbīs, uōbīs: здѣсь нѣтъ звука *s, который имѣется въ вин. п. — Не ясна роль основы *sw, *s- въ др.-ирл. sib „васъ“, кимр. chwi (изъ *swes), гот. izwis (вин. и дат. п.), ср. также двойственное гр. σ-φώ.

Двойственное число.

Именительный — 1-ое лицо: др.-сл. **вѣ**, лит. vè-(du), вед. vā́m (т. е. *vă-am), др.-англ. wi-(t).

2-ое лицо: вед. yuv-ám, лит. jù-(du), др.-англ. gi-(t) (гдѣ -i- по аналогіи съ первымъ лицомъ).

Какъ неударяемую (а также, повидимому, и ударяемую уже въ индо-европейскую пору) форму винит., родит. и дат. п. мы находимъ: скр. nau, гат. nā, др.-сл. **на**, гр. νώ (только вин. п.); скр. vām (*vā-am?), др.-сл. **ва**.

Возвратное мѣстоименіе.

Основа возвратнаго мѣстоименія *sew-, *sw- (*s-) аналогична основѣ мѣстоим. личнаго 2-го лица ед. ч. *tew-, *tw- (*t-) и склоняется точно такъ же; именительнаго падежа, конечно, нѣтъ.

Винительный: др.-сл. **сѧ**; др.-прусск. sien; гом. ʽ(F)έ (и неударяемое ʽ(F)ε) и ἑ(F)έ; гот. si-(k); лит. savę.

Родительный ударяемый: др.-сл. **сєбє** (измѣнено изъ *сєвє), лит. savè, арм. iw-r (изъ *sewe-r?); гом. εἷο, οὗ (изъ *ʽFε-hyo).

Дательный ударяемый: др.-сл. **сєбѣ**, др.-прусск. sebbei, лат. sibī, осск. sífeí; ср. гр. σφί(ν).

Родит. и дательный неударяемый *soi: пракр. se, зд. hē (и šē послѣ i, u, r), гом. οἱ (и ʽ(F)οι), др.-сл. **си**.

Латинское sē(d) представляетъ старый аблативъ, гр. ʽ(F)οῖ (ср. скр. svay-ám „для себя, изъ себя“?) старый мѣстный (и дательный?) и др.-сл. **собоѭ**, до нѣкоторой степени старый творительный.

Значеніе этой основы — „принадлежащій кому либо“, и она примѣняется въ индо-европейскомъ ко всѣмъ числамъ и ко всѣмъ лицамъ, какъ и притяжательное прилагательное, отъ котораго оно произведено: sváḥ, s(u)váḥ, гр. ʽ(F)ός, лат. suos и т. д.; это состояніе сохранилось въ индо-иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ и даже въ гомеровскомъ греческомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: лит. притяжательный родит. sãvo относится къ 1 лицу въ предложеніи: àsz taĩ sãvo tė́vui pasakýsiu „я скажу это своему отцу“, др.-сл. притяжательное **свои** относится ко 2-му лицу въ слѣдующей фразѣ: **иди въ домъ свои**; др.-сл. **рєчє къ сєбѣ** и **рѣшѧ къ сєбѣ** — одинаково возможны.

Гомеръ ι 27: οὗτοι ἐγώ γε
ϝῆς γαίης δύναμαι γλυκερώτερον ἄλλο ϝιδέσθαι

„я не могу себѣ представить ничего пріятнѣе своей (родной) земли“, гдѣ ϝῆς относится къ 1-му лицу ед. ч.

α 402: δώμασι ϝοῖσι ϝανάσσοις

„распоряжайся въ своемъ домѣ“, гдѣ ϝοῖσι относится ко 2-му лицу ед. ч.

β 206: ἕν(ϝ)εκα ϝῆς ἀρετῆς ἐριδαίνομεν

„мы состязаемся въ своей доблести“, гдѣ ϝῆς относится 1-му лицу мн. ч.; возвратное мѣстоименіе частію переписчиковъ было устранено въ подобныхъ сочетаніяхъ (см. разночтенія различныхъ изданій).

Слово, обозначающее „принадлежащій кому либо“ не относится непремѣнно къ подлежащему предложенія, какъ въ предыдущихъ примѣрахъ, но можетъ являться и въ фразахъ, подобныхъ слѣдующимъ:

лат. eum suos pater... ab amica abduxit

„его свой же отецъ... увелъ отъ подруги“ (eum и suos поставлены рядомъ).

лат. eos in ciuitates quemque suas dimisit

„отпустилъ ихъ каждаго въ въ свое государство“

Гомеръ, П 753: ἑή τέ μιν ὤλεσεν ἀλκή

„своя же сила его погубила“.

вед. na hí svám ā́yuç cikité jáneṣu

„не извѣстенъ людямъ ихъ собственный вѣкъ“.

Неударяемыя формы, которыя не составляютъ въ предложеніи фонетически отдѣльнаго слова, имѣютъ поэтому и болѣе слабый смыслъ, но значеніе „принадлежащій кому-либо“ все же замѣтно и въ нихъ; гом. ϝε и ϝοι являются анафорическими мѣстоименіями, но употребляются только тогда, если слово къ которому они относятся стоитъ вблизи:

А 320: ἀλλ᾽ ὅ γε Ταλθύβιόν τε καὶ Εὐρυβάτην προσέ(ϝ)ειπεν,
τώ ϝοι ἔσαν κήρυκε...

„но онъ обратился къ Талѳибію и Еврибату, они были у него вѣстниками...“

А 324: εἰ δέ κε μὴ δώῃσιν, ἐγὼ δέ κεν αὐτὸς ἕλωμαι
ἐλθὼν σὺν πλεόνεσσι · τό ϝοι καὶ ῥίγιον ἔσται

„если же онъ не отдастъ, то я самъ приду съ бо́льшимъ количествомъ людей и возьму; тогда ему хуже будетъ“.

Характерное значеніе основы *sew-, *sw- (*s-) можно наблюдать и въ произведенныхъ отъ нея словахъ, какъ напр. въ скр. svadhā́ „привычка, обычай“, гр. (F)ἔθος „обычай (свойственный одной группѣ людей)“, гот. sidus „обычай“; др.-сл. **скатъ** („человѣкъ изъ своей собственной группы“), гр. ἑταῖρος (изъ *set-) Ϝέτης „другъ“, лат. sēd- „въ сторонѣ“, гр. ϝεκάς „отдѣльно, далеко“, ϝέκαστος „каждый въ отдѣльности“, лат. sodālis (гдѣ sod- изъ *swedh-) „товарищъ“, гот. sibja „семья“ рядомъ съ скр. sabhā́ „собраніе“, и т. д.

D. Употребленіе формъ склоненія.

Употребленіе категоріи числа, общей и глаголу, и имени, было уже изложено выше на стр. 155. Нужно прибавить только, что множественное число часто обозначаетъ одинъ предметъ, состоящій изъ многихъ частей, какъ напр. гр. ἅλες „соль“ въ противуположность къ ἅλς „соль“ (вещество) и „море“, — κρέᾱ „мясо“, тоже и лат. carnēs, — гом. ζειαί „зерно“, вед. yávāḥ (но также и yávaḥ), — гом. ὄχεα „колесница“, др.-сл. **кола**, лат. bīgae „колесница парой“, quadrīgae „колесница четверней“. И такое употребленіе множ. числа встрѣчается даже тогда, когда дѣло идетъ о предметѣ, состоящемъ изъ двухъ главныхъ частей, какъ напр. „дверь“: вед. dúraḥ, др.-сл. **двьри**, лит. dùrys, гр. θύραι (и πύλαι), лат. forēs; точно такъ же: лат. nārēs, гр. ῥῖνες и лит. nasraĩ „носъ“ („ноздри“); др.-сл. **уста** при скр. óṣṭhaḥ „губа“ и т. д. Это объясняетъ возможность существованія словъ, употребляемыхъ только во мн. числѣ, какъ напр. именъ городовъ въ родѣ гр. Ἀθῆναι, Πλαταιαί, или сложныхъ предметовъ, какъ лат. antae „пилястры“, вед. átāḥ „косяки“ (ср. арм. [d r -] and „косяки“).

Что касается рода, то единственное противуположеніе, выражаемое въ склоненіи, есть противуположеніе средняго

рода съ одной стороны и мужескаго и женскаго съ другой: для прилагательныхъ безъ существительнаго значеніе средняго рода вполнѣ опредѣленно: онъ обозначаетъ „вещи“ въ противуположность „лицамъ“: aliud значитъ „другая вещь“ въ противуположность alius, alia, которыя обозначаютъ „другое лицо“ (мужчину или женщину, смотря по роду). Менѣе ясно значеніе средняго рода въ существительныхъ, которыя имѣютъ одинъ только родъ; часто, но не исключительно, средній родъ имѣютъ: имена вещей, какъ скр. yugám „ярмо“, гр. ζυγόν, лат. iugum, др.-сл. иго, гот. juk (рядомъ съ слѣдами муж. рода: гр. ζυγός, и, можетъ быть, также скр. yugaḥ и лат. производное iugulus); отвлеченныя имена, какъ гр. γένος, скр. jánaḥ, лат. genus „родъ“ или скр. svápn(i)yam „сновидѣніе“, лат. somnium, гр. (ἐν-)ὑπνιον, др.-сл. сънье; уменьшительныя, какъ гр. ἀνδρίον отъ отъ ἀνήρ, др.-прусск. wosistian „козленокъ“ отъ wosee „коза“, гот. gaitein „козленокъ“ отъ gaits „козелъ“.

Восемь падежей образуютъ столько же различныхъ группъ: то обстоятельство, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ общія формы, не приводитъ къ смѣшенію. Такъ аблативъ отличается отъ родительнаго, такъ какъ онъ имѣетъ особую форму въ единственномъ числѣ въ тематическомъ типѣ (какъ существительныхъ такъ и указательныхъ мѣстоименій) и въ личныхъ мѣстоименіяхъ, а также и потому, что падежъ, съ которымъ онъ совпадаетъ въ единств. числѣ, родительный, отличается отъ падежа, съ которымъ онъ совпадаетъ во множ. числѣ, отъ дательнаго.

Значеніе падежей не можетъ быть легко выражено общими формулами; оно опредѣляется главнымъ образомъ типами выраженій, въ которыхъ употребляется тотъ или другой падежъ. Эти значенія часто очень сложны, и одинаковые падежи являются въ такихъ сочетаніяхъ, которыя трудно привести къ одной формулѣ, какъ бы неопредѣленно её ни устанавливать. Наконецъ, одинъ только индо-иранскій діалектъ сохранилъ полностью всѣ восемь индо-европейскихъ падежей; во всѣхъ другихъ языкахъ смѣшеніе падежей затемнило старое ихъ значеніе.

Эти общія замѣчанія надо имѣть въ виду при чтеніи слѣдующихъ ниже указаній относительно отдѣльныхъ падежей.

Именительный.

Именительный падежъ показываетъ, о чемъ идетъ рѣчь въ предложеніи, онъ обозначаетъ подлежащее: лат. pater bonus est — pater uocat.

Звательный.

Звательный падежъ обозначаетъ лицо, къ которому обращаются. Когда обращаются къ двумъ лицамъ, то второе лицо въ ведическомъ языкѣ ставится въ именит. падежѣ: vā́yav índraçca „о Ваю и Индра!“; у Гомера мы встрѣчаемъ одинъ аналогичный примѣръ:

Г 276: Ζεῦ πάτερ, Ἰδηθεν μεδέων κύδιστε μέγιστε
ἠέλιός θ' ὃς πάντ' ἐφορᾷς καί πάντ' ἐπακούεις

„Зевсъ отецъ, съ высотъ Иды царящій, славный, великій, и Солнце, видящее все и все слышащее!“

Винительный.

Винительный падежъ служитъ для опредѣленія значенія глагола; возьмемъ гр. ἔχω „держу, держусь“; безъ винит. падежа значеніе будетъ „держусь“: οὕτως ἔχω „я нахожусь въ такомъ положеніи“, съ винит. — „держу“: ἔχω τι „имѣю что-нибудь“; точно такъ же вед. áparō dart переводится „другой погибъ“, но púrō dart „онъ разрушилъ укрѣпленія“ (см. стр. 162 и сл.). Съ небольшимъ измѣненіемъ значенія мы находимъ сочетаніе μάχην ἐμάχοντο „они бились въ битвѣ“; ὁδὸν ἐλθέμεναι „пройти путь“ и скр. pánthām eti „онъ идетъ путемъ“. Различіе винительнаго „внутренняго объекта“ и винительнаго „внѣшняго объекта“ — искусственно; и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простымъ опредѣленіемъ значенія глагола, и нѣтъ возможности провести границу между этими двумя употребленіями; напр. въ слѣдующемъ стихѣ Гомера:

А 108: ἐσθλὸν δ' οὔτε τί πω (F)εἶπες (F)έπος οὔτ' ἐτέλεσσας „добраго ты еще никогда ни слова не говорилъ, ни (дѣла не) дѣлалъ“.

Глаголы, допускающіе нѣсколько опредѣленій такого рода, могутъ одновременно имѣть нѣсколько винительныхъ падежей при себѣ, какъ напр. лат. rogare aliquem „про-

сить кого", rogare aliquid „просить что", и rogare aliquid aliq'uem „просить у кого что"; точно также у Гомера:

Z 17: ἄμφω θυμὸν ἀπηύρα „отнялъ жизнь у обоихъ"

λ 544: ἕν(F)εκα νίκης

τήν μιν ἐγὼ νίκησα „изъ-за побѣды, которую я одержалъ надъ нимъ"

и въ ведическомъ; такъ въ Ригведѣ:

IV, 20, 3: tváyā vayám aryá ājím jayema „съ тобою да побѣдимъ мы враговъ въ битвѣ".

Греческое βάλλω въ слѣдующихъ гомеровскихъ примѣрахъ даетъ разнообразныя значенія смотря по дополненіямъ:

Λ 722: ἔστι δέ τις ποταμὸς Μινυήιος εἰς ἅλα βάλλων „есть нѣкая рѣка Миніей, впадающая въ море"

Δ 527: τὸν δὲ Θόας... βάλε δορ(F)ί „его Тоасъ... ударилъ копьемъ"

β 80: ποτὶ δὲ σκῆπτρον βάλε γαίῃ „а посохъ бросилъ на землю"

Ε 794: εὗρε δὲ τόν γε...,

ἕλκος ἀναψύχοντα, τό μιν βάλε Πάνδαρος ἰῷ

„засталъ его за обмываніемъ раны, которую ему нанесъ Пандаръ стрѣлою" (двойной винительный).

Какъ дополненіе къ глаголу движенія, винительный падежъ обозначаетъ цѣль этого движенія: лат. eo Romam „иду въ Римъ"; у Гомера:

Α 317: κνίσῃ δ' οὐρανὸν ἷκε „запахъ ушелъ въ небо"

η 141: ἷκετ' Ἀρήτην τε καὶ Ἀλκίνοον „пришелъ къ Аретѣ и Алкиною"

Обыкновенно въ такомъ случаѣ значеніе точнѣе опредѣляется предложною приставкою при глаголѣ, которая первоначально представляла самостоятельное слово (см. стр. 158 и сл.), примкнувшее къ глаголу; такъ:

Α 497: ἠερίη δ' ἀνέβη μέγαν οὐρανὸν Οὔλυμπόν τε „утромъ она взошла на великое небо и на Олимпъ";

или предлогомъ, примкнувшимъ къ имени:

Α 169: νῦν δ' εἶμι Φθίηνδε „теперь иду въ Фтію"

Ε 239: ἐς ἅρματα ποικίλα βάντες „взойдя на красивыя колесницы"

Прямое дополненіе служитъ для обозначенія разстоянія

въ такихъ оборотахъ, какъ слѣдующій: Геродотъ VI, 119 δέκα καὶ διηκοσίους σταδίους ἀπέχοντι „который отстоитъ на 210 стадій“. Гомеровскій винительный B 292: ἕνα μῆνα μένων „оставаясь одинъ мѣсяцъ“ ничѣмъ не отличается отъ μένω τι „ожидаю чего-либо“ или μένω τινά „ожидаю каго-либо“. Благодаря вторичному распространенію этого сочетанія стали говорить по-латыни: quindecim pedes latus „шириною въ пятнадцать футовъ“ или по-гречески Θукидидъ IV, 118, 7: αἱ σπονδαὶ ἐνιαυτὸν ἔσονται „перемиріе будетъ одинъ годъ“. — И даже такъ называемый винительный „отношенія“, который такъ распространенъ въ греческомъ языкѣ, быть можетъ, есть тотъ же обычный винительный падежъ; такъ въ платоновской фразѣ (Res publica 453 b): διαφέρει γυνὴ ἀνδρὸς τὴν φύσιν „женщина отличается отъ мужчины по своей природѣ“ винит. падежъ τὴν φύσιν такой же какъ и ὁδόν въ выраженіи ὁδὸν ἐλθέμεναι: значеніе будетъ „имѣетъ различіе природы“.

Различные случаи употребленія винительнаго падежа всѣ сводятся такимъ образомъ въ послѣднемъ счетѣ къ дополненію при глаголѣ, и противъ этого едва ли возможно возражать, ссылаясь на греческій оборотъ: κύκλωπες δ' ὄνομ' ἦσαν „они были по имени циклопы“, скр. kó nā́māsi (nā́ma asi) „кто ты по имени?“, др.-перс. kambuǰiya nāma „по имени Камбизъ“, такъ какъ этотъ оборотъ является только при словѣ „имя“.

Родительный.

Родительный падежъ имѣетъ два различныхъ употребленія: это, во-первыхъ, падежъ, въ которомъ ставится дополненіе къ существительному имени и во-вторыхъ, падежъ, обозначающій цѣлое, отъ котораго берется часть.

a. Родительный при существительныхъ.

Всякое дополненіе къ существительному ставится въ родительномъ падежѣ, какова бы ни была логическая связь двухъ именъ: лат. metus hostium значитъ, смотря по тексту, „страхъ враговъ“ и „страхъ передъ врагами“; можно сказать Marci domus, Marci pater, Marci uxor, Marci filius, гр. γραφὴ κλοπῆς „обвиненіе въ кражѣ“, ὀκτὼ σταδίων τεῖχος „стѣна въ 8 стадій (длиною)“ и т. д.; два родительныхъ, выражающіе различныя отношенія могутъ стоять рядомъ: τὴν τοῦ Λάχητος τῶν νεῶν ἀρχήν „начальство Лахета надъ кора-

блями"; родительный выражаетъ только, что существительное опредѣляетъ другое существительное, и было бы безполезно — да и невыполнимо — пытаться дать обзоръ всѣхъ оттѣнковъ значенія, которые можетъ выражать родительный падежъ. Кромѣ того родительный падежъ выражаетъ такую же зависимость и въ именныхъ предложеніяхъ, и какъ можно сказать по-латыни Marci domus, точно такъ же можно сказать ea domus Marci est; родительный падежъ имѣетъ, слѣдовательно, конструкцію во всѣхъ отношеніяхъ сходную съ конструкціей прилагательнаго, и одинъ языкъ употребляетъ прилагательное тамъ, гдѣ другой обходится родительнымъ падежомъ; такъ лат. domus Petri переводится въ др.-слав. **домъ Петровъ**, и Гомеръ, сохраняя эолическій оборотъ, употребляетъ такія сочетанія, какъ Ποιάντιον υἱόν, βίη Ἡρακληείη, νῆ' Ἀγαμεμνονέην; повидимому, прилагательное представляло обычную индо-европейскую конструкцію; въ древне-латинскомъ еще часто встрѣчаются такія выраженія, какъ pars Herculanea, riuos Herculaneus и т. д. Существительное не должно обязательно упоминаться въ предложеніи, какъ напр. у Гомера

π 300 ἐμός ἐσσι καὶ αἵματος ἡμετέροιο
„ты — мой и крови нашей"

b. Родительный раздѣлительный.

Главная роль родительнаго падежа заключалась, повидимому, въ томъ, что онъ обозначалъ цѣлое, отъ котораго берется часть, и служилъ въ такомъ случаѣ дополненіемъ къ какому угодно слову, къ имени или глаголу: лат. unus eorum „одинъ изъ нихъ", fortissimus uirorum „храбрѣйшій изъ мужей", ubicunque terrarum „гдѣ бы ни было на землѣ", гр. τρίς τῆς ἡμέρας „трижды въ день" и скр. dvír áhnaḥ „дважды въ день"; греч. у Гомера:

Λ 761 πάντες δ' εὐχετόωντο θεῶν Διὶ Νέστορί τ' ἀνδρῶν
„всѣ молились изъ боговъ Зевсу, а изъ людей Нестору"

гр. νυκτός, гот. nahts, скр. kṣapáḥ „ночью" (т. е. „въ одинъ моментъ ночи"), лит. dūk man dūnos „дай мнѣ хлѣба" (вин. п. dūną значило бы „хлѣбъ"), — гом. τυρῶν αἰνυμένους „берущихъ сыру" — или:

κ 140: ἔδ(F)ατα πόλλ' ἐπιθεῖσα, χαριζομένη παρεόντων
„подавши много кушаній, угощая изъ того, что было": здѣсь

ярко выражена противуположность въ значеніи винительнаго и родительнаго. Родительный раздѣлительный при глаголахъ „пить, ѣсть“:

ι 102: λωτοῖο φαγών „поѣвши лотоса“

ср. скр. apā́m açnāti „онъ вкушаетъ воды“; съ глаголомъ „наполнять“: гр. ναῦς πληροῦν ἀνδρῶν „наполнять корабли людьми“, вед. sómasya jaṭháraṃ pṛ̥ṇāti „наполняетъ свою утробу сомою“, лат. aquae plenus „полный водою“; при глаголѣ „господствовать“:

A 38: Τενέδοιό τε (F)ῖφι (F)ανάσσεις „и мощно царишь надъ Тенедосомъ“, лат. potiri rerum „захватить власть“; др.-вр.-нѣм. waltan himiles „царствовать надъ небомъ“. При глаголѣ „слышать“ въ греческомъ и ведическомъ имя звука ставится въ винит. падежѣ:

Δ 455: δοῦπον ἐν οὔρεσιν ἔκλυε ποιμήν „пастухъ услышалъ въ горахъ шумъ“, гр. τὸν λόγον ἀκούειν „слушать рѣчь“, вед. vā́caṃ çr̥ṇoti „слышитъ слово“; но источникъ звука ставится въ родит. падежѣ:

Λ 357: τοῦ δ' ἔκλυε πότνια μήτηρ „его услышала родная мать“, точно также τῆς σάλπιγγος ἀκούειν „слышать трубу“ и вед. devásya çr̥ṇoti „онъ слышитъ бога“. — Употребленіе род. раздѣлительнаго при глаголахъ противуполагается употребленію винительнаго. Въ отдѣльныхъ языкахъ онъ мало-по-малу утратилъ много своихъ значеній, но въ индо-европейскомъ онъ представлялъ, повидимому, самое важное употребленіе родительнаго падежа.

Дательный.

Дательный обозначаетъ кому или для чего вещь предназначается. У Гомера, напр.

Е 174: Διὶ χεῖρας ἀνασχών „поднявши руки къ Зевсу (къ небу)“

въ лат. Romanis de muro manus tendebant „со стѣны протягивали руки къ Римлянамъ“ или вед. prá víṣṇave... etu mánma „пусть идетъ молитва къ Вишну“; дательный не обозначаетъ здѣсь цѣли движенія, какъ винительный падежъ, но обозначаетъ лицо (или вещь), для котораго (или для чего) движеніе происходитъ. Типичный примѣръ — лат. alicui aliquid dare „давать кому что“ или гом. Е 396: εὖτε μιν... ὀδύνῃσιν ἔδωκεν „когда его... предалъ мученію“.

Всѣ случаи употребленія дательнаго падежа такъ легко сводятся къ этому главному значенію, что безполезно еще настаивать на этой истинѣ; такъ легко объяснимъ дательный при глаголахъ „слушать“; онъ обозначаетъ лицо, которое слушаютъ, чтобы ему повиноваться:

Ω 335: καί τε κλύες ᾧ τ' ἐθέλησθα „и ты слушаешься, кого хочешь“.

R. V. VII, 68, 8: utá çrutaṃ çayàve hūyámānā „и вы оба услышали Шаю, когда онъ васъ призвалъ“; др.-лат. alicui auscultare „слушаться кого“; арм. nma lsem „я его слушаюсь“.

Дательный падежъ обыкновенно не опредѣляется ни какою предложною приставкою; однако мы встрѣчаемъ съ дат. падежомъ др.-сл. **къ**, скр. kám, послѣднее ставится послѣ дат. падежа (и зд. ā, др.-сл. **по**, арм. əst).

Творительный.

Творительный обозначаетъ, съ кѣмъ или съ чѣмъ дѣйствіе совершается (откуда значеніе: кѣмъ, чѣмъ): вед. devó devébhir ā́ gamat „пусть богъ придетъ съ богами“, и въ этомъ конкретномъ значеніи чаще съ предлогомъ, какъ напр. др.-сл. **съ тобоѭ**; точно также вед. út sū́ryo jyótiṣā devá eti „богъ солнце съ блескомъ восходитъ“ или др.-сл. **бѣ чловѣкъ неѵистомь доухомъ**; лит. akimì ãklas „слѣпой на (одинъ) глазъ“; вед. sómena jaṭháraṃ pr̥ṇāti „наполняетъ свою утробу сомою“; др.-сл. **исплънишѧ сѧ страхомь**; вед. adánti dákṣiṇena hástena „ѣдятъ правою рукою“; antárikṣeṇa patati „летитъ по воздуху“; др.-сл. **съходитъ пѫтьмь тѣмь**; др.-сл. **трьми дьньми съѕъдати**; и т. д.

Аблативъ.

Аблативъ обозначаетъ исходную точку: вопросъ откуда? Въ собственномъ смыслѣ онъ почти всегда опредѣляется предложною приставкою: вед. ā́ gahi divó rocanā́d ádhi „приди съ блестящаго неба“, лат. ex illo loco uenit „онъ пришолъ изъ того мѣста“, но также безъ предлога Rōmā uenit „пришолъ изъ Рима“. Въ переносномъ смыслѣ часто не бываетъ предложной приставки, какъ напр. вед. tásmād gaṇáḥ chidyate „толпа отъ него отдѣляется“; точно также при глаголахъ со значеніемъ „бояться“: вед.

índrād bhayate „боится Индры“, др.-сл. бога боитъ сѧ, и при сравнительной степени: ghr̥tā́t svā́dīyaḥ „слаще топленаго масла“, буквально „особенно сладкій, считая отъ топленаго масла (какъ мѣры)“, зд. akāṭ ašyō „злѣе злого“, лат. melle suauius „слаще меда“, гр. μέλιτος ἥδιον „слаще меда“, гот. maiza imma „больше его“ (здѣсь дательный замѣщаетъ старый аблативъ), и т. д. Если аблативъ обозначаетъ „до чего простирается дѣйствіе“, то это объясняется тѣмъ, что считаютъ отъ означеннаго пункта: скр. éti giríbhya ā́ samudrā́t „идетъ отъ горъ до океана“; точно также др.-сл. до, лит. ikì, гр. μέχρι съ родительнымъ, отражающимъ индоевропейскій аблативъ.

Мѣстный.

Мѣстный падежъ обозначаетъ, гдѣ совершается дѣйствіе: вопросъ гдѣ? въ самомъ широкомъ смыслѣ. Такъ скр. síndhau обозначаетъ: въ рѣкѣ, на рѣкѣ, у рѣки“, смотря по контексту; скр. devéṣu значитъ „у боговъ, среди боговъ“; скр. uṣási „на зарѣ“, др.-сл. томь часѣ „въ то время“; точно также лат. Romae „въ Римѣ“, domī „дома“, гр. нарѣчіе οἴκοι „дома“ и т. д. Мѣстный падежъ часто опредѣляется предложными приставками и предлогами, но у Гомера греческій дательный, который по формѣ въ значительной части представляетъ старый мѣстный, употребляется еще свободно:

П 483: πίτος βλωθρή, τήν τ' οὔρεσι τέκτονες ἄνδρες ἐξέταμον

„стройная ель, которую подрубили на горахъ плотники“.

Г 45: οὐκ ἔστι βίη φρεσίν „нѣтъ силы въ сердцѣ“.

ο 34: νυκτὶ δ' ὁμῶς πλείειν „ночью вмѣстѣ плыть“,

Е. Слова неизмѣняемыя.

Формы измѣняемыхъ словъ способны закрѣпляться въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, и тогда они уже не подчиняются общимъ правиламъ морфологіи того языка, къ которому онѣ принадлежатъ. Онѣ могутъ, напр., существовать и тогда, когда типъ, который онѣ представляютъ, уже исчезъ, какъ напр. творительные падежи лат. типа certē или мѣстные падежи типа гр. οἴκοι, οἴκει. Или при существованіи общаго типа, онѣ допускаютъ особыя измѣненія; такъ конеч-

ное ō въ лат. modō, аблативъ отъ modus, сохранило свою долготу, между тѣмъ какъ конечное ō нарѣчія modō (по извѣстнымъ причинамъ) сократилось, откуда modŏ. Въ другихъ случаяхъ нарѣчіе имѣетъ вполнѣ правильную форму склоненія, но основа, которую оно сохранило, уже въ другихъ случаяхъ не существуетъ, какъ напр. гр. φύγα-δε „въ бѣгство“ содержитъ винит. падежъ основы φυγ-, въ историческомъ греческомъ языкѣ уже не склоняемой. Такимъ путемъ каждый языкъ въ теченіе своего развитія создалъ нарѣчія.

Нарѣчія, восходящія къ индо-европейскому языку и не представляющія опредѣленной падежной формы, рѣдки. Главныя изъ нихъ уже были отмѣчены на стр. 158: зд. kū „гдѣ?“, скр. k(ú)v-a „гдѣ?“; kú-ha (изъ *kú-dha), гат. ku-dā, др.-сл. **къ-дѣ**, умбр. pu-fe „гдѣ?“; лит. ku-ĩ; арм. u-r „гдѣ?“.

Факты, аналогичные закрѣпленію падежныхъ формъ, какое мы наблюдаемъ въ исторіи греческаго, латинскаго и т. д., происходили и въ индо-европейскомъ. Многія предложныя приставки позволяютъ признать въ нихъ падежныя формы, таковы:

Основа *perə- „передъ“:

мѣстный падежъ (съ окончаніемъ *-i или нуль, вокализмъ элемента передъ окончаніемъ *e): скр. pári, зд. pairi, гр. πέρι, лат. per, гот. fair, лит. peĩ, др.-сл. **прѣ-** (русск. пере́-);

родит.-аблат. (съ нулевымъ вокализмомъ элемента передъ окончаніемъ): скр. puráḥ, зд. parō, гр. πάρος (съ неправильнымъ мѣстомъ ударенія);

падежи неясной формы: прежде всего падежъ на *-ŏ̄, отраженіе котораго мы находимъ во многихъ другихъ предложныхъ приставкахъ: скр. pra, зд. fra, гр. πρό, лат. prō (и prŏ), лит. pra- (и prō), др.-сл. **про** (и **пра-**) и нѣкоторыя другія формы: гр. παρα и παραί; скр. purā́; гот. faur, арм. aṙ; лат. prae.

Основа *ep- „рядомъ“:

мѣстный: скр. ápi, гр. ἔπι, арм. ew (послѣднее значитъ „также“, значеніе близкое къ скр. ápi);

родительный-аблативъ: *pos, въ скр. paç-cā́, лит. pas-kuĩ, лат. pos-t, pōne (изъ *pos-ne); и, можетъ быть, съ протезой *a- и окончаніемъ *-s, гр. ἄψ, лат. abs;

падежъ на *-ŏ̄: др.-сл. **по** (и **па-**), лит. pa-, po, лат. po-

(въ po-situs) и, съ протезой *a-, скр. ápa, зд. apa, гр. ἄπο; ср. лат. ab.

Основа *en- „внутренность“:

мѣстный: гр. ἔνι, ἐν (и съ -ς, которое встрѣчается во многихъ греческихъ нарѣчіяхъ, ἐνς, откуда ἐς передъ согласнымъ, εἰς передъ гласнымъ), лат. in, гот. in.

Болѣе ниодиного падежа отъ основы *en- не засвидѣтельствовано съ достаточною ясностью; предложная приставка *ni-, которая обозначаетъ движеніе сверху внизъ, слишкомъ далека по значенію и потому не можетъ быть здѣсь приведена съ полною достовѣрностью; она часто встрѣчается въ индо-иранскомъ; слово *ni-zdo-, разобранное на стр. 76 и сл. и 216, доказываетъ ея существованіе въ индоевропейскомъ, и, дѣйствительно, славянскій и германскій языки имѣютъ сложныя съ нею и производныя отъ нея слова: др.-сл. **нидь** (напр. **падє нидь**), при вед. аблативѣ nīcā́t „снизу“ и нарѣчія др.-сл. **низъ** и др.-вр.-нѣм. nidar „внизу“.

Къ группѣ гр. ἔνι „въ“ и т. д. примыкаютъ производныя скр. antár (antári), лат. inter и съ протезою *a-, которая встрѣчается въ др.-прусск. an и др.-сл. **ѫ-**, умбр. ander и др.-сл. **ѫтрь**; къ группѣ скр. ni-, повидимому, судя по смыслу, примыкаютъ греч. ἔνερος „нижній“, νέρθε(ν) „внизу“ и арм. i ner-khs „внизу“, оба съ суффиксомъ *-ero-.

Основа *et- „черезъ“:

мѣстный: скр. áti, др.-перс. atiy, гр. ἔτι, лат. et, гот. iþ;

родительный-аблативъ: повидимому, др.-слав. **отъ** изъ *at-os съ протезою *a-; при восточно-лит. ata-, которое по формѣ можно сравнить съ греч. ἀπο, и при др.-сл. **от-**, лит. at-, представляющемъ падежъ неяснаго образованія, подобнаго лат. ab.

Другія предложныя приставки не могутъ быть сведены къ опредѣленнымъ падежнымъ формамъ. Мы видѣли уже, что формы на *-ŏ̄ типа гр. προ и ἀπο, *πρω- непохожи ни на одинъ извѣстный падежъ; ихъ *-ŏ̄ чередуется съ *e въ гомеровскомъ -δε, при славянскомъ **до**, лит. da-, др.-англ. tó (въ др.-вр.-нѣм. zuo); и формы безъ конечнаго гласнаго, какъ лат. ab при греч. ἀπο, лат. (s)ub при скр. úpa „подъ“, гр. ὑπο, др.-сл. **оу**, при индо-иран. áva (обозначающемъ движеніе сверху внизъ) могутъ представлять нулевую ступень вокализма этого окончанія, которое было бы въ такомъ случаѣ

*-e, *-o (*-ō), нуль, и оказывалось бы совершенно аналогичнымъ окончанію родит.-аблатива *-es, *-os, *-s.

Относительно такихъ предлоговъ, какъ скр. út „внѣ“, зд. us- (изъ *uts), гот. ūt-, us-, др.-сл. **къı-**, или гр. ἐξ „изъ“, лат. ex и др.-сл. **нз, нс**, лит. isz, или гом. πρότι, скр. práti „противъ“, или др.-перс. patiy, дор. ποτι (то же значеніе) — нельзя ничего сказать.

Когда предлоги въ историческомъ развитіи отдѣльныхъ языковъ тѣсно слились съ глаголами, то въ нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ формы, сложныя съ предлогами, выказывали склонность принять значеніе близкое къ значенію основы аориста въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствующія формы безъ предлоговъ имѣли значеніе основъ настоящаго времени; это явленіе особенно часто наблюдается въ славянскомъ, гдѣ, напр. др.-сл. **молити сѧ** переводитъ гр. προσεύχεσθαι, а др.-сл. **помолити сѧ** — гр. προσεύξασθαι; въ другихъ языкахъ это явленіе болѣе или менѣе ограничивается опредѣленными предлогами, въ литовскомъ главнымъ образомъ предлогомъ pa-, въ готскомъ — ga-, въ древне-латинскомъ cum-. Формы безъ предлоговъ (и всѣ имѣющія одинаковое значеніе) называются въ такомъ случаѣ несовершенными (verba imperfectiva); а формы съ предлогами (и всѣ тѣ, которыя, какъ др.-сл. **дати** „δοῦναι“, гот. giban „δοῦναι“, лат. dare, имѣютъ даже и безъ предлога подобное значеніе, ср. стр. 163) называются совершенными (verba perfectiva). Древнегреческій, армянскій и индо-иранскій не имѣютъ примѣровъ такого вліянія предложныхъ приставокъ на значеніе глагола.

Частицы никогда нельзя отождествить съ извѣстными падежными формами. Это часто отдѣльные сонанты иногда съ протезой *a-; таковы:

*ŭ: скр. ŭ, лит. (ba)u, гот. u, и гр. αὖ, гот. au-k „ибо“, лат. au-t.

*r̥: гр. ἀρ, ῥα, ἄρα; лит. ir „и“.

Обыкновенно же это согласный со слѣдующимъ гласнымъ *ĕ/ŏ; можетъ присоединяться сюда и частица, состоящая изъ одного сонанта, и тогда предшествующій гласный можетъ выпадать. Примѣры:

скр. ca „и“, иран. ča, гр. τε, лат. que, гот. -h въ словѣ nih „и не“, ср. лат. ne-que; эта частица, обозначающая „и“,

быть можетъ, первоначально тождественна съ другою частицею, одинаковою съ нею по формѣ, которая является въ группѣ мѣстоименій неопредѣленныхъ и вопросительныхъ: скр. ca въ káçca „кто бы ни“, лат. quisque „каждый“, арм. o-kh „кто-нибудь“, гр. τε во многихъ гомеровскихъ выраженіяхъ. Съ прибавленіемъ второй частицы: лат. qu-om; лат. ƀu-am, арм. kh-an „что“; лит. -k-i.

*wĕ „или“: скр. vā, зд. vā, гр. (F)ε въ гом. ἠ-έ „или“, лат. ue.

скр. gha и ha, др.-сл. го (въ не-го „какъ“) и же, гр. -θε въ εἴ-θε, αἴ-θε; съ прибавленіемъ другихъ частицъ: лит. -g-i, др.сл. -ж-ь, и лит. g-u.

Отрицаніе изъявительнаго наклоненія: скр. nа, др.-сл. не, лат. ne-(scio), ne-que, гот. ni(h) “и не“ и т. д.; съ другою частицею *ne-i: зд. naē(-čiš), др.-сл. ни(-къто), лит. neī „ни“, лап. nī. Въ одной группѣ языковъ отрицаніе запретительное есть *mé: скр. mā, зд. mā, гр. μή, арм. mi (латинскій языкъ имѣетъ nē). — Отъ отрицанія *ne слѣдуетъ отличать *ne „какъ“: скр. nа и съ частицею *ei лит. néi „какъ“, а также гат. (kas-)nā „кто?“, θессалійское (τό-)νε, лат. (sicci)ne, др.-сл. но; съ прибавленіемъ другихъ частицъ: лат. n-um „развѣ“ и n-am „ибо“. др.-сл. н-ъ и т. д.

гр. κε, лат. (hoc-)ce, гот. (sa-)h „этотъ“, лит. (eīk-)sz „(иди) сюда“.

гр. γε, гот. -k въ (mi-)k „меня“, (au-)k „ибо“.

лат. (quip-)pe „такъ какъ“, лит. (kaī-)p „какъ“; съ прибавленіемъ второй частицы: гр. πε-ρ, лат. (quis-)p-i-am.

русск. э(-тотъ), осск. e(-tauto), умбр. e(-tautu) „tauta“, скр. a-(sáu) „тотъ“, гр. ἐ(-κεῖνος).

Частицы этого рода многочисленны; многія изъ нихъ примыкаютъ къ основамъ указательныхъ, неопредѣленныхъ и др. мѣстоименій; другія стоятъ отдѣльно; онѣ играютъ въ индо-европейскомъ предложеніи важную роль. Очень большое число ихъ неударяемы.

Глава седьмая.

Предложеніе.

Съ точки зрѣнія чисто лингвистической, оставляя въ сторонѣ всякія логическія и психологическія соображенія, предложеніе можетъ быть опредѣлено, какъ группа связанныхъ между собою грамматическими отношеніями артикуляцій, которыя, не завися грамматически ни отъ какой другой группы, довлѣютъ сами себѣ.

Число и природа элементовъ, составляющихъ эту группу, могутъ измѣняться безконечно: одинъ простой звательный падежъ, какъ лат. Aule, употребляемый, чтобы позвать кого-нибудь, или одинъ глаголъ, какъ лат. uenit, употребленный для сообщенія о приходѣ ожидаемаго лица, достаточны для образованія предложенія въ предѣлахъ индо-европейскаго лингвистическаго типа, и съ другой стороны нѣтъ максимума числа элементовъ, которые могутъ заключаться въ предложеніи.

I. Простое предложеніе.

1. Общія замѣчанія.

Индо-европейское предложеніе слагается изъ неопредѣленнаго числа непроницаемыхъ, самостоятельныхъ элементовъ, имѣющихъ каждый свое значеніе, которые мы называемъ словами.

Слова, съ точки зрѣнія фонетической опредѣляются особымъ характеромъ конца слова (см. стр. 112), а съ точки зрѣнія морфологической правилами образованія грамматическихъ формъ. Слова непроницаемы въ томъ смыслѣ, что они не допускаютъ никакихъ вставокъ и никакого перемѣ-

щенія составляющихъ ихъ элементовъ. Сравнимъ греческое λέλοιπας и французское tu as laissé. Французское слово одно, такъ какъ ни одинъ изъ трехъ его элементовъ, которые только по традиціи пишутся отдѣльно, не имѣетъ ни собственнаго смысла, ни отдѣльнаго существованія и, въ особенности tu не существуетъ отдѣльно и независимо отъ глагольной формы; но мы можемъ измѣнить порядокъ элементовъ tu и as для выраженія вопроса as-tu laissé? мы можемъ также вставлять различные элементы между tu и as, между as и tu, напр.: tu l'as laissé, tu ne l'as par laissé, tu as déjà laissé, tu ne l'as pas encore laissé, ne l'as-tu pas laissé? и т. д. Ничего подобнаго въ греческомъ: λέλοιπας остается неизмѣннымъ во всѣхъ предложеніяхъ, гдѣ оно встрѣчается, и не допускаетъ ни вставки постоянныхъ элементовъ, ни перемѣщенія своихъ составныхъ частей.

Кромѣ значенія, выражаемаго основою, измѣненіе слова указываетъ ту роль, которую оно играетъ въ предложеніи; поэтому слово самостоятельно и способно само указать свой смыслъ и свою роль въ рѣчи. Эта полная самостоятельность каждаго слова есть главный фактъ, отъ котораго зависитъ вся структура индо-европейскаго предложенія.

2. Именное и глагольное предложеніе.

Морфологія указываетъ на глубокое различіе двухъ разрядовъ формъ: формъ именныхъ и формъ глагольныхъ. Если предложеніе представляетъ сопоставленіе только двухъ именъ, оно называется именнымъ; если же оно содержитъ глаголъ, или по меньшей мѣрѣ иной глаголъ, нежели „быть“, оно называется глагольнымъ.

Именное предложеніе служитъ для того, чтобы утверждать, что какое-либо качество или состояніе присуще какой-нибудь вещи. Таковы, напримѣръ, гомеровскія предложенія:

A 80: κρείσσων γὰρ βασιλεύς „ибо царь сильнѣе“
A 174: πάρ' ἔμοιγε καὶ ἄλλοι „у меня есть и другіе“

въ др.-перс. manā pitā Vištāspa „мой отецъ Виштаспа“; въ ведич. R. V. II, 1, 2: táva... hotrám „тебѣ (принадлежитъ) жречество“; въ латинскомъ haec admirabilia „это

удивительно“ и т. д. Предложенія подобнаго рода не выражаютъ никакой глагольной идеи, и въ индо-европейскомъ въ нихъ, повидимому, не было глагола въ томъ случаѣ, когда не надо было выражать ни наклоненія, ни лица, ни времени, т. е. тогда, когда глаголъ, еслибы онъ былъ, стоялъ бы въ 3-мъ лицѣ изъявит. наклоненія настоящаго времени. Но такъ какъ наклоненіе, лицо и время обыкновенно не имѣютъ другого выраженія, кромѣ глагольнаго спряженія, то во всѣхъ другихъ случаяхъ нужно было ввести въ предложеніе глаголъ, лишонный собственнаго реальнаго значенія и являющійся только носителемъ спряженія въ цѣляхъ выраженія этихъ различныхъ категорій; такъ напр. мы читаемъ въ древне-персидскомъ: tyaiy paruvam xšāyaθiyā āha „эти цари были прежде“ съ глаголомъ „были“, выражаемымъ словомъ āha, а рядомъ: adam navama „я девятый“, гдѣ 1-ое лицо выражено словомъ adam, а потому глагола „быть“ вовсе нѣтъ; у Гомера мы встрѣчаемъ глаголъ для выраженія повелительнаго наклоненія:

A 144: εἴς δέ τις ἀρχὸς ἀνὴρ βουληφόρος ἔστω

„а одинъ кто-нибудь пусть будетъ начальникомъ и совѣтникомъ“.

По существу именное предложеніе содержитъ два именныхъ члена; но одинъ изъ нихъ, тотъ, который указываетъ, кому принадлежитъ названное въ предложеніи качество, можетъ быть замѣненъ глаголомъ „быть“, формы спряженія котораго достаточно ясно указываетъ, о какомъ лицѣ идетъ рѣчь; такъ напр. у Аристофана Ахарняне 591: ἰσχυρὸς εἶ „ты силенъ“. Единственный случай, когда именное предложеніе можетъ состоять изъ одного только члена, это звательный падежъ, употребляемый для того, чтобы позвать, какъ напр. лат. Aule.

Что касается глагольнаго предложенія, то единственнымъ существеннымъ и постояннымъ его элементомъ является глаголъ; и дѣйствительно, индо-европейскій глаголъ заключаетъ въ себѣ указаніе лица, и числа, и потому оказывается самодовлѣющимъ: лат. ueniō, ueniīs, ueniīmus и т. д. не требуетъ никакого другого слова и могутъ каждое въ отдѣльности составлять предложеніе.

Отдѣльное предложеніе могутъ составлять и такіе гла-

голы, подлежащимъ которыхъ было болѣе или менѣе опредѣленное божество, какъ скр. várṣati, гр. ὕει „дождь идетъ“ (ср. выше стр. 202 и сл.): таково происхожденіе большинства безличныхъ глаголовъ, которые въ индо-европейскомъ языкѣ не имѣютъ выраженнаго подлежащаго.

Глаголъ допускаетъ при себѣ цѣлый рядъ объяснительный словъ при помощи именъ въ различныхъ падежахъ: лат. donum fero „приношу даръ“, tibi placet „тебѣ нравится“, Tusculo proficiscor „отправляюсь изъ Тускула“, или при помощи нарѣчій: лат. heri ueni „я пришелъ вчера“, или, какъ наконецъ, при помощи предложныхъ приставокъ, которыя, мы видѣли (на стр. 158 и сл.), точнѣе опредѣляютъ и глаголъ, и именное дополненіе къ глаголу, и потому примыкаютъ то къ глаголу, то къ имени, принимая въ послѣднемъ случаѣ роль предлоговъ. Всѣ эти объяснительныя слова скопляются въ одномъ и томъ же предложеніи; такъ напр. у Гомера въ предложеніи

А 369: ἐκ δ' ἕλον Ἀτρεΐδῃ Χρυσηΐδα
„а Атриду выбрали Хризеиду“

мы имѣемъ одну предложную приставку и два дополненія.

Объяснительныя слова не управляются глаголомъ. Предлоги представляютъ самостоятельныя слова, которыя могутъ стоять рядомъ съ глаголомъ или съ именемъ, но могутъ и стоять отдѣльно отъ нихъ какъ угодно далеко. Падежъ, въ которомъ стоитъ дополненіе зависитъ вовсе не отъ глагола, а отъ выражаемаго имъ смысла. Возьмемъ, напр., греч. глаголъ κλύω, который всегда и вездѣ значитъ „слышу“; онъ можетъ быть употребленъ независимо, какъ напр. у Эсхила Прометей

ст. 868: κλύειν ἀναλκις μᾶλλον ἢ μιαιφόνος
„слыть скорѣе слабой, чѣмъ преступной“; или съ винит. падежомъ, обозначающимъ то, что слышатъ: ἔκλυον αὐδήν (Гомеръ) „услышали голосъ“, или съ род., показывающимъ источникъ звука: ἔκλυον αὐτοῦ „услышали его“, или съ дат., показывающимъ, къ кому прислушиваются: εὐχομένῳ μοι ἔκλυον (Θеогнидъ) „внимали моей молитвѣ“, см. стр. 294 и сл.; употребленіе винительнаго, родительнаго или дательнаго въ этихъ предложеніяхъ не зависитъ отъ глагола болѣе, чѣмъ употребленіе творительнаго падежа (въ греческомъ не отличается

отъ дательнаго) въ выраженіи οὔασι κλύω „слышу ушами“, или мѣстнаго въ выраженіи οἴκοι κλύω „я слышу дома“. Точно также и предлоги не оказываютъ вліянія на падежъ, въ которомъ ставится имя; они только точнѣе опредѣляютъ значеніе, какъ напр. προς въ примѣрахъ, приведенныхъ на стр. 159. Каждое индо-европейское слово имѣетъ само по себѣ ту форму, какой требуетъ смыслъ, и вовсе не подчиняется требованію другихъ словъ въ предложеніи; самостоятельность слова есть основной принципъ, опредѣляющій структуру индо-европейскаго предложенія.

Именное предложеніе можетъ стоять рядомъ съ глагольнымъ и можетъ сочетаться съ нимъ въ одно предложеніе, одновременно и именное, и глагольное; наприм. лат. uictor uictorum cluet „слыветъ побѣдителемъ побѣдителей“, вед. vr̥ṣā çr̥ṇviṣe „ты называешься мужчиной“, гр. κόλακες ἀκούουσι „они называются льстецами“ и т. д., или гр. ἤριπε πρηνής „упалъ ничкомъ“, др.-сл. **паде ниць**, лат. praeceps cadit „падаетъ внизъ головою“ и т. д. Приложенія подобнаго рода могутъ быть связаны между собою менѣе тѣсно, какъ напр. въ слѣдующемъ предложеніи у Гомера:

A 43: ὣς ἔφατ' εὐχόμενος „такъ онъ сказалъ, молясь“

или могутъ указывать лишь второстепенное обстоятельство, какъ напр. у Гомера

A 424: χθιζὸς ἔβη κατὰ δαῖτα „вчера онъ ушелъ на пиръ“.

Въ этихъ то именно предложеніяхъ, одновременно и именныхъ и глагольныхъ, глаголъ *es-, который собственно значитъ „существовать, быть“, принялъ указанную выше роль простой связки.

Именное предложеніе можетъ сочетаться съ глагольнымъ еще и инымъ способомъ, когда одна изъ составныхъ частей глагольнаго предложенія является дополненіемъ, какъ напр. лат. creat aliquem consulem „избираетъ кого-нибудь, консуломъ“ гр. τὸν Μῆδον ἴσμεν ἐλθόντα „мы знаемъ, что Мидіецъ пришелъ“, скр. hatám vr̥trám vidma „мы знаемъ, что Вритра убитъ“.

Такимъ образомъ существуетъ большое разнообразіе типовъ предложеній: чисто именное предложеніе или сопровождаемое глаголомъ „быть“, чисто глагольное предложеніе

или сопровождаемое различными дополненіями, предложеніе именное и глагольное одновременно, при чемъ именной элементъ примыкаетъ либо къ глаголу, либо къ дополненію.

Когда является необходимость подчеркнуть лицо, выражаемое глаголомъ, или ввести лицо, которое глаголъ не можетъ выразить, или назвать вещь, которую необходимо отмѣтить, то предложеніе получаетъ вторую группу членовъ, примыкающихъ къ глаголу и къ его объяснительнымъ словамъ, группу „подлежащаго“; такъ у Гомера:

А 180: σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω „тебѣ я не препятствую“
А 178: θεός που σοί τόγ' ἔδωκεν „богъ, видно, далъ тебѣ это“
А 317: κνίση δ' οὐρανὸν ἶκε „запахъ ушелъ въ небо“

Личное мѣстоименіе, какъ гр. ἐγώ, имѣетъ въ индо-европейскомъ языкѣ значеніе отдѣльнаго слова, объяснительнаго слова, какъ фр. moi, а не простого глагольнаго опредѣлителя, какъ фр. je.

Каждое имя, въ какомъ бы употребленіи оно ни встрѣчалось въ именномъ или въ глагольномъ предложеніи, можетъ, какъ и глаголъ, имѣть при себѣ различныя объяснительныя слова; такъ (беремъ примѣры у Гомера) оно имѣетъ при себѣ существительное въ род. п.:

А 9: Διὸς υἱός „сынъ Зевса“;

прилагательное или указательное мѣстоименіе:

А 7: δῖος Ἀχιλλεύς „божественный Ахиллъ“
А 11: τὸν Χρύσην „того Хриса“

существительное, какъ приложеніе (которое можетъ въ свою очередь быть опредѣлено другимъ существительнымъ или прилагательнымъ):

А 7: Ἀτρεΐδης τε (F)άναξ ἀνδρῶν „Атридъ, царь людей“

числительное:

А 309: ἐρέτας ἔκρινεν εἰκοσιν „выбралъ двадцать гребцовъ“

Прилагательныя также допускаютъ при себѣ объяснительныя слова:

А 215: πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς „(быстрый ногами =) быстроногій Ахиллъ“
А 122: φιλοκτεανώτατε πάντων „самый любостяжательный изъ всѣхъ“
А 107: φίλα φρεσί „любезное сердцу“

A 114: οὐ ϝέθεν ἐστι χερείων | οὐ δέμας οὐδὲ φυήν „нѣтъ хуже его ни по виду, ни по характеру“

Эти различныя объяснительныя слова могутъ накопляться вокругъ одного и того же слова и каждое изъ словъ предложенія можетъ ихъ получить, такъ что сложность индоевропейскаго предложенія не имѣетъ никакой опредѣленной границы:

A 101: τοῖσι δ' ἀνέστη
ἥρως Ἀτρείδης εὐρυκρείων Ἀγαμέμνων
ἀχνύμενος

„среди нихъ всталъ герой Атридъ, широко властвующій Агамемнонъ, гнѣвающійся“.

A 315: ϝέρδον δ' Ἀπόλλωνι τελήεσσας ἑκατόμβας
ταύρων ἠδ' αἰγῶν παρὰ θῖν' ἁλὸς ἀτρυγέτοιο

„приносили Аполлону чистыя гекатомбы быковъ и козъ на берегу безплоднаго моря“.

A 481: ἀμφὶ δὲ κῦμα
στείρῃ πορφύρεον μεγάλ' ἴαχε νηὸς ἰούσης

„по обѣ стороны киля плывущаго корабля сильно шумѣла темная волна“.

Наконецъ, элементовъ предложенія каждаго вида можетъ быть нѣсколько: въ предложеніи можетъ быть два или нѣсколько подлежащихъ, два или нѣсколько дополненій каждаго рода, два или нѣсколько прилагательныхъ (лат. Iuppiter optimus maximus); въ такомъ случаѣ два элемента, играющіе одинаковую роль, могутъ быть соединены неударяемыми частицами „и“, „или“, „какъ“ и т. д.

Слово, обозначающее „и“ — скр. ca, гр. τε, лат. que; оно присоединяется либо къ первому слову каждой изъ группъ, которыя онъ соединяетъ, либо къ первому слову каждой группы, кромѣ первой:

A 70: ϝείδη τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα

„зналъ и настоящее, и будущее, и прошедшее“.

Θ 49: ἐνθ' ἵππους ἔστησε πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε

„тамъ поставилъ лошадей отецъ людей и боговъ“.

A 4: αὐτοὺς δὲ ϝελώρια τεῦχε κύνεσσιν
οἰωνοῖσί τε πᾶσι

„а самихъ сдѣлалъ добычею собакъ и всѣхъ хищныхъ птицъ“.

A 156: μάλα πολλὰ μεταξύ
οὔρεά τε σκιόεντα θάλασσά τε (F)ηχήεσσα

„много въ промежуткѣ тѣнистыхъ горъ и шумнаго моря!“

Слово, обозначающее „или“ — скр. vā, гр. -(F)ε, лат. ue; оно употребляется совершенно такъ же, какъ и предыдущее:

лат. dei hominesue или deiue hominesue „люди или боги“.

R. V. I, 108, 7: brahmáṇi rājani vā

„у брахмана или у царя“

R. V. I, 6, 10: itó vā sātím ímahe
divó vā pārthivād ádhi
índraṃ mahó vā rájasaḥ

„мы молимъ (ímahe) Индру о милости (sātím) либо отсюда, либо съ земного неба, либо изъ великаго пространства“.

Мы видимъ, насколько разнообразно индо-европейское предложеніе. Это впечатлѣніе подтвердитъ чтеніе любой страницы ведическаго или древне-греческаго текста.

3. Согласованіе.

Хотя каждое слово въ предложеніи вполнѣ самостоятельно, однако связь между этими словами отличается извѣстными соотвѣтствіями формы.

Въ глагольномъ предложеніи согласованіе между глаголомъ и примыкающимъ къ нему именемъ, которое мы называемъ подлежащимъ, существуетъ только въ одной категоріи, именно въ категоріи числа, такъ какъ она одна обща и имени, и глаголу, и такъ какъ индо-европейскій глаголъ не имѣетъ рода; и это согласованіе не является результатомъ управленія одного элемента другимъ, какъ будто подлежащее опредѣляетъ число глагола, но вытекаетъ только изъ того, что категорія единства, двойственности и множественности одинакова для имени и для глагола. Если мы читаемъ у Гомера τὼ ... ἀνστήτην, οἱ ... πένοντο, ὁ ... προσέειπε, то это не значитъ, что τώ, οἱ, ὁ требуютъ двойственнаго, множественнаго, единственнаго числа, но мы имѣемъ τώ и ἀνστήντην, потому что рѣчь идетъ о двухъ лицахъ, οἱ и πένοντο, потому что рѣчь идетъ о многихъ, ὁ и προσέειπε, потому что рѣчь

идетъ объ одномъ. Двойственное число употребляется и тогда, когда рѣчь идетъ о двухъ лицахъ названныхъ отдѣльно, напр. двойственное число въ ведическомъ:

R. V. IV, 51, 11: tád dyaúç ca dhattām pr̥thiví ca devî

„да сотворятъ это небо и богиня земля“.

Если рѣчь идетъ о двухъ или нѣсколькихъ вещахъ, то возможно и единственное число:

Z 328: αὐτή τε πτόλεμός τε
(F)άστυ τόδ' ἀμφιδεδηε

„крикъ и война разгорѣлись вокругъ этого города“.

То же самое мы встрѣчаемъ, когда рѣчь идетъ о совокупности предметовъ, обозначенной собирательнымъ именемъ средняго рода, замѣняющимъ именительный множественнаго средняго рода (ср. стр. 245), откуда правило τὰ ζῷα τρέχει.

Въ сущности согласованіе существуетъ только между двумя именами либо въ случаѣ именного предложенія или именного и глагольнаго вмѣстѣ, либо въ томъ случаѣ, когда одно имя поясняетъ другое или въ качествѣ приложенія, или въ качествѣ опредѣленія.

Въ именномъ предложеніи бываетъ или не бываетъ согласованіе, смотря по смыслу, который нужно выразить. Согласованіе въ числѣ, падежѣ и родѣ является правиломъ въ такихъ предложеніяхъ, какъ слѣдующее:

Γ 56: ἀλλὰ μάλα Τρῶες δειδήμονες

„но Троянцы очень трусливы“. Согласованіе въ падежѣ существенно въ типѣ лат. aliquem facio heredem „дѣлаю кого либо наслѣдникомъ“. Съ другой стороны никакого согласованія не бываетъ, если имя сказуемаго должно стоять не въ томъ падежѣ, въ какомъ стоитъ другое имя:

A 63: ὄναρ ἐκ Διός ἐστιν „сонъ — отъ Зевса“.

R. V. I, 4, 6: syāmēd índrasya çármaṇi „будемъ подъ защитою Индры“.

И согласованіе въ падежѣ можетъ быть только въ такихъ предложеніяхъ, какъ слѣдующее:

Γ 178: οὗτός γ' Ἀτρείδης, εὐρυκρείων Ἀγαμέμνων,
ἀμφότερον, βασιλεύς τ' ἀγαθὸς κρατερός τ' αἰχμητής

„этотъ Атридъ, широко властвующій Агамемнонъ (предста-

вляетъ изъ себя) и то и другое, хорошій царь и сильный копейщикъ".

Въ приложеніи, согласованіе въ падежѣ необходимо, но родъ и число могутъ и не совпадать, какъ напр. въ слѣдующемъ стихѣ:

Κρατῆρές εἰσι, ἀνδρὸς ἐύχειρος τέχνη

„Кратеры, работа ловкаго ремесленника".

Только прилагательное, какъ опредѣленіе, непремѣнно согласуется въ числѣ, падежѣ и родѣ съ опредѣляемымъ существительнымъ. На стр. 238 и сл. мы видѣли, что только прилагательное или указательное мѣстоименіе дѣлаетъ различіе между мужескимъ и среднимъ родомъ съ одной стороны и женскимъ съ другой. Слово, съ которымъ бы никогда не соединялось прилагательное или какое-либо указательное мѣстоименіе, не имѣло бы никакого признака мужескаго, женскаго или средняго рода. Здѣсь согласованіе является постояннымъ правиломъ, и оно указываетъ, какое имя опредѣляется даннымъ прилагательнымъ; такъ напр.

Γ 200: πολύμητις Ὀδυσσεύς,
ὃς τράφη ἐν δήμῳ Ἰθάκης, κραναῆς περ ἐούσης,
(F)ειδὼς παντοίους τε δόλους καὶ μήδεα πυκνά

„многоумный Одиссей, который возросъ въ народѣ (острова) Итаки, очень каменистой, знающій разныя хитрости и мудрые совѣты".

Здѣсь имен. п. ед. ч. муж. р. πολύμητις относится къ Ὀδυσσεύς, а Fειδώς къ ὅς (которое указываетъ на Ὀδυσσεύς), родительные падежи ед. ч. жен. р. ἐούσης и κραναῆς относятся къ Ἰθάκης, и винит. п. мн. ч. ср. р. πυκνά — къ μήδεα.

Эти виды согласованія, въ одномъ случаѣ частичнаго, въ другомъ — полнаго, являются главнымъ средствомъ расчлененія индо-европейскаго предложенія.

4. Порядокъ словъ и употребленіе ударенія.

Отношенія между различными частями предложенія въ достаточной мѣрѣ обозначались формами склоненія и согласованіемъ; поэтому порядокъ словъ, обозначающій эти отношенія въ большей части новыхъ европейскихъ языковъ, не могъ играть этой роли; слова разставлялись такъ или иначе

въ цѣляхъ привлеченія вниманія на наиболѣе существенныя части предложенія. Такимъ образомъ порядокъ словъ имѣлъ значеніе выразительности, и не имѣлъ синтаксическаго значенія; онъ относился къ области реторики, а не къ области грамматики.

Ниодно слово въ предложеніи не имѣетъ опредѣленнаго и постояннаго мѣста, такъ напр. у Гомера въ предложеніи

A 207: ἦλθον ἐγὼ παύσουσα τὸ σὸν μένος

„пришла я укротить твой гнѣвъ“ глаголъ ἦλθον стоитъ въ началѣ предложенія, такъ какъ Аѳина подчеркиваетъ свой приходъ; а въ слѣдующемъ же предложеніи въ началѣ стоитъ предложная приставка:

A 208: πρὸ δέ μ' ἧκε θεὰ λευκώλενος Ἥρη

„а прислала меня бѣлолокотная богиня Гера“ — причина та же; далѣе Аѳина запрещаетъ Ахиллу обнажать мечь:

A 210: μηδὲ ξίφος ἕλκεο χειρί

„а меча не обнажай рукою“ — здѣсь подчеркивается дополненіе ξίφος; а далѣе она говоритъ:

A 212: τὸ δὲ καὶ τετελεσμένον ἔσται

„и вотъ что совершится“ — здѣсь „подлежащее“ τό выдвинуто на первое мѣсто.

Слова, соединенныя по смыслу, могутъ стоять отдѣльно, какъ напр. у Платона Федонъ 178, c:

μεγίστων ἀγαθῶν ἡμῖν αἴτιός ἐστιν „виновникъ величайшихъ благъ для насъ“, гдѣ главныя слова μεγίστων ἀγαθῶν поставлены въ началѣ передъ ἡμῖν, которое важно по своему значенію, между тѣмъ какъ αἴτιός ἐστιν поставлено въ концѣ; и, еще рѣзче, тамъ же 184, b:

μία δὴ λείπεται τῷ ἡμετέρῳ νόμῳ ὁδός „одна остается нашему закону дорога“, гдѣ прилагательное μία отдѣлено отъ существительнаго ὁδός всѣми остальными словами предложенія. Но это не обычное употребленіе, а слова, взаимно другъ друга поясняющія, обыкновенно ставятся рядомъ.

Когда нѣсколько словъ составляютъ такимъ образомъ группу, довольно часто опредѣляющее слово ставится передъ опредѣляемымъ: лат. trēs hominēs „три человѣка“, гр. ἀγαθὸς ἀνήρ „хорошій человѣкъ“, скр. devānāṃ dik „страна боговъ“ и т. д. Измѣняя этотъ наиболѣе обычный порядокъ,

обращаютъ вниманіе на опредѣленіе; такъ лат. hominēs trēs скорѣе значитъ „люди числомъ три“, нежели „три человѣка“.

Вслѣдъ за первымъ словомъ предложенія сначала идутъ частицы и неопредѣленныя мѣстоименія неударяемыя или ударяемыя и далѣе энклитическія личныя мѣстоименія: эти второстепенныя слова вставляются даже между главными словами, естественно связанными по смыслу; такъ напр. у Гомера:

Α 104: ὄσσε δέ ϝοι πυρὶ λαμπετόωντι ϝείκτην

„а глаза у него были похожи на пылающій огонь“

Α 106: οὔ πώ ποτέ μοι τὸ κρήγυον εἶπες

„никогда еще ты мнѣ не говорилъ пріятнаго“

Α 150: πῶς τίς τοι πρόφρων ϝέπεσιν πείθηται Ἀχαιῶν

„неужели какой-нибудь благоразумный Ахеецъ станетъ слушаться твоихъ словъ“ (группы связанныя смысломъ Ἀχαιῶν τις „кто-нибудь изъ Ахейцевъ“ и ϝέπεσίν τοι „твоимъ словамъ“).

Большинство словъ въ предложеніи могло быть либо ударяемымъ, либо неударяемымъ. На стр. 125 мы имѣли случай встрѣтиться съ однимъ ведическимъ стихомъ, въ которомъ одно только первое слово имѣетъ удареніе, а всѣ остальныя — неударяемыя.

Вопросъ о томъ, когда слово ударяемо и когда неударяемо, возникаетъ главнымъ образомъ относительно глагола: когда глаголъ стоитъ въ началѣ предложенія, онъ всегда имѣетъ удареніе; внутри предложенія въ санскритѣ онъ вообщее не имѣетъ ударенія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, которые здѣсь не мѣсто излагать, такъ какъ санскритскія правила не находятъ себѣ соотвѣтствій ни въ одномъ другомъ языкѣ); эта противуположность сохранилась и въ греческомъ въ одномъ случаѣ: ἔστι въ значеніи „существуетъ“, стоя въ началѣ предложенія, имѣетъ удареніе; ἐστι, какъ связка, — неударяемо; съ другой стороны постоянное мѣсто ударенія въ большинствѣ личныхъ формъ греческаго глагола прекрасно объясняется тѣмъ, что эти формы въ индоевропейскомъ часто были неударяемы.

Когда два слова, связанныя по смыслу, стояли въ предложеніи рядомъ, то часто случалось, что только одно изъ нихъ имѣло удареніе, а другое было неударяемо. Это особенно ясно въ случаѣ соединенія предложной приставки съ глаголомъ: въ санскритскомъ если глаголъ bhárati имѣетъ

удареніе, то предлогъ, непосредственно ему предшествующій не имѣетъ удареніе: pra bhárati; если же глаголъ неударяемъ, то предшествующій предлогъ имѣетъ удареніе: prá bharati. Въ греческомъ предлогъ, опредѣляющій глаголъ всегда неударяемъ, предшествуетъ ли онъ непосредственно глаголу или отдѣленъ отъ него; если въ такомъ случаѣ, какъ συμπρόες, предлогъ имѣетъ удареніе, то это потому, что онъ получаетъ энклитическое удареніе, какъ на это указываетъ ἀπόδος (а не *ἄποδος); слѣдовательно между санскритомъ и греческимъ есть несоотвѣтствіе. Если предлогъ предшествуетъ имени, съ которымъ онъ связанъ по смыслу, то онъ всегда неударяемъ и составляетъ одну группу со слѣдующимъ именемъ: ἀπὸ ποταμοῦ (тяжелое удареніе указываетъ на отсутствіе повышенія голоса) при ποταμοῦ ἄπο, гдѣ ἄπο есть ударяемая форма. Въ славянскомъ языкѣ, наоборотъ, часто случается, что предлогъ имѣетъ удареніе, а имя остается безъ ударенія: русск. на́ берегъ, по́ морю, и нѣкоторыя постоянныя соединенія въ греческомъ, какъ διάπεντε и ὑπέρμορον, показываютъ, что подобное употребленіе не было чуждо и греческому языку въ очень древнее время.

Сохранившіеся примѣры сочетанія двухъ словъ менѣе многочисленны и менѣе ясны; но замѣчательно, что скр. dvá-daça, гр. δώ-δεκα „двѣнадцать“, дословно „два-десять“, имѣютъ только одно удареніе на первомъ изъ двухъ сопоставляемыхъ словъ; то же мы видимъ и въ гр. Νεάπολις, κυνόσουρα и т. д.; ведическій языкъ имѣетъ рядомъ и jás-pátiḥ „глава семейства“ — съ удареніемъ на обоихъ словахъ и jás-patiḥ съ удареніемъ только на первомъ словѣ. Такое указательное мѣстоименіе, которое часто имѣетъ удареніе, какъ скр. род. п. asyá или славянское относительное мѣстоименіе **и-(же)**, бываетъ энклитикою и не имѣетъ ударенія въ томъ случаѣ, если оно имѣетъ анафорическое значеніе: скр. род. ед. ч. asya, др.-сл. **и**, напр. въ др.-сл. **видитъ и**.

Принципъ, слѣдовательно, имѣетъ всеобщее значеніе. Примѣры съ достаточною ясностью показываютъ, что удареніе не вызываетъ привлеченія вниманія къ тому слову, на которомъ оно стоитъ: существеннымъ фактомъ является то, что одна группа словъ имѣетъ одно повышеніе голоса, а не два.

Слово неударяемое не есть вслѣдствіе этого непремѣнно энклитика. Энклиза состоитъ въ томъ, что слово въ произ-

ношеніи такъ примыкаетъ къ предшествующему слову, что конецъ слова оказывается только одинъ; энклитики, по только что изложенному принципу, не имѣютъ ударенія, если предшествующее слово — ударяемо; но всѣ неударяемыя слова не суть энклитики: неударяемые глаголы санскрита не примыкаютъ такъ тѣсно къ предшествующему слову, и въ греческомъ языкѣ неударяемое φημι можетъ даже начинать предложеніе; греческіе предлоги, которые всегда неударяемы, за исключеніемъ того случая, когда они получаютъ энклитическое удареніе, какъ въ словѣ ἀπόδος, не примыкаютъ ни къ какому слову, ни къ предшествующему, ни къ послѣдующему; неударяемое слово ἀλλὰ можетъ также начинать предложеніе. Въ индо-европейскомъ языкѣ было лишь ограниченное число энклитикъ, односложныхъ или самое большее двусложныхъ; напримѣръ, скр. частица ca, зд. ča, гр. τε, лат. que, гот. -h; неопредѣленное мѣстоименіе гр. τις, лат. quis (въ nē quis, sī quis и т. д.) и т. д.; такія мѣстоименія, какъ скр. me, гр. μοι, лит. mi, и т. д. Нѣтъ никакихъ указаній на существованіе проклитикъ, т. е. второстепенныхъ неударяемыхъ словъ, примыкающихъ къ слѣдующему слову такъ, что проклитика не имѣетъ собственно фонетическаго конца слова. Такимъ образомъ неударяемыя слова, за исключеніемъ особаго случая энклизы, сохраняли свою полную фонетическую и морфологическую самостоятельность.

Грамматическая свобода расположенія главныхъ словъ въ предложеніи, постановка частицъ, неопредѣленныхъ и неударяемыхъ мѣстоименій послѣ перваго слова предложенія и употребленіе неударяемыхъ или ударяемыхъ формъ для указанія болѣе или менѣе тѣснаго соединенія примыкающихъ другъ къ другу словъ — эти явленія составляютъ наиболѣе характерныя черты индо-европейскаго языка. Они являются результатомъ морфологической структуры языка и природы музыкальнаго ударенія, которое существенно отличается отъ экспираторнаго ударенія новыхъ европейскихъ языковъ; лишь только морфологическая структура и природа ударенія измѣнились, эти характерныя черты сгладились, и мы, пожалуй, можемъ измѣрять степень сохраненія индо-европейскаго типа въ языкѣ тѣмъ, насколько сохранились въ немъ эти, указанныя здѣсь черты. Романскіе и германскіе языки съ ихъ неподвижнымъ порядкомъ словъ, не имѣютъ почти ни-

чего индо-европейскаго въ общемъ строѣ своего предложенія; наоборотъ, балтійскіе и славянскіе языки со своимъ болѣе свободнымъ порядкомъ словъ, съ постановкою энклитикъ послѣ перваго слова въ предложеніи, съ чередованіемъ ударяемыхъ и неударяемыхъ формъ, сохранили наибольшее число пережитковъ индо-европейскаго типа.

5. Предложенія отрицательныя и вопросительныя.

Нѣтъ никакихъ указаній на то, что бы вопросительныя и отрицательныя предложенія подчинялись особымъ правиламъ и имѣли свой особый характеръ.

Отрицательное предложеніе отличается однимъ только отрицаніемъ *ne (скр. ná, др.-сл. не и т. д.): лат. ne-scio „не знаю“, лит. àsz nègeriu „я не пью“; скр.:

R. V. I, 81, 5: ná tvāvān indra káç ca ná
ná jātó ná janiṣyate

„подобный тебѣ, о Индра, никто не родился и не родится“, или отрицаніемъ *mē въ запрещеніяхъ въ греческомъ, въ армянскомъ и въ индо-иранскомъ, въ греческомъ и армянскомъ съ повелительнымъ наклоненіемъ, гр. μὴ φέρε, арм. mi berer „не носи“, въ санскритѣ съ сослагательнымъ или съ такъ называемымъ инъюнктивомъ: mā bharaḥ.

Вопросительное предложеніе характеризуется только интонаціей, напримѣръ:

E 872: Ζεῦ πάτερ, οὐ νεμεσίζῃ ὁρῶν τάδε καρτερὰ (F)έργα;

„Зевсъ отецъ! (неужели) ты не гнѣваешься, видя эти насилія?“

Основа вопросительнаго мѣстоименія (гр. τίς, лат. quis и т. д.) ничѣмъ не отличается отъ основы неопредѣленнаго мѣстоименія; τίς ἔβη; представляетъ выраженіе, которое первоначально, безъ сомнѣнія, обозначало „кто-то пришелъ?“; но затѣмъ установилось то различіе, что вопросительное мѣстоименіе имѣетъ удареніе (гр. τίς, никогда не имѣетъ тяжелаго ударенія), а неопредѣленное его не имѣетъ (гр. τις, всегда неударяемо), такъ что въ тѣхъ случаяхъ, когда основа неопредѣленно-вопросительнаго мѣстоименія является въ своей ударяемой формѣ, вопросъ имѣетъ свое особое выраженіе; однако скр. káḥ остается ударяемымъ даже въ неопредѣленномъ смыслѣ.

II. Соединеніе нѣсколькихъ предложеній.

Нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія въ индо-европейскомъ языкѣ какой-либо частицы, служащей для соединенія двухъ предложеній. Въ огромномъ числѣ случаевъ, повидимому въ большинствѣ, а можетъ быть и во всѣхъ случаяхъ предложенія только ставились рядомъ, какъ напр., въ извѣстномъ цезаревскомъ выраженіи ueni, uidi, uici или въ слѣдующихъ двухъ стихахъ Гомера:

A 106: μάντι κακῶν, οὔ πώ ποτέ μοι τὸ κρήγυον εἶπες
αἰεί τοι τὰ κάκ' ἐστὶ φίλα φρεσὶ μαντεύεσθαι

„предсказатель зла! еще никогда ты не сказалъ мнѣ пріятнаго, всегда тебѣ пріятно предсказывать несчастія".

Частицы, которыя въ историческій періодъ языковъ, обозначаютъ переходъ отъ одного предложенія къ другому, въ болѣе древнее время играли ту роль, что обращали вниманіе на отдѣльное слово; но такъ какъ это слово стояло въ началѣ предложенія, какъ мы это видѣли выше (стр. 310 сл.), а вслѣдъ за нимъ стояла частица, то казалось, будто частица указываетъ на переходъ отъ одного предложенія къ другому. Такъ, гр. частица δε подчеркивала предшествующее слово, и это значеніе ясно видно въ указательномъ мѣстоименіи ὅ-δε, ἥ-δε, или въ такихъ предложеніяхъ, какъ слѣдующее:

A 15: λίσσετο πάντας Ἀχαιούς,
Ἀτρείδα δὲ μάλιστα δύω, κοσμήτορε λαῶν

„молилъ всѣхъ Ахейцевъ, а больше всего двухъ Атридовъ, правителей народовъ";

но уже въ гомеровскую эпоху это же ударяемое δέ играетъ главнымъ образомъ роль частицы, противупоставляющей одно предложеніе другому. Гр. -χι въ словахъ οὐ-χι, μήχι, ναίχι только подчеркиваетъ οὐ, μή, ναί точно такъ же, какъ и соотвѣтствующее скр. hí (всегда ударяемое) обыкновенно значитъ „ибо":

Во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ возможно, что употребленіе скр. ca, гр. τε, лат. que, гот. -h, или лат. ue, скр. vā для соединенія предложеній восходитъ къ индоевропейскому языку. Нѣтъ существеннаго различія между

соединеніемъ нѣсколькихъ словъ или группъ словъ внутри предложенія и соединеніемъ двухъ различныхъ предложеній; и дѣйствительно, два различныхъ предложенія могутъ имѣть общія слова; такъ напр. у Гомера:

A 108: ἐσθλὸν δ' οὔτε τί πω (F)εῖπες (F)έπος οὔτ' ἐτέλεσσας

„добраго ты еще никогда ни слова не говорилъ, ни (дѣла не) дѣлалъ". Съ другой стороны соединеніе двухъ словъ можетъ служить въ то же время и соединеніемъ двухъ предложеній; такъ напр.:

A 37: Χρύσην ἀμφιβέβηκας
Κίλλάν τε ζαθέην Τενέδοιό τε (F)ῖφι (F)ανάσσεις

„хранишь Хризу и священную Киллу и мощно властвуешь надъ Тенедосомъ".

Надъ этими фактами, не представляющими ничего особеннаго, нѣтъ надобности долѣе останавливаться.

Гораздо важнѣе вопросъ, въ какой мѣрѣ придаточныя предложенія восходятъ къ индо-европейскому языку.

Много такого, что въ современныхъ языкахъ выражается при помощи придаточныхъ предложеній, могло въ индо-европейскомъ языкѣ выражаться въ предѣлахъ того же предложенія при помощи различныхъ именныхъ формъ. И дѣйствительно, съ одной стороны, каждая глагольная основа на ряду съ личными формами имѣла и прилагательное, которое называютъ причастіемъ: это причастіе есть форма именная, но оно допускаетъ при себѣ тѣ же дополненія, что и личныя формы той основы, къ которой оно принадлежитъ; съ другой стороны, корни, къ которымъ принадлежатъ глаголы, не отыменные, образуютъ въ то же время и имена, которыя, смотря по ихъ природѣ, имѣютъ значенія, близкія къ значенію глагола; наконецъ, эти самыя имена могутъ входить, какъ составныя части, въ сложныя слова. Благодаря этимъ тремъ обстоятельствамъ не было нужды прибѣгать къ придаточнымъ предложеніямъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ, гдѣ большинство новыхъ индо-европейскихъ языковъ, особенно французскій, къ нимъ прибѣгаетъ. Нѣсколько примѣровъ пояснятъ дѣло.

Значеніе причастія въ самыхъ древнихъ текстахъ индо-европейскихъ языковъ громадно. Причастіе, какъ и всякое

прилагательное можетъ относиться къ какому угодно члену предложенія; къ „подлежащему“:

A 44: βῆ δὲ κατ' Οὐλύμποιο καρήνων χωόμενος κῆρ

„сошелъ съ вершинъ Олимпа, гнѣваясь сердцемъ“;

къ дополненію глагола (которое не должно непремѣнно быть выражено):

A 56: κήδετο γὰρ Δαναῶν ὅτι ῥα θνήσκοντας ὁρᾶτο

„ибо (она) жалѣла Данайцевъ, потому что видѣла, что они умираютъ“;

къ дополненію имени:

A 46: ἔκλαγξαν δ' ἄρ' ὀιστοὶ ἐπ' ὤμων χωομένοιο
αὐτοῦ κινηθέντος

„зазвучали стрѣлы у него, разгнѣваннаго, на плечахъ, когда онъ двинулся“.

Причастіе можетъ служить вторымъ элементомъ именнаго предложенія, комбинированнаго съ глагольнымъ, какъ въ скр. stāyán manyate „онъ думаетъ, что скрывается“ и др.-слав. **тыи сѧ мьнитъ** „думаетъ, что скрывается“. Благодаря свободѣ разстановки словъ, причастіе очень удобно въ разсказѣ: скр. (Çat. Brāh. I, 8, 1, 1) tasyāvanénijānasya (читай tásya avanénijānasya) mátsyaḥ pāṇí ā́ pede „въ то время какъ онъ мылся, рыба упала ему въ руки“, буквально: „въ руки его моющагося рыба упала“. Оно удобно также для подчеркиванія противуположности; такъ напр. въ ведическомъ

R. V. VIII, 14, 8: úd gā́ ājad áṅgirobhya
āvíṣ kr̥ṇván gúhā satíḥ

„онъ выгналъ коровъ для Ангирасовъ, открывая бывшихъ скрытыми“. Нужно было бы слишкомъ увеличить число примѣровъ, чтобы дать представленіе обо всемъ томъ, что могутъ выражать причастія, и о крайнемъ разнообразіи ихъ употребленія.

Если древніе тексты позволяютъ составить себѣ точное представленіе о роли причастій, то нельзя того же сказать объ употребленіи первичныхъ именъ; ниодинъ языкъ не сохранилъ свободнаго употребленія именъ съ нулевымъ суффиксомъ и другихъ первичныхъ именъ, непосредственно связанныхъ съ корнями. Во всякомъ случаѣ ведическіе тексты

позволяютъ еще подмѣтить нѣкоторыя особенности этого употребленія. Возьмемъ, какъ примѣръ,

R. V, VIII, 65, 3: ā́ tvā gīrbhír maháṁ urúṃ
huvé gā́m iva bhójase
índra sómasya pītáye

т. е. дословно, сохраняя въ общемъ тотъ же порядокъ словъ:

„пѣснопѣніями тебя, великаго, сильнаго,
я призываю, какъ корову на кормленіе
о Индра, пить сому".

Это предложеніе содержитъ три первичныхъ глагольныхъ имени: gīrbhíḥ — твор. п. мн. ч. отъ gir- „пѣснопѣніе", ср. járate, gṛṇā́ti „поетъ, прославляетъ", лит. giriù „хвалю"; bhójase — дат. пад. ед. ч. отъ bhójas- „пользованіе, наслажденіе", ср. глаголъ съ носовымъ инфиксомъ bhuṅkté „пользуется", pītáye — дат. пад. ед. ч. отъ pītay- „питье", ср. гр. πίνω „пью". Одинъ только индо-иранскій діалектъ изъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ представляетъ еще въ историческое время такое употребленіе первичныхъ именъ.

Во всѣхъ другихъ языкахъ нѣкоторыя изъ этихъ формъ примкнули къ глаголамъ; въ однихъ языкахъ, какъ въ древне-ирландскомъ, онѣ сохранили почти чисто именный характеръ. Вообще же онѣ примкнули къ глагольнымъ основамъ и образовали неопредѣленныя наклоненія (см. стр. 236). Въ западно-германскомъ и въ особенности въ армянскомъ неопредѣленное наклоненіе еще склоняется. Въ греческомъ и латинскомъ каждая глагольная основа получила свое неопредѣленное наклоненіе; -μεν (въ δόμεν) есть мѣстный падежъ основы на *-men-; ср. скр. дат. п. ед. ч. dā́mane къ основѣ dā́man- „даваніе"; лат. -se (происшедшее изъ *-si) въ формахъ es-se, lege-re, lēgis-se и т. д. есть мѣстный падежъ основы на *-s-. Въ славянскомъ -ти, напр. въ пи-ти есть дательный пад. ед. ч. основы на *-t-, и въ литовскомъ -ti, напр. въ gér-ti „пить" — есть мѣстный падежъ того же рода основъ. Неопредѣленное наклоненіе, форма котораго въ каждомъ языкѣ является результатомъ позднѣйшаго развитія, до нѣкоторой мѣры играетъ роль древнихъ первичныхъ именъ, но менѣе свободно и съ болѣе или менѣе глагольнымъ характеромъ.

Наконецъ, достаточно привести нѣсколько гомеровскихъ

примѣровъ, чтобы показать, какъ сложныя слова даютъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ избѣгать придаточныхъ предложеній:

A 231: δημοβόρος βασιλεύς „царь, который пожираетъ свой народъ“

A 247: Νέστωρ
ʻ(F)ηδυ(F)επής

„Несторъ, который имѣетъ сладкія слова“, „Несторъ сладкорѣчивый“. Точно также φθῑσίμβροτος „котоый истребляетъ людей“ и т. д. Въ этихъ случаяхъ, сверхъ того, то обстоятельство, что первичныя индо-европейскія имена тѣсно ассоціируются съ глаголами, принадлежащими къ тѣмъ же корнямъ, облегчаетъ употребленіе именныхъ формъ со значеніемъ, почти совершенно глагольнымъ.

Съ другой стороны, указательное мѣстоименіе, поставленное въ началѣ предложенія, достаточно обозначаетъ связь съ предложеніемъ; указательное мѣстоименіе *to- часто играетъ эту роль; такъ напр. у Гомера:

A 247: τοῖσι δὲ Νέστωρ
ʻ(F)ηδυ(F)επὴς ἀνόρουσε, λιγὺς Πυλίων ἀγορητής,
τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδή·
τῷ δ' ἤδη δύο μὲν γενεαὶ μερόπων ἀνθρώπων
ἐφθίαθ'...

„среди нихъ поднялся сладкорѣчивый Несторъ, громкій ораторъ Пилосскій; съ его языка текла рѣчь слаще меду; при немъ уже смѣнились два поколѣнія людей...“

Указательное мѣстоименіе при такомъ употребленіи могло вслѣдствіе этого принимать значеніе относительнаго мѣстоименія; это именно и случилось съ нѣмецкимъ указательнымъ мѣстоименіемъ der, которое въ древнемъ употребленіи имѣло только указательное значеніе.

Во всякомъ случаѣ индо-европейскій языкъ, повидимому, уже зналъ относительныя придаточныя предложенія въ собственномъ смыслѣ. И дѣйствительно, индо-иранскому относительному мѣстоименію скр. yáḥ, yā́, yát, зд. yō, yā, yaṭ соотвѣтствуетъ греческое ὅς, ἥ, ὅ и древне-славянское **и-же, ꙗ-же, ѥ-же**; и всѣ индо-европейскіе языки уже въ самыхъ древнихъ текстахъ правильно и часто употребляютъ относительныя предложенія. Относительное мѣстоименіе иногда

связано съ соотвѣтствующимъ указательнымъ мѣстоименіемъ въ главномъ предложеніи:

R. V. III, 53, 21: yó no dvéṣṭy ádharaḥ sás padīṣṭa

„кто (yó) насъ ненавидитъ, тотъ (sáḥ) да падетъ внизъ“.

Ясна (гата) XXXIV, 13: təm advānəm... yim mōi mraoš

„тотъ (təm) путь, который (yim) ты мнѣ сказалъ“.

Гомеръ Е 319: οὐδ' υἱός Καπανῆος ἐλήθετο συνθεσιάων
τάων, ἃς ἐπέτελλε βοὴν ἀγαθὸς Διομήδης

„и сынъ Капанея не забылъ тѣхъ порученій, которыя далъ ему доблестный Діомедъ“.

А 218: ὅς κε θεοῖς ἐπιπείθηται, μάλα τε κλύον αὐτοῦ

„кто повинуется богамъ, тому они внимаютъ“;

иногда не имѣетъ соотвѣтствующаго указательнаго мѣстоименія:

R. V. X, 14, 10: áthā pitr̥̄n suvidátrām̐ úpehi
yaména yé sadhamā́dam mádanti

„и иди къ милостивымъ отцамъ, которые опьяняются (сомою) на общей пирушкѣ вмѣстѣ съ Ямою“.

А 161: καὶ δή μοι γέρας αὐτὸς ἀφαιρήσεσθαι ἀπειλεῖς
ᾧ ἔπι πολλὰ μόγησα

„и самъ грозишься отнять у меня почетный даръ, изъ-за котораго я принялъ много трудовъ.

Относительное предложеніе стоитъ, какъ угодно, либо передъ, либо послѣ главнаго и относительное мѣстоименіе не должно непремѣнно стоять непосредственно рядомъ со словомъ, къ которому оно относится: эта свобода объясняется просто принципомъ свободнаго порядка словъ.

Мы имѣемъ основанія относить къ индо-европейскому языку одни только относительныя придаточныя предложенія. Другіе типы придаточныхъ предложеній и въ особенности условныя предложенія, въ каждомъ діалектѣ имѣютъ свои особыя формы.

Глава восьмая.

Словарь.

Когда мы встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ языкахъ, родственныхъ или неродственныхъ — все равно, слова сходныя и по формѣ и по смыслу, то мы должны прежде всего спросить себя, не имѣемъ ли мы дѣло съ заимствованіемъ одного языка у другого; такъ для слова „выкупъ, наказаніе, пеня“ мы находимъ: гр. ποινή, лат. poena, др.-ирл. pian, кимр. poen, др.-вр.-н. pīna (нѣм. pein), др.-англ. pīn (англ. pine, pain). Здѣсь мы не имѣемъ дѣло съ индо-европейскимъ словомъ, сохраненнымъ независимо каждымъ изъ этихъ языковъ: кельтское p никогда не отражаетъ индо-европейское *p, точно также и германское p; ирландское, кимрское, нѣмецкое и англійское слово заимствованы изъ латинскаго, а латинское слово само заимствовано изъ греческаго дор. ποινά. Дѣйствительно, первоначально слово это обозначало сумму денегъ, платимыхъ за убытокъ, причиненный роду, напримѣръ, за убійство одного изъ его членовъ; индо-европейское слово *kʷoinā́, обозначающее это понятіе, отражается въ зд. kaēnā-, гр. ποινά и сл. цѣна- (ср. лит. производное kainė „цѣнность, цѣна“); оно относится къ тому же корню, какъ и греч. глаголъ τίν(F)ω „плачу́, искупаю“, будущ. вр. τείσω, гдѣ начальное τ не есть отраженіе стараго *t, но первоначальнаго *kʷ, какъ на это указываетъ форма аориста πεῖσαι въ діалектѣ, который подобно ѳессалійскому, отражаетъ начальное *kʷ какъ π, даже передъ ε; и дѣйствительно, гр. ἀπό-τισις (гдѣ -σι- происходитъ изъ *-ti-) точно соотвѣтствуетъ скр. ápa-citiḥ „отплата“; ср. также зд. čiθa „искупленіе“ (ср. стр. 67); индо-европейское слово должно было

бы отразиться въ лат. языкѣ какъ *quoina, откуда получилось бы *cūna.

Когда мы выдѣлимъ слова, которыхъ сходство объясняется заимствованіемъ, то останется значительное число такихъ словъ, которыя съ точки зрѣнія фонетическихъ законовъ могутъ быть признаны тождественными, какъ зд. kaēnā, др.-сл. **цѣна**, гр. ποινή. Большинство такихъ соотвѣтствій объясняется, повидимому, тѣмъ, что соотвѣтствующія слова существовали уже въ индо-европейскомъ языкѣ; но нѣкоторыя изъ нихъ могутъ объясняться болѣе или менѣе медленнымъ распространеніемъ извѣстныхъ словъ по всей индо-европейской области или по ея части; такъ напр., нѣтъ сомнѣнія, что скр. tu(v)-ám, др.-сл. **ты**. лат. tū и т. д. предполагаютъ индо-евр. *tū „ты“, совершенно также, какъ франц. tu, итал. tu, исп. tu и т. д. предполагаютъ лат. tū; но различныя археологическіе и филологическіе факты не допускаютъ сомнѣнія, что греч. κάνναβις (въ первый разъ у Геродота IV, 74) — съ одной стороны и др.-исл. hanpr, др.-вр.-нѣм. hanaf „конопля“ — съ другой, были заимствованы независимо греческимъ языкомъ и германскимъ изъ другого языка юго-восточной Европы. Эти два случая — первоначальное тождество и позднѣйшее распространеніе по діалектамъ (т. е. заимствованіе) — по существу своему совершенно различны, но въ большинствѣ случаевъ невозможно отличить, что нужно отнести къ одному и что къ другому; поэтому приходится подъ индо-европейскими словами понимать слова, общія нѣсколькимъ индо-европейскимъ діалектамъ при одномъ только условіи, чтобы они представляли всѣ фонетическія и морфологическія измѣненія, характеризующія тѣ діалекты, къ которымъ данныя слова принадлежатъ, и чтобы историческія свидѣтельства не указывали на новое происхожденіе слова. Во всякомъ случаѣ никогда не слѣдуетъ забывать, что терминъ индо-европейскія слова содержитъ два различныхъ понятія, неразличаемыя только за отсутствіемъ критерія, который бы давалъ возможность ихъ отличать; а такихъ доисторическихъ заимствованій одного діалекта у другого или нѣсколькихъ діалектовъ у языковъ каждой семьи было, несомнѣнно, громадное чило. За исключеніемъ такихъ полуграмматическихъ словъ, какъ предлоги, мѣстоименія, вспомогательный глаголъ и т. п., мы никогда не можемъ

быть увѣрены, что данное слово передавалось безъ перерыва изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ индо-европейской эпохи до того времени, когда оно было засвидѣтельствовано памятниками.

Есть одинъ особый случай, на который слѣдуетъ обратить вниманіе: есть такія слова, которыя встрѣчаются изъ всѣхъ индо-европейскихъ діалектовъ въ наиболѣе близко соприкасающихся; такъ есть слова, которыя встрѣчаются только въ индо-иранскомъ и балтійско-славянскомъ языкахъ, другія встрѣчаются только въ языкахъ Европы (и въ армянскомъ), не встрѣчаясь въ индо-иранскомъ, третьи встрѣчаются или только въ славянскомъ, или въ балтійскомъ, или въ германскомъ, или въ кельтскомъ, или въ италійскомъ. Ниже мы встрѣчаемся съ примѣрами различныхъ случаевъ такого рода: ясно, что изъ подобныхъ сопоставленій мы можемъ заключать только о существованіи слова въ нѣкоторыхъ индо-европейскихъ діалектахъ (или о заимствованіи въ одной группѣ діалектовъ), а не во всей индо-европейской области. Область распространенія каждаго слова есть одно изъ существенныхъ данныхъ его этимологіи.

Совпаденія, распространяющіяся не болѣе чѣмъ на два діалекта, должны считаться болѣе или менѣе подозрительными, если нѣтъ иныхъ причинъ, поддерживающихъ правильность соотвѣтствія, такъ какъ сходство двухъ словъ съ одинаковымъ значеніемъ въ двухъ различныхъ языкахъ можетъ быть и случайнымъ: напр., англійское bad „дурной“ не имѣетъ даже отдаленнаго родства съ персидскимъ bad, обозначающимъ тоже „дурной“; но страннымъ случаемъ было бы, если бы bad обозначало „дурной“ еще и въ третьемъ языкѣ. Поэтому совпаденіе трехъ не соприкасающихся языковъ практически является достаточнымъ ручательствомъ за „индо-европейскій“ характеръ слова въ указанномъ выше двоякомъ смыслѣ этого термина.

Однако въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ мы можемъ признавать достовѣрность сопоставленія словъ даже двухъ только діалектовъ; такъ гр. πίων и скр. pīvā „жирный“ не встрѣчаются нигдѣ, кромѣ греческаго и индо-иранскаго, но характерное образованіе женскаго рода, гр. πίειρα, скр. pīvarī, вмѣстѣ съ совершеннымъ тождествомъ значенія, склоненія и мѣста ударенія устраняютъ всякое сомнѣніе;

точно также др.-перс. rādiy и др.-сл. рады не встрѣчается въ другихъ языкахъ, но употребляются совершенно одинаково и входятъ въ составъ довольно большой группы словъ, общихъ славянскому и иранскому языку.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ особыхъ причинъ, мы должны, держась строгаго метода, считать сомнительнымъ всякое сопоставленіе словъ, не идущее дальше двухъ діалектовъ: если бы даже греч. ἄζεται „чувствуетъ благоговѣніе“ можно было отожествлять съ скр. yájati „приноситъ жертву“ — чего однако нѣтъ, такъ какъ греч. ᾰ может соотвѣтствовать не одному только скр. у, а скр. а — не одному греч. α, образованіе обоихъ глаголовъ не одинаково, значеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ и т. д. — все же слѣдовало бы воздержаться отъ утвержденія, что эти слова родственны, и сопоставленіе могло бы быть признано только возможнымъ.

Наконецъ, даже при указанныхъ выше ограниченіяхъ, нельзя сказать, чтобы совокупность сопоставленій словъ различныхъ индо-европейскихъ діалектовъ, какъ мы находимъ ихъ въ этимологическихъ словаряхъ, давала хотя бы приблизительно точное представленіе о словарѣ племенъ индоевропейскаго языка.

За исключеніемъ трехъ діалектовъ, индо-иранскаго, греческаго и италійскаго, всѣ остальные индо-европейскіе діалекты засвидѣтельствованы лишь нѣсколько столѣтій послѣ Р. Х., и при томъ памятниками литературы, стоящей подъ вліяніемъ либо римской, либо греческой и при томъ христіанской культуры; даже памятники италійскихъ діалектовъ появляются, только уже испытавъ на себѣ греческое вліяніе: приведенный выше примѣръ лат. слова poena, которое распространилось по всей Западной Европѣ, а само между тѣмъ представляетъ заимствованіе изъ греческаго языка, показываетъ, что существуетъ европейскій словарь, распространеніе котораго совпадетъ съ предѣлами греко-римской цивилизаціи.

Санскритскій, иранскій, греческій и латинскій представляютъ съ древнѣйшаго времени уже развитыя литературныя формы: ниодинъ индо-европейскій діалектъ не даетъ представленія о томъ, каковъ могъ быть словарь языка полуцивилизованнаго народа.

Уже самый способъ, которымъ мы опредѣляемъ индоевропейскій характеръ слова, исключаетъ возможность зна-

комства съ тѣмъ, что въ индо-европейскомъ словарѣ было опредѣленнаго и конкретнаго, что служило языкомъ обыденной жизни: единственныя слова, которыя существовали во многихъ различныхъ діалектахъ, это — корни, обозначающіе обыденныя дѣйствія общаго характера: „вкушать“, „нести“, „итти“, „знать“. „связывать“ и т. д. и названія наиболѣе общихъ понятій: „отецъ“, „глазъ“, „быкъ“ и т. д., однимъ словомъ то, что было общо всѣмъ говорамъ индо-европейской области, а не то, что представляло достояніе того или другого народа изъ ихъ среды.

Мало того, чтобы сопоставить слова различныхъ языковъ, мы должны разсматривать, что они имѣютъ общаго, и потому устранять оттѣнки значенія, развившіеся въ каждомъ отдѣльномъ діалектѣ: послѣ этого остается одна абстракція, которая даетъ средство для оправданія сопоставленія, но не для установленія первоначальнаго значенія слова. Просматривая этимологическій словарь, мы получаемъ такое впечатлѣніе, будто индо-европейскій языкъ обладалъ словами и корнями абстрактнаго и общаго значенія, между тѣмъ какъ каждый изъ говоровъ индо-европейскаго языка мы должны представлять себѣ въ родѣ какого-нибудь современнаго литовскаго говора, который бѣденъ общими понятіями и изобилуетъ названіями мелкихъ подробностей дѣйствій и мелочей семейной обстановки.

Наконецъ, техническіе термины по большей части различны въ различныхъ языкахъ, такъ какъ въ промежутокъ между индо-европейской эпохой и временемъ, когда засвидѣтельствованъ данный діалектъ, цивилизація совершила глубокія измѣненія, и слова измѣнялись нѣсколько разъ вмѣстѣ съ измѣненіями техники. Изученіе словъ не можетъ быть успѣшно безъ изученія обозначаемыхъ ими вещей.

Индо-европейскій словарь представляетъ для современнаго лингвиста небольшую группу наименованій общихъ понятій, драгоцѣнную по тѣмъ выводамъ, которыя можно сдѣлать отсюда въ вопросахъ фонетики и морфологіи, но абсолютно непригодную для того, чтобы дать представленіе о дѣйствительномъ словарѣ какого-либо индо-европейскаго говора. Наконецъ, словарь каждаго индо-европейскаго языка существенно отличается отъ словаря любого другого языка той же семьи, и лишь ничтожное меньшинство словъ каждаго

языка имѣетъ индо-европейскую этимологію. Занимающіеся этимологіею часто разсуждаютъ такъ, какъ будто всѣ слова исторически засвидѣтельствованныхъ языковъ, завѣдомо незаимствованныя изъ извѣстныхъ намъ языковъ, должны восходить къ индо-европейскому языку, и, чтобы дать индо-европейскую этимологію каждому слову какого-либо языка индо-европейской семьи, они напрягаютъ всѣ силы своего знанія и своего остроумія; но это значитъ забывать, что между индо-европейскимъ періодомъ и самыми древними текстами какого-либо языка протекло много сотенъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ могло быть произведено неограниченное число заимствованій изъ языковъ, въ настоящее время неизвѣстныхъ. Мы не имѣемъ, напр., средства опредѣлить, насколько словарь греческаго и латинскаго языковъ зависитъ отъ словаря эгейской цивилизаціи.

Бѣглый обзоръ главныхъ элементовъ индо-европейскаго словаря позволитъ намъ составить обо всемъ этомъ болѣе точное представленіе.

1. Корни.

Техническія дѣйствія обозначаются очень немногими индо-европейскими корнями, которыхъ значеніе къ тому же отчасти довольно широко.

Корень скр. tákṣati „строитъ“ повидимому прилагался ко всякаго рода ремесламъ, и такое общее значеніе сохранилось въ греч. τέχνη „ремесло“. Скр. tákṣati и зд. tašaṭ имѣютъ общее значеніе „строить, творить“, но обозначаютъ главнымъ образомъ то, что дѣлается при помощи топора; скр. tákṣā, зд. taša, гр. τέκτων значатъ „плотникъ“, др.-врх.-нѣм. dehsala и др.-ирл. tāl „топоръ“, и др.-сл. тесати и лит. taszýti значитъ „тесать, работать топоромъ“. Соблазнительно было бы считать это значеніе первоначальнымъ, но лат. texere обозначаетъ другое ремесло — ткацкое, а ср.-вр.-нѣм. dehsen значитъ „ломать (коноплю)“. Зд. taštəm „чашка“, съ которымъ можно сближать лат. testa „глиняная ваза, и т. п.“ не доказываетъ, что этотъ корень служитъ для обозначенія гончарной работы, такъ какъ эти слова первоначально могли обозначить деревянную посуду.

Корень, обозначающій „лѣпить изъ глины“, мы находимъ въ гот. digan, лат. fingere; но здѣсь можетъ разумѣться

или работа горшечника: лит. figulus „гончаръ, горшечникъ“, гот. daigs, др.-врх.-нѣм. teig „тѣсто“; или, чаще, наваливаніе земли для сооруженія стѣнъ: скр. dehí „валъ“, зд. daēzayeiti „насыпаетъ“, др.-перс. didā „укрѣпленіе“, арм. dēz „куча“, гр. τεῖχος, τοῖχος „стѣна“, осск. feíhúss „muros“.

Корень *snē- „прясть“ засвидѣтельствованъ лат. nēre, гр. νέω, аор. ἔννη, νῆμα „нитка“, ирл. snīm „пряденіе“, snāthe „нитка“, можетъ быть также скр. snā́va „связка, жила“, др.-вр.-нѣм. snuor „веревка“; но др.-вр.-нѣм. nājan значитъ „шить“.

Корень др.-вр.-нѣм. weban „ткать“ сохраняетъ свое опредѣленное значеніе въ греч. ὑφαίνω и въ иранскомъ: зд. ubdaēna- „ткань“, перс. bāfad „ткетъ“, но вед. unap значитъ просто „онъ привязывалъ“, и значеніе „ткать“ является только въ словѣ (ūrṇa)vā́bhiḥ „паукъ“, буквально „ткущій (шерсть)“.

Понятіе „шить“ ясно выражается въ скр. syūtáḥ „сшитый“, sívyati „шьетъ“, лит. siúti „шить“, др.-сл. шити, гот. siujan, лат. suere, гр. κασ-σύειν „шить“; лат. sūbula (изъ *sūdhlā), др.-вр.-нѣм. siula и др.-сл. шило (польск. szydło).

„Везти“ выражается скр. váhati, зд. vazaiti, др.-сл. везѫ, лит. vežù, лат. uehō; „возъ“ др.-сл. возъ, гр. (Ϝ)όχος, др.-врх.-нѣм. wagan, ирл. fēn; „дорога, по которой проходятъ возы“ гот. wigs, др.-вр.-нѣм. weg; германскій глаголъ значитъ просто „приводить въ движеніе“, какъ напр. гот. ga-wigan „двигать“. Съ другой стороны скр. yā́ti, др.-сл. ѭдѫ, лит. jóju имѣютъ значеніе „ѣхать (въ повозкѣ или лодкѣ)“; и въ параллель къ этому корню, который встрѣчается только въ индо-иранскомъ и балтійско-славянскомъ языкахъ, въ западныхъ нарѣчіяхъ для обозначенія того же понятія мы встрѣчаемъ слово, засвидѣтельствованное др.-вр.-нѣм. rītan, др.-англ. rídan, др.-исл. ríða, ирл. rīadaim и галл. rēda „колесница“.

„Грести“ выражается въ др.-исл. roa, лит. irti; „гребецъ“: скр. aritár-, гр. ἐρέτης; „весло“: лат. rēmus, др.-вр.-нѣм. ruodar.

Европейскіе языки для обозначенія дѣйствія „пахать“ имѣютъ одинъ корень, засвидѣтельствованный др.-сл. орѫ, лит. ariù, гот. arja, ирл. airim, лат. arō, гр. ἀρόω, и даже армянскій языкъ имѣетъ слово arawr „плугъ“ = лат. arā-

trum. Но индо-иранская группа не знаетъ этого слова, повидимому потому, что племена индо-иранскаго языка потеряли это слово въ переходный періодъ кочевой жизни. Корень *melə- со значеніемъ „молоть“, являющійся въ гр. μύλη „мельница“, лат. molō (см. стр. 167) неизвѣстенъ въ индо-иранскомъ языкѣ; но въ соотвѣтствіи съ греч. ἀλέω, арм. ałam „мелю“, ново-индійское нарѣчіе хинди имѣетъ āṭā, и персидскій языкъ — ārd „мука“; слѣдовательно индоевропейскій корень со значеніемъ „молоть“ засвидѣтельствованъ и въ индо-иранскомъ языкѣ. Наконецъ, есть корень *peis-, означающій „толочь (въ ступѣ)“: скр. pinaṣṭi „толчетъ“, piṣṭáḥ „толченый“ (piṣṭám „мука“); лат. pinso „толку“, pistor „мельникъ“, pīlum „пестъ“, pīla „ступка“; гр. πτίσσω „толку“; лит. paisýti „обдирать (ячмень)“; др.-сл. **пьхати, пьшеница.**

Глаголъ со значеніемъ „ковать“: др.-сл. **ковѫ**, лит. káuju, др.-вр.-нѣм. houwan и съ распространеніемъ корня лат. cūdō, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ другихъ „культурныхъ“ словъ, неизвѣстенъ греческому, армянскому и индо-иранскому языку и въ своемъ распространеніи ограничивается только сѣверными и западными индо-европейскими діалектами. Простое, нетехническое значеніе „бить“ еще проглядываетъ въ этомъ словѣ.

Скр. krīṇā́mi, др.-русск. **крьнѫ**, др.-ирл. crenim, кимр. prynaf свидѣтельствуютъ о существованіи глагола съ носовымъ инфиксомъ, обозначающаго „покупаю“; другія формы того же корня предполагаютъ скр. krayáḥ „покупка“ и πρίασθαι „купить“. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что понятія „продавать“ и „покупать“ прямо противуполагались другъ другу: тѣ же самые языки для понятія „продавать“ не имѣютъ общаго термина.

Корень *peik$_1$- означалъ, повидимому, „дѣлать отмѣтки“, при помощи надрѣзовъ или при помощи цвѣтныхъ знаковъ; онъ далъ: скр. piṃçáti „украшаетъ, приводитъ въ порядокъ“, др.-перс. ni-pis- „писать“, др.-сл. **пишѫ**, скр. péçaḥ и зд. paēsō „форма, цвѣтъ“, лит. paĩszas „пятно отъ сажи“, др.-вр.-нѣм. fēh, др.-англ. fáh, гот. filu-faihs „разноцвѣтный“, синонимъ гр. ποικίλος и др.-сл. **пьстръ** (между тѣмъ какъ гр. πικρός значитъ „горькій“, буквально „кусающій, рѣжущій“, какъ гот. baitrs, нѣм. bitter).

Скр. anákti „мажетъ“ (3 л. мн. ч. añjánti), лат. unguō, умбр. umtu „unguito“, и, вѣроятно, арм. awcanel „мазать“; скр. ājyam „жертвенное масло“, др.-прусск. anctan „масло“, др.-вр.-нѣм. ancho, др.-ирл. imb, лат. unguen, unguentum, умбр. umen.

Очень неопредѣленны и шатки тѣ данныя, которыя можно извлечь изъ разсмотрѣнія индо-европейскихъ корней съ цѣлью выяснить условія существованія племенъ, говорившихъ на этомъ языкѣ. Большинство корней показываетъ намъ только, что языкъ дѣлалъ различіе между понятіями „жить“ и „умирать“, „пить“ и „ѣсть“, „спать“ и „бодрствовать“, „лизать“ и „кусать“, „брать“ и „оставлять“, „видѣть“ и „слышать“ и т. д.

Однако нѣкоторые корни представляютъ интересную послѣдовательность въ развитіи значеній, восходящую къ индо-европейскому языку; самый любопытный въ этомъ отношеніи корень, это *bheudh-: первоначальное его значеніе, повидимому, — „бодрствовать“, сохранившееся въ восточныхъ діалектахъ: скр. budhyáte „бодрствуетъ, просыпается“, др.-сл. **бѫдитъ** (неопред. накл. **бѫдѣти**), лит. budėti „бодрствовать“; скр. bodhāyati „будитъ“, др.-сл. **боудитъ** (неопр. **боудити**); др.-сл. **бѫнѫти** „проснуться“, лит. bundù „просыпаюсь“; лит. budrùs значитъ „проснувшійся“, но др.-сл. **бъдръ** „бодрый“ переводитъ гр. πρόθυμος, слѣдовательно приняло уже болѣе отдаленное отъ первоначальнаго значеніе; тематическое настоящее время скр. bódhati значитъ „бодрствуетъ, внимаетъ, замѣчаетъ“ подобно соотвѣтствующему др.-сл. **блюдѫ** (гдѣ мягкое л правильно развилось между губнымъ и j звука **ю**, отражающаго и.-евр. *eu) и гомеровскому πεύθομαι „развѣдывлю“, гр. аор. ἐπυθόμην (откуда πυνθάνομαι), точно также зд. baoδah- значитъ „воспріятіе“; др.-ирл. buide развило особое значеніе — „признательность“ (сознаніе благодѣянія“); отъ значенія „замѣчаю“ произошелъ переходъ къ значенію „чувствую“, какъ напр. въ зд. baoδəntō (Яштъ XIX, 69) и, въ особенности, „чувствую запахъ“, откуда зд. baoδiš „запахъ“: Яштъ XVII, 6: hubaoiδiš baoδaite nmānəm „благоуханіе наполняетъ домъ“; съ другой стороны, съ винословнымъ оттѣнкомъ, мы получаемъ значеніе „пробуждать, привлекать вниманіе“, откуда значеніе „предлагать, приглашать“ въ др.-исл. bioδa, др.-вр.-нѣм. biotan и, съ пред-

ложной приставкой, гот. ana-biudan, др.-вр.-нѣм. gi-biotan „приказывать“, гот. faur-biudan „запрещать“ (нѣм. ver-bieten); изъ того же винословнаго оттѣнка происходитъ значеніе „останавливать, наказывать“ въ лит. baudžiù, baũsti.

Наиболѣе конкретное, и, повидимому, самое древнее значеніе корня *$g_1$eus- сохранилось въ греч. γεύομαι „пробую“ и въ лат. gustus „вкусъ“; но въ индо-иранскомъ этотъ корень имѣетъ значеніе „принимать съ удовольствіемъ, любить“; такъ скр. juṣáte значитъ „охотно беретъ, любитъ“, др.-перс. dauštar- „другъ“, точно также и въ албанскомъ deša значитъ „я любилъ“; съ другой стороны значеніе „выбирать“ развилось въ др.-ирл. do-roi-gu „онъ выбралъ“ и въ гот. kiusan, винословная форма kausjan „испытывать, выбирать“, но первоначальное значеніе „пробовать“ сохранилось въ славянскомъ заимствованномъ изъ германскаго слова **къкоусити**, между тѣмъ какъ французскій глаголъ choisir, заимствованный оттуда же, воспроизводитъ только новое значеніе.

Значеніе корней можетъ быть опредѣлено только общими выраженіями, но на самомъ дѣлѣ каждый изъ нихъ чаще всего имѣлъ опредѣленное и спеціальное употребленіе; такъ напр. корень *prek$_1$- значитъ „спрашивать, просить“: скр. pr̥cháti, др.-сл. **просити**, лит. praszýti, гот. fraihnan, др.-вр.-нѣм. frāgēn, лат. poscō, арм. harçanem — всѣ эти глаголы значатъ „спрашивать“ въ общемъ смыслѣ; но было и спеціальное употребленіе этого корня въ смыслѣ „просить женщину въ замужество, свататься“, засвидѣтельствованное лат. procus „женихъ“, лит. piršzti „свататься“, сербск. прòсити, арм. harsn „невѣста, сноха“. — Корень *wedh- значитъ „вести“ въ зд. vāδayeiti „ведетъ“, др.-сл. **вєдѫ**, лит. vedù, ирл. fedim, но спеціальное значеніе „приводить невѣсту въ домъ“ (лат. uxorem ducere) ясно видно въ скр. vadhū́ḥ „жена, сноха, невѣстка“, váhate (изъ *vádhate, слѣдуетъ отличать отъ váhate „vehitur“) „женится“, зд. vāδayeiti „женится“, лит. vedù „женюсь“, кимр. dyweddio „выходить замужъ“. — Корень гр. φέρω, лат. ferō и т. д. значитъ „нести“ и часто также „носить“ въ смыслѣ „быть беременной“, такъ зд. barəθri значитъ „беременная“, гр. φορός „беременная“, ἔφερσεν· ἐκύησεν у Гезихія („понесла: зачала“), др.-сл. **брѣжда** „беременная“, лат. forda „стельная

(корова)"; гот. ga-bairan, др.-исл. bera „рождать" (нѣм. gebären). — Чтобы имѣть точное представленіе о значеніи какого-либо индо-европейскаго корня, надо знать его сціальное употребленіе, точно такъ же какъ мы узнаемъ дѣйствительное значеніе слова какого-либо языка, лишь послѣ того, какъ узнаемъ, въ какихъ сочетаніяхъ оно употребляется обыкновенно.

2. Отдѣльныя слова.

Отдѣльныя слова не такъ интересны, какъ корни, съ точки зрѣнія общаго строя языка, но они даютъ болѣе точныя свѣдѣнія о словарѣ. Пользуясь ими съ подобающей осторожностію, мы можемъ получить нѣсколько общихъ указаній относительно общественнаго строя и культуры народа, говорившаго на индо-европейскомъ языкѣ.

A. Названія родства.

Есть цѣлый рядъ именъ родства съ довольно опредѣленнымъ значеніемъ, которое въ нѣкоторыхъ діалектахъ иногда бываетъ расширенно:

отецъ: скр. pitár-, гр. πατήρ, лат. pater, др.-ирл. athir, гот. fadar, арм. hayr;

мать: скр. mātár-, др.-сл. **матєр-**, гр. дор. μᾶτηρ, лат. māter, др.-ирл. māthir, др.-исл. móðer, арм. mayr.

братъ: скр. bhrā́tar-, др.-сл. **братъ**, гр. φρᾶτωρ, φρᾰτήρ (членъ фратріи), лат. frāter, др.-ирл. brāthir, гот. broþar, арм. ełbayr.

сестра: скр. svásar-, лит. seser-, др.-сл. **сєстра**, лат. soror, др.-ирл. siur, гот. swistar, арм. khoyr.

сынъ: скр. sūnúḥ, др.-сл. **сынъ**, лит. sūnùs, гот. sūnus (нѣм. sohn); ср. гр. υἱύς, υἱός; неизвѣстно въ итало-кельтскомъ, какъ и слѣдующее слово;

дочь: скр. duhitár-, гр. θυγάτηρ, др.-сл. **дъштєр-**, лит. dukter-, арм. dustr, гот. dauhtar.

сноха: гр. νυός, арм. nu (род. nuoy); перешло въ основы на *-ā- въ скр. snuṣā́, др.-сл. **снъха**, др.-англ. snoru; основа на *-u- лат. nurus.

свекоръ: скр. çváçuraḥ, зд. xvasurō, лит. szẽszuras, гом. ᾽(F)εκυρός, лат. socer, алб. vjehɛr, др.-вр.-нѣм. svehur;

др.-вр.-нѣм. swāgur „Schwager“ произведено отъ того же корня со ступенью vr̥ddhi (см. стр. 216), какъ и скр. çvā-çuraḥ „принадлежащій свекру“ отъ çváçuraḥ.

свекровь: скр, çvaçrū́ḥ, др.-сл. свекры, лат. socrus, др.-вр.-нѣм. swigar и гр. ʽ(F)εκυρᾱ́, арм. skesur; гот. swaihro, кимр. chwegr.

деверь: скр. devár-, др.-сл. дѣверь, лит. dëverìs, гр. δᾱήρ, лат. leuir, др.-англ. tácor, др.-вр.-нѣм. zeihhur, арм. taygr.

золовка: гр. γάλως, лат. glōs; русск. зо́лва и сербск. зȁова предпологаютъ слав. *ꙁълъва; (арм. tal).

жена мужнина брата: скр. yā́tar, др.-сл. ꙗтры, лит. jenter-, inter-, гом. εἰνατέρες (и дат. ἐνατρι въ одной поздней надписи), лат. ianitrīcēs (и арм. ner).

вдова: скр. vidhávā, зд. viδava, др.-сл. въдова, др.-прусск. widdewū, гот. widuwo, ирл. fedb, лат. uidua; неизвѣстно греческому и армянскому языку.

Такимъ образомъ всѣ ступени непосредственнаго родства въ семьѣ мужа обозначаются опредѣленными именами; главныя изъ нихъ принадлежатъ къ одному типу основъ на *-r-; слово, обозначающее „мужа“ совпадаетъ съ именемъ „господина“ (хозяина дома):

скр. pátiḥ, зд. paitiš, гр. πόσις, лит. діал. patis, ср. гот. (brūþ)-faþs „женихъ“; женскій родъ отъ этого слова обозначаетъ жену, какъ хозяйку дома, въ скр. pátnī (ср. гр. πότνια) и въ лит. patì.

Для семьи жены имена родства имѣютъ совершенно иной характеръ: тутъ все неустойчиво и неопредѣленно, значеніе словъ мѣняется въ различныхъ языкахъ, различны и формы словъ: гр. πενθερός, которое обозначаетъ „тестя“, принадлежитъ къ корню гот. bindan „связывать“, зд. bandaiti „связываетъ“, и потому первоначальное значеніе слова — „союзникъ, свойственникъ“, подобно лит. beñdras, которое въ настоящее время значитъ „товарищъ“, др.-перс. bandaka (перс. banda) „служитель“ и скр. bándhuḥ „свойственникъ“ (cognatus въ самомъ широкомъ смыслѣ); точно также и πενθερός обозначаетъ всякаго родственника по браку, въ особенности „зятя“ т. е. „мужа дочери“ и „мужа сестры“. „Зять“ (мужъ дочери) называется въ скр. jā́mātar-; зд. zāmātar-, — др.-сл. ꙁѧть, лит. żéntas, лат. genta (глосса),

алб. dɛndɛr, — лат. gener, — гр. γαμβρός (также „тесть“ и „мужъ сестры“ и „братъ жены“) все это формы, въ которыхъ можно замѣтить нѣкоторое сходство, которыя однако невозможно свести къ обществу источнику. Очень рано имена родста семьи мужа стали отчасти примѣняться и для обозначенія родственниковъ семьи жены, напр. нѣм. Schwäher „тесть“, Schwiegermutter „теща“, Schwager „шуринъ“.

Для ступеней болѣе отдаленнаго родства нѣтъ опредѣленныхъ именъ. Лат. auos значитъ „дѣдъ“ (и со стороны отца и со стороны матери); лат. auonculus „дядя“; кимр. ewythr „дядя“, др.-вр.-нѣм. ōheim „братъ матери“, гот. awo „бабка“, др.-прусск. awis и др.-сл. **оүн** „братъ матери“, арм. haw „дѣдъ“. Индо-иранское nápat- обозначаетъ „потомка“ и въ особенности „внука“, лат. nepōs „внукъ“, neptis „внучка“, ирл. niœ „сынъ сестры“, necht „дочь сестры“, др.-вр.-нѣм. nevo „племянникъ“, др.-лит. nepotis „внукъ, племянникъ“, серб. нѐ̄ћāк „сынъ сестры“ и т. д.

Все это указываетъ на такое общественное состояніе, когда жена переходила въ семью мужа, но мужъ не имѣлъ опредѣленнаго родства съ семьею своей жены. Мы встрѣчаемся здѣсь съ тою „большою семьей“ по мужской линіи, какую мы наблюдаемъ еще и теперь у сербовъ (задруга) и у армянъ.

Домъ составляетъ общественную группу, стоящую подъ властью „домовладыки“: скр. pátir dán или dámpatiḥ, гр. δεσπότης (изъ *dems-pot-ā- „господинъ дома“), лат. dominus. Болѣе широкій терминъ — это названіе „группы домовъ, племени“, которое съ различными оттѣнками значенія является въ скр. viç-, зд. vīs-, др.-перс. viθ-, др.-сл. **вьсь**, гот. weihs, лат. uīcus; гр. Fοῖκος (или также атематическая форма Fοικ- въ нарѣчіи Fοίκα-δε) имѣетъ значеніе „домъ“, первоначально „большой домъ“, содержащій многочисленныя постройки, гдѣ находятъ пріютъ различные члены „большой семьи“, и потому слово Fοῖκος обозначаетъ также совокупность болѣе близкихъ родственниковъ; имя „владыки деревни“ скр. viç-pátiḥ, зд. vīs-paitiš, приняло въ балтійскихъ то же общее значеніе, что и „домовладыка“ греч. δεσπότης, и мы имѣемъ лит. vẽszpats „господинъ“, др.-прусск. waispattin „госпожа“. — Имя „царя“ встрѣчается только въ санскритѣ: rāj-, rājan- и въ самыхъ западныхъ діалектахъ:

лат. rēx, кельт. rīg- (германское слово, засвидѣтельствованное гот. reiks „начальникъ“ и т. д., можетъ быть, заимствовано изъ кельтскаго; если оно исконно-германское слово, то въ основѣ его лежитъ другая форма *rīg- или *rēig-).— Слово, обозначающее цѣлый народъ, засвидѣтельствовано только въ западныхъ діалектахъ, до балтійскаго включительно, и не встрѣчается ни въ славянскомъ, ни въ индо-иранскомъ, ни въ греческомъ: др.-прусск. tauto „страна“, латышск. tauta „народъ“, гот. iuda (откуда þiudans „царь“, какъ лат. dominus отъ domus), др.-ирл. tūath „народъ“, осск. touto и умбр. tota „государство“.

Нѣтъ слова, которое обозначало бы „городъ“: скр. pū́ḥ (род. ед. puráḥ), лит. pilìs обозначаютъ „укрѣпленное мѣсто“, и соотвѣтствующее греч. слово πόλις (со вторичнымъ суффиксомъ) первоначально имѣло то же значеніе, которое ясно проглядываетъ въ словѣ ἀκρόπολις.

B. Имена животныхъ и растеній.

Изъ именъ животныхъ одни обозначаютъ домашнихъ животныхъ, какъ овца или корова, другія дикихъ звѣрей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не можемъ провести границу между тѣми и другими; мы ограничимся перечисленіемъ лучше всего засвидѣтельствованныхъ именъ (самецъ и самка въ индо-европейскомъ не имѣютъ отдѣльныхъ названій):

стадо: скр. páçu, paçúḥ, др.-лит. pekus, др.-прусск. pecku, лат. pecu, pecus, гот. faihu, др.-вр.-нѣм. fihu.

корова и быкъ: скр. gáuḥ, зд. gāuš, арм. kov (корова), латыш. gûws (корова), гр. βοῦς, лат. bōs (сомнитское, деревенское слово, а не латинское въ собственномъ смыслѣ), ирл. bō, др.-вр.-нѣм. chuo (корова), др.-сл. **говѧдо**. Названіе „быка“ гр. ταῦρος, лат. taurus, др.-прусск. tauris, др.-сл. **тоуръ** встрѣчается не вездѣ, и его нѣтъ въ индо-иранскомъ; скр. ukṣán-, зд. uxšan-, гот. auhsa, др.-вр.-нѣм. ohso, кимр. ych представляетъ, повидимому, древній эпитетъ („взращивающій, способствующій росту“?). „Бычекъ“ и „телка“ обозначаются въ гр. πόρις, др.-вр.-нѣм. farro (муж. р.), ср.-вр.-нѣм. verse (жен. р.) и скр. pr̥thukaḥ, арм. orth, гр. πόρτις, πόρταξ.

овца и баранъ: скр. áviḥ, лит. avìs, гр. ὄις, лат. ouis, ирл. oi, др.-вр.-нѣм. ouwi; др.-сл. **овьнъ**, **овьца** (= скр. avikā).

„Ягненокъ“ имѣетъ два имени, одно въ скр. úraṇaḥ, пехлев. varrak, арм. gaṙn, гр. Fαρήν, Fαρνός и другое въ др.-сл. **агньць**, гр. ἀμνός, лат. agnus, ирл. ūan. „Шерсть“ обозначается широко распространеннымъ именемъ: др.-сл. **вльна** (серб. вȗна), лит. vìlnos (мн. ч.), гот. wulla, лат. lāna, скр. ū́rṇā; ирл. olann, кимр. gwlan; съ распространеніемъ при помощи суфф. *-es-: гр. λῆνος, дор. λᾶνος, лат. lānerum, lānestris „шерстяной“ и uellus „шерсть“; съ суф. *-men-: арм. geɫmn „руно“.

лошадь: скр. áçvaḥ, зд. aspō, др.-англ. eoh, лат. equos, ирл. ech, галл. epo-; женск. родъ: скр. áçvā, лит. aszvà, лат. equa „кобыла“ является результатомъ независимаго развитія каждаго діалекта, какъ на это указываетъ гр. ἵππος, которое обозначаетъ и „коня“ и „кобылу“.

коза и козелъ: скр. ajáḥ „козелъ“, ajā́ „коза“, лит. ožỹs „козелъ“, oszkà „коза“; иное, но близкое названіе засвидѣтельствовано гр. αἴξ, арм. ayc „коза“, зд. iz-aēna- „кожаный“ (собственно „изъ козьей кожи“, ср. скр. ajínam „кожа“ при ajáḥ и др.-сл. **азьно** „кожа“ при лит. ož-ỹs). Зд. būza-, др.-вр.-нѣм. boc, др.-исл. bokkr, ирл. bocc значатъ „козелъ“ (но арм. buc „ягненокъ“). Западные діалекты имѣютъ особыя слова: лат. caper, кимр. caer-, др.-исл. hafr, — лат. haedus, гот. gaits „коза“. Слѣдовательно, для „козла“ и „козы“ мы не наблюдаемъ такого единства обозначенія, какъ для предыдущихъ животныхъ.

свинья: лат. sūs, гр. ὗς, др.-вр.-нѣм. sū, swīn, кимр. hwch, др.-сл. **свиньꙗ**, зд. hū-, скр. sūkaráḥ „кабанъ“; другое слово, обозначающее исключительно „домашнюю свинью“, встрѣчается только на сѣверѣ и западѣ Европы и не засвидѣтельствовано ни въ индо-иранскомъ, ни въ армянскомъ, ни въ греческомъ: лат. porcus, ирл. orc, др.-вр.-нѣм. farah, нѣм. Ferkel, лит. paršzas, др.-сл. **прасꙗ**.

собака: скр. çvā́ (род. ед. çúnaḥ), зд. spā (род. ед. sūnō), лит. szů̃ (род. ед. szuñs), гр. κύων (род. ед. κυνός), ирл. cū (род. ед. con), гот. hunds; лат. canis имѣетъ неясную форму, вѣроятно, діалектическаго происхожденія.

волкъ: скр. vŕ̥kaḥ, зд. vəhrkō, др.-сл. **влькъ**, лит. vìlkas, гот. wulfs (и гр. λύκος, лат. lupus); женскій родъ со значеніемъ „волчица“ былъ созданъ, повидимому, самостоятельно въ каждомъ языкѣ: скр. vŕ̥kīḥ, русск. **волчи́ца**

лит. vilkė и vilkė̃nė, др.-исл. ylgr (изъ *wulγīz, древнѣе *wl̥kís); гр. λύκαινα, лат. lupa.

медвѣдь: скр. ṛ̊kṣaḥ, зд. arəšō, гр. ἄρκτος, лат. ursus, др.-ирл. art, арм. arǰ; и другая греч. форма ἄρκος, персидск. xirs (см. стр. 77 и 213).

мышь: скр. mū̆ḥ, др.-сл. мышь, гр. μῦς, алб. mī, лат. mūs, др.-вр.-нѣм. mūs; арм. mukn.

олень: др.-сл. елень, лит. élnis, арм. eɫn, гр. ἔλαφος, ἐλλός; ирл. elit (жен. р.) значитъ „газель“. — Др.-вр.-нѣм elaho „лось“, лат. alcēs (мн. ч.). Олень часто называется своимъ эпитетомъ „рогатый“, повидимому, потому, что полуцивилизованные народы старались не называть своимъ именемъ убитое животное (ἔλαφος κεραός, Гомеръ Г 24); отсюда лат. ceruos, др.-вр.-нѣм. hiruz.

птица: скр. viḥ и (неправильно) вед. véḥ, зд. vay-, лат. auis, арм. haw, гр. οἰωνός.

орелъ: др.-сл. орлъ, лит. arēlis, гот. ara, нѣм. Aar, кимр. eryr; гр. ὄρνις означаетъ „птицу“ вообще.

дроздъ: лит. strāzdas, русск. дроздъ (начальное д- по ассимиляціи), др.-исл. þr̥ostr, лат. turdus, ново-ирл. truid.

журавль: гр. γέρανος, брит. garan (и галл. tri-garanus „съ тремя журавлями“), др.-англ. cran, др.-вр.-нѣм. chranuh, лит. gérvė, др.-сл. жерлвь, лат. grūs, арм. krunk.

гусь: гр. χήν, χηνός (дор. χᾶν, χᾶνός), лит. žąsìs, др.-сл. гѫсь, др.-вр.-нѣм. gans, лат. anser (деревенское слово, съ утратою начальнаго h); скр. haṃsáh значитъ „фламинго, лебедь“ и ирл. gēis „лебедь“.

утка: лат. anas (anitis), др.-вр.-нѣм. anut, лит. ántis, др.-сл. ѫтъı, и гр. νῆσσα, дор. νᾶσσα; ср. скр. ātíḥ „родъ водяной птицы“.

рыба: есть одно западное слово: лат. piscis, ирл. īasc, гот. fisks; въ центрѣ индо-европейской области мы встрѣчаемъ другое слово: гр. ἰχθῦς, арм. jukn, лит. žuvìs; наконецъ, сл. рыба и скр. mátsyaḥ, персидск. māhī — стоятъ особнякомъ. Названія отдѣльныхъ видовъ рыбъ по большей части въ каждомъ языкѣ свои, очень немногія изъ нихъ имѣютъ этимологію, и область ихъ распространенія невелика, между тѣмъ какъ два достовѣрно старыхъ названія птицъ относятся къ водянымъ птицамъ, и мы имѣемъ также въ скр. udráḥ, зд. udrō, др.-сл. къıдра, лит. údra, др.-вр.-нѣм. ottar

производное отъ имени воды имя водяного животнаго, обыкновенно со значеніемъ „выдра“ (но гр. ὕδρος, ὕδρᾱ „водяная змѣя“); а въ др.-сл. **бѣбръ**, **бобръ**, лит. bẽbrus, др.-вр.-нѣм. bibar, галл. bibro-, bebro- (въ именахъ собственныхъ), лат. fiber, feber мы имѣемъ производное отъ прилагательнаго „коричневый“ (лит. bė́ras) имя со значеніемъ „бобръ“ (и похожее на него животное въ скр. babhrú̍ḥ и зд. bawriš).

змѣя: скр. áhiḥ, зд. ažiš, гр. ὄφις, арм. iž (изъ *ēgʷhi-); лат. anguis, ирл. (esc-)ung („угорь“), лит. angìs, польск. wąż, русск. **ужъ** (отражаетъ ***жжь**); и гот. nadrs, ирл. nathir, лат. natrix, нѣм. Natter „гадюка“.

муха: др.-сл. **моуха** (и **мъшица** „мошка“), лит. musẽ, гр. μυῖα, лат. musca, арм. mun (см. стр. 214), др,-сакс. muggia „комаръ“.

шершень: др.-сл. **шрѣшень** (серб. ср̑шљēн), лит. szirszū̃ (род. ед. szirszeñs) и szirszlỹs (вин. ед. szirszlį̃), лат. crābrō (изъ *crāsrō), кимр. creyryn.

оса: vapsà, др.-сл. **оса** (изъ ***коса**), др.-вр.-нѣм. wafsa, лат. uespa (изъ *wopsa).

пчела: индо-евр. слово *médhu въ восточныхъ діалектахъ значитъ и „медъ“, и „приготовляемый изъ меду напитокъ, медъ“ (а иногда, въ тѣхъ странахъ, гдѣ была разводима виноградная лоза, и „вино“): скр. mádhu, зд. maδu, др.-сл. **медъ**, лит. medùs, midùs; въ другихъ языкахъ сохранилось только значеніе „медъ — напитокъ“ (или „вино“): гр. μέθυ, др.-вр.-нѣм. meto, ирл. mid; другое слово, менѣе распространенное, обозначаетъ „медъ“ въ собственномъ смыслѣ: гр. μέλι, μέλιτος, гот. miliƕ, лат. mel, ирл. mil, арм. meł r. Названіе „пчелы“ *bhei- съ различными суффиксами мы находимъ въ др.-англ. béo, др.-вр.-нѣм. bini, лит. bitìs, др.-прусск. bitte, ирл. bech, др.-сл. **бъчела**; названіе „медовой мухи“ мы имѣемъ въ греч. μέλισσα, алб. mial'tse, арм. meł u; слово это было образовано, повидимому, для того, чтобы не употреблять собственнаго имени пчелы во время собиранія меду. Нѣтъ имени „улья“ потому, что собирали только медъ дикихъ пчелъ.

червякъ: скр. kŕ̥miḥ, персидск. kirm, лит. kirmis, ирл. cruim, кимр. pryf и лат. uermis, др.-вр.-нѣм. wurm, гр. ῥόμος.

Эти имена, за рѣдкими исключеніями, какъ и имена родства, не могутъ быть сведены къ глагольнымъ корнямъ.

Имена растеній еще рѣже, чѣмъ имена животныхъ,

имѣютъ этимологію, и даже тѣ изъ нихъ, которыя восходятъ къ индо-европейскому языку, обыкновенно встрѣчаются въ меньшемъ количествѣ діалектовъ. Замѣчательно, что „лѣсъ“ не имѣетъ названія, которое съ достовѣрностью могло бы быть признано индо-европейскимъ. Сохранившіяся слова представляютъ имена предметовъ, которыми приходилось пользоваться ежедневно; поэтому мы встрѣчаемъ слѣдующія названія:

дерево (матеріалъ): скр. dāru „дерево“, dárviḥ „ложка“; гр. δόρυ „дерево, древко копья, копье“, δένδρον „дерево“ (съ интенсивнымъ удвоеніемъ, см. стр. 140 и сл.), δρῦς „дубъ“; др.-сл. **дрѣво** (множественное собирательное **дрѣва**); лит. dervà „еловое дерево“, галл. dervo-, брет. derv „дубъ“; гот. triu „дерево“, др.-ирл. daur „дубъ“; и т. д.

Нѣкоторыя деревья имѣютъ старыя названія, по преимущество женскаго рода; изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить:

букъ: лат. fāgus, др.-исл. bók, др.-вр.-нѣм. buohha; гр. φηγός (дор. φᾱγός) — слово женскаго рода на *-o-, какъ и соотвѣтствующее латинское — обозначаетъ видъ дуба.

береза: скр. bhūrjaḥ, лит. béržas и др.-сл. **брѣза** (русск. берёза), др.-вр.-нѣм. birihha, др.-исл. biǫrk; индо-европейское слово было основою женскаго рода на *-o-, которая однако нигдѣ непосредственно не сохранилось; ср. лат. fraxinus „ясень“ и farnus „ясень“.

ива: зд. vaēitiš (перс. bēd), др.-прусск. witwan, гр. Fιτέᾱ, др.-вр.-нѣм. wīda: въ дѣйствительности здѣсь имѣется въ виду гибкая вѣтвь, которая можетъ получать весьма разнообразное примѣненіе, и это значеніе „гибкой вѣтви“ мы находимъ въ скр. vetasáḥ „бамбукъ“, др.-сл. **вѣтвь, вѣтвье**, лит. výtis, ирл. fēith, и т. д.; слово принадлежитъ къ корню скр. váyati „плететъ, ткетъ“, лит. vejù „вью“ (веревку), лат. uiēre „плести“, uītis „виноградная лоза“ и т. д. Особое слово для „ивы“ мы встрѣчаемъ въ лат. salix, др.-ирл. sail (род. ед. sailech), др.-вр.-нѣм. salaha.

дубъ: др.-вр.-нѣм. forha, лат. quercus (изъ *perkʷus, какъ quīnque изъ *penkʷe) и др.-вр.-нѣм. eih, др.-англ. ác, ср. лат. aesculus(?), гр. αἰγίλωψ „родъ дуба“ (?). Есть общее индо-европейское слово для „желудя“: лат. glans, гр. βάλανος, лит. gilė, др.-сл. **желѫдь**, арм. kałin.

Существованіе нѣсколькихъ именъ злаковъ, повидимому,

указываетъ на существованіе культуры нѣкоторыхъ хлѣбныхъ растеній, что̀ прекрасно согласуется съ существованіемъ корня, обозначающаго „пахать“ (ср. стр. 328) и нѣкоторыхъ другихъ названій, относящихся къ земледѣлію: скр. yávaḥ, зд. yavō обозначаетъ различныя хлѣбныя растенія, и въ особенности „ячмень“; точно также лит. javaĩ значитъ „зерновой хлѣбъ“, гом. ζειαί обозначаетъ одинъ видъ зернового хлѣба, ирл. corna „ячмень“; кромѣ того „ячмень“ имѣетъ свое особое имя въ гр. κρῖ, κρῑθή, др.-вр.-нѣм. gersta, лат. hordeum, арм. gari (формы, которыя трудно свести къ одному общему типу). Слова подобнаго рода мѣняютъ свое значеніе съ измѣненіемъ культуры; напр. гр. πῡροί и лит. pūrai обозначаютъ „пшеницу“, но др.-сл. пыро переводитъ гр. ὄλυρα „полба“, κέγχρος „просо“. На основаніи этихъ сопоставленій мы можемъ заключать о существованіи культуры растеній, но лингвистика не даетъ возможности опредѣлить, какихъ именно. Есть также одно слово для обозначенія „мякины“: скр. palāvaḥ, др.-сл. плѣва, др.-прусск. pelwo, лит. pelaĩ, лат. palea. Названіе „зерна“ (др.-сл. зрѣно, др.-прусск. syrnę, гот. kaurn, др.-ирл. grān, лат. grānum) засвидѣтельствовано только въ языкахъ, знающихъ корень *sē- „сѣять“ (др.-сл. сѣти, лит. sė̃ti, гот. saian; др.-ирл. sīl „посѣвъ“, лат. sēmen) и не существуетъ ни въ индо-иранскомъ, ни въ армянскомъ, ни въ греческомъ; это тѣ же языки, въ которыхъ мы находимъ названіе „яблока“ и „яблони“: др.-сл. аблъко, лит. óbůlas „яблоко“, obelìs „яблоня“, др.-вр.-нѣм. apful „яблоко“, др.-ирл. aball „яблоко“; вѣроятно, и Abella въ Кампаніи (области осскаго языка) значитъ „городъ яблокъ“, не даромъ Виргилій называетъ её malifera „богатая яблоками“; названіе „яблока“, распространенное въ сѣверныхъ и западныхъ діалектахъ, въ Италіи было вытѣснено дорическимъ словомъ μᾶλον (откуда лат. mālum), происхожденіе котораго неизвѣстно и которое обозначало культивированное яблоко; въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ результатъ появленія средиземно-морской и эллинской цивилизаціи на мѣстѣ сѣверно-европейской культуры, которая была первоначально и культурою латинскихъ и осско-умбрскихъ племенъ.

„Соль“, особенно необходимая при растительной пищѣ, имѣетъ особое названіе: лат. sāl (sălis), умбр. salu „salem“, ирл. salann, гот. salt, др.-прусск. sal, латыш. sāls, арм.

alъ и altkh, греч. ἅλς; этого названія нѣтъ въ индо-иранскомъ, гдѣ нѣтъ также индо-европейскаго корня, обозначающаго „пахать“ (см. стр. 328 и сл.).

Неопредѣленность и малочисленность засвидѣтельствованныхъ названій растеній составляютъ рѣзкій контрастъ съ опредѣленнымъ значеніемъ и обиліемъ именъ животныхъ; отсюда дѣлаютъ выводъ, что „мясо“ дикихъ и домашнихъ животныхъ (скр. māṃsám, др.-сл. **мясо**, арм. mis, гот. mims) составляло вмѣстѣ съ молокомъ (названія котораго имѣютъ довольно различныя формы, лишь отчасти родственныя другъ другу) самую главную часть пищи индо-европейцевъ; лат. iūs, скр. yūḥ, лит. júszė, др.-сл. **юха** обозначаютъ похлебку изъ мяса. Слово, отражающееся въ скр. sarpíḥ „масло“, алб. g'alpε, др.-англ. sēalf, др.-вр.-нѣм. salba, гр. ἔλπος· ἔλαιον, στέαρ (Гезихій; ср. ὄλπη „бутылка для масла“) обозначало въ индо-европейскомъ родъ „масла“; и зд. raoγnəm, перс. rōγan „масло“ нельзя отдѣлить отъ ср.-вр.-нѣм. roum „сливки“ (нѣм. rahm), др.-англ. réam, др.-исл. rióme.

C. Названія, касающіяся религіи.

Если оставить въ сторонѣ небесныя тѣла, какъ солнце, луну, или естественныя явленія, какъ зарю, громъ, огонь и т. д., которыя подъ своимъ первоначальнымъ именемъ считались божествами въ древней Индіи и Греціи, то мы не найдемъ ниодного обще-индоевропейскаго имени божества: вед. Indraḥ не имѣетъ соотвѣтствій внѣ индо-иранскаго языка, а греч. Ἀπόλλων не имѣетъ соотвѣтствій внѣ греческаго. Нѣкоторыя на первый взглядъ заманчивыя сопоставленія, какъ напр. вед. Gandharváḥ, зд. Gandarəvō съ гр. Κένταυρος или вед. Saraṇyūḥ съ гр. Ἐρινύς не идутъ далѣе двухъ языковъ, что дѣлаетъ ихъ сомнительными a priori, и сверхъ того не выдерживаютъ серьезной критики со стороны фонетической; такъ напр. по поводу сопоставленія Gandharváḥ и Κένταυρος можно замѣтить: 1) что мѣсто ударенія различно; 2) что индо-иранск. g не соотвѣтствуетъ гр. κ; 3) что первое a въ словѣ Gandharváḥ можетъ отражать первоначальное *a или *o, но не *e, такъ какъ иначе въ началѣ должно было бы быть j, а не g; 4) что скр. dh не соотвѣтствуетъ гр. τ; 5) что скр. -arvaḥ не соотвѣтствуетъ гр. -αυρος; поэтому, если

даже и возможно сближать миѳъ о гандхарвахъ съ миѳомъ о кентаврахъ (что̀ однако же не очевидно само по себѣ), все же мы не имѣемъ право сближать имена. — Нѣтъ ни-одного достовѣрнаго индо-европейскаго слова, которое бы обозначало жертвоприношеніе или какой-либо обрядъ.

Только индо-европейское названіе „бога“ сохранилось во многихъ языкахъ: скр. devâḥ (зд. daēvō „демонъ“), лит. dẽvas, др.-прусск. deiwan (вин. пад. ед. ч.), др.-исл. tívar „боги“, галл. dēvo-, dīvo-, др.-ирл. dīa, лат. deus (род. ед. dīuī); отсюда произведено прилагательное: скр. divyáḥ, гр. δῖος (изъ *διFyος), лат. dīus. Но это слово значитъ „блестящій“ и его нельзя отдѣлять отъ названія дня, свѣтлаго неба, которое часто обожествлялось: скр. dyáuḥ „небо, день“, гр. Ζεύς, ΔιFός, лат. Iuppiter (= Ζεῦ πάτερ „о небо, отецъ!“; „отецъ-небо“ скр. pitâ̆ dyáuḥ противуполагается „матери-землѣ“, скр. mātâ̆ pr̥thivî̆ напр. въ R. V. I, 89, 4; гр. Δημήτηρ заключаетъ въ себѣ слово „мать“, которому предшествуетъ неясное слово), лат. Iouis (род. ед.) и diēs „день“, осск. род. п. Júveis, дат. п. Diúveí, Iúveí, др.-вр.-нѣм. Zīo, арм. tiw „день“. Люди называются смертными и земными, боги — безсмертными и небесными; эта противуположность выражается и въ языкѣ: люди называются то смертными: скр. mártaḥ „смертный, человѣкъ“, гр. μορτός· ἄνθρωπος, θνητός (Гезихій) и гом. βροτός, др.-перс. martiya и зд. mašyō (изъ *martya-) „человѣкъ“, арм. mard „человѣкъ“, то „земными“ (гр. ἐπιχθόνιοι, Гомеръ θ 479): лат. homō, гот. guma, лит. žmogùs (ср. лит. žẽmė „земля“ и т. д. см. стр. 220); эти выраженія такъ широко распространились, что старое названіе „человѣка“ (скр. mánuḥ и mánuṣaḥ, др.-сл. мѫжь, гот. manna [род. ед. mans]) въ большинствѣ языковъ исчезло. Боги — богаты и раздаютъ богатства (δοτῆρες ἐάων); отсюда, вѣроятно, происходитъ собственное имя ведическаго бога Bhágaḥ (буквально „надѣлитель“ или „хорошо надѣленный, богатый“) и нарицательное имя др.-перс. baga „богъ“, др.-сл. богъ (ср. др.-сл. оу-богъ „бѣдный“, богатъ „богатый“); совпаденіе иранскаго и славянскаго, повидимому, не случайно, такъ какъ есть и другія слова, касающіяся религіи, которыя совпадаютъ въ этихъ двухъ языкахъ, а именно зд. spəntō = др.-сл. свѧтъ, лит. szveñtas „святой“ и зд. sravō = др.-сл. слово (между

тѣмъ какъ скр. çrávaḥ и гр. κλέ(F)ος значатъ „слава“, какъ др.-слав. **слава**, лит. szlovẽ) и, по крайней мѣрѣ въ этихъ двухъ случаяхъ, предположеніе заимствованія словъ славянами у иранцевъ, которое возможно было бы поддерживать по отношенію къ слову **богъ**, совершенно не можетъ имѣть мѣста. Индо-иранскій и итало-кельтскій языки представляютъ много соотвѣтствій въ словарѣ, изъ которыхъ самое замѣчательное это — скр. çrád dadhāti „вѣритъ“, çraddhā „вѣра“, лат. crēdō (perf. crēdidī), др.-ирл. cretim (читай kredim) „вѣрю“. Въ виду этого ничто не препятствуетъ сближать скр. brahmán — „индійскій священнослужитель“ съ лат. flāmen; но утверждать тождество этихъ словъ было бы произвольно.

Вообще, нигдѣ словари различныхъ индо-европейскихъ языковъ не расходятся такъ рѣшительно, какъ въ словахъ касающихся религіи, вѣроятно потому, что каждое племя имѣло свой собственный культъ; нигдѣ мы не встрѣчаемъ столь мало-достовѣрныхъ сближеній, а потому индо-европейская лингвистика не можетъ оказать сравнительной миѳологіи никакой серьезной поддержки.

D. Названія нѣкоторыхъ вещей.

Названія вещей чрезвычайно легко поддаются измѣненіямъ. Когда торговля или подражаніе сосѣдямъ вводитъ новую форму вещи или новое усовершенствованіе, тогда новыя слова либо иностранныя, либо туземныя входятъ въ употребленіе и замѣняютъ старыя, такъ что съ теченіемъ времени названія одинаковыхъ предметовъ, имѣющихъ одно и то же назначеніе, оказываются различными въ языкахъ, вообще сходныхъ между собою. Названіе „топора“ можетъ иллюстрировать это явленіе.

„Топоръ“ былъ, несомнѣнно, извѣстенъ; но названія его различны почти въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ. Корень санскритскаго tákṣati „строитъ, тешетъ“ далъ др.-сл. **тесла**, др.-вр.-нѣм. dehsala, др.-ирл. tāl; корень латинскаго secō, др.-сл. **сѣкѫ** далъ лат. secūris и др.-сл. **секыра**; гот. aqizi напоминаетъ греч. ἀξίνη и лат. ascia, хотя трудно всѣ эти три формы свести къ одному общему оригиналу; скр. svádhitiḥ имѣетъ отдаленное сходство съ лит. vedegà, др.-прусск. wedigo; самое разительное сходство наблюдается

въ скр. paraçúḥ и гр. πέλεκυς, но это слово имѣетъ неиндоевропейскій видъ и, повидимому, является очень древнимъ заимствованіемъ: съ нимъ сближаютъ ассирійское pilakku „топоръ“. Каждое изъ названій „топора“ встрѣчается только въ двухъ или трехъ языкахъ.

Достаточно указать здѣсь нѣкоторыя другія названія предметовъ, особенно широко распространившіяся по индоевропейской области.

Названіе „колеса“ въ западныхъ діалектахъ: лат. rota, др.-ирл. roth, др.-вр.-нѣм. rad, лит. rãtas не встрѣчается ни въ славянскомъ, ни въ армянскомъ, ни въ греческомъ; и въ индо-иранскомъ соотвѣтствующее слово скр. ráthaḥ, зд. raθō означаетъ „повозку“: оба значенія независимо одно отъ другого восходятъ къ корню *reth- „бѣжать“: др.-ирл. rethim „бѣгу“, лит. ritù „качусь“. Скр. cakrám, зд. čaxra-, др.-англ. hweohl, гр. κύκλος и, въ формѣ безъ удвоенія, др.-сл. **коло**, др.-прусск. kelan, др.-исл. huel представляютъ также индо-европейское діалектическое названіе „колеса“ (именит.-винит. мн. ч. ср. р. др.-сл. **кола** значитъ „повозка“); по первоначальному значенію слово это обозначаетъ вращающійся предметъ; корень въ немъ тотъ же, что и въ скр. cárati „вращается“, ср. гом. περιπλομένων и περιτελλομένων ἐνιαυτῶν „въ круговоротѣ лѣтъ“, ἀμφίπολος „прислужникъ“ (буквально „ходящій вокругъ, ухаживающій“; ср. др.-лат. an-culãre „служить“ и лат. ancilla „служанка“), гр. πόλος „ось“ и лат. colus „прялка“. Гр. τρόχος и ирл. droch „колесо“ тоже родственны гр. τρέχω „бѣгу“, будущее вр. θρέξομαι. Такимъ образомъ названія „колеса“ довольно разнообразны. Наоборотъ, „ось“ всюду обозначается корнемъ *aks-, распространеннымъ различными вторичными суффиксами: скр. ákṣaḥ, гр. ἄξων, др.-вр.-нѣм. ahsa; др.-исл. ǫxoll; др.-сл. **ось**, лит. aszìs, кимр. echel (изъ *aksi-lā), лат. axis. Одно и то же имя служитъ для обозначенія „пупа“ и „ступицы“ колеса: скр. nábhiḥ (и nábhyam), др.-прусск. nabis, др.-вр.-нѣм. naba (рядомъ съ nabolo „пупъ“). Корень *weg$_1$h- „ѣхать“ былъ отмѣченъ выше на стр. 328.

„Лодка“ называется въ скр. náuḥ (вин. ед. nāvam), перс. nāv (др.-перс. nāviyā „флотъ“), арм. naw, гр. ναῦς (вин. ед. гом. νῆα, іон. νέᾱ), лат. nãuis (по образцу вин. пад. nãuem), ирл. nau, др.-исл. nór. „Корма“ также имѣетъ

особое имя: др.-сл. кръма, гр. πρύμνη. Корень, выражающій понятіе „грести, гребецъ, весло“ былъ отмѣченъ выше на стр. 328.

Камень, служащій для растиранія, размола зеренъ называется въ скр. grā́van-, ирл. brō, кимр. breuan, лит. gìrnos, др.-сл. жрънъı, гот. -qairnus, арм. erkan.

Есть одно хорошо засвидѣтельствованное названіе металла: скр. áyaḥ, зд. ayō „бронза (?), желѣзо“, гот. aiz, др.-вр.-нѣм. ēr, др.-исл. eir, лат. aes „бронза“; трудно сказать, было ли это именемъ „мѣди“ или уже „бронзы“. Слѣдуетъ еще указать др.-сл. роуда, которое, повидимому, родственно лат. raudus „руда“.

Имена драгоцѣнныхъ металловъ замѣтно различаются по формѣ въ различныхъ языкахъ, но родство ихъ несомнѣнно. Имена „золота“, культура котораго, по свидѣтельству археологіи, еще древнѣе культуры мѣди: гот. gulþ др.-вр.-нѣм. gold), латыш. zelts и др.-сл. злато (русск. зóлото, польск. złoto) имѣютъ одинъ корень съ тремя различными ступенями вокализма: нуль, е и о; скр. híraṇyam = зд. zaranim имѣютъ тотъ же корень, но различные суффиксы; гр. χρῡσός заимствовано изъ финикійскаго; лат. aurum, др.-прусск. ausin (и лит. áuksas) не ясны. Имена „серебра“ скр. rajatám и зд. erəzatəm различаются вокализмомъ корня; лат. argentum, ирл. argat, корнское argant — съ одной стороны, и арм. arcath — съ другой, имѣютъ одинаковый вокализмъ корня, засвидѣтельствованнаго въ индо-иранскомъ, но не вполнѣ совпадаютъ въ суффиксахъ; еще болѣе отличается суффиксъ гр. ἄργυρος; германскій, балтійскій и славянскій языки имѣютъ для обозначенія серебра совершенно другія слова, родственныя между собою, но, повидимому, заимствованныя въ очень давнее время, неизвѣстно, изъ какого языка.

Каждое изъ именъ „мѣди“, „золота“ и „серебра“ встрѣчается во многихъ языкахъ, и это указываетъ на индо-европейское происхожденіе словъ; но каждое изъ именъ также и отсутствуетъ въ большинствѣ группъ, и нѣтъ доказательствъ того, чтобы обозначаемые этими именами предметы имѣли большое распространеніе въ обще-индоевропейскій періодъ. Не претендуя на полную точность, можно предполагать, что „индо-европейская“ эпоха въ той, точно неопредѣлимой области, гдѣ говорили на обще-индоевропейскомъ языкѣ, со-

впадаетъ съ концомъ періода полированнаго камня и началомъ періода мѣди или бронзы; слѣдовательно, раздѣленіе индо-европейцевъ произошло приблизительно въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Х.

„Желѣзо“, несомнѣнно, не было извѣстно: имена его различны въ разныхъ языкахъ; нѣтъ общаго индо-иранскаго имени, отчасти, конечно, потому, что скр. áyaḥ и зд. ayō, древнія названія „мѣди“ или „бронзы“, были перенесены на желѣзо; лат. ferrum и гр. σίδηρος стоятъ особнякомъ; если въ германскомъ: гот. eisarn, др.-исл. ísarn, др.-вр.-нѣм. īsarn, и въ кельтскомъ: др.-ирл. īarn, кимр. haiarn мы находимъ одно и то же слово, то это происходитъ оттого, что развитіе обработки желѣза имѣло мѣсто въ то время, когда народы кельтскаго и германскаго языковъ имѣли одну и ту же культуру (послѣ итало-кельтскаго періода); славянскій и балтійскій языки, по той же причинѣ, имѣютъ одно названіе, почти тождественное: др.-сл. желѣзо, лит. geležìs, др.-прус. gelso (сопоставленіе съ гр. χαλκός „бронза“ — недоказуемо и фонетически неточно). Поздній характеръ названій „желѣза“ вполнѣ согласуется съ тѣмъ, чего мы могли бы ожидать на основаніи данныхъ археологіи.

Е. Части тѣла.

Многія изъ названій частей тѣла относятся къ числу тѣхъ, которыя представляютъ измѣненія суффиксовъ въ склоненіи, что влечетъ за собою измѣненія вокализма элемента, предшествующаго суффиксу; выше, на стр. 263, мы познакомились съ именами „колѣна“, „уха“ и „печени“; названіе „крови“ относится къ тому же разряду: скр. ásṛk род. ед. asnáḥ, лат. діал. assir, asser, гр. ἔαρ, гом. εἶαρ, латыш. asins.

Между этими названіями есть большое число основъ съ нулевымъ суффиксомъ. Названіе „ноги“ было указано на стр. 212, названіе сердца на стр. 213 (ср. стр. 142 сл.); но часто эти основы съ нулевымъ суффиксомъ бываютъ распространены при помощи различныхъ вторичныхъ суффиксовъ; такъ мы имѣемъ скр. hṛ̊dayam, зд. zərəδaēm рядомъ съ скр. hṛ̊d-, зд. zərəd-, персидск. dil „сердце“; гр. καρδίᾱ, гом. κραδίη и др.-ирл. cride рядомъ съ κῆρ и лат. cor (им. и вин. мн. ч. corda), др.-прусск. seyr, sīran; лит. szirdìs, др.-сл.

сръдь-це, арм. sirt (творит. ед. srti-w) представляютъ то же распространеніе основы суффиксомъ *-ei-, которое мы находимъ въ скр. им. и вин. п. ед. ч. ср. р. hárdi отъ основы ḱr̥d-; германскій языкъ во всемъ склоненіи провелъ суфф. *-en-, какъ напр. гот. hairto (род. ед. hairtins). Общій процессъ распространенія этихъ основъ, принципы котораго были указаны выше на стр. 214 и сл., привелъ къ тому, что названія частей тѣла сильно отличаются въ различныхъ языкахъ даже въ такихъ случаяхъ, когда въ сущности мы имѣемъ дѣло съ одинаковыми наименованіями; вотъ нѣсколько примѣровъ этого явленія:

гом. ὄσσε „глаза“ (им. и вин. п. дв. ч. ср. р.) и ὦπα (вин. ед. м. р.); др.-сл. **очи** (им. и вин. дв. ч.) = лит. akì „глаза“, арм. ačkh „глаза“: это имя представляетъ основу съ нулевымъ суффиксомъ отъ корня, встрѣчающагося также и въ глагольныхъ формахъ: гр. ὄπωπα, ὄψομαι, скр. íkṣate „смотритъ“. Къ лит. двойственному akì по аналогіи было образовано единственное число akìs. Распространеніе суффиксомъ *-es- даетъ славянское единств. число **око** (род. ед. **очесе**) и скр. двойств. ákṣ-ī = зд. aš-i; распространеніе этой основы суффиксомъ *-ei- въ им. и вин. ед. ч. и суффиксомъ *-en- въ другихъ падежахъ даетъ остальныя санскритскія формы: ákṣi, род. ед. akṣṇáḥ; лат. oc-ulus и беот. ὄκταλλος. — Сложное производное съ тематическою основою или суффиксомъ *-ā- встрѣчается въ скр. ánīkam, гр. ἐνωπή (и ἐνώπια), др.-ирл. enech, кимр. enep „лицо“ и въ скр. prátīkam, гр. πρόσωπον „лицо“.

зд. uš-i (им. и вин. двойств. ср. р.) „уши“, др.-сл. **оуш-и** = лит. ausì (къ которому было образовано ед. ч. ausìs; лат. auris, конечно, является результатомъ такого же процесса); распространеніе суффиксомъ *-es- въ гр. οὖς, др.-сл. **оухо** (род. **оушесе**), др.-ирл. au, ō (род. ед. aue); распространеніе суфф. *-en- въ гот. auso (род. ед. ausins) и гом. οὔατος.

лат. ōs (род. ōris), ирл. ā „ротъ“, скр. āsáḥ = зд. åṅhō „рта“ (род. ед.); распространеніе суфф. *-en- въ скр. āsnáḥ (род. ед.), суфф. *-iyo- въ им. ед. скр. ās(í)yam. — Гр. ὦα „край (одежды)“ = лат. ōra „берегъ“ есть производное на *-ā-; лит. ūstas, ūsta „устье“ — производныя на *-to-, *-tā-.

гом. κάρ „голова“; форма распространенная суф. *-es- очень распространена и сама принимаетъ другіе суффиксы;

такимъ образомъ мы имѣемъ: скр. çíraḥ род. ед. çīr-ṣ-ṇ-áḥ, зд. sarō, лат. cerebrum (*$k_1$erə-s-ro-m) „мозгъ“, атт. дор. κάρᾱνον (*k_1ºrə-s-no-m), гр. κόρση „високъ“ (*$k_1$orə-s-ā), др.-вр.-нѣм. hirni (*$k_1$erə-s-n-iyo-m).

скр. bhrúḥ (род. ед. bhruváḥ) „бровь“, др.-сл. **бръвь** (изъ вин. ед. *bhruw-ṇ), др.-англ. brú; или съ начальнымъ гласнымъ перс. abrū, гр. ὀφρῦς (род. ед. ὀφρύ(F)ος), сербс. о̏брва (перешло въ славянскія основы на -ə-); мы имѣемъ производное на *-ā- съ кореннымъ вокализмомъ *ē въ др.-вр.-нѣм. brāwa, и производныя на *-et- въ зд. brvat-, др.-ирл. brūad (род. двойств.), ирл. abrait (им. множ.).

скр. nā́sā = зд. nå̄ṅha (им. и вин. дв. ч.) „носъ“ (род. дв. скр. nasóḥ), др.-перс. nāham (вин. ед.), лат. nārēs, лит. nósis (перешло въ основы на *-ei-), др.-вр.-нѣм. nasa, др.-англ. nosu; тематическая форма въ др.-сл. **носъ**, лат. nāsus. — Вокализмъ корня неясенъ.

скр. dántam (вин. ед.), datáḥ (род. ед.) „зубъ“, лат. dens, dentum (род. мн. у Варрона), лит. dantų̃ (род. мн.), dantìs (перешло въ основы на *-ei-), гот. tunþu (вин. ед., откуда им. ед. tunþus), др.-вр.-нѣм. zand, др.-ирл. dēt; греческій языкъ имѣетъ форму съ начальнымъ гласнымъ: ὀδούς (ὀδόντος).

зд. ast- „кость“; съ суффиксами *-ei- и *-en-: скр. ásthi (им. и вин. ед.), asthnáḥ (род. ед.); съ суф. *-es-: лат. os (род. ед. ossis изъ *osth-s-es?); суфф. *-eu-: арм. oskr (изъ *osth-w-er?), ср. лат. ossua; суфф. *-eyo-: гр. ὀστέον.

гр. ὄνυξ (ὄνυχος) „ноготь“; лат. unguis; др.-ирл. ingen; др.-вр.-нѣм. nagal; лит. nāgas; др.-сл. **ногъть**; скр. nakháḥ и nakhám (см. стр. 142); ниодна форма не совпадаетъ вполнѣ съ другою.

Случается, что основа съ нулевымъ суффиксомъ прямо не засвидѣтельствована, и мы имѣемъ только производныя отъ нея; такова, напр., основа *ŏl- въ скр. áratniḥ „локоть“, зд. arəϑna- „локоть“ и frārāϑni- „локоть (мѣра)“, др.-прусск. woltis „предплечье“ и woaltis „локоть (мѣра)“ — гр. ὠλένη, лат. ulna (съ выпаденіемъ краткаго гласнаго между l и n), др.-ирл. uile (род. ед. uilen), кимр. elin, гот. aleina, др.-вр.-нѣм. elina — лит. alkúnė „локоть“, ůlektis „локоть (мѣра)“, др.-сл. **лакъть**, гр. ἄλαξ „предплечіе“ (глосса) и ὀλέκρᾱνον, ὠλέκρᾱνον „локоть“, лат. lacertus. — Другой при-

мѣръ: гр. χορδή „кишка“ (изъ *$g_1$horə-dā, со вторичнымъ суффиксомъ *-dā-); лит. žárna „кишка“, др.-исл. gǫrn (мн. ч. garnar), алб. zōrɛ; лат. haru-(spex); скр. hirā́ „вена“.

Нѣкоторыя имена имѣютъ нѣкоторое сходство, но настолько различаются въ подробностяхъ, что невозможно установить общій оригиналъ. Названіе „языка“ имѣетъ въ серединѣ слова общій элементъ *-$g_1$hwā-, *-ghū-: скр. jihvā́; лат. dingua, lingua; гот. tuggo; др.-сл. **ꙗзꙑкъ**, др.-прусск. insuwis; зд. hizvā- и hizū-; лит. lẽžùvis, арм. lezu (послѣднія два слова измѣнены подъ вліяніемъ корня *leig$_1$h- „лизать“). — Имя „селезенки“: скр. plīhā́, лат. lien, зд. spərəza, др.-сл. **слѣзена**, ирл. selg, лит. blužnìs, арм. phaycałn, гр. σπλήν (ср. σπλάγχνα „внутренности“).

Нѣкоторыя части тѣла въ разныхъ діалектахъ имѣютъ разныя названія; такъ для обозначенія „руки“ индо-иранскій языкъ имѣетъ одно слово: скр. hástaḥ, зд. zastō, др.-перс. dasta, которое напоминаетъ нѣсколько лит. pa-žastìs „подмышка“ („то, что подъ рукою“) и гр. ἀγοστός „ладонь“; въ балтійскомъ и славянскомъ названіе образовано отъ корня, значащаго „брать“ (лит. renkù „собираю“): др.-сл. **ржка**, лит. rankà; корень *$g_1$her- санскритскаго hárati „беретъ“, лит. žeriù „собираю“ далъ гр. χείρ, арм. jeṙn, алб. dorɛ, лат. (h)ir „рука“; основа *m^{o}n-, *mn̥- съ различными суффиксами является въ лат. manus, умбр. manuve (мѣст. п. ед. ч.), осск. manins, др.-вр.-нѣм. munt.

Есть двусложныя основы правильнаго образованія, хорошо сохранившіяся во многихъ языкахъ:

скр. áṃsaḥ „плечо“, арм. us, гр. ὦμος, умбр. onse (мѣстн. пад. ед. ч.), лат. (h)umerus; слѣдуетъ отмѣтить разницу между скр. a и греч. ω и латинскую трехсложную форму.

скр. çróṇiḥ = зд. sraoniš „ляжка“, лит. szlaunìs, др.-исл. hlaun, лат. clūnis.

гр. πέος = скр. pásaḥ; лат. pēnis изъ *pesnis, ср.-вр.-нѣм. visel.

скр. kákṣaḥ = зд. kašō „подмышка“; лат. coxa „бедро“ = др.-ирл. coss „нога“, др.-вр.нѣм. hahsa „колѣнное сочлененіе (у лошади)“, ср.-вр.-нѣм. hehse должно было обозначать сочлененіе вообще.

гр. ὄρρος „задница“, др.-вр.-нѣм. ars, арм. or.

Нѣкоторое количество словъ распространяется только

на три или даже на два смежныхъ языка; таковы: гот. munƀs „ротъ“, кимр. mant „челюсть“, лат. mentum „подбородокъ“ — гр. στόμα „ротъ“, зд. stamanəm (вин. ед.) — арм. beran „ротъ“, лит. burnà — скр. óṣṭhaḥ „губа“, зд. aošta и aoštra „губы“, др.-сл. оустa (им. и вин. мн. ч. ср. р.) и оустьна „губа“, др.-прусск. austa и austin „ротъ“ — лат. labium „губа“, др.-англ. lippa „губа“ — и т. д.

F. Числительныя.

Обыкновенная индо-европейская система счисленія есть система десятичная: для первыхъ десяти чиселъ существуетъ десять особыхъ названій; далѣе счетъ идетъ по десяткамъ: два десятка, три десятка и т. д., при чемъ промежутки заполняются единицами: одиннадцать, двадцать пять, тридцать восемь и т. д.; наконецъ, есть особое имя для „ста“. — Порядковыя числительныя образуются отъ количественныхъ при помощи вторичныхъ суффиксовъ съ извѣстными перемѣнами вокализма (см. стр. 232 и сл.).

I. Названія единицъ представляютъ три различныхъ группы:

a. Числительное „одинъ“, обозначаемое различными прилагательными:

Одни языки имѣютъ производное отъ корня *oi-: скр. ékaḥ — зд. aēvō, др.-перс. aiva (ср. гр. οἶFος „одинъ только“), — лат. ūnus (др.-лат. вин. п. oino[m]), др.-ирл. ōen, гот. ains, др.-прусск. вин. ед. ainan (ср. гр. οἰνή „тузъ“ [въ игрѣ въ кости]); другіе употребляютъ корень *sem-, засвидѣтельствованный скр. sa-kr̥̊t „одинъ разъ“; лат. semel, simplex и т. д.; гр. εἷς, μία (изъ *smiyə), ἕν; арм. mi. — Порядковое представляетъ слово производное отъ корня гр. πέρι, πάρος, πρό и т. д., и обозначаетъ „передній, стоящій впереди“: скр. prathamáḥ — скр. pūrv(i)yáḥ, др.-сл. пръкъıн, гр. πρῶτος — лит. pìrmas — лат. prīmus — и т. д.

b. „Два“, „три“ и „четыре“:

Эти три числительныхъ, по согласному свидѣтельству индо-иранскаго, армянскаго, балтійскаго, славянскаго, ирландскаго и греческаго языковъ, склоняются и имѣютъ особыя формы для каждаго рода: мужескаго, средняго и женскаго, слѣдовательно носятъ характеръ прилагательныхъ.

„Два“: муж. р. вед. d(u)vā́, d(u)váu, зд. dva, др.-сл. **дъва**, гом. δύω (гр. δύο), арм. erku, лат. duo, др.-ирл. dau, dā; жен. р. скр. d(u)vé, зд. duyē, др.-сл. **д(ъ)кѣ**, лит. dvì, лат. duae, др.-ирл. dī; средн. р. скр. d(u)vé, др.-сл. **д(ъ)кѣ**. Въ сложеніи употребляется форма *dwi-: скр. dvi-pā́t, гр. δί-πους, лат. bi-pēs, др.-англ. twi-fēte, ср. лит. dvi-kójis „двуногій“, арм. erkeam „двухлѣтній“ (erki-am). Есть слово обозначающее „оба“, которое склоняется какъ *duwō(u), но его начало весьма различно въ разныхъ языкахъ: скр. ubháu, ubhé, гат. жен. р. ubē; др.-сл. **оба**, **обѣ**, лит. abù, abì; гр. ἄμφω, лат. ambō; гот. bai. Собирательная форма: скр. dvayá-, ubháya-, др.-сл. **дъвон**, **обон**, лит. dvejì, abejì и лат. bīnī (ср. лит. dvynù „близнецы“), др.-исл. tuennr, гот. tweihnai. — „Дважды“: скр. dvíḥ, зд. biš (гдѣ b отражаетъ *dw, какъ и въ лат.), гр. δίς, лат. bis. — Для порядковаго числительнаго мы встрѣчаемъ либо производное отъ количественнаго: скр. dvitī́yaḥ „второй“, зд. bit(i)yō, либо форму слова „другой“ съ суффиксомъ *-tero-, *-tro-: гот. anþar, лит. añtras, либо другія слова.

„Три“: муж. р. скр. tráyaḥ, гр. τρεῖς, др.-сл. **трьіе**, арм. erekh, лат. trēs, гот. (вин. п.) þrins, др.-ирл. trī и т. д.; ср. р. вед. trī́, др.-сл. **три**, гр. τρία, лат. tria; древній женскій родъ сохранился только въ индо-иранскомъ и кельтскомъ: скр. tisráḥ, зд. tišarō, др.-ирл. teoir, средне-кимр. teir. Собирательная форма: скр. trayá-, др.-сл. **трон**, лит. treji и лат. trīnī, ternī, др.-исл. þrennr. — „Трижды“: скр. tríḥ, зд. θriš, гр. τρίς, лат. ter. Зд. θrit(i)yō, гр. τρίτος, арм. erir „третій“ сохраняютъ *i количественнаго числительнаго; но есть порядковыя числительныя, гдѣ этого *i нѣтъ: скр. tr̥tī́yaḥ, др.-прусск. tirtis, лит. trẽczias, др.-сл. **третии**; формы другихъ языковъ болѣе или менѣе загадочны.

„Четыре“: муж. р. скр. catvā́raḥ, вин. п. catúraḥ; дор. τέτορες, атт. беот. τέτταρες; др.-сл. **четыре**; арм. č̣orkh; др.-ирл. cethir, др.-кимр. petguar, pedwar; жен. р. скр. cátasraḥ, зд. čataŋrō, др.-ирл. cetheora, кимр. pedair. Собирательная форма: скр. catvarám „четыреугольное мѣсто, кварталъ“, др.-сл. **четвори**, лит. ketverì и лат. quaternī. — „Четыре раза“: скр. catúḥ, зд. caθruš, лат. quater. — Порядковое числительное имѣетъ довольно различныя формы: въ первомъ слогѣ первоначально былъ нулевой вокализмъ

*kʷtur-: скр. turíyaḥ, зд. tūriyō (ср. зд. ā-xtūirīm „въ четвертый разъ“), гр. ταρτο- въ ταρτη-μόριον у Гезихія; почти во всѣхъ языкахъ позднѣе было возстановлено *e: скр. caturtháḥ (въ Ригведѣ встрѣчается только turíyaḥ), гр. τέταρτος, др.-сл. **четвръ**тъ, лит. ketviřtas.

c. Отъ „пяти“ до „десяти“:

Отъ „пяти“, представляющаго число пальцевъ одной руки, до „десяти“, представляющаго число пальцевъ другой, мы имѣемъ новый рядъ словъ, несклоняемыхъ (это напоминаетъ первыя части сложныхъ словъ) и не имѣющихъ рода; порядковое числительное образуется на *-o- или на *-tho-:

5: скр. páñca, арм. hing, гр. πέντε, лат. quīnque, др.-ирл. cōic, гот. fimf. Порядковое: гр. πέμπτος, лат. quīntus, др.-вр.-нѣм. fimfto, лит. peñktas, др.-сл. **пат**ъ; нулевой вокализмъ др.-вр.-нѣм. funfto отражаетъ, повидимому, индо-европейское состояніе, которое въ прочихъ случаяхъ было измѣнено подъ вліяніемъ количественнаго числительнаго.

6: скр. ṣáṭ, зд. xšwaš, арм. veç, гр. ϝεξ (ἕξ), лат. sex, др.-сакс. sehs, др.-ирл. sē, кимр. chwech; порядковое: скр. ṣaṣṭháḥ, гр. ἕκτος, лат. sextus, др.-вр.-н. sehto, лит. szēsztas, др.-сл. **шест**ъ.

7: скр. saptá, арм. ewthn, гр. ἑπτά, лат. septem, др.-ирл. secht n-; порядковое: скр. saptamáḥ, лат. septimus, лит. sẽkmas и, со звонкимъ звукомъ, др.-сл. **седм**ъ, гр. ἕβδομος (ср. стр. 108).

8: вед. aṣṭā́, aṣṭáu (гдѣ ṣṭ произошло изъ *k_1t), арм. uth, гр. ὀκτώ, лат. octō, гот. ahtau, др.-ирл. ocht n-. Порядковое: лат. octāuos, гр. ὄγδοος (другія формы образованы по аналогіи).

9: скр. náva, арм. inn, гр. ἐννέ(F)α, лат. nouem, гот. niun, др.-ирл. nōi n-. Порядковое: лат. nōnus, скр. navamáḥ (гдѣ -m- подъ вліяніемъ аналогіи), гр. ἔνϝατος, гот. niunda, др.-прусск. newīnts.

10: скр. dáça, арм. tasn, гр. δέκα, лат. decem, гот. taihun, др.-ирл. deich n-. — Порядковое: скр. daçamáḥ, лат. decimus и гр. δέκατος, гот. taihunda, лит. deszimtas, др.-сл. **десѧт**ъ.

Эти шесть числительныхъ въ славянскомъ языкѣ замѣнены отвлеченными существительными: первыя пять — основы женск. р. на **-ть-**: **пать** „пятокъ“ (ср. скр. paṅktíḥ „пятокъ“),

шесть и т. д.; а названіе „десяти“ — основа муж. р. на *-t-, десят-, ср. лит. deszimt-, и основу на *-d-, гр. δεκαδ-.

Отъ „десяти“ до „двадцати“ въ большинствѣ языковъ мы встрѣчаемъ соединеніе названій единицъ съ „десятью“: гр. ἕνδεκα, δώδεκα и т. д.

II. Десятки.

Десятки выражаются словами производными отъ „десяти“ съ предшествующимъ названіемъ числа единицъ; эти производныя слова — средняго рода, имѣютъ суфф. *-t- и, нулевой вокализмъ въ первомъ слогѣ; такимъ образомъ получается форма со сложнымъ начальнымъ сочетаніемъ *dk$_1$m̥t-, *dk$_1$omt-, которая упрощается въ *k$_1$m̥t-, *k$_1$omt-; вслѣдствіе этого упрощенія сложеніе перестало быть понятнымъ. Въ германскомъ, балтійскомъ и славянскомъ полная форма названія десятковъ была возстановлена въ мужескомъ родѣ: „тридцать“ — др.-сл. три десѧти (и четыре десѧте), лит. trys dẽszimtys, гот. þrins tiguns (вин. п.), др.-вр.-н. drīzug. Въ армянскомъ, греческомъ и латинскомъ упрощенная форма продолжала существовать, но во всеобщее употребленіе вошла форма имен. и вин. пад. ср. р. и подъ вліяніемъ несклоняемыхъ формъ числительныхъ стала служить для всѣхъ падежей: „двадцать“ представляетъ такимъ образомъ старый им. и вин. п. дв. ч.: арм. k̇san (изъ *gisan), дор. беот. Fίκατι, лат. uīgintī, зд. vīsaiti (ср. стр. 250 и 262); слѣдующіе десятки представляютъ им. и вин. п. ср. р. множ. числа; такъ „тридцать“: арм. eresun, гр. τριάκοντα, лат. trīgintā (ср. стр. 249 и 259). Индо-иранскій и кельтскій языки употребляютъ производныя формы, склоняемыя въ единств. числѣ; такъ напр. „тридцать“: др.-ирл. tricha (со слѣдующимъ родит. падежомъ), зд. θrisat-, скр. triṃçát-. Склоненіе двойств. числа *wĭ-k$_1$m̥tĭ „20“ или множ. *trī-k$_1$ŏmtə „30“ и т. д. нигдѣ не сохранилось.

Въ индо-европ. *wĭ-k$_1$m̥tĭ „20“ *-wī должно обозначать „два“; слѣдуетъ отмѣтить долгій звукъ и.-е. *penkʷē- въ скр. pancā-çát „50“, зд. pančā-sat-, гр. πεντή-κοντα, арм. yisun (изъ *hingisun) „50“.

На мѣстѣ „шестидесяти“ мы замѣчаемъ перерывъ, свидѣтельствующій о вліяніи двѣнадцатиричной системы. Начиная съ „шестидесяти“ десятки въ индо-иранскомъ выражаются отвлеченными существительными, какъ напр. скр.

ṣaṣṭíḥ (по формѣ тождественно съ др.-сл. шесть „шестерка“), зд. xšwastiš „60“, скр. navatíḥ, зд. navaitiš „90“; въ греческомъ начиная съ семидесяти десятки производятся отъ порядковыхъ числительныхъ: ἑβδομήκοντα, ὀγδοήκοντα; латинскій языкъ тоже имѣетъ nōnāgintā (и septuāgintā?); въ германскомъ съ „семидесяти“ начинается особый типъ: гот. sibuntehund „70“, ahtautehund „80“, niuntehund „90“, др.сакс. antsiðunta „70“, antahtōda „80“, nigonda „90“; предполагаютъ, что типъ франц. soixante-dix, quatre-vingts, quatre-vingt-dix возникъ подъ галльскимъ вліяніемъ. Въ древнихъ германскихъ діалектахъ слово, отражающее индо-европейское названіе „сто“, приняло значеніе „120“, такъ что „100“ обозначается при помощи особаго указанія на то, что дѣло идетъ о десятичной сотнѣ.

„Сто“ обозначается словомъ, производнымъ отъ *dék^{1}m̥ съ суффиксомъ *-to-, средняго рода, съ правильнымъ склоненіемъ: *(d)k$_{1}$m̥tó-: скр. çatám, зд. satəm, др.-сл. сѣто, лит. szim̃tas (перешло въ муж. родъ вслѣдствіе исчезновенія средняго рода въ литовскомъ языкѣ); лат. centum представляетъ старый имен. и вин. п. ед. ч., превратившійся въ неизмѣняемую форму, какъ uīgintī, trīgintā и т. д.; точно также и гр. ἑ-κατόν (буквально „одна сотня“), гот. hund, кимр. cant.

Для „тысячи“ нѣтъ индо-европейскаго названія: связь скр. sahásram, зд. hazaŋrem съ дор. χήλιοι, лесб. χέλλιοι, атт. χῑλιοι — неясна; еще темнѣе отношеніе гот. þūsundi, др.-вр.-нѣм. dūsunt къ др.-сл. тысѧща, др.-прусск. tūsimtons, лит. túkstantis.

Глава девятая.

Развитіе индо-европейскихъ діалектовъ.

I.

Ряды соотвѣтствій, совокупность которыхъ составляетъ индо-европейскій языкъ, не всегда представляютъ спеціальныя особенности въ каждомъ изъ засвидѣтельствованныхъ языковъ; въ большомъ числѣ случаевъ цѣлый рядъ языковъ представляетъ одинаковыя отраженія звуковъ, противуполагающіяся отраженіямъ другихъ языковъ; а такъ какъ эти сходныя черты являются обыкновенно въ языкахъ, либо сосѣдящихъ другъ съ другомъ въ историческое время, либо расположенныхъ такимъ образомъ, что тѣ діалекты, изъ которыхъ они произошли, должны были соприкасаться до момента ихъ разселенія, то невольно приходишь къ мысли возводить часть такихъ общихъ особенностей къ эпохѣ индо-европейскаго единства.

И дѣйствительно, если область распространенія какого-либо языка достаточно обширна, между различными мѣстностями этой области всегда существуютъ діалектическія различія. Мы замѣчаемъ обыкновенно, что эти различія группируются по цѣлымъ областямъ и потому можемъ проводить „изоглоссы“ — линіи одинаковаго языка. Мы уже отмѣтили выше (на стр. 44) изоглоссу произношенія e и произношенія a латинскаго ударяемаго a въ Галліи; каждая изоглосса независима отъ всѣхъ другихъ (см. стр. 44 и сл.). Такимъ образомъ ряды соотвѣтствій между индо-европейскими языками позволяютъ разглядѣть такія изоглоссы внутри индо-европейскаго языка. (Вновь открытый „индо-скиѳскій“ [тохарскій] языкъ пока мы оставляемъ въ сторонѣ).

Самая яркая изъ этихъ линій та, которая характеризуетъ отраженія гортанныхъ звуковъ, при чѣмъ мы наблюдаемъ двѣ различныя группы: одну — типа centum (западная группа: греческій, италійскій, кельтскій и германскій языки) и другую типа satəm (восточная группа: индо-иранскій, славянскій, балтійскій, армянскій, албанскій языки); см. стр. 72 и сл.

Другая линія, тоже очень яркая, проводится на основаніи отраженія *o: индо-иранскій, славянскій, балтійскій, албанскій и германскій смѣшиваютъ *a и *o въ одномъ звукѣ a (славянское o, вѣроятно, — позднѣйшее измѣненіе), между тѣмъ какъ армянскій, греческій, италійскій и кельтскій различаютъ *ă и *o; см. стр. 77 и сл.

Двойное *tt отражается какъ ss въ италійскомъ, кельтскомъ и германскомъ, какъ st въ греческомъ, балтійскомъ, славянскомъ и иранскомъ (и какъ tt изъ *tst въ санскритѣ); см. стр. 106 и сл.

Въ серединѣ слова между согласными *ə сохраняется съ одной стороны въ санскритѣ, съ другой — въ греческомъ, италійскомъ и кельтскомъ, но пропадаетъ въ иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ, армянскомъ и германскомъ; см. стр. 80.

Звонкіе придыхательные звуки сохраняются въ санскритѣ, въ греческомъ и италійскомъ отражаются какъ глухіе придыхательные, а во всѣхъ другихъ языкахъ — какъ простые звонкіе, какъ напр. для губного звука скр. bh; гр. φ, лат. f; остальные языки b; см. стр. 69 и сл.

Послѣ *i, *u, *r и *k свистящій звукъ s стремится перейти въ шипящій въ индо-иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ (и до нѣкоторой степени въ армянскомъ); въ остальныхъ языкахъ s остается; см. стр. 75 и сл.

Приращеніе существуетъ въ индо-иранскомъ, армянскомъ и греческомъ; оно не извѣстно ни въ одномъ изъ остальныхъ языковъ.

Славянскій, балтійскій и германскій языки въ нѣкоторыхъ падежахъ, въ особенности въ дат. и аблативѣ мн. ч. имѣютъ окончанія съ *-m- при окончаніяхъ съ *-bh- въ другихъ языкахъ. Эти окончанія на *-bh- и на *-m- существуютъ только въ одной формѣ (различающейся въ разныхъ языкахъ) въ греческомъ, италійскомъ, кельтскомъ и

германскомъ; они представляютъ различныя формы въ зависимости отъ падежа и числа въ индо-иранскомъ, балтійскомъ и славянскомъ; см. стр. 250 и сл.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести много; но и только что приведенные, наиболѣе яркіе изъ нихъ, доказываютъ одновременно и существованіе изоглоссъ въ индоевропейскомъ языкѣ, и независимость каждой отдѣльной линіи отъ остальныхъ: въ числѣ приведенныхъ линій не найдется и двухъ такихъ, которыя совпадали бы во всѣхъ точкахъ. Индо-европейскій языкъ не представлялъ, слѣдовательно, совершеннаго единства. Сохранившаяся группировка языковъ географически наиболѣе близкихъ другъ къ другу соотвѣтствуетъ первоначальному ихъ расположенію: произошло распространеніе языковъ, а не ихъ перемѣщеніе. И индо-европейскіе языки не представляютъ говора одной только мѣстности подобно романскимъ языкамъ, представляющимъ различныя формы говора города Рима, который распространился на окрестности города, на Италію и на всю имперію; индо-европейскіе языки представляютъ различныя формы уже дифференцировавшихся говоровъ одной области, имѣвшей значительное протяженіе.

Съ другой стороны, нельзя допустить, чтобы распространеніе индо-европейскихъ языковъ по той области, которую они занимаютъ, произошло путемъ внезапнаго и однократнаго раздѣленія народа. Извѣстныя группы могли отдѣлиться отъ общей массы народностей индо-европейскаго языка и уже впослѣдствіи раздѣлиться на двѣ отдѣльныя группы. Эти періоды совмѣстнаго развитія отражаются въ болѣе или менѣе многочисленныхъ мелкихъ чертахъ сходства. Санскритскій и иранскій языки настолько сходны въ подробностяхъ, что мы вынуждены предположить существованіе индо-иранскаго періода, продолжительность котораго должна была быть довольно значительна. Нѣкоторыя общія характерныя подробности, какъ родительный падежъ типа лат. uirī, др.-ирл. огамическ. maqi „сына“, заставляютъ предположить существованіе итало-кельтскаго періода, продолжительность котораго была, повидимому, менѣе значительна (или, по крайней мѣрѣ, близость народовъ въ этотъ періодъ была не такъ тѣсна). Въ этихъ двухъ группахъ сходились люди изъ различныхъ областей; и нѣкоторыя изъ

указанныхъ изоглоссъ отдѣляютъ санскритскій отъ иранскаго и кельтскій отъ италійскаго. Поэтому существованіе италокельтской группы не исключаетъ возможности предположенія, что греческій и италійскій языки представляютъ говоры народностей, бывшихъ сосѣдями въ индо-европейскій періодъ, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя замѣчательныя черты сходства греческаго и италійскаго языковъ.

II.

Когда совершенно неизвѣстныя намъ событія уничтожили индо-европейское единство, и каждая изъ группъ стала развиваться независимо, параллельныя новшества въ языкѣ все же продолжали появляться. Конечно, подробности измѣненій были различны въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ. Но въ широкой мѣрѣ измѣненія происходили въ одномъ и томъ же направленіи, такъ что по прошествіи многихъ вѣковъ полной разобщенности языки индо-европейской семьи, оказывается, одинаково измѣнили типъ языка періода единства. Черты сходства общей структуры, наблюдаемыя въ современныхъ индо-европейскихъ языкахъ, происходятъ въ большей степени отъ параллельныхъ, независимыхъ новшествъ, нежели отъ сохраненія индо-европейскаго типа. Нечего и говорить, что, за исключеніемъ случайныхъ совпаденій, эти черты сходства имѣютъ чисто общій характеръ и не доходяхъ до матеріальнаго тождества средствъ выраженія. Такъ многіе индо-европейскіе языки создали сложное прошедшее, состоящее изъ причастія и вспомогательнаго глагола; но французскій типъ j'ai porté, кромѣ общей однородности процесса, не имѣетъ ничего общаго съ польскимъ nosił-em.

Причины такого параллелизма въ развитіи отчасти могутъ быть указаны.

1. Не смотря на нѣкоторыя различія, засвидѣтельствованныя указанными выше изоглоссами, индо-европейскіе говоры имѣли ту же структуру. Поэтому, поскольку развитіе исходитъ изъ этого первоначальнаго единства, оно должно быть одинаково въ различныхъ языкахъ. И тѣ языки, которые, какъ балтійскій и славянскій, произошли изъ явно одинаковыхъ индо-европейскихъ говоровъ, не прерываемыхъ ниодною изоглоссою, представляютъ наиболѣе замѣчательный параллелизмъ въ своемъ послѣдующемъ развитіи.

2. Общія основанія развитія языка всюду одинаковы; на морфологическихъ измѣненіяхъ, напримѣръ, всюду сказывается стремленіе одинаковымъ признакомъ отмѣчать одинаковую функцію, стремленіе всюду одинаково обозначать единственное или множественное число, первое, второе и третье лицо, и т. д. Слѣдовательно, всюду существуетъ стремленіе устранять разнообразныя и сложныя образованія, которыя влекутъ за собою слишкомъ большое разнообразіе въ средствахъ выраженія. Этотъ принципъ господствуетъ во всемъ развитіи морфологіи и синтаксиса.

3. Въ различныя эпохи народности индо-европейскаго языка измѣнили форму и ступень своей культуры. А нѣкоторыя лингвистическія явленія, повидимому, стоятъ въ опредѣленномъ отношеніи къ извѣстному уровню культуры. Такъ, напримѣръ, двойственное число прочно держится у народовъ низкой культуры и исчезаетъ съ прогрессомъ цивилизаціи. Въ греческомъ языкѣ оно исчезаетъ въ діалектахъ Малой Азіи раньше, нежели въ континентальной Греціи, и въ настоящее время въ Европѣ двойственное число сохраняется только у деревенскихъ жителей Литвы, словинцевъ и другихъ народностей, культурный уровень которыхъ можно назвать нѣсколько отсталымъ. До сихъ поръ указано только небольшое число подобныхъ фактовъ; но внимательное изслѣдованіе, вѣроятно, откроетъ еще не мало очень важныхъ явленій такого рода.

4. Группы людей, переносившихъ индо-европейскій языкъ въ новыя страны либо путемъ завоеванія, либо путемъ колонизаціи, должны были составляться, какъ это обыкновенно бываетъ, изъ членовъ различныхъ родовъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ и имѣвшихъ вслѣдствіе этого нѣсколько различные говоры. Такое лингвистическое положеніе влечетъ за собою устраненіе мелкихъ мѣстныхъ особенностей и приводитъ въ результатѣ къ широкому распространенію нормальныхъ типовъ формъ. Языкъ такого рода группы очень быстро проводитъ въ жизнь грамматическую правильность, устраняя формы, уклоняющіяся отъ нормальнаго типа и сохраняемыя только памятью. Языкъ народа, кочевника и завоевателя, какъ языкъ готовъ, представляетъ поэтому наибольшее количество образованій по аналогіи и, вслѣдствіе этого, — въ силу принципа, изложеннаго выше въ п. 2, —

высшую ступень грамматической правильности: готскій языкъ является, такъ сказать, схематизированнымъ германскимъ языкомъ. Подобное же установленіе однообразія, осуществляющее лингвистическія тенденціи индо-европейскаго языка, должно было происходить при каждомъ отдѣленіи группъ населенія, которыя распространили индо-европейскій языкъ по всей Европѣ и въ части Азіи.

5. Области, гдѣ распространялся языкъ какой-либо индо-европейской народности, не всегда теряли вслѣдствіе этого свое прежнее населеніе; въ такомъ случаѣ большому количеству лицъ приходилось мѣнять языкъ; имъ, конечно, трудно было усвоить вполнѣ всѣ оригинальныя особенности и тонкости индо-европейскаго языка, и изъ старинныхъ оборотовъ рѣчи они старались сохранить только тѣ, которые наиболѣе соотвѣтствовали обычнымъ оборотамъ человѣческаго языка. Распространеніе языка на большое количество новыхъ лицъ упрощаетъ его формы; наиболѣе оригинальны языки самыхъ мелкихъ соціальныхъ группъ.

Мы не знаемъ, сколько времени дѣйствовали эти различныя причины. Но уже нѣсколько вѣковъ должно было уйти на распространеніе индо-европейскихъ языковъ по тому пространству, которое они занимали на зарѣ исторической эпохи, т. е. около VIII вѣка до Р. Х., когда впервые появляются памятники на индо-европейскихъ языкахъ. Каково бы ни было число этихъ вѣковъ, они должны были представлять періодъ быстраго измѣненія индо-европейскаго языка. Въ тотъ моментъ, когда появляются индо-европейскіе языки, они оказываются сильно отличающимися другъ отъ друга и уже очень удалившимися отъ индо-европейскаго типа. Они представляютъ въ различной степени тѣ же самыя измѣненія, которыя и нужно теперь указать. Во всякомъ случаѣ оба языка, засвидѣтельствованные въ наиболѣе древнее время, греческій и индо-иранскій не провели еще всѣхъ этихъ измѣненій и представляютъ съ самаго древняго періода своего существованія только часть ихъ; это обстоятельство и дѣлаетъ эти языки особенно важными для сравнительной грамматики.

III.

Съ точки зрѣнія произношенія мы наблюдаемъ три главныхъ измѣненія:

1. Конечные звуки стремятся измѣняться все болѣе и болѣе. Конечные взрывные сохраняются только въ индоиранскомъ и италійскомъ: скр. á b h a r a t „онъ несъ“, зд. b a r a ṭ (то же значеніе), др.-лат. f ē c e d „онъ сдѣлалъ“, но гр. ἔφερε, др.-сл. надѣ. Количество гласнаго звука конечнаго слога стремится сокращаться, а окраска его стремится мѣняться; латинскій языкъ, напримѣръ, совершенно измѣнилъ почти всѣ гласные конечныхъ слоговъ: -u s соотвѣтствуетъ гр. -ος, -u m — гр. -ον, и т. д. Древне-армянскій языкъ вообще не сохраняетъ ни конечнаго согласнаго, ни предшествующаго ему гласнаго: e b e r соотвѣтствуетъ скр. á b h a r a t, гр. ἔφερε, и e d „онъ положилъ“ соотвѣтствуетъ скр. á d h ā t. Такъ какъ конечный слогъ слова заключаетъ окончаніе, характеризующее грамматическую форму, то эти измѣненія имѣли для грамматики наиболѣе серьезныя послѣдствія.

2. Самой оригинальной и въ то же время самой сложной стороной индо-европейской фонетики была система сонантовъ; троякая роль каждаго сонанта: какъ гласнаго, какъ согласнаго, и какъ второго элемента дифтонга, вполнѣ не существуетъ почти нигдѣ. Дифтонги очень рано стремятся упрощаться и даютъ простые гласные: дифтонги *e i и *e u, *o i и *o u, превратившіеся въ a i и a u въ индо-иранскомъ и сохранившіеся въ этой формѣ въ древне-персидскомъ, въ санскритѣ уже представляютъ долгіе e и o; только самые древніе латинскіе тексты сохраняютъ дифтонги e i и o u: Плавтъ уже произносилъ ī и ū. Въ то время какъ гласные *i и *u сравнялись съ другими гласными *a, *e, *o, гласные сонанты *r̥, *l̥, *m̥, *n̥ теряютъ характеръ простыхъ и краткихъ гласныхъ: въ историческое время *r̥ и *l̥ сохраняютъ этотъ характеръ только въ санскритѣ (въ формѣ r̥); *n̥ и *m̥ уже нигдѣ не сохраняются и являются въ греческомъ и индоиранскомъ въ видѣ a; въ германскомъ *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ отражаются въ видѣ дифтонговъ u r, u l, u n, u m; точно также и въ латинскомъ — въ видѣ o r, u l, e n, e m; и т. д. Наконецъ, и согласные сонанты все болѣе и болѣе переходятъ въ настоящіе согласные, неспособные вокализоваться: такъ *w (u согласное) переходитъ въ губо-зубной спирантъ v въ романскихъ языкахъ, въ нѣмецкомъ, въ славянскомъ, въ санскритскомъ или въ g (въ началѣ слова) въ британскомъ, въ армянскомъ, въ персидскомъ (въ извѣстныхъ случаяхъ) и т. д.

Всѣ эти измѣненія рано разрушили систему сонантовъ и тѣмъ самымъ затемнили чередованіе гласныхъ. Съ того момента, когда *e и *o утратили свою ясность въ дифтонгахъ *ei, *eu, *oi, *ou, чередованія гласныхъ были искажены; они исказились еще больше, когда *i, *u, *r̥, *l̥, *m̥, *n̥ утративъ свою параллельность, перестали ясно отражать нулевую степень вокализма. Разрушеніе системы сонантовъ влекло за собою измѣненіе и сокращеніе чередованія гласныхъ, одного изъ существенныхъ явленій индо-европейской морфологіи.

3. Тоническое удареніе, состоявшее въ простомъ повышеніи голоса, либо совершенно исчезаетъ, какъ въ германскомъ, либо осложняется элементами экспираторнаго ударенія, какъ въ балтійскомъ или славянскомъ. Въ первомъ случаѣ морфологическій факторъ вовсе устраняется, во-второмъ онъ измѣняется. Съ другой стороны ритмъ перестаетъ быть чисто количественнымъ; количество само измѣняется или исчезаетъ совершенно, какъ въ греческомъ (со II вѣка до Р. Х.) и въ армянскомъ; такія группы какъ tr мѣняютъ количество: въ скр. pitré и гом. πατρί первый слогъ дологъ, но въ атт. πατρί, лат. patrī и т. д. первый слогъ кратокъ. Такимъ образомъ измѣняется структура слова: равенства различныхъ частей его уже не существуетъ; создается сильно экспираторное удареніе, которое вызываетъ глубокія измѣненія, начинающія проявляться, однако, не ранѣе христіанской эры. Въ латинскомъ языкѣ, быть можетъ, раньше всѣхъ сильно экспираторное удареніе начальнаго слога измѣнило весь складъ индо-европейскаго слова; германскій языкъ тоже развилъ экспираторное удареніе начальнаго слога, но значительно позднѣе, и это удареніе въ отличіе отъ латинскаго, сохранилось. Развитіе экспираторнаго ударенія и потеря количественнаго ритма не могли оставить безъ измѣненія общую структуру индо-европейской морфологіи, какъ мы это видѣли на стр. 154.

И такъ, фонетическая система измѣнилась повсюду, и ея измѣненія повлекли за собою разрушеніе морфологической и синтаксической системы. Другія измѣненія, менѣе общаго характера, чѣмъ только что упомянутыя, работали въ томъ же направленіи; такъ напр., совершенное исчезновеніе *y въ греческомъ языкѣ разрушило единство типа настоящаго вре-

мени на *-ye- и привело къ установленію многихъ типовъ настоящаго времени (и типовъ глаголовъ вообще): глаголы на -αω, -εω, -οω, -αζω, -ιζω, -ευω и т. д. Во всѣхъ языкахъ встрѣчаются подобныя явленія: фонетическія измѣненія необходимо влекли за собою коренную перестройку грамматики.

IV.

Морфологическая система стремилась измѣняться во всѣхъ направленіяхъ даже и независимо отъ фонетики.

Типъ коренныхъ образованій выходитъ изъ употребленія и, за исключеніемъ древняго періода индо-иранскихъ діалектовъ, не наблюдается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ языковъ. Такъ, для глагола, вмѣсто нѣсколькихъ независимыхъ глагольныхъ основъ, которыя такъ хорошо сохранилъ индо-иранскій языкъ и которыя мы можемъ отчасти наблюдать въ гомеровскомъ и даже въ аттическомъ языкѣ, мы всюду замѣчаемъ стремленіе къ установленію системъ спряженій, различающихъ только двѣ основы, взаимное отношеніе которыхъ болѣе или менѣе постоянно. Въ греческомъ древнее разнообразіе основъ, связанныхъ непосредственно съ корнемъ замѣняется двухосновнымъ спряженіемъ уже въ историческое время: отъ индо-европ. корня *men- „оставаться“ древне-греческій языкъ имѣлъ два настоящаго: μένω, μίμνω, одно будущее μενέω (атт. μενῶ), одинъ аористъ ἔμεινα, и одинъ перфектъ: μεμένηκα, т. е. пять различныхъ основъ; ново-греческій языкъ имѣетъ только двѣ основы, основу настоящаго μένω и аориста ἔμεινα, и, такъ какъ отношеніе формы μένω къ формѣ ἔμεινα для говорящаго уже неясно, то къ формѣ ἔμεινα было создано настоящее время μείνω. Въ латинскомъ языкѣ установленіе двухосновнаго спряженія древнѣе самыхъ древнихъ памятниковъ: отъ того же индо-европейскаго корня мы имѣемъ въ латинскомъ съ одной стороны основу настоящаго времени maneō, къ которой относятся, кромѣ собственно настоящаго, повелительное manē, сослагательное maneam, преходящее manēbam, сослагательное преходящаго manērem, будущее manēbō, неопредѣленное наклоненіе manēre, причастіе manens; съ другой стороны основу прошедшаго (perfecti), къ которой относится perfectum mansī, сослагательное manserim, давно прошедшее manseram, сослагательное давно прошедшаго

mansissem, второе будущее manserō, неопредѣленное наклоненіе mansisse, причастіе mansus, супинъ mansum; надо еще замѣтить, что maneo — неправильный глаголъ, такъ какъ форма perfecti не можетъ быть выведена непосредственно изъ формы настоящаго: во всѣхъ правильныхъ глаголахъ, какъ amāre, audīre и т. д. форма настоящаго времени даетъ возможность предвидѣть форму perfecti. Сказанное относительно греческаго и латинскаго болѣе или менѣе приложимо и къ остальнымъ языкамъ, и всякое хорошее изложеніе спряженія индо-европейскихъ языковъ съ извѣстнаго момента, различнаго для каждаго отдѣльнаго языка, выдвигаетъ на первый планъ эту характерную систему двухосновнаго спряженія: черезъ эту фазу прошли всѣ индоевропейскіе языки; славянскій, балтійскій, армянскій даютъ прекрасную иллюстрацію этого явленія, но они ничего не прибавляютъ къ тому, что мы наблюдали въ греческомъ и латинскомъ.

Съ установледіемъ типа спряженія, сначала сложнаго, какъ въ древне-греческомъ, потомъ болѣе простого, постепенно сведеннаго къ двумъ основамъ, имена перестаютъ непосредственно связываться съ корнями: они либо совершенно изолируются, какъ латинское mens, которое уже не имѣетъ ничего общаго ни съ monēre, ни съ reminiscor, comminiscor, либо производятся отъ извѣстныхъ глагольныхъ формъ: индо-европейскій языкъ имѣлъ отъ корня *$g_1$eus- „пробовать“ отвлеченное существительное на *-tei-, засвидѣтельствованное санскритскимъ júṣṭiḥ „удовлетвореніе“, гот. (ga-)kusts „проба“; греческій языкъ имѣетъ только γεῦσις, которое образовано къ глаголу γεύομαι. Наоборотъ, латинскій языкъ сохранилъ отвлеченное существительное на *-teu- отъ того же корня gustus „вкусъ“ ср. гот. kustus, но утратилъ старый глаголъ и употребляетъ denominativum gustāre, точно также и др.-вр.-нѣм. kostōn или др.-англ. costian. Эти два случая: гр. γεῦσις и лат. gustāre, отмѣчаютъ двѣ возможности: сохраненіе глагола, отъ котораго производятся имена, или сохраненіе имени, отъ котораго производятся глаголы; но не существуетъ индо-европейскаго корня съ его и глагольными, и именными образованіями; съ этой точки зрѣнія греческіе и латинскіе примѣры представляютъ то, что произошло во всей индо-европейской области.

Понятіе основы, еще приложимое въ извѣстной мѣрѣ къ древнимъ формамъ индо-иранскаго языка, нигдѣ болѣе не приложимо. И дѣйствительно, окончанія соединяются съ конечными элементами нѣкоторыхъ основъ въ такія конечныя группы, въ которыхъ мы уже не различаемъ ни основы, ни окончанія. Возьмемъ, напримѣръ, греческое окончаніе дат., мѣст. и твор. пад. мн. ч. -σι; оно соединяется съ -εσ- основъ на -εσ- и образуетъ такія формы, какъ νέφεσ-σι; такъ какъ *-s- между гласными въ греческомъ исчезаетъ: (род. ед. νεφεος, дат. νεφει, им. и вин. мн. νέφεα, род. мн. νέφεων), то въ -εσσι стали видѣть окончаніе падежа, и это -εσσι въ эолическихъ говорахъ распространилось на всякаго рода основы; отсюда — такія формы какъ беот. χαριτ-εσσι, ἀνδρ-εσσι, νικωντ-εσσι, βου-εσσι, лесб. Μακεδόν-εσσι, πολί-εσσι, и т. д.; въ сѣверо-западной Греціи точно также распространилось окончаніе -οις, заимствованное изъ типа λόγοις, и мы встрѣчаемъ: ἀνδρ-οις, ὀντ-οις, βο-οις и т. д. Въ другихъ случаяхъ наблюдается подобное же распространеніе звука i изъ основъ на *-i-, откуда лат. h o m i n - i - b u s, g e n e r - i - b u s и въ славянскомъ **камен-ь-мъ**, **слокес-ь-мъ** и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ создается окончаніе изъ гласнаго начала, содержащаго обломокъ основы, ставшей неузнаваемой, и изъ окончанія; благодаря такому новообразованію достигается тотъ результатъ, что согласное начало окончанія не сталкивается съ конечнымъ согласнымъ основы; но это новообразованіе могло создаться только при томъ условіи, чтобы представленіе основы было затемнено. Съ точки зрѣнія латинскаго языка мы не можемъ говорить объ основахъ на -i-, на -u- и т. д.; въ такомъ склоненіи, какъ s e n ā t u s, s e n ā t u m, s e n ā t ū s языкъ уже не отдѣляетъ основу отъ окончанія; тѣмъ болѣе не отдѣляется основа и окончанія въ такомъ склоненіи, какъ атт. πόλις, πόλεως, и такъ во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Въ индо-европейскомъ были два рода основъ: тематическій типъ (на *-e/o-) и атематическій типъ. Тематическій типъ, а также типъ именныхъ основъ на -ā-, имѣя въ концѣ основы гласный звукъ, удержались повсюду, причемъ конечный гласный основы и окончаніе сливались въ одно цѣлое, не разлагаемое въ сознаніи говорящаго. Что касается атематическаго типа, то онъ прежде всего утратилъ свое единство: именныя основы на *-i- и *-u- сблизились съ основами

на *-o- и *-ā-; другія основы исчезали; легче всего удерживались основы на *-n- и на *-r-, благодаря особому характеру этихъ сонантовъ. Въ глаголѣ атематическій типъ (типъ глаголовъ на *-mi) исчезаетъ еще скорѣе, чѣмъ въ имени: такой древній языкъ, какъ греческій, уже имѣетъ только тѣ типы, гдѣ основа оканчивается на гласный звукъ: δάμνᾱ-μι (іон.-атт. δάμνη-μι) и δείκνῡ-μι; языки. извѣстные намъ изъ болѣе поздняго времени, сохраняютъ лишь отдѣльныя черты этого типа; наиболѣе стойкимъ здѣсь оказался глаголъ „быть“: скр. ásmi, гр. εἰμι, др.-сл. **ѥсмь**, гот. im и т. д. Такимъ образомъ стремилось къ осуществленію единство спряженія.

Изъ различныхъ атематическихъ типовъ раньше всего сталъ исчезать и полнѣе всѣхъ исчезъ типъ именныхъ и глагольныхъ основъ съ нулевымъ суффиксомъ, представителемъ которыхъ можетъ служить для глагола гр. εἰμι, а для имени гр. πούς. ποδός. Однѣ изъ нихъ просто исчезли; другія вліяніемъ аналогіи были перенесены въ категоріи формъ, происшедшихъ изъ индо-европейскихъ типовъ съ суффиксомъ: такъ основа *ped- (pod-, pōd-) въ готскомъ перешла въ основы на u: fotus, подъ вліяніемъ звука u винительнаго падежа fotu, гдѣ u отражаетъ гласный носовой въ концѣ слова; наконецъ, нѣкоторыя основы были распространены различными суффиксами: такъ слово *sem- „лѣто, годъ“, засвидѣтельствованное въ зендскомъ (род. ед. hamō, твор. hama), было распространено суфф. *-ā- въ санскритѣ: samā, и въ армянскомъ: am „годъ“ (изъ *s°mā-), суффиксомъ *-o- въ кельтскомъ: ирл. sam, кимр. hāf, суффиксомъ *-r- (чередующимся съ *-n-) въ германскомъ: др.-вр.-нѣм. sumar, и въ армянскомъ: amaṙn „лѣто“. Даже въ тѣхъ языкахъ, гдѣ эти слова сохраняются, они отрываются отъ корня, къ которому принадлежатъ: такъ скр. основа diç- значитъ „страна“ и стоитъ въ сторонѣ отъ корня diç- „показывать“; соотвѣтствующее латинское слово употребляется только въ стереотипномъ выраженіи dicis caussā (или gratiā) „такъ сказать“; гр. δίκη представляетъ распространеніе той же основы суффиксомъ *-ā-, и техническое значеніе слова очень далеко отъ значенія глагола δείκνῡμι „показываю“. Утрата живого значенія корня и потеря основъ съ нулевымъ суффиксомъ идутъ параллельно, и одно измѣненіе облегчаетъ другое.

Каждая часть индо-европейскаго слова имѣла опредѣленную ступень вокализма, которая и характеризовала его форму; тонкая система чередованія гласныхъ, нарушенная измѣненіемъ характера сонантовъ и гласныхъ и затемненная утратою живого значенія корней и основъ, мало-по-малу теряетъ бо́льшую часть своего грамматическаго значенія. Такъ, въ греческомъ языкѣ уже въ эпоху, предшествующую древнѣйшимъ текстамъ, чередованіе *e и *o въ склоненіи исчезло, и, между тѣмъ какъ литовскій языкъ еще противуполагаетъ им. ед. akmū̃ „камень“ (съ *ō) родительному ед. akmeñs (съ *e), греческій языкъ имѣетъ ἄκμων, ἄκμονος, гдѣ род. п. ед. ч. измѣненъ по образцу именительнато ἄκμων, вин. п. ἄκμονα и т. д. Нѣкоторые языки, какъ славянскій или балтійскій, сохранили это чередованіе въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Но ниодинъ изъ извѣстныхъ индо-европейскихъ языковъ, даже въ самое древнее время, не сохраняетъ древняго типа, въ которомъ каждый изъ трехъ элементовъ слова: корень, суффиксъ и окончаніе, имѣлъ въ каждой грамматической формѣ характерную для этой формы ступень вокализма. Уже по этой причинѣ эти три элемента теряли свое самостоятельное значеніе. Что касается перемѣщенія тоническаго ударенія въ связи съ измѣненіемъ формы, то многіе языки уже въ самыхъ древнихъ текстахъ не сохраняютъ никакого слѣда этого явленія, а тѣ, которые коечто сохраняютъ, въ значительной мѣрѣ ограничили размѣры этого явленія: санскритъ допускаетъ перемѣщеніе ударенія только между окончаніемъ и предшествующимъ ему слогомъ; греческій ограничиваетъ перемѣщеніе ударенія концомъ слова; балтійскій и славянскій языки, быть можетъ, раньше сохраняли большую свободу перемѣщенія ударенія, но они извѣстны намъ въ сравнительно позднюю эпоху и только даютъ возможность дѣлать выводы о первоначальномъ перемѣщеніи ударенія. Поэтому мы можемъ только предполагать, какую роль играло предвиженіе ударенія въ индо-европейскомъ языкѣ. И эта утрата еще болѣе лишала самостоятельнаго значенія морфологическіе элементы, каждый изъ которыхъ въ индо-европейскомъ языкѣ могъ быть оттѣненъ удареніемъ въ различныхъ формахъ того же слова.

Всѣ только что указанныя измѣненія перевращаютъ въ неразложимое цѣлое тѣ три первоначально различные эле-

менты индо-европейскаго слова, единство котораго допускало существованіе частей, имѣющихъ особыя значенія. Возьмемъ такое индо-европейское слово, какъ им. п. ед. ч. муж. р. *pl̥nos; скр. pūr-ṇá-ḥ „полный“ еще даетъ представленіе о своемъ составѣ, такъ какъ существуютъ также: píparti „наполняетъ“, pr̥ṇáti, и т. д. Но такія отдѣльныя слова, какъ гот. fulls, др.-сл. **пълнъ**, др.-ирл. lān „полный“ являются неподдающимися анализу единицами; и глаголъ со значеніемъ „наполнять“ не оказывается самостоятельнымъ, а наоборотъ, гот. fulljan (нѣм. füllen), др.-сл. **пълнити**, др.-ирл. (com-)alnaim произведены отъ указанныхъ прилагательныхъ.

Въ то же время богатое и сложное склоненіе и спряженіе индо-европейскаго языка стремится къ упрощенію. Мы уже отмѣтили всеобщее исчезновеніе двойственнаго числа, совпадающее съ прогрессомъ цивилизаціи. Въ глаголѣ окончанія средняго залога сохранились вполнѣ только въ двухъ языкахъ, засвидѣтельствованныхъ въ наиболѣе древнее время: въ греческомъ и въ индо-иранскомъ; въ историческое время мы наблюдаемъ въ этихъ языкахъ ихъ исчезновеніе; въ италійскомъ и кельтскомъ комбинація этихъ окончаній съ окончаніями на -r- создала отложительный глаголъ; но такъ какъ отложительныя формы не существуютъ въ томъ же глаголѣ одновременно съ формами дѣйствительнаго залога, то онѣ стали лишними и были утеряны: романскіе языки и среднеирландскій уже не имѣютъ этихъ формъ; готскій языкъ еще сохраняетъ часть окончаній средняго залога исключительно въ страдательномъ значеніи; германскіе языки, извѣстные изъ болѣе поздняго времени, утратили и этотъ обломокъ. Желательное и сослагательное наклоненія сохранились въ древнихъ формахъ греческаго и индо-иранскаго языковъ; но италійскій языкъ, хотя и извѣстенъ въ сравнительно древнее время, уже имѣетъ только одно наклоненіе, отличное отъ изъявительнаго; то же — въ кельтскомъ и германскомъ; славянскій ушелъ еще дальше и имѣетъ только изъявительное наклоненіе: въ немъ нѣтъ ни сослагательнаго, ни желательнаго. Перфектъ, имѣвшій атематическое образованіе съ особымъ вокализмомъ корня и удвоеніемъ, образованіе, предполагающее живое значеніе корня, исчезъ съ теченіемъ времени вездѣ, при чемъ онъ или просто вышелъ изъ употребленія, какъ въ среднихъ индо-иранскихъ діалектахъ, въ ново-греческомъ,

и армянскомъ, либо продолжалъ существовать только въ причастіи, какъ въ славянскомъ и балтійскомъ, либо, слившись съ аористомъ, образовалъ прошедшее время, какъ въ латинскомъ, ирландскомъ и германскомъ; въ греческомъ и индо-иранскомъ потеря перфекта совершилась въ историческое время, а въ другихъ діалектахъ она предшествуетъ древнѣйшимъ документамъ.

Упрощеніе склоненія и спряженія, общее всѣмъ индоевропейскнмъ языкамъ, достигаетъ своего крайнаго предѣла въ новыхъ языкахъ: склоненіе совершенно исчезло во многихъ языкахъ, какъ напр., въ персидскомъ и въ главнѣйшихъ романскихъ языкахъ. Въ англійскомъ языкѣ даже глагольное спряженіе свелось къ очень незначительному объему; здѣсь не существуетъ собственно даже грамматическаго рода, и слова почти не измѣняются.

V.

Измѣненія морфологическаго типа сопровождаются параллельными измѣненіями предложенія.

Индо-европейское предложеніе слагалось изъ самостоятельныхъ словъ, изъ которыхъ каждое было способно выражать и полный смыслъ, и опредѣленную функцію въ предложеніи; съ теченіемъ времени слово все болѣе и болѣе теряетъ свою самостоятельность и функція его въ предложеніи начинаетъ выражаться двумя новыми способами, совершенно неизвѣстными индо-европейскому языку:

1) Порядкомъ словъ, который получаетъ грамматическое значеніе. Во французскомъ или въ англійскомъ языкѣ мѣсто слова въ предложеніи достаточно ясно обозначаетъ его функцію: le père aime le fils выражаетъ порядкомъ словъ то, что латинскій языкъ обозначаетъ формою склоненія: pater filium amat, filium pater amat, amat filium pater, и т. д.

2) Вспомогательными словами. Французскій языкъ посредствомъ de обозначаетъ то, что латинскій языкъ выражаетъ различными формами склоненія: patris domus „домъ отца“ по фр. la maison du père, viri domus — по фр. la maison de l'homme, mulierum domus — la maison des femmes и т. д. Глагольная форма обозначается словечками: je, tu, il (elle), nous, vous, ils (elles); во французскомъ эти словечки самостоятельно не существуютъ и

встрѣчаются только вмѣстѣ съ глаголомъ: такимъ образомъ въ формахъ j'aime или je finis французскій языкъ близокъ къ возстановленію спряженія, но спряженія съ префиксами вмѣсто индо-европейскаго суффиксальнаго спряженія.

Вспомогательныя слова, присоединяясь къ другимъ словамъ теряютъ свою самостоятельность: раньше всѣхъ примкнули къ глаголу или къ имени предлоги, которые въ индо-европейскомъ были еще самостоятельными словами; они утратили свое отдѣльное существованіе и превратились въ особаго рода префиксы, — явленіе, совершенно новое въ индо-европейскомъ языкѣ: на классическомъ греческомъ языкѣ можно сказать ἀνδρὶ σύνεστιν или σὺν ἀνδρί ἐστιν, но συν отдѣльно уже не существуетъ; по-латыни можно сказать agmine coeunt или cum agmine eo, но одно cum не употребляется. И такъ во всѣхъ языкахъ по прошествіи архаическаго періода.

Такимъ образомъ строй предложенія совершенно измѣнился. И это измѣненіе было болѣе или менѣе полнымъ, смотря по тому, въ какой мѣрѣ были упрощены склоненіе и спряженіе; но всюду оно происходило въ томъ же направленіи и приводило какъ къ созданію опредѣленнаго порядка словъ, которому придавалось грамматическое значеніе, такъ и къ созданію особыхъ частицъ, предлоговъ, союзовъ и вспомогательныхъ глаголовъ, функція которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы указывать роль другихъ словъ въ предложеніи.

VI.

Словарь каждаго индо-европейскаго языка, какъ мы видѣли выше на стр. 326 сл., существенно отличается отъ словаря другого языка, и число индо-европейскихъ словъ, сохраненныхъ во всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ языковъ этой семьи, очень незначительно. Каждый языкъ имѣетъ много словъ, не имѣющихъ соотвѣтствій ни въ одномъ изъ остальныхъ языковъ. Вслѣдствіе многочисленности индо-европейскихъ языковъ и разнообразія ихъ словаря, мы часто встрѣчаемъ въ томъ или другомъ языкѣ такія этимологическія сопоставленія, которыя едва-ли можно защищать; но неубѣдительная этимологія — это еще не большая бѣда.

Но дѣло въ томъ, что мы не знаемъ, какой языкъ былъ вытѣсненъ индо-европейскимъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ

распространился; не знаемъ мы и тѣхъ языковъ, на которыхъ говорили народности, вліявшія своею цивилизаціей на культуру народовъ индо-европейскаго языка. Поэтому, когда какое-либо слово даннаго языка не имѣетъ точнаго соотвѣтствія въ другихъ языкахъ той же семьи, мы не имѣемъ права во что бы то ни стало искать его въ индо-европейской этимологіи. Вѣдь каждый словарь непремѣнно заключаетъ въ себѣ заимствованія изъ неизвѣстныхъ намъ языковъ, не оставившихъ по себѣ, быть можетъ, никакого слѣда. Одна изъ самыхъ грубыхъ — и чаще всего встрѣчающихся — ошибокъ состоитъ въ убѣжденіи, что всякое слово санскритскаго, греческаго, германскаго и др. языковъ, незаимствованное изъ извѣстныхъ намъ языковъ, должно быть индо-европейскимъ; никто, конечно, прямо не выставляетъ такого нелѣпаго принципа, но искать индо-европейскаго объясненія всѣхъ словъ каждаго языка, это значитъ разсуждать такъ, какъ будто этотъ принципъ справедливъ.

Дѣлая такія попытки, нерѣдко ссылаются на то, что то или другое слово имѣетъ индо-европейскій видъ; но нѣтъ ничего обманчивѣе этого впечатлѣленія: иностранныя слова, заимствованныя устнымъ путемъ, почти тотчасъ же примыкаютъ къ общему типу языка и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаются отъ старинныхъ словъ языка. Ничто не указываетъ на то, что французское слово rail „рельсъ“ въ недавнее время заимствовано изъ англійскаго языка (конечно, кромѣ произношенія rèl). Въ формѣ нѣтъ ничего, что бы показывало, что гр. πεῖνα „голодъ“ или δίψα „жажда“, что лат. famēs „голодъ“ или sitis „жажда“, что гот. hūhrus, др.-вр.-нѣм. hungar „голодъ“, что др.-сл, алъкати и лит. álkti „алкать“ — не индо-европейскія слова; но, такъ какъ эти слова стоятъ одиноко, то опасно для каждаго изъ нихъ искать индо-европейскаго источника.

Достовѣрны только такія соотвѣтствія, которыя позволяютъ устанавливать опредѣленныя индо-европейскія слова и не ограничиваются одною общностью корня. Такого рода соотвѣтствія — рѣдки. Подробности словаря въ каждомъ языкѣ свои, и мы не можемъ льстить себя надеждою понять текстъ неизвѣстнаго намъ индо-европейскаго языка, не связаннаго съ установленными группами (германскою, славянскою, индо-иранскою и т. д.) при помощи словарей другихъ языковъ.

Заключеніе.

Уже въ ту эпоху, когда письменные памятники знакомятъ насъ съ сохранившимися различными діалектическими группами индо-европейской семьи языковъ, каждая изъ этихъ группъ сильно отличается отъ всѣхъ остальныхъ и характеризуется важными и многочисленными новообразованіями, свойственными только ей одной. Такимъ образомъ самыя древнія исторически засвидѣтельствованныя группы уже на зарѣ ихъ исторіи, представляются намъ въ формѣ, существенно отличной отъ формы индо-европейскаго языка. Индоиранскій языкъ уже до эпохи древнѣйшихъ сохранившихся текстовъ разрушилъ индо-европейскій вокализмъ; греческій языкъ еще въ до-гомеровскую эпоху исказилъ и измѣнилъ консонантизмъ. Однимъ словомъ, уже съ самаго начала исторической традиціи каждый діалектъ представияетъ самостоятельную систему, основа которой восходитъ къ индо-европейскому языку, но которая существенно отличается отъ системы индо-европейской.

Эта дифференціація началась еще въ эпоху общей жизни индо-европейскихъ діалектовъ, но старыя діалектическія различія сдѣлались значительнѣе, несомнѣнно, уже послѣ раздѣленія діалектовъ. Далѣе, внутри каждой большой группы произошли новыя дифференціаціи, которыя привели къ образованію діалектовъ уже въ самой этой группѣ. И историческія событія, соединяя обширныя группы народностей болѣе или менѣе одинаковаго языка, какъ іонійцы, дорійцы и т. д., создавали въ каждой большой діалектической группѣ различныя болѣе мелкія группы, отдѣльныя отъ всѣхъ остальныхъ. Подъ именемъ языковъ обще-греческаго, обще-славянскаго, обще-германскаго и т. д. мы разумѣемъ совокупность особенностей, созданныхъ въ до-историческую эпоху и свой-

ственныхъ всѣмъ діалектамъ греческимъ, славянскимъ, германскимъ и т. д., т. е. свойственныхъ каждой группѣ въ цѣломъ; слѣдовательно, обще-греческій языкъ по отношенію къ іоническому, дорическому, эолическому и т. д. представляетъ то же самое, что индо-европейскій по отношенію къ греческому, славянскому, германскому, кельтскому и т. д. И обще-греческое явленіе не должно необходимо предшествовать всякому дѣленію на діалекты; такъ переходъ *kʷ въ π есть явленіе обще-греческое, но оно позднѣе измѣненія *kʷ въ τ передъ ε въ началѣ словъ, которое совершилось въ іоническомъ и дорическимъ, но не въ эолическомъ: начальное *kʷ числительнаго „четыре“ перешло въ τ въ аттическомъ τέτταρες, но въ π въ беот. πέτταρες.

Общія условія, въ которыхъ происходятъ измѣненія языковъ, еще слишкомъ мало изучены, чтобы можно было дѣлать какіе-либо выводы относительно причинъ, вызвавшихъ новообразованія, свойственныя каждой діалектической группѣ индо-европейской семьи языковъ. Но можно думать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя черты этихъ измѣненій являются результатомъ смѣшенія народностей индо-европейскаго языка съ народностями, говорившими на другихъ языкахъ. Если, напримѣръ, въ доисторическую эпоху греческій языкъ сократилъ до пяти число падежей индо-европейскаго склоненія, если ни Гомеръ, ни какой-либо другой діалектъ не сохранили шестого падежа, то мы можемъ объяснять это замѣчательное нововведеніе особымъ вліяніемъ населенія, съ которымъ смѣшались говорившіе на индо-европейскомъ языкѣ колонисты, поселившіеся на греческой почвѣ, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда склоненіе встрѣчало условія болѣе благопріятныя для его сохраненія, оно хорошо сохранялось, и армянскій, литовскій и славянскій языки до настоящаго времени обладаютъ богатымъ склоненіемъ: литовскій, польскій, русскій, а также восточная часть новоармянскаго различаютъ семь падежей изъ числа восьми, бывшихъ въ индо-европейскомъ.

Всюду, гдѣ водворялись индо-европейскіе діалекты, они окончательно вытѣсняли туземные языки, такъ что по большей части мы ничего не знаемъ о не индо-европейскихъ языкахъ, мѣсто которыхъ они заняли. И въ тѣхъ случаяхъ, когда рядомъ съ индо-европейскими діалектами мы находимъ языки, несомнѣнно родственные языкамъ древнихъ жителей

страны, мы еще не изучили всѣхъ фактовъ и замѣчаемъ только нѣкоторыя черты сходства, главнымъ образомъ между санскритомъ и дравидскими языками Индіи, между армянскимъ и кавказскими языками.

Но перемѣна языка есть не единственная и даже не самая главная изъ причинъ, вызывающихъ лингвистическія измѣненія: различіе населяемыхъ странъ и условій существованія (пищи и т. п.), различіе въ величинѣ соціальныхъ группъ и въ ихъ общественной организаціи — все это оказывало значительное вліяніе на развитіе въ разныхъ направленіяхъ одного и того же языка: само собою понятно, что усвоеніе языка дѣтьми и вытекающее отсюда его дальнѣйшее развитіе происходитъ не одинаково въ такой небольшой группѣ, какъ древне-греческая городская община, гдѣ браки происходятъ исключительно между членами той же группы, сравнительно съ такой обширной группой, какъ римская имперія, гдѣ жены могутъ быть различнаго происхожденія, или, наконецъ, у народностей, имѣющихъ сложную систему брачныхъ сношеній, какъ у Австралійцевъ.

Такимъ образомъ при современномъ состояніи знаній мы можемъ только опредѣлять новообразованія, свойственныя каждому отдѣльному индо-европейскому діалекту, не претендуя на точное и подробное выясненіе причинъ этихъ перемѣнъ.

Если оригинальный характеръ каждаго языка указываетъ на вліяніе народностей, говорившихъ на различныхъ языкахъ, которые были вытѣснены индо-европейскими діалектами, то единство происхожденія проявляется, какъ мы это видѣли въ главѣ IX, въ параллелизмѣ развитія языковъ. Въ подробностяхъ каждый изъ индо-европейскихъ языковъ имѣетъ свою исторію, и, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ особенности фонетики, морфологіи и словаря становятся все болѣе и болѣе различными въ различныхъ языкахъ, по мѣрѣ того какъ мы удаляемся отъ древняго періода единства языковъ. Но въ общемъ развитіе языковъ было параллельно, и потому новые языки, грамматическая основа которыхъ въ каждомъ своя, имѣютъ все же гораздо больше сходныхъ общихъ чертъ, чѣмъ мы могли бы ожидать, судя по совершенной самостоятельности развитія каждаго изъ нихъ.

Интересъ общей сравнительной грамматики индо-евро-

пейскихъ языковъ заключается въ томъ, что только она одна позволяетъ изучить эти самостоятельные и параллельные пути развитія. Опредѣленіе того общаго языка, позднѣйшими формами котораго являются индо-европейскіе языки, не имѣетъ въ виду удовлетворить пустое любопытство тѣхъ, кто желалъ бы познакомиться съ внѣшнимъ видомъ этого языка: такая цѣль вовсе не могла бы быть достигнута. Это опредѣленіе не составляетъ предмета сравнительной грамматики, оно служитъ ей только средствомъ.

Исторія индо-европейскихъ языковъ представляетъ такимъ образомъ обширную область: общая сравнительная грамматика позволяетъ описать, нерѣдко съ большою точностью, ту часть этой исторіи, которая лежитъ между эпохою единства и самыми древними памятниками каждой группы; съ другой стороны, обстоятельное изслѣдованіе текстовъ всѣхъ эпохъ и всѣхъ областей, а также и живыхъ говоровъ даетъ возможность прослѣдить вплоть до настоящаго времени развитіе крупныхъ лингвистическихъ группъ, образовавшихся въ доисторическую эпоху. Большую часть работы еще остается сдѣлать; тѣмъ не менѣе главныя черты этой исторіи уже проведены всюду, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ начинаютъ выясняться и детали. Если индо-европейская группа языковъ является самою важною во всемъ свѣтѣ, то и развитіе ея извѣстно лучше всѣхъ другихъ, и изученіе ея лучше всего знакомитъ съ общими законами развитія языковъ.

Дѣйствительно, сравнительная грамматика была создана для того, чтобы объяснять особенности, наблюдаемыя въ историческое время: на почвѣ французскаго языка спряженіе il est, ils sont — необъяснимо; уже на почвѣ латинскаго языка необъяснимы формы est, sunt, но тамъ еще встрѣчаются нѣкоторыя аналогичныя формы какъ fert, ferunt; только въ индо-европейскомъ языкѣ было нормальнымъ то спряженіе, единственными остатками котораго во французскомъ языкѣ является спряженіе il est, ils sont: такимъ образомъ только въ индо-европейскомъ языкѣ этотъ французскій глаголъ находитъ свое объясненіе, принимая видъ нормальнаго образованія. Такова первая услуга сравнительной грамматики: она даетъ возможность понимать исторически засвидѣтельствованныя явленія.

Но въ то же самое время, именно потому, что для объ-

ясненія лингвистическихъ явленій нужно было точно прослѣдить исторію языковъ отъ древнѣйшаго періода ихъ единства до настоящаго времени, накопилось огромное количество наблюденій надъ развитіемъ языка. И рядомъ съ чистой исторіей различныхъ языковъ, гдѣ, какъ во всякой исторіи, мы наблюдаемъ преемственность о т д ѣ л ь н ы х ъ явленій, на основаніи того же матеріала создается о б щ а я теорія условій развитія языковъ; другими словами, исторія индо-европейской группы языковъ, извѣстная въ настоящее время въ общихъ чертахъ, даетъ прекрасныя наблюденія, которыми можетъ воспользоваться начинающая создаваться н а у к а объ языкѣ; въ свою очередь эта наука, выясняя общіе законы языка, дастъ возможность современныя эмпирическія объясненія замѣнить связкою и систематическою доктриною. Явленія, которыя мы только что обозрѣли, освѣтятся тогда новымъ свѣтомъ; но результаты, пріобрѣтенные сравнительною грамматикою, въ ихъ цѣломъ, останутся столь же достовѣрны; новая наука объяснитъ ихъ, но не отвергнетъ.

Приложенія.

I.

Очеркъ развитія сравнительной грамматики.

Сравнительная грамматика была создана въ началѣ XIX столѣтія трудами нѣмецкихъ и датскихъ ученыхъ.

Греки стояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ народовъ, языки которыхъ имѣли поразительныя черты сходства съ ихъ языкомъ; но греки не обращали на чужіе языки никакого вниманія и, если и замѣчали совпаденія, то видѣли въ нихъ простую случайность, и изъ этихъ отдѣльныхъ наблюденій не сдѣлали научнаго вывода. Происшедшая оттого потеря огромна и не поправима: греки могли наблюдать и сохранить намъ языки, которые позднѣе либо исчезли безслѣдно, либо сильно измѣнились; если бы имѣлись точныя свѣдѣнія о діалектахъ иранскихъ, фригійскихъ, армянскихъ, ѳракійскихъ, иллирійскихъ, италійскихъ и кельтскихъ III-го или IV-го вѣка до Р. Х., въ томъ видѣ, какъ ихъ должны были знать греческіе переводчики, то сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ имѣла бы такую степень точности и полноты, какой она въ настоящее время не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть. Но греки и не воображали, чтобы эти варварскіе языки представляли различныя формы одного и того-же языка и имѣли какое-нибудь отношеніе къ ихъ собственному языку; они не знали и того, что единственное средство дать себѣ отчетъ въ особенностяхъ своего собственнаго языка заключается въ сопоставленіи различныхъ говоровъ, съ которыми повсюду сталкивались ихъ колонисты и моряки. Единственный языкъ, который они изучали, былъ ихъ родной языкъ, и въ изученіи его они сдѣлали успѣхи во многихъ отношеніяхъ: когда имъ пришлось передавать свой языкъ на письмѣ, они сумѣли

не заимствовать безъ измѣненій семитическій слоговой алфавитъ и, обозначая гласные звуки, создали звуковое письмо, которое одно только пригодно для индо-европейскихъ языковъ: чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, услугу, которую оказали этимъ греки, достаточно вспомнить сколько неясности вноситъ въ иранскіе тексты арамейское письмо пехлевійскаго языка и арабское письмо персидскаго. Греческіе философы точно подмѣтили грамматическія категоріи своего языка; грамматики описали діалектическія особенности литературныхъ текстовъ. Но они не пошли далѣе констатированія фактовъ, а отъ ихъ попытокъ объясненія, чисто апріорныхъ, не осталось ничего, такъ какъ они не видѣли, какимъ образомъ можно объяснить лингвистическое явленіе.

Индійцы, повидимому, не имѣли случая близко познакомиться съ другими индо-европейскими языками, кромѣ иранскаго, который былъ очень похожъ во всѣхъ отношеніяхъ на ихъ собственный языкъ, и греческаго въ эпоху Александра и Бактрійскаго царства: изъ этого знакомства индійцы не вынесли ничего. Но собственный языкъ они наблюдали съ удивительной точностью: отъ вниманія ихъ грамматиковъ не ускользнули безконечно тонкія подробности артикуляціи звуковъ; они подмѣтили всѣ существенныя черты морфологіи своего языка такъ хорошо, что во многихъ отношеніяхъ сравнительная грамматика просто приложила къ индо-европейскому языку тѣ наблюденія, которыя индійскіе грамматики сдѣлали надъ санскритомъ. Наконецъ, подобно грекамъ, они приспособили къ характеру своего языка алфавитъ, заимствованный ими, и старательно обозначили гласные звуки.

У индійцевъ, какъ и у грековъ, не было представленія объ историческомъ развитіи. Это понятіе было также совершенно неизвѣстно и въ XVII и XVIII вѣкахъ, какъ и во времена Аристотеля или индійца Пáнини; чтобы объяснить себѣ лингвистическое явленіе прибѣгали не къ наблюденію предшествующихъ фактовъ, а къ апріорнымъ соображеніямъ; теорія предложенія была приложеніемъ теоріи сужденій, общая грамматика была частью формальной логики: грамматика Port-Royal'a и грамматика Кондильяка — яркіе примѣры этого направленія.

Въ началѣ XIX столѣтія повсюду, во всѣхъ областяхъ знанія появляется новая идея: перестаютъ пользоваться ло-

гическими концепціями для объясненія явленій; наблюденіе и абстрактное изученіе явленій механическихъ, физическихъ и химическихъ, начатое греками и развиваемое съ новою силою начиная съ XV вѣка, давало съ каждымъ годомъ все болѣе точные и болѣе многочисленные результаты и позволяло все съ большей увѣренностью предугадывать дѣйствія силъ природы и все полнѣе и полнѣе пользоваться ими. Явленія жизни органической и общественной оставались въ той же темнотѣ, потому что ихъ думали изучать, прилагая къ нимъ апріорныя идеи. Теперь стали понимать, что и эти явленія слѣдовало наблюдать въ нихъ самихъ, какъ это дѣлалось въ области физическихъ и химическихъ явленій.

Но явленія, которыя представляютъ живыя существа и особенно общества, очень сложны, по большей части они не могутъ быть сведены къ абстрактнымъ формуламъ, подобно явленіямъ физическимъ. Когда мы разсматриваемъ какое-либо общественное явленіе, мы легко замѣчаемъ, что оно является результатомъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ дѣйствій; поэтому мы не можемъ объяснить его, не описывая его исторіи; методическое изслѣдованіе историческихъ основъ соціальныхъ явленій — вотъ то новое и оригинальное, что внесъ въ науку XIX вѣкъ: въ механикѣ, въ физикѣ, въ химіи при помощи методовъ Архимеда, Галилея, Ньютона въ это время было добыто множество новыхъ результатовъ, но самый методъ былъ уже доведенъ до совершенства, и осталось только со всею строгостью примѣнять его ко всѣмъ объектамъ, доступнымъ нашему изученію; методъ историческаго объясненія, наоборотъ, есть созданіе XIX столѣтія (и, до нѣкоторой степени, конца XVIII-го). Земная кора, организмы, общества и ихъ учрежденія были поняты какъ продукты историческаго развитія, подробности котораго никогда не могутъ быть угаданы a priori, и о которомъ мы можемъ составить себѣ представленіе только при помощи наблюденія и точнаго выясненія послѣдовательности отдѣльныхъ фактовъ, составляющихъ эти явленія. И только на основѣ такихъ систематическихъ наблюденій начинаютъ складываться общія теоріи развитія организмовъ и обществъ.

Сравнительная грамматика представляетъ только часть тѣхъ систематическихъ изслѣдованій, которыя XIX вѣкъ произвелъ по вопросамъ историческаго развитія явленій при-

роды и общества. Она сложилась тогда, когда стали систематически сближать санскритъ съ греческимъ, латинскимъ и германскимъ языками. Лишь только установившіяся правильныя сообщенія между Индіей и Европой дали нѣкоторымъ европейцамъ возможность изучить санскритъ, тотчасъ же было признано его родство съ европейскими языками: на это родство указали французскій іезуитъ Кёрду (Coeurdoux) въ сообщеніи, присланномъ въ 1767 году въ Академію надписей Académie des inscriptions), англичанинъ Вилліамъ Джонсъ (William Jones) въ докладѣ Калькутскому Обществу въ 1786 и нѣмецкій іезуитъ Paulinus a Sancto Bartholomaeo. Наконецъ, вниманіе Европы на значеніе санскрита съ лингвистической точки зрѣнія привлекла знаменитая книга Фридр. Шлегеля „О языкѣ и мудрости индійцевъ“ (Fr. Schlegel. Ueber die Sprache und die Weisheit der Indier. Heidelberg 1808).

Знакомство съ санскритомъ имѣло рѣшающее значеніе для созданія сравнительной грамматики въ двухъ отношеніяхъ. Прежде всего, санскритъ сохранилъ древнюю морфологію и старую систему согласныхъ, которыя однѣ даютъ возможность составить себѣ приблизительное представленіе о томъ, чѣмъ могъ быть индо-европейскій языкъ, и безъ которыхъ множество существенныхъ чертъ этого языка осталось бы навсегда неизвѣстнымъ или плохо извѣстнымъ. Во-вторыхъ, индійскіе грамматики съ величайшею точностью анализировали фонетику и грамматику этого столь древняго языка до самыхъ мельчайшихъ подробностей; въ началѣ XIX вѣка грамматики Кольбрука (Colebrooke), Вилькинса (Wilkins, 1808), Кери (Carey), Форстера (Forster), списокъ корней Вилькинса (1815), изданіе Амарокоши и другихъ словарей, начатое Кольбрукомъ (Калькутта 1807), давало европейскимъ ученымъ возможность познакомиться съ главными результатами работы индійскихъ грамматиковъ; въ той широкой мѣрѣ, въ какой санскритъ представляетъ индо-европейскую фонетику и морфологію, уже здѣсь былъ на лицо независимый отъ греческихъ теорій грамматическій анализъ индо-европейскаго языка, анализъ, котораго было достаточно для обновленія лингвистическихъ представленій и который имѣлъ то существенное преимущество, что основывался на наблюденіи фактовъ.

Первымъ, построившимъ научную систему на основаніи

сравненія санскрита съ европейскими языками, былъ Францъ Боппъ (Franz Bopp), родившійся въ Майнцѣ въ 1791 году. Послѣ своей поѣздки въ Парижъ, который былъ въ то время главнымъ центромъ изученія востока, Боппъ научился санскритскому языку почти самоучкою при помощи весьма неудовлетворительныхъ пособій (словарь Вильсона появился только въ 1819 году) и въ 1816 во Франкфуртѣ-на-Майнѣ выпускаетъ свою первую работу „О системѣ спряженія санскритскаго языка, въ сравненіи съ системою спряженія греческаго, латинскаго, персидскаго и германскаго языковъ, съ приложеніемъ эпизодовъ Рамаяны и Махабхараты въ точномъ стихотворномъ переводѣ съ подлиника и нѣкоторыхъ отрывковъ изъ Веды". (Ueber das Conjugationssystem der Sanskritsprache, in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache, nebst Episoden des Ramajan und Mahabharat in genauen metrischen Uebersetzungen aus dem Originaltexte und einigen Abschnitten aus den Veda's. 8°. XXXXVI + 312 стр.) Сравнительная грамматика была основана. „Мы должны — говоритъ Боппъ — прежде всего познакомиться съ системою спряженія древнеиндійскаго языка и обозрѣть сравнительно съ нею спряженія греческаго, латинскаго, германскаго и персидскаго языковъ; такимъ образомъ мы замѣтимъ ихъ тождество, но въ то-же время увидимъ послѣдовательное и постепенное разрушеніе простого лингвистическаго организма и стремленіе замѣнить его механическими соединеніями, изъ которыхъ возникло подобіе новаго организма, когда элементы этихъ соединеній сдѣлались неузнаваемы". Уже эта первая работа Боппа ясно устанавливаетъ главный предметъ его разысканій: онъ сближаетъ грамматическія формы различныхъ индо-европейскихъ языковъ, пользуясь главнымъ образомъ санскритомъ, и его наблюдательность въ этомъ отношеніи удивительна; но сопоставленія являются для него только средствомъ, и прежде всего онъ стремится объяснить формы, опредѣляя ихъ древнѣйшій, наименѣе искаженный, по возможности самый первоначальный видъ. Уже въ этой книгѣ Боппъ объясняетъ санскритское будущее на -sya- прибавкою къ глагольному корню глагола „быть" скр. as-: это первая попытка тѣхъ объясненій помощью агглутинаціи, которымъ Боппъ такъ

много удѣляетъ мѣста въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ; призрачное, но обычное въ то время разложеніе глагола на связку и сказуемое заставляло его считать естественнымъ раздѣленіе скр. tap-sya-ti „онъ будетъ горѣть“ на „онъ будетъ горящимъ“. Сравненіе засвидѣтельствованныхъ языковъ даетъ ему въ его глазахъ средство восходить къ первобытному состоянію языка, въ которомъ грамматическія формы могутъ быть анализированы и объяснены непосредственно; въ этомъ отношеніи Боппъ — еще человѣкъ XVIII вѣка; онъ думаетъ открыть начало тѣхъ явленій, одно только историческое развитіе которыхъ далъ понять его послѣдователямъ прогрессъ созданной имъ же науки. Выясненіе основного тождества индо-европейскихъ языковъ не является для него предѣломъ сравнительной грамматики, и въ измѣненіяхъ, происшедшихъ со времени единства языковъ, онъ видитъ только послѣдовательное разрушеніе древняго организма. Боппъ открылъ сравнительную грамматику въ поискахъ за объясненіемъ индо-европейскаго языка почти такъ же, какъ Христофоръ Колумбъ открылъ Америку въ поискахъ пути въ Индію.

Приглашенный въ 1821 году по рекомендаціи Вильгельма Гумбольдта въ Берлинскій Университетъ, Боппъ съ этого времени систематически продолжаетъ свои разысканія. Результаты этихъ разысканій онъ излагаетъ въ шести мемуарахъ, представленныхъ Берлинской Академіи съ 1824 по по 1833 годъ и носящихъ характерное общее заглавіе: Сравнительный анализъ санскрита и родственныхъ ему языковъ. Съ этого времени выходъ въ свѣтъ литовскихъ грамматикъ и развитіе славянской филологіи даетъ ему возможность присоединить къ санскриту, греческому, латинскому и германскому — балтійско-славянскій языкъ; а дешифровка зенда, выполненная строгимъ методомъ Евгенія Бюрнуфа (Eugène Burnouf), позволила въ то же время замѣнить персидскій языкъ гораздо болѣе древнимъ иранскимъ языкомъ,— языкомъ Авесты. Въ 1833 году появляется первый выпускъ „Сравнительной грамматики санскрита, зенда, греческаго, латинскаго, литовскаго, готскаго и нѣмецкаго“, которая была окончена только въ 1849 году; древне-славянскій языкъ является въ заголовкѣ только со второго тома; начало предисловія къ этой книгѣ даетъ самое точное представленіе о

взглядахъ автора: „Въ этой книгѣ я имѣю въ виду дать сравнительное, сопоставляющее все родственное, описаніе организма названныхъ въ заголовкѣ языковъ, изслѣдованіе ихъ физическихъ и механическихъ законовъ и происхожденія формъ, обозначающихъ грамматическія отношенія. Мы не касаемся только тайны корней, или причины наименованія первичныхъ понятій... Но кромѣ того мы пытаемся прослѣдить языкъ въ его образованіи и развитіи... Въ большинствѣ случаевъ первоначальное значеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и происхожденіе грамматическихъ формъ выясняются сами собою, благодаря расширенію нашего лингвистическаго кругозора путемъ простого сопоставленія языковъ-братьевъ, разлученныхъ тысячелѣтія тому назадъ, но все еще хранящихъ на себѣ несомнѣнныя фамильныя черты сходства".

Боппъ такимъ образомъ создалъ всѣ части сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ; онъ распозналъ большую часть тѣхъ сопоставленій, которыя можно было сдѣлать между грамматическими формами различныхъ языковъ и, въ этомъ отношеніи, онъ оставилъ своимъ преемникамъ только отдѣльныя колосья отъ своей богатой жатвы: ни одинъ изъ языковъ индо-европейской семьи не ускользнулъ отъ его вниманія; армянскій языкъ упомянутъ въ заголовкѣ второго изданія сравнительной грамматики (1857—1861); относительно древне-прусскаго и албанскаго языковъ онъ опубликовалъ отдѣльныя статьи; онъ не оставилъ безъ вниманія даже кельтскаго языка. — Но, какъ ни былъ проницателенъ его взоръ, какъ ни широко было поле его изысканій, онъ оставилъ все-же много работы: его главная заслуга заключается въ томъ, что онъ держался положительныхъ фактовъ, избѣгая расплывчатыхъ общихъ умозрѣній; этимъ именно онъ и обновилъ языкознаніе; но, не имѣя опредѣленныхъ общихъ идей, онъ, повидимому, не давалъ себѣ яснаго отчета въ своемъ методѣ, и съ нимъ случилось то, что онъ причислилъ къ индо-европейской семьѣ малайско-полинезійскіе языки и языки южнаго Кавказа, которые къ индо-европейской семьѣ не принадлежатъ. Онъ почти исключительно занимался морфологіей и въ морфологіи — анализомъ склоненія и спряженія; но оставилъ безъ вниманія изученіе фонетической эволюціи и точные законы, господствующіе въ этой области; онъ не занимался ни упо-

требленіемъ формъ, ни строеніемъ предложенія. Послѣ Боппа оставалось еще прослѣдить развитіе каждаго языка въ подробности, построить всю фонетику, всю теорію употребленія формъ и теорію предложенія, установить строгіе законы и въ особенности устранить пустыя умозрѣнія относительно происхожденія формъ: здѣсь Боппъ гораздо больше является приверженцемъ старыхъ идей, нежели иниціаторомъ.

Эта большая работа началась еще при жизни учителя съ того момента, когда появились его первыя работы.

Въ одно время съ Боппомъ, но совершенно независимо отъ него, датчанинъ Раскъ открылъ родство германскихъ языковъ съ греческимъ, латинскимъ и балтійско-славянскимъ и изложилъ это свое ученіе въ сочиненіи подъ заглавіемъ Разысканія въ области древне-сѣвернаго языка (Undersögelse om det gamle Nordiske), которое было закончено въ 1814 году, но появилось въ свѣтъ только въ 1818, въ Копенгагенѣ; вторая часть его была переведена на нѣмецкій языкъ и появилась въ Сравнительныхъ таблицахъ главныхъ европейскихъ языковъ Фатера подъ заглавіемъ „О ѳракійскомъ классѣ языковъ“ (Ueber die thrakische Sprachclasse Halle, 1822). Раскъ значительно уступаетъ Боппу въ томъ отношеніи, что онъ не принимаетъ во вниманіе санскрита; но онъ указываетъ на основное тождество сближаемыхъ языковъ, не отваживаясь на ненадежныя попытки объясненія первоначальныхъ формъ; онъ довольствуется утвержденіемъ, что „каждое окончаніе исландскаго языка, повидимому, можно въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ отыскать въ греческомъ и въ латинскомъ“, и, съ этой по крайней мѣрѣ точти зрѣнія, его книга производитъ впечатлѣніе большей научной строгости, чѣмъ сочиненія Боппа.

Тогда какъ Боппъ всю свою жизнь оставлялъ безъ вниманія общія идеи, чтобы вполнѣ отдаться точному опредѣленію подробностей, Вильгельмъ Гумбольдтъ, наоборотъ, въ своихъ сочиненіяхъ излагалъ только общія идеи; но кромѣ личной дѣятельности, которою онъ оказалъ сильное содѣйствіе развитію сравнительной грамматики, онъ оказывалъ вліяніе и на направленіе изслѣдованій: исходя изъ той мысли, что языкъ есть дѣятельность, ἐνέργεια, а не вещь, ἔργον, онъ видѣлъ въ языкѣ каждой народности характерное проявленіе

ея умственной дѣятельности и считалъ поэтому, что каждый языкъ долженъ быть изучаемъ самъ по себѣ. Явленія, выдвинутыя на первый планъ этими соображеніями, не дали возможности опредѣлить особый характеръ психической дѣятельности каждаго народа, какъ надѣялся Вильгельмъ Гумбольдтъ; но изслѣдованіе явленій въ томъ видѣ, какъ они даны, и разсмотрѣніе спеціальныхъ особенностей каждаго отдѣльнаго языка привело къ созданію строгой и точной науки.

Такъ какъ этотъ переворотъ въ лингвистикѣ былъ совершенъ германскими учеными, то, естественно, прежде всего новый методъ изслѣдованія былъ примѣненъ къ группѣ германскихъ языковъ. Уже въ 1811 году датчанинъ Раскъ въ предисловіи къ своей исландской грамматикѣ пишетъ: „Грамматика не должна предписывать, какъ должны образовываться слова, она должна описывать, какъ они образованы и какъ измѣняются“; а въ 1812 Яковъ Гриммъ (1785—1863) въ своемъ отзывѣ объ этой книгѣ писалъ: „Всякая индивидуальность должна считаться священною, даже въ языкѣ; нужно желать, чтобы каждый діалектъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, какъ бы онъ ни былъ презираемъ, былъ предоставленъ самому себѣ и не подвергался бы насильственному воздѣйствію со стороны, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои преимущества передъ самыми большими и самыми почетными“. Согласно съ этимъ принципомъ слѣдовало стремиться къ тому, чтобы какъ можно точнѣе описать каждую форму германскаго языка и въ особенности самыя древнія его формы, въ которыхъ, по воззрѣніямъ того времени, ожидали открыть національный духъ во всей его чистотѣ, а языкъ въ его первобытномъ совершенствѣ. Грамматика Гримма, первый томъ которой появился въ 1819 году (за четырнадцать лѣтъ до появленія перваго тома сравнительной грамматики Боппа), является первымъ описаніемъ цѣлой группы діалектовъ, начиная съ самыхъ древнихъ исторически засвидѣтельствованныхъ формъ, и потому послужила образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій другихъ группъ діалектовъ, засвидѣтельствованныхъ древними документами; самыя мелкія подробности отмѣчаются здѣсь съ большимъ стараніемъ, или, лучше сказать, съ благоговѣніемъ вѣрующаго; но тонкая и безконечно сложная сѣть взаимодѣйствій,

объясняющихъ лингвистическія явленія, еще недостаточно выяснена; это скорѣе собраніе наблюденій, чѣмъ объясненіе явленій. Законы германскаго перебоя (Lautverschiebung), по которымъ вся система согласныхъ звуковъ, такъ сказать, передвинулась на одну ступень, при чемъ герм. f, þ, h соотвѣтствуютъ гр. π, τ, χ, или лат. p, t, c; герм. p, t, k — греческимъ β, δ, γ, лат. b, d, g; др.-вр.-нѣм. d готскому þ и т. д., были открыты и изложены въ 1818 году Раскомъ, а въ 1822 году также и Я. Гриммомъ: они являются первымъ примѣромъ и служатъ образцомъ фонетическихъ законовъ, на знакомствѣ съ которыми основывается все современное историческое языкознаніе; это былъ первый результатъ точнаго наблюденія діалектовъ и изслѣдованія особыхъ характерныхъ чертъ каждаго языка.

Поттъ (1802—1887), который былъ на одиннадцать лѣтъ моложе Боппа, продолжалъ труды своихъ предшественниковъ, но онъ избралъ себѣ съ самаго начала особую область, этимологію, и работалъ въ ней самостоятельно, проявляя удивительную эрудицію. Первое изданіе его „Этимологическихъ разысканій“ (Etymologische Forschungen) относится къ 1833—1836 годамъ (первый томъ появился въ 1833 году, второй въ 1836), слѣдовательно совпадаетъ по времени съ первымъ изданіемъ Боппа. Безъ опредѣленныхъ законовъ соотвѣтствія звуковъ сближаемыхъ языковъ этимологія представляетъ чистую игру остроумія и не имѣетъ никакой доказательной силы; Поттъ это хорошо сознавалъ и уже въ 1833 году онъ пишетъ слѣдующія рѣшительныя фразы: „буква — болѣе надежный проводникъ въ лабиринтѣ этимологіи, нежели значеніе, которое часто подвержено самымъ смѣлымъ скачкамъ“ и „одно Гриммово изложеніе фонетическихъ измѣненій въ германскихъ языкахъ имѣетъ болѣе значенія, нежели многочисленныя философскія теоріи языка“. Поттъ создалъ одновременно и этимологію и фонетику индо-европейскихъ языковъ, и на прогрессъ лингвистическаго метода въ этотъ небольшой промежутокъ времени указываетъ то обстоятельство, что его трудъ сравнительно съ Боповымъ содержитъ менѣе устарѣвшихъ частей.

Одновременно съ созданіемъ сравнительной грамматики складываются и дисциплины изученія отдѣльныхъ языковъ: санскрита, древне-иранскаго, германскаго, славянскаго и т. д.;

онѣ и сами дѣлаютъ большіе успѣхи благодаря новымъ лингвистическимъ методамъ, и каждая изъ нихъ оказала свое содѣйствіе быстрому прогрессу новой науки. Классическая филологія долгое время оказывала ей враждебное отношеніе: и этому нечего удивляться; и до сихъ поръ многіе классическіе филологи не знаютъ сравнительной грамматики или, пытаясь изучить её, не очень углубляются въ усвоеніи ея метода. Когда была основана сравнительная грамматика, классическая филологія находилась уже въ періодѣ полнаго обновленія; послѣ Вольфа (1759—1824), который началъ изучать филологію ради нея самой и записался въ Университетъ какъ studiosus philologiae, такія лица какъ Г. Германъ (1772—1848), глава чисто филологической школы, и А. Бёкъ (1785—1867), дѣйствительный основатель археологической школы и иниціаторъ большихъ собраній надписей, не интересовались сравнительной грамматикой или даже враждебно относились къ ней: имъ было досадно видѣть, какъ какіе-то выскочки высказывали свои сужденія по греческой или латинской грамматикѣ на основаніи мало извѣстныхъ языковъ и при помощи методовъ, недоступныхъ контролю эллинистовъ и латинистовъ и въ добавокъ еще мало опредѣленныхъ; представители сравнительной грамматики съ своей стороны внушали мало довѣрія, такъ какъ ихъ знакомство съ классической филологіей часто было недостаточно (Боппъ былъ посредственный латинистъ) и они оставляли безъ вниманія синтаксисъ, столь важный въ глазахъ филолога-классика. Это вполнѣ понятное недоброжелательство не помѣшало однако тому, что труды этихъ ученыхъ и ихъ учениковъ оказали большое содѣйствіе успѣхамъ сравнительной грамматики. Буттманъ могъ не знать, что въ соотвѣтствіи дор. ἵστᾱμι и іон.-атт. ἵστημι дорическое ᾱ отражаетъ общегреческое состояніе, а іон. η является болѣе позднимъ измѣненіемъ; но его греческая грамматика (первое изданіе 1819 года, второе — 1830) была весьма полезна для сторонниковъ сравнительнаго метода, точно также какъ и работы Лобека, ученика Г. Германа, и переизданіе словаря Thesaurus linguae graecae Генриха Стефана (Henri Etienne) парижскою фирмою Дидо (Didot) подъ редакціею Газе (Hase) въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми другими германскими учеными (съ 1831 по 1865 годъ). Чуждые методамъ сравнитель-

ной грамматики, труды эти, давая богатыя собранія точныхъ фактовъ, не мало содѣйствовали ея успѣхамъ.

Въ 1852 году Адальбертомъ Куномъ (Kuhn) былъ основанъ журналъ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung; дѣятельность самаго А. Куна была направлена главнымъ образомъ на изученіе сравнительной миѳологіи. Когда пробѣгаешь первый томъ этого журнала, то поражаешься, насколько шатки и неопредѣленны были принципы сравнительной грамматики въ это время. Новое поколѣніе лингвистовъ должно было выяснить и установить эти принципы, и слѣдующіе томы этого важнаго періодическаго изданія свидѣтельствуютъ о постоянномъ прогрессѣ методовъ языкознанія.

Августъ Шлейхеръ (1821—1868) былъ одушевленъ совершенно инымъ духомъ, нежели Боппъ. Боппъ былъ филологомъ, сближавшимъ другъ съ другомъ грамматическія формы древнихъ индо-европейскихъ языковъ; Шлейхеръ, усвоившій методы естественныхъ наукъ, былъ въ извѣстномъ смыслѣ натуралистомъ, приведшимъ въ систему добытые факты и стремящимся установить общіе законы. Съ самаго начала своей дѣятельности онъ занимается фонетикой, и въ своихъ Sprachvergleichende Untersuchungen (1848) онъ пытается опредѣлить законы развитія звуковыхъ сочетаній, заключающихъ у; онъ старается установить всеобщіе законы, приложимые не къ одному только отдѣльному языку, — преждевременная попытка разрѣшенія вопроса, который рано или поздно долженъ былъ быть поставленъ.

Онъ не ограничивается древними языками: пребываніе въ прусской Литвѣ даетъ ему возможность изучить самый архаическій изъ живыхъ индо-европейскихъ языковъ, языкъ литовскій, и въ 1856 году онъ выпускаетъ въ Прагѣ свою литовскую грамматику, которая и до настоящаго времени остается наилучшимъ описаніемъ этого языка; здѣсь фонетика уже изучается самостоятельно на равнѣ съ словообразованіемъ, склоненіемъ и спряженіемъ; глава, посвященная фонетикѣ, содержитъ 79 страницъ, между тѣмъ какъ склоненію и спряженію посвящено 85 страницъ; и, основываясь на непосредственномъ наблюденіи живого языка, а не на

изслѣдованіи старинныхъ текстовъ, она построена — и въ этомъ заключается серьезное нововведеніе — на артикуляціи звуковъ и ея измѣненіяхъ, а не на буквахъ съ ихъ соотвѣтствіями буквамъ другихъ языковъ; подробный синтаксисъ завершаетъ эту по истинѣ удивительную грамматику, которая позволила литовскому языку занять подобающее ему мѣсто въ ряду сравниваемыхъ между собою индо-европейскихъ языковъ. Въ слѣдующемъ 1857 году Шлейхеръ издаетъ тѣ матеріалы, на которыхъ основывалась его грамматика, драгоцѣнныя собранія литовскихъ сказокъ, пѣсенъ, загадокъ и поговорокъ, съ приложеніемъ словаря: впервые рядомъ съ изучаемыми литературными языками становится наконецъ и чисто народный языкъ. И по содержанію и по способу изложенія Handbuch der litauischen Sprache представляетъ одно изъ самыхъ важныхъ событій въ развитіи сравнительной грамматики.

Признавая, что развитіе языковъ совершается по опредѣленнымъ и постояннымъ законамъ, Шлейхеръ признавалъ возможность построенія наиболѣе древней, общей формы языка на основаніи соотвѣтствій, наблюдаемыхъ въ исторически засвидѣтельствованныхъ языкахъ. Шлейхеръ первый пытался возстановить индо-европейскій языкъ и прослѣдить его развитіе въ каждой отдѣльной языковой области: эту задачу онъ и выполнилъ въ своемъ Compendium der vergleichenden grammatik der indogermanischen sprachen. Kurzer abriss einer laut- und formenlehre der indogermanischen ursprache, der altindischen, alteranischen, altgriechischen, altitalischen, altkeltischen, altslawischen, litauischen und altdeutschen. Первое изданіе этого труда появилось въ 1861 году, — въ томъ же году, когда было закончено второе изданіе сравнительной грамматики Боппа; и трудъ этотъ такъ хорошо отвѣчалъ настоятельной потребности, что менѣе, чѣмъ въ 15 лѣтъ онъ выдержалъ еще три изданія. Фонетика занимаетъ цѣлую треть его объема; объясненія индо-европейскихъ формъ, составлявшія для Боппа самый главный вопросъ, встрѣчаются еще, но играютъ только второстепенную роль. Боппъ и Поттъ сближали и сравнивали отдѣльныя формы, а Шлейхеръ возстановилъ общій языкъ, опредѣлилъ его существенныя черты и его развитіе; онъ ошибался, видя въ

этомъ развитіи одинъ упадокъ, онъ не всегда оставался вѣренъ принципу закономѣрности, который онъ признавалъ въ теоріи, но созданный имъ методъ сдѣлался съ тѣхъ поръ методомъ всѣхъ языковѣдовъ и оказалъ вліяніе на все послѣдующее развитіе науки.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія Compendium'a, въ 1868 году, Фикъ (Fick) выпускаетъ въ свѣтъ первое изданіе своего этимологическаго словаря индо-европейскихъ языковъ; здѣсь каждое указываемое сближеніе уже опредѣляется индо-европейскимъ прототипомъ: представленіе индо-европейскаго языка такимъ образомъ нашло опредѣленное, можно сказать даже матеріальное воплощеніе. Этотъ трудъ выдержалъ еще три новыхъ изданія (послѣдній (третій) томъ четвертаго изданія вышелъ въ 1909 году); авторъ его съ рѣдкою, юношеской энергіей старался не отставать отъ науки.

Между тѣмъ фактическій матеріалъ, на которомъ основовывалась сравнительная грамматика, расширялся, пополнялся и выяснялся во всѣхъ областяхъ.

Въ первое время сравнительная грамматика пользовалась классическимъ санскритомъ; санскритскія изданія Боппа (грамматика, словарь, тексты) имѣютъ въ виду исключительно классическій языкъ; то же можно сказать и объ изданіяхъ В. Шлегеля, Лассена и Бюрнуфа. Въ 1848 году Бенфей публикуетъ свое изданіе Самаведы (Sāmaveda) съ переводомъ и словаремъ; въ 1849 году Максъ Мюллеръ начинаетъ свое изданіе Ригведы, а въ 1861—63 годахъ Ауфрехтъ издаетъ новое болѣе удобное изданіе того же текста; съ 1849—59 годъ стараніями А. Вебера была издана Шатапатхабрахмана (Çatapathabrāhmaṇa), въ 1856 году появляется Атхарваведа (Atharvaveda) въ изданіи Рота и Уитнея (Whitney); такимъ образомъ къ 1860 году главные ведическіе тексты уже были опубликованы. Полная грамматика Бенфея (1852) уже принимаетъ во вниманіе и ведическій языкъ; наконецъ огромный Петербургскій словарь Бётлинга и Рота обнимаетъ весь запасъ санскритскихъ словъ, начиная съ древнѣйшихъ ведическихъ текстовъ. — Авеста была издана въ то же время Вестергардомъ (1852) и Шпигелемъ (1853—1858), а въ 1864 года Юсти въ своемъ Руководствѣ зендскаго языка даетъ полное собраніе всѣхъ словъ и всѣхъ грамматическихъ формъ Авесты. — Съ другой стороны, къ 1850 году окон-

чательно были дешифрированы надписи Ахеменидовъ. — Съ этого времени всѣ древнѣйшіе памятники индо-иранскаго языка были въ распоряженіи лингвистовъ: для Индіи можно было пользоваться гимнами Ригведы, а для Персіи — непосредственнымъ воспроизведеніемъ большихъ текстовъ, вышедшихъ изъ самой канцеляріи Дарія и его преемниковъ, а также гатами Авесты; и эти вполнѣ достовѣрные тексты представляютъ въ наибольшемъ разнообразіи наиболѣе древнія грамматическія формы. Достаточно было воспользоваться этими матеріалами, чтобы пролить новый свѣтъ на всѣ почти вопросы языкознанія.

Классическая филологія не хотѣла знать сравнительной грамматики; но изученіе діалектовъ, которому положила начало прекрасная книга Аренса De graecae linguae dialectis (1839—1843), и къ которому привело открытіе многочисленныхъ діалектическихъ надписей, показало всѣ неудобства такого предубѣжденія: формы, встрѣчающіяся въ различныхъ говорахъ, другъ друга не объясняютъ, между тѣмъ какъ, восходя къ обще-греческому и индо-европейскому языку, мы безъ труда начинаемъ ихъ понимать. Заслуга ознакомленія классическихъ филологовъ съ сравнительной грамматикой и введенія въ лингвистику достовѣрныхъ результатовъ, добытыхъ эллинистами, принадлежитъ Георгу Курціусу (1820—1885). Его Grundzüge der griechischen Etymologie (1858—1862) были первымъ хорошимъ этимологическимъ словаремъ древняго языка: сопоставленія здѣсь болѣе обоснованы, и филологическіе факты изложены полнѣе, чѣмъ въ довольно цѣнномъ Бенфеевомъ Griechisches Wurzellexikon (появился въ 1839—1842 г.). Г. Курціусъ не внесъ въ науку никакой существенно новой идеи; но своими филологическими познаніями и своимъ стремленіемъ объяснить особенности греческаго языка при помощи сравнительной грамматики, онъ оказалъ сильное вліяніе на прогрессъ науки и выполнилъ дѣло, которое необходимо было выполнить: успѣхъ его греческаго этимологическаго словаря, который выдержалъ пять изданій (послѣднее въ 1879 году), и большое количество учениковъ свидѣтельствуютъ о томъ, какую важную роль онъ игралъ.

То же, что Курціусъ сдѣлалъ для греческаго языка, для латинскаго съ меньшимъ талантомъ сдѣлалъ Корссенъ. Gram-

matica celtica Цейсса (Zeuss, 1853; переиздана Эбелемъ въ 1871 году) положила основаніе кельтскому языкознанію. Наконецъ, работы Шлейхера и въ особенности Миклошича знакомятъ съ древне-славянскимъ языкомъ: Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum Миклошича появился въ 1862—1865 годахъ. Съ другой стороны прекрасныя изслѣдованія Томсена о заимствованныхъ финскими языками германскихъ словахъ показываютъ, какіе выводы можно сдѣлать изъ разсмотрѣнія заимствованныхъ словъ для освѣщенія исторіи языковъ (1870).

Мы видимъ такимъ образомъ, что во всѣхъ областяхъ собиралось все большее и большее количество точныхъ фактовъ и что вмѣсто разбора языковъ сравнительно новаго образованія изслѣдователи восходили къ наиболѣе древнимъ памятникамъ каждаго изъ нихъ.

Двѣ главныхъ черты характеризуютъ этотъ періодъ развитія сравнительной грамматики: установленіе Шлейхеромъ понятія индо-европейскаго языка и значительное увеличеніе числа, точности и древности изслѣдуемыхъ фактовъ.

Только въ концѣ этого періода сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ, которою до сихъ поръ занимались только нѣмецкіе ученые (и нѣсколько датчанъ, какъ Раскъ, Мадвигъ, Томсенъ), начала распространяться за границами Германіи. Съ 1866 до 1872 Мишель Бреаль переводитъ на французскій языкъ грамматику Боппа, предпосылая ей прекрасное введеніе; въ томъ же 1866 году окончательно учреждается Парижское Лингвистическое Общество (la Société de linguistique de Paris); а въ 1875 году Бреаль выпускаетъ въ свѣтъ изданіе, переводъ и полный разборъ евгубинскихъ таблицъ.

Въ то время какъ сравнительная грамматика распространялась такимъ образомъ, подготовлялся и новый періодъ ея развитія.

Вслѣдствіе того, что изучался весь рядъ текстовъ отъ самыхъ древнихъ временъ до современныхъ живыхъ говоровъ, и что составлялись такимъ образомъ сравнительныя грамматики романскихъ (Дитцъ, Гастонъ-Парисъ, Шухардтъ), славянскихъ (Миклошичъ), германскихъ и др. языковъ, мысль, что объясненіе первоначальныхъ формъ составляетъ главную

задачу лингвистическихъ изслѣдованій, постепенно ослабѣвала, и ученые старались прежде всего прослѣдить историческое развитіе каждаго языка. Съ другой стороны способы доказательства, употребляемые для установленія положительныхъ фактовъ изъ исторіи языковъ, не могли служить подтвержденіемъ точности анализа индо-европейскихъ формъ, и, по мѣрѣ того какъ эти способы доказательства становились все болѣе и болѣе строгими, оказывалось все труднѣе и труднѣе скрывать отъ себя невозможность строгаго доказательства въ области объясненія индо-европейскихъ грамматическихъ формъ. Послѣ 1875 года мы не встрѣчаемъ этихъ объясненій въ новыхъ изданіяхъ: окончательно порвалась связь между идеями XVIII вѣка и принципами сравнительной грамматики. Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ не задается уже цѣлью изслѣдовать предполагаемый органическій періодъ языка, періодъ образованія, о которомъ никто ничего не знаетъ; она продолжаетъ, только въ нѣсколько болѣе отдаленномъ прошедшемъ, изслѣдованія романистовъ, германистовъ, кельтистовъ, славистовъ, иранистовъ и др. и получаетъ результаты того же порядка и тѣми же методами.

Съ другой стороны точное изученіе тѣхъ формъ, которыя принимаетъ языкъ въ какой-либо моментъ въ каждой отдѣльной мѣстности, показывало, что измѣненія происходятъ не спорадически и произвольно, а по опредѣленнымъ законамъ.

Успѣхи сравнительной грамматики вскрывали постоянное дѣйствіе строгихъ законовъ даже тамъ, гдѣ поверхностный наблюдатель видитъ только аномалію. Въ 1863 году въ XII томѣ журнала Куна (Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung) математикъ Грассманъ показалъ, какъ объясняется кажущаяся непослѣдовательность въ соотвѣтствіи скр. bh, греч. π, гот. b въ такихъ случаяхъ какъ скр. bódhate „замѣчаетъ“, гом. πεύθεται „разузнаетъ“, гот. -biudan „приказывать“; это объясненіе было приведено выше на стр. 39 и сл.

Индо-европейскіе глухіе взрывные p, t, k отражаются въ германскомъ въ положеніи между сонорами (гласными или сонантами въ собственномъ смыслѣ) то какъ f, þ, h, то какъ b, d, g (гот. b, d, g); долго ограничивались простымъ указаніемъ на это двоякое отраженіе; наконецъ въ 1877 году

въ XXIII томѣ Журнала Куна датчанинъ К. Вернеръ доказалъ, что глухой спирантъ сохраняется въ томъ случаѣ, если предшествующій гласный соотвѣтствуетъ санскритскому (или греческому) ударяемому гласному, и переходитъ въ звонкій, если этотъ гласный не имѣетъ ударенія: скр. bhrā́tā „братъ“, гр. φρᾱ́τωρ въ готскомъ соотвѣтствуетъ broþar „братъ“, между тѣмъ какъ гот. fadar „отецъ“ соотвѣтствуетъ санскритскому pitā́, гр. πατήρ.

Это открытіе, устанавливая сохраненіе индо-европейскаго ударенія въ обще-германскомъ языкѣ и въ то же время объясняя многія явленія германской грамматики, дало поразительное подтвержденіе тому положенію, которое годомъ раньше въ своей книгѣ о склоненіи въ балтійско-славянскомъ языкѣ (Лейпцигъ 1876) Лескинъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „Въ своихъ изслѣдованіяхъ я исходилъ изъ того принципа, что дошедшая до насъ форма падежа никогда не основывается на исключеніи изъ фонетическихъ законовъ, соблюдаемыхъ въ другихъ случаяхъ... Допускать произвольныя и случайныя отступленія, несогласимыя между собою, это въ сущности значитъ признавать, что объектъ нашего изслѣдованія, языкъ, не допускаетъ научнаго изученія“. Принципъ этотъ уже носился въ воздухѣ; онъ былъ, дѣйствительно, послѣднимъ звеномъ въ цѣпи исканій Шлейхера и Курціуса; Шереръ указалъ на него уже въ 1875 году; въ самой строгой формѣ формулировали этотъ принципъ Остгофъ (Osthoff) и Бругманъ (Brugmann) въ предисловіи къ первому тому своихъ „Morphologische Untersuchungen“ (1878): „Всякое фонетическое измѣненіе, поскольку оно совершается механически, слѣдуетъ законамъ, не знающимъ исключенія, т. е. направленіе фонетическаго измѣненія у всѣхъ членовъ одной и той же лингвистической группы всегда одинаково, за исключеніемъ случая діалектическаго раздѣленія, и безъ исключенія всѣ слова, гдѣ подлежащій измѣненію звукъ находится въ одинаковыхъ условіяхъ, подвергаются данному измѣненію“. Этотъ принципъ сначала вызвалъ живые споры, и теоретическое значеніе его будетъ опредѣлено вполнѣ только тогда, когда природа причинъ фонетическихъ измѣненій будетъ точно установлена. Но онъ оказался въ полномъ соотвѣтствіи фактамъ, наблюдаемымъ въ развитіи новыхъ языковъ (романскихъ, германскихъ, славянскихъ и др.) и въ особенности

мѣстныхъ говоровъ и нарѣчій; онъ оказался въ общемъ правильнымъ и вполнѣ пригоднымъ въ качествѣ методологическаго правила: съ этого времени онъ господствуетъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ, и даже тѣ лингвисты, которые, какъ Шухардтъ, не вполнѣ признаютъ его теоретическое значеніе, примѣняютъ его на практикѣ; работы, не соблюдающія этого принципа, не заслуживаютъ вниманія.

Вниманіе, которое было наконецъ обращено на физіологическіе процессы артикуляціи звуковъ и выразилось въ прекрасной книгѣ Сиверса „Grundzüge der Phonetik“ (1-ое изданіе 1876 года), приводитъ къ небывалой до той поры точности изслѣдованія фонетическихъ явленій.

Принципъ постоянства фонетическихъ законовъ привелъ къ пересмотру всѣхъ положеній фонетической системы индоевропейскихъ языковъ.

Послѣ Боппа Шлейхеръ предположилъ, что индо-европейскій языкъ имѣлъ, подобно семитическому языку (судя по арабскому), три гласныхъ звука a, i, u. Съ 1864 года Курціусъ начинаетъ указывать, что въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ въ лат. decem, гр. δέκα, др.-сакс. tehan и т. д., всѣ европейскіе языки послѣдовательно даютъ e при a въ скр. dáça; но изъ этого дѣлали только тотъ выводъ, что европейскіе языки составляли одну группу въ то время, когда индоиранскій языкъ уже стоялъ особнякомъ. Іоганнъ Шмидтъ (1843—1901), самый выдающійся изъ прямыхъ учениковъ Шлейхера, въ своемъ большомъ трудѣ о вокализмѣ, появившемся въ 1871—1875 годахъ, выяснилъ только нѣкоторые мелкіе вопросы. Къ 1874 году со всѣхъ сторонъ указывается на невозможность предположенія, что какой-нибудь звукъ въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, раздѣляется на нѣсколько другихъ. Въ промежутокъ времени съ 1874 до 1876 года Амелунгъ и въ 1876 году К. Бругманнъ (родился въ 1849 г.) доказываютъ, что различеніе звуковъ e, o, a, которое является въ греческомъ ε, ο, α, въ латинскомъ e, o, a, въ кельтскомъ e, o, a и со смѣшеніемъ звуковъ o и a, также въ германскомъ и балтійско-славянскомъ, представляетъ индо-европейское состояніе; кромѣ того, по мнѣнію Бругманна индоиранскій языкъ сохранилъ одинъ слѣдъ существованія и.-е. *o въ томъ явленіи, что въ нѣкоторомъ количествѣ случаевъ греческому o, лат. o и т. д. соотвѣтствуетъ индо-иранск. ā,

a не ă; къ сожалѣнію это мнѣніе оказалось недостовѣрнымъ, и чисто фонетическій характеръ этого индо-иранскаго ā представляется недопустимымъ. Окончательное доказательство того, что различіе звуковъ e и o восходитъ къ индо-европейскому языку, было дано другимъ наблюденіемъ: литовскому k, g въ санскритѣ соотвѣтствуютъ то k, g, gh, то c, j, h и въ иранскомъ то k, g, то č, ǰ: около 1877 года всѣ начинаютъ замѣчать, что скр. k, зд. k являются передъ такимъ индо-иранскимъ a, которое соотвѣтствуетъ звуку a или o другихъ языковъ, а скр. c, зд. č — передъ такимъ индо-иранскимъ a, которое соотвѣтствуетъ звуку e другихъ языковъ; такъ скр. ca „и“ = гр. τε, лат. que, но скр. kaḥ „кто?“ = лит. kas. Это наблюденіе было впервые опубликовано Коллицемъ и Ф. де Соссюромъ, преподавалось на лекціяхъ I. Шмидта, Тегнера (въ Швеціи), Вернера и В. Томсена (въ Даніи). Сразу стало ясно, что греческій и осскій вокализмъ точно отражаетъ вокализмъ индо-европейскій, и сравнительную грамматику необходимо стало строить на сравненіи всѣхъ языковъ; индо-иранская группа теряла свое преувеличенное значеніе; и въ то же время, такъ какъ единственная крупная особенность, общая всѣмъ европейскимъ языкамъ и чуждая индо-иранскому, оказалась такимъ образомъ вѣрно отражающей индо-европейское состояніе, не было уже необходимости предполагать періодъ европейскаго единства послѣ отдѣленія индо-иранской группы. Всѣ разсужденія о первобытномъ характерѣ трехъ основныхъ гласныхъ a, i, u пали сами собою. Наконецъ, принципъ постоянства фонетическихъ законовъ получилъ новое подтвержденіе: a не раздѣлялось произвольно на a, e, o въ европейскихъ языкахъ; двоякое отраженіе k въ индо-иранскихъ k и č оказалось въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій; съ этого времени начинаютъ считать уже a priori неправдоподобнымъ всякое произвольное расщепленіе звука.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усложнялся и индо-европейскій консонантизмъ. Шлейхеръ находилъ въ индо-иранскомъ языкѣ только одинъ рядъ гортанныхъ звуковъ. Но выдающійся италіанскій лингвистъ Асколи (умеръ въ 1907 году) открылъ два ряда различныхъ соотвѣтствій:

скр. k (c) = лит. k = лат. qu = гр. π (τ)
скр. ç = лит. sz = лат. c = гр. k.

Фикъ, Авэ (Havet) и І. Шмидтъ выяснили вполнѣ, что индо-европейскій языкъ имѣлъ два ряда гортанныхъ и что эти два ряда представляютъ совершенно различные звуки наравнѣ съ губными и зубными. Такъ какъ эти звуки отражаются различно въ индо-иранскомъ, балтійскомъ, славянскомъ, армянскомъ и албанскомъ съ одной стороны и въ греческомъ, латинскомъ, кельтскомъ и германскомъ съ другой —, то благодаря этому выяснялось діалектическое различіе внутри индо-европейскаго языка.

Въ 1876 году Бругманнъ доказалъ, что индо-европейскіе звуки, опредѣляемые рядами соотвѣтствій: скр. a, гр. α, лат. en, гот. un, лит. in и скр. a, гр. α, лат. em, гот. um, лит. im играли въ морфологическихъ элементахъ, содержащихъ звуки n и m, ту же самую роль, какую играетъ скр. r̥ въ элементахъ, содержащихъ r; другими словами, что существовали *n̥ и *m̥, то-есть гласные n и m наряду съ согласными n и m. Это открытіе оказало большое вліяніе на прогрессъ нашихъ свѣдѣній объ индо-европейскомъ вокализмѣ, показывая, насколько разнородные элементы отражаются въ санскритскомъ a и въ греческомъ α. Сверхъ того оно дало возможность выяснить понятіе сонантовъ и построить общую теорію индо-европейскаго вокализма.

Это было дѣломъ Фердинанда де Соссюра: его трудъ Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes, помѣченный 1879 годомъ, но появившійся уже въ 1878 году, подвелъ итоги всѣмъ открытіямъ послѣднихъ годовъ и положилъ твердую основу теоріи индо-европейскаго вокализма; *i и *u перестали разсматриваться, какъ гласные, и стали простыми гласными формами звуковъ *y и *w совершенно такъ же, какъ *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ являются гласными формами звуковъ *r, *l, *n, *m: въ сущности индо-европейскій языкъ имѣетъ одинъ только гласный, обладающій оттѣнками e и o или вовсе отсутствующій; каждый морфологическій элементъ имѣетъ либо вокализмъ ступени e, либо вокализмъ ступени o, либо ступень безъ гласнаго звука; важность этого чередованія гласныхъ въ индо-европейской морфологіи была теперь освѣщена со всѣхъ сторонъ. Изъ наблюденій надъ этими чередованіями вытекала полная теорія одного звука, на который до тѣхъ поръ не обращали вниманія: ступенямъ безъ e такихъ при-

лагательныхъ, какъ скр. çrutáḥ = гр. κλυτός или скр. tatáḥ = гр. τατός (изъ *tn̥tós) къ корнямъ *kleu- „слышать“ и *ter- „тянуть“, соотвѣтствуетъ въ корнѣ *sthā- „стоять“ гласный скр. i = гр. α = лат. a въ рядѣ скр. sthitáḥ = гр. στατός = лат. status. Слѣдовательно ступень вокализма безъ звука e въ корняхъ съ долгимъ гласнымъ представляетъ звукъ, опредѣляемый соотвѣтствіемъ скр. i = гр. α (или ε, ο) = лат. a и т. д. Но этотъ звукъ, который по примѣру Бругмана стали обозначать знакомъ *ə, является во второмъ слогѣ нѣкоторыхъ корней, какъ скр. jani- = гр. γενε- „рождать“: слѣдовательно существуютъ двухсложные корни; старая догма односложности индо-европейскихъ корней была разрушена. Сочетаясь съ предшествующимъ сонантомъ, этотъ звукъ даетъ такъ называемые долгіе сонанты (фонетической природы которыхъ Соссюръ не касался: и не было въ этомъ надобности, такъ какъ она не измѣняетъ системы): *ū есть *u+*ə: скр. pūtáḥ „очищенный“ является наряду съ pávitum „очищать“, между тѣмъ какъ мы имѣемъ çrutáḥ „слышанный“ рядомъ съ çrotum „слышать“ (скр. o отражаетъ a+u); слѣдовательно группы *n+*ə, *r+*ə можно назвать *n̥̄, *r̥̄: санскритъ имѣетъ jā-táḥ „рожденный“ = лат. nā-tus при скр. jani-tum „рождать“, но hă-táḥ „убитый“ при han-tum „убивать“. Такимъ образомъ Соссюръ установилъ цѣлую систему той роли, какую игралъ въ индо-европейскомъ языкѣ звукъ *ə. Его взгляды получили интересное подтвержденіе благодаря оригинальному открытію, сдѣланному русскимъ ученымъ, Фортунатовымъ: литовскій ученый Куршатъ указалъ, что литовскіе долгіе гласные и дифтонги могутъ имѣть двѣ интонаціи; Фортунатовъ показалъ, что литовскіе дифтонги ir, il, in, im имѣютъ ту или другую интонацію смотря по тому, соотвѣтствуютъ ли они скр. r̥, a или скр. īr (ūr), ā (которые точно соотвѣтствуютъ Соссюровскимъ долгимъ сонантамъ): лит. miřtas соотвѣтствуетъ скр. mr̥táḥ „мертвый“, но gìrtas „пьяный“ стоитъ рядомъ съ скр. gīrn̥áḥ „проглоченный“ (съ другимъ суффиксомъ). Существованіе долгихъ сонантовъ было такимъ образомъ подтверждено съ иной точки зрѣнія, отличающейся отъ точки зрѣнія Соссюра. Изслѣдованіе его, подводя итоги всѣмъ прежнимъ открытіямъ въ области вокализма, благодаря одному капитальному и рѣшающему вопросъ нововведенію, давало стройную систему, обни-

мающую всѣ факты, ставящую на соотвѣтствующее мѣсто уже извѣстныя явленія и открывающую цѣлый рядъ новыхъ. Съ этого времени уже непозволительно было въ какомъ бы то ни было вопросѣ оставлять безъ вниманія то обстоятельство, что каждый языкъ образуетъ такую систему, гдѣ все связано и гдѣ господствуетъ съ поразительной послѣдовательностью одинъ общій планъ. Появившіяся послѣ того работы по вокализму Гюбшмана (Hübschmann) и Гирта (Hirt) выяснили много подробностей, но не разрушили, а только подкрѣпили систему, созданную Ф. де Соссюромъ.

Принципъ постоянства фонетическихъ законовъ былъ плодотворенъ не только для одной фонетики и для теоріи вокализма, который со своимъ чередованіемъ гласныхъ составляетъ основу индо-европейской морфологіи; онъ оказалъ рѣшительное вліяніе на прогрессъ науки еще въ двухъ направленіяхъ.

Прежде всего, онъ заставилъ лингвистовъ обратить вниманіе на важное значеніе аналогіи; конечно, въ общемъ признавалось, что новообразованія по аналогіи играютъ нѣкоторую роль; но, пока допускалась возможность спорадическихъ фонетическихъ измѣненій, не было никакого средства для опредѣленія того, что объясняется аналогіей; когда же необходимо стало опредѣлять, какую форму слѣдуетъ ожидать на основаніи фонетическихъ законовъ, пришлось объяснять и то, что́ имъ не соотвѣтствовало, и было замѣчено, что большая часть этихъ отклоненій создается подъ вліяніемъ аналогіи. Если древнее k отражается въ санскритѣ какъ k передъ a, происшедшимъ изъ *o, и переходитъ въ c передъ a, восходящимъ къ *e, то слѣдуетъ ожидать скр. sácate „слѣдуетъ“ въ виду гр. ἕπεται, но скр. *sakante въ виду ἕπονται, лат. sequontur; но въ скр. мы имѣемъ sácante съ c: это c объясняется аналогіей съ формой sácate; наоборотъ греческое π слова ἕπεται объясняется аналогіей съ формами ἕπομαι, ἕπονται и т. д. Такимъ образомъ крупное открытіе относительно санскритскихъ k и c вызвало широкое примѣненіе аналогіи къ объясненію формъ. Въ 1880 году Пауль (Paul) въ своихъ Principien der Sprachgeschichte изложилъ психологическую теорію аналогіи: Остгофъ и Бругманъ въ своихъ Morphologische Untersuchungen (1878 и слл.; см. также книгу Остгофа

о перфектѣ, появившуюся въ 1884 году) привели множество примѣровъ новыхъ формъ, образованныхъ по аналогіи, а В. Анри (V. Henry, умеръ въ 1907 году) въ 1883 году изложилъ дѣйствіе этого фактора въ своемъ трудѣ Étude sur l'analogie en général et sur les formations analogiques de la langue grecque.

Но аналогія не можетъ объяснить всего того, что стоитъ въ противорѣчіи съ фонетическими законами. Множество отступленій объясняется тѣмъ, что мы въ такихъ случаяхъ имѣемъ дѣло не съ естественно развившимися формами, а съ формами заимствованными либо изъ сосѣдняго языка, либо изъ другого діалекта, либо даже изъ литературныхъ текстовъ. Но каждый мѣстный говоръ, каждый діалектъ имѣетъ свое самостоятельное развитіе; и область распространенія одного какого-нибудь явленія ничего не говоритъ о степени распространенія другого явленія, какъ это доказалъ Іог. Шмидтъ (Die Verwandtschaftsverhältnisse der indo-germanischen Sprachen, 1872). Такимъ образомъ принципъ постоянства фонетическихъ законовъ заставлялъ внимательно изслѣдовать всѣ историческія вліянія, слѣды которыхъ сохранялъ каждый языкъ. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ выяснилось, что латинскій языкъ, напримѣръ, полонъ греческихъ словъ, германскій — словъ латинскихъ и т. д. Самый блестящій результатъ такого рода разысканій получилъ Гюбшманъ: исходя изъ разсмотренія словъ заимствованныхъ армянскимъ языкомъ изъ иранскаго, Гюбшманъ въ XXIII томѣ Журнала Куна (тамъ же напечатана и статья Вернера) показалъ, что армянскій языкъ содержитъ также и свой оригинальный элементъ, который нельзя свести къ индоиранскому, и потому составляетъ особую группу діалектовъ; такимъ образомъ онъ положилъ основаніе сравнительной грамматикѣ армянскаго языка.

Приложеніе идеи постоянства фонетическихъ законовъ, идеи системы гласныхъ, аналогіи, діалектовъ и заимствованій и открытія, явившіяся слѣдствіемъ примѣненія этихъ идей, заставляли снова пересмотрѣть сравнительную грамматику каждаго языка во всѣхъ подробностяхъ. Кромѣ названныхъ уже ученыхъ, слѣдуетъ еще упомянуть имена Mahlow — для индо-европейскаго языка, Bartholomae — для индо-иранскаго, Wackernagel'a, Solmsen'a, W. Schulze — для греческаго, W. Sto-

kes'a, Windisch'a, Thurneysen'a, Zimmer'a — для кельтскаго, Paul'a, Kluge, Sievers'a — для германскаго, Bezzenberger'a — для балтійскаго, Бодуэна-де-Куртенэ — для славянскаго и многихъ другихъ. Еще не пришло время указывать, что въ сдѣланныхъ въ это время открытіяхъ принадлежитъ каждому лингвисту, а тѣмъ менѣе оцѣнивать роль тѣхъ ученыхъ, которые появились вслѣдъ за ними, какъ Kretschmer, Meringer, Streitberg, Hirt, Johansson, Ульяновъ, Pedersen и т. д.; заслуги Leskien'a въ области балтійско-славянскихъ языковъ, L. Havet — въ области латинскаго и Hübschmann'a — въ области армянскаго не могутъ быть достаточно оттѣнены въ краткомъ очеркѣ, имѣющемъ задачу отмѣтить лишь существенные моменты развитія сравнительной грамматики.

Въ промежутокъ времени отъ 1875 до 1880 года произошелъ полный пересмотръ фактовъ; четвертое изданіе Compendium'a Шлейхера въ 1874 году являлось еще полезнымъ; но въ 1880 году переизданіе трудовъ Боппа и Шлейхера имѣло бы только историческій интересъ. Греческая грамматика Густава Мейера, вышедшая въ 1880 году, является первымъ руководствомъ, гдѣ нашли приложеніе новые принципы языкознанія. Въ 1886 году начинаетъ появляться обширный Grundriss Бругмана, который подводитъ итогъ всѣмъ работамъ послѣдняго десятилѣтія и пополняетъ ихъ; благодаря изслѣдованіямъ Густава Мейера и Hübschmann'a албанскій и армянскій языки впервые заняли подобающее имъ мѣсто въ руководствѣ по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ. Въ своемъ Grundriss'ѣ Бругманъ излагаетъ только фонетику и морфологію; но стала ощущаться необходимость и въ новой части, которой еще не было ни у Боппа, ни у Шлейхера; уже стали понимать важность вопросовъ семантики, которые особенно интересовали Bréal'a; B. Delbrück, положившій своими многочисленными трудами основаніе сравнительному синтаксису, написалъ для Grundriss'a Бругмана синтаксисъ, который сдѣлалса необходимъ: послѣдній томъ этого сравнительнаго синтаксиса появился въ 1900 году. Вопросы значенія такимъ образомъ заняли наконецъ подобающее имъ мѣсто; въ то же самое время Bréal удивительно тонко анализировалъ перемѣны значенія грамматическихъ формъ и въ особенности отдѣльныхъ словъ въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ и въ своей книгѣ Essai de sémantique (1897).

Здѣсь не мѣсто давать оцѣнку тому, что сдѣлано послѣ 1880 года: было получено безконечное множество цѣнныхъ результатовъ въ частныхъ вопросахъ, особенно благодаря работомъ Іоганна Шмидта, и появились прекрасныя руководства въ различныхъ областяхъ науки; но ни ученые, съ самаго начала принявшіе участіе въ великомъ движеніи 1875 года, ни тѣ, которые присоединились къ нимъ послѣ, не внесли новыхъ принциповъ и, въ общемъ, главнымъ образомъ дѣлались выводы изъ принциповъ уже установленныхъ.

Въ Германіи различаютъ два главныхъ направленія. Въ Лейпцигѣ подъ вліяніемъ сначала Курціуса, а затѣмъ Бругмана укрѣпилась тенденція заниматься чистой лингвистикой, принимая филологическіе факты за установленные, и составлять систематическія изложенія каждаго отдѣльнаго вопроса; въ Лейпцигѣ были точно формулированы принципы движенія 1871—1880 годовъ; изъ Лейпцигской школы вышла большая часть руководствъ и словарей; органомъ Лейпцигской школы является журналъ Indogermanische Forschungen, редактируемый Бругманомъ и Штрейтбергомъ. Въ Берлинѣ подъ вліяніемъ сначала Боппа, затѣмъ Іог. Шмидта и въ настоящее время W. Schulze мы встрѣчаемся съ болѣе живымъ стремленіемъ изслѣдовать непосредственно филологическіе факты и нѣкоторое недовѣріе къ построеніямъ цѣлыхъ системъ. Другіе лингвисты, главными представителями которыхъ являются Фикъ и Бецценбергеръ, отличаются независимостью и иногда меньшею строгостью въ изслѣдованіи фактовъ. Zeitschrift Куна, выходящій въ настоящее время подъ редакціей А. Бецценбергера, Е. Куна и В. Шульце, и недавно основанный Кречмеромъ и Скутчемъ журналъ Glotta являются представителями тенденцій, противуположныхъ лейпцигскому направленію. Эти различныя направленія весьма удачно дополняютъ другъ друга. За предѣлами Германіи можно указать только двѣ школы, достаточно характерныя: русскую школу, которая сложилась подъ вліяніемъ Бодуэнаде-Куртенэ и въ особенности Фортунатова, и французскую школу, основанную Бреалемъ и получившую свою особую окраску подъ вліяніемъ десятилѣтняго преподаванія Ф. де Соссюра въ École des hautes études (1881—1891); органомъ французской школы является журналъ Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Въ общемъ между

всѣми этими школами не наблюдается никакой серьезной разницы въ принципахъ и въ методахъ изслѣдованія.

Но въ одномъ отношеніи мы, повидимому, достигли предѣла, дальше котораго трудно итти: нѣтъ такого извѣстнаго въ настоящее время языка, древняго или новаго, который могъ бы быть присоединенъ къ индо-европейской группѣ; нѣтъ также надежды на открытіе болѣе древнихъ текстовъ на уже извѣстныхъ діалектахъ; греческія, индійскія и другія надписи, которыя открываютъ отъ времени до времени, находятъ свое естественное мѣсто въ уже установленныхъ группахъ явленій и приносятъ только новыя подробности; недавняя неожиданная находка въ центральной Азіи текстовъ, открывшихъ намъ новую группу индо-европейскихъ языковъ, группу тохарскую, живыхъ представителей которой не сохранилось ниоднаго, повидимому, не принесетъ ничего кромѣ отдѣльныхъ подробностей или подтвержденія общихъ уже установленныхъ взглядовъ; только совершенно неожиданная находка могла бы принести факты, которые вынудили бы насъ перестроить наше представленіе объ индо-европейскомъ языкѣ; сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ не находитъ болѣе совершенно новаго матеріала. Въ ожиданіи того, что удастся сблизить индо-европейскій языкъ съ какою-либо другою группою языковъ (напр. семитической или угрофинской) и такимъ образомъ составить себѣ представленіе относительно индо-европейскаго состоянія, или что общая лингвистика дастъ намъ новыя точки зрѣнія, мы можемъ только выяснять частности уже добытыхъ результатовъ; но и это одно требуетъ очень большого труда, такъ какъ нѣтъ ниодного вопроса, который могъ бы считаться обслѣдованнымъ вполнѣ, особенно въ области словаря, изученіе котораго, нѣсколько заброшенное въ промежутокъ между 1875 и 1900 годомъ, снова сильно оживилось въ послѣднее время.

Но, если границы и строй индо-европейскаго языка уже опредѣлены даннымъ въ настоящее время состояніемъ извѣстныхъ намъ памятниковъ, то съ другой стороны мы только еще начинаемъ изслѣдовать развитіе каждаго діалекта во всей его полнотѣ, опредѣлять подробности историческихъ вліяній, сводить факты къ общимъ принципамъ и опредѣлять ихъ причины.

И такъ какъ исторія отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ уже не представляется намъ, какъ упадокъ, и такъ какъ новообразованія, свойственныя каждому отдѣльному языку, оказываются настолько же или даже болѣе важными, чѣмъ то, что онъ утратилъ, — уже недостаточно, описавъ индо-европейскую систему, отмѣтить то, что сталось съ каждымъ элементомъ этой системы на почвѣ даннаго языка: каждый языкъ въ каждый моментъ своей исторіи представляетъ оригинальную систему, которую въ ея цѣломъ необходимо описать и объяснить въ ея возникновеніи. Сравнительная грамматика должна показать, какими путями индо-европейская система на почвѣ каждаго отдѣльнаго языка превратилась въ новую систему; и мы можемъ составить представленіе объ оригинальности этихъ системъ, только слѣдя за ея развитіемъ отъ начала исторической эпохи, наблюдая въ живыхъ нарѣчіяхъ тонкія подробности живого говора и такимъ образомъ освѣщая неясныя стороны фактовъ, засвидѣтельствованныхъ письменными памятниками прошлаго. Не говоря уже о языкахъ извѣстныхъ только въ новѣйшее время, какъ языкъ албанскій, исторію котораго позволили намѣтить только личныя наблюденія Г. Мейера и затѣмъ Педерсена, здѣсь нужно указать хорошія работы Ф. де Соссюра въ области литовскаго языка: такъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ IV томѣ Indogermanische Forschungen Ф. де Соссюръ показалъ на одномъ примѣрѣ, сколько предварительной критики нужно для того, чтобы дать толкованіе одной формы, взятой изъ древняго текста; своими изслѣдованіями литовскаго ударенія онъ показалъ, насколько необходимо наблюдать живые говоры, и въ то же время выяснилъ невозможность объяснить что-либо, не устанавливая теоріи, обнимающей всѣ факты.

Съ теченіемъ времени индо-европейскіе языки стали все менѣе и менѣе походить другъ на друга; это произошло отчасти отъ ихъ независимаго развитія; но также и отъ различія историческихъ вліяній, которыя они на себѣ испытывали. И, съ другой стороны, такъ какъ многіе изъ индо-европейскихъ языковъ подвергались общимъ вліяніямъ, то они представляютъ черты сходства, не объясняемыя общею исходною точкою: со времени распространенія христіанства и греко-римской цивилизаціи всѣ европейскіе языки обла-

дают большимъ количествомъ общихъ чертъ въ словарѣ и въ значеніи словъ: поэтому легче изучить новый западно-европейскій языкъ, нежели какой-нибудь древній или восточный. Понемногу выясняются многочисленныя и сложныя взаимныя вліянія языковъ другъ на друга, вызванныя историческими событіями; и мы все яснѣе и яснѣе понимаемъ, какъ далеки мы отъ дѣйствительности, когда ищемъ объясненій фактовъ даннаго нарѣчія, предполагая, что это нарѣчіе является результатомъ непрерывной передачи индо-европейскаго языка черезъ цѣлый рядъ поколѣній вплоть до исторической эпохи. Установленіе мелкой сѣти мѣстныхъ фактовъ въ лингвистическихъ атласахъ и особенно въ лингвистическомъ атласѣ французскихъ говоровъ Gilliéron'a и Edmont'a доказываетъ, что вліяніе нѣкоторыхъ центральныхъ говоровъ, и особенно общихъ языковъ, — громадно; теперь уже нельзя a priori предполагать самостоятельность развитія мѣстныхъ говоровъ, и роль заимствованія оказывается гораздо значительнѣе, чѣмъ раньше предполагали. Необходимо точно опредѣлять условія, въ которыхъ передается каждое отдѣльное слово, каждая форма.

Фонетическія и морфологическія измѣненія, наблюдаемыя въ каждомъ языкѣ, являются лишь частными фактами, хотя они и происходятъ въ рѣчи неограниченнаго числа лицъ. Но мы наблюдали до настоящаго времени большое число этихъ частныхъ фактовъ въ теченіе уже долгой исторіи различныхъ языковъ отъ индо-европейской эпохи до нашихъ дней; рядомъ со сравнительной грамматикой индо-европейскихъ языковъ создались и другія для языковъ семитскихъ, угро-финскихъ, малайско-полинезійскихъ, берберскихъ, банту и т. д. Такимы образомъ мы располагаемъ обширнымъ собраніемъ фактовъ, и можемъ приступить къ изученію общихъ условій развитія языка: книга Grammont La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues romanes (1895) представляетъ первый опытъ изслѣдованія въ этомъ направленіи. Въ 1891 въ своемъ сочиненіи Les modifications phonétiques du language étudiées dans le patois d'une famille de Cellefrouin Rousselot впервые на основаніи точныхъ наблюденій изложилъ, какимъ образомъ возникаютъ фонетическія измѣненія. Благодаря все болѣе и болѣе точному знакомству

съ физіологіей артикуляціонныхъ движеній, благодаря точности, которой достигаютъ пріемы экспериментальной фонетики (Rosapelly, Piping, Rousselot, Scripture и др.), строгое толкованіе историческихъ фактовъ уже оказывается возможнымъ. Изучается нервная система, ея строеніе и функціи, психологія теряетъ свой отвлеченный характеръ и устанавливаетъ положительныые факты, а Вундтъ прилагаетъ ея результаты къ языкознанію; такимъ образомъ вскорѣ уже нельзя будетъ ссылаться на явленія психической ассоціаціи безъ опредѣленныхъ принциповъ, лишь бы избѣжать затрудненій въ случаяхъ неподдающихся другому объясненію, какъ это дѣлалось долгое время, и уже недалеко то время, когда и здѣсь будутъ установлены опредѣленныя правила.

Наконецъ, систематически начинаютъ изучаться и выясняться условія существованія и развитія обществъ; а языкъ, представляющій изъ себя въ высокой степени соціальное явленіе, не можетъ быть понятъ, если не будетъ обращено вниманіе на его соціальный характеръ. Даже опредѣленіе фонетическаго закона, какъ мы видѣли, не можетъ быть дано безъ предположенія измѣненій общихъ цѣлой общественной группѣ. Измѣненіе значенія словъ по большей части является результатомъ перехода словъ отъ одной соціальной группы къ другой.

Лингвистика, бывшая въ началѣ XIX в. частью общей грамматики, начинаетъ устанавливать общіе принципы, которые одни только и могутъ быть дѣйствительнымъ объектомъ науки; научное языкознаніе долго отождествлялось съ историческимъ языкознаніемъ; исторія языковъ въ настоящее время уже настолько изучена, что бросаетъ новый свѣтъ на необходимость изслѣдованій общихъ принциповъ; но, между тѣмъ какъ старая общая грамматика опиралась на логику и старалась объяснить a priori первоначальныя явленія предполагаемаго органическаго періода языка, современное языкознаніе опирается на изслѣдованіе явленій прошедшаго и настоящаго и старается выяснить не то, какимъ образомъ создался языкъ и какъ впервые возникли грамматическія формы, но имѣетъ одну только задачу опредѣлить, въ какихъ условіяхъ и по какимъ законамъ — либо ограниченнымъ мѣстомъ и временемъ, либо дѣйствующимъ постоянно и повсюду — наблюдаемыя явленія связаны между собою и слѣдуютъ другъ за другомъ.

II.

Библіографическія указанія.

Указывая здѣсь главнѣйшіе труды, къ которымъ читатель могъ бы обратиться для пополненія и провѣрки свѣдѣній, сообщенныхъ въ нашей книгѣ, мы намѣренно опустили работы, появившіяся раньше послѣдней четверти XIX вѣка, такъ какъ всѣ онѣ въ настоящее время имѣютъ только историческій интересъ, каковы напр. популяризаціи Макса Мюллера; конечно, опущены также и работы, хотя и болѣе новыя, но такія, авторы которыхъ не примѣняютъ строго научнаго метода, какъ напр. работы P. Regnaud или Trombetti. Входить въ подробности было невозможно, и потому здѣсь отмѣчены только самые новые труды общаго характера, особенно тѣ, которые появились съ 1890 года: имена такихъ ученыхъ, какъ Фортунатовъ, Бодуэнъ-де-Куртенъ, L. Havet, Остгофъ, Циммеръ, Bloomfield, Solmsen, Zupitza не нашли здѣсь мѣста только потому, что они не писали руководствъ и не редактировали журналовъ.

Упомянутыя здѣсь книги содержатъ болѣе или менѣе обширныя библіографическія указанія, которыя помогутъ каждому легко отыскать спеціальныя работы по каждому отдѣльному вопросу. Гораздо многочисленнѣе указанія на работы написанныя по-французски, такъ какъ онѣ болѣе доступны большинству читателей; но желающему серьезно изучать сравнительную грамматику необходимо знаніе нѣмецкаго языка.

1. Общіе вопросы.

H. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte 4. Aufl. Halle 1909 (сводъ принциповъ, руководившихъ лингвистическимъ движеніемъ послѣдней четверти XIX вѣка).

Wundt, Völkerpsychologie I томъ (въ двухъ книгахъ) Die Sprache, Leipzig 1900 (2-ое изданіе съ измѣненіями 1904); съ критикою Delbrück'a Grundfragen der Sprachforschung, Strassburg 1901, и съ отвѣтомъ Wundt'a Sprachgeschichte und Sprachpsychologie, Leipzig 1901; см. также нѣсколько замѣчаній въ Année sociologique Durkheim'a 5. годъ (Paris 1902) p. 595 и главу Langue въ слѣдующихъ годахъ того же собранія. [Д. Кудрявскій, Психологія и языкознаніе (По поводу новѣйшихъ работъ Вундта и Дельбрюка). Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесности И. Акад. Наукъ, т. IX (1904) кн. 2 стр. 177—256. Отдѣльно: Юрьевъ 1905.]; см. также L. Sütterlin, Das Wesen der sprachlichen Gebilde, Heidelberg 1902, и Jan von Rozwadowski, Wortbildung und Wortbedeutung, Heidelberg 1904.

J. van Ginneken, Principes de linguistique psychologique, Paris 1907 (замѣчательно по точнымъ лингвистическимъ знаніямъ автора).

Charles Albert Sechehaye, Programme et Méthodes de la Linguistique théorique, Psychologie du langage, Paris 1908.

Rousselot, Les modifications phonétiques du language étudiées dans le patois d'une famille de Cellefrouin, Paris 1892 (важно для изученія фонетическихъ измѣненій).

Jespersen, Progress in language, London. 1894.

V. Henry, Antinomies linguistiques, Paris 1896 (прекрасное опроверженіе нѣкоторыхъ весьма распространенныхъ заблужденій).

M. Bréal, Essai de sémantique, 3-e ed., Paris 1904.

Wechssler, Giebt es Lautgesetze? Halle 1900, отдѣльный оттискъ изъ Festgabe für H. Suchier (лучшее изложеніе вопросовъ, связанныхъ съ фонетическими законами; съ библіографіей).

H. Oertel, Lectures on the study of language, New-York and London 1901 (поверхностно и часто ненадежно).

W. Meyer-Lübke, Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft, 2. Aufl., Heidelberg 1909 (цѣнныя общія замѣчанія относительно явленій романскихъ языковъ).

Mélanges linguistiques offerts à M. A. Meillet par Barbelenet, Dottin, Gauthiot, Grammont, Laronde, Niedermann, Vendryes, Paris 1902 (сборникъ статей, большинство изъ которыхъ касается общихъ вопросовъ).

Mélanges de Linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure, Paris 1908 (то же замѣчаніе).

Tucker, Introduction to the natural history of language, London 1908 (несамостоятельно, но даетъ общее представленіе).

A. Dauzat, Essai de méthodologie linguistique dans le domaine des langues et des patois romans, Paris 1906 (ясное изложеніе, но довольно поверхностное и общее).

Sweet, History of Language 1901 (популяризація).

Въ области фонетики слѣдующія книги могутъ дать представленіе о различныхъ теченіяхъ ея:

E. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 5. Aufl., Leipzig 1901.

P. Passy, Etude sur les changements phonétiques, Paris 1890.

O. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik, Leipzig 1904 (сокращенное нѣмецкое изданіе болѣе обширнаго труда, написаннаго по-датски) и Phonetische Grundfragen, Leipzig 1904.

Rousselot, Principes de phonétique expérimentale, Paris 1897—1909 (два тома; много мѣста занимаетъ изложеніе собственныхъ опытовъ и наблюденій автора).

E. Wheeler Scripture, The elements of experimental phonetics, New-York and London 1902 (сводъ тѣхъ свѣдѣній, которыя долженъ имѣть лингвистъ по физикѣ, анатоміи и физіологіи).

H. Gutzmann, Physiologie der Stimme und Sprache, Braunschweig 1909.

L. Roudet, Eléments de phonétique générale, Paris 1910.

[На русскомъ языкѣ:

Общее языковѣдѣніе. Лекціи Александра И. Томсона. Со многими рисунками въ текстѣ, 2-ое изданіе,

Одесса 1910 (обстоятельно изложена общая фонетика съ описаніемъ пріемовъ и приборовъ экспериментальнаго изслѣдованія).

В. А. Богородицкій, Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными. Съ чертежами и 15 таблицами рисунковъ въ краскахъ. Казань 1909.

В. А. Богородицкій. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Изд. 3-ье исправленное и значительно дополненное. Казань. 1910.

В. Поржезинскій. Введеніе въ языковѣдѣніе. 2-ое изд. Москва 1910.]

2. Общая сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ.

Есть только одно изложеніе, представляющее современное состояніе нашихъ знаній въ области сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ въ полномъ объемѣ:

K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1-ый томъ, Einleitung und Lautlehre, 2-ое изданіе 1897 г.; 2-ой томъ, посвященный морфологіи, 1888—1892 (2-ое изданіе, измѣненное и дополненное, выходитъ въ настоящее время: 1-ая часть, 1907 г., 2-ая часть, 1-ый выпускъ, 1909 г.) написаны Бругманомъ, — 3-ій, 4-ый и 5-ый томы, посвященные синтаксису (1893—1900 г.) принадлежатъ Дельбрюку.

K. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg 1902—1904, основывается на только что упомянутомъ большомъ трудѣ; она значительно короче, и тамъ изучаются въ подробностяхъ только наиболѣе извѣстные языки: санскритъ, греческій, латинскій, германскій и славянскій. Французскій переводъ озаглавленъ Abrégé de grammaire comparée, traduit par J. Bloch, A. Cuny et A. Ernout, sous la direction de A. Meillet et R. Gauthiot, Paris 1905.

Эти сочиненія содержатъ безконечное множество правильныхъ научныхъ положеній и сообщаютъ вполнѣ надежные факты.

Элементарныя руководства, которыми можно пользоваться, слѣдующія:

V. Henry, Précis de grammaire comparée du grec et du latin, 6-ое изданіе (воспроизводящее почти безъ измѣненій, 5-ое изданіе 1894 года), Paris 1908 (краткое изложеніе общей сравнительной грамматики въ примѣненіи къ греческому и латинскому языкамъ; единственное хорошее руководство общей сравнительной грамматики, существовавшее на французскомъ языкѣ до перевода „Краткой сравнительной грамматики“ Бругмана).

Meringer, Indogermanische Sprachwissenschaft, Leipzig, Sammlung Göschen, 3-е изданіе 1903 г. (очень кратко, популяризація).

Giles, A short manual of comparative philology for classical students, London 1901; нѣмецкій переводъ, Leipzig 1896.

Riemann et Goelzer, Grammaire comparée du grec et du latin, 2 тома, Paris 1897—1901 (просто параллельная грамматика греческаго и латинскаго языковъ; свѣдѣнія по сравнительной грамматикѣ — изъ вторыхъ рукъ и часто ошибочны).

Jos. Schrijnen, Inleiding tot de studie der vergelijkende indogermanische taalwetenschap, Leiden 1905 (мало самостоятельно; обширная, но несистематическая библіографія).

Существуетъ единственный этимологическій словарь всѣхъ индо-европейскихъ языковъ:

A. Fick, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen 1-й томъ, 4-е изданіе, Göttingen 1890 (книга цѣнная и оригинальная, но слишкомъ сухая и неудобная по группировкѣ матеріала; ею можно пользоваться только съ критикою, такъ какъ она содержитъ рядъ ошибокъ въ приводимыхъ словахъ, и авторъ не всегда достаточно строго соблюдаетъ фонетическія правила).

Слѣдуетъ указать также:

O. Schrader, Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg 1901 (удобный сводъ того, что мы знаемъ объ именахъ животныхъ, утвари, учрежденій и т. д.; не всегда надеженъ какъ съ точки зрѣнія лингвистики, такъ и съ точки зрѣнія археологіи).

Чтобы подготовить себя къ усвоенію сравнительной грамматики, можно обратиться къ слѣдующимъ книгамъ:

B. Delbrück, Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen, 5-е изданіе, Leipzig 1908 (интересно для исторіи сравнительной грамматики). [Есть русскій переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія, въ видѣ вступленія къ книгѣ проф. С. К. Булича, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I, съ приложеніемъ Веденія въ изученіе языка, Б. Дельбрюка, Спб. 1904.]

Fr. Bechtel, Die Hauptprobleme der indogermanischen Lautlehre seit Schleicher, Göttingen, 1892 (интересно для исторіи сравнительной грамматики).

S. Reinach, L'origine des Aryens, Paris 1892.

H. d'Arbois de Jubainville, Les premiers habitants de l'Europe, 2 изданіе, 2 тома, Paris 1889—1894).

P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen 1896 (интересенъ разборъ многихъ общихъ вопросовъ въ первой части книги).

V. Thomsen, Sprogvidenskabens historie, Kopenhagen 1902 (изложеніе всей исторіи языкознанія, исполненное со свойственной автору широтой взгляда и опредѣленностью).

Ratzel, Geographische Prüfung der Thatsachen über den Ursprung der Völker Europas (Berichte der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, phil.-hist. Cl., 1900, стр. 25 и слл.)

M. Much, Die Heimath der Indogermanen im Lichte der urgeschichtlichen Forschung, 2-ое изданіе, Berlin 1904.

E. de Michelis, L'origine degli Indo-Europei, Turin 1903.

H. Hirt, Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur, Strassburg 1905—1907 (легко читается, интересно, сообщаетъ точныя свѣдѣнія).

Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte, 3-е изданіе, Jena, 1907.

Feist, Europa im Lichte der Vorgeschichte, Berlin 1910 (на высотѣ современнаго знанія).

Наконецъ, слѣдуетъ указать нѣсколько работъ по спеціальнымъ вопросамъ, касающимся однако многихъ общихъ вопросовъ:

F. de Saussure, Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes, Leipzig 1879, перепечатка: Paris 1887 (изложеніе основныхъ принциповъ индо-европейскаго вокализма; хотя и старый, но капитальный трудъ, который стоитъ изучить).

H. Hübschmann, Das indogermanische Vokalsystem, Strassburg 1885.

Joh. Schmidt, Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, Weimar 1889 (самостоятельно, обильный матеріалъ).

H. Hirt, Der indogermanische Akzent, Strassburg 1895 (ненужныя и недоказуемыя гипотезы, но ясное изложеніе, богатство идей, обиліе новыхъ сопоставленій и и интересныхъ предположеній и совершенно правильныя общія представленія о развитіи языковъ).

H. Hirt, Der indogermanische Ablaut, Strassburg 1900 (тѣ же замѣчанія).

M. Grammont, La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues romanes, Dijon 1895.

Dottin, Les désinences verbales en r en sanskrit, en italique et en celtique, Rennes 1896.

Audouin, De la déclinaison dans les langues indo-européennes, Paris 1898.

A. Meillet, Les dialectes indo-européens, Paris 1908 (первый томъ Collection linguistique, издаваемой фирмою Champion при содѣйствіи Société de linguistique de Paris).

Много нѣмецкихъ періодическихъ изданій спеціально посвящены сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ:

Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1852 и слл., сначала Berlin, потомъ Gütersloh, основанъ Ad. Kuhn'омъ (откуда названіе „журналъ Куна“, Kuhn's Zeitschrift, сокращенно K. Z.), затѣмъ подъ редакціей E. Kuhn'a и Joh. Schmidt'a и наконецъ подъ редакціей E. Kuhn'a и W. Schulze. — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, Göttingen 1877 и слл., основанъ Ad. Bezzenberger'омъ (откуда названіе Bezzenberger's

Beiträge, сокращенно B. B.), затѣмъ подъ редакціею Bezzenberger'a и Prellwitz'a, появлялся до XXX тома, а потомъ соединился съ предшествующимъ журналомъ; оба журнала подъ редакціею A. Bezzenberger'a, E. Kuhn'a и W. Schulze появляются съ 1907 года въ Göttingen'ѣ подъ названіемъ перваго изъ нихъ (K. Z.), сохраняя его нумерацію томовъ (K. Z. 41 ff.).

Indogermanische Forschungen (сокращенно I. F.), Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde, основанъ и редактируется K. Brugmann'омъ и W. Streitberg'омъ, Strassburg 1892 и сл.; вышло 27 томовъ, 28-ой томъ (1-ый вып.) помѣченъ 1911 годомъ.

Glotta, Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache, основанъ и редактируется Kretschmer'омъ и Skutsch'емъ, выходитъ съ 1907 года, появилось 2 тома и одна тетрадь третьяго.

Wörter und Sachen, подъ редакціей R. Meringer'a, W. Meyer-Lübke, J. J. Mikkola, R. Much, M. Murko (первый томъ, Heidelberg 1909).

Эти важные журналы содержатъ также нѣсколько статей на англійскомъ и французскомъ языкахъ. Большинство французскихъ статей по сравнительной грамматикѣ появляется въ журналѣ:

Mémoires de la Société de linguistique de Paris (секретарь — M. Bréal), Paris 1868 и слл. (сокращенно M. S. L.); въ настоящее время выходитъ XVI томъ (Bulletin общества, выходящій только для членовъ общества, содержитъ отчеты о засѣданіяхъ, начиная съ 1907 года).

Нѣкоторыя англійскія работы помѣщены въ журналахъ:

The American Journal of Philology, Baltimore 1880 и слл. и Classical philology, Chicago 1906 и слл.

Итальянскія работы въ

Supplementi periodici основаннаго Ascoli Archivio glottologico.

Библіографія литературы сравнительной грамматики сводится въ журналѣ:

Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde, издаваемомъ Streitberg'омъ, какъ приложеніе (отдѣльно въ продажу не поступающее) къ указанному выше журналу Indogermanische Forschungen

(полный указатель всѣхъ появившихся за годъ работъ по всѣмъ древнимъ индо-европейскимъ языкамъ; 27-ой томъ содержитъ библіографію 1907 года; сокращенно I. F. Anz.).

Orientalische Bibliographie въ настоящее время подъ редакціею L. Scherman'a, Berlin 1887 и слл. (только работы, касающіяся общей сравнительной грамматики и группъ индо-иранской и армянской, но всегда au courant).

Критическіе журналы, именно Revue critique во Франціи, Litterarisches Zentralblatt и Deutsche Literaturzeitung въ Германіи сообщаютъ о появленіи и разбираютъ въ общихъ чертахъ главнѣйшіе труды по сравнительной грамматикѣ вскорѣ послѣ ихъ появленія.

3. Сравнительная грамматика отдѣльныхъ языковъ.

Здѣсь будутъ указаны только работы, касающіяся спеціально сравнительной грамматики. Грамматики, чисто описательныя, какъ превосходная грамматика Уитнея (Whitney), или какъ весьма полезная книга того же автора о санскритскихъ глагольныхъ корняхъ, или какъ большая грамматика пракритскихъ нарѣчій Пишеля (въ Grundriss der indoarischen Philologie, который долженъ дать общую картину всей индійской филологіи) или какъ работа Франке (Franke) по средне-индійскому (Pali und Sanskrit, Strassburg 1902), не будутъ здѣсь упомянуты.

A. Индо-иранскіе языки.

a. Санскритъ.

J. Wackernagel, Altindische Grammatik, I. Lautlehre, 1896— II, 1 Einleitung zur Wortlehre, Nominalkomposition, 1905; Göttingen (прекрасная книга, съ подродной библіографіей по каждому вопросу; окончаніе морфологіи, къ сожалѣнію, еще не появилось).

Thumb, Handbuch des Sanskrit, I, Grammatik, Heidelberg 1905.

A. A. Macdonell, Vedic Grammar, Strassburg 1910.

Uhlenbeck, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache, Amsterdam, 1898 (можно рекомендовать; очень краткое изложеніе, безъ библіографическихъ указаній). — Etymologisches Wör-

terbuch der Sanskrit-Sprache von Ernst und Julius Leumann, Leipzig 1907 (появились только первыя буквы).

b. Иранскіе языки.

Grundriss der iranischen Philologie, подъ редакціей Geiger'a и E. Kuhn'a, Strassburg, 1-ый томъ 1895—1901 (этотъ первый томъ даетъ полное изложеніе развитія иранскихъ діалектовъ отъ индо-европейскаго періода до настоящаго времени; всю иранскую сравнительную грамматику съ рѣдкою основательностью излагаетъ здѣсь Bartholomae).

Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg 1904 (полный словарь древне-иранскихъ діалектовъ, съ общими указаніями на этимологію; надолго будетъ служить основаніемъ для дальнѣйшихъ разысканій); дополненія къ нему въ приложеніи къ XIX т. Indogerm. Forsch., Zum altiranischen Wörterbuch, Strassburg 1906.

Hans Reichelt, Avestisches Elementarbuch, Heidelberg 1909.

P. Horn, Grundriss der neupersischen Etymologie, Strassburg 1893, съ критикой Hübschmann'a, Persische Studien, Strassburg 1895, гдѣ можно найти прекрасную историческую фонетику персидскаго языка.

B. Греческій языкъ.

G. Meyer, Griechische Grammatik, 3-е изданіе, Leipzig 1896 (только фонетика и морфологія; немного устарѣло, но собраніе фактовъ все еще цѣнное).

K. Brugmann, Griechische Grammatik, 3-е изданіе, München 1900; составляетъ часть Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft Iwan'a von Müller'a (это 3-е изданіе значительно дополнено; самое лучшее, полное и систематическое изложеніе сравнительной грамматики отдѣльнаго индо-европейскаго языка).

H. Hirt, Griechische Laut- und Formenlehre, Heidelberg 1902 (ясное и интересное изложеніе, но часто сомнительныя толкованія).

Kühner, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, 3-е изданіе, Hannover, I-ая часть редактирована Blass'омъ, 2 тома, 1890—1892 (хорошее описаніе греческой морфологіи, но указанія по сравнительной грамматикѣ лишены всякаго значенія); 2-ая часть, подъ редакціей Gerth'a

1 томъ, 1898, 2-ой т. 1904 (синтаксисъ, безъ всякаго сравнительнаго элемента).

R. Wagner, Griechische Grammatik (въ Grundzüge der klassischen Philologie, Bd. II, 1. Abt.), Stuttgart 1908 (простой рефератъ; много фактическаго матеріала въ удобномъ расположеніи).

Otto Hoffmann, Die griechischen Dialekte, Göttingen, появились три тома, 1891—1898.

C. D. Buck, Introduction to the Study of the greek Dialects, Grammar, selected Inscriptions, Glossary, Boston 1910.

Albert Thumb, Handbuch der griechischen Dialecte, Heidelberg 1909.

Albert Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter der Hellenismus, Strassburg 1901.

G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 5-ое изданіе, Leipzig 1879 (устарѣло, но еще можетъ быть полезно).

Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, 2-ое изданіе, Göttingen 1905 (пользоваться можно только съ критикой; второе изданіе значительно лучше).

Leo Meyer, Handbuch der griechischen Etymologie, Leipzig, 4 тома, 1901 и слл. (неудачно; несмотря на недавнее появленіе, отражаетъ состояніе науки тридцать лѣтъ тому назадъ).

Émile Boisacq, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Paris и Heidelberg 1907 и слл. (богатая библіографія; вышло пять выпусковъ).

J. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, Paris 1904 (хорошая начальная книга, съ данными по сравнительной грамматикѣ).

Cuny, Le nombre duel en grec, Paris 1906 (хорошій образецъ историко-сравнительной монографіи).

C. Италійскіе языки.

a. Латинскій языкъ.

F. Stolz, Historische Grammatik der lateinischen Sprache, I, Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre, Leipzig 1894. Продолженіе этой работы было поручено раз-

личнымъ ученымъ; томъ III, 1, не сравнительнаго характера, появился въ 1903 году.

F. Stolz и Schmalz, Lateinische Grammatik, 4-е изданіе, München 1910; составляетъ часть Handbuch'a I. von Müller'a (объ книги Stolz'a имѣютъ много библіографическихъ указаній и содержатъ богатый матеріалъ; синтаксисъ Handbuch'a, составленный Schmalz'емъ, не сравнительнаго характера).

Lindsay, The latin language, Oxford 1894; въ нѣмецкомъ переводѣ (пересмотрѣнномъ, исправленномъ и дополненномъ), Die lateinische Sprache, переводъ Nohl'a, Leipzig 1897 (хорошее изложеніе, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія латинскаго языка, безъ синтаксиса).

F. Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, Heidelberg 1902 (ясное и точное изложеніе, вполнѣ на уровнѣ современныхъ знаній, и въ то же время оригинально; безъ библіографіи и безъ синтаксиса).

M. Niedermann, Précis de phonétique historique de latin, Paris 1906; нѣмецкая переработка (съ дополненіями) Ed. Hermann'a Historische Lautlehre des Lateinischen, Heidelberg 1907 (просто, ясно и надежно). Русскій переводъ: Историческая фонетика латинскаго языка, переводъ съ нѣмецкаго А. Грушки, Москва 1910.

Stolz, Geschichte der lateinischen Sprache, Leipzig 1911 (кратко).

A. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, второе изданіе, Heidelberg 1910 (богатый матеріалъ и много указаній литературы; на уровнѣ современныхъ знаній).

Thesaurus linguae latinae, Leipzig 1900 ff. (вышли два тома; выходитъ буква C; монументальный словарь латинскаго языка, съ цѣнными и точными, но нѣсколько краткими указаніями Thurneysen'a по этимологіи).

L. Job, Le présent et ses dérivés dans la conjugaison latine, Paris 1893.

J. Vendryes, Recherches sur l'histoire et les effets de l'intensité initial en latin, Paris 1902 (разборъ частнаго вопроса, имѣющаго однако доминирующее значеніе въ исторіи латинскаго языка).

A. Meillet, De quelques innovations de la déclinaison latine, Paris 1906.

A. Ernout, Les éléments dialectaux du vocabulaire latin, Paris 1909.

b. Осско-умбрскія нарѣчія.

R. von Planta, Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, 2 тома, Strassburg 1892—1897 (книга фундаментальная).

R. S. Conway, The italic dialects, 2 тома, Cambridge, 1897 (удачно дополняетъ предыдущую книгу во многихъ отношеніяхъ).

C. D. Buck, A grammar of Oscan and Umbrian, Boston 1904 (существуетъ также въ нѣмецкомъ сокращеніи, Heidelberg 1905; очень удобная книга, ясное изложеніе).

D. Кельтскіе языки.

W. Stokes и A. Bezzenberger, Wortschatz der keltischen Einheit, Urkeltischer Sprachschatz, Göttingen 1894; составляетъ вторую часть четвертаго изданія указаннаго выше словаря Фика, Vergleichendes Wörterbuch (сочиненіе важное, но пользоваться можно лишь съ нѣкоторой критикой).

Macbain, An etymological glossary of the gaelic language, Inverness 1896.

V. Henry, Lexique étymologique des termes les plus usuels du breton moderne, Rennes 1900.

H. d'Arbois de Jubainville, Eléments de la grammaire celtique, déclinaison, conjugaison, Paris 1903 (простое и ясное изложеніе).

G. Dottin, Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité celtique, Paris 1906 (стр. 53—109, о галльскомъ языкѣ).

H. Pedersen, Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, Göttingen 1908—1909 (I томъ: Einleitung und Lautlehre).

R. Thurneysen, Handbuch des Alt-irischen, Grammatik, Texte und Wörterbuch, I-ая часть: Grammatik, Heidelberg 1909.

J. Vendryes, Grammaire du vieil irlandais (phonétique, morphologie, syntaxe), Paris 1908.

Журналы: Revue celtique, Annales de Bretagne, Rennes, и Zeitschrift für celtische Philologie сооб-

щаютъ о появленіи работъ по кельтской филологіи, даютъ рецензіи и печатаютъ статьи; кромѣ того слѣдуетъ упомянуть журналъ Ériu, выходящій въ Дублинѣ съ 1904 года.

E. Германскіе языки.

Grundriss der germanischen Philologie, издаваемый H. Paul'емъ, 1-ый томъ, 2-ое изданіе, Strassburg 1901, съ замѣчательной статьею Kluge, Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte и съ очерками отдѣльныхъ германскихъ діалектовъ, составленными Kluge, Noreen, Behaghel, Te Winkel, Siebs.

Noreen, Abriss der urgermanischen Lautlehre, Strassburg 1894 (очень субъективно).

Streitberg, Urgermanische Grammatik (второе изданіе готовится къ печати), Heidelberg 1896 (ясное, точное и систематическое изложеніе).

F. Dieter, Laut- und Formenlehre der altgermanischen Dialekte, Leipzig 1900.

V. Henry, Précis de grammaire comparée de l'anglais et de l'allemand, 2-ое изданіе, Paris 1907.

Loewe, Germanische Sprachwissenschaft, Leipzig 1904 (маленькій томикъ, очень краткое изложеніе, Sammlung Göschen).

Uhlenbeck, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache, 2-ое изданіе, Amsterdam 1900 (удобно и точно). Третье изданіе, подъ редакціей Lidén'a готовится къ печати въ Heidelberg'ѣ.

Sigmund Feist, Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache mit Einschluss des sog. Krimgotischen, Halle 1909.

H. Falk и A. Torp, Wortschatz der germanischen Spracheinheit, Göttingen 1909 (составляетъ 3-ій томъ 4-го изданія Etymologisches Wörterbuch Fick'a).

Fr. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 7-ое изданіе, Strassburg 1909 (превосходная книга, только въ послѣднемъ изданіи авторъ не былъ въ состояніи остаться на высотѣ современнаго состоянія лингвистики).

Jahresbericht über die Erscheinungen auf

dem Gebiete der germanischen Philologie, Leipzig 1880 и слл. (очень хорошіе ежегодные отчеты).

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть два прекрасныхъ собранія грамматикъ древнихъ германскихъ діалектовъ, одно подъ редакціею Braune (издатель Niemeyer, Halle) и другое подъ редакціею Streitberg'a (издатель Winter, Heidelberg), хотя сравнительному элементу здѣсь отводится мало мѣста.

Различныя періодическія изданія по германской филологіи содержатъ много статей по сравнительной грамматикѣ германскихъ языковъ, особенно Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, журналъ, основанный въ 1874 году Paul'емъ и Braune и въ настоящее время редактируемый Sievers'омъ (сокращенно цитируется P. B. B. или P. B. S. B.)

F. Балтійскіе языки.

Berneker, Die preussische Sprache, Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch, Strassburg 1896 (слѣдуетъ пользоваться съ дополненіями по нѣкоторымъ работамъ, особенно Bezzenberger, K. Z. XLI, 65—127).

R. Trautmann, Die altpreussischen Sprachdenkmäler, Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch, Göttingen 1910.

O. Wiedemann, Handbuch der litauischen Sprache, Strassburg 1897 (посредственно, не устраняетъ необходимости прибѣгать къ Litauische Grammatik, Schleicher'a, Prag 1856 и къ Grammatik der litauischen Sprache, Kurschat'a, Halle 1876).

A. Leskien, Der Ablaut der Wurzelsilben im Littauischen въ IX томѣ Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der kgl. sächs. Akad. d. Wiss.; и Die Bildung der Nomina im Littauischen въ XII томѣ тѣхъ же Abhandlungen (двѣ превосходныя работы съ многочисленными библіографическими указаніями).

R. Gauthiot, Le parler de Buividze, Paris 1903 (прекрасный образецъ изученія литовскаго говора съ важными общими замѣчаніями).

G. Славянскіе языки.

A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache, 5-ое изданіе, Weimar 1910 (книга фундаменталь-

ная, но главнымъ образомъ описательнаго характера; 5-ое изданіе съ нѣкоторыми измѣненіями воспроизводитъ второе, 1886 года).

A. Leskien, Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, Heidelberg 1909.

Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, 2 тома, Göttingen 1906—1908 (недостаточно надежный лингвистическій методъ, но au courant современныхъ изслѣдованій).

Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien 1886 (главнымъ образомъ съ точки зрѣнія славянскихъ языковъ; устарѣло).

Erich Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg 1908 ff. (прекрасная книга; появилось 6 выпусковъ).

О. Брокъ, Очеркъ физіологіи славянской рѣчи, С.-Петербургъ 1910. (Энциклопедія Слав. Филологіи, V, 2. Превосходная книга.)

O. Hujer, Slovanské deklinacie jmenna. (Rozpravy Пражской Академіи, III, № 33.) Прага 1910 (на высотѣ современной науки).

Отчеты о главнѣйшихъ работахъ по славянскимъ языкамъ и оригинальныя статьи печатаются главнымъ образомъ въ журналѣ Archiv für slavische Philologie, издаваемомъ Jagić'емъ въ Listy filologické, въ Прагѣ, и въ Извѣствіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ въ Петербургѣ. Критическая библіографія: Rocznik slawistyczny, Краковъ, T. I 1908 (библіографія 1907 года).

H. Албанскій языкъ.

G. Meyer, Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, Strassburg 1891 (съ обширной библіографіей).

G. Meyer, Albanesische Studien, III. Lautlehre der indogermanischen Bestandtheile des Albanesischen, Wien 1892 (изъ Sitzungsberichte Вѣнской Академіи, phil.-hist. Cl., томъ 125). Albanesische Grammatik того же автора не имѣетъ сравнительнаго характера.

J. Армянскій языкъ.

H. Hübschmann, Armenische Grammatik, I Theil, Armenische Etymologie, Leipzig 1895 (образцовый этимологическій словарь; къ сожалѣнію продолженіе грамматики не появилось).

A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne 1903 (краткое изложеніе).

Для современнаго состоянія армянской филологіи см. кромѣ работъ, появившихся послѣ 1903 года, въ особенности статьи Pedersen'a, K. Z. XXXVI—XXXIX и книгу Lidén'a Armenische Studien, Göteborg 1906.

Указатель.

Аблативъ 295.
Авеста 50.
албанскій языкъ 60.
аналогія 28.
анафорическое мѣстоименіе 278.
англо-саксонскій языкъ 57.
аористъ 162, его основа 205.
арійскіе языки 47.
армянскій языкъ 60.
атематическія основы 151.
аттическій діалектъ 51.
Балтійскіе языки 57.
bahuvrîhi 243.
безличный глаголъ 202.
бретонскій говоръ 55.
британскій діалектъ 55.
Ведическій языкъ 48.
верхне-нѣмецкій діалектъ 56.
взрывные звуки 65.
взрывъ 65.
винительный падежъ 290.
возвратное мѣстоименіе 286.
возможныя измѣненія звуковъ 33.
возстановленіе индо-европейскаго языка 36.
вопросительныя предложенія 315.
vrddhi 216.
вторичныя окончанія 187, 204.
Галльскій языкъ 54.
геты 50.
гельскій діалектъ 55.
германскіе діалекты 55.
глаголъ 155.
глагольное предложеніе 302.
гласные звуки 101.
глухіе придыхательные 71.
глухіе согласные 65.
гортанные звуки 66.
готскій языкъ 55.
группы согласныхъ 103.
губные звуки 66.
Дательный падежъ 294.
двойственное число 155.
деноминативные глаголы 176.
deverbativa (verba) 177.
дифтонги 88.
діалектъ 20, 45.
длительное значеніе глагола 163.
долгіе сонанты 99 и сл.
долгій слогъ 104.
дорическіе говоры 52.
древне-англійскій языкъ 57.
древне-персидскій языкъ 49.
древне-прусскій языкъ 57.
древне-славянскій языкъ 58.
дѣйствительный залогъ 203, его окончанія 187.
Единичность лингвистическихъ явленій 18.
Желательное наклоненіе 185.
женскій родъ 156, 237.
Задненебные звуки 66, 74.
заимствованіе 23—24.
законы (фонетическіе) 26.
звательный падежъ 290.
звонкіе согласные 65, 68.
звонкіе придыхательные 69.
зендскій языкъ 7.

зубные звуки 66.
Измѣненіе языка 107.
изъявительное наклоненіе 184.
имена животныхъ и растеній 335.
именительный падежъ 290.
именное предложеніе 302.
имплозія 103.
имя 156.
индо-европейскія племена 63.
индо-европейскія слова 323.
индо-европейскіе языки 34.
индо-иранская группа языковъ 47.
интенсивное удвоеніе см. удвоеніе.
интенсивъ 167.
интонація 80.
инфиксъ 124, — (носовой) 174.
исландскій діалектъ 56.
италійскіе діалекты 53.
Іонический діалектъ 51.
Каузативъ 171.
кельтскіе діалекты 54.
кимрскій говоръ 55.
конецъ слова 112.
корень 121, 123, 143, — двусложный 132, — односложный 144.
корнскій говоръ 55.
краткій слогъ 104.
Лабіо-веларные звуки 73.
латинскій языкъ 53.
латышскіе діалекты 58.
литовскіе діалекты 57.
лицо 156.
Мужескій родъ 156.
музыкальное удареніе 125.
мѣстный падежъ 296.
мягкіе (долгіе гласные) 83.
мягкій двугласный 80.
Названія родства 332.
нарѣчіе 158.
нарѣчіе см. діалектъ.
настоящее время 162; его основа 206, 207; — въ собственномъ смыслѣ 207.
неопредѣленное наклоненіе 236.
непрерывность (языковыхъ измѣненій) 23.
неударяемый слогъ 115.
нижне-нѣмецкій діалектъ 56.
нулевое окончаніе 121.
нулевой суффиксъ 121.
нуль 127.
Обще- (греческій, — славянскій и т. д.) 372.
окончаніе 120, 121, 153.
опредѣлитель (коренной) 145.
основа 120.
осскій языкъ 54.
относительныя придаточныя предложенія 320.
отрицательныя предложенія 315.
Падежи 155.
первичныя окончанія 187, 204.
передне-небные звуки 66.
perfectum 181.
пехлевійскій языкъ 50.
plusquamperfectum 183.
повелительное наклоненіе 193.
повышеніе 115.
повышенный слогъ 115.
подстановка 123.
порядокъ словъ 310.
пракритскія нарѣчія 49.
предлогъ 158.
предложеніе 301.
предложныя приставки 158, 297.
преходящее время (imperfectum) 207.
придаточныя предложенія 317.
придыхательные взрывные звуки 66.
прилагательныя 210, 238.
приращеніе 201, 204.
притяжательныя сложныя слова 243.
причастіе 156, 233 слл.
прошедшее время 201, 204.
Раса 62.
религія 341.
Ригведа 48.
ритмъ 118.
родительный падежъ 292.
родство языковъ 19.
родъ 156.
Санскритъ 48.
семья языковъ 19.
сильные взрывные звуки 65.
склоненіе мѣстоименій 280.
слабые взрывные звуки 65.
славянскіе языки 58.

слово 111, 301.
слогъ 101 сл., 104.
сложеніе основъ 242.
сложная основа 242.
согласные звуки 102.
согласованіе 308.
сонанты 83.
соотвѣтствія 29.
сослагательное наклоненіе 184.
спиранты 74.
сравнительная грамматика 17, 41.
средне-небные звуки 66.
средній залогъ 203, его окончанія 187.
средній родъ 156.
страдательный залогъ 203.
ступени вокализма 127.
суффиксъ 121, 150.
суффиксы вторичные 152.
суффиксы первичные 152.
Твердые долгіе гласные 83.
твердый двугласный 80.
творительный падежъ 295.
тематическія основы.
Удареніе 115.
ударяемый слогъ 115.
удвоеніе 148, — интенсивное 148.
умбрскій языкъ 54.
Части тѣла 346.
частицы 159, 299.
чередованіе гласныхъ 126.
числительныя 350.
число 155.
Эволюція языка 23.
эксплозія 65, 103.
элементъ, предшествующій окончанію 151.
элементъ, предшествующій суффиксу 151.
элидскій говоръ 52.
энклитика 313 сл.
эолійскій языкъ 52.